

СТАВЕН КНОТ | STEPHEN KING

ПОВЕЦ СНОВ

ПОВЕЦ СНОВ

Annotation

Бред странного, безумного человека, ворвавшегося в лагерь четверых охотников, — это лишь первый шаг четверых друзей в мир кошмара, далеко превосходящего человеческое понимание. В мир кромешного Ада, правит которым Зло. Абсолютное Зло, пришедшее, дабы нести людям погибель и страх. Зло, единственное оружие против которого кроется в тайной магии старинного индийского амулета — «Ловца снов».

- [Стивен Кинг](#)
  - [СНАЧАЛА НОВОСТИ](#)
  - [ДДДТ](#)
    -
    - [1988: Даже у Бобра бывает хандра](#)
    - [1993: Пит помогает даме в беде](#)
    - [1998: Генри лечит диванного пациента](#)
    - [2001: Джоунси. Беседа преподавателя со студентом](#)
  - [ЧАСТЬ 1. РАК](#)
    - [Глава 1. МАККАРТИ](#)
    - [Глава 2. БИВ](#)
    - [Глава 3. «СКАУТ» ГЕНРИ](#)
    - [Глава 4. МАККАРТИ ИДЕТ В СОРТИР](#)
    - [Глава 5. ДАДДИТС, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
    - [Глава 6. ДАДДИТС, ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
    - [Глава 7. ДЖОУНСИ И БИВ](#)
    - [Глава 8. РОБЕРТА](#)
    - [Глава 9. ПИТ И БЕККИ](#)
  - [ЧАСТЬ 2. СЕРЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ](#)
    - [Глава 10. КУРЦ И АНДЕРХИЛЛ](#)
    - [Глава 11. ПУТЕШЕСТВИЕ ЭГГМЕНА](#)
    - [Глава 12. ДЖОУНСИ В БОЛЬНИЦЕ](#)
    - [Глава 13. В МАГАЗИНЕ ГОССЛИНА](#)
    - [Глава 14. ПРОДВИЖЕНИЕ НА ЮГ](#)
    - [Глава 15. ГЕНРИ И ОУЭН](#)
    - [Глава 16. ДЕРРИ](#)
    - [Глава 17. ГЕРОИ](#)
  - [ЧАСТЬ 3. КУЭБИН](#)

- [Глава 18. ПОГОНЯ НАЧИНАЕТСЯ](#)
  - [Глава 19. ПОГОНЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ](#)
  - [Глава 20. КОНЕЦ ПОГОНИ](#)
  - [Глава 21. ОПОРА № 12](#)
- [ЭПИЛОГ. ДЕНЬ ТРУДА](#)
- [ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)

- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)

- [72](#)
  - [73](#)
  - [74](#)
  - [75](#)
  - [76](#)
  - [77](#)
  - [78](#)
  - [79](#)
  - [80](#)
  - [81](#)
-

Стивен Кинг
Ловец снов

Сьюзен Молдоу и Нэн Грэм

СНАЧАЛА НОВОСТИ

Из газеты «Ист Орегониен» — от 25 июня 1947 года:

СЛУЖАЩИЙ УПРАВЛЕНИЯ О БОРЬБЕ С ЛЕСНЫМИ
ПОЖАРАМИ ЗАСЕК «ЛЕТАЮЩИЕ БЛЮДЦА»

Кеннет Арнолд утверждает, что видел девять дискообразных
объектов. «Блестящих, серебристых и передвигавшихся с
неслыханной скоростью».

*Сообщение из Росуэлла (Нью-Мексико), «Дейли рекорд» от 8 июля
1947 года:*

ВВС ЗАХВАТИЛИ «ЛЕТАЮЩЕЕ БЛЮДЦЕ» НА РАНЧО В
ОКРУГЕ РОСУЭЛЛ.

СОТРУДНИКИ РАЗВЕДКИ ОБНАРУЖИЛИ
ПОТЕРПЕВШИЙ КРУШЕНИЕ ДИСК.

*Сообщение из Росуэлла (Нью-Мексико), «Дейли рекорд» от 9 июля
1947 года:*

КОМАНДОВАНИЕ ВВС УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ТАК
НАЗЫВАЕМОЕ БЛЮДЦЕ — ОБЫКНОВЕННЫЙ
МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ ЗОНД.

«Чикаго дейли трибьюн» от 1 августа 1947 года:

ВВС США ЗАЯВИЛИ, ЧТО НЕ МОГУТ ДАТЬ
ОБЪЯСНЕНИЕ УВИДЕННОМУ АРНОЛДОМ.

Еще 850 свидетельств очевидцев появления необычных
предметов после первого доклада Арнолда.

*Сообщение из Росуэлла (Нью-Мексико), «Дейли рекордс от 19 октября
1947 года:*

ПО СЛОВАМ РАССЕРЖЕННОГО ФЕРМЕРА, ТАК
НАЗЫВАЕМАЯ КОСМИЧЕСКАЯ ПШЕНИЦА — ПРОСТО
«УТКА».

Эндрю Хоксон отрицает какое-либо воздействие блюдец. Он твердо убежден, что пшеница с красноватым отливом не что иное, как чей-то розыгрыш.

Сообщение из Кентукки, «Куриер джорнел» от 8 января 1948 года:

КАПИТАН ВВС ПОГИБАЕТ В ПОГОНЕ ЗА НЛО.

Последняя передача Ментела: «Металлический, невероятных размеров».

ВВС хранят молчание.

«Брэзилиен нейшнл» от 8 марта 1957 года:

ИНОПЛАНЕТНЫЙ КОРАБЛЬ «КОЛЬЦО» ТЕРПИТ
КРУШЕНИЕ В МАТО-ГРОССО!

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ ЕДВА НЕ ПОГИБЛИ ВБЛИЗИ ПОНТО-
ПОРАН!

«Мы слышали пронзительный писк изнутри», — заявляют
они.

«Брэзилиен нейшнл» от 12 марта 1957 года:

УЖАС МАТО-ГРОССО!

Сообщения о серых человечках с огромными черными
глазами. Ученые отмахиваются. Свидетели настаивают.

ЦЕЛЫЕ ДЕРЕВНИ ОХВАЧЕНЫ УЖАСОМ!

«Оклахомен» от 12 мая 1965 года:

ПОЛИЦЕЙСКИЙ СТРЕЛЯЕТ В НЛО.

По его словам, блюдец возвышалось на сорок футов над
автострадой № 9.

Показания радара авиабазы ВВС в Тинкере совпадают с его
докладом.

«Оклахомен» от 2 июня 1965 года:

«ИНОПЛАНЕТНАЯ РАСТИТЕЛЬНОСТЬ — «УТКА», —
ЗАЯВЛЯЕТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МИНИСТЕРСТВА СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА.

По его словам, «красные семена» — это работа подростков, вооруженных пульверизаторами.

Сообщение из Портленда (штат Мэн), «Пресс-хэролд» от 14 сентября 1965 года:

СЛУЧАЕВ ПОЯВЛЕНИЯ НЛО В НЬЮ-ХЭМПШИРЕ
СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЬШЕ.

Чаще всего НЛО замечены вблизи Экзетера. Местные жители опасаются вторжения инопланетян.

Сообщение из Манчестера (штат Нью-Хэмпшир), «Юнион-Лидер» от 30 сентября 1965 года:

ЭПИДЕМИЯ ПИЩЕВЫХ ОТРАВЛЕНИЙ В ПЛЕЙСТОУ:
ПРИЧИНА ТАК И НЕ РАСКРЫТА.

Более трехсот пострадавших. Большинство выздоравливает. Представитель управления по контролю за продуктами и лекарствами считает, что причиной могут быть загрязненные водные источники.

«Мичиган джорнел» от 9 октября 1965 года:

ДЖЕРАЛД ФОРД ПРИЗЫВАЕТ К РАССЛЕДОВАНИЮ
НЕПОНЯТНОГО ЯВЛЕНИЯ.

Лидер республиканской партии заявляет: «Мичиганские огни» могут иметь внеземное происхождение.

«Лос-Анджелес таймс» от 19 ноября 1978 года:

УЧЕНЫЕ КАЛИФОРНИЙСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА ОТМЕЧАЮТ ПОЯВЛЕНИЕ ГИГАНТСКОГО
ЛЕТАЮЩЕГО ДИСКА В ПУСТЫНЕ МОХАВЕ.

Тикмен: «Я был окружен крохотными яркими огоньками».

Моралес: «Видел красную траву, похожую на «ангельский волос».

«Лос-Анджелес таймс» от 24 ноября 1978 года:

СЛЕДОВАТЕЛИ ПОЛИЦИИ ШТАТА И ВВС НЕ НАШЛИ

НИКАКИХ «АНГЕЛЬСКИХ ВОЛОС» НА МЕСТЕ ПОЯВЛЕНИЯ
НЛО В ПУСТЫНЕ МОХАВЕ.

Тикмен и Моралес соглашаются пройти тест на «детекторе
лжи». Возможность ложных показаний полностью исключена.

«Нью-Йорк таймс» от 16 августа 1980 года:

«ПЛЕННИКИ ИНОПЛАНЕТЯН» ОСТАЮТСЯ ПРИ
СВОЕМ МНЕНИИ.

Психологи сомневаются в достоверности портретов так
называемых серых человечков.

«Уолл-стрит джорнел» от 9 февраля 1985 года:

КАРЛ САГАН: «НЕТ, МЫ НЕ ОДИНОКИ!»

Выдающийся ученый вновь подтверждает свою веру в
существование инопланетных цивилизаций, утверждая, что
шансы на существование иных цивилизаций огромны.

«Финикс сан» от 14 марта 1997 года:

ОГРОМНЫЙ НЛО ЗАМЕЧЕН ВБЛИЗИ ПРЕСКОТТА.
ДЕСЯТКИ ОЧЕВИДЦЕВ ОПИСЫВАЮТ ПРЕДМЕТ В ФОРМЕ
БУМЕРАНГА.

Коммутатор на авиабазе ВВС в Льюке разрывается от
сообщений.

«Финикс сан» от 20 марта 1997 года:

ЗАГАДКА «ОГНЕЙ ФИНИКСА» ПО-ПРЕЖНЕМУ
ОСТАЕТСЯ НЕРЕШЕННОЙ.

Эксперт заявляет, что фото не фальшивка. Следователи ВВС
хранят молчание.

*Сообщение из Полдена (штат Аризона), «Уикли» от 9 апреля 1997
года:*

ЭПИДЕМИЯ ПИЩЕВЫХ ОТРАВЛЕНИЙ НЕ НАХОДИТ
ОБЪЯСНЕНИЯ. РАССКАЗЫ О ПОЯВЛЕНИИ «КРАСНОЙ
ТРАВЫ» ОБЪЯВЛЕНЫ ВЫМЫСЛОМ.

Сообщение из Дерри (штат Мэн), «Дейли ньюс» от 15 мая 2000 года:

ТАИНСТВЕННЫЕ ОГНИ СНОВА ЗАМЕЧЕНЫ НА
Джефферсон-тракт

Мэр Кинео-таун: «Не знаю, что это такое, но они появляются
снова и снова».

ДДДТ

Это стало их девизом, и Джоунси под страхом смерти не мог припомнить, кто из них первым ввел это в обиход. «Берешь чужие в долг на время — отдаешь свои и навсегда» — это его высказывание. «Трахни меня в задницу, Фредди» и еще с полдюжины столь же красочных непристойностей — вклад Бивера. Генри приучил их небрежно бросать: «Все, что возвращается на круги своя, возвращается на круги своя» — типичный образец того дзен-буддистского дерьма, которым он так увлекался еще с детства. А вот ДДДТ... как насчет ДДДТ? Чей светлый ум это родил?

Не важно. Не имеет значения. Главное, что они свято верили второй половине этой аббревиатуры, когда были неразлучной четверкой, а потом и всему целому, когда их стало пятеро, ну а потом... вновь превратившись в четверку, опять поверили, только на этот раз первой половине.

Но когда их опять осталось только четверо, дни стали темнее. Мрачнее, что ли? Теперь все чаще попадались «трахни-меня-в-задницу» дни. Это-то было ясно, но вот почему? Ответа не было. С ними явно творилось что-то неладное, они это знали... Неладное — или странное? Только что? Они ощущали, что пойманы, загнаны в ловушку, но каким образом? И все это случилось задолго до появления огней в небе. До Маккарти и Бекки Шу.

ДДДТ: иногда это всего лишь слова. А иногда кажется, что вообще ничто. Пустота. Тьма. И тогда... как же найти в себе силы жить дальше?

1988: Даже у Бобра бывает хандра

Сказать, что брак Бивера не сложился, — все равно что заявить о ком-то «немножко беременна» или «приземление космического корабля «Челленджер» чуть-чуть не удалось». Джо «Бивер»^[1] Кларендон и Лори Сью Кинопенски вытерпели восемь месяцев, а затем — все, прошла любовь, кто-нибудь помогите собрать чертовы осколки.

Вообще-то Бив, можно сказать, малый веселый и добродушный, это вам подтвердят все его закадычные друзья, но тут его настигла черная полоса. Он не встречается со своими старыми друзьями, то есть теми, кого считает настоящими друзьями, если не считать одной-единственной недели в ноябре, когда они каждый год собираются вместе, а в прошлом ноябре они с Лори Сью все еще тянули лямку. Правда, эта самая лямка становилась все тоньше, но еще держалась. Теперь он проводит слишком много времени, и даже сам это понимает, в барах портлендского Старого порта: «Портхоул», «Сименс-клуб» и «Фри-стрит паб». Чересчур много пьет, тянет косячок за косячком и по утрам все чаще отворачивается от зеркала в ванной: налитые кровью глаза, полуприкрытые набрякшими веками, стыдливо глядят в сторону. И одна-единственная мысль бьется в тяжелой голове: следовало бы бросить все эти забегаловки, иначе влипну, как Пит. Пропади все пропадом...

Бросить забегаловки, бросить шляться, не пить — зашибись! — но день за днем все продолжается по заведенному порядку, и он снова сидит за стойкой, а, поцелуй меня в задницу, и пошло все оно туда и туда!

В этот четверг очередь «Фри-стрит паб», и будь он проклят, если не пристроится там в компании со стаканчиком пивка, косячком в кармане, а из музыкального гроба доносится старая мелодия, вроде тех, что когда-то играли «Вэнчерс». Он не может вспомнить название этой вещи, популярной еще до его рождения. И все же знает ее, потому что часто слушает радио-ретро портлендской станции... с тех пор как развелся. Ретро-шлягеры — штука утешительная. Имеют странное свойство успокаивать. А вот новые хиты... Лори Сью знала великое их множество и даже любила, но до Бивера они как-то не доходили.

«Фри-стрит» почти пуст: не больше полудюжины клиентов за стойкой и еще столько же гоняют бильярдные шары в задней комнате. Бивер с тройкой закадычных приятелей сидят в одной из кабинок, дуют «Миллер»^[2] и тасуют засаленную колоду карт, чтобы бросить жребий, кому

платить за следующую порцию пива. Что это за мелодия со сплошным гитарным перебором? «Без границ»? «Телстар»? Нет, в «Телстар» ритм ведет синтезатор, а тут ничего подобного. Остальные треплются о Джексоне Брауне, игравшем вчера вечером в муниципальном центре. Если верить Джорджу Пелсену, который там был, тот устроил классное шоу, настоящий отпад, сдохнуть можно!

— Но это еще не все! — объявляет Джордж, выразительно озирая собравшихся. — Кое-что припас на закуску!

Он гордо вытягивает и без того выступающий вперед подбородок и показывает красное пятно на шее:

— Знаете, что это такое?

— Засос, что ли? — немного смущенно спрашивает Кент Астор.

— Светлая башка, мать твою! — восклицает Джордж. — После спектакля я торчал за кулисами вместе с целой кодлой фэнов, рвущихся получить автограф Джексона. Или, ну... не знаю, Дэвида Линдли, что ли. Он классный мужик.

Кент и Шон Робидо соглашаются, что Дэвид Линдли настоящий класс, не гитарный бог, разумеется (вот Марк Нопфлер из «Дайр Стрейтс» — тот бог, или Энгус Янг из «АйСи/ДиСи», это да, а уж Клэптон — и говорить нечего), но все равно на уровне. У Линдли потрясная фразировка, да и техника — дай бог каждому!

Бивер не участвует в разговоре. Все, что ему хочется, — поскорее убраться отсюда, из этой вонючей, задрипанной забегаловки, глотнуть свежего воздуха. Он уже знает, к чему клонит Джордж, и все это вранье.

Ее звали вовсе не Шанте, ты вообще не знаешь, как ее звали, она проплыла мимо тебя, как мимо стенки, и поделом, кто ты для такой девушки, еще один трудяга-волосатик из очередного мелкого рабочего городишки Новой Англии. Ты и твоя тоскливая сраная житуха! «Шанте» — название группы, которую мы слушаем, не «Мар-Кетс» или «Бар-Кис», а «Шанте». «Пайплайн» в исполнении «Шанте», а эта штука у тебя на шее — никакой не засос, а порез бритвой.

Так он думает и вдруг слышит плач. Не в баре. В своем мозгу. Давно забытый плач. Ударяет прямо в голову, вонзается в серое вещество осколками стекла, и о, трахни меня в задницу, трахни, Фредди, кто-то должен заставить его замолчать.

Я и заставил, думает Бивер. Это был я. Именно я — тот, кто заткнул его. Обнял и стал петь.

Тем временем Джордж Пелсен расписывает, как дверь гримерной наконец открылась, но оттуда появился не Джексон Браун, не Дэвид

Линдли, нет! Трио хористочек на подпевках, Рэнди, Сьюзи и Шанте. Аппетитные дамочки, аж слюнки текут.

— Везет же! — вздыхает Шон, закатывая глаза. Шон, кругленький коротышка, чьи сексуальные похождения ограничиваются случайными поездками в Бостон, где он пожирает глазами стрипушек в «Фокси леди» и официанток в «Хутерс». — Ни хера себе, Шанте, никак не меньше!

Он с плотоядной улыбкой делает красноречивые пассы над шириной. Похоже, часто работает ручками? Ну да, кто же согласится с ним лечь?

По крайней мере, думает Бив, хоть в этом он выглядит настоящим профессионалом.

— Ну... я заговорил с ними, в основном с ней, Шанте... спросил, хотела бы она познакомиться с ночной жизнью Портленда. Слово за слово, и мы...

Бив вынимает из кармана зубочистку и сует в рот, отсекая дальнейшее повествование. Да, зубочистка — как раз то, что сейчас надо. Не кружка пива, не косячок в кармане, не пустая трепотня Джорджа Пелсена о том, как они с Шанте столковались в кузове его пикапа, благодарение Богу хотя бы за это убежище, когда фургон враскачку, не вздумай лезть в «тачку»!

Все это чушь и бред собачий, думает Бивер, и внезапно тоска стискивает горло, такая отчаянная тоска, которую ему еще не доводилось пережить, даже когда Лори Сью собрала вещички и ушла к родителям. Все это настолько на него не похоже... и вдруг ему смертельно захотелось смыться отсюда к такой-то матери, наполнить легкие прохладным, соленым морским воздухом и найти телефон. И позвонить Джоунси или Генри, не важно кому, любой сгодится. Он хочет сказать: «Привет, старина, как оно ничего?» — и услышать, как один из них ответит: «Да знаешь, Бив, ДДДТ. Нет костяшек, нет игры».

Он встает.

— Эй, парень, — вскидывается Джордж. Бивер ходил с Джорджем в «Уэстбрук джуниор колледж», и там он казался вполне нормальным, но все это было много-много кружек пива назад. — Куда это ты?

— Отлить, — бросает Бивер, перемещая зубочистку с одного угла рта на другой.

— Только тащи поскорее обратно свой вонючий зад, я как раз перехожу к главному, — вещает Джордж, и Бивер думает: «Трусики-«танга» с прорехой в промежности». О черт, сегодня в воздухе так и носятся дурные флюиды, должно быть, к перемене погоды или что-то в этом роде.

Джордж понижает голос:

— Когда я поднял ее юбку...

— Знаю, на ней были трусы-«танга», — отмахивается Бивер и отмечает удивленный, почти потрясенный взгляд Джорджа, но не обращает внимания. — Я бы не прочь послушать подробности.

Он отходит, направляется в туалет, с желто-розовой вонью мочи и дезинсектанта, минует туалеты, сначала мужской, потом женский, дверь с надписью «офис» и оказывается в переулке. Низко нависшее тусклое, дождливое небо, серый денек, но воздух свеж. Так свеж! Он глубоко втягивает его и снова думает: «Нет костяшек, нет игры»... Бив чуть улыбается.

И шагает неведомо куда минут десять, жуя зубочистку и пытаясь прояснить голову. В какой-то момент, точно уже не припомнить, он выбрасывает косячок, мирно лежавший в кармане, и звонит Генри из платного телефона в «Джо Смоук шоп» у Моньюмент-сквер. Скорее всего он наткнется на автоответчик: Генри еще должен быть в университете, но оказывается, что Генри уже дома и поднимает трубку после второго звонка.

— Как поживаешь, старик? — спрашивает Бивер.

— Да сам знаешь, — отвечает Генри. — День другой, дерьмо все то же... Как насчет тебя, Бив?

Бив закрывает глаза. На какую-то долю секунды все снова в порядке, все снова хорошо, так хорошо, как только может быть в этом сволочном мире.

— Примерно так же, приятель. Примерно так же.

1993: Пит помогает даме в беде

Пит сидит за письменным столом чуть в стороне от демонстрационного зала «Макдоналд моторс» в Брайтоне, задумчиво вертя цепочку с ключами, на которой прицеплен брелок, состоящий из четырех, покрытых голубой эмалью букв: NASA.

Мечты стареют куда быстрее мечтателей, и этот неоспоримый жизненный факт Пит обнаружил с течением лет.

Однако умирают зачастую трудно и долго, вопя тихими скорбными голосами где-то на задворках мозга. Давненько Пит не ночевал в спальне, оклеенной снимками с изображениями космических кораблей «Аполло» и «Сатурн», астронавтов и выходов в космос (работа за бортом КЛА, ежели кто знает), а также космических капсул, с кожухами, закопченными и оплавленными сверхвысокими температурами при входе в плотные слои атмосферы... и лунные модули, и «Вояджеры», и одна фотография блестящего диска над автомагистралью 80: застывшие люди стоят на забитом шоссе у машин, защищая ладонями глаза от нестерпимого света. Подпись под фото гласит:

ОБЪЕКТ, СФОТОГРАФИРОВАННЫЙ ВБЛИЗИ АРВАДЫ,
ШТАТ КОЛОРАДО, В 1971 ГОДУ, И ДО СИХ ПОР
ОСТАВШИЙСЯ НЕОПОЗНАННЫМ. ЭТО НАСТОЯЩЕЕ НЛО.

Как давно это было.

И все же он провел одну неделю из двухнедельного отпуска в Вашингтоне, округ Колумбия, где каждый день ходил в Национальный музей авиации и космонавтики, проводя там все время в блужданиях среди экспонатов с изумленной улыбкой на лице, И подолгу глазел на лунные камни, размышляя: эти камни привезены из места, где небеса всегда черны, а молчание подавляюще и вечно. Нил Армстронг и Базз Олдрин захватили с собой почти двадцать килограммов иного мира, и вот они здесь.

А вот и он, сидит за столом, в день, когда не удалось продать ни одной машины (люди отчего-то не любят покупать машины в дождь, а в Питовой части света еще затемно началась морось), вертит на пальце цепочку NASA и поглядывает на часы. Почему-то в такие дни время просто ползет, а уж по мере приближения к пяти — так и вовсе замирает. Пять — законный час для первой кружечки пивка. До этого — ни-ни, ни единой. Если пьешь с

утра, значит, рано или поздно придется подсчитывать, сколько выпил — верный путь в алкоголики. А вот если еще способен ждать... вертеть цепочку и ждать...

И так же страстно, как первой кружки, Пит ждет ноября. Апрельская поездка в Вашингтон позволила отвести душу, а лунные камни все же сногшибательная штука (стоит только вспомнить, и снова дух захватывает, как в первый раз), но одиночество все же дает о себе знать, и от этого на сердце как-то паршиво. В ноябре он возьмет вторую неделю отпуска и встретится с Генри, Джоунси и Бивом. Вот тогда-то и позволит себе пить днями напролет. Когда ты в лесу, на охоте с друзьями, вполне естественно тянуть пиво с утра до вечера. Это, собственно говоря, традиция. Это...

Дверь открывается и на пороге возникает привлекательная брюнетка. Примерно пять футов десять дюймов (Пит обожает высоких курочек), лет тридцати. Осматривает выставочные модели (новый «тандерберд» цвета темного бургундского — гвоздь сезона, хотя «эксплорер» тоже хоть куда), но с таким видом, словно не слишком заинтересована в покупке. Заметив Питера, она делает шаг к столу. Но тот уже поднимается, уронив ключи на книгу записей, включает ослепительно профессиональную улыбку в двести ватт, не меньше, беби, уж поверь, и устремляется к ней с протянутой рукой. Рукопожатие выходит крепким, деловым, но она явно чем-то расстроена.

— Скорее всего ничего не выйдет, — вздыхает она.

— Никогда не начинайте разговор с продавцом автомобилей с таких обидных слов, — советует Пит. — Мы обожаем вызов. Я — Пит Мур.

— Привет, — говорит она, но не называет своего имени, а зовут ее Триш. — У меня свидание во Фрайбурге, ровно через... — она вскидывает глаза на часы, те, с которых Пит целый день напролет не сводил взгляда, — ...через сорок пять минут. С клиентом, который хочет купить дом, и кажется, у меня есть именно то, что надо, и комиссионные приличные, а... — глаза вдруг наполняются слезами, и ей приходится сглотнуть, чтобы избавиться от непрошеной хрипотцы, — ...а я потеряла ключи от машины! Чертовы ключи от машины!

Она открывает сумочку и судорожно в ней роется.

— Но у меня права... плюс другие документы... все доказательства, и я подумала, а вдруг, вдруг вы сумеете раздобыть мне новые ключи, и я спокойно уеду. Это сделка меня здорово выручила бы. Только с комиссионных можно бы спокойно жить весь год, мистер...

Она забыла. Но Пит не обижается. Мур — фамилия столь же обычная, как Смит или Джоунс. Кроме того, она растеряна и вне себя. Еще бы, ключи потерять, такое несчастье! Он тут всякого навидался.

— Мур. Но я отзываюсь и на Пита.

— Не могли бы вы помочь мне, мистер Мур? Или кто-нибудь из отдела обслуживания?

Старина Джонни Дэймон и рад бы помочь, но уж сегодня ей во Фрайбург точно не поспеть.

— Мы сможем привезти вам новые ключи, но это займет как минимум сутки, а то и двое, — сообщает он.

Она смотрит на него мокрыми, бархатисто-кариими глазами и тоскливо стонет:

— Черт... о черт...

Странная мысль приходит в голову Питу: она похожа на девочку, которую он знал когда-то, давным-давно. Не слишком хорошо, они знали ее не слишком хорошо, но все же настолько, чтобы спасти ей жизнь. И звали ее Джози Ринкенхауэр.

— Я так и думала, — бормочет Триш, не пытаясь больше скрывать рыдания. — О дьявол, я так и думала!

Она отворачивается и начинает плакать, уже не сдерживаясь. Пит подходит сзади и осторожно берет ее за плечо.

— Погодите, Триш. Погодите минуту.

Проклятие, какой промах! Она ведь не назвалась, а он окликнул ее по имени, хотя никто их не знакомил... но может, она слишком убита горем, чтобы это заметить.

— Вы откуда? — спрашивает он. — Я хочу сказать, вы ведь не из Брайтона?

— Нет, — качает она головой. — Наш офис в Уэстбруке. «Деннисон риэл эстейт». Мы те самые, которые с маяком.

Пит кивает, словно что-то понял.

— Я сейчас оттуда, только остановилась у здешней аптеки, купить аспирин, потому что голова всегда раскалывается перед важным свиданием... это стресс, и, Господи, в висках словно молотки стучат.

Пит снова кивает, на этот раз сочувственно. Ему знакомо это ощущение. Правда, чаще всего оно вызвано не стрессом, а избытком пива, но какая разница?

— У меня оставалось еще немного времени, вот я и зашла в магазинчик рядом с аптекой выпить кофе... кофеин, знаете, когда голова болит, кофеин очень помогает...

Пит кивает в третий раз. В их компании главный психолог — Генри, это он настоящий шринк^[3]? но Пит не раз твердил ему, что хороший продавец должен безошибочно читать чужие мысли и видеть человека

насквозь, иначе не то что машину, туалетную бумагу не продашь. И теперь Пит с радостью замечает, что его новая приятельница чуть успокоилась. Вот и хорошо. Кажется, он сумеет помочь ей — если она позволит, конечно. Он уже чувствует, как это случится. Крошечный щелчок, и дверца приоткроется. Ему нравится само ожидание этого щелчка. Ничего особенного, конечно, и неизвестно, чем все кончится. Но так или иначе, а что-то в этом есть.

— Ну и... и забежала к «Ренни», на другой стороне улицы. Купила шарф, из-за дождя... нужно же чем-то...

Она касается волос.

— Потом вернулась к машине, а мои сволочные ключи исчезли! Я немедленно пошла обратно, по магазинам, к аптеке, но, поверите, и след простыл! А теперь я опоздаю к клиенту!

Она снова взвинчена, готова заплакать. Поднимает взгляд на часы. Для него время плетется. Для нее — летит. Вот вам и разница между людьми.

— Успокойтесь, — говорит он. — Возьмите себя в руки и выслушайте меня. Сейчас отправимся к аптеке и поищем ваши ключи.

— Но их там нет! Я обшарила все проходы между стеллажами, обыскала полку, с которой брала аспирин, спросила девушку за прилавком...

— Проверить лишний раз не повредит, — перебивает он и ведет ее к двери, легонько, но решительно подталкивая в спину. Ему нравится запах ее духов, а еще больше — волосы. Именно волосы. И если они так смотрятся в серый денек, как же светятся на солнце?

— Мое свидание...

— У вас еще сорок минут, — говорит Пит. — Когда туристы разъезжаются, до Фрайбурга можно добраться минут за двадцать. Десять минут на поиски ваших ключей, а если ничего не выйдет, я сам вас отвезу.

Она с сомнением косится на него. Но Пит смотрит мимо нее, в одну из клетушек-кабинетов.

— Дик! — окликает он. — Эй, Дики М.!

Дик Макдоналд поднимает голову от россыпи накладных.

— Заверь леди, что я благополучно доставлю ее во Фрайбург, если до этого дойдет.

— О, он вполне благонадежен, мэм, — кивает Дик. — Никакой не сексуальный маньяк, не гонит с запредельной скоростью. Всего лишь попытается продать вам новый автомобиль.

— Я крепкий орешек, — улыбается она сквозь слезы, — но так и быть, по рукам.

— Прикрой меня по телефону, ладно, Дик?

— Ладно, хотя это нелегко. В такую погоду покупателей приходится отгонять палками.

Пит и брюнетка Триш выходят, пересекают переулок и пешком добираются до Мейн-стрит, это три минуты ходу.

Аптека — второе здание слева. Морось усиливается и теперь уже больше походит на дождь. Женщина повязывает волосы новым шарфом и смотрит на непокрытую голову Пита.

— Вы промокнете, — говорит она.

— Я — с севера. Мы так быстро не сдаемся.

— Как по-вашему, сумеем их найти? — вдруг вырывается у нее.

Пит пожимает плечами:

— Может быть. У меня чутье на такие дела прямо-таки собачье. И всегда было.

— Знаете что-то, чего я не знаю? — удивляется она.

Нет костяшек, нет игры, — думает он. — Только и всего, мэм.

— Нет, — говорит он вслух. — Пока нет.

Они входят в аптеку, и колокольчик над дверями уныло тренькает. Девушка за прилавком нехотя отрывается от журнала. Двадцать минут четвертого, день сумрачный, и, следовательно, кроме них троих и мистера Диллера за рецептурным прилавком — ни одного человека.

— Привет, Пит, — кивает девушка.

— Эй, Кэт, как дела?

— Сам видишь... еле-еле, — вздыхает она и обращается к брюнетке:

— Мне очень жаль, мэм, но я еще раз везде посмотрела и ничего не нашла.

— Ничего страшного, — бормочет Триш со слабой улыбкой, — этот джентльмен согласился меня подвезти.

— Ну-у-у, — тянет Кэти, — Пит, конечно, славный, но я не заходила бы так далеко, именуя его джентльменом.

— Придержала бы язычок, дорогуша, — ухмыляется Пит, — если не хочешь платить за моральный ущерб. Судьи у нас всегда на стороне обиженных.

Он украдкой смотрит на часы. Время и для него ускорило бег. Вот и прекрасно, хотя бы для разнообразия.

Пит оглядывается на Триш.

— Сначала вы зашли сюда. За аспирином.

— Верно. Купила упаковку аспирина. А в оставшееся время решила...

— Выпить кофе у «Кристи», а потом зайти к «Ренни».

— Д-да.

— Вы не запивали аспирин горячим кофе?

— Нет, в машине была бутылка воды «Поланд». — Она показывает в окно на зеленый «таурус». — Запила водой таблетки. Но потом пошарила по сиденью и... заодно проверила зажигание.

Она окидывает их нетерпеливым взглядом, в котором ясно читается: «Знаю, что вы думаете: какая-то полоумная, морочит голову».

— И последний вопрос. Если я найду ваши ключи, согласитесь поужинать со мной? Мы могли бы встретиться в «Уэст Уорф».

— Я знаю «Уэст Уорф», — улыбается она сквозь слезы.

Кэти привсталла, даже не пытаясь сделать вид, что читает журнал. Да это куда интереснее любого романа!

— Откуда вы знаете, что я не замужем и вообще свободна?

— А обручальное кольцо? — немедленно возражает он, хотя еще не успел взглянуть на ее безымянный палец. — Кроме того, я всего лишь имел в виду жареных моллюсков, салат из моркови с капустой и слоеный пирог с клубникой, а вовсе не пожизненный союз.

Она, в свою очередь, смотрит на часы:

— Пит... мистер Мур... боюсь, что сейчас мне не до флирта. Если подвезете меня, буду рада поужинать с вами. Но...

— Этого вполне достаточно, — отзывается Пит. — Но, думаю, вы поедете в своей машине, так что встретимся позже. Пять тридцать вам подходит?

— Да, прекрасно, но...

— Заметано.

Пита захлестывает давно не испытанное ощущение счастья. Это чудесно. Счастье — это чудесно. Два последних года ему и сотой доли ничего подобного не довелось изведать, а почему? Непонятно. Слишком много промозглых, пропитанных алкоголем ночей блуждания по барам между 302-м шоссе и Норт-Конуэем? Да, но разве только в этом дело? Может, и нет, но на размышления времени не осталось. Даме нужно успеть на деловое свидание. Если она к тому же продаст дом, кто знает, может, и Питу Муру крупно повезет? А если и ничего не выйдет, если удача отвернется... что ж, зато он все равно ей поможет. Он это чувствует.

— Сейчас я сделаю кое-что необычное... может, даже на первый взгляд странное, но пусть это вас не волнует, — объявляет он. — Всего лишь небольшой фокус, вроде как потерять переносицу, чтобы не чихнуть, или ударить себя по лбу, когда пытаешься вспомнить чье-то имя. Договорились?

— Д-да... наверное, — выговаривает сбита с толку Триш.

Пит закрывает глаза, подносит к лицу некрепко сжатый кулак, выбрасывает указательный палец и принимается водить им взад и вперед.

Триш оборачивается к продавщице. Та пожимает плечами, словно говоря: «Кто знает?»

— Мистер Мур, — нерешительно произносит Триш. — Мистер Мур, может, мне просто...

Пит открывает глаза, глубоко вздыхает и опускает руку. И смотрит мимо Триш, на дверь...

— Итак... вы вошли... — Его глаза двигаются, словно следя за вошедшей Триш. — Шагнули к прилавку... Наверное, спросили о чем-то. В каком проходе аспирин... Что-то в этом роде.

— Да, я...

— Но вы еще что-то взяли. — Он видит это что-то на полке со сладостями. Ярко-желтый рисунок, что-то вроде отпечатка ладони. — Батончик «Сникерс».

— «Маундс», — шепчет она, хлопая ресницами. — Откуда вы узнали?

— Взяли шоколадку, только потом пошли за аспирином. Заплатили и ушли... выйдем на минуту. Пока, Кэти.

Кэти только кивает, не сводя с него вытаращенных глаз. Пит шагает за порог, не обращая внимания на звяканье колокольчика, на морось, теперь и в самом деле превратившуюся в дождь. Желтизна на тротуаре исчезает: водяные струи смывают ее и уносят. И все же он способен разглядеть ее, и ужасно этим доволен. Он видит линию. Это ощущение щелчка. Клик, и готово. Здорово! Сколько же времени он не видел ее так ясно?!

— Назад к вашей машине, — бормочет он себе под нос, — чтобы запить водой пару таблеток аспирина...

Он пересекает тротуар, медленно подбирается к «таурусу». Триш, встревоженно оглядываясь, следует за ним. Взгляд взволнованный. Почти испуганный.

— Открыли дверь. Взяли сумочку... ваши ключи... аспирин... батончик... все такое... перекладываете их из руки в руку... и тут...

Он наклоняется, шарит в воде, хлещущей в сточной канаве, запускает туда ладонь почти до запястья, поднимает что-то и кланяется с видом фокусника, удачно выполнившего сложный трюк. В сереньком, почти сумеречном свете ярко вспыхивают серебром ключи.

— ...тут вы уронили ключи.

Сначала ей не приходит в голову их взять. Она потрясенно смотрит на него, словно только сейчас у нее на глазах свершилась магия. Черная магия.

А он и есть тот самый злой маг.

— Ну же, — настаивает он, со слегка поблекшей улыбкой. — Берите же. Тут нет ничего сверхъестественного. Чистая дедукция. Мне не привыкать. Вам следовало бы брать меня в поездки, на случай если заблудитесь. Я в два счета отыщу дорогу.

Только тогда она берет ключи. Быстро, стараясь не коснуться его пальцев, и Пит сразу же понимает, что она не придет в ресторан. Не стоит быть семи пядей во лбу, чтобы понять это: достаточно взглянуть в ее глаза, скорее напуганные, чем благодарные.

— Спасибо... спасибо вам, — лепечет она, мысленно измеряя расстояние между ними, будто боясь, что он подступит слишком близко.

— Не за что. Только не забудьте: «Уэст Уорф», в половине шестого. Лучшие жареные моллюски в этой части штата.

Поддержим иллюзию. Приходится иногда, независимо от того, что творится на душе. И хотя какая-то часть радости этого дня ушла, растворилась, что-то еще теплится. Он видел линию, а от этого всегда становится легче. Фокус простой, но приятно сознавать, что он еще может...

— Половина шестого, — эхом отзывается она, открывая дверцу машины, но опасливый взгляд, брошенный через плечо, подозрительно похож на тот, каким обычно посматриваешь на пса, бешено рвущегося со сворки.

Она рада до посинения, что теперь не придется ехать с ним во Фрайбург. И не нужно уметь читать мысли, чтобы это сообразить.

Он неподвижно стоит под кнутами дождевых струй, наблюдая, как она выруливает на мостовую, и на прощание отдает жизнерадостный салют лихого продавца автомобилей. В ответ она рассеянно шевелит пальчиками, и, разумеется, когда он ровно в пять тридцать заглядывает в «Уэст Уорф» (на всякий случай, точность — вежливость королей), ее никто не видел, и час спустя она все еще не показывается. Он все равно не уходит: сидит за стойкой бара, пьет пиво и провожает глазами машины, мчащиеся по шоссе 302. Ему кажется, что он видит ее, где-то около пяти сорока. Зеленый «таурус», пролетевший мимо на полной скорости, в пелене дождя, ставшей к тому времени беспросветной, зеленый «таурус», который, вполне возможно, еще тянет за собой желтую полосу, сразу же тающую в сереющем воздухе.

День другой, дерьмо все то же, думает он, но радость уже омрачена, вытеснена привычной грустью, грустью, ощущаемой как нечто заслуженное: цена так и не позабытого предательства. Он закуривает

сигарету... Давным-давно, в детстве, притворялся, что курит, но в этом больше нет нужды...

И заказывает еще кружечку. Милт приносит, но при этом ворчит:

— Неплохо бы сначала что-то кинуть в желудок, Питер.

Поэтому Пит заказывает порцию жареных моллюсков и даже съедает несколько, предварительно окунув в соус тартар, но перед тем как двинуться по кругу в какую-нибудь забегаловку, где его не так хорошо знают, пытается дозвониться в Массачусетс, к Джоунси. Но Джоунси и Карла наслаждаются редким свободным вечером, и трубку берет приходящая няня, которая и спрашивает, не нужно ли чего передать. Пит едва не говорит «нет», но тут же спохватывается.

— Передайте, звонил Пит, сказал ДДДТ.

— Д... Д... Д... Т... — повторяет девушка, старательно записывая. — Он поймет, что это...

— О да, — заверяет Пит, — еще бы.

К полуночи он надирается в какой-то нью-хэмпширской пивнушке, то ли «Мадди Раддер», то ли «Радди Матер», он так и не усек. Едва ворочая языком, Пит пытается поведать такой же окосевшей телке, как когда-то свято верил в то, что окажется первым человеком, ступившим на Марс. И хотя та кивает и твердит, будто заведенная, «ага-ага-ага», он почему-то сознает, что у нее только и мыслей, как бы опрокинуть еще порцию бренди перед закрытием. Но это ничего. Это не важно. Завтра он проснется с головной болью и ужасным похмельем, но все равно отправится на работу и продаст машину, а может, и нет, но так или иначе мир вертится. А вдруг удастся сбыть винно-красный «тандерберд», прощай любимая! Когда-то все было иначе, но теперь все пофигу. Наверное, и с этим можно жить, для такого парня, как он, правило большого пальца — всего лишь ДДДТ, день другой, дерьмо все то же, и хрен с ним, со всем остальным. Ты вырос, стал мужчиной, смирился с тем, что получил меньше, чем надеялся, обнаружил, что на волшебной машинке для грез и снов висит большая табличка: НЕ РАБОТАЕТ.

В ноябре он отправится на охоту с друзьями, и этого вполне достаточно, чтобы с надеждой смотреть в будущее... это и, возможно, классный слюнявый, пахнущий губной помадой минет в машине от этой бухой телки. Требовать еще чего-то — напрашиваться на лишнюю сердечную боль.

Грезы и сны — это для детей.

1998: Генри лечит диванного пациента

В комнате полумрак, как всегда, когда Генри принимает пациентов. Интересно, что весьма немногие это замечают. Он считает, это потому, что обычно у них мозги с самого начала затуманены. Большинство из них попросту невропаты. «Леса так и кишат ими», — когда-то сказал он Джоунси, когда они были вместе, леса, ха-ха! Во всяком случае, такова его оценка — совершенно ненаучная, конечно. Он глубоко убежден, что их проблемы создают нечто вроде поляризующего экрана между ними и остальным миром. По мере усиления невроза тьма внутри сгущается. В основном он испытывает к пациентам нечто вроде благожелательного, хотя и отстраненного сочувствия. Иногда жалость. И весьма немногие выводят его из себя. К последним принадлежит Барри Ньюмен.

Пациентам, перешагнувшим порог кабинета Генри, предоставляется выбор, который они таковым не считают. И даже не сознают этого. Заходя, они видят довольно уютную, хоть и полутемную комнату, с камином по левой стене, снабженным вечными дровами: четырьмя стальными трубками, раскрашенными под березу и маскирующими газовые горелки. Рядом, под превосходной репродукцией ваноговских «Подсолнухов», возвышается огромное мягкое кресло, в котором обычно восседает Генри. (Генри иногда говорит коллегам, что каждому психиатру следует иметь в кабинете по крайней мере одного Ван Гога.) В противоположном конце легкое креслице и диван. Генри всегда интересно, что именно выберет пациент. Правда, сам он слишком давно в деле, чтобы знать: выбранное впервые потом становится привычкой, и на последующих сеансах место останется неизменным. Он помнит, что на эту тему даже есть статья, только вот забыл чья. И в любом случае он обнаруживает, что со временем такие вещи, как газеты и журналы, съезды и семинары, интересуют его все меньше. Когда-то все было по-иному, но теперь ситуация изменилась. Он меньше спит, меньше ест и смеется гораздо меньше. Мрак просачивается и в его жизнь... тот самый поляризующий фильтр, и Генри сознает, что даже не противится этому. Меньше яркого света — спокойнее для глаз.

Барри Ньюмен с самого начала был диванным пациентом, но Генри ни разу не сделал ошибки, предположив, будто это имеет что-то общее с его психическим состоянием. Просто для Барри диван удобнее, хотя иногда Генри приходится протягивать ему руку, чтобы помочь встать, когда пятьдесят минут истекают. При росте пять футов семь дюймов Барри весит

четыреста двадцать фунтов. Это и заставило его подружиться с диваном.

Сеансы с Барри Ньюменом обычно длятся долго, поскольку тот тщательнейшим образом перечисляет все подробности своих гастрономических походов. Это вовсе не означает, что Барри — гурман, о нет, совсем напротив, Барри пожирает все, что оказывается в орбите его досягаемости. В этом отношении Барри настоящая машина для перемалывания пищи. И его память, по крайней мере в этом отношении, донельзя идентична. Барри в гастрономии все равно что старый друг Генри Пит — в географии и ориентировании на местности.

Генри почти оставил попытки оттащить Барри от деревьев и заставить его прогуляться по лесу, частично из-за спокойного, но неуклонного желания пациента обсуждать все съеденное в мельчайших деталях, отчасти потому, что Барри ему не нравится и никогда не нравился. Родители Барри умерли, оставив очень большое наследство, положенное на трастовый фонд до тридцатилетия сына. Тогда он сможет его получить, при условии, что будет продолжать психотерапию. Если же нет, основная часть останется в трастовом фонде до его пятидесятилетия.

Генри сомневается, что Барри Ньюмен доживет до пятидесяти. Кровяное давление Барри (как он с гордостью объявил) — сто девяносто на сто сорок. Холестерин огромный. Настоящая золотая жила липопротеинов.

— Я ходячий инсульт, я ходячий инфаркт, — твердил он с ликующей торжественностью человека, способного высказать жесткую неумолимую истину, потому что в душе сознает, что подобный конец не для него, о нет, не для него.

— На ленч я съел два двойных бургера, — рассказывает он сейчас, — я люблю именно такие, потому что сыр в них еще горячий.

Его пухлый рот, странно маленький для человека подобных размеров, чем-то напоминающий рыбий, сжимается и подрагивает, словно пробуя этот восхитительно горячий сыр.

— Запил молочным коктейлем, а на обратном пути прихватил парочку шоколадок. Потом подремал немного, а когда проснулся, сунул в микроволновку пакет замороженных вафель. Знаете, этих, хрустящих, «Легго-эгго».

Он смеется. Смех человека, охваченного приятными воспоминаниями о чудесном закате в горах, прикосновении к женской груди, прикрытой тонким шелком (не то чтобы Барри, по мнению Генри, когда-то испытывал нечто подобное), прогулке по теплomu прибрежному песку.

— Большинство людей пекут их в тостере, — продолжает Барри, — но тогда они получают чересчур подсушенными. А из микроволновки они

выходят горячими и мягкими. Горячими... и мягкими. — Он жадно облизывает свои рыбьи губы. — Правда, мне стало немного стыдно за то, что я съел весь пакет.

Он бросает это вскользь, небрежно, как бы в сторону, словно вспомнив о том, что и Генри нужно выполнять свою часть работы. Подобные штучки он проделывает по четыре-пять раз за сеанс, а потом... потом вновь возвращается к еде.

Он уже добрался до вечера вторника. Поскольку сейчас пятница, перечислению завтраков, обедов, ужинов и перекусов нет конца. Генри позволяет себе уйти в свои мысли. Барри его последний пациент на сегодня. Когда он завершит длинный список своих кулинарных подвигов, Генри вернется к себе и соберет вещи. Завтра вставать в шесть часов, а где-то между семью и восемью на подъездную аллею зарулит Джоунси. Они сунут свое барахлишко в старый «скаут» Генри, который тот держит исключительно для осенних охотничьих поездок, и к восьми тридцати они уже будут держать путь на север. По дороге завернут в Брайтон, подхватят Пита, а потом и Бива, по-прежнему живущего вблизи Дерри. К вечеру они доберутся до «Дыры в стене», охотничьего домика, того, что вверх по Джефферсон-тракт, будут играть в карты в гостиной и прислушиваться к вою ветра в дымоходах. Ружья составят в угол кухни, охотничьи лицензии повесят на крючке над задней дверью. Наконец он будет с друзьями, а это все равно что после долгих скитаний очутиться в родном доме. На целую неделю поляризующий фильтр станет чуть-чуть тоньше. Они потреплются о прежних временах, посмеются над возмутительно-забавными непристойностями Бивера, а если кому-то и в самом деле удастся подстрелить оленя... что ж, дополнительное развлечение! Вместе они сильны, как никогда. Вместе они все еще способны победить время.

Где-то на заднем плане фоном звучит монотонный тенорок Барри Ньюмена. Свиные отбивные, пюре, жареная кукуруза, истекающая маслом, шоколадный торт «Пепперидж-фарм», и чашка с пепси-колой, в которой плавают четыре шарика мороженого «Бен и Джеррис Чанки Манки», и яйца: жареные яйца, вареные яйца, в мешочек, всмятку, глазунья, болтунья...

Генри кивает в нужных местах, почти не прислушиваясь. Старый трюк психиатров.

Господу известно: у Генри и его друзей полно своих проблем. Биверу ужасно не везет в семейной жизни, Пит пьет слишком много (куда больше, чем следовало бы, по мнению Генри), Джоунси и Карла едва не развелись, а Генри борется с депрессией, которая кажется ему настолько же

притягательной, насколько неприятной. Так что да, действительно, у них полно проблем. Но им все еще хорошо вместе, они все еще могут облегчить друг другу путь, озарить дорогу, и к завтрашнему вечеру они будут вместе. Целых восемь дней. И это прекрасно.

— Я знаю, что не должен бы, но рано утром проснулся от непреодолимого влечения. Возможно, низкий сахар крови, да, скорее всего так и есть. Во всяком случае, я съел остаток фунтового торта, что лежал в холодильнике, а потом сел в машину и поехал в «Данкин Донатс», взял дюжину печеных яблок и четыре...

Генри, все еще думая о ежегодной охоте, начинающейся завтра, сам не сознает, что говорит, пока слова не срываются с губ. Что ж, не воробей, не поймашь...

— Может, постоянное желание есть как-то связано с тем, что вы считаете, будто убили свою мать. Как по-вашему, это возможно?

Барри внезапно смолкает. Генри поднимает голову и видит огромные, как блюдца, глаза пациента, впервые за все время появившиеся из складок жира. И хотя Генри понимает, что должен заткнуться — он не имеет права проделывать вещи, не имеющие ничего общего с психотерапией, — почему-то его несет все дальше. Возможно, отчасти причиной этому размышления о старых друзьях, но в основном — внезапно побледневшая, потрясенная физиономия Барри. Больше всего Генри, кажется, задевает его полнейшее довольство собой и своим образом жизни. Его внутренняя убежденность в правильности своего самоубийственного поведения. Какая нужда его менять, не говоря уже о том, чтобы докапываться до истоков?

— Вы ведь действительно считаете, что убили ее, верно? — продолжал допытываться Генри, небрежно, почти беспечно.

— Я... я никогда... мне противна сама...

— Она звала и звала, кричала, что боль в груди становится нестерпимой, но ведь вы часто это слышали, не так ли? Чуть не каждую неделю? Да что там неделю, чуть не каждый день! Кричала сверху: «Барри, позвони доктору Уитерсу, Барри, вызови «скорую», Барри, набери 911...»

Они никогда не говорили о родителях Барри. Тот в своей мягкой, неумолимой, непробиваемо-жирной манере не допускал этого. Вроде бы начинает обсуждать их, и... бинго! — снова сворачивает на жареную баранину или цыпленка, а то и утку в апельсиновом соусе. Все тот же нескончаемый список. И поскольку Генри ничего не известно о родителях Барри, и уж конечно, о том дне, когда мать Барри умерла, упав с кровати и обмочив ковер, все еще вопя, вопя, сплошной вой трехсотфунтовой горы плоти, омерзительно тучной орущей плоти... фу, какая гнусь! Он не может

ничего знать об этом, потому что никто ему не рассказывал, но все-таки знает. А Барри тогда был не таким толстым. Всего сто девяносто фунтов.

Линия. Снова она. Линия. Он не видел ее вот уже пять лет (разве что только во сне) и уже думал, что все кончено, но, похоже, ошибался. Она опять здесь.

— А вы в это время сидели у телевизора и слушали ее крики, — продолжает он. — Смотрели Рики Лейна и ели... что именно? Сырный торт Сары Ли? Мороженое? Не знаю. Но вы не обращали внимания. Пусть себе орет.

— Замолчите!

— Позволили ей вопить сколько душе угодно, и в самом деле, почему бы нет? Она проделывала это всю жизнь! Вы не глупы и понимаете, что это чистая правда. Такое бывает. Думаю, вам и это ясно. Вот и обрекли себя на роль героя в этой маленькой пьеске Теннесси Уильямса, просто потому что любите поесть. Но знаете что, Барри? Рано или поздно эта страсть вас убьет. В глубине души вы этому не верите, но это чистая правда. Ваше сердце уже трепыхается в груди, как заживо похороненный, бьющий кулаками в крышку гроба. Интересно, каково будет таскать на себе еще фунтов восемьдесят — сто?

— Затк...

— Когда вы упадете, Барри, эффект будет, как от рухнувшей Вавилонской башни. Люди, ставшие этому свидетелями, будут толковать о случившемся еще долгие годы. Да вся посуда с полок падает...

— Замолчите!

Барри стремительно садится. На этот раз он не нуждается в помощи Генри. И он смертельно бледен, если не считать двух ярких розочек, расцветших на щеках.

— ...даже кофе из их чашек расплещется, а вы обмочитесь, совсем как она когда-то...

— ПРЕКРАТИТЕ! — визжит Барри. — ПРЕКРАТИТЕ, ВЫ, ЧУДОВИЩЕ!

Но Генри уже завелся. Он не может остановиться. Он видит линию, а когда ее видишь, нельзя притвориться, будто она не существует.

— ...если вовремя не очнетесь от того ядовитого сна, в котором пребываете...

Только Барри ничего не хочет слушать, абсолютно ничего. Он выбегает из комнаты, трясая необъятными ягодицами, и исчезает за дверью.

А Генри сидит, не двигаясь, прислушиваясь к топоту целого стада бизонов в облике всего одного человека. Барри Ньюмена. Вторая комната

пуста: у него нет секретаря, и с бегством Барри трудовая неделя окончена. Что ж, все к лучшему. Ну и влип же он!

Генри подходит к дивану и ложится.

— Доктор, — говорит он, — я опарафинился по полной программе.

— Как это случилось, Генри?

— Сказал пациенту правду.

— Но разве истина не делает нас свободными, Генри?

— Нет, — отвечает он себе, глядя в потолок. — Ни в малейшей степени.

— Закрой глаза, Генри.

— Хорошо, доктор.

Он закрывает глаза. Комнату вытесняет мрак, и это хорошо. Тьма стала его подружкой. Завтра он встретится с остальными друзьями (по крайней мере с тремя), и свет вновь покажется добрым. Но сейчас... сейчас...

— Доктор?

— Да, Генри?

— Это типичный случай, именуемый «день другой, дерьмо все то же».

Вам это известно?

— Что это значит, Генри? Что это значит для тебя?

— Все, — шепчет он, не открывая глаз, и тут же добавляет: — Ничего.

Но это вранье. И далеко не первое, сказанное им здесь.

Назавтра все четверо едут в «Дыру в стене», а впереди потрясные восемь дней. Великим охотничьим экспедициям грядет конец, хотя никто, разумеется, об этом не подозревает. До наступления настоящей тьмы еще несколько лет, но она близится.

Тьма близится.

2001: Джоунси. Беседа преподавателя со студентом

Нам не дано знать, каким дням и событиям суждено изменить нашу жизнь. Может, это к лучшему. В день, который необратимо изменит его собственную, Джоунси сидит в своем кабинете на третьем этаже «Джон Джей колледж», глядя в окно на крохотный ломтик Бостона и думая о том, как не прав был Т. С. Эллиот, назвав апрель самым беспощадным месяцем, и всего лишь потому, что предположительно в апреле бродяга-плотник из Назарета угодил на крест за подстрекательство к мятежу. Всякий житель Бостона знает, что самый жестокий месяц — март, коварно дарящий несколько мгновений ложной надежды, чтобы потом подло швырнуть в лицо пригоршню дерьма. Сегодня один из таких, не внушающих доверия дней, когда кажется, что весна и впрямь посетила их суровый город, и Джоунси даже подумывает пройтись немного, когда разберется с одной неприятностью... вернее, пакостью. Конечно, в эту секунду он не представляет, чем обернется сегодняшняя погода, и понятия не имеет, что к вечеру окажется в больничной палате, искалеченный, окровавленный и отчаянно сражающийся за собственную проклятую жизнь.

День другой, дерьмо все то же, думает он, но на поверку дерьмо тоже оказывается другим.

Но тут звонит телефон, и он хватается трубку, исполненный робкого радостного предчувствия: это наверняка мальчишка Дефаньяк, попросит отменить одиннадцатичасовую встречу.

Должно быть, чует кошка, чье мясо съела, думает Джоунси. Что ж, вполне возможно. Обычно это студенты добиваются встречи с преподавателем. Когда же парню сообщается, что преподаватель хочет видеть его... не нужно быть ясновидящим, чтобы понять, куда ветер дует.

— Алло, Джоунс у телефона, — бросает он в трубку.

— Привет, Джоунси, как жизнь?

Он узнал бы этот голос где угодно.

— Генри! Эй, Генри! Прекрасна, жизнь прекрасна!

По правде говоря, это не совсем так, вернее, далеко не так, особенно при мысли о скором появлении Дефаньяка, но все относительно, не так ли? По сравнению с тем, где он окажется через двенадцать часов, пришпиленный к попискивающим, гудящим, позвякивающим аппаратам: одна операция позади и три еще ждут... Джоунси сильно приукрашивает действительность, или, попросту говоря, бздит сквозь шелк. Высокопарно

выражаясь, делает хорошую мину при плохой игре.

— Рад это слышать.

Должно быть, он расслышал невеселые нотки в голосе Генри, но скорее всего просто чувствует подобные вещи.

— Генри? Что стряслось?

Молчание. Джоунси хочет было снова спросить, но Генри все же отвечает:

— Мой пациент умер вчера. Я увидел заметку в газете. Барри Ньюмен его звали.

И после небольшой паузы добавляет:

— Он был диванным пациентом.

Джоунси не совсем ясно, что это такое, но старому другу плохо. Он это знает.

— Самоубийство?

— Сердечный приступ. В двадцать девять лет. Вырыл собственную могилу ложкой и вилок.

— Жаль.

— Последние три года он не был моим пациентом. Я отпугнул его. Случилась... одна из этих штук. Понимаешь, о чем я?

Джоунси кивает, забыв, что Генри его не видит.

— Линия?

Генри вздыхает, но Джоунси не слышит в его вздохе особого сожаления.

— Да. И я вроде как выплеснул все на него. Он смылся так, словно задницу припекло.

— Это еще не делает тебя виновником его инфаркта.

— Может, ты и прав. Но почему-то мне так не кажется.

Снова пауза. И потом, уже веселее:

— Разве это не строчка из песни Джима Кроче? А ты? Ты в порядке, Джоунси?

— Я? Угу. А почему ты спрашиваешь?

— Не знаю, — говорит Генри. — Только... Я думаю о тебе с той самой минуты, как развернул газету и увидел фото Барри на странице некрологов. Пожалуйста, будь осторожнее.

Джоунси вдруг ощущает легкий холодок, пронизавший до самых костей (многим из которых грозят скорые множественные переломы).

— Да о чем это ты?

— Не знаю, — повторяет Генри. — Может, просто так. Но...

— Неужели опять эта линия? — тревожится Джоунси и, машинально

развернувшись в кресле, смотрит в окно, на переменчивое весеннее солнышко. И тут на ум приходит, что парнишка, Дефаньяк, вероятно, съехал с катушек и прихватил оружие (коварный замысел, как говорится в детективах и триллерах, которые Джоунси любит почитать в свободное время), и Генри каким-то образом это просек.

— Не знаю. Вполне возможно, просто опосредованная реакция на смерть Барри. Видеть его фото на странице некрологов... Но все же поостерегись немного, договорились?

— Ну... конечно, я вполне могу...

— Вот и хорошо.

— У тебя точно все нормально?

— Лучше некуда.

Но Джоунси так не думает. Он уже хочет сказать что-то, когда слышит за спиной робкий кашель и понимает, что Дефаньяк скорее всего уже здесь.

— Вот и хорошо, — вторит он, поворачиваясь к столу.

Да, в дверях переминается его одиннадцатичасовой посетитель, на вид совсем не опасный: обычный мальчишка, закутанный в старое мешковатое пальто с капюшоном и деревянными пуговицами, не по погоде теплое, тощий и невзрачный, с панковской прической, неровными пиками торчащей над встревоженными глазищами.

— Генри, у меня срочный разговор. Я перезвоню...

— Да нет, не стоит. Честно.

— Уверен?

— Да. Но только... тут еще одно дельце. Тридцать секунд есть?

— Естественно, как же не быть?

Он поднимает палец, и Дефаньяк послушно кивает. Однако продолжает стоять, пока Джоунси не показывает на единственный, не заваленный книгами свободный стул. Дефаньяк нерешительно направляется к нему.

— Выкладывай, — говорит Джоунси в трубку.

— Думаю, надо бы смотаться в Дерри. По-быстрому, только я и ты. Навестить старого друга.

— То есть?

Но он не хочет в присутствии постороннего произносить это имя, совсем детское, чуточку смешное имя. Да и ни к чему: Генри делает это за него. Когда-то они были квартетом, потом, ненадолго, стали квинтетом, а потом снова квартетом. Но пятый, собственно говоря, так и не покинул их. Генри называет это имя, имя мальчика, каким-то чудом так и оставшегося мальчиком. Тревоги Генри о нем более понятны, отчетливее выражены. Он

объясняет Джоунси, что ничего в точности не известно, просто так, предчувствие, что старый приятель, вполне возможно, нуждается в посещении.

— Говорил с его матерью? — спрашивает Джоунси.

— Думаю, — отвечает Генри, — будет лучше, если мы просто... ну, словом, свалимся как снег на голову. Как насчет твоих планов на этот уик-энд? Или следующий?

Джоунси ни к чему сверяться с ежедневником. Уик-энд начинается послезавтра. Правда, в субботу нужно быть на факультетской вечеринке, но от этого можно легко отделаться.

— Вполне свободен, оба дня, — говорит он. — Ничего, если заеду в субботу? К десяти?

— В самый раз, — облегченно вздыхает Генри, теперь уже больше похожий на себя.

Джоунси чуть расслабляется.

— Ты точно успеешь?

— Если считаешь, что следует повидать... — Джоунси колеблется, — ...Дугласа, тогда, вероятно, так и сделаем. Уж очень давно это было.

— Твое собеседование... он уже у тебя?

— Угу.

— Ладно. Жду в десять в субботу. Эй, может, стоит взять «скаут»? Дадим ему размяться. Как тебе?

— Здорово!

Генри смеется.

— Карла по-прежнему дает тебе завтрак с собой?

— Так и есть.

Джоунси невольно бросает взгляд на портфель.

— Что там у тебя сегодня? Сандвич с тунцом?

— Яичный салат.

— М-м-м... Ладно, я пошел. ДДДТ, так?

— ДДДТ, — соглашается Джоунси. Он не может назвать старого друга по имени в присутствии студента, но ДДДТ ни о чем тому не говорит. — Поговорим в...

— И береги себя. Я не шучу, — подчеркивает Генри, многозначительно и чуть зловеще. И снова легкий холодок бежит по спине. Но прежде чем Джоунси успевает ответить (а что он может сказать при Дефаньяке, смирно сидящем в углу), Генри отключается.

Несколько мгновений Джоунси задумчиво смотрит на телефон, кладет трубку, перелистывает страницы ежедневника, густо вычеркивает

субботнюю запись: «Попойка в доме декана Джейкобсона» и вписывает: «отпроситься: поездка с Генри в Дерри, повидаться с Д.» Но и это обещание он не сдержит. К субботе Дерри и старые друзья надолго испарятся из его мыслей.

Джоунси набирает в грудь воздуха и переносит внимание на своего взрывоопасного посетителя. Парень нервно ерзает на стуле, очевидно, прекрасно понимая, почему вызван сюда.

— Итак, мистер Дефаньяк, — начинает Джоунси, — согласно документам, вы из Мэна.

— Э-э... да. Питтсфилд. Я...

— В документах сказано также, что вы получаете стипендию, и при этом неплохо учитесь.

Парень, похоже, не просто волнуется. Парень, похоже, вот-вот разревется. Господи, как же это трудно! До сегодняшнего дня Джоунси ни разу не приходилось обвинять студента в обмане, но, похоже, все еще впереди. Потому что это ужасно трудно... то, что Бивер назвал бы сранью.

— Мистер Дефаньяк... Дэвид... знаете, куда деваются стипендии, когда их обладателя ловят на шпаргалках? Да еще на семестровом экзамене?

Парень дергается так, словно спрятанный под сиденьем недоброжелатель только сейчас воткнул оголенный электропровод с низковольтным зарядом в его тощую ягодицу. Губы трясутся, и первая слеза... О Господи, первая слеза ползет по небритой щеке.

— Могу в точности вам объяснить, — продолжает Джоунси. — Такие стипендии испаряются. Вот что с ними происходит. Пуф — и шарик лопается.

— Я... я...

На столе Джоунси лежит папка. Он открывает ее и вытаскивает программу билетов Европейской истории за первый семестр: один из тех чудовищных вопросников-«угадаек», на которых в своей безграничной мудрости настаивает департамент образования. Сверху черным росчерком айбиэмовского карандаша (старайтесь, чтобы пометки были четкими и ясными, а если необходимо стереть, стирайте как можно тщательнее) написано имя:

ДЭВИД ДЕФАНЫЯК.

— Я прочел вашу курсовую, Дэвид, пробежал вашу статью о средневековом французском феодализме и даже пролистал ваши

характеристики. Вы, разумеется, не гений, но успевали не хуже других. Кроме того, я в курсе, что вы просто выполняете обязательную программу, ведь ваши истинные интересы не лежат в моей области знаний, верно?

Дефаньяк молча кивает. Слезы неярко поблескивают в ненадежных мартовских лучах. В уголке стола валяется пачка бумажных салфеток, и Джоунси швыряет ее мальчику, который, даже в расстроенных чувствах, легко ее ловит. Хорошие рефлексy. Когда тебе девятнадцать, вся твоя «проводка» надежна и туга, все связки крепки и гибки.

Подождите несколько лет, мистер Дефаньяк, думает он. Мне всего тридцать семь, а кое-какие провода уже повисли.

— Возможно, вы заслуживаете еще одного шанса, — произносит Джоунси и медленно, словно напоказ, начинает скручивать подозрительно безупречную работу Дефаньяка, высший балл, ни больше ни меньше, в толстый жгут. — Может, вам стало нехорошо в день экзамена и вы вообще не пришли...

— Я был болен, — с готовностью подхватывает Дэвид Дефаньяк. — Похоже, едва не свалился с гриппом.

— В таком случае я готов дать вам на дом эссе, вместо того теста, который сдавали ваши однокурсники. Если хотите, конечно. Чтобы восполнить пропущенный экзамен. Ну как, согласны?

— Да, — шмыгает носом парень, яростно растирая глаза охапкой салфеток.

Что ж, по крайней мере не стал нести все это лживое дерьмо насчет того, что Джоунси все равно ничего не докажет, что он обратится в Совет по делам студентов, что подаст протест, и прочее в том же духе.

Вместо этого он плачет, что неприятно наблюдать, но, возможно, хороший знак: девятнадцать — это так мало, но большинство уже успевает потерять остатки совести к тому времени, как попадают сюда. Дефаньяк же все равно что сознался, а значит, у него еще есть шансы стать человеком.

— Да, это было бы здорово.

— И вы понимаете, что если что-то подобное случится снова...

— Никогда, — быстро отвечает парень. — Никогда, профессор Джоунс.

И хотя Джоунс всего лишь адъюнкт-профессор, ему не приходит в голову поправить парня. В любом случае когда-нибудь он станет профессором Джоунсом, без этого дело швах. Полон дом детишек, и если в будущем не предвидится нескольких значительных прибавок в бюджете, сводить концы с концами будет все труднее.

— Надеюсь, — произносит он вслух. — Напишите эссе на три тысячи

слов о последствиях завоевания норманнами Англии договорились? Ссылки на источники, но никакой дополнительной информации. Изложение свободное, но выводы должны быть достаточно убедительными. Срок — следующий понедельник. Понятно?

— Да. Да, сэр.

— В таком случае можете идти и приступать к делу. — Он показывает на изношенные до дыр кроссовки Дефаньяка: — И в следующий раз, когда вздумаете попить пивка, купите лучше новые тапочки. Не хочу, чтобы вы снова подхватили грипп.

Дефаньяк шагает к двери и оборачивается. Ему не терпится поскорее смыться, пока мистер Джоунс не передумал, но, с другой стороны, ему всего девятнадцать... О, это любопытство юности!

— Откуда вы узнали? Вас в тот день там даже не было. Экзамен принимал какой-то аспирант.

— Знаю, и этого достаточно, — отрезает Джоунс. — Топай, сынок. И напиши хорошую работу. Потерять стипендию для тебя — смерти подобно. Я сам из Мэна: Дерри, и знаю Питтсфилд. От этого места лучше держаться подальше.

— Уж это точно, — с чувством произносит Дефаньяк. — Спасибо. Спасибо за то, что дали мне еще шанс.

— Закрой за собой дверь.

Дефаньяк, который потратит последние деньги не на кроссовки, не на пиво, а на букет в палату Джоунси с пожеланием скорейшего выздоровления, выскальзывает в коридор, послушно прикрыв за собой дверь. Джоунси поворачивается к окну. Солнце по-прежнему изменчивое, неверное, но влекущее. И потому, что история с Дефаньяком кончилась куда благополучнее, чем он ожидал, Джоунси решает прогуляться, прежде чем мартовские облака, а может, и сложный заряд, омрачат этот день. Он хотел поесть в кабинете, но сейчас в голове возник новый план. Худший в его жизни, но Джоунси, конечно, этого не знает. И поэтому решает захватить с собой портфель, сегодняшний выпуск «Бостон феникс», и перебраться через реку в Кембридж^[4]. Сядет на скамеечку и спокойно съест сандвич с яичным салатом, жмурысь на солнышке.

Он поднимается, чтобы положить документы Дефаньяка в картотечный шкаф, под табличкой «D — F». «Откуда вы знаете?» — спросил мальчик. Что ж, хороший вопрос. Превосходный, можно сказать. А ответ прост. Он знает, потому что... иногда знает. Вот она, правда, а другой нет и быть не может. Правда, если бы кто-то приставил пистолет к его виску, он признался бы, что обнаружил это во время первой лекции второго

семестра и что в мозгу Дэвида Дефаньяка взрывались огромные красные буквы, словно мигающая неоновая вывеска, обдававшая стыдом, назойливо долбившая в виски: шпаргалочник, шпаргалочник, шпаргалочник...

Но, Господи, все это чушь: не может он читать мысли. И никогда не мог. Никогда-в-жизни, никогда-в-жизни, никогда-в-жизни... не мог и не сможет. Иногда что-то вспыхивает в голове, да, именно так он узнал о проблемах жены с таблетками, вероятно, срабатывает интуиция, как с Генри. Он сразу заподозрил что-то неладное, когда тот позвонил (да нет же, олух, просто догадался по голосу, только и всего), но такие вещи в последнее время почти не случаются. Да и не происходило ничего настоящего странного после той истории с Джози Ринкенхауэр. Может, когда-то и было что-то, тянувшееся за ними хвостом все детство и юность, но теперь все позади. Или почти.

Почти.

Он обводит кружком слова «поездка в Дерри», хватая портфель, и тут новая мысль осеняет его, внезапная и бессмысленная, но мощная и всеобъемлющая:

Берегись мистера Грея.

Джоунс, уже схватившийся за ручку двери, замирает. Это его голос, вне всяких сомнений.

— Что? — вопрошает он пустоту.

Ничего.

Джоунси выходит из кабинета, захлопывает дверь и проверяет, заперто ли. В уголке доски для объявлений белеет листочек. Джоунси откалывает его, переворачивает напечатанной стороной вверх. Всего одна строчка: «Вернусь в час». Он спокойно прикалывает записку, не ведая, что пройдет почти два месяца, прежде чем он вновь войдет в эту комнату и увидит ежедневник, раскрытый на дне Святого Патрика^[5].

«Береги себя», — сказал Генри, но Джоунси думает не о том, чтобы побережь себя. О мартовском солнышке. О том, как бы поскорее съесть сандвич. О том, как приятно поглазеть на девушек в Кембридже: юбки слишком коротки, а мартовский ветер игрив и большой шутник. Словом, о многих заманчивых вещах, в список которых не входит необходимость беречься мистера Грея. И беречься вообще.

И в этом его ошибка. Вот так может перемениться жизнь, навсегда и бесповоротно.

ЧАСТЬ 1. РАК

Я сознаю, что только эта дрожь меня приводит в чувство.

Понимаю: ушедшее уходит навсегда, и так же вечно

остается рядом.

Я просыпаюсь, чтобы вновь заснуть; я не спешу мир встретить

бодрым взглядом.

И лишь пустившись в путь, возможно, я пойму, куда же, наконец,

идти мне надо.

Теодор Ротке^{[\[6\]](#)}

Глава 1. МАККАРТИ

1

Джоунси чуть не подстрелил мужика, едва тот показался из зарослей. Почти? Насколько близко? Одно нажатие на спуск охотничьего ружья... даже не нажатие, так, движение пальца. Позже, взбудораженный ясностью, иногда снисходящей на опьяненный ужасом разум, он пожалел, что не выстрелил прежде, чем заметил оранжевую шапку и пронзительно оранжевый демаскирующий жилет. Убийство Ричарда Маккарти не было бы злом, оно могло бы помочь... Убийство Ричарда Маккарти могло бы спасти их всех.

2

Пит и Генри отправились в «Страну товаров Госслина», ближайший продуктовый магазин, набрать хлеба, консервов и пива: товары первой необходимости. Правда, на два последующих дня запасов у них хватало, но по радио передали, что ожидается снег. Генри уже успел добыть оленя, довольно приличную ланочку, а Джоунси казалось, что Пита куда больше волнует пополнение пивных погребов, чем собственные охотничьи трофеи: для Пита Мура охота была всего лишь хобби, а вот пиво — религией. Бивер где-то сидел в засаде, но Джоунси не слышал треска выстрелов в радиусе ближайших пяти миль, поэтому и предположил, что Бив, как и сам он, предпочитает выждать.

Ярдах в семидесяти от лагеря, в ветвях старого клена был устроен настил, и именно там сидел Джоунси, попивая кофе и читая детектив Роберта Паркера, когда в чаще послышался шум шагов. Джоунси отставил термос и закрыл книгу. В былые годы он от волнения непременно пролил бы кофе, но на этот раз даже потратил пару секунд на то, чтобы покрепче завинтить ярко-красный колпачок термоса.

Их четверка неизменно охотилась здесь на первой неделе ноября, вот уже почти двадцать пять лет, если считать с того времени, когда отец Бива стал брать их с собой. До сих пор Джоунси никогда не возился с настилами, впрочем, как и остальные трое. Считали это слишком большой обузой и не

хотели возиться. Но в этом году он взялся за топор. Остальные считали, что знают причину, хотя на деле это было не совсем так.

В середине марта 2001 года Джоунси, переходя улицу в Кембридже, был сбит автомобилем недалеко от «Джон Джей колледжа», в котором преподавал. При аварии ему повредило череп, сломало два ребра и раздробило тазобедренную кость, которую пришлось заменить некоей новомодной комбинацией тефлона и металла. Человек, сбивший его, оказался удалившимся на покой профессором Бостонского университета, находившимся, по утверждению адвоката, в ранней стадии болезни Альцгеймера и достойным не наказания, а сожаления и участия.

Как часто, думал Джоунси, оказывается, что некого винить, едва уляжется пыль и обстоятельства станут ясны. А если и есть виновные, кому от этого легче? Приходится собирать осколки прежней жизни и продолжать тянуть ляжку, а заодно утешать себя тем фактом, что, как твердили люди (пока благополучно не позабыли обо всем), могло быть куда хуже.

И это чистая правда. Могло быть куда как хуже! Его голова работала, как прежде. Правда, последние час-полтора перед самым несчастным случаем выпали из памяти, но в остальном мозги варили вполне удовлетворительно. Тяжелее всего пришлось с бедром, но к октябрю он уже смог бросить костыли, и теперь хромота становилась заметной только к концу дня.

Пит, Генри и Бив были уверены, что только из-за бедра он предпочел настил влажной и сырой земле, и, разумеется, были правы. Но только отчасти. Джоунси старательно скрывал, что почти потерял интерес к охоте на оленей. Друзья расстроились бы. Черт, да его и самого это выводило из себя. Но ничего не поделаешь. Некоторая перемена вкусов и пристрастий, о которой он даже не подозревал, пока не расчехлил свой винчестер. Нет, сама идея убийства животных не вызывала в нем отвращения, совсем нет, вот только делал он это без прежнего энтузиазма. В тот солнечный мартовский день смерть прошла совсем близко. Коснулась своим саваном, и Джоунси не имел ни малейшего желания снова звать ее, даже если при этом он был не жертвой, а посланцем смерти.

Что удивительно, он до сих пор любил походную жизнь, и в каком-то отношении даже больше, чем раньше. Долгие ночные беседы: книги, политика, все, что пришлось перетерпеть в детстве, планы на будущее. Им

еще не было сорока: вполне можно строить планы, много планов, а старая дружба по-прежнему не ржавела.

Да и дни были неплохи: долгие часы на настиле, когда он оставался один. Он приносил спальный мешок и залезал туда до пояса, когда замерзал, с книжкой и плеером. Правда, после первого же раза он перестал брать плеер, обнаружив, что музыка леса нравится ему куда больше: нежное пение ветра в соснах, шорох ветвей, вороний грай. Немного почитать, выпить кофе, снова немного почитать, иногда вылезти из мешка, красного, как стоп-сигнал, и помочиться прямо с края настила. Он был человеком, обремененным большой семьей и широким кругом коллег. Человеком общительным, можно сказать, стадным, наслаждавшимся всеми видами и вариантами отношений, от семейных до приятельских (не забыть о студентах, бесконечном потоке студентов), и чувствующим себя в этой сложной иерархии как рыба в воде.

Но только здесь, наверху, он понял, что притяжение молчания все еще существует. Все еще влечет. И чувствовал себя так, словно после долгой разлуки повстречался со старым другом.

— Тебе в самом деле хочется там торчать? — спросил Генри вчера утром. — Если хочешь, пойдем со мной. Постараемся не перетрутить твою ногу.

— Оставь его в покое, — вмешался Пит. — Ему там нравится. Верно, Джоунс-бой?

— Что-то вроде, — сказал он, не желая говорить ничего более — например, насколько ему действительно это нравится.

Некоторыми вещами просто не хочется делиться даже с ближайшими друзьями. Впрочем, иногда ближайшие друзья и без слов все понимают.

— Вот что я скажу... — Бив поднял карандаш и принялся грызть: знакомая, милая привычка, еще с первого класса. — Здорово, когда возвращаешься и видишь тебя там. Совсем как вперёдсмотрящий в «вороньем гнезде», на рисунках в гребаных книжках про пиратов. Следи в оба, и тому подобное.

— «Вижу землю», — подхватил Джоунси, и все рассмеялись, но только он понимал, что имел в виду Бив. Он это чувствовал.

Следи в оба. Просто размышляй о своем и следи в оба за встречными кораблями, акулами, за всем, что попадется на пути.

Бедро опять разболелось, рюкзак с барахлом оттягивает спину, и он неуклюже и тяжело спускается по деревянным планкам, приколоченным к стволу дерева, но стоит ли обращать внимание. Главное, все в порядке. Времена меняются, но только дурак уверен, что они меняются

исключительно к худшему.

Так он считал тогда.

Услышав шелест отодвинутой ветки и тихий треск сломанного сучка — верные знаки появления оленя, Джоунси вспомнил, как отец, бывало, говаривал: «Удачи за деньги не купишь: сама приходит». Линдси Джоунс, прирожденный неудачник, иногда высказывался в самую точку, и некоторые изречения до сих пор хранились в памяти. И вот доказательство его правоты: после того как Джоунси твердо решил, что покончил с охотой, сюда ломится добыча, и какая солидная, судя по звукам! Самец, да еще наверняка матерый, может, с человека ростом.

Ему в голову не могло прийти, что это в самом деле может оказаться человек. В этой-то глуши, за пятьдесят миль к северу от Рэнгли? До ближайшего охотничьего лагеря не меньше двух часов ходьбы. Даже единственная мощеная тропа, ведущая в магазин Госслина (НЕ ПИВО — А ДИВО! ЕЩЕ ЗАХОЧЕШЬ — К НАМ СНОВА ЗАСКОЧИШЬ), проходила милях в шестнадцать.

Что ж, подумал он, о конце концов, обета я не давал.

Нет, разумеется, не давал. В следующем ноябре он, вероятнее всего, придет не с ружьем, а с фотокамерой, но до следующего ноября еще далеко, и ружье вот оно, под рукой.

Джоунси стащил с себя спальник, слегка морщась от боли в затекших связках бедра, и схватил верного «гаранда». Совсем ни к чему заряжать его в последнюю минуту, с таким громким, отпугивающим оленей щелчком: привычка — вторая натура, и стоит оттянуть предохранитель, как ружье готово к бою. Это он проделал, только оказавшись на ногах. Прежнее неистовое возбуждение куда-то девалось, но что-то былое зашевелилось в душе: пульс участился, и Джоунси это щекотало нервы. После несчастного случая он радовался подобным реакциям: словно каким-то образом раздвоился на того, кто беспечно ходил по улицам, не зная, что ждет впереди, и настороженного, преждевременно постаревшего типа, очнувшегося в Массачусетской больнице... если это медленное, полунаркотическое вхождение в реальность можно назвать возвращением сознания. Иногда он снова слышал голос, чей — непонятно, но только не свой, умоляющий: *пожалуйста, прекратите, мне этого больше не вынести, сделайте укол... где Марси... мне нужна Марси...* Ему казалось,

что это голос смерти — смерти, упустившей его на мостовой, а затем явившейся в больницу, чтобы довершить начатое. Смерти в облике мужчины (а может, и женщины, трудно сказать), мужчины, терзавшегося болью, кого-то, кто звал Марси, но имел в виду Джоунси.

Но все это прошло. Он выжил в схватке со смертью, и этим утром никому, кроме оленя, разумеется, не предстояло умереть (хоть бы это был самец, которого угораздило оказаться не в то время и не в том месте).

Шорох ветвей и треск валежника доносились с юго-запада, так что Джоунси находился с наветренной стороны. Еще того лучше. Почти все листья с клена облетели, и ничто не загораживало возможную добычу. Видимость превосходная. Джоунси поднял ружье, получше приладил приклад к плечу и приготовился к новому триумфу.

Спасло Маккарти, пусть и временно, некоторое разочарование Джоунси в прелестях охоты. А вот едва не прикончило — явление, которое Джордж Килрой, друг отца Джоунси, называл «глазной горячкой». «Глазная горячка, — утверждал Килрой, — этакая форма охотничьей лихорадки, и, вероятно, вторая основная причина всех драм на охоте». «Первая — пьянство, — говаривал Джордж Килрой, подобно отцу Джоунси кое-что знавший о подобных вещах. — Первая — пьянство».

Килрой считал, что жертвы глазной горячки, очнувшись, бывали потрясены, узнав, что всадили пулю в изгородь, проезжавшую машину, амбар или собственного спутника (зачастую этим партнером бывали один из супругов, родственники или даже дети). «Но я видел дичь», — возражают они, и большинство из них, по словам Килроя, вполне способны пройти тест на детекторе лжи, поскольку в самом деле видели оленя, медведя, волка или хотя бы тетерева, пробиравшегося сквозь высокую осеннюю траву. Видели собственными глазами.

Килрой уверен, что все эти охотники охвачены нетерпением поскорее сделать первый выстрел, перейти рубеж и наконец покончить с трясучкой предвкушения и снять напряжение. Волнение настолько сильно, что мозг передает сигнал главному нерву, и человек действительно видит то, что хочет увидеть. Это и есть глазная горячка. И хотя Джоунси оставался довольно спокойным, по крайней мере пальцы не дрожали, когда он завинчивал колпачок термоса, все же позже он признавался себе, что вполне мог поддаться болезни.

На какое-то мгновение он ясно увидел гордого рогача в конце тоннеля из переплетенных веток, так ясно, как предыдущих шестнадцать оленей (шесть самцов, десять самок), доставленных за эти годы в «Дыру в стене». Вот она, коричневая голова, темные, как бархат, устилающий ювелирную

коробочку, глаза, даже рога.

Стреляй же! — взорвалось что-то внутри, должно быть, Джоунси до несчастного случая, цельный и счастливый Джоунси. За последний месяц он все чаще поднимал голову, словно начиная приближаться к тому загадочному состоянию, которое люди, в жизни не побывавшие под колесами автомобиля, называют «полным выздоровлением», но никогда еще не кричал так громко, как сейчас. Настоящий приказ, почти вопль.

Его палец в самом деле застыл на курке. И хотя он так и не сделал последнего легкого усилия, палец действительно напрягся. Его остановил голос. Голос второго Джоунси, того, кто пришел в себя в Массачусетской больнице, накачанный наркотиками, изнемогающий от боли, не уверенный ни в чем, кроме того, что кто-то просил кого-то остановиться. Кто-то, у кого не было сил терпеть, если немедленно не сделают укола. Кто-то, требовавший Марси.

Постой, погоди, еще рано, предупредил новый, осмотрительный Джоунси, и именно его голоса он послушался. Застыл на месте, перенес вес на левую, здоровую ногу: ружье поднято, дуло нацелено в тоннель из перепутанных веток, под идеальным углом в тридцать пять градусов.

Первые снежинки скатились вниз с побелевшего неба именно в этот момент, и Джоунси вдруг заметил яркую оранжевую вертикаль чуть пониже оленьей головы, словно снег каким-то образом ее высветил. На этот раз подвела способность к восприятию, и теперь над дулом ружья возникло размытое пятно, беспорядочный вихрь красок, небрежно смешанных на палитре художника. Все вмиг исчезло: ни оленя, ни человека, ни даже деревьев, лишь неряшливая каша коричневого, черного и оранжевого.

Постепенно оранжевого становилось больше, и оно медленно обретало знакомую форму: кепка с клапанами, которые можно отогнуть, если уши замерзли. Приезжие покупали их в магазинах Л. Л. Бина^[7] за сорок пять долларов, одинаковые, чуточку смешные, с неизменной маленькой этикеткой внутри: С ГОРДОСТЬЮ ПРОИЗВЕДЕНО В США, «ЮНИОН ЛЕЙБОР»^[8].

Впрочем, почти такие же продавались в «Госслине» всего за семь баксов. Просто их этикетка гласила: СДЕЛАНО В БАНГЛАДЕШ. Кепка все расставила на свои, о Господи, места. Света галлюцинации в ужасающе резкий фокус: то, коричневое, что он принимал за голову оленя, оказалось шерстяной курткой, черный бархат из ювелирной коробочки — пуговицей, а рога — просто чуть выше растущими ветками, ветками того дерева, на котором он стоял.

Не слишком умно со стороны незнакомца (Джоунси не мог заставить себя произнести слово «безумие») носить в лесу коричневую куртку, но все же Джоунси никак не мог взять в толк, как его угораздило едва не совершить роковую ошибку. Ведь на мужчине была такая же оранжевая кепка, верно? И яркий оранжевый жилет, поверх крайне непрактичной коричневой куртки. Мужчина был...

...был на волосок от смерти. А может, и ближе.

И тут его как громом поразило. Ужас случившегося дошел до него в полной мере, ошеломив и будто отделив душу от тела, как при клинической смерти. В мозгу словно ударила молния, и на крохотное страшное мгновение, навсегда запечатлевшееся в памяти, он больше не был ни Джоунси Номер Один, уверенным, спокойным добольничным Джоунси, ни Джоунси Номер Два, куда более нерешительной жертвой несчастного случая, проводшим столько времени в состоянии физического дискомфорта и умственной неразберихи. В это самое мгновение он превратился в Джоунси, Номер Три, невидимое присутствие, вззирающее на охотника, стоящее на деревянном настиле. Волосы охотника коротко подстрижены и поблескивают сединой, вокруг губ — глубокие морщины, осунувшееся лицо — в точечках щетины. Охотник вот-вот спустит курок. Снежинки танцуют вокруг его головы, садятся на не заправленную в брюки коричневую фланелевую рубашку, и он уже готов выстрелить в мужчину в оранжевой кепке и точно таком же жилете, которые надел бы он сам, если бы решил отправиться вместе с Бивером, вместо того чтобы лезть на дерево.

Он вломился в свое тело с глухим стуком, похожим на тот, с каким падаешь на сиденье, когда автомобиль подпрыгивает на выбоине. И, к своему ужасу, сообразил, что по-прежнему отслеживает движения незнакомца дулом ружья, словно некий упертый аллигатор, засевший в мозгу, отказывается расстаться с мыслью, что человек в коричневой куртке — законная добыча. И, что еще хуже, он никак не мог заставить себя отвести лежавший на спусковом крючке палец. На какую-то кошмарную секунду ему показалось даже, что этот самый палец неприметно усиливает давление на курок, неумолимо уменьшая расстояние между собой и величайшей в жизни ошибкой. Позже он понял, что хотя бы это было иллюзией вроде той, когда сам сидишь в неподвижном автомобиле, но, поймав краем глаза проезжающую за окном другую машину, почти уверен, что твоя медленно катится назад.

Нет, палец всего лишь застыл, но и это было уж чересчур... настоящий ад. «Джоунси, ты слишком много думаешь», — твердил Пит, в очередной

раз застав Джоунси, уставившегося в пустоту, начисто забывшего об окружающих. Вероятно, это означало: «Джоунси, у тебя слишком богатое воображение», — и скорее всего это была правда. Воображение у него действительно было слишком богатое, особенно сейчас, когда он стоял на дереве, под первым в этом году снегом, с прилипшими ко лбу волосами и пальцем, намертво заклинившимся на спусковом крючке, не напрягавшимся, как он боялся, но и не разжимавшимся. Мужчина был уже почти под ним: в прицеле «гаранда» проплывает оранжевая шапка; жизнь человека висит на невидимой ниточке, туго натянутой между дулом ружья и этой кепчонкой. А он, ничего не подозревая, возможно, думает о продаже машины, или о том, как бы половчее изменить жене и не попасться, или о покупке пони для старшей дочери (позже Джоунси узнал, что Маккарти ни о чем подобном не думал, но откуда ему было знать в тот момент, когда палец на крючке превратился в такой же твердый, негнувшийся, застывший завиток). Он и сейчас не знал того, что было неизвестно Джоунси, стоявшему на обочине тротуара в Кембридже, с портфелем в одной руке и выпуском «Бостон феникс» под мышкой, а именно, что смерть была совсем рядом, а может, и не просто смерть, а Сама Смерть, торопливо семенящая фигура, словно сбегавшая из раннего фильма Ингмара Бергмана, нечто, прячущее в складках грубого савана орудие убийства. Возможно, ножницы. Или скальпель.

И — что хуже всего — мужчина не умрет, по крайней мере не сразу. Свалится и станет с воплями кататься по земле, совсем как Джоунси катался с воплями по мостовой. Правда, он не помнил своих криков, но, разумеется, так оно и было: потом ему рассказывали, а у него не было причин не верить. Наверняка орал благим матом. А что, если мужчина в коричневой куртке и оранжевых аксессуарах начнет звать Марси? Нет, конечно, нет — не в реальности, — но в мозгу Джоунси могут отозваться призывы к Марси. Если с ним приключилась глазная горячка — если он принял коричневую куртку за голову оленя, — вполне возможны и слуховые галлюцинации. Слышать его вопли — и знать, что причиной всему ты... Боже милостивый, нет! И все же палец никак не хотел сползти с крючка.

Из временного паралича его вывело простое и неожиданное событие: незнакомец упал примерно в десяти шагах от корней дерева Джоунси. Вот так, взял и упал. Джоунси услышал болезненный удивленный возглас: «ы-ы-х», и палец сам с собой сполз с крючка.

Мужчина стоял на четвереньках, пальцы в коричневых перчатках (коричневые перчатки, еще одна ошибка, да этот тип с таким же успехом

мог бы прикрепить к груди табличку: ЦЕЛИТСЯ СЮДА) царапают уже побелевшую землю. Кое-как поднявшись, он стал что-то бормотать неразборчиво, невнятно, быстро.

— О Господи, Господи, — повторял незнакомец, пошатываясь, как пьяный.

Джоунси знал, что мужчины, очутившись вдали от дома на неделю или хотя бы на уик-энд, предаются всяческому вполне простительным порокам, чаще всего напиваются прямо с утра. Но почему-то ему казалось, что незнакомец не пьян. Без всяких на то оснований: чистая интуиция.

— О Господи, Господи, Господи, — повторял тот, снова пустившись в путь. — Снег. Теперь еще и снег. Пожалуйста, Боже, о Боже, теперь еще и снег, Господи!

Первые шаги были спотыкающимися и неуверенными. Джоунси почти решил, что интуиция на этот раз его подвела, но тут парень пошел ровнее. Он скреб ногтями правую щеку.

Незнакомец проплыл прямо под деревом, на мгновение превратившись из человека в ровный оранжевый кружок с коричневыми выступами по обе стороны. Голос постепенно отдалялся, какой-то хлюпающий, слезливый, все повторявший «О Господи», со случайными вкраплениями «О Боже», и «Теперь еще и снег».

Джоунси не двигался с места, наблюдая, как тип исчезает под настилом и появляется с другого конца. И сам не понимая почему, развернулся, чтобы проводить взглядом ковыляющего незнакомца. И не сознавал даже, что опустил ружье, предварительно вновь поставив его на предохранитель.

Джоунси не окликнул его по вполне ясной причине: угрызения совести. Боялся, что мужчина с одного взгляда увидит правду в его глазах, даже сквозь слезы и сгущавшийся снег сообразит, что Джоунси недаром торчал наверху с ружьем. И едва не подстрелил его.

Отойдя от дерева шагов на двадцать, неизвестный остановился и замер, подняв правую руку ко лбу козырьком, чтобы защитить глаза от снега. Джоунси решил, что тот увидел «Дыру в стене». Вероятно, до него наконец дошло, что дорога вот она, под ногами, «О Боже» и «О Господи» смолкли, и парень побежал на звук генератора, похмельно раскачиваясь, как матрос на штормовой палубе. До Джоунси доносилось натруженное прерывистое дыхание незнакомца, несущегося к уютному охотничьему домику, над крышей которого лениво поднимаются кольца дыма, тут же тающие в воздухе.

Джоунси начал осторожно спускаться по планкам, прибитым к стволу

клена, не забыв перекинуть ружье через плечо (мысль о том, что этот человек может представлять какую-то опасность, ему и в голову не приходила, во всяком случае тогда, просто он не хотел бросать на снегу «гаранд», прекрасное и дорогое оружие). Бедро опять затекло, и к тому времени, как Джоунси слез с дерева, мужчина, которого он едва не подстрелил, почти добрался до двери, которая, естественно, была открыта. Да и кому пришло бы в голову запереться в такой глуши?

Почти в десяти футах от гранитной плиты, служившей крыльцом «Дыры в стене», мужчина в оранжевой кепке снова упал. Кепка откатилась в сторону, обнажая пропотевший войлок редящих каштановых волос. Несколько секунд он продолжал стоять на одном колене с опущенной головой. Джоунси снова услышал тяжелое прерывистое дыхание.

Мужчина поднял кепку, водрузил на голову, и тут Джоунси настиг его.

Незнакомец поднялся и неуклюже повернулся. Первое, что отметил Джоунси, — чрезмерно длинное лицо, из тех, что именуют лошадиными. Но едва Джоунси подошел ближе, не хромя, только припадая на больную ногу (и это хорошо, потому что сухой снег под ногами скользит), стало ясно, что физиономия типа вовсе не такая уж и длинная, просто очень испуганная и белая как полотно. На щеке, в том месте, где прощлись ногти, ярко выделялось красное пятно. При виде Джоунси он громко и облегченно вздохнул. Джоунси едва не рассмеялся, вспомнив, как стоял на настиле, беспокоясь, что незнакомец прочтет в его глазах правду. Куда ему! Он уж точно не ясновидящий и явно не интересуется, откуда явился Джоунси и что перед этим делал. У него такой вид, словно он вот-вот бросится Джоунси на шею и примется осыпать слюнявыми поцелуями врасос.

— Слава Богу! — воскликнул незнакомец, протягивая Джоунси руку и шаркая по тонкой наледи свежеснежавшего снега. — О, какое счастье, слава Богу, я заблудился, брожу по лесу со вчерашнего дня, уж думал, что так и замерзну... я... я...

Он оскользнулся, и Джоунси схватил его за плечи. Настоящий верзила, повыше Джоунси, рост которого шесть футов два дюйма, и пошире в груди. Но у Джоунси отчего-то сохранялось впечатление полной невесомости, иллюзорности, будто страх выел человека изнутри и оставил легким, как парашютик одуванчика.

— Легче, парень, — сказал Джоунси. — Спокойно. Все позади, вы в

порядке. Давайте-ка я отведу вас в комнату и усажу в тепле, у камина, согласны?

При словах «в тепле» зубы мужчины, словно по команде, начали стучать.

— К-к-к-онечно...

Он безуспешно попытался улыбнуться, и Джоунси снова поразила его неестественная бледность. Утро выдалось холодное, не меньше двадцати градусов, но щеки незнакомца были словно отлиты из свинца и посыпаны пеплом. Единственными цветными пятнами на лице, кроме красной царапины, выделялись бурые полумесяцы под глазами. Джоунси приобнял мужчину за плечи, охваченный внезапной необъяснимой нежностью к этому чужаку, эмоция настолько же сильная, как и первая школьная влюбленность, в Мари Джо Мартино: короткая стрижка, белая блузочка-безрукавка и прямая джинсовая юбка по колено. Теперь он был абсолютно уверен, что мужчина не пьян и пошатывается от страха (и, видимо, от усталости). Но изо рта все же пахло... чем-то вроде бананов... напомним почему-то об эфире, которым Джоунси прыскал в карбюратор своего первого авто, «форда», времен Вьетнама, чтобы завести его в морозное утро.

— Зайдем внутрь, хорошо?

— Да. Х-х-холодно. Слава Богу, что вы здесь. Это...

— Мой дом? Нет, моего друга.

Джоунси распахнул потемневшую дубовую дверь и помог мужчине перебраться через порог. Волна теплого воздуха ударила в лицо, и незнакомец охнул от неожиданности. Щеки медленно розовели. Джоунси с радостью отметил, что кое-какая кровь в его теле еще циркулирует.

«Дыра в стене» была настоящей роскошью по меркам любого отшельника. Войдя, вы немедленно оказывались в единственной огромной комнате первого этажа — нечто вроде гибрида кухни, гостиной и столовой, — но сзади были пристроены две спальни и еще одна — наверху, под самой крышей. В большой комнате стоял приятный аромат сосны, от стен шло мягкое желтоватое свечение. Пол устилал ковер навахо, стену украшало покрывало племени микмак с изображением бравых охотников, окруживших вставшего на задние лапы гигантского медведя. Простой дубовый стол, рассчитанный на восемь человек, обозначал границы

столовой. На кухне была дровяная печь, в гостиной — камин, когда топились и то и другое, ты буквально одуревал от жары, хотя за окном и было минус двадцать. Западная сторона представляла сплошное окно, выходившее на длинный крутой обрыв. В семидесятых здесь прошел пожар, и мертвые скрученные деревья до сих пор чернели сквозь белые снежные вихри. Джоунси, Пит, Генри и Бив называли обрыв Ущельем, потому что именно так именовал его отец Бива и его друзья.

— О, слава Богу, слава Богу, и вам тоже спасибо, — твердил мужчина в оранжевой кепке, и когда Джоунси ухмыльнулся такому потоку благодарностей, незнакомец визгливо рассмеялся, словно хотел сказать: да, понимаю, что это смешно, но ничего не могу с собой поделать.

Он принялся глубоко дышать, вдруг став похожим на одного из тех гуру-наставников, которых так часто показывают по кабельному телевидению. И на каждом выдохе выпаливал очередную фразу:

— Господи, прошлой ночью я в самом деле думал, что мне конец... было так холодно, и воздух сырой, я это помню... помню, как думал, о Господи, о Боже, что если все-таки пойдет снег... раскашлялся и не мог остановиться... что-то шуршало в кустах, и я сообразил, что нужно бы перестать кашлять, что если это медведь или... знаете... раздражить его... только я все кашлял, и оно... оно... знаете... просто девалось куда-то...

— Вы видели ночью медведя?

Джоунси был восхищен и потрясен. Он слышал, что здесь водятся медведи: старик Госслин и его пьянчуги-приятели обожали рассказывать медвежьи истории, особенно приезжим, но при мысли о том, что этот бедняга, потерявшийся во тьме, столкнулся с чудовищем, волосы вставали дыбом. Все равно что слушать повествование матроса о встрече с морским змеем.

— Не знаю, что это было, — сказал мужчина, неожиданно метнув в сторону Джоунси такой хитрый взгляд, что тому стало не по себе. — Не могу сказать точно, потому что к тому времени молнии уже не сверкали.

— Молнии тоже? Ну и ну!

Если бы не очевидно жалкое состояние незнакомца, Джоунси непременно задался бы вопросом, уж не вешают ли ему лапшу на уши. Но, честно говоря, он все-таки подумал, что дело нечисто.

— Сухие молнии, — пояснил мужчина, и Джоунси почти увидел, как он пожимает плечами. Он снова почесал красное пятно на щеке, возможно, легкое обморожение. — Зимой такие молнии предвещают бурю.

— И вы их видели?

— Похоже, что да. — Мужчина снова бросил на Джоунси быстрый

взгляд исподлобья, но на этот раз в нем не было ни следа коварства, и Джоунси посчитал, что в первый раз тоже ошибся. В его глазах не было ничего, кроме усталости. — В голове все смешалось... живот болит с той минуты, как я заблудился... он всегда болит, когда я... мне страшно... еще с самого детства...

А он и похож на ребенка, подумал Джоунси. Совершенно беззастенчиво осматривается, словно у себя дома.

Он повел незнакомца к дивану перед камином, и тот позволил себя вести. «Страшно...», он даже сказал «страшно» вместо «страшно», совсем как ребенок. Маленький ребенок.

— Дайте мне куртку, — сказал Джоунси, и когда мужчина стал расстегивать пуговицы, а потом потянулся к язычку молнии, Джоунси снова вспомнил, как принял его за оленя, за самца, Господи, Боже ты мой, ошибся, посчитав пуговицу за глаз и едва не всадив в нее пулю.

Малый успел дотянуть молнию до середины, и тут она застряла — заело замочек. Он уставился на нее... нет, вытаращился, словно никогда не видел ничего подобного. И когда Джоунси потянулся к молнии, бессильно уронил руку, предоставив ему действовать. Настоящий первоклашка, натянувший ботинки не на ту ногу или надевший пиджачок наизнанку и покорно подчиняющийся материнским заботам.

В ловких руках Джоунси замочек вновь заработал и легко скользнул до самого низа. За окном постепенно исчезало Ущелье, хотя черные изломанные силуэты деревьев все еще виднелись.

Почти двадцать пять лет назад они впервые собрались здесь поохотиться и потом приезжали почти двадцать пять лет подряд, без единого пропуска, но такого обвального снегопада не было ни разу. Ничего серьезнее внезапного снежного заряда. Похоже, отныне все изменится, хотя разве можно знать наверняка? В наше время кликуши на радио и ТВ кудахчут над четырьмя дюймами свежевыпавшей пудры, как над стихийным бедствием. Подумаешь, Новый Ледниковый Период!

Малый по-прежнему стоял неподвижно, в распахнутой куртке и мокрых сапогах, с которых стекали на пол струйки растаявшего снега. И потрясение глазел на потолочные балки, этакий великан-шестилетка. Совсем как... Даддитс. Так и кажется, что из рукавов выглянут варежки на резиночках.

Он и от куртки избавился, как все дети: передернул плечами, и она сползла вниз. Не подхвати ее Джоунси, наверняка упала бы на пол, в самую лужу.

— Что это? — спросил он.

Сначала Джоунси не понял, о чем толкует малый, но, проследив его взгляд, увидел переплетение ниток, свисавшее с центральной потолочной балки: яркое пятно красного и зеленого с вкраплением канареечно-желтого, создающее общее впечатление подобия режущей глаз паутины.

— Это Ловец снов, — сказал Джоунси. — Индейский амулет. Предположительно, отгоняет кошмары.

— Он ваш?

Джоунси не понял, о чем идет речь: то ли о доме (может, парень его не расслышал), то ли о талисмани, но в любом случае ответ был все тот же:

— Нет, моего друга. Мы приезжаем сюда каждый год, поохотиться.

— Сколько вас?

Мужчину бил озноб, зубы стучали. Зябко охватив себя руками, он чересчур внимательно следил, как Джоунси вешает его куртку на вешалку у двери.

— Четверо. Бивер — это его дом — еще в лесу. Не знаю, загонит его снег под крышу или нет. Возможно, замерзнет и прибежит. Пит и Генри отправились в магазин.

— К Госслину, да?

— Угу. Идите садитесь на диван.

Джоунси подвел его к курьезно длинному секционному дивану. Мебель такого рода вышла из моды сто лет назад, но этот все еще держался, да и никакой живности в нем не заводилось. Стиль и вкус не играли в «Дыре в стене» особой роли.

— Постарайтесь согреться, — сказал Джоунси и оставил незнакомца одного.

Тот сидел, как потерянный, дрожа и ежась, зажав руки коленями. Джинсы неестественно бугрились, выдавая надетые под низ кальсоны, и все же незнакомец, очевидно, донельзя продрог. Но цвет лица изменился разительно: если раньше малый выглядел трупом, то теперь он казался жертвой дифтерии.

Пит и Генри занимали бо́льшую из двух спален внизу. Джоунси нырнул туда, открыл кипарисовый сундук, стоявший слева от двери, и вынул сложенное одеяло. Снова направляясь к камину, он сообразил, что тот не задал самых элементарных вопросов из тех, какие по плечу даже шестилетним детям, не умеющим расстегнуть молнию.

Укрывая незнакомца одеялом, он спросил:

— Как вас зовут? — И тут же сообразил, что почти знает ответ.

Маккой? Маккан?

Мужчина, которого едва не подстрелил Джоунси, крепче закутался в

одеяло и поднял глаза. Бурые полумесяцы под глазами налились фиолетовым.

— Маккарти, — сказал он. — Ричард Маккарти. — Рука, удивительно пухлая и белая, выползла из-под одеяла, подобно робкому зверьку. — А вы?

— Гэри Джоунс, — ответил тот, пожимая мягкую ладонь пальцами, едва не спустившими курок. — Для друзей — Джоунси.

— Спасибо, Джоунси. — Маккарти с благодарностью посмотрел на него. — Похоже, вы спасли мне жизнь.

— О, вы преувеличиваете, — отмахнулся Джоунси, снова вглядываясь в красную бороздку.

Да нет. Это просто обморожение. Наверняка обморожение.

Глава 2. БИВ

1

— Надеюсь, вы понимаете, что я не могу никому позвонить? — сказал Джоунси. — Здесь поблизости нет телефонов. Из всех достижений цивилизации только генератор, и все.

Маккарти, закутанный до самого носа в одеяло, кивнул.

— Я слышал гудение, но знаете, когда заблудишься, слух играет с тобой плохие шутки. Кажется, звук идет слева или справа, а потом можно поклясться, что он доносится откуда-то из-за спины, и лучше всего повернуть назад.

Джоунси кивнул, подумав, что на самом деле понятия не имеет, как все это бывает. Если не считать первых дней после несчастного случая, проведенных в бредово-наркотических скитаниях и боли, ему не приходилось теряться в лесу.

— Я пытаюсь придумать, как лучше поступить, — сказал Джоунси. — Наверное, когда Пит и Генри вернутся, мы вас проводим. Сколько человек было в вашей компании?

Маккарти, казалось, не сразу сообразил, о чем речь. Это, заодно со спотыкающейся походкой, еще больше укрепило Джоунси в уверенности, что парень перенес настоящий шок. Интересно, возможно ли такое после единственной ночи, проведенной в лесу, и как бы выглядел он сам на месте Маккарти?

— Четверо, — выговорил тот после минутного размышления. — Совсем как и вас. Мы охотились попарно. Я был с приятелем, Стивом Отисом. Тоже адвокат, как и я, из Скоухигана. Мы все оттуда, и эта неделя для нас... много значит.

— Понимаю, — улыбнулся Джоунс. — Как и для нас.

— Так или иначе... я, видимо, задумался и сбился с пути. — Он покачал головой. — Сам не понимаю, как это вышло. Я слышал Стива, временами даже видел сквозь деревья его жилет и потом... просто не знаю. Наверное, погрузился в свои мысли... лес для этого самое подходящее место, и — бац — очутился в самой глуши. Кажется, сначала я пытался вернуться по собственным следам, но тут совсем стемнело... — Он снова покачал головой. — В мозгах все смешалось, но, да, нас было четверо, и,

похоже, это единственное, в чем я уверен. Я, Стив, Нэт Роупер и сестра Нэта — Бекки.

— Должно быть, они с ума сходят от тревоги.

Маккарти мгновенно растерялся и мрачно нахмурился: очевидно, столь простая истина до него не доходила.

— Да... наверное. Ну конечно же! О Господи, Господи!

Джоунси едва сдержал улыбку. В таком состоянии Маккарти удивительно напоминал персонажа картины «Фарго».

— Поэтому я и считаю, что вас следует немедленно туда проводить. Если...

Не хотелось быть обузой...

— Мы вас отведем. Если сумеем. То есть если погода позволит.

— Да, погодка, — с горечью протянул Маккарти. — Уж эти синоптики, с их чертовыми спутниками и Доплер-радарам! Казалось бы, можно надеяться на верные прогнозы, так нет! Вот вам их «ясно, умеренно, холодно», можете радоваться.

Джоунси недоуменно уставился на покрасневшую физиономию, увенчанную слипшейся челкой редющих каштановых волос. Он сам слышал последние прогнозы — он, Пит, Генри и Бив, — и все предупреждали о возможном снегопаде в ближайшие дни. Правда, кое-кто оговаривался «снег, переходящий в дождь», но ведущий радиостанции Касл-Рок (едва ли не единственной, которую они ловили, да и то с помехами) рассуждал насчет метелей, шести — восьмидюймовых заносах, возможно, с северо-восточным ветром, если температура не поднимется и циклон не уйдет в сторону моря. Джоунси понятия не имел, откуда Маккарти слышал свой прогноз, но уж точно не из Касл-Рока. А может, просто спутал, даже наверняка, и ничего тут удивительного.

— Пожалуй, разогрею-ка я суп. Как насчет супа, мистер Маккарти?

— Прекрасная мысль, — благодарно улыбнулся Маккарти. — Вчера ночью и утром у меня ужасно болел живот, но теперь стало легче.

— Стресс, — кивнул Джоунс. — Меня бы на вашем месте наизнанку выворачивало, а может, и в штаны бы наложил.

— Меня не рвало, — сказал Маккарти. — Уверен, что нет. Но... — Он снова резко дернул головой. Нервный тик? — Не знаю. Все слилось в один огромный кошмар.

— Теперь кошмару конец. — Джоунси чувствовал себя престарелой клушкой, хлопчущей над цыпленком. Но ничего не поделаешь, парня нужно как-то успокоить.

— Хорошо, — вздохнул Маккарти. — Спасибо. И я с удовольствием

съел бы суп.

— Какой хотите? Есть томатный, куриный и, кажется, банка говяжьего.

— Куриный, — сказал Маккарти. — Мама, всегда говорила, что лучшее лекарство от всех болезней — куриный бульон.

Он широко улыбнулся, и Джоунси изо всех сил постарался скрыть потрясение. Зубы Маккарти оказались белыми и ровными, чересчур, неестественно ровными для того, чтобы быть своими, выдававшими, однако, возраст: сорок пять или около того. Но четырех по меньшей мере не хватало — верхних клыков (которые отец Джоунси называл «зубами вампира») и двух передних внизу, Джоунси не знал, как они называются. Однако был твердо уверен в одном: Маккарти ничего не знал о потере. Ни один человек, помнящий о черных провалах в белом частоколе, не будет обнажать их так бесстыдно, даже в подобных обстоятельствах.

Он повернулся к кухне, надеясь, что Маккарти не успел увидеть его ошеломленное лицо и встревожиться. А может, и спросить, что стряслось.

— Один куриный бульон. Заказ принят, придется чуточку обождать. Как насчет поджаренного сыра к бульончику?

— Если это не слишком вас затруднит. И зовите меня Ричардом, ладно? Или Риком, так даже лучше. Когда люди спасают мне жизнь, предпочитаю быть с ними на короткой ноге, причем с самого начала.

— Рик так Рик.

Лучше бы тебе починить зубы, до того как предстанешь перед другими присяжными, Рик.

Ощущение чего-то неладного становилось все сильнее. Опять этот щелчок в мозгу, совсем как в тот момент, когда он почти угадал имя Маккарти. Пока еще он был далек от сожалений по поводу того, что не подстрелил этого типа при первой возможности, но в глубине души уже жалел о том, что черт не увел Маккарти за сто миль от его дерева и его жизни.

Он уже поставил бульон на плиту и резал сыр на сэндвичи, когда рванул первый порыв ветра — пронзительный вопль, заставивший дом натужно скрипнуть и яростно взметнувшийся снежную пелену. На какое-то мгновение даже костлявые закорючки сгоревших деревьев в Ущелье были стерты, сметены, и за окном встал огромный белый призрак, словно кто-то взял на себя труд вывесить гигантский киноэкран.

Впервые за все время Джоунси почувствовал легкую тревогу, не только за Пита и Генри, вероятно, возвращавшихся в эту минуту из магазина на «скауте» Генри, но и за Бивера. Конечно, если кто и знал здешние леса, так это Бивер, но разве можно ориентироваться в этой завихрухе, «все ставки аннулированы», еще одно изречение его никчемного отца, не такое точное, как «удачу за деньги не купишь». Правда, Бивер мог найти дорогу по шуму генератора, но, как верно сказал Маккарти, в лесу, да еще в метель, сложно определить, откуда идет звук. Особенно при разгулявшемся ветре...

Мать научила его стряпать с дюжину простых блюд и в том числе делать сэндвичи с расплавленным сыром. «Сначала положи немного горчечашек, — наставляла она (горчечашками Джанет Джоунс назвала горчицу, от слов «горчица и кашки»), — намажь маслом хлеб, именно хлеб, а не сковороду, иначе получишь поджаренный хлеб с кусочками сыра, и ничего больше». Он до сих пор не понимал, в чем тут разница и каким образом намашенная сковорода может повлиять на конечный результат, но свято следовал заветам матери, хотя считал сплошной морокой смазывать верхнюю сторону хлеба, пока поджаривается нижняя. Но точно так же снимал резиновые сапоги, входя в дом, потому что мать считала, «будто от них ноги горят». Джоунси понятия не имел, что это означает, но и сейчас, приближаясь к сорокалетнему рубежу, стаскивал сапоги, как только переступал порог.

— Думаю, я и сам не прочь это попробовать, — сказал Джоунси, выкладывая сэндвичи на сковороду маслом вниз. Бульон уже закипал, от него шел дивный запах — уют и тепла.

— Разумеется. Надеюсь, с вашими друзьями все в порядке.

— Да, — рассеянно произнес Джоунси, помешивая в кастрюльке. — Где вы остановились?

— Ну... мы обычно охотились в Марс-хилл, там у дяди Нэта и Бекки был охотничий домик, но два года назад какой-то кретин поджег его. Пьянство и сигаретные окурки до добра не доведут, как говорят пожарные.

— Да, дело обычное, — кивнул Джоунси.

— Правда, страховку выплатили, но охотиться стало негде. Я уже думал, что на этом всему конец, но Стив нашел довольно милое местечко в Кинео. Я думал, это просто тауншип^[9], нечто вроде поселка, еще одна часть Джефферсон-тракт, но немногие жители зовут его Кинео. Вы знаете, о чем я?

— Знаю, — проговорил Джоунси онемевшими губами.

Очередной телефонный звонок из ниоткуда. «Дыра в стене»

находилась примерно в двадцати милях к востоку от магазина Госслина. Кинео же был милях в тридцати к западу. Всего пятьдесят миль. И его хотят убедить, что человек, сидящий на диване и едва не с головой укутанный в пуховое одеяло, прошагал со вчерашнего дня пятьдесят миль? Бред. Немыслимо.

— Вкусно пахнет, — сказал Маккарти.

Так и было, вот только Джоунси потерял аппетит.

3

Он как раз нес тарелку к дивану, когда послышался топот ног по гранитной плите. Дверь распахнулась, и в комнату в клубах снега ввалился Бивер.

— Член Иисусов! — воскликнул он.

Как-то Пит составил список биверизмов, и «Член Иисусов» оказался в первой пятерке вместе с такими перлами, как «слизь подзалупная» и «поцелуй меня в задницу», выражениями, отдававшими одновременно дзен-буддизмом и непристойностью.

— Я уж боялся, что так и останусь в снегу, но тут увидел свет, — продолжал Бив, воздев к потолку руки с расставленными пальцами. — Узрел свет, Господи, да, сэр, слава Ии...

Но тут запотевшие стекла очков начали потихоньку проясняться, Бив заметил незнакомца на диване, медленно опустил руки и улыбнулся; одна из причин, по которой Джоунси любил его еще с начальной школы. Пусть Бив иногда бывает утомительным, надоедливый и уж, разумеется, его никак нельзя назвать самой яркой лампочкой в люстре, но первой реакцией на неожиданность и внезапность всегда были не сдвинутые брови, а улыбка.

— Привет, — сказал он. — Я Джо Кларендон. А вы кто?

— Рик Маккарти.

Рик встал, одеяло свалилось, и Джоунси увидел солидное брюшко, выпирающее из-под свитера. Что ж, ничего удивительного, подумал он, обычный недуг среднего возраста, который и нас прикончит лет через двадцать или около того.

Маккарти протянул руку, попытался шагнуть вперед и споткнулся об упавшее одеяло. Не схвати его Джоунси за плечо, наверняка пропахал бы носом пол, сметя по пути журнальный столик, на котором стояли тарелки. И Джоунси снова поразила странная неуклюжесть гостя, заставившая

вспомнить, каким был он сам прошлой весной, когда снова учился ходить. Только сейчас ему удалось разглядеть пятно на щеке Маккарти — оказалось, это вовсе не обморожение, а что-то вроде нароста или родимого пятна с вросшей щетиной.

— Ой, только ничего не ломать! — Бив схватил руку Маккарти и принялся энергично трясти, пока Джоунси не показалось, что Маккарти вот-вот рухнет на журнальный столик.

Он тихо порадовался, когда Бив — все пять футов шесть дюймов Бива — отступил, стряхивая тающий снег с черных, длинных под хиппи волос. Бив снова улыбался, еще шире обычного, и со своими лохмами до плеч и толстыми стеклами очков был, как никогда, похож на математического гения или серийного убийцу, хотя на деле был плотником.

— Рику паршиво пришлось, — сказал Джоунси. — Заблудился вчера и провел ночь в лесу.

Гостеприимная улыбка Бива превратилась в сочувственную. Джоунси, зная, что за этим последует, сжался, посылая Биву мысленную команду заткнуться: у него сложилось впечатление, что Маккарти как человек верующий не выносит богохульства, но, разумеется, просить Бивера хорошенько промыть рот все равно что заклинять ветер уgomониться.

— Сучье вымя! — воскликнул Бивер. — Охренеть можно! Садитесь! Ешьте! И ты тоже, Джоунси!

— Нет уж, лучше ты, — отказался Джоунси. — Тебе нужно согреться.

— Точно не хочешь?

— Не волнуйся, пойду сделаю себе яичницу. А Рик пока расскажет подробности.

Может, хоть ты сумеешь разобраться во всем этом нагромождении несуразиц, подумал он.

— Так и быть. — Бивер стащил куртку (красную) и жилет (разумеется, оранжевый) и хотел было швырнуть их на вязанку дров, но тут же вспомнил что-то. — Погоди-погоди, у меня тут кое-что твое.

Сунув руку в глубокий карман пуховика, он порылся и вытащил книгу в мягкой обложке, довольно помятую, но в остальном вполне пригодную для чтения. На обложке с надписью «Роберт Паркер. Маленькие слабости» плясали дьяволята с вилами. Книга, которую Джоунси забыл на настиле. Бив с улыбкой протянул ее другу:

— Я оставил твой спальный мешок, но подумал, что ты не заснешь, пока не узнаешь, какой хрен это сделал.

— Не стоило лезть наверх в такую погоду, — сказал Джоунси, но на самом деле это его сильно растрогало.

Никто, кроме Бива, на такое не способен, и от этого становилось легче на душе. Значит, Бив продирался сквозь метель и не смог понять, сидит ли еще Джоунси на дереве. Конечно, Бив мог бы его окликнуть, но такое не для Бива. Девиз Бива — верить лишь тому, что видишь собственными глазами.

— Чепуха, — отмахнулся Бив и сел рядом с Маккарти, глазевшим на него, словно на редкостного экзотического зверька.

— Все равно спасибо, — кивнул Джоунси. — Займись сэндвичем. Я пошел жарить яичницу.

Он уже шагнул к плите, но поспешно обернулся:

— А Пит с Генри? Как по-твоему, они успеют добраться к ночи?

Бив открыл было рот, но прежде чем успел ответить, ветер с новой силой набросился на домик, завывая в стропилах и скрипя досками.

— А, подумашь, пара снежинок, — усмехнулся Бивер, когда порыв ветра стих. — Конечно, успеют. А вот если начнется настоящая вьюга, пожалуй, из дома носа не высунешь.

Он впился зубами в сэндвич, а Джоунси поставил на огонь сковороду и еще одну банку с супом. Теперь, когда Бивер был рядом, ему стало легче. По, по правде говоря, ему всегда становилось легче, когда Бив был рядом. Бред, конечно, но так оно и есть.

4

Когда яичница поджарилась, а суп закипел, Маккарти болтал с Бивером, словно оба подружились едва ли не с пеленок. Если Маккарти и был оскорблен непрерывным потоком хоть и забавного, но все же сквернословия, все перевесило несомненное обаяние Бива. «Объяснить это невозможно, — сказал как-то Генри. — Бив охламон, настоящий охламон, но его просто невозможно не любить. Поэтому и постель у него не остывает, не думаешь же ты, что бабы ловятся на его неземную красоту!»

Джоунси понес суп с яичницей в гостиную, стараясь не хромать: поразительно, насколько сильнее ноет бедро в плохую погоду. Он всегда думал, что это бабушкины сказки, но, похоже, ошибался.

Он с трудом опустиллся в кресло рядом с диваном. Маккарти больше трепал языком, чем ел. Он почти не притронулся к супу и прикончил только половину сэндвича.

— Ну как вы, парни? — спросил Джоунси и, посыпав яичницу перцем, принялся энергично жевать: похоже, аппетит его все-таки не покинул.

— Мы — два счастливых блядуна, — сказал Бивер, но, несмотря на легкомысленный тон, Джоунси показалось, что он взволнован, даже, пожалуй, встревожен. — Рик рассказывал мне о своих приключениях. Совсем как история из тех журналов для взрослых, что валялись в парикмахерских, когда я был сопляком.

Он, все еще улыбаясь, обернулся к Маккарти, обычный, вечно улыбающийся Бив, по привычке запустивший руку в тяжелую гриву волос.

— Тогда на нашей стороне Дерри парикмахером был старик Кастонже, он пугал ребятишек своими огромными ножницами до такого посинения, что меня, бывало, на веревке к нему не затащишь.

Маккарти слабо улыбнулся, но не ответил, поднял оставшуюся половину сандвича, осмотрел и снова положил. Красная метка на щеке пылала багрецом, как только что выжженное клеймо Бивер тем временем продолжал трещать, словно боялся, что Маккарти ненароком скажет хоть слово. За окном продолжал валить снег, ветер не унимался, и Джоунси подумал о Генри и Пите, возможно, застрявших в старом «скауте» на Дипкат-роуд.

— Оказывается, Рик не только едва не попал в лапы ночного чудовища, вполне возможно — медведя, но и ружье потерял. Новенький с иголки «ремингтон 30–30», отпад, но только тебе его никогда больше не видать, ни единого шанса на миллион!

— Знаю, — сказал Маккарти. Краска снова сошла со щек, вытесненная свинцовой бледностью. — Не помню даже, когда я его бросил или...

По комнате внезапно пронесся резкий отрывистый рокот, словно кто-то рвет бумагу. Джоунси почувствовал, как мурашки бегут по коже. Неужели что-то застряло в дымоходе?

Но тут же понял, что это Маккарти. В свое время Джоунси слышал немало непристойных звуков, и громких, и долгих, но такого... Кажется, это длилось вечность, хотя на деле прошло не больше нескольких секунд. И тут же — нестерпимая вонь.

Маккарти, поднявший было ложку, уронил ее в нетронутый суп и почти девичье-смущенным жестом поднес правую руку к изуродованной щеке.

— О Боже, простите, — сказал он.

— Ничего страшного, всякое бывает, — усмехнулся Бивер, но скорее по стародавней привычке.

В эту минуту им владел инстинкт, инстинкт и ничего больше. Но Джоунси видел, что Бив так же ошеломлен запахом, как и он сам. Это был не привычный сернистый смрад тухлых яиц, унюхав который, можно

посмеяться и, помахав рукой, шутливо спросить: «Ах, черт, кто это режет сыр?» И не болотно-метановая вонь. Нет. Джоунси узнал этот запах, такой же, как изо рта Маккарти: смесь эфира и перезрелых бананов, совсем как пусковая жидкость, которую заливаешь в карбюратор в морозное утро.

— О Боже, это ужасно, — повторял Маккарти. — Мне так неловко.

— Да ничего страшного, — сказал Джоунси, хотя внутренности свернулись в тугой клубок, словно перед приступом рвоты. Теперь он ни за что не сможет доест, даже пытаться не стоит. Обычно он не так брезглив, но сейчас просто изнемогает от омерзения.

Бив поднялся с дивана и открыл окно, впустив снежный вихрь и поток благословенно чистого воздуха.

— Не стоит волноваться, партнер, но уж больно дух ядреный. Что это вы ели? Кабаний помет?

— Листья, мох и все, что под руку попадалось, не помню точно. Я так проголодался, что готов был наброситься на что угодно, да только ничего в этом не понимаю, так и не прочел ни одной книги Юэлла Гиббонса, и... конечно, было темно, — добавил он, словно по вдохновению, и Джоунси поймал взгляд Бивера, желая убедиться, что тот тоже понимает: каждое слово Маккарти — ложь. Маккарти либо не помнит, что ел, либо не ел вообще, просто пытается объяснить это отвратительное лягушачье кваканье и зловоние, его сопровождавшее.

Снова налетел ветер и с громким жалобным стоном послал новый заряд снега сквозь открытое окно. Слава Богу, хоть вытеснит застоявшийся воздух!

Маккарти подался вперед так поспешно, словно его толкнули в спину, а как только понуро свесил голову, Джоунси сразу сообразил, что сейчас произойдет. Прощай, ковер навахо! Бив, очевидно, подумал то же самое, поскольку поспешно подтянул длинные ноги, оберегая их от брызг.

Но вместо рвоты из утробы Маккарти вырвалось долгое тихое гудение, жалоба станка, работающего на пределе возможностей. Глаза Маккарти вылезли из орбит, как мраморные шарики, а кожа так натянулась на скулах, что, казалось, вот-вот лопнет. И все это длилось и длилось, раскат за раскатом, а когда наконец прекратилось, жужжание генератора показалось чересчур громким.

— Слышал я всякие отрывки, но эта штука бьет все рекорды, — с неподдельным уважением заявил Бив.

Маккарти откинулся на спинку дивана: глаза закрыты, уголки губ опущены, то ли от смущения, то ли от боли, то ли от того и другого вместе. И снова этот запах бананов и эфира, смрад брожения, словно что-то

начинает гнить.

— О Боже, мне так жаль, — сказал Маккарти, не открывая глаз. — Со мной это творится весь день, с самого рассвета. И живот снова болит.

Джоунси и Бив обменялись встревоженными взглядами.

— Знаете что? — предложил Бив. — Думаю, вам нужно прилечь и поспать. Вы всю ночь были на ногах, боясь, что наткнетесь на приставучего медведя и бог знает еще кого. Наверняка измучились, устали и прочее дерьмо. Придавите часиков десять и будете как огурчик.

Маккарти уставился на Бива с такой униженной благодарностью, что Джоунси стало немного стыдно, словно он подглядывал под чужими окнами. Хотя лицо Маккарти было по-прежнему тускло-серым, на лбу выступили огромные капли пота и покатались по щекам, как прозрачное масло. И это несмотря на прохладный сквознячок, гуляющий по комнате!

— Пожалуй, — сказал он, — вы правы. Я устал, вот и все. Живот, правда, ноет, но это все стресс. И ел я незнамо что — ветки и, Господи, о Господи, все, что ни попадя. — Он рассеянно поскреб щеку: — Эта чертова штука на лице очень скверно выглядит? Кровоточит?

— Нет, — заверил его Джоунси. — Обычное покраснение.

— Аллергия, — скорбно признался Маккарти. — Такое же у меня бывает от арахиса. Пожалуй, нужно прилечь. Самое оно.

Он поднялся, но тут же пошатнулся, и прежде чем Бив и Джоунси успели его подхватить, выпрямился и кое-как удержался на ногах. Джоунси мог бы поклясться, что выпуклость, казавшаяся солидным брюшком, почти исчезла. Неужели такое возможно? Или в бедняге действительно было столько газов? Трудно сказать. Одно ясно: выпустил он достаточно, чтобы рассказывать о таком чуде последующие двадцать лет, примерно в таком ключе: «Как вам известно, каждый год, в первую неделю охотничьего сезона мы собираемся в хижине Бивера Кларендона, и как-то в ноябре две тысячи первого, в самую жестокую метель, забрел к нам один тип...» Что ж, забавная история, люди будут смеяться над жалким говнюком, люди всегда рады посмеяться над беднягой, ухитрившимся пукнуть и рыгнуть на весь мир. Но, разумеется, Джоунси никому не признается, как едва не спустил курок «гаранда», приняв Маккарти за оленя. Эту часть он оставит при себе. Да и не стоит ни с кем делиться таким...

Поскольку одну нижнюю спальню занимали Пит и Генри, Бивер отвел Маккарти в другую, ту, где обычно спал Джоунси, предварительно послав другу извиняющийся взгляд. Тот лишь плечами пожал. В конце концов это вполне логично. Джоунси переночует вместе с Бивером, как когда-то в детстве. Кроме того, неизвестно, сможет ли Маккарти одолеть ступеньки:

Джоунси все сильнее тревожило потеющее, оловянно-серое лицо гостя, тупой, какой-то оцепеневший взгляд.

Джоунси был из тех людей, которые, застлав постель, немедленно погребают ее под всякой всячиной: книгами, газетами, одеждой, пакетами и прочими мелочами. Пришлось поспешно смести все это на пол, перед тем как откинуть одеяло.

— Не хотите отлить, партнер? — осведомился Бив.

Маккарти покачал головой, не отводя зачарованного взгляда от чистой голубой простыни. И Джоунси снова поразил его остекленевший взгляд. Совсем как у тех голов, которые принято вешать на стену в качестве охотничьих трофеев.

И тут он внезапно, ни с того ни с сего, увидел свою гостиную в Бруклине, одном из самых престижных пригородов Бостона. Плетеные коврики, раннеамериканская мебель... и голова Маккарти, укрепленная над камином. «Этого я свалил в Мэне. Здоровый был, скотина, фунтов сто семьдесят», — будет он рассказывать гостям на вечеринках.

Он закрыл глаза, а открыв, обнаружил, что Бив смотрит на него с некоторым беспокойством.

— Бедро скрутило, — сказал Джоунси. — Прости. Мистер Маккарти, снимайте свитер и джинсы. И, конечно, сапоги.

Маккарти воззрился на него с видом человека, очнувшегося от глубокого сна.

— Конечно, — проговорил он. — Еще бы!

— Нужна помощь? — спросил Бив.

— Господи, нет. — Казалось Маккарти вот-вот расхохочется. — Не настолько я низко пал.

— В таком случае оставляю вас на попечение Джоунси, — сказал Бивер, выскальзывая за дверь.

Маккарти принялся стягивать свитер через голову. Под ним оказалась красно-черная охотничья рубашка, а еще ниже — фуфайка с подогревом. И да, теперь Джоунси был уверен, что брюшко Маккарти значительно опало.

Ну... скажем, почти уверен. Пришлось напомнить себе, как всего час назад он был уверен, что видит не куртку Маккарти, а оленью голову.

Маккарти плюхнулся на стул у окна, чтобы снять сапоги, и снова пукнул: не так оглушительно, как в первый раз, но все же громко и неприлично. Оба словно не заметили этого, хотя вонь распространилась такая, что у Джоунси заслезились глаза.

Маккарти сбросил сапоги, со стуком приземлившиеся на пол, и стянул голубые джинсы, под которыми, как и предполагал Джоунси, оказались

кальсоны с подогревом. В комнате вновь появился Бив с фаянсовым ночным горшком и, поставив его у изголовья, сказал:

— На случай, если вдруг... ну вы знаете, приспичит. Или подопрет так, что мочи не станет.

Маккарти тупо, словно не понимая, о чем идет речь, уставился на него, и Джоунси снова кольнула тревога. Не нравилось ему все это. Незнакомец в мешковатом нижнем белье казался непривычно зловещим. Большой незнакомец. Вопрос в том, насколько он болен.

— На случай, если не добежите до ванной, — объяснил Бив. — Которая, кстати говоря, совсем близко. Как раз слева от спальни, но помните, не первая, а вторая дверь по этой стене. Если вломитесь в первую, значит, придется срать в бельево чулане.

Джоунси от неожиданности засмеялся, ничуть не заботясь о том, что издает чересчур высокие, слегка истерические звуки.

— Мне уже лучше, — сказал Маккарти, но Джоунси не заметил в его голосе ни малейшей искренности. Кроме того, Маккарти продолжал стоять посреди комнаты, как андроид, память которого была на три четверти стерта. И если прежде он выказывал некоторую живость, даже суетливость, сейчас энергия выработалась, исчезла, словно румянец на щеках.

— Ну же, Рик, — тихонько поторопил Бив. — Ложитесь и покемарьте чуток. Нужно же вам набраться сил.

— Да-да. — Он тяжело опустился на расстеленную кровать и выглянул в окно. Широко раскрытые невидящие глаза... Джоунси показалось, что запах постепенно рассеивается, но, возможно, он попросту принялся, как бывает, если долго прстоишь в обезьяннике. — Боже, какой снег!

— Да, — кивнул Джоунси. — Как ваш живот?

— Лучше, — повторил Маккарти, оборачиваясь к Джоунси. Теперь в глазах плескался страх. Как у испуганного ребенка. — Простите, что так бесцеремонно выпускаю газы. Такого со мной раньше не бывало. Даже в армии, где мы питались почти одними бобами. Но теперь мне и вправду полегчало.

— Уверены, что не хотите помочиться перед сном? — Джоунси, отец четверых детей, задал привычный вопрос почти автоматически.

— Нет. Сходил в лесу, перед тем как вы нашли меня. Спасибо, что приютили. Спасибо вам обоим.

— А, дьявол, — сказал Бивер, неловко переминаясь с ноги на ногу, — всякий бы на нашем месте сделал бы то же.

— Может, и да, — кивнул Маккарти. — А может, и нет. Помните, как в Библии: «Внемли, стою и стучусь у порога твоего...»

Ветер за окном завывал все яростнее, так что тряслись стены. Джоунси ждал продолжения: похоже, Маккарти было что рассказать, но тот молча лег и натянул одеяло. Откуда-то из глубин кровати донесся очередной смрадный рокот, и Джоунси решил, что с него довольно. Одно дело — впустить заблудившегося путника, оказавшегося на твоём пороге, и совсем другое — терпеть непрестанную газовую атаку.

Бивер последовал за ним и осторожно прикрыл дверь.

5

Джоунси хотел было что-то сказать, но Бив, покачивая головой, приложил палец к губам и повел его в кухню — самое дальнее место от спальни. Не выходить же на улицу в такую погоду!

— Слушай, с этим парнем явно что-то неладно, — сказал Бивер, и даже в синеватом сиянии люминесцентной лампы Джоунси увидел, как он озабочен.

Бив пошарил в широком нагрудном кармане комбинезона, нашел зубочистку и принялся грызть. Через три минуты — столько времени уходит у заядлого курильщика на сигарету — он превратит зубочистку в горстку измочаленных щепок. Джоунси никак не мог взять в толк, как выносят его зубы (и желудок) подобное варварство, но привычка сохранилась едва не с пеленок.

— Надеюсь, ты ошибся, хотя... — Джоунси покачал головой. — Ты когда-нибудь нюхал такое?

— Ну, пердун! — согласился Бивер. — Но дело не только в расстройстве желудка.

— Ты это о чем?

— Видишь ли... Он почему-то уверен, что сегодня одиннадцатое ноября.

Джоунси никак не мог сообразить, о чем толкует Бив. Одиннадцатого ноября они приехали сюда, как всегда, в старом «скауте» Генри.

— Бив, сегодня среда. Четырнадцатое.

Бивер невольно улыбнулся. Зубочистка, уже успевшая треснуть, переместилась в другой уголок рта.

— Мне-то это известно. И тебе тоже. А вот Рику — нет. Он считает, что сегодня день Господень.

— Бив, припомни, что он тебе сказал?

Вряд ли что-то существенное: в конце концов сколько времени может

уйти на яичницу? Бив задумался, а Джоунси тем временем принялся мыть посуду. Он ничего не имел против походной жизни, но терпеть не мог разводить свинарник в отличие от многих вырвавшихся на волю мужчин.

— Сказал, что их компания заявила с утра в субботу, чтобы не терять день. В воскресенье он чинил крышу. И добавил: «По крайней мере я не нарушил заповедь, касающуюся работы в день субботний. Когда заблудишься в лесу, думаешь только об одном: как бы не спятить».

— Ага, — хмыкнул Джоунси.

— Пожалуй, я бы не поклялся под присягой, что он в самом деле считает, будто сегодня — одиннадцатое. Может, он имеет в виду прошлую неделю, четвертое ноября, потому что все твердил о воскресенье. Кроме того, поверить невозможно, что он скитался десять дней.

Джоунси кивнул. Десять дней вряд ли. А вот три... такому, пожалуй, можно верить.

— Это объясняет кое-что, им сказанное, — начал Джоунси — Он...

Пол скрипнул, и оба, подскочив от неожиданности, обернулись к закрытой двери спальни. Но оттуда никто не появился. Совсем забыли, что доски пола и стен вечно поскрипывают, даже когда ветра нет. Они пристыженно переглянулись.

— Да, я сегодня на взводе, — сказал Бивер, то ли поняв что-то по лицу Джоунси, то ли верно прочитав его мысли. — Признайся, старик, тебе тоже немного не по себе. Откуда он только выполз!

— «Не по себе» — это слабо сказано!

— Звук такой, словно он забил в задницу какое-то несчастное создание, погибающее от удушья! — Бив сам удивился собственному остроумию.

Они расхохотались одновременно, задыхаясь, зажимая рты, стараясь, чтобы гость не услышал и не понял, что смеются над ним. Джоунси приходилось особенно трудно: он чувствовал необходимость разрядки и в то же время понимал, что находится на грани истерики. Сгибаясь пополам, он охал, фыркал, захлебывался, не вытирая катившихся слез.

Наконец Бивер схватил его за руку и вывел на крыльцо. Они долго стояли, раздетые, в глубоком снегу, радуясь возможности посмеяться вволю в таком месте, где свист ветра заглушал остальные звуки.

Когда они снова вошли в дом, руки Джоунси совсем онемели,

пришлось сунуть их под горячую воду, и Джоунси пожаловался, что совсем не ощущает тепла. Но на душе было на удивление спокойно. Иногда полезно вволю посмеяться! Он даже почти забыл о Пите и Генри. Как они там? Сумеют ли благополучно вернуться?

— Ты сказал, это кое-что объясняет, — напомнил Бив, принимаясь за очередную зубочистку. — Что именно?

— Он не знал о том, что ожидается снег, — медленно выговорил Джоунси, пытаясь поточнее воспроизвести слова Маккарти. — Жаловался на синоптиков. «Вот тебе и «ясно и умеренно холодно», кажется, он именно так сказал. Но это имело бы смысл, если последний прогноз он слышал одиннадцатого или двенадцатого, ведь почти до самой ночи действительно было ясно.

— Да, и умеренно, мать его, холодно, — согласился Бивер и, вытащив посудное полотенце с выцветшим узором из божьих коровок, принялся вытирать тарелки. — Что он еще сказал?

— Что они остановились в Кинео.

— Кинео?! Да это в сорока — пятидесяти милях к западу отсюда! Он. — Бивер вынул зубочистку изо рта, исследовал следы зубов и сунул обратно. — Понятно.

— Да, он не смог бы проделать все это за одну ночь, но если скитался три дня...

— И четыре ночи, если он заблудился днем в субботу, это четыре ночи...

— Да, и четыре ночи. Если предположить, что все это время он шел строго на запад... — Джоунси произвел мысленные подсчеты. По пятнадцать миль в день. — Вполне возможно, я бы сказал.

— Но как же он не замерз? — Бивер бессознательно понизил голос. — Правда, куртка у него длинная и белье с подогревом, но с самого Хэллоуина температура не поднималась выше двадцати градусов. Может, объяснишь, как это он шлялся по лесу четыре ночи и не замерз?! И даже не обморозился, если не считать этой штуки у него на щеке.

— Понятия не имею. А, кстати, почему он не оброс?

— Ну? — У Бивера поехала челюсть. Зубочистка опасно свисала с нижней губы. Наконец, опомнившись, он медленно кивнул. — Да. Щетина почти не видна.

— Да, на трехдневную не похожа.

— Похоже, он брился не далее чем вчера, верно?

— Верно.

Джоунси представил себе блуждающего по лесу Маккарти,

испуганного, замерзшего и голодного (хотя по виду не скажешь, что он пропустил так уж много обедов), но все же каждое утро подходящего к ручью, чтобы разбить ботинком лед, а потом вынуть верный «Жиллетт» из... откуда? Из кармана куртки?

— А вдруг сегодня утром он потерял бритву, оттуда и щетина? — предположил Бив.

Он снова улыбался, но, кажется, не слишком весело.

— Ну да. Заодно с ружьем. Видел его зубы?

Бивер многозначительно поморщился:

— Четырех недостает. Двух сверху, двух снизу. Выглядит в точности как тот малый, что вечно красуется на обложке журнала «Мэд»^[10].

— Ничего страшного, старина. У меня самого парочка смылась в самовольную отлучку. — Он приподнял губу, обнажая левую десну в не слишком приятной кривой ухмылке. — Видишь? Так и живу.

Джоунси покачал головой. Это дело другое.

— Пойми, малый — адвокат. Он постоянно на людях. Внешность — часть его имиджа. Он на этом живет. С такой вывеской? Эти провалы на самом виду! Клянусь, он не знал, что они вывалились.

— Не думаешь, что он оказался в зоне повышенной радиации? — хмуро спросил Бивер. — Зубы выпадают на хрен при лучевой болезни, я как-то в кино видел. Один из тех ужасиков, которые ты вечно смотришь. Как, по-твоему, такое могло быть? А если он и эту красную метку тогда же и получил?

— Ну да, схватил дозу, когда взорвался ядерный реактор в Марсхилле, — хмыкнул Джоунси и тут же пожалел о срыве при виде недоумевающей физиономии Бивера. — Бив, когда у тебя лучевая болезнь, волосы выпадают тоже.

Бивер мгновенно просветлел:

— Точно! Мужик в том фильме под конец облысел, как Телли, как-там-его, тот, что играл копа по телевизору. — И помедлив, добавил: — Потом он умер. Тот, что в кино, конечно, не Телли, хотя если задуматься...

— Но у этого волосы на месте, — перебил Джоунси. Дай только Биверу волю, и тот немедленно начнет растекаться мыслию по древу.

Он заметил, что в отсутствие чужака ни один из них не называл его Риком или Маккарти. Только «малый»... словно оба подсознательно стремились низвести его до уровня, ниже человеческого... превратить в нечто неопределенное, незначительное, словно это позволит придать меньше значения, если... словом, если...

— Ну да, — подтвердил Бивер. — Волос у него хоть отбавляй.

— Может, у него амнезия?

— Кто знает? Хотя он помнит свое имя, с кем приехал, всякое такое. Слушай, вот пернул-то! Как в трубу дунул! А вонь! Настоящий эфир!

— Верно. Как пусковая жидкость. Кстати, от диабетиков в коже иногда пахнет. Читал в каком-то триллере.

— Похоже на пусковую жидкость?

— Не помню.

Они долго стояли молча, глядя друг на друга, прислушиваясь к завыванию ветра. Джоунси вдруг сообразил, что забыл рассказать Биверу о молнии, которую якобы видел чужак, но к чему трудиться? И без того достаточно.

— Я думал, что он блеванет, когда наклонился вперед и свесил голову, — сказал Бивер. — Ты тоже?

Джоунси кивнул.

— И выглядит он плохо, совсем паршиво.

— Куда уж хуже.

Бивер вздохнул, бросил зубочистку в мусорное ведро и глянул в окно, на сплошную стену снега.

— Черт, хоть бы Генри и Пит были здесь! — Он пригладил волосы. — Особенно Генри.

— Бив, Генри — психиатр.

— Знаю, но это все, что у нас есть по медицинской части, а малый явно нуждается в лечении.

Собственно говоря, Генри действительно был врачом, без этого он не получил бы диплома психоаналитика, но, насколько знал Джоунси, никогда не занимался ничем, кроме психиатрии.

— Все еще уверен, Бив, что они успеют вернуться?

— Был. Полчаса назад, но сам видишь, что творится. Будем надеяться, — мрачно проговорил Бив. В эту минуту в нем ничего не осталось от всегда беспечного, жизнерадостного Бивера Кларендона. — Будем надеяться.

Глава 3. «СКАУТ» ГЕНРИ

1

Пристально следя за светом фар «скаута», буравившим дырки в снежной завесе, которая накрыла Дип-кат-роуд, Генри пробивался к «Дыре в стене» и попутно обдумывал способы, как это сделать.

Разумеется, под рукой всегда был Выход Хемингуэя, когда-то в Гарварде, на последнем курсе, он даже написал статью с таким названием, так что, должно быть, уже тогда имел в виду именно такое решение, не просто выполнял очередное задание очередного курса, нет, что-то было в этом глубоко личное... скрытая тяга... даже в то время.

Так вот, Выход Хемингуэя был короток и прост: дробовик. И будь сейчас у Генри оружие... не то что он бы непременно сделал это в обществе друзей. У их четверки бывало немало хороших моментов в «Дыре в стене» и было бы нечестно все портить. Такое навсегда осквернило бы «Дыру» для Пита и Джоунси, да и для Бивера тоже, возможно, больше всего именно для Бивера, а это уж подлость. Но скоро все свершится, он чувствовал, как оно приближается, словно зуд в носу, перед тем как чихнуть, но, наверное, это так и будет выглядеть. Всего лишь «ап-чхи» — и привет тьма, старая подруга.

Согласно Выходу Хемингуэя, следует снять туфлю и носок, упереть приклад в пол, сунуть дуло в рот, большим пальцем спустить курок.

Памятка себе, подумал Генри, выравнивая вильнувший «скаут». Хорошо еще, что колеи остались, да, собственно говоря, эта дорога и есть две колеи, вырытые трелевочными машинами, безостановочно ползущими по ней летом.

Если сделаешь это таким образом, прими сначала слабительное и подожди, пока сходишь в туалет, ни к чему доставлять лишние хлопоты тем, кто тебя найдет.

— Пожалуй, не стоит так спешить, — сказал Пит.

У его ног стояла неизменная бутылка с пивом, уже наполовину опустошенная. Но одной бутылки недостаточно, чтобы вернуть Питу благодушное настроение. Еще три-четыре, и Генри вполне может переть по этой дороге под шестьдесят в час, а Пит при этом будет громко подпевать этому мудацкому диску «Пинк Флойд». А он вполне способен выжать

шестьдесят, и ничего «скауту» не сделается, разве что бампер немного погнет. Оказаться в колеях Дип-кат, пусть и забитых снегом, все равно что лететь по рельсам. Если снег будет так валить и дальше, их дело плохо, ну а пока... все в порядке.

— Не волнуйся, Пит, все тип-топ.

— Хочешь пива?

— Только не за рулем.

— Даже в такой глухомани?

— Позже.

Пит притих, предоставив Генри тоскливую работенку: следить за светом фар и пробираться по извилистой дороге между деревьями. Оставив его наедине со своими мыслями, чего тот и добивался. Все равно что трогать и трогать языком больной зуб, проверяя, ноет или нет. Но именно этого он и хотел.

Существуют таблетки. Существует старый надежный способ: включенная электробритва в ванне с водой. Можно утонуть. Прыгнуть с обрыва. Револьвер в ухо — слишком ненадежно. Как и резать вены на запястьях, это только для психопатов, разыгрывающих самоубийство. Генри крайне заинтересовал японский способ: надеть петлю на шею. Привязать другой конец к большому камню. Положить камень на сиденье стула, сесть на пол и прижаться к чему-нибудь спиной, так, чтобы нельзя было упасть назад. Опрокинуть стул. Камень откатится. Человек может прожить от трех до пяти минут в состоянии усугубляющейся асфиксии. Серое перетекает в черное — привет тьма, старая подруга.

Он прочел об этом методе в одном из любимых Джоунси детективов Кинси Милхоуна. Детективы и ужастики — две составляющие радостей Джоунси. Но Генри больше склонялся к Выходу Хемингуэя.

Пит прикончил первую бутылку и, довольно улыбаясь, дернул пробку второй.

— И что ты об этом думаешь?

Генри словно выдернули силком из той вселенной, где живые действительно хотели жить. И как обычно в последнее время, он нетерпеливо поморщился. Но сейчас главное, чтобы никто из них ничего не заподозрил, а ему казалось, что Джоунси уже насторожился, да и Бивер вроде бы тоже. Эти двое иногда могли заглянуть внутрь. Пит, разумеется, ни сном ни духом, но и он способен сболтнуть в самый неподходящий момент, мол, каким озабоченным выглядит старина Генри, должно быть, что-то неприятное на уме, а Генри совсем это ни к чему. Для их четверки, старой канзасской банды Алых Пиратов третьего-четвертого классов, эта

поездка в «Дыру в стене» будет последней, и нужно, чтобы о ней сохранились самые светлые воспоминания. Пусть они будут потрясены и ошеломлены случившимся, даже Джоунси, который чаще других видел Генри насквозь. Пусть твердят, что для них это полнейшая неожиданность. Все лучше, чем если оставшиеся трое будут сидеть по углам, опустив головы, боясь встретиться взглядами, думая, что им следовало бы догадаться, что все признаки были налицо, а они так ничего и не предприняли.

Поэтому он вернулся в другую реальность, убедительно изображая неподдельный интерес. А кому это удастся лучше, чем шринку?

— О чем я должен думать?

— Да об этой чепухе у Госслина, тупица, — пояснил Пит, закатив глаза. — О том вздоре, о котором толковал старик Госслин.

— Пит, его не зря зовут стариком. Ему уже восемьдесят, не меньше, а единственное, в чем не испытывают недостатка старики и старухи, так это истерия — типичный психоз пожилого возраста.

«Скаут» тоже не весенний цыпленочек — четырнадцать лет и второй круг по орбите одометра — выскочил из колеи, и его незамедлительно занесло, невзирая ни на какой четырехколесный привод. Генри выровнял машину, едва не засмеявшись, когда Пит уронил бутылку на пол и пронзительно взвизгнул:

— Эй, мать твою, какого черта! Смотри, что делаешь!

Генри сбавил скорость, почувствовал, что «скаут» стал слушаться, и снова нажал на педаль намеренно быстро и сильно. Машина снова пошла юзом, на этот раз против часовой стрелки. Очередной вопль Пита... Он повторил маневр, «скаут» вновь ввалился в колеи и на этот раз побежал гладко как по маслу. Неоспоримое преимущество решения покончить с жизнью — малые неприятности больше не действуют на нервы. Все по фигу.

Свет прорезал слепящую белизну, состоящую из миллиардов пляшущих снежинок, среди которых, если верить расхожей мудрости, нет ни одной одинаковой.

Пит поднял бутылку (выплеснулось совсем немного) и похлопал себя по груди.

— Ты не слишком гонишь?

— Ни чуточки, — сказал Генри и продолжил спокойно, словно ничего не случилось (на самом деле машина рыскнула) или течение его мыслей не прерывалось (оно и не прерывалось): — Массовая истерия — явление вполне обычное среди очень старых и очень молодых. Подробно

описанный феномен как в моей области, так и в смежной профессии, социологии.

Он глянул на спидометр, увидел, что идет под тридцать пять миль, что и в самом деле довольно быстро для подобной погоды, и сбросил скорость.

— Лучше?

Пит кивнул:

— Не обижайся, ты классный водила, но, старина, в такой снег! Кроме того, машина нагружена! — Он помахал большим пальцем в сторону двух пакетов и двух коробок на заднем сиденье. — Кроме сосисок, у нас там макароны «крафт» с сыром. Бивер без этой жратвы жить не может.

— Знаю. Мне они тоже нравятся. Вспомни истории о сатанистах в штате Вашингтон. Пресса в середине девяностых буквально с ума сходила. Следы привели к старикам, живущим с детьми, а в одном случае — с внуками, в двух городишках к югу от Сиэтла. Многочисленные жалобы о сексуальных издевательствах над детьми в детских садах, очевидно, посыпались, когда девочки-подростки, работающие неполный рабочий день, подняли ложную тревогу одновременно в Делавэре и Калифорнии. Возможно, совпадение, возможно, просто назрела подходящая обстановка для подобных сенсаций, и девочки этим воспользовались.

Как гладко скатываются с языка слова, словно в самом деле имеют какой-то смысл. Генри разглагольствовал, а сидевший рядом человек слушал в немом восхищении, и никто (особенно Пит) не мог предположить, что он выбирает между дробовиком, веревкой, выхлопной трубой и таблетками. Голова была словно забита магнитофонной пленкой, а сам он — нечто вроде плеера, непрерывно пропускающего сквозь себя кассету за кассетой.

— В Салеме, — продолжал Генри, — истерия поразила как стариков, так и молодых девушек, и voilà^[11] — тут тебе и процесс о салемских ведьмах.

— Мы с Джоунси этот фильм видели, — сказал Пит. — Там Винсент Прайс играл. Я от страха в штаны наложил!

— Еще бы, — засмеялся Генри. На какое-то безумное мгновение ему показалось, что Пит имеет в виду «Плавильную печь». — А когда истерические идеи обретают силу? Как только урожай собран, настает плохая погода, когда самое время рассказывать страшные истории и выдумывать всякие пакости. В Уинатчи, штат Вашингтон, — сатанизм и жертвоприношения детей в лесу. В Салеме — ведьмы. А в Джефферсон-тракт, обиталище единственного и неповторимого магазина Госслина, — странное свечение в небе, пропавшие охотники и войсковые маневры, не

говоря уже о фантастических красных штуках, растущих на деревьях.

— Не знаю насчет вертолетов и солдат, но так много народу видели эти огни, что пришлось даже созвать городское собрание. Сам старик Госслин мне сказал, пока ты выбирал консервы. Кроме того, несколько человек из Кинео действительно исчезли, какая уж тут истерия! — возразил Пит.

— Позволь заметить, что невозможно созвать городское собрание в Джефферсон-тракт, поскольку это не город. Даже Кинео — всего лишь тауншип, имеющий, правда, название. Во-вторых, собрание будет проходить вокруг печки старого Госслина, и половина присутствующих успеют накачаться мятным джином или бренди, — заметил Генри.

Пит хихикнул.

— В-третьих, что им еще делать? И четвертое, насчет охотников: многие, возможно, попросту устали от охоты и отправились по домам или надрались и решили разбогатеть в новом казино в Каррабассете.

— Ты думаешь? — Пит выглядел подавленным, и Генри, ощутив внезапный прилив горячей любви к другу, похлопал его по коленке.

— Не страдай, — сказал он. — Мир полон непонятого и непознанного.

Будь мир действительно таким, сомнительно, чтобы Генри так стремился бы покинуть его, но если что психиатры и умели в совершенстве (кроме как выписывать рецепты на прозак, паксил и амбиен^[12]), так это лгать.

— Исчезновение четверых охотников сразу кажется мне более чем странным.

— Нисколько, — усмехнулся Генри. — Одного, вот это странно. Двоих... пожалуй, тоже. А вот сразу четверых? Да они попросту собрались вместе и отбыли, можешь не сомневаться.

— Сколько еще до «Дыры в стене», Генри? — Что, разумеется, означает: «У меня еще есть время для одной бутылочки пивка?»

Генри обнулil одометр у Госслина, старая привычка, еще со времен работы на «скорой» в штате Массачусетс, где платили по двенадцать центов за милю и всех престарелых психопатов, которых ты был в состоянии обслужить. Расстояние между магазином и «Дырой» легко запомнить: 22,2 мили. На одометре — 12,7, что означает...

— НЕ ЗЕВАЙ! — взвизгнул Пит, и Генри перевел взгляд на ветровое стекло.

«Скаут» как раз взобрался на вершину крутого, поросшего деревьями гребня. Здесь снег был еще гуще, но Генри ясно различал человека, сидевшего на дороге футах в ста впереди. Неизвестный был закутан в

мешковатое пальто с капюшоном, поверх которого ярким пятном выделялся оранжевый жилет, развевавшийся, как плащ супермена. На голове косо сидела меховая ушанка с пришитыми к ней оранжевыми лентами, тоже трепетавшими на ветру, напоминая цветные полосы, которыми иногда украшают площадку с подержанными автомобилями. Неизвестный сидел посреди дороги, как индеец, решивший выкурить трубку мира, и даже не пошевелился, когда узкие лучи света настигли его. Генри успел заметить глаза мумии: широко открытые, но неподвижные, такие неподвижные и блестящие, ничего не выражающие, и подумал:

И мои такими же будут, если не держать себя в руках.

Времени затормозить не оставалось, особенно в таком снегу. Генри крутанул руль вправо и почувствовал толчок, когда «скаут» вновь выбился из колеи. Он мельком увидел белое застывшее лицо, и в голове вихрем пронеслась мысль:

Черт побери, да это женщина!

«Скаут» немедленно занесло, но на этот раз Генри намеренно постарался завязнуть в снегу, отчетливо, каким-то внутренним чутьем зная (времени подумать не оставалось), что это единственный шанс сиделицы-на-дороге, притом весьма слабый.

Пит взвыл, и Генри уголком глаза заметил, как тот бессознательно отстраняющим жестом вытянул руки. «Скаут» переваливался с ухаба на ухаб, и Генри вывернул руль, пытаясь уберечь незнакомку от удара в лицо. Руль с противной, головокружительной легкостью скользил под затянутыми в перчатки руками. Секунды три «скаут» полз по покрытой снегом Дип-кат-роуд под углом сорок пять градусов, отчасти из-за беспощадного ветра, отчасти благодаря водительскому мастерству Генри Девлина. Снег клубился вокруг мелкой белой пылью; огни фар желтыми пятнами плясали по ссутулившимся под тяжестью сугробов соснам, слева от дороги. Все это продолжалось секунды три — целую вечность. Генри видит, как мимо проносится силуэт, словно движется она, а не машина, только женщина так и не шевельнулась, даже когда ржавый край бампера проскочил от ее лица где-то в полудюйме. Всего полудюйм морозного воздуха между острой железкой и ее щекой!

Обошлось! — ликовал Генри. — Обошлось, стерва ты этакая! Последняя туго натянутая нить самообладания лопнула, и «скаут» развернуло боком. Машину затрясло, как в горячке, когда колеса снова отыскивали колею, только на этот раз вlepились поперек. Трудяга-«скаут» все еще пытался встать на верный путь, найти устойчивое положение, «задом наперед, все наоборот», — как пели они в начальной школе, стоя в строю,

но налетел то ли на камень, то ли на бревно и с ужасающим грохотом опрокинулся, сначала набок, со стороны пассажирского сиденья, засыпав все вокруг осколками битых стекол, а потом на крышу. Одна половина ремня безопасности порвалась, и Генри вышибло из кресла. Он приземлился на левое плечо, ударившись мошонкой о рулевую колонку, и сразу ощутил свинцовую тяжесть в паху. Сломанная ручка управления поворотником вонзилась в бедро, по ноге побежала теплая струйка крови, сразу намочившая джинсы. «Кларет, — как объявлял когда-то радиокомментатор боксерских матчей. — Смотрите, ребята, кларет потек». Пит то ли выл, то ли визжал, то ли то и другое вместе.

Несколько минут двигатель продолжал работать, но потом сила притяжения сделала свое дело, и мотор заглох. Некогда сильная машина превратилась всего лишь в уродливый горб на дороге, хотя колеса все еще вертелись, а свет продолжал обшаривать занесенные снегом сосны по левой стороне. Вскоре одна фара погасла, но другая еще не сдавалась.

2

Генри много и долго беседовал с Джоунси о несчастном случае (правда, не столько говорил, сколько слушал, терапия в основном и состояла в способности творчески выслушивать пациента) и знал, что Джоунси не запомнил самого столкновения. Насколько мог сказать Генри, он сам после аварии ни на мгновение не терял сознания, и цепочка воспоминаний не разрывалась. Он отчетливо помнил, что возится с застежкой ремня, пытаясь поскорее избавиться от этого дерьма, а Пит тем временем орет, что у него нога сломана, его чертова нога сломана. Помнил ритмичное «шурх-шурх» «дворников», мерцание индикаторов на приборной доске, которая теперь оказалась над головой. Он нашел застежку ремня, тут же потерял, снова нашел и нажал на кнопку. Ремень поддался, и Генри неловко упал, стукнувшись о крышу плечом и разбив пластиковый потолочный плафон. Неуклюже пошарив рукой по дверце, он нашел ручку, попытался открыть, но ничего не получалось.

— Моя нога! Ах ты с-сука!..

— Заткнись, — велел Генри. — Ничего с твоей ногой не случилось.

Можно подумать, он точно знал.

Генри снова отыскал ручку, нажал, но дверца не открывалась. Наконец он сообразил, в чем дело: машина лежит вверх колесами, и он тянет не в ту сторону. Он возобновил усилия под беспощадным светом обнажившейся

лампы бывшего потолочного плафона, и дверца щелкнула. Он толкнул ее ладонью, почти уверенный, что ничего не выйдет: раму наверняка погнуло, и повезет еще, если удастся отвести, приоткрыть щель дюймов на шесть.

Но дверца закрипела, и в лицо ударила целая пригоршня снега, обожгла холодом лицо и шею. Генри приналег плечом, но только когда ноги оторвались от рулевой колонки, сообразил, что фактически висит в воздухе. И сейчас, сделав нечто вроде сальто, вдруг обнаружил, что пристально рассматривает свой, затянутый в джинсы пах, словно решил попробовать поцеловать ноющие яйца, как обычно делают дети, когда хотят, чтобы «бо-бо» прошло. Диафрагма сплюснулась вдвое под самым невероятным углом, и дышать становилось все труднее.

— Генри, помоги! Я застрял! Застрял, мать твою!

— Минутку! — прохрипел он каким-то чужим, сдавленным голосом.

Даже из этого положения он видел, что верх левой штанины потемнел от крови. Ветер в соснах гудел, как холодильник «Электролюкс» самого Господа Бога.

Генри схватился за дверцу, тихо радуясь, что вел машину в перчатках, и дернулся что было сил: необходимо во что бы то ни стало выбраться, освободить диафрагму, иначе он задохнется. Еще мгновение, и он вылетел наружу, как пробка из бутылки. Какое-то время он не мог двинуться: просто лежал, отдуваясь, смагивая налипшие на веки снежинки, глядя на переливающуюся, колышущуюся снежную сеть. Небо над головой было совершенно обычным, как всегда, ничего странного, он готов был в этом поклясться в суде на всех Библиях мира. Только низко нависшие серые брюшки облаков и психоделическое обвальное мелькание снега.

Пит звал его с нарастающей паникой.

Генри перевернулся, встал на колени, понял, что, кажется, обошлось, и осмелился подняться. Постоял, качаясь на ветру, опасаясь, что раненая нога подломится и снова опрокинет его в снег, но устоял. Тряхнул головой и, ковыляя, обошел «скаут» посмотреть, чем можно помочь Питу. И мельком глянул в сторону женщины, из-за которой они попали в этот чертов переплет. Она по-прежнему сидела в позе лотоса посреди дороги, полузанесенная снегом. Жилет развевался и хлопал по ветру, с ушанки все так же радостно подмигивали ленточки. Она даже не обернулась посмотреть на них и по-прежнему пялилась в сторону магазина Госслина. Широкий изгибающийся след протектора прошел примерно в футах от ее согнутой ноги, и Генри до сих пор не мог понять, как ему удалось ее объехать.

— Генри! ГЕНРИ, ДА ПОМОГИ ЖЕ!

Он похромал по глубокому снегу к противоположной дверце. Ее заклинило, но когда Генри снова встал на колени и дернул обеими руками, она нехотя приоткрылась. Генри снова плюхнулся на колени, стиснул плечо Пита и потянул. Ничего.

— Отстегни ремень, Пит.

Пит повозился немного, но так и не смог найти пряжку, хотя она красовалась прямо на животе. Осторожно, без малейшего признака нетерпения (похоже, он все еще был в шоке) Генри отстегнул пряжку, и Пит мешком свалился на крышу. Голова бессильно свесилась набок. Пит взвизгнул от боли и удивления, но тут же сообразил, что делать, и, извиваясь ужом, выполз из полуоткрытой дверцы. Генри подхватил его под мышки и оттащил подальше. Оба свалились в снег, и Генри вдруг поразило мгновенное дежавю, столь сильное и неожиданное, что он едва не потерял сознание. Разве не так они играли детьми? Ну конечно! Как в тот день, когда научили Даддитса лепить снежных ангелов.

Откуда-то донесся пронзительный смех, и Генри растерянно вздрогнул. И тут же осознал, что смеется он сам. Пит резко сел — широко открытые безумные глаза, залепленная снегом спина, сжатые кулаки — и немедленно набросился на Генри.

— Какого хрена ты ржешь? Этот козел едва не отправил нас на тот свет! Удушью сукина сына!

— Не сына, а саму суку, — поправил Генри, смеясь еще громче.

Вполне возможно, что Пит не расслышал его за воем ветра, но какая разница! Как давно ему не было так легко!

Пит без особых усилий поднялся с земли, и Генри уже хотел изречь что-то мудрое вроде того, что тот исключительно легко двигается для человека со сломанной ногой, но тут Пит снова рухнул, вопя от боли. Генри подошел ближе и пощупал вытянутую ногу Пита. Похоже, все в порядке, хотя разве можно определить наверняка сквозь два слоя одежды?

— Она все-таки не сломана, — сказал Пит, морщась от боли. — Мениск потянул, совсем как когда играл в футбол. Где она? Это точно женщина?

— Да.

Пит встал и, волоча ногу, обошел машину спереди. Оставшаяся фара по-прежнему героически освещала снег.

— Если выяснится, что она не калека и не слепая, за себя не отвечаю, — объявил он Генри. — Отвешу такого пенделя, что мигом долетит до лавки Госслина.

Генри снова разобрал смех, стоило представить, как Пит, подпрыгивая

на здоровой ноге, пинает незнакомку больной. Совсем как блядские «Рокеттс»!^[13]

— Пит, не смей ее трогать! — закричал он, сильно подозревая, что всякий эффект от строгого приказа будет уничтожен приступами маниакального хохота.

— Не стану, если она не будет огрызаться, — пообещал Пит тоном оскорбленной старой девы, что вызвало новый приступ смеха.

Немного отдышавшись, Генри спустил джинсы и кальсоны, чтобы взглянуть на рану. Оказалось, что это всего лишь царапина длиной дюйма три на внутренней стороне бедра. Правда, кровь еще не совсем унялась, но Генри показалось, что ничего особенно страшного нет.

— Какого дьявола вы тут вытворяете? — крикнул Пит с другого бока перевернутой машины, «дворники» которой продолжали скорбно шуршать.

Хотя тирада была, как всегда, сдобрена ядреным словом (печальное влияние Бивера и биверизмов), Генри снова пришла на ум оскорбленная пожилая леди-учительница, что привело к очередному приступу веселья.

Он рывком подтянул штаны и выпрямился.

— Почему восседаете здесь посреди долбаной дороги в самую гребаную метель? Пьяны? Обширились? Что вы за безмозглая телка? Эй, отвечайте же! Мы с приятелем едва не откинули копыта из-за вас, можно бы по крайней мере... ох, МАТЬ ТВОЮ!

Генри подбежал как раз вовремя, чтобы увидеть, как Пит падает рядом с неподвижной мисс Буддой. Должно быть, опять коленка подвела. Женщина даже не повернула головы. Оранжевые ленты реяли за спиной. Лицо обращено к метели, широко раскрытые глаза не мигают, даже когда снежинки, залетающие в них, тают на теплых живых линзах, и Генри, невзирая на обстоятельства, вдруг ощутил профессиональное любопытство. На что же они наткнулись?

— О-о, сучье вымя, распротак тебя и этак, до чего же ПАРШИВО!

— Ну как ты? — спросил Генри и снова захохотал. Что за дурацкий вопрос!

— А как по-твоему, шринки-бой? — съязвил Пит, но когда Генри нагнулся над ним, слабо махнул рукой: — Нет, я в порядке, лучше проверь принцессу Дермостана. С чего это она тут уселась?

Генри, кривясь от боли, опустился на колени перед женщиной. Ныло

все тело: ноги, ушибленное о крышу плечо, а шею было трудно повернуть, но, несмотря на все это, он по-прежнему посмеивался.

Незнакомка несколько не походила на деву в беде. Лет сорока, некрасивая и плотно сбитая. Хотя парка казалась довольно толстой, да и под низ наверняка было немало чего надето, все же она заметно топорщилась спереди, выпирающими выпуклостями, специально для которых, видимо, и была изобретена операция по уменьшению груди. Волосы, выбившиеся из-под клапанов ушанки, очевидно, были подстрижены наспех и кое-как. Она тоже носила джинсы, но из одной ее ляжки можно было выкроить два бедра Генри. Первое определение, которое пришло ему на ум, было: деревня. Из тех, что вечно развешивают бельишко на захламленном дворе, рядом со своим экстра-широким трейлером, а из приемника, выставленного в открытом окне, несется очередная попса... В крайнем случае покупает бакалею у Госслина... чем ей еще заняться? Правда, оранжевый жилет и ленты указывают на то, что она приехала охотиться, но в таком случае, где же ее ружье? Снегом замело?

В широко раскрытых синих глазах не было ни проблеска мысли. Совершенно пустые. Генри поискал следы, но ничего не нашел. Наверняка успели скрыться под снегом.

Но что-то было во всем этом неестественное. Откуда она свалилась? С неба?

Генри стащил перчатку и пощелкал пальцами перед ее невидящими глазами. Она моргнула. Не слишком много, но куда больше, чем он ожидал, если учесть тот факт, что многотонная машина только сейчас пронеслась в шаге от нее, а она и не дернулась.

— Эй, — заорал он что есть мочи. — Эй, очнитесь! Очнитесь же!

Он снова щелкнул онемевшими пальцами: когда они успели так замерзнуть. Ну мы и попали! — подумал он. — Вот так влипли!

Женщина рыгнула. Звук показался поразительно громким, заглушившим даже шум ветра, и прежде чем его унесло, Генри ощутил горьковатый резкий запах, что-то вроде медицинского спирта. Незнакомка заерзала, поморщилась и испустила газы с рокотом, похожим на мурлыканье заведенного мотора. Может, подумал Генри, это местный способ здороваться?

Эта мысль снова его рассмешила.

— Охренеть, — прошептал Пит ему в ухо. — Нужно проверить, у нее штаны целы после такого выхлопа? Ну и ну! Что вы пили, леди, политуру? Она пила что-то, и будь я проклят, если это не антифриз.

Генри согласно кивнул.

Глаза женщины неожиданно ожили, встретились со взглядом Генри, и тот был потрясен увиденной в них болью.

— Где Рик? — спросила она. — Я должна найти Рика, он единственный, кто остался.

Она растянула губы в уродливой гримасе, и Генри заметил, что во рту не хватает половины зубов, а оставшиеся выглядят колыями покосившейся изгороди. Она снова рыгнула, и Генри даже зажмурился от едкого запаха.

— Господи Иисусе! — взвизгнул Пит. — Да что это с ней?

— Не знаю, — пожал плечами Генри, с тревогой заметив, что глаза женщины снова остекленели.

Кажется, дело плохо. Будь он один, можно было бы сесть рядом с женщиной и обнять ее за плечи: куда более интересное и, вне сомнения, оригинальное решение его последней проблемы, чем Выход Хемингуэя. Но нужно еще позаботиться о Пите, Пите, не успевшем пройти даже первый этап лечения от алкоголизма, хотя, возможно, все еще впереди. И кроме того, его разбирало любопытство.

4

Пит сидел в снегу, растирая колено и поглядывая на Генри. Ждал, что тот предпримет. Что ж, вполне справедливо, Генри достаточно часто приходилось выполнять роль мозгового центра этой четверки. Лидера у них не было, но Генри считался чем-то вроде. Так повелось еще со школы.

Женщина, однако, ни на кого не смотрела. Снова тупо пялилась в снежное пространство.

Остынь, велел себе Генри. Вздохни поглубже и остынь.

Он набрал в грудь побольше воздуха, задержал и медленно выдохнул. Лучше. Немного лучше. Итак, что же все-таки с дамой? Не важно, откуда она явилась, и что здесь делает, и почему от нее несет вонью разбавленного антифриза. Что с ней творится именно сейчас?

Шок, очевидно. Шок настолько сильный, что вылился в нечто вроде ступора, недаром же она даже не дрогнула, когда «скаут» пронесся едва не по ногам. И все же она не ушла в себя настолько глубоко, что только гипноз мог бы вывести ее из этого состояния: среагировала на щелчок пальцев и заговорила. Справлялась о каком-то Рике.

— Генри...

— Помолчи секунду.

Он снова снял перчатки, вытянул руки и хлопнул в ладоши перед ее лицом. И хотя звук был очень тихий по сравнению с буйной музыкой ветра, она снова моргнула.

— Встать!

Генри схватил ее за руки и даже обрадовался, ощутив конвульсивное пожатие ее пальцев. Он подался вперед, морщась от запаха эфира. Любой человек, испускающий такую вонь, не может быть здоров.

— Ну же, вставайте! Со мной! На счет «три». Раз, два, ТРИ!

Он потянул ее вверх. Она поднялась, пьяно пошатываясь, и снова рыгнула. И одновременно испустила ветры. Ушанка сползла на один глаз. Видя, что она и не пытается ничего сделать, Генри приказал:

— Поправь ей шапку!

— Что?

Пит тоже встал, хотя не слишком уверенно держался на ногах.

— Не хочу ее отпускать. Открой ей глаза и нахлобучь шапку покрепче.

Пит нехотя послушался. Женщина слегка наклонилась, скорчила гримасу, пукнула.

— Большое спасибо, — кисло пробурчал Пит. — Вы очень добры, спокойной ночи.

Почувствовав, что женщина обмякла, Генри сильнее сжал руки.

— Шагайте! — заорал он ей прямо в лицо. — Шагайте вместе со мной. На счет «три». Раз, два, ТРИ!

Он повел ее к капоту «скаута». Теперь она уставилась на него, и он старался удержать ее взгляд. Не оборачиваясь к Питу (не хотел рисковать снова ее потерять), он велел:

— Держись за мой ремень. Веди меня.

— Куда?

— Вокруг «скаута».

— Не уверен, что смогу...

— Придется. А теперь делай что говорят.

Прошло не меньше минуты, прежде чем он ощутил пробравшуюся под куртку руку Пита. Тот вцепился в его ремень, и все трое медленно поплелись через узкую полосу дороги, в неуклюжей конге, сквозь желтый неподвижный свет уцелевшей фары. Здесь по другую сторону огромной беспомощной туши «скаута» они по крайней мере были защищены от ветра. Уже неплохо.

Вдруг женщина резко выдернула руки и нагнулась, широко разинув рот. Генри проворно отступил, не желая получить в лицо струю рвоты, но вместо этого она оглушительно рыгнула и тут же испустила ветры. Такого

грома Генри еще не доводилось слышать, а он мог бы поклясться, что всего наслушался за всю жизнь в больничных палатах северного Массачусетса. Однако она удержалась на ногах, шумно вдыхая воздух носом.

— Генри, — охнул Пит, хриплым то ли от ужаса, то ли от благоговения голосом. — Господи, Генри, СМОТРИ!

Он потрясение уставился в небо. Мельком отметив, что челюсть у приятеля как-то странно отвисла, Генри последовал его примеру и глазам не поверил. По низко нависающим облакам медленно скользили круги ярких огней. Генри, жмурясь, принялся считать, но все сбивался. Девять или десять? Он вспомнил о прожекторах, пронзавших небо на голливудских премьерах, но откуда здесь прожекторы? А если бы и были, они наверняка увидели бы столбы света, поднимающиеся в снежном воздухе. Источник света явно находился то ли над облаками, то ли прямо в облаках, но уж никак не ниже. Огни хаотически метались взад-вперед, и Генри охватил внезапный атактистический ужас... поднимающийся изнутри, из самых глубин. Спинной мозг мгновенно превратился в ледяной столп.

— Что это? — почти заскулил Пит. — Иисусе, Генри, ЧТО ЭТО?!

— Я не...

Женщина подняла голову, увидела пляшущие огни и принялась визжать, на удивление громко, истошно и с таким ужасом, что Генри самому захотелось завывать.

— ОНИ ВЕРНУЛИСЬ! ВЕРНУЛИСЬ! ВЕРНУЛИСЬ! — вопила она.

Генри хотел было успокоить ее, но женщина прислонилась головой к шине «скаута» и закрыла руками глаза. Она больше не кричала, только тихо стонала, как попавшее в капкан животное, без всякой надежды освободиться.

Неизвестно, сколько времени (возможно, не более пяти минут, хотя, казалось, гораздо дольше) они наблюдали игру огней на небе. Цветные круги подскакивали, раскачивались, подмигивали, метались влево и вправо — словно бы играли в чехарду. В какой-то момент Генри сообразил, что их осталось всего пять, а потом исчезли еще два. Женщина, по-прежнему уткнувшись в шину, снова пукнула. Генри вдруг осознал, что они торчат в снежной пустыне, глаза на нечто вроде небесного явления, скорее всего оптического, очевидно, последствия снегопада, пусть и занятого, но вряд

ли способствующего их скорейшему возвращению в безопасное место. Он отчетливо вспомнил последние показания одометра: 12,7. До «Дыры в стене» почти десять миль, немаленькое расстояние даже в самых благоприятных обстоятельствах, а тут, метель вот-вот перейдет в буран. Не говоря уже о том, что он единственный может идти.

— Пит!

— Это что-то! — выдохнул Пит. — НЛО хреново, клянусь, как в «Секретных материалах»! Как по-твоему...

— Пит! — Он ухватил Пита за подбородок и повернул его лицом к себе. Наверху таяли два последних огня. — Это какие-то электрические разряды, только и всего.

— Ты так думаешь? — Пит выглядел абсурдно разочарованным.

— Да, что-то связанное с бурей. Но даже если это первая волна Бабочек-Инопланетян с планеты Алнитак, вряд ли это будет иметь какое-то значение, если мы все превратимся в эскимо на палочке. Ты мне нужен. Вспомни свой коронный трюк. Сумеешь?

— Не знаю, — сказал Пит, бросив последний взгляд на небо. Там оставался только один круг и то уже почти неразличимый. — Мэм? Мэм, они вроде как исчезли. Теперь самое время оттаять. Ну как?

Женщина не ответила, по-прежнему прижимаясь к шине. Ленты на ушанке негромко хлопали. Пит вздохнул и повернулся к Генри:

— Что тебе нужно?

— Знаешь шалаши лесорубов вдоль дороги?

Таких было всего восемь или девять. Всего-навсего четыре столба, накрытых куском ржавой жести. Рабочие бумагоделательной фабрики хранили там до весны бревна и кое-какое оборудование.

— Еще бы, — кивнул Пит.

— Можешь вспомнить, какой ближе всего?

Пит закрыл глаза, поднял палец и стал двигать им взад-вперед, одновременно прищелкивая языком. Старая манера, еще со школы. Не такая давнишняя, как привычка Бивера жевать карандаши и зубочистки или любовь Джоунси к детективам и ужастикам, но все же многолетняя. И Пит ни разу не ошибался. Оставалось надеяться, что и сейчас не подведет.

Женщина, возможно, уловив тихие, тикающие звуки, подняла голову и огляделась. На лбу чернело большое пятно, оставленное шиной.

Пит наконец открыл глаза.

— Прямо тут, — заявил он, показывая в направлении «Дыры в стене». — Вон за тем поворотом будет холм. Перевалить через него, и дальше по прямой. Совсем недалеко. По левой стороне. Часть крыши

обвалилась. У какого-то Стивенсона там шла носом кровь.

— Правда?

— Да ну, старик, не знаю, — смутился Пит.

Генри смутно припомнил убогий приют... а то, что крыша обвалилась, даже неплохо: если жесьь достает до земли, будет хоть к чему прислониться.

— Недалеко — это сколько?

— С полмили. Самое большее — три четверти.

— И ты уверен.

— Точно.

— Можешь со своим коленом проковылять столько?

— Думаю, да, а вот она как?

— По-моему, она приходит в себя, — кивнул Генри.

Положив руки на плечи женщины, он повернул ее к себе, так, что они оказались почти нос к носу. Несло у нее изо рта омерзительно: антифриз с примесью чего-то органического, масляного... но он не пытался отодвинуться.

— Нужно идти, — объяснил он, без крика, но громко и повелительно. — Шагаем вместе по счету «три». Один, два, ТРИ!

Он взял ее за руку и, обогнув «скаут», вывел на дорогу. После мгновенного сопротивления она покорно последовала за ним, казалось, не чувствуя ни холода, ни ветра. Так продолжалось минут пять, но тут Пит снова пошатнулся.

— Подожди, — выдавил он. — Чертово колено опять фокусничает.

Нагнувшись, он принялся массировать колено. Генри посмотрел на небо. Ничего.

— Ну как ты? Сможешь добраться?

— Смогу, — сказал Пит. — Давай, вперед.

Они благополучно добрались до середины склона, и тут Пит со стоном упал, матерясь и хватаясь за ногу. Заметив взгляд Генри, он издал странный горловой звук, что-то среднее между смехом и рычанием:

— Не волнуйся. Малютка Пит доползет.

— Уверен?

— Угу. — И к ужасу Генри (к которому примешивалось, как ни странно, веселье, мрачное веселье, последнее время не покидавшее его ни

на минуту), Пит принялся молотить кулаками несчастную коленку.

— Пит...

— Отпускай, чертова тварь, отпускай! — вопил Пит, полностью игнорируя приятеля.

Все это время женщина стояла, сгорбившись, не обращая внимания на то, что ветер дует в спину и оранжевые ленты лезут в глаза. Неподвижная, молчаливая, как выключенный станок.

— Пит?

— Все нормально, — отмахнулся Пит, устало глядя на Генри, но в глубине глаз тоже мелькали смешливые искорки. — Мы в полном дерьме или нет?

— В полном.

— Вряд ли я дошагаю до самого Дерри, но уж до этой развалюхи дотопаю. — Он протянул Генри руку: — Помоги встать, вождь.

Генри послушно рванул его с земли, и Пит поднялся, скованно, неуклюже, словно у него затекли ноги. Постояв немного, он кивнул:

— Пойдем. Поскорее бы убраться подальше от ветра. Черт возьми, нужно было захватить пару бутылок пива.

Они вскарабкались на вершину холма. На другой стороне ветер не так свирепствовал. К тому времени, как они спустились, Генри позволил себе надеяться, что хотя бы эта часть их путешествия окончится благополучно. Но на полпути к темнеющему остоу убежища женщина рухнула, сначала на колени, потом лицом вниз. И осталась лежать неподвижно, чуть повернув голову, только пар, вырывавшийся изо рта, служил признаком того, что она еще жива (ах, насколько все было бы проще, замерзни она несколько часов назад, подумал Генри). Немного отдохнув, она легла на бок и утробно рыгнула.

— Ах ты, надоедливая п...а! — сказал Пит не зло, скорее устало, и глянул на Генри. — Ну, что теперь?

Генри опустился на колени, кричал на нее, щелкал пальцами, хлопал в ладоши, считал до трех. Бесполезно.

— Останься с ней. Может, я найду что-то вроде волокуши.

— Желаю удачи.

— Можешь предложить что-то другое?

Пит, поморщившись, уселся в снег и вытянул перед собой больную ногу.

— Нет, сэр, — вздохнул он. — Все блестящие мысли истощились.

Генри добрался до хижины минут за шесть. Раненое бедро онемело, но он старался не обращать внимания. Если дотащить сюда Пита и женщину и если «арктик кэт»^[14], стоявший без дела в «Дыре в стене», заведется, все еще может обойтись. И черт возьми, интересная штука эти небесные огни...

Крыша из рифленого железа обвалилась очень удачно. Перед, выходивший на дорогу, оставался открытым, но упавший лист образовал заднюю стенку, и из неглубокого сугроба выглядывал кусок грязно-серого брезента, усыпанный опилками и щепками.

— Есть! — крикнул Генри, хватая примерзший брезент.

Оторвать его от земли удалось не сразу, но в конце концов ткань с треском подалась, напомнив Генри о звуках, издаваемых женщиной. Таща за собой брезент, он устремился туда, где оставил Пита и незнакомку.

Пит по-прежнему сидел в снегу рядом с бесчувственной женщиной, неестественно выставив ногу.

Все оказалось куда легче, чем посмел надеяться Генри. Самым трудным было взвалить ее на брезент, дальше все пошло как по маслу. Несмотря на свой вес, она скользила по снегу, как на санях. Генри тихо радовался холоду. Будь сейчас градусов на пять теплее, мокрый снег прилипал бы к ткани. Да и дорога была совсем короткой.

Снег уже доходил до щиколоток и валил все гуще, но и снежные хлопья стали крупнее. Как они горевали, увидев такие в детстве! «Кончается!» — говорили они друг другу, скорбно вздыхая.

— Эй, Генри! — окликнул Пит, чуть задышавшись, но это уже не имело значения: до хижины было рукой подать. Да и Пит старался беречь ногу и семенил, почти не сгибая колена.

— Что?

— Последнее время я часто вспоминаю Даддитса... и... ну, не странно ли?

— Нет костяшек, — не задумываясь, сказал Генри.

— Точно, — нервно подхватил Пит. — «Нет костяшек, нет игры». Не думаешь, что это странно?

— Если это так, — ответил Генри, — мы оба не в себе.

— Ты это о чем?

— Я сам часто думаю о Даддитсе. С прошлого марта. Мы с Джоунси собирались поехать к нему...

— Правда?

— Да. Но Джоунси как раз сбила машина.

— Спятивший старый мудак! Как только ему разрешили сесть за руль! — взорвался Пит. — Джоунси чудом остался в живых!

— Именно чудом, — кивнул Генри. — Остановка сердца в машине «скорой». Едва спасли.

Пит замер с открытым ртом.

— Нет, правда? Так паршиво? Так близко?

Генри только сейчас понял, что проболтался.

— Да, только держи язык за зубами. Карла мне сказала, но Джоунси, похоже, не знает. А я так... — Он неопределенно махнул рукой, но Пит понимающе кивнул. «А я так ничего и не почувствовал», — хотел сказать Генри.

— Не волнуйся, я нем как рыба, — заверил Пит.

— Да уж, постарайся.

— Так вы и не добрались до Дадса.

— Не пришлось, — покачал головой Генри. — За всеми этими тревоблениями с Джоунси я совсем забыл. Тут и лето настало, знаешь, как одно цепляется за другое...

Пит сочувственно вздохнул.

— Но поверишь, я тоже думал о нем, совсем недавно. У Госслина.

— Малыш в цветастой рубашонке? — спросил Пит. Каждое слово вырывалось изо рта облачками пара.

Генри кивнул. «Малышу» вполне могло быть лет двадцать — двадцать пять. Трудно сказать, когда речь идет о даунах. Рыжеволосый, семенивший по центральному проходу маленького темного магазинчика, рядом с мужчиной, похоже, отцом: та же охотничья куртка в черно-зеленую клетку и, что важнее всего, с такими же морковными волосами, только поредевшими настолько, что местами проглядывал голый череп. И взгляд предостерегающий, ясно говоривший: «Попробуйте словом обмолвиться насчет моего парня, худо придется».

И, разумеется, никто из них слова не сказал, в конце концов они отмахали двадцать миль от «Дыры в стене», чтобы запастись пивом, хлебом и хот-догами, а не нарываться на неприятности. Кроме того, они когда-то знали Даддитса... собственно говоря, почему знали... знают и

сейчас, посылают подарки на Рождество, открытки на дни рождения Даддитса, который когда-то, по-своему, на свой особый, своеобразный манер, был одним из них. Правда, Генри вряд ли мог признаться Питу, что думает о Дадсе в самые неподходящие моменты. Моменты? Да нет, с тех пор, как шестнадцать месяцев назад понял, что хочет покончить с собой, и все, что он делает и говорит, стало либо способом оттянуть неизбежное, либо подготовкой к грядущему событию. Иногда он даже видел во сне Бива, твердившего: «Дай я это улажу, старик...», и Даддитса, с любопытством повторявшего: «Сто увадис?»

— Нет ничего странного в том, что мы вспоминаем Даддитса, Пит, — сказал он, втаскивая импровизированные санки в шалаш и тяжело отдуваясь. — Мы мерили себя по Даддитсу. Даддитс — самое светлое, что было в нашей жизни. Наш звездный час.

— Ты так считаешь?

— Угу. — Генри поспешно плюхнулся на снег, решив отдышаться, прежде чем переходить к следующему пункту плана.

Сколько там на часах? Почти полдень. К этому времени Джоунси и Бивер наверняка поняли, что дело не только в метели и что им пришлось худо. Может, догадаются завести снегоход (если он работает, напомнил себе Генри, если чертова таратайка работает) и отправятся на поиски. Это сильно упростит ситуацию.

Он оглядел лежавшую на брезенте женщину. Растрепанные волосы закрывали один глаз, второй с леденящим безразличием смотрел на Генри, вернее, сквозь него.

Генри свято верил, что перед всеми детьми рано или поздно встает необходимость самозащиты и что одиночки действуют куда менее решительно, чем детские стаи. Очень часто это выливалось в неоправданную жестокость. Генри и его друзья вели себя прилично, неизвестно по какой причине. Правда, в конце концов это, как и все остальное, особого значения не имеет, но не вредно помнить, что когда-то ты боялся последствий и был паинькой.

Он сказал Питу о своих планах, объяснил, что требуется от Пита, и тяжело поднялся. Пора начинать. Нужно во что бы то ни стало добраться до «Дыры», пока не стемнеет. Чистое, безопасное, теплое место...

— Ладно, — нехотя согласился Пит. — Будем надеяться, что она не откинёт копыта. И что эти огни не вернутся. — Вытянув шею, он взглянул на небо, но ничего не увидел, кроме темных, нависших над головой туч. — Как по-твоему, что это было? Что-то вроде молнии?

— Эй, да ты прямо-таки эксперт по космосу, — усмехнулся Генри. —

Лучше насобирай щепок, для этого даже вставать не придется.

— На растопку?

— Сообразил, — кивнул Генри и, переступив через женщину, направился к опушке леса, где валялись бревна потолще.

Впереди примерно девять миль. Но сначала они разведут костер. Высокий жаркий костер.

Глава 4. МАККАРТИ ИДЕТ В СОРТИР

1

Джоунси и Бивер, сидя на кухне, играли в криббидж, который называли попросту игрой. Память о Ламаре, отце Бивера, который всегда именовал ее так, словно, кроме этой, на свете других игр не было. Для Ламара Кларендона, жизнь которого вращалась вокруг его строительной компании в центральном Мэне, криббидж, вполне вероятно, и был таковой. Способ убить вечера для тех, кто полжизни проводит в лагерях лесорубов, железнодорожных вагончиках и строительных трейлерах. Доска со ста двадцатью отверстиями, четыре колышка и старая засаленная колода карт. Если все это у вас имеется, считайте, вы в деле.

В криббидж чаще всего играли, чтобы скоротать время: пока пройдет дождь, прибудет заказанный груз или из магазина приедут задержавшиеся друзья и подскажут, что делать со странным парнем, лежащим за закрытой дверью спальни.

Если не считать того, думал Джоунси, что больше всего нам нужен Генри. Пит — что-то вроде приложения. Только Генри знает, что делать. Бивер прав — без Генри, как без рук.

Но Пит и Генри все не ехали. Пока еще для настоящей тревоги слишком рано, возможно, они задержались из-за снегопада, но Джоунси уже начинал беспокоиться, и Биверу, наверное, тоже не по себе. Никто пока не высказал опасений вслух: в конце концов до вечера далеко, и все еще может обойтись, но невысказанная мысль уже витала в воздухе.

Джоунси постарался сосредоточиться на доске и картах, но продолжал поглядывать на дверь спальни. Скорее всего Маккарти уже спит, но, черт возьми, не нравилось ему лицо этого парня!

Джоунси подметил, что и Бив искоса посматривает в ту же сторону.

Джоунси перетасовал древнюю колоду, сдал себе пару карт и отложил криб^[15], когда Бив щелчком подвинул к нему еще две. Бивер снял, и начало было разыграно: в ход пошли колышки^[16].

«Можешь сколько угодно отмечать ход и все же с треском проиграть, — твердил Ламар, с его вечной сигаретой «Честерфилд», свисавшей с уголка губ, и кепчонкой с гордым логотипом «Кларендон констракшн», неизменно надвинутой на левый глаз, как у человека,

который знает тайну, но согласится выдать только за подходящую цену. Ламар Кларендон, порядочный работающий папочка, умерший от инфаркта в сорок восемь, — зато если отмечаешь ход, тебя никогда не объедят».

Нет игры, думал Джоунси. Нет костяшек, нет игры. И тут же по ушам ударил тот чертов дрожащий голос, из больничных кошмаров:

Пожалуйста, перестаньте, я этого не вынесу, сделайте укол, где Марси?

Господи, ну почему мир так жесток? Почему так много оскалившихся зубьями шестеренок готовы перемолоть твои пальцы, почему так много приводов, передач, колес и еще бог знает чего готовы расщепить каждую твою кость?

— Джоунси?

— Что?

— Ты в порядке?

— Да, а в чем дело?

— Ты весь трясешься.

— Правда? — Что тут спрашивать, он и сам это знал.

— Честное слово.

— Наверное, сквозняк. Не чувствуешь никакого запаха?

— От него?

— Ну не от подмышек же Мэг Райан! От него, разумеется.

— Нет, — сказал Бивер. — Пару раз мне казалось... наверное, воображение разгулялось. Когда кто-то все время пердит... ну, знаешь... и к тому же...

— Да, вонь ужасная.

— Да. И отрыжка тоже. Я думал, он наизнанку вывернется. Честно.

Джоунси кивнул. Я боюсь. Сижу здесь, напуганный до усеру, в метель, и жду. Жду Генри, черт бы все побрал. Вот так, подумал он.

— Джоунси!

— Ну что тебе? Мы собираемся доигрывать партию или нет?!

— Естественно, но... как по-твоему, Генри и Пит доберутся?

— Откуда, черт возьми, мне знать?

— У тебя никакого... предчувствия? Может, видение...

— Я не вижу ничего, кроме твоей физиономии.

Бив вздохнул:

— Но все же, думаешь, с ними все нормально?

— Думаю, все. — Джоунси украдкой глянул сначала на часы — половина двенадцатого, — а затем на закрытую дверь, за которой прятался Маккарти. Посреди комнаты, в потоках восходящего воздуха, медленно

поворачивался и колыхался Ловец снов. — Сам видишь, какой снег. Они вот-вот появятся. Ну же, давай играть.

— Давай. Восемь.

— Пятнадцать за два.

— Твою мать! — Бивер сунул в рот зубочистку. — Двадцать пять.

— Тридцать.

— Дальше.

— Один за два.

— Срань господня! — невесело хмыкнул Бивер, поняв, что дела его плохи. — Ты только что в зад мне эти проклятые колышки не втыкаешь каждый раз, когда сдаешь.

— Почему же? И когда сдаешь ты, картина та же самая. Нечего болтать, играй.

— Девять.

— Шестнадцать.

— И одна за последнюю карту, — объявил Бив с таким видом, словно одержал моральную победу.

Он встал.

— Выйду на крыльцо, отолю.

— Это еще зачем? У нас вполне нормальный сортир, на случай, если ты не знаешь.

— Знаю. Просто хочу проверить, не разучился ли еще писать свое имя на снегу.

— Ты когда-нибудь повзрослеешь? — засмеялся Джоунси.

— Ни за что, если это, конечно, в моей власти. И не шуми, парня разбудишь.

Джоунси сгреб карты и стал рассеянно тасовать, следя глазами за идущим к двери Бивером. Почему-то вспомнилась разновидность игры, в которую они играли детьми.

Тогда они называли ее Игрой Даддитса и часами просиживали за ней в гостиной Кэвеллов. Криббидж как криббидж, только отмечать ходы поручали Даддитсу. «У меня десять, — говаривал Генри, — поставь колышек на десять, Даддитс». И Даддитс, расплываясь в добродушной улыбке, никогда не забывал осчастливить Джоунси, воткнув колышек на шесть, десять или любое число из ста двадцати. По правилам Игры Даддитса никто не имел права жаловаться, говорить: «Даддитс, это слишком много, Даддитс, этого недостаточно». И, дьявол, как они веселились! Мистер и миссис Кэвелл иногда заглядывали в комнату и тоже смеялись, и как-то, вспомнил Джоунси, когда им было лет пятнадцать-

шестнадцать, и Даддитсу, разумеется, тоже, Даддитс Кэвелл так и не вырос, и это было в нем самым прекрасным и пугающим, так вот, в тот раз Эйб Кэвелл вдруг заплакал, повторяя: «Мальчики, если бы вы только знали, что это значит для меня и для миссус, если бы вы только знали, что это значит для Дугласа...»

— Джоунси...

Голос Бивера ворвался в его мысли, глухой, странно блеклый, словно растерявший разом все интонации. Вместе с ним ворвался поток холодного воздуха, и Джоунси зябко поежился.

— Закрой дверь, Бив, ты что, морозоустойчивый?

— Иди сюда. Ты должен на это взглянуть.

Джоунси поднялся, подошел к двери и уже открыл было рот, чтобы выругать Бива, но тут же забыл, что хотел сказать. Во дворе теснились животные в количестве, достаточном для небольшого зоопарка, в основном олени, дюжины две ланочек и несколько самцов. Но тут же шныряли еноты, важно переваливались сурки и бесшумно, словно не касаясь снега, скользили белки. Со стороны сарая, где хранились снегоход, инструменты и запасные части, появились три огромные собаки, которых Джоунси сначала принял за волков. Но потом, заметив обрывок веревки на шее у одного, понял, что это скорее всего одичавшие псы.

Все они карабкались вверх по склону Ущелья и явно перемещались к востоку. Джоунси заметил парочку диких кошек приличного размера, мчавшихся бок о бок с оленями, и даже протер глаза, словно не доверяя себе. Но кошки не исчезли, как, впрочем, олени, еноты, белки и сурки. Все они двигались без спешки и без паники, при пожарах так не бывает. Впрочем, и дымом не пахло. Никто никуда не убегал, они просто переселялись на другое место, уходя отсюда подальше.

— Господи Иисусе, Бив, — ошеломленно проговорил Джоунси.

Бив, задравший голову к небу, на миг опустил глаза и тут же снова уставился наверх.

— Лучше посмотри туда.

Джоунси последовал его примеру и зажмурился от слепящего света. Огни, красные, бело-голубые, ходили по небу кругами, зажигая облака, и до него вдруг дошло, что именно видел Маккарти, когда бродил по лесу. Они метались взад-вперед, ловко огибая друг друга, а иногда на мгновение сливаясь, излучая сияние такое нестерпимо яркое, что приходилось прикрывать глаза ладонью.

— Что это? — прошептал он.

— Не знаю, — ответил Бивер, не оборачиваясь. На бледном лице с

пугающей отчетливостью выделялась щетина. — Но это их боятся животные. Поэтому и стараются убратся подальше.

Они простояли на крыльце с четверть часа, и до Джоунси внезапно донеслось тихое жужжание, как от трансформаторной будки. Джоунси спросил Бива, слышит ли он, и тот молча кивнул, не отрываясь от цветных танцующих сполохов размером, по мнению Джоунси, с крышку люка. И хотя так и не понял, кто издает эти звуки — животные или огни, все же не стал спрашивать. Да и речь отчего-то давалась с трудом, язык словно сковало страхом, изнурительным, лихорадочным, бесконечным, как гриппозный бред.

Наконец огни стали таять, и хотя Джоунси не видел, чтобы они мигали, с каждой минутой их становилось меньше. Поток животных тоже иссякал и назойливое жужжание отдалялось.

Бивер передернул плечами, словно пробуждаясь от морока.

— Камера! — воскликнул он. — Хочу сделать несколько снимков, пока все не исчезло.

— Вряд ли ты сумеешь...

— Хотя бы попробую! — почти прокричал Бивер и, тут же понизив голос, повторил: — Я должен попробовать. Может, поймаю в объектив оленей, прежде чем...

Повернувшись, он метнулся к кухне, вероятно, пытаясь припомнить, под какой грудой грязной одежды погребена его древняя исцарапанная камера, но тут же замер и сообщил мрачным, совершенно не в духе Бивера голосом:

— Ох, Джоунси, кажется, у нас проблема.

Джоунси бросил последний взгляд на оставшиеся огни (выцветающие, пропадающие) и обернулся. Бивер стоял у раковины, растерянно оглядывая центральную часть комнаты.

— Что? Что на этот раз?! — Этот противный, визгливый, чуть вибрирующий крик базарной бабы... неужели... неужели... его голос?

Бивер вытянул руку. Дверь в спальню, где они поместили Рика Маккарти... комнату Джоунси... была распахнута. Зато дверь в ванную, которую нарочно оставили открытой, чтобы Рик смог безошибочно откликнуться на зов природы, сейчас захлопнута.

Бивер повернул озабоченное, заросшее щетиной лицо к Джоунси.

— Этот запах... чувствуешь?

Джоунси чувствовал, несмотря на приток холодного воздуха из двери. Все тот же эфир или этиловый спирт, но с какой-то примесью. Экскрементов, это уж точно. И, возможно, крови. И еще чего-то типа метана, копившегося в шахте миллионы лет и теперь вырвавшегося на волю. Иными словами, не та вонь, над которой они хихикали в школьных походах. Куда гуще и несравненно ужаснее. Можно только сравнивать ее с обычными газами, потому что ничего другого на ум не приходило. Словно в ноздри бьет смрад разлагающегося трупа.

— Видишь? — прошептал Бив.

По доскам пола, от одной двери до другой, тянулась цепочка ярких алых пятен. Можно подумать, у Маккарти внезапно кровь носом хлынула.

Вот только Джоунси казалось, что нос тут ни при чем.

3

Из всех тех вещей, которые ему страстно не хотелось делать: сообщить брату Майку, что мама умерла от сердечного приступа, сказать Карле, что если она не завяжет со спиртным и колесами, он уйдет из дома, шепнуть Большому Лу, своему компаньону по палатке в Кэмп-Агавам, что тот намочил постель, — тяжелее всего было пройти эти несколько шагов и пересечь комнату. Все равно что брести куда-то в сонном кошмаре, когда плывешь над землей, даже не шевеля ногами, медленно, неведомо куда, как в вязком глицерине.

Только в дурных снах никогда не попадаешь в нужное место, а тут... им удалось перебраться на другой конец комнаты, так что, очевидно, никакой это не сон. Они застыли, таращась на кровавые брызги, не очень большие, самая внушительная размером с десятицентовик.

— Должно быть, очередной зуб выпал, — по-прежнему вполголоса проговорил Джоунси. — Больше ничего на ум не приходит.

Бив молча поднял брови и, очевидно, решившись, заглянул в дверь. И тут же поманил пальцем Джоунси. Тот боком, по стеночке, не желая терять из виду дверь ванной, подошел поближе. Одеяло было сброшено на пол, словно Маккарти вскочил внезапно и в большой спешке. На подушке еще сохранился отпечаток головы, матрац был примят. На нижней половине простыни расплывалось огромное кровавое пятно, казавшееся лиловым на синем фоне.

— По-моему, в том месте зубы не растут, — шепнул Бивер,

перекусывая зубочистку. Острая щепка спланировала на пол. — Может, у него месячные?

Вместо ответа Джоунси показал в угол, где валялись залитые кровью кальсоны и шорты Маккарти. Хуже всего пришлось шортам: если бы не эластичный пояс и не оставшийся нетронутым клочок ткани, их можно было бы принять за непристойно красное сексуальное белье того типа, который любят носить голубые поклонники «Пентхауса», заранее решившие, что свидание с очередным возлюбленным непременно завершится в постели.

— Загляни в ночной горшок! — сказал Бивер.

— Почему бы просто не постучать в дверь ванной и не спросить, как он себя чувствует?

— Потому что, мать твою, я хочу понять, чего нам следует ожидать, неужели не ясно! — злобно прошипел Бивер и, погладив себя по груди, выплюнул остатки измочаленной зубочистки. — Старик, у меня, кажется, едет крыша.

Сердце Джоунси бешено колотилось. По лицу струился пот. Но тем не менее он ступил в комнату. Если большая часть помещений успела проветриться, то здесь все еще стоял невыносимый смрад дерьма, метана и эфира. Джоунси ощутил, как то небольшое, что он успел съесть, стало колом в желудке, и судорожно напрягся, чтобы удержаться от рвоты. Он шагнул к горшку, но никак не мог заставить себя заглянуть в него: мерещились всякие ужасы. Человеческие органы, плавающие в кровавом бульоне. Зубы. Отрубленная голова.

— Ну же, — сказал Бивер.

Джоунси зажмурился, нагнул голову, задержал дыхание и открыл глаза. Ничего. Ничего, кроме чистого фаянса, неярко поблескивавшего в свете плафона. Пусто. Он шумно выдохнул сквозь сжатые зубы и вернулся к Биву, стараясь не ступать на кровавые сгустки.

— Ничего, — сообщил он. — Хватит тянуть кота за хвост.

Они прошли мимо бельевого чулана и остановились у отделанной сосновыми панелями двери в туалет. Бивер вопросительно глянул на Джоунси. Тот покачал головой:

— Твоя очередь. Я только сейчас перебрался через минное поле.

— Это ты его нашел, — прошептал в ответ Бив, упрямо выдвинув челюсть. — Тебе с ним и возиться.

Только теперь Джоунси расслышал кое-что еще, расслышал, не прислушиваясь. Частично потому, что звук был таким знакомым, отчасти потому, что он просто помешался на Маккарти, человеке, которого едва не

подстрелил. Похоже, этот шум все время оставался у него в подсознании: тихое «плюх-плюх-плюх», становившееся все громче. Доносившееся неизвестно откуда.

— О дьявол, сучье вымя, — выругался Джоунси, и хотя говорил обычным тоном, оба отчего-то подпрыгнули, как от удара грома. — Мистер Маккарти, — окликнул он, постучав. — Рик! У вас все в порядке?

Не ответит. Не ответит, потому что мертв. Мертв и восседает на троне, совсем как Элвис, подумал он.

Но Маккарти оказался жив.

— Мне что-то нехорошо, парни, — простонал он. — Нужно просидеться. Если мне удастся, я... — Он снова застонал и пукнул, тихо, почти мелодично. Джоунси поморщился, — ...я буду, как огурчик.

По мнению Джоунси, это было огромным преувеличением. Маккарти явно задыхался от боли.

И словно в подтверждение, Маккарти мучительно застонал. Послышался очередной мелодичный звук, и Маккарти вскрикнул.

— Маккарти! — Бивер взялся за ручку, но она не поворачивалась. Маккарти, их маленький сувенир из леса, запер дверь изнутри. Бив принялся дергать ручку. — Рик! Откройте, старина! — крикнул он, делая вид, будто ничего не произошло, будто все это очередная шутка, ничего больше, веселый розыгрыш на лоне природы, но от этого выглядел еще более испуганным.

— Со мной все в порядке, — сказал Маккарти. — Я... парни, мне просто нужно освободить кишечник.

Последовала целая серия смрадных разрядов. Как, должно быть, глупо называть то, что они слышали, «газами» или «ветрами»: жеманные, как завитушки крема, определения. Звуки, доносившиеся из-под двери, были грубыми и какими-то мясистыми, словно треск разрывающейся плоти.

— Маккарти! — крикнул Джоунси, колотя в дверь. — Впустите нас!

Но хотел ли он действительно войти? Вовсе нет. Господи, как жаль, что Маккарти не бродит до сих пор по лесу или не набрел на кого другого! И хуже всего, миндалины в основании мозжечка, эта безжалостная рептилия, подсказывала, что лучше всего было бы с самого начала его пристрелить. «Относись к этому проще, дурачок», как говорится в программе Карлы «Анонимные наркоманы».

— МАККАРТИ!

— Проваливайте! — с бессильной злобой отозвался Маккарти. — Неужели не можете убратся и оставить человека... дать человеку облегчиться? Господи!

«Плюх-плюх-плюх» — ближе и громче.

— Рик! — теперь уже кричал Бив, хватаясь за беспечный тон, как утопающий за соломинку. — Откуда у вас кровотечение?

— Кровотечение? — Маккарти искренне удивился. — С чего вы взяли?

Джоунси и Бивер в ужасе переглянулись.

«ПЛЮХ-ПЛЮХ-ПЛЮХ!»

Наконец Джоунси обратил внимание на странные шлепки и немедленно ощутил невероятное облегчение, поняв, что это такое.

— Вертолет! — охнул он. — Бьюсь об заклад, это его ищут!

— Ты так думаешь? — осведомился Бив с видом человека, услышавшего волшебное заклинание.

Джоунси кивнул. Правда, вполне возможно, что вертушка просто преследует странные небесные огни или пытается выяснить причину бегства животных, но он и думать не хотел о подобных вещах, плевать ему и на огни, и на животных. Главное — избавиться от Маккарти, сбить его с рук, благополучно отправить в Мэчиас или Дерри.

— Беги на улицу и маши флагом.

— Что, если...

«ПЛЮХ! ПЛЮХ! ПЛЮХ!» Одновременно из-за двери донеслась очередь натужных, трескучих звуков, сопровождаемых воплем Маккарти.

— Беги на крыльцо! — крикнул Джоунси. — Маши чем хочешь, но заставь этих мудаков сесть! Что хочешь делай, хоть сними штаны и танцуй канкан, только заставь их сесть!

— Ладно. — Бив повернулся к двери, но тут же дернулся и взвизгнул.

Сотни ужасов, о которых Джоунси старался не думать, внезапно вырвались из темной кладовки и, плотоядно хихикая, ринулись к свету. Однако это оказалась ланочка, неизвестно как попавшая на кухню. Вытянув изящную голову, она внимательно изучала стол-тумбу. Джоунси, глубоко, прерывисто вздохнув, припал к стене.

— Ничего себе, с понтом, но без зонта! — пробормотал Бивер и, немного опомнившись, надвинулся на животное. — Брысь отсюда, Мейбл! — велел он, хлопнув в ладоши. — Или не знаешь, какое время года? Ну же, вали, пока цела!

Ланочка чуть постояла, глядя на них огромными глазами, в которых светилась почти человеческая тревога, и повернулась, задев головой длинный ряд кастрюль, половников и щипцов, висевших над плитой. Кухонная утварь с громким звяканьем посыпалась на пол.

Олениха рванулась к двери, мелькнув крошечным белым хвостиком.

Бивер последовал за ней, тоскливо озирая горку навоза на чистом линолеуме.

Великое переселение животных почти закончилось. Ланочка, изгнанная Бивером из кухни, пролетела над хромой лисицей, очевидно, потерявшей лапу в капкане, и исчезла в лесу. Откуда-то из нависших облаков, как раз над сараем, возник коричневый громыхающий вертолет размером с городской автобус с белыми буквами АНГ на борту.

АНГ? Какого черта это означает? Вероятно, авиация Национальной гвардии, из Бангора.

Вертолет неуклюже задрал корпус. Бивер ринулся во двор, лихорадочно размахивая руками.

— Эй, помогите! Нужна помощь! Помощь, парни!

Вертолет стал снижаться, пока до земли осталось не более семидесяти пяти футов, достаточно близко, чтобы поднять снежные вихри. Потом двинулся по направлению к Биверу, словно толкая грудью снежный фронт.

— Эй, у нас тут больной! Больной! — надрывался Бивер, подпрыгивая, словно дергунчик-брейкдансер на дискотеке, и чувствуя себя последним олухом. Но что поделать? Надо так надо.

Вертушка подплыла к нему, но больше не снижалась, и похоже, не собиралась приземляться, и в голову Бива пришла ужасная мысль. Он сам не понимал, паранойя ли это или исходит от парней в вертушке. Иначе почему он внезапно ощутил себя мошкой, пришпиленной к центру мишени в тире: порази Бивера и выиграй часы-радио.

Боковая дверь вертушки скользнула в сторону. В проеме появился мужчина с мегафоном, в самой объемистой парке, которую Бив когда-либо видел. Но не это его беспокоило. Беспокоила кислородная маска, закрывавшая рот и нос незнакомца. Он в жизни не слышал о пилотах, вынужденных носить кислородную маску на высоте семидесяти пяти футов, при условии, конечно, что воздух не заражен.

Мужчина в парке поднес к маске микрофон. Голос звучал громко и четко, перекрывая шум винтов, но все же казался несколько механическим, то ли из-за усилителя, то ли из-за маски, словно к Биву обращалось некое роботоподобное божество.

— СКОЛЬКО ВАС? — спросило божество. — ПОКАЖИТЕ НА ПАЛЬЦАХ.

Сбитый с толку, испуганный, Бивер прежде всего подумал о себе и Джоунси: в конце концов Генри и Пит еще не вернулись. Он поднял два пальца, как знак победы.

— ОСТАВАЙТЕСЬ НА МЕСТЕ! — прогремело божество, высовываясь из вертолета. — В РАЙОНЕ ОБЪЯВЛЕН ВРЕМЕННЫЙ КАРАНТИН. ПОВТОРЯЮ, В РАЙОНЕ ОБЪЯВЛЕН ВРЕМЕННЫЙ КАРАНТИН. ВАМ ЗАПРЕЩАЕТСЯ ПОКИДАТЬ ЭТО МЕСТО.

Снег почти прекратился, но ветер дул с прежней силой, бросая в лицо пригоршни ледяной пыли, поднятой лопастями вертолета. Бивер сощурился и снова стал махать руками, втягивая в себя морозный воздух. Пришлось выплюнуть зубочистку, чтобы не проглотить ненароком (недаром мать вечно предсказывала, что именно это и послужит причиной его гибели: вдохнешь зубочистку, тут тебе и конец).

— То есть как это — карантин? — заорал он. — У нас тут больной, спускайтесь и заберите его!

При этом он понимал, что никто не услышит за мерным жужжанием двигателей, ведь у него, черт возьми, нет мегафона, но все же продолжал надрываться. Но как только слово «больной» сорвалось с языка, Бив сообразил, что ввел в заблуждение парня из вертолета: их не двое, а трое!

Он уже хотел поднять три пальца, но вспомнил о Генри и Пите. Их пока нет, но если ничего не случилось, вот-вот появятся, так сколько же их всего?! Два — не правильно, а что правильно? Три или пять?

И как обычно в подобных ситуациях, у Бивера что-то в мозгах заело — как у собак челюсти сводит. Когда такое случалось в школе, рядом обретались Джоунси или Генри, всегда готовые подсказать. Тут же помочь было некому, только уши резало «плюх-плюх-плюх» и снег обжигал лицо, забиваясь в горло, в легкие, вызывая кашель.

— ОСТАВАЙТЕСЬ НА МЕСТЕ! ПОЛОЖЕНИЕ ПРОЯСНИТСЯ В ТЕЧЕНИЕ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХ — СОРОКА ВОСЬМИ ЧАСОВ! ЕСЛИ НУЖДАЕТЕСЬ В ЕДЕ, СКРЕСТИТЕ РУКИ НАД ГОЛОВОЙ.

— Нас больше! — вскрикнул Бивер, так истошно, что перед глазами заплясали красные точки. — У нас больной! У... нас... БОЛЬНОЙ!

Идиот в вертолете швырнул за спину мегафон и сложил большой и указательный пальцы кружком, словно говоря: «О'кей! Понял вас!»

Бивер едва не заплакал от досады, но вместо этого поднял руку с растопыренными пальцами, по одному за каждого из их четверки и последний — за Маккарти. Мужчина в вертолете присмотрелся и расплылся в улыбке. На какое-то волшебное мгновение Бивер вообразил, что сумел достучаться до этого долбоеба в маске. Но долбоеб, принявший

отчаянные знаки Бивера за приветствие, помахал в ответ, сказал что-то пилоту, и вертолет АНГ начал медленно подниматься. Бивер Кларендон, стоя в крошечных смерчах поднятого лопастями снега, засыпанный белой морозной пылью, продолжал отчаянно вопить:

— Нас пятеро и мы нуждаемся в помощи! Нас пятеро и мы, мать вашу, нуждаемся в ПОМОЩИ!

Вертушка исчезла в облаках.

5

Джоунси, разумеется, кое-что расслышал, особенно объявление в мегафон, но в мозгу почти ничего не отложилось: слишком сильна была тревога за Маккарти, наглухо замолчавшего после нескольких тихих горловых вскриков. Запах, ползущий из-под двери, продолжал усиливаться.

— Маккарти! — окликнул он, едва на пороге показался Бивер. — Откройте или мы сломаем дверь!

— Убирайтесь, — возопил Маккарти писклявым, каким-то не своим голосом. — Мне нужно просрать, вот и все, НУЖНО ПРОСРАТЬСЯ! Если я смогу просрать, все будет в порядке.

Такая откровенная грубость из уст человека, по-видимому, считавшего причитания «О Боже» и «Господи» выражениями на грани допустимого, перепугали Джоунси куда больше, чем окровавленные простыня и белье. Он обернулся к Биверу, не обращая внимания на то, что тот весь в снегу и походит на Деда Мороза.

— Идем, помоги ломать дверь. Нужно как-то ему помочь.

Бивер показался ему растерянным и измученным. На щеках медленно таял снег.

— Ни за что. Тот малый в вертолете сказал что-то насчет карантина: а если он заразный и вообще? Вспомни эту красную штуку у него на лице...

Несмотря на собственные отнюдь не великодушные чувства по отношению к Маккарти, Джоунси с трудом сдерживался, чтобы не отвесить оплеуху старому дружку. В марте прошлого года он сам лежал, истекая кровью, на мостовой Кембриджа. А если бы прохожие отказались дотронуться до него, боясь СПИДа? Оставили без помощи? Прошли мимо лишь потому, что под рукой не нашлось резиновых перчаток?

— Бив, мы уже общались с ним, так что если это действительно инфекция, мы скорее всего уже ее подхватили. Ну, что скажешь?

Бивер предпочел промолчать. В мозгу Джоунси привычно щелкнуло, и

на мгновение он увидел Бивера, с которым вместе вырос, мальчика в старой потертой мотоциклетной куртке, который кричал: «Эй, парни, кончай! Да КОНЧАЙ же, мать вашу!»

Увидел — и понял, что все в порядке.

Бивер выступил вперед:

— Эй, Рик, как насчет того, чтобы открыть? Мы всего лишь хотим помочь.

В ответ — ни звука. Ни стоны, ни дыхания, ни шороха одежды. Только мерное гудение генератора и тающий «плюх» вертолета.

— Ладно, — сказал Бивер и неожиданно перекрестился. — Придется вломиться.

Они вместе отступили, повернулись боком к двери, бессознательно подражая копам из полицейских сериалов.

— На счет «три», — велел Джоунси.

— А твоя нога выдержит, старик?

По правде говоря, бедро и нога как на грех разнылись, хотя Джоунси до последней минуты этого не сознавал.

— Ну да, а мой зад — повелитель мира.

— На счет «три». Готов. — И дождавшись, пока Бивер кивнет, скомандовал: — Один... два... три...

Они одновременно ринулись к двери, ударили в нее плечами. Дверь подалась с такой абсурдной легкостью, что они, хватаясь друг за друга и спотыкаясь, с ходу ввалились в ванную. И тут же поскользнулись на мокром от крови кафеле.

— А, блядство, — прошипел Бивер, прикрывая ладонью рот, в котором на этот раз не было зубочистки. — Блядство, дьявол, блядство!

Джоунси обнаружил, что не может ответить.

Глава 5. ДАДДИТС, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

— Леди, — окликнул Пит.

Женщина в мешковатом пальто ничего не ответила. Лежала на засыпанном опилками брезенте и молчала. Питу был виден только один глаз, смотревший на него, или сквозь него, или в центр закрученной рулетом вселенной. Кто знает? Мурашки по коже бегут.

Между ними весело потрескивал огонь, вытесняющий холод и обдающий теплом щеки. Пит огляделся. Генри ушел с четверть часа назад и, по расчетам Пита, вернется не раньше чем часа через три. Три часа, когда ему уже сейчас не по себе под жутким стеклянным взглядом незнакомки.

— Леди, — повторил он, — вы меня слышите?

Молчание. Правда, однажды она зевнула, и Пит заметил, что во рту не хватает половины чертовых зубов. Какого хрена с ней сотворили?

Но так ли уж ему хотелось это знать?

И да, и нет, немного подумав, решил Пит. Конечно, его разбирало любопытство, а кого бы не разбирало на его месте, но в то же время лучше от этого держаться подальше. Зачем ему нужно знать, кто она, кто этот самый Рик и что с ним стряслось. «Они вернулись! — визжала женщина, завидев огни в небе. — Вернулись!»

— Леди! — позвал он в третий раз.

Молчание.

Она упомянула, что Рик — единственный, кто остался, а потом кричала: «Они вернулись», возможно, имея в виду огни, но с тех пор лишь непрерывно пукала и рыгала, если не считать зевка, обнажившего беззубые десны... И этот взгляд... жуткий остекленевший взгляд. Генри нет всего пятнадцать минут: он ушел в пять минут первого, а теперь на часах Пита — двенадцать двадцать. Этот хренов день грозит оказаться чертовски долгим, и если он выдержит его, не сломавшись (он все время думал об одной истории, которую они читали в восьмом классе, только не мог вспомнить, кто ее написал, о парне, который убил старика, потому что не мог выносить его взгляда, но в то время Пит не понимал таких вещей, зато теперь понял, лучше не надо, да, сэр), значит, необходимо чем-то подкрепиться.

— Леди, вы меня слышите?

Ничего. Только жуткий стекленеющий взгляд.

— Мне нужно вернуться к машине. Я вроде как забыл кое-что. Но с вами ничего не случится, верно ведь?

Ответа он не дождался. И тут она снова выпустила газы с неприятным визгом циркулярной пилы и натужно сморщилась, как от боли... судя по звукам, это, наверное, и в самом деле больно. И хотя Пит постарался повернуться спиной, смрад все равно ударил в ноздри, тухлый, зловонный, какой-то нечеловеческий. Но и на вонь навоза это не походило. В детстве он работал на Лайонела Силвестра и выдоил немалое количество коров, а они иногда пердели, как раз когда сидишь на табуретке и дергаешь за вымя: тяжелый запах перебродившей зелени, болотный дух. Но этот был совсем другой. Похоже на... словно ты снова вернулся в детство и держишь свой первый химический набор, а потом устаешь от дурацких надоедливых опытов, тщательно изложенных в брошюре, съезжаешь с катушек и смешиваешь все дерьмо подряд, чтобы посмотреть, а вдруг взорвется.

И именно это, понял Пит, отчасти не дает ему покоя. Действует на нервы. Конечно, это идиотизм. Люди не взрываются просто так, верно? Но все же без помощи не обойтись. Потому что от нее у него сердце в пятки уходит.

Он подбросил в огонь два полена, принесенных Генри, подумал и добавил третье. Над костром поднялся сноп золотистых искр, закружился вихрем и растаял.

— Я вернусь до того, как все это прогорит, но если захотите подкинуть еще дровишек, не стесняйтесь. Договорились?

Молчание. Ему вдруг захотелось хорошенько ее потряхнуть, но между ним и машиной лежали полторы мили, да столько же обратно. Нужно беречь силы. Кроме того, она, возможно, снова пукнет. Или рыгнет прямо ему в физиономию.

— Значит, так тому и быть. Молчание — знак согласия, как любила говаривать миссис Уайт в четвертом классе.

Пит поднялся, хватаясь за колено, гримасничая и оскальзываясь, почти падая, но наконец выпрямился, только потому, что не мог обойтись без пива, просто не мог, а кроме него, никому пива не раздобыть. Да, он, возможно, алкоголик. Впрочем, какое там «возможно», рано или поздно с этим придется что-то делать, но пока он предоставлен самому себе и должен как-то крутиться. Да, потому что эта стерва отключилась, от нее ничего не осталось, кроме тошнотворных газов и этого жуткого остекленевшего взгляда. Пусть сама бросает дрова в костер, если

замерзнет, но только она не успеет замерзнуть, он вернется задолго до того, как погаснет огонь. Подумаешь, полторы мили. Уж столько-то нога наверняка продержится.

— Я скоро буду, — предупредил он и помассировал коленку. Ноет, но не так уж сильно. Честное слово, не так уж сильно. Он только сложит пиво в пакет, может, прихватит коробку крекеров для стервы, раз уж все равно будет там, и тут же пустится в обратный путь. — Уверены, что с вами все в порядке?

Молчание. Только этот чертов взгляд.

— Молчание — знак согласия, — повторил он и поплелся к холму по широкой полосе, проложенной брезентом, и их собственным полузамеченным следам.

Приходилось останавливаться через каждые десять — двенадцать шагов и растирать колено. Один раз он оглянулся. Костер казался маленькой незначительной точкой в тусклом свете серенького дня.

— Бред какой-то, — сказал он и продолжил свой путь.

2

По короткому прямому отрезку до подножия холма и до половины подъема он добрал без происшествий и уже осмелился было чуть прибавить скорости, когда чертово колено — ха-ха, надули дурака на четыре кулака — снова забастовало, пронзив его остро-жгучей болью, и Пит свалился, выдавливая проклятия сквозь стиснутые зубы.

И пока сидел на снегу, сыпля ругательствами, осознал, что вокруг творится что-то непонятное. Большой олень прошел мимо, даже не удостоив его взглядом, хотя еще вчера удирал бы во все лопатки. Рядом металась рыжая белка, едва не путаясь в ногах оленя.

Пит, раскрыв от удивления рот, сидел под театрально-огромными хлопьями, похожими на тюлевое покрывало. На дороге появились другие животные, в основном олени, бредущие и скачущие опрометью, как беженцы, покидающие место катастрофы. Живая волна двигалась к востоку.

— Куда это вас несет? — спросил он у зайца-беляка, скачущего по снегу, с прижатыми к голове ушами. — Чемпионат мира среди зверья? Отбор актеров для диснеевских мультиков? Придется...

Он осекся, ощутив, как мигом пересохла глотка и отнялся язык. Бурый медведь, накопивший жира перед лежкой, переваливаясь, брел среди

редких деревьев и хотя не обратил ни малейшего внимания на Пита, иллюзии последнего относительно его статуса в больших Северных Лесах безвозвратно рассеялись. Он не что иное, как гора вкусного белого мяса, которое по какой-то нелепой случайности еще дышит. Без ружья он куда беззащитнее белки, стелющейся под ногами оленя. Заметив медведя, та по крайней мере всегда может удрать на ближайшее дерево, взобраться на самую верхушку, куда медведь попросту не дотянется. И тот факт, что именно этот медведь даже не посмотрел в его сторону, отнюдь не может служить утешением. Где один, там и два, а следующий может оказаться не столь рассеянным.

Только уверившись, что медведь ушел, Пит поднялся. Черт, как же сердце колотится! А он еще оставил эту безмозглую пердуню одну, хотя, если медведь решит напасть, какая из него защита? Значит, нужно достать из машины ружья, свое и Генри, если, конечно, он сумеет их унести.

Следующие пять минут, которые он взбирался на вершину холма, первое место в его мыслях занимало оружие, а пиво отошло на второе. Но к тому времени, как он стал спускаться, пиво вытеснило все опасения. Сложить бутылки в мешок и повесить на плечо. И не пить на обратном пути. Высосет первую, когда снова усядется перед костром. Это будет его наградой, а нет пива лучше, чем полученное в награду.

Ты алкоголик. Алкоголик, знаешь это? Блядский алкоголик.

Ну да, и что из этого? Что ты не можешь завязать. И что на этот раз никто не узнает, как ты смылся, оставив ничего не соображающую бесчувственную женщину одну в лесу, пока сам отправился на поиски живой влаги. Не забыть потом выкинуть пустые бутылки подальше в снег. Впрочем, Генри наверняка догадается, недаром они всегда знали друг про друга все. И мысленная связь там или нет, приходилось признать, что натянуть нос Генри Девлину еще никому не удавалось.

Однако Пит считал, что Генри вряд ли будет доставать его из-за пива, разве что посчитает, что пришло время потолковать об этом. Да, наверное, пришло. Может, стоит попросить помощи у Генри. Что ж, так он и сделает, рано или поздно. Но и сейчас Питу было не по себе. На душе кошки скребли. Не в привычках прежнего Питера Мура бросать женщину одну, что ни говори, а поступок не слишком достойный. Но Генри... с Генри тоже было что-то неладно. Пит не знал, чувствует ли это Бивер, но был уверен, что Джоунси чувствует. Генри какой-то не такой. Отчаявшийся. Может, даже...

Сзади раздалось нечто вроде смачного хрюканья. Пит взвыл и круто развернулся. Колено снова схватило со злобной безумной силой, но он едва

заметил боль. Медведь! Медведь зашел со спины — тот, прежний, или другой...

Но это оказался не медведь, а лось, который важно прошествовал рядом с Питом, и тот, вздохнув от облегчения, снова рухнул на дорогу, сыпля непристойностями и держась за ногу.

Дурак, клял он себя, подняв лицо навстречу редким снежинкам. Алкоголик чокнутый!

Больше всего его пугало то, что на этот раз нога откажет окончательно. Скорее всего он порвал себе что-то и теперь будет валяться в снегу, бессильно наблюдая Странный Отлив Животных С Насиженных Мест, пока не вернется Генри на снегоходе и спросит: «Какого хрена ты тут делаешь? Почему оставил ее одну? А, черт, можно подумать, я не знал!»

Но в конце концов он умудрился снова подняться, хотя на этот раз пришлось неуклюже ковылять боком. Но все лучше, чем лежать в снегу, в двух шагах от свежей кучи дымящегося лосиного дерьма. Отсюда уже был виден перевернутый «скаут», частично заметенный снегом. Пит твердил себе, что если бы последнее падение случилось по другую сторону холма, он бы вернулся назад, к женщине и костру, но теперь, когда до «скаута» рукой подать, проще идти вперед. И что главная цель — раздобыть ружья, а пиво это так, приятное дополнение. Твердил, пока сам почти не поверил. А что же до возвращения... ну, дошлепает как-нибудь. Сумел же он добраться сюда!

Он уже был ярдах в пятидесяти от «скаута», когда в небе послышалось быстро приближающееся «плюх-плюх-плюх» лопастей вертолета. Пит радостно вскинул голову, вознамерившись держаться до той минуты, когда сможет помахать пилотам — Бог видит, если кому-то и необходима небесная помощь, это прежде всего ему!

Но вертолет так и не разорвал низкий потолок туч. Питу удалось, правда, на миг разглядеть темный силуэт, рассекавший сырое дерьмо, скопившееся прямо над ним. Размытые огни промелькнули и исчезли: стрекот быстро удалялся к востоку, в том направлении, куда бежали животные. Пит брезгливо поморщился, ощутив омерзительное облегчение, застенчиво таившееся под тонким налетом разочарования: вздумай вертолет приземлиться, он так и не добрался бы до пива, после того, как проделал этот путь, этот проклятый путь.

Пять минут спустя Пит уже стоял на коленях, готовясь пробраться в перевернутый «скаут». Он быстро понял, что очередного приступа можно ждать в любую минуту (колено разнесло так, что оно выпирало из джинсов уродливым бугром), и почти вплыл в покрытую снегом кабину. Здесь ему не нравилось: пространство слишком тесное, запахи чересчур сильные. Почти все равно что оказаться в могиле, да еще насквозь пропитанной одеколоном Генри.

Покупки рассыпались по заднему сиденью, но Пит едва взглянул на батоны, консервные жестянки и пакет с сосисками (сходившими у старика Госслина за мясо). Сейчас ему нужно было только пиво, и похоже, когда «скаут» перевернулся, на счастье Пита, разбилась всего одна бутылка. Пьяницам везет! Пивом тоже пахло, и довольно назойливо: та бутылка, которую он пил перед аварией, расплескалась, но этот запах он любил. Не то что одеколон Генри... фу, Господи! Не лучше, чем вонь от той рехнувшейся бабы. Пит сам не понимал, почему аромат одеколona напоминал ему гроб, могилы и похоронные венки, но так уж случилось.

— С чего это ты вздумал брызгаться одеколоном в лесу, старый бродяга? — спросил он, глядя, как дыхание вырывается изо рта крошечными белыми клубами. Но будь здесь Генри, разумеется, ответил бы, что и не думал душиться, и в машине не пахнет ничем, кроме пива. И был бы прав.

Впервые за долгое время Пит вспомнил о хорошенькой риэлторше, потерявшей ключи у брайтонской аптеки. Как он сумел найти ключи, по каким, почти невидимым признакам понял, что она вовсе не собирается ужинать с ним, мало того, не хочет видеть, не желает близко подходить? Неужели учуять запах несуществующего одеколona — явление того же порядка?

Пит не знал. Понимал только, что дело плохо. Недаром запах одеколona смешался в мозгу с мыслями о смерти.

Забудь всю эту чушь, болван! Придумал себе страшилку! Одно дело — действительно увидеть линию и совсем другое — выдумывать всякие ужасы! Забудь обо всем и делай то, за чем пришел.

— Дивная, чтоб ее, идея, — сказал Пит.

Магазинные пакеты были не бумажными, а пластиковыми и к тому же с ручками: старик Госслин не чуждался прогресса. Питер потянулся за одним и внезапно ощутил болезненный укол в правой ладони. Чертова разбитая бутылка, о которую он ухитрился порезаться, и судя по всему, достаточно глубоко. Может, это наказание за то, что ушел от женщины. Если так, считай себя мужчиной и думай, что легко отделался.

Он сгреб восемь бутылок, начал было выбирать из «скаута», но передумал. Неужели он тащился сюда ради вшивых восьми бутылок?

— Ну уж нет, — пробормотал Пит и подхватил еще семь, не поленившись как следует осмотреть каждую, несмотря на то что на душе становилось все тяжелее.

Наконец он протиснулся задом в окно, изо всех сил давя паническую мысль о том, что какое-то маленькое юркое создание с острыми зубами прыгнет на него и отхватит яйца. Возмездие Питу, часть вторая.

Он не особенно трусил, но выскочил наружу куда быстрее, чем забрался внутрь, и тут колено опять схватило. Пит, застонав, покатился по снегу, глядя в небо, с которого величественно планировали последние резные хлопья, кружевные, как лучшее женское белье. Ну же, лапочка, уговаривал он колено, отпускаяй, сука, сволочь, не тяни!

И как раз в тот момент, когда он уже подумал, что все кончено, боль смилостивилась. Пит с шипением выпустил воздух из легких и опасливо взглянул на пакет, с которого приветливо подмигивали огромные красные буквы: БЛАГОДАРИМ ЗА ПОКУПКУ В НАШЕМ МАГАЗИНЕ.

— Можно подумать, здесь есть какой-то другой магазин, старый ты ублюдок, — буркнул Пит, решив позволить себе бутылочку, прежде чем пускаться в обратный путь. Черт возьми, легче будет ноша!

Выудив бутылку, он свернул колпачок и влил в себя половину содержимого. Пиво оказалось холодным, снег, в котором он сидел, еще холоднее, но все же ему сразу стало легче. Пиво, как всегда, творило волшебство. Как, впрочем, скотч, водка и джин, но когда речь заходила об алкоголе, Пит полностью соглашался с Томом Т. Холлом: лучше пива ничего на свете нет.

Глядя на пакет, он снова вспомнил о морковной макушке в магазине: таинственная улыбка, узкие, как у китайцев, глаза с наплывающими на веки складочками, из-за которых таких людей когда-то называли монголоидами, монголоидными идиотами. Это снова вернуло его к мыслям о Даддитсе, если совсем уж официально — о Дугласе Кэвелле. Пит не мог сказать, почему Дадс последнее время так упрямо сидит в голове, но пообещал себе, что как только все это закончится, завернет в Дерри и повидает Даддитса. Он заставит и остальных поехать с ним, и почему-то чувствовал, что слишком стараться не придется. Даддитс, возможно, именно та причина, по которой они до сих пор остаются друзьями. Дьявол, да большинство давно и думать забыли о прежних друзьях по колледжу или высшей школе, не говоря уже о тех, с кем водились в начальной, которая теперь называлась средней, хотя Пит был уверен, что она так и осталась

печальной мешаниной неуверенности, мучительных сомнений, «двоек», потных подмышек, безумных увлечений и психованных идей. Конечно, они не знали Даддитса по школе, хотя бы потому, что Даддитс никогда не ходил в среднюю школу Дерри. Дадс учился в школе Мэри М. Сноу для умственно отсталых детей, известную среди окрестной ребятни как Академия Дебилов, а иногда просто как Школа Кретинов.

В обычных обстоятельствах их пути никогда бы не пересеклись, но на Канзас-стрит перед заброшенным кирпичным зданием простиралась большая пустая площадка. На фасаде все еще сохранилась выцветшая вывеска: «Братья Трекер, перевозки и хранение». С обратной стороны, над аркой, где загружались грузовики, было написано еще кое-что... да, кое-что...

И теперь, сидя в снегу, но уже не чувствуя подтаявшей ледяной кашицы под задницей, даже не сознавая, что допивает вторую бутылку (первую он выбросил в заросли, через которые все еще продирались животные), Пит вспомнил день, когда они встретили Дадса. Вспомнил дурацкую куртку Бива, которую тот обожал, и его голос, тонкий, но властный, объявляющий конец чего-то и начало чего-то еще, объявляющий каким-то непостижимо уверенным и всезнающим тоном, что течение их жизни необратимо изменилось как-то во вторник днем, когда они собирались стучать в баскетбол двое на двое на подъездной дорожке Джоунси, а потом, может, поиграть в парчизи на компьютере, и теперь, сидя в лесу, перед опрокинутым «скаутом», все еще обоняя одеколон, которым не душился Генри, поглощая сладостный яд своей жизни, держа бутылку рукой в окровавленной перчатке, продавец машин вспоминал мальчика, не оставлявшего мечту стать астронавтом, несмотря на все возраставшие проблемы с математикой (тогда ему помогали сначала Джоунси, потом Генри, а в десятом классе он окончательно потонул, и ничья помощь уже не спасала). Он вспомнил других мальчишек, в основном Бива, перевернувшего мир пронзительным воплем:

«Эй, парни, кончай! КОНЧАЙ, мать вашу!»

Ломающийся голос подростка...

— Бивер, — произнес вслух Пит, поднимая бутылку в приветственном салюте, и прислонился к остывшему боку «скаута». — Ты был прекрасен, старина.

А все они?

Разве все они не были прекрасны?

Пит всегда освобождается раньше приятелей, потому что учится в восьмом классе, и в этот день последним уроком музыка, на первом этаже. У остальной троицы уроки на третьем. Джоунси и Генри штудируют американскую литературу, факультатив для продвинутых, а Бивер — основы практической математики, то есть Математику для Тупых. Пит из последних сил борется, чтобы не попасть в такую группу, но, похоже, проигрывает неравную битву. Он знает сложение, вычитание, умножение, деление и даже операции с дробями, хотя последние даются с великим трудом. Но теперь вдруг откуда-то возник икс. Пит не понимает и боится икса.

Он стоит за воротами, у изгороди из рабицы, ожидая, пока пройдет поток восьмиклассников и всякой зелени вроде семиклассников, стоит, ковыряет землю носком ботинка и притворяется, что курит: одна рука прикрывает рот, вторая, с гипотетическим окурком, спрятана за ней.

Но вот с третьего этажа спускаются десятиклассники, и среди них, шествуя, как монархи, некоронованные короли, хотя Пит никогда не осмелился бы сказать вслух ничего подобного, идут его друзья, Джоунси, Бивер и Генри. И, конечно, король из королей — это Генри, которого любят все девочки, при том что он очкарик. Питу повезло с друзьями, и он знает это. И знает, что он, возможно, самый удачливый восьмиклассник в Дерри, икс там или не икс, не говоря уже о том, что благодаря друзьям ни один мудака из восьмых классов и пальцем не смеет тронуть Пита.

— Эй, Пит! — кричит Генри, едва все трое выползают из ворот. При виде Пита у Генри, как всегда, делается несколько удивленное, но радостное лицо. — Как оно ничего, парень?

— Ни шатко ни валко, — отвечает Пит, как всегда. — А у тебя?

— ДДДТ, — кивает Генри, протирая очки.

Образуй они клуб, это могло стать их девизом. Со временем они даже Даддитса научат это говорить, правда, у того выходит: «де дуго демо се озе», один из тех даддитсизмов, которые родителям так и не дано понять, что, разумеется, приводит в восторг Пита и его приятелей.

Но сейчас, когда до появления Даддитса в их жизни еще полчаса, Пит просто повторяет за Генри:

— Да, старик, ДДДТ, День другой, дерьмо все то же.

Правда, в душе мальчишки верят только второй половине изречения, потому что в их представлении все дни одинаковы. Это Дерри, образца

1978 года, и следующий год не наступит никогда. Пусть вокруг твердят, что будущее есть, что они доживут до двадцать первого века, Генри станет адвокатом, Джоунси — писателем, Бивер — водителем-«дальнобойщиком», ну а Пит... Пит станет астронавтом, с нашивкой НАСА на плече, но все это бездумная болтовня, точно так же они поют в церкви по воскресеньям. Апостольский Символ Веры, не вникая в смысл слов. Им куда интереснее узнать, что там под юбкой Морин Чессмен, и без того короткой, но поднявшейся едва ли не до пояса, стоило ей наклониться. Они твердо верят, что в один прекрасный день узнают цвет трусиков Морин, что Дерри будет существовать всегда, впрочем, как и они. Всегда будут учиться в средней школе Дерри, а без четверти три, когда кончаются уроки, зашагают по Канзас-стрит, поиграть в баскетбол на подъездной дорожке Джоунси (на подъездной дорожке Пита тоже есть обруч, но у Джоунси им нравится больше, поскольку отец Джоунси прибил его достаточно низко, чтобы без особого труда забросить мяч). Вот они идут, растянувшись на всю ширину тротуара, болтая о набивших оскомину вещах: уроки, учителя, кто кому дал в репу и кто кому еще только собирается врезать в тыкву, и что-может-выйти, если и они соберутся помахаться с теми-то и теми-то (только они вряд ли соберутся помахаться с теми-то и теми-то, учитывая весьма неприятные последствия), о чем-то очередном подвиге (пока в фаворитах ходит семиклассник Норм Пармелу, известный отныне как Макаронина Пармелу, прозвище, которое, как они считают, приклеится к нему до окончания этого века, а может, перейдет и в следующий. Этот самый Норм Пармелу выиграл на пари пятьдесят центов, при свидетелях втянув в обе ноздри макароны с сыром и, высморкнув обратно, благополучно проглотил, ах этот Макаронина Пармелу, который, как многие школьники, принял печальную известность за славу), о том, кто с кем гуляет (если девушку и парня заметят идущими рядом после школы, они предположительно гуляют вместе, если же их застанут держащимися за руки или лижущимися, предположение становится уверенностью), кто выигрывает «Суперкубок», (хреновы «Патриоты», «Патриоты Бостона», только они никогда не выигрывают, одни козлы болеют за «Патриотов»).

Все те же, но бесконечно завораживающие темы, которые они не устанут перебирать, пока каждый день возвращаются из все той же школы (верую во единого Бога, Отца Всемогущего), по той же улице (Творца неба и земли), под тем же вечно белесым октябрьским небом (и жизни будущего века), с теми же друзьями (аминь).

День другой, дерьмо все то же, эту истину они усвоили крепко-накрепко, и они идут, с наслаждением прислушиваясь к бойкому

мотивчику-диско, хотя любят повторять:

«РБПХ: Рок — бог, Попса — херня».

Перемены настигнут их неожиданно и без предупреждения, как всегда в таком возрасте: если бы перемены заранее испрашивали у старшеклассников позволения явиться, они просто перестали бы существовать.

Но сегодня они обсуждают еще и охоту, потому что мистер Кларендон обещал в следующем месяце впервые взять их в «Дыру в стене». Они пробудут там три дня, захватив два учебных (с разрешением от школы проблем не будет, и абсолютно ни к чему лгать о цели путешествия: может, Южный Мэн и урбанизировался, но здесь, в глуши, охота по-прежнему входит в систему образования юной личности, особенно если эта юная личность — мальчик). Они приходят в такой бешеный восторг при одной мысли о том, как будут пробираться сквозь заросли с заряженными ружьями, пока их приятели в родной школе сидят за партами и зубрят, зубрят, зубрят, что даже не замечают, как проходят мимо Академии Дебилов. Умственно отстающие освобождаются почти в то же время, что и обычные ученики, но большинство возвращается из школы с родителями или садится в специальный автобус, выкрашенный не в желтый, а в синий цвет, с яркой наклейкой на бампере: ПОДДЕРЖИВАЙ ДУШЕВНОЕ ЗДОРОВЬЕ, НЕ ТО УБЬЮ.

Когда Генри, Бивер, Джоунси и Пит проходят мимо «Мэри М. Сноу», несколько слабоумных, из тех, что соображают чуть яснее и кому позволено идти домой самостоятельно, все еще ковыляют по улице с неизменно удивленным выражением на круглых физиономиях. Пит и его друзья, как обычно, скользят по ним равнодушными взглядами, в сущности, не замечая. Всего лишь часть пейзажа...

Генри, Джоунси и Пит раскрыв рты слушают Бива, который объясняет, что им придется спускаться в Ущелье, потому что лучшие олени пасутся именно там, где растут их любимые кусты.

— Мы с отцом видели там кучу оленей, — захлебывается он. — Целый миллиард!

Расстегнутая молния на потертой куртке согласно позвякивает.

Они болтают о том, кто добудет самого большого оленя и в какое место лучше стрелять, чтобы убить с первого выстрела и не причинять лишних страданий. («Правда, отец говорит, что животные страдают не так, как раненые люди, — вставляет Джоунси. — Он сказал, Господь создал их иными, чтобы мы могли охотиться без помех».) Они пересмеиваются, толкаются и спорят о том, кого из них вывернет наизнанку при виде крови,

а Академия Дебилов остается далеко позади. Впереди же, на их стороне улицы, маячит квадратное здание красного кирпича, где братья Трекер когда-то делали свой скромный бизнес.

— Если кто и блеванет, так уж не я! — хвастает Бивер. — Да я сто раз видел оленьи кишки, подумаешь, дело! Помню как-то...

— Эй, парни, — возбужденно перебивает Джоунси, — хотите взглянуть на «киску» Тины Джин Шлоссингер?

— Кто такая Тина Джин Слоппингер? — скучающе осведомляется Пит, хотя уже наострил уши.

Увидеть «киску», любую «киску», его заветная мечта: он вечно таскает у отца журналы «Пентхаус» и «Плейбой», которые тот прячет в мастерской, за большим ящиком с инструментами. «Киска» — это тот предмет, который его живо интересуется. Правда, от нее он не заводится так, как от голых сисек, наверное, потому, что еще маленький.

Но «киска» — это и вправду интересно.

— Шлоссингер, — поправляет Джоунси, смеясь. — Шлоссингер, Питецкий. Шлоссингеры живут в двух кварталах от меня и... — Он неожиданно замолкает, пораженный внезапной мыслью. Вопрос, который пришел ему в голову, требует немедленного ответа, поэтому он дергает за рукав Генри: — Слушай, эти Шлоссингеры — евреи или республиканцы?

Теперь очередь Генри смеяться над Джоунси, что он и делает, правда, совсем беззлобно.

— Видишь ли, думаю, что технически возможно быть одновременно и теми, и другими, или... вообще никем.

Генри произносит слово «никем» почти как «никоим», чем и производит неизгладимое впечатление на Пита. До чего же шикарно звучит, мать его!

Он велит себе отныне произносить только «никоим, никоим, никоим»... хотя знает, что обязательно забудет, что он из тех, кто обречен до конца жизни говорить «никем».

— Плюнь на религию и политику, — говорит Генри, все еще смеясь. — Если у тебя есть фотка Тины Джин Шлоссингер с голой «киской», я тоже хочу посмотреть.

Бив тем временем явно возбуждается: щеки пылают, глаза блестят, новая зубочистка сменяет прежнюю, не догрызенную и до половины. Молнии на его куртке, той, которую носил старший брат Бивера все четыре года своего увлечения Фонзом^[17], позвякивают громче.

— Она блондинка? — спрашивает он. — Блондинка и в высшей школе? Супербомба? С такими сиськами! — Он растопыривает руки перед

собственной цыплячьей грудью, и когда Джоунси, улыбаясь, кивает, обращается к Питу и громко выпаливает: — Королева этого года, болван, ясно? Помнишь день встречи выпускников? Там ее и выбрали! Ее снимок был в газете! На лодке, вместе с Ричи Гренадо!

— Да, но хреновы «Тигры» продули в тот день игру, а Гренадо сломали нос, — вставляет Генри. — Подумать только, первая в истории школьная команда Дерри удостоилась сыграть с командой класса А из Южного Мэна, и эти олухи...

— Хрен с ними, с «Тиграми», — отмахивается Пит, которого школьный футбол занимает чуть больше ненавистного икса, хоть и ненамного.

Главное, теперь он знает, о ком идет речь, вспоминает газетный снимок девушки, стоящей на украшенной цветами палубе баржи для перевозки целлюлозы, рядом с ведущим игроком «Тигров»: оба в коронах из фольги, улыбаются и машут зрителям. Волосы девушки обрамляют лицо крупными пушистыми волнами, платье без бретелек полуоткрывает грудь.

Впервые в жизни на Пита накатывает настоящая похоть — плотское, кровавое, давящее ощущение, от которого твердеет конец, сохнет во рту и в голове все мешается. «Киска», конечно, штука интересная, но вот увидеть местную, свою «киску», «киску» знакомой девчонки, королевы бала... куда волнительнее! Это, как выражается кинокритик городских «Новостей» об особо понравившихся фильмах, которые, по его мнению, никак невозможно пропустить, — НАДО! НАДО — и все тут.

— Где? — спрашивает он Джоунси, уже воображая, как эта самая Тина Джин Шлоссингер ждет на углу школьный автобус, просто стоит, хихикая с подружками, не имея ни малейшего представления о том, что проходящий мимо мальчишка видел, что у нее под юбкой или джинсами, что волосы на ее «киске» того же цвета, что на голове. — Где это?

— Здесь. — Джоунси показывает на краснокирпичную коробку, когда-то служившую складом братьям Трекер.

Стены поросли плющом, но осень была холодной, и почти все листья почернели и засохли. Часть стекол разбита, а остальные заросли грязью. Каждый раз при виде этого места у Пита мороз идет по коже, возможно, потому, что взрослые ребята, парни из высшей школы, любят играть в бейсбол на площадке за строением, и некоторых хлебом не корми — дай поиздеваться над младшими, кто знает почему, должно быть, от безысходности будней. Но сейчас не тот случай, поскольку с бейсболом на этот год покончено, и большие парни скорее всего давно уже переместились в Строфорд-парк, где до самого снега играют в

американский футбол (как только выпадет снег, они начнут выбивать друг другу мозги старыми хоккейными клюшками, обмотанными изолентой). Нет, беда в том, что в Дерри иногда исчезают дети. Дерри в этом отношении странный городишко, и когда они в самом деле исчезают, оказывается, что в последний раз их видели в заброшенных уголках вроде опустевшего склада братьев Трекер. Никто не говорит вслух об этом неприятном факте, но все знают. Знают и молчат.

Все же «киска», не какая-то абстрактная «киска» из «Пентхауса», а самая настоящая «муфта» девчонки с соседней улицы... да, тут есть на что посмотреть. Вот это бэмс!

— Братья Трекер? — переспрашивает Генри с откровенным недоверием. Они сами не заметили, как остановились, и сейчас топчутся на тротуаре, недалеко от здания, пока слабоумные с трудом ковыляют по другой стороне улицы. — Не пойми меня не правильно, Джоунси, ты для меня авторитет, клянусь, я тебя уважаю, но чего это вдруг снимку «киски» Тины Джин там валяться?

— Откуда мне знать? — пожимает плечами Джоунси. — Дейви Траск видел и клянется, что это она.

— Что-то мне не слишком по кайфу туда тащиться, — говорит Бивер. — Конечно, я не прочь увидеть «киску» Тины Джин Слоссингер...

— Шлоссингер...

— ...но это место пустует с тех пор, как мы были в пятом классе.

— Бив...

— ...и, бьюсь об заклад, там полно крыс.

— Бив...

Но Бив твердо вознамерился выложить все до конца.

— Крысы разносят бешенство, — говорит он, — и заражают людей.

— Нам ни к чему входить, — объясняет Джоунси, и вся троица с новым интересом взирает на него. — Это, как сказал кто-то, заведя негра-блондина, совершенно новая Африка.

Джоунси, убедившись, что завладел вниманием приятелей, продолжает:

— Дейви сказал, что нужно только обогнуть подъезд. И заглянуть в третье или четвертое окно. Вроде бы когда-то там был офис Фила и Тони Трекеров. На стене все еще висит доска объявлений. И Дейви клянется, что на этой доске висят только две вещи: карта Новой Англии с маршрутами грузовиков и снимок Тины Джин Шлоссингер с голой «киской».

Они глазают на него раскрыв рты, но только Пит осмеливается задать вопрос, волнующий всех:

— Она совсем без ничего?

— Нет, — признается Джоунси. — Дейви говорит, даже сиськи прикрыты, но она стоит с поднятой юбочкой и без трусов, и всякий может увидеть это ясно, как я — вас.

Пит разочарован тем, что нынешняя королева вечера выпускников не стоит, в чем мать родила, с голым задом, но сообщение о том, что она задрала юбку, воспаляет всех, подпитывая первобытное, полузапретное представление о том, что такое настоящий секс. В конце концов всякая девушка может задрать юбку, любая девушка.

Теперь даже Генри не до вопросов. Только Бив продолжает допытываться у Джоунси, точно ли им не придется заходить внутрь. Но компания, сметая все, как прилив, в едином властном, бессознательном порыве, уже движется в направлении подъездной дороги, бегущей от дальней стороны здания к пустой площадке.

5

Пит прикончил вторую порцию и, размахнувшись, запустил бутылкой в заросли. Фу-у, наконец-то полегче.

Убедившись, что может идти, он осторожно поднялся, счистил с задницы снег. Кажется, колено не так болит. Похоже, что да. Выглядит ужасно, словно он запрятал под джинсы арбуз, но сверлит не слишком. Все же он старался идти медленнее, слегка помахивая пакетом. Теперь, когда тихий, но настойчивый голос, твердивший, что он должен глотнуть пива, просто обязан, заткнулся, он даже проникся некоторым сочувствием к женщине и втихаря надеялся, что она не заметила его отсутствия. Он будет тащиться еле-еле, станет массировать колено каждые пять минут (а возможно, поговорит с ним, успокоит, безумная идея, но в конце концов, кроме него, никого тут нет, и это не повредит) и постепенно доберется до места. А там и пивка выпьет.

Он ни разу не оглянулся на брошенный «скаут», так и не увидел, что на снегу несколько раз выведено крупными буквами ДАДДИТС, не осознал, что сам писал это имя, пока думал о том давнем дне 1978 года.

Один только Генри спросил тогда, с чего вдруг фото девчонки Шлоссингер будет висеть в пустом офисе или пустом грузовом складе, и сейчас Питу пришло в голову, что Генри сделал это потому, что привык играть роль Скептика в их компании. Он и спросил всего один раз, остальные просто поверили, и почему бы нет? Из своих тринадцати лет

Пит полжизни верил в Санта Клауса. И кроме того...

Пит остановился у вершины холма, не из-за ноги и не потому, что задохнулся. Просто в мозгу вдруг раздалось тихое жужжание, словно заработал трансформатор. Правда, не непрерывное, а ритмичное, что-то вроде «бум-бум-бум»... нет, не вдруг, не то чтобы «началось внезапно», звук уже давно существовал, но Пит только сейчас его услышал. Услышал, и в голову тут же полезли дурацкие мысли. Снова одеколон Генри и... Марси. Кто-то по имени Марси. Он не знал никакой Марси, но имя отчего-то застряло в башке, вроде как «Марси, ты мне нужна, иди скорее», или «Черт возьми, Марси, неси же бензин!»

Пит продолжал стоять, облизывая пересохшие губы. Забытый пакет вяло свисал с руки. Пит поспешно вскинул голову к небу, уверенный, что увидит огни, и они там были, только два и очень слабые.

— Скажи Марси, пусть заставит их сделать мне укол, — сказал Пит, тщательно выговаривая в пустоту каждое слово, отчего-то уверенный, что поступает правильно.

Почему и по какой причине, он объяснить не мог, но эти слова звучали в его мозгу. Трудно сказать, что пробудило их к жизни: щелчок или огни. Чем или кем вызвано то, что с ним творится?

— Может быть, «никоим», — произнес он.

И тут сообразил, что снег прекратился. В окружающем мире осталось лишь три цвета: темно-серый неба, темно-зеленый хвои и идеальная нетронутая белизна выпавшего снега. И все притихло.

Пит склонил голову сначала на левый бок, потом на правый, прислушался. Именно притихло. Безмолвие. Ни шороха во всем мире, и жужжания тоже не слышно. Подняв глаза, он увидел, что бледное, как крылья бабочки, сияние погасло.

— Марси? — повторил он, словно окликая кого-то.

Ему пришло в голову, что Марси — имя женщины, ставшей причиной аварии, но Пит тут же отмел эту мысль. Женщину звали Бекки, он знал это так же точно, как имя хорошенькой риэлторши. Марси — всего лишь слово, не будившее никаких воспоминаний. Возможно, у него крыша едет. Не в первый раз.

Он перевалил через вершину и стал спускаться, снова вспоминая тот день осенью 1978 года, день, когда они встретили Даддитса.

Он почти добрался до ровной дороги, когда колено взорвалось, не просто судорогой, а белым слепящим клубком боли.

Пит рухнул в снег. Он не слышал, как бьются бутылки «будвайзера» в пакете — все, кроме двух. Он слишком громко кричал.

Глава 6. ДАДДИТС, ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Генри быстро зашагал в направлении домика, но когда снегопад сменился редкими хлопьями, а ветер начал стихать, перешел на мерный бег трусцой. Он занимался бегом много лет, и темп казался вполне приемлемым. Наверное, рано или поздно придется остановиться, сбавить скорость или отдохнуть, но последнее весьма сомнительно. Он пробегал дистанции куда длиннее девятимильных, хотя не в таком снегу и не в последнее время. Все же, о чем беспокоиться? Что он упадет и сломает бедро? Что скорчится в сердечном приступе? В тридцать семь лет сердечный приступ казался чем-то не совсем реальным, но даже будь он главным кандидатом на инфаркт, глупо тревожиться об этом сейчас, не так ли, особенно если учесть то, что он замышляет. Так о чем тут беспокоиться?

О Джоунси и Бивере, вот о чем, то есть — о ком. Пусть это казалось столь же нелепым, как трястись при мысли о сдавшем сердце посреди снежной пустыни — беда позади него, вместе с Питом и странной заторможенной женщиной, не впереди, в «Дыре в стене»... только настоящая беда — в «Дыре в стене», более страшная беда.

Он не знал, откуда это знает, но — знал и принял как должное. Знал еще до того, как навстречу стали попадаться животные, живой лентой текущие на восток и не боявшиеся человека.

Раз или два он смотрел на небо, выискивая странные огни, но ничего не увидел, и вскоре ему стало не до того. Приходилось смотреть вперед, чтобы не столкнуться с животными. Нельзя сказать, чтобы они неслись беспорядочной толпой, но в глазах было странное, боязливое выражение, такого он никогда еще не видел. Как-то даже пришлось отпрыгнуть в сторону, чтобы не налететь на парочку пышнохвостых лис.

Осталось восемь миль, подумал он. Это стало своеобразной мантрой бегуна трусцой, отличной от тех, которые обычно возникали в голове (чаще всего детские стишки), но не настолько уж отличной: принцип тот же. Восемь миль, всего восемь, до Бенберри-кросс. Бом, бом, на палочке верхом. Никакого Бенберри-кросс, всего лишь старая охотничья хижина мистера Кларендона, а теперь Бивера, и никакой палочки, чтобы доставить

его туда. Как можно ездить на палочке? Кто знает! И что, во имя Господне, тут происходит? Огни, медленное, но неуклонное переселение животных (Господи, что, если в лесу бродит настоящий медведь?), женщина на дороге, сидевшая в снегу, просто сидевшая, растерявшая не только зубы, но и мозги в придачу?! А эти газы, Боже милосердный! Единственное, с чем можно сравнить эту вонь... да, вспомнил! Весьма отдаленно похожий смрад исходил изо рта шизофреника в последней стадии рака кишечника. «От этого запаха никак не отделаться, — объяснял его друг, гастроэнтеролог. — Они могут чистить зубы по двадцать раз на день, пользоваться зубным эликсиром, ничего не помогает. Это вонь пожирающего себя тела, потому что, если оставить в стороне все диагностические реверансы, рак в чистом виде это и есть самоканнибализм».

Еще семь миль, всего семь миль, а животные все бегут, зверушки рвутся в Диснейленд. А когда доберутся, выстроятся в цепочку и станут танцевать конгу, распевая: «Мир тесен».

Мерный приглушенный топот обутых в сапоги ног. Танец очков, подпрыгивающих на переносице. Дыхание вырывается струями холодного пара. Но теперь он вошел в форму, согрелся, эндорфины^[18] выиграли. Что бы с ним ни происходило, в энергии недостатка не было. Пусть он одержим суицидом, но ни в коем случае не страдает дистимией^[19].

В этом часть его проблемы — физическая и эмоциональная пустота, подобная полному растворению в бушующей метели, — это от гормональной недостаточности, он не сомневался в этом. Как и в том, что болезнь можно если не излечить окончательно, то по крайней мере контролировать таблетками, которые сам Генри прописывал бушелями. Но подобно Питу, вполне сознававшему, что в ближайшем будущем его ожидает курс лечения и годы собраний Анонимных Алкоголиков, Генри не желал исцеления и отчего-то был убежден, что исцеление будет ложью, каким-то образом отнявшей часть его души.

Интересно, вернулся ли Пит за пивом. Почти наверняка. Генри сам предложил бы захватить пару бутылочек, если бы догадался вспомнить, избавив Пита от рискованного путешествия (рискованного не только для него, но и для женщины). Но в тот момент Генри совершенно растерялся, куда уж тут до пива!

Зато, можно поклясться, Пит вспомнил. Но способен ли он добраться до «скаута» со своим коленом? Вполне возможно, но Генри не поручился бы за это.

«Они вернулись! — вопила женщина, глядя в небо. — Они вернулись! Вернулись!»

Генри пригнул голову и засеменял быстрее.

2

Еще шесть миль, всего шесть миль до Бенберри-кросс! Действительно всего шесть или он чрезмерно оптимистичен? Чересчур доверился своим старичкам-эндорфинам? Ну а если и так? Оптимизм в таком случае не повредит. Снег почти прекратился, и поток животных поредел — тоже неплохо.

А вот что плохо, так это мысли, большинство из которых, похоже, вовсе не его. Бекки, например, кто такая Бекки? Имя долго резонировало в мозгу, пока не стало частью мантры. Генри полагал, что это женщина, которую он едва не убил. Чья это девочка?

Бекки, я Бекки, пригожая Бекки Шу.

Только вот пригожей ее не назовешь. Совсем не назовешь. Грузная вонючая баба, вот кто она на самом деле, оставленная на не слишком надежное попечение Пита.

Шесть. Шесть. Всего шесть миль до Бенберри-кросс.

А пока — ровный бег, по возможности ровный, если учесть дорогу, и чужие голоса, бубнившие в голове. Но, по правде говоря, чужим был всего один, да и то не голос, а что-то вроде ритмичного припева (чья малышка, чья малышка, лапка Бекки Шу).

Остальные голоса были знакомы. Голоса друзей или те, которые были известны друзьям. Одним был тот, о котором говорил Джоунси, голос, слышанный после несчастного случая, накрепко связанный со всей его болью: *«Пожалуйста, прекратите, я не вынесу этого, сделайте мне укол, где Марси...»*

И вслед за этим голос Бивера: *«Пойди взгляни в горшок».*

И ответ Джоунси: *«Почему бы просто не постучаться в ванную и не спросить, как он там...»*

Стоны незнакомца, заверявшего, что, если только удастся сходить побольшему, все будет в порядке...

...но это не чужой. Это Рик, друг пригожей Бекки Шу. Рик, как его там? Маккарти? Маккинли? Маккин? Генри вспоминал октябрьский день под белесым небом. Бежал, вспоминая Даддитса. Крик Даддитса изменил всю их жизнь. Как они предполагали, к лучшему, но сейчас Генри не был в

этом уверен.

Впервые он настолько не был в этом уверен.

3

Они добегают до подъездной дороги, порядком заросшей сорняками, растущими даже в засыпанных щебенкой выбоинах: Бивер, разумеется, впереди, хотя у него от натуги только что не пена изо рта идет. Генри кажется, что Пит так же вымотан, хотя держится лучше, несмотря на то что он на год моложе. Бивер просто... как бы это лучше выразиться... из штанов выскакивает.

Генри тихо радуется столь точному определению, хотя старается не смеяться. Но тут Бивер замирает, так внезапно, что Пит едва не врезается в него.

— Эй! — говорит он. — Что за хренотень?

Чья-то майка. И действительно, майка. Красная с белым, вовсе не старая и грязная, значит, не лежала здесь сто лет. Наоборот, выглядит почти новой.

— Майка, шмайка, кому все это надо? — отмахивается Джоунси. — Давайте-ка...

— Придержи коней, — говорит Бивер. — Видишь, совсем хорошая.

Да вот только, когда поднимает ее, оказывается, что хорошего мало. Новая, да, новая с иголочки форма «Тигров», с номером 19 на спине. Пит гроша ломаного не даст за футбол, но остальные узнают номер Ричи Гренадо. Воротник сзади разорван, словно ее хозяин пытался удрать, но был схвачен за шиворот и резким рывком водворен на прежнее место.

— Похоже, я ошибся, — грустно шепчет Бив, швыряя майку. — Пошли.

Но прежде чем они успевают сделать несколько шагов, натываются еще на кое-что, на этот раз не красное, а желтое, ярко-желтый пластик, который так любят малыши. Генри, гарцующий впереди, поднимает это желтое. Коробка для завтраков. На крышке — Скуби Ду с друзьями, бегущие из дома с привидениями. Как и майка, она выглядит совсем чистенькой, не похоже, что валялась все это время вместе с мусором, и тут Генри становится не по себе. Кажется, не стоило им вообще забираться в это заброшенное место... по крайней мере можно было бы выбрать для этого другой день. Правда, даже в свои четырнадцать он соображает, что сморозил чушь. Когда дело доходит до «киски», нужно либо действовать

сразу же, либо отказаться, а о том, чтобы отложить такое событие, и речи быть не может.

— Ненавижу этот сраный мультик, — повторяет Пит, рассматривая коробку через плечо Генри. — Заметил, они никогда не меняют одежду, из серии в серию?

Джоунси берет у Генри коробку со Скуби Ду и переворачивает, чтобы взглянуть на буквы, старательно выведенные на обратной стороне. Безумное возбуждение в глазах Джоунси постепенно тает, сменяясь легким недоумением, и у Генри возникает отчетливое ощущение того, что Джоунси тоже жалеет о предпринятой экспедиции. Уж лучше бы они пошли постучали мячом...

Наклейка на обратной стороне гласит:

Я ПРИНАДЛЕЖУ ДУГЛАСУ КЭВЕЛЛУ, МЕЙПЛ-ЛЕЙН,
ДОМ 19, ДЕРРИ, ШТАТ МЭН.

ЕСЛИ МАЛЬЧИК, КОТОРОМУ Я ПРИНАДЛЕЖУ,
ПОТЕРЯЕТСЯ, ЗВОНИТЕ 949-18-64. СПАСИБО.

Генри открывает рот, собираясь сказать, что коробка и майка скорее всего принадлежат парнишке, который ходит в Академию Дебилов, это уж точно, стоит только прочесть надпись, совсем как бирка на собачьем ошейнике пса, но в этот момент с противоположной стороны здания, там, где взрослые парни играют в бейсбол, доносится вопль, такой жалобный, что Генри пускается бежать, даже не подумав об изумленных нотках, которыми он пронизан. О полном ужаса изумлении того, кого впервые в жизни обидели или напугали (или и то, и другое).

Остальные мчатся следом, продираясь через путаницу сорняков подъездной дорожки, той, что ближе к зданию, растянувшись в линию: Генри, за ним Джоунси, Бив и Пит.

Оттуда слышатся раскаты мужского смеха.

— Ну же, жри, — командует кто-то. — Как сожрешь, можешь топать отсюда. Дункан даже отдаст тебе штаны, если попросишь.

— Да, если... — начинает другой мальчишка, вероятно, Дункан, но тут же смолкает, уставясь на Генри и его друзей.

— Эй, парни, кончай! — орет Бивер. — Кончай, мать вашу!

Двое приятелей Дункана в куртках школы Дерри, сообразив, что их уединение грубо нарушено, оборачиваются. Перед ними на коленях, одетый только в трусы и одну кроссовку, с лицом, измазанным грязью, кровью, слезами и соплями, стоит мальчишка неопределенного возраста. Нет,

совсем не ребенок, судя по поросшей пушком груди, но кажется все равно малышом. Ярко-зеленые глаза с косым китайским разрезом полны слез.

На красно-кирпичной стене, позади этой компании и белеют выцветшие буквы этого изречения:

Нет костяшек, нет игры.

Что означает, вероятно, совет забрать костяшки и играть подальше от здания и пустой площадки, где все еще видны глубокие следы от баз и полуосыпавшийся холмик подающего, но кто может сказать наверняка? Нет костяшек, нет игры.

В последующие годы они часто будут повторять эту фразу; она станет одной из личных кодовых реплик их юности, не имеющих определенного значения. Пожалуй, всего ближе «кто знает?» или «что тут поделаешь?». Лучше всего произносить ее с улыбкой, разводя руками или пожимая плечами.

— Это еще что за говнюки? — спрашивает Бива один из парней.

У него на левой руке что-то вроде бейсбольной рукавицы или перчатки для гольфа... что-то спортивное. Ею он держит комок сухого собачьего дерьма, который и пытается заставить съесть почти голого мальчишку.

— Что это вы делаете? — в ужасе кричит Джоунси. — Хотите, чтобы он это съел?! Да вы спятили!

У парня, держащего дерьмо, поперек переносицы белеет лента пластыря, и Генри едва не взрывается смехом, узнав героя. Вот так вмастил! Ну прямо по заказу! Они хотели взглянуть на «киску» королевы бала, а наткнулись на короля, чей футбольный сезон завершился без особых трагедий, если не считать сломанного носа, и который теперь развлекается на свой лад, пока остальная команда тренируется к ближайшему матчу.

Ричи Гренадо, очевидно, не понял, что узнал: он пялится на Джоунси. Его застали врасплох, и кроме того, голос Джоунси полон такого неподдельного отвращения, что Ричи в первую минуту теряется и делает шаг назад. Но тут же сообразив, что малый, посмевавшийся говорить с ним таким укоризненным тоном, моложе года на три и легче на сотню фунтов, снова поднимает опустившуюся было руку.

— Я заставлю его сожрать этот кусок дерьма, — говорит он. — А потом отпущу. И ты брысь отсюда, сопляк, если не хочешь половину.

— Да, отвали, — вступает третий. Ричи Гренадо — здоровый бычок, но и ему далеко до этого амбала, ростом этак в шесть футов пять дюймов, с изъеденной фурункулами физиономией. — Пока не...

— Я знаю, кто вы, — обрывает Генри.

Взгляд Ричи переползает на Генри. Настороженный и одновременно раздраженный.

— Уе, сынок, да побыстрее. В последний раз предупреждаю.

— Ты Ричи Гренадо. Я видел твоё фото в газетах. Что, по-твоему, люди скажут, если мы развоним по всей округе, на чем тебя поймали?

— Никому вы ничего не развоните. Потому что мертвые молчат, — шипит тот, которого зовут Дунканом. Светло-русые грязноватые волосы беспорядочной копной лохматятся вокруг лица и падают на плечи. — Пшли отсюда! Кому сказано!

Генри, не обращая внимания, в упор смотрит на Ричи Гренадо. И ничуть не боится, хотя сознает, что этим троим вполне по силам растоптать их в лепешку: он пылает бешеной яростью, такого с ним никогда еще не было. Парень, стоящий на коленях, явно из слабоумных, но не настолько, чтобы не понимать, что эти трое намеренно мучают его, сначала порвали майку, потом...

Генри в жизни еще так не был близок к хорошей трепке, но это волнует его меньше всего. Стиснув кулаки, он подступает к парням. Мальчик на земле громко всхлипывает, опустив голову, и звук отдается эхом в мозгу Генри, подогревая злость.

— Я всем расскажу, — повторяет он, и хотя угроза звучит по-детски, ему самому так не кажется. И Ричи тоже. Ричи отступает, и рука в перчатке с зажатым в пальцах куском дерьма снова обвисает. Впервые за все время он тревожно озирается. — Трое на одного, на слабоумного малыша, мать твою, парень! Я скажу всем, скажу, я знаю, кто ты.

Дункан и громила, на котором нет школьной куртки, встают по обе стороны Ричи. Мальчик в трусах оказывается за их спинами, но Генри все еще слышит пульсирующий ритм его рыданий, он отдается в голове, бьет в виски и доводит до безумия.

— Ну ладно, сами напросились. — Амбал обнажает в ухмылке черные ямы на месте выбитых зубов. — Сейчас мы вас прикончим.

— Пит, если они подойдут ближе, беги, — говорит Генри, не сводя глаз с Ричи Гренадо. — Беги домой, зови мать, пусть звонит в полицию. А вам троим никогда его не словить. Хер догоните.

— Это точно, Генри, — звучит в ответ тонкий, но ничуть не испуганный голос Пита.

— И чем сильнее вы нас избьете, тем хуже вам придется, — говорит Джоунси. Генри уже закаленный боец, но для Джоунси подобное событие — настоящее откровение, так что он вызывающе посмеивается. — Даже если вы в самом деле нас убьете, что это вам даст? Пит и в самом деле

здорово бегают, и он всем расскажет.

— Я тоже бегаю быстро, — холодно парирует Ричи, — и поймаю его.

Генри наконец оборачивается, сначала к Джоунси, потом к Биву. Оба стоят насмерть. Бив даже кое-что предпринимает: нагибается и подбирает с земли пару булыжников размером с яйцо, только с зазубренными краями, и принимается многозначительно ими постукивать, перебегая взглядом суженных глаз от Ричи к громиле. Зубочистка во рту агрессивно подпрыгивает.

— Как только они подойдут ближе, кидайтесь на Гренадо, — командует Генри. — Тем двоим Пита не достать.

Он смотрит на Пита, бледного, но не струсившего: глаза сияют, ноги нетерпеливо приплясывают, готовые сорваться с места.

— Пит, скажешь матери, где мы. Пусть пришлет сюда копов. И не забудь имя этого мудака.

Обвинительным жестом окружного прокурора он указывает на Гренадо, взгляд которого снова становится нерешительным. Нет, не только. Испуганным.

— Ну же, ослоб, — подначивает Бивер. Нужно отдать ему должное, всегда выберет лучший эпитет. — Я тебе еще раз нос подправлю. Только последний трус бросит свою команду из-за свернутого шнобеля!

Гренадо больше не отвечает: наверное, не знает, кому отвечать, и тут случается очередное чудо: Дункан, второй парень в черной куртке, начинает неловко переминаясь с ноги на ногу. Щеки и лоб медленно заливает краска. Он нервно облизывает губы и неуверенно смотрит на Ричи. Только амбал готов ринуться в бой, и Генри почти надеется, что они в самом деле сцепятся. Генри, Джоунси и Пит так просто не сдадутся. Покажут им, если дойдет до драки, честно, покажут, потому что плач, этот ужасный невыносимый плач, ударяет в голову...

— Эй, Рич, может, стоит... — начинает Дункан.

— Убить их, — рычит амбал. — Прикончить мудаков, и вся недолга. — И делает шаг вперед.

На какое-то мгновение все висит на волоске. Генри понимает, что если это чучело сделает еще один шаг, он потеряет контроль над Ричи Гренадо, и тот, как старый злобный питбуль, сорвется с поводка и ринется на добычу, огромная стрела из мяса и костей.

Но Ричи не дает дружку разгуляться и довести дело до свалки. Вовремя хватает амбала за мощное, вдвое толще бицепса Генри, запястье, поросшее к тому же красновато-рыжими волосками.

— Нет, Скотти, — говорит он, — погоди минуту.

— Да, погоди, — почти в панике вторит Дункан, бросая на Генри взгляд, который тот, даже в свои четырнадцать лет, находит весьма странным. Этот взгляд полон укоризны! Словно именно Генри и его друзья делают что-то непозволительное.

— Что вам надо? — спрашивает Ричи. — Хотите, чтобы мы убрались? Генри кивает.

— Если мы уйдем, что вы сделаете? Проболтаетесь?

И тут Генри обнаруживает нечто поразительное: он, совсем как амбал Скотти, почти готов сорваться. Какой-то частью души он буквально жаждет спровоцировать драку, заорать в лицо Ричи: «ВСЕМ! ВСЕМ, МАТЬ ТВОЮ!», зная, что друзья его прикроют и никогда слова не скажут, даже если их отвалтузят так, что дело дойдет до больницы.

Но малыш. Бедный, плачущий, умственно отсталый малыш. Как только парни покончат с Генри, Бивером и Джоунси (да и с Питом — если сумеют его поймать), снова примутся за слабоумного, и дело может пойти куда дальше, чем попытки заставить его съесть дерьмо.

— Никому, — говорит он. — Мы никому не скажем.

— Врун сраный, — шипит Скотти. — Он сраный врун, Ричи, смотри на него!

Скотти снова рвется вперед, но Ричи сильнее сжимает пальцы на его запястье.

— Если все обойдется, — добавляет Джоунси благостно и рассудительно, — нечего будет рассказывать.

Ричи мельком глядит на него и снова обращается к Генри:

— Клянись Богом.

— Клянусь Богом, — соглашается Генри.

— И вы все тоже клянетесь Богом? — спрашивает Гренадо.

Джоунси, Бив и Пит послушно клянутся Богом. Гренадо на долгое, бесконечно долгое мгновение задумывается и пожимает плечами.

— Так и быть, хрен с ним, мы уходим.

— Как только они подойдут, беги за дом, — поспешно шепчет Генри Питу, потому что взрослые парни уже двинулись со двора.

Но Гренадо по-прежнему крепко держит Скотти за руку, и, по мнению Генри, это добрый знак.

— Подумаешь, не стоит время тратить, — небрежно бросает Ричи, и Генри так и подмывает рассмеяться, но он усилием воли сохраняет бесстрастный вид.

Не хватает еще хихикнуть в такой момент, когда все улажено. Та же часть его души бунтует от ненависти, но остальная — дрожит от

облегчения.

— Да что это вам взбрело? — вдруг спрашивает Ричи. — Подумаешь, большое дело.

У Генри язык чешется, в свою очередь, поинтересоваться, как сам Ричи способен на такое, и это не риторический вопрос. Этот плач! Господи! Но он молчит, зная, что все сказанное им только подстегнет оглоеда, и все начнется сначала.

И тут начинается нечто вроде танца, который суждено выучить всякому, кто учится в первом и втором классах. Едва Ричи, Дункан и Скотт ступают на дорожку (небрежно, вперевалочку, стараясь показать, что им самим надоело стоять тут, что уходят по собственной воле, а не бегут от банды малолетних наглецов), Генри и его друзья сначала поворачиваются к ним лицами, потом вытягиваются в линию и отступают к рыдающему, все еще стоящему на коленях мальчишке, отсекая его от троицы.

На углу здания Ричи останавливается и оборачивается к приятелям.

— Ничего, еще встретимся, — говорит он. — Один на один или со всеми вместе.

— Точно, — соглашается Дункан.

— Остаток жизни проведете в кислородной палатке, — добавляет Скотт, и на Генри снова накатывает припадок веселья.

Он тихо молится, чтобы друзья чего-нибудь не брякнули — не буди лиха, — но все молчат. Почти чудо.

Последний злобный взгляд Ричи — и Генри, Джоунси, Пит и Бив остаются наедине с малым, раскачивающимся взад и вперед на грязных коленках; чумазое окровавленное, залитое слезами, непонимающее лицо поднято к белесому небу, как циферблат сломанных часов. Они переглядываются, гадая, что делать дальше. Поговорить с ним? Объяснить, что все в порядке, что плохие мальчишки убрались и опасность миновала? Все равно ведь не поймет. И, ох, этот плач кажется таким ненормальным. Как могли эти кретины, пусть злобные и глупые, продолжать издеваться над малым под этот плач?

Позже Генри поймет... вернее, разберется... но сейчас это остается для него полнейшей тайной.

— Я кое-что попробую, — резко бросает Бивер.

— Да, конечно, все что угодно, — говорит Джоунси. Голос его дрожит.

Бив выступает вперед, но тут же оглядывается на друзей. Во взгляде то ли стыд, то ли вызов, и... и Генри мог бы поклясться: надежда!

— Если протреплетесь кому-нибудь, что я это сделал, больше знать вас не желаю, — предупреждает он.

— Хватит языком молоть, — говорит Пит, и голос его тоже подрагивает. — Если сможешь его заткнуть, действуй!

На несколько секунд Бивер застывает на том месте, где стоял Ричи, пытавшийся скормить малому собачье дерьмо, потом тоже опускается на колени. Генри внезапно понимает, что трусы мальчишки, как коробка, тоже разрисованы персонажами из мультиков, Скуби Ду и его друзьями.

И тут Бивер обнимает ноющего, почти голого недоумка и начинает петь.

4

Четыре, всего четыре мили до Бенберри-кросс... а может, только три. Всего четыре мили до Бенберри-кросс... а может, только...

Генри снова поскользнулся и на этот раз не сумел удержаться на ногах: слишком глубоко ушел в воспоминания, падение застало врасплох. Не успев опомниться, он уже летел на землю.

И приземлился на спину с глухим сильным стуком, не сумев сдержать крика. Мелкая сахарная пудра снега поднялась легким облачком. В довершение ко всему он так ушиб затылок, что из глаз посыпались искры.

Больно было так, что он не сразу смог подняться, давая любой сломанной конечности время заявить о себе. Не дождавшись ничего серьезного, он завел руку за спину и потер поясницу. Ноет, но терпеть можно. В десять-одиннадцать лет, когда он все зимы проводил в Строуфорд-парке, катаясь на санках, еще и не такое бывало, а он только смеялся. Когда-то, летя вниз на снежокате, которым правил этот поганец Питер Мур, они оба врезались головами в толстую сосну у подножия холма, которую мальчишки прозвали Деревом Смерти, и отделались синяками да парой шатавшихся зубов. Беда в том, что десять-одиннадцать лет ему было давно.

— Вставай, малыш, все в порядке, — сказал он и осторожно сел.

Спину тянет, конечно, но и это не трагедия. Так, сотрясение костей. Ничего не пострадало, кроме гребаной гордости, как они когда-то говорили. Но все же Генри продолжал сидеть. Он показал неплохое время и заслужил отдых. Кроме того, воспоминания его расстроили. Ричи Гренадо, мудака Ричи Гренадо, который, как оказалось, действительно смылся из футбольной команды и совсем не из-за сломанного носа.

«Мы еще встретимся», — пообещал он на прощание, и Генри посчитал, что это не пустая угроза, но стычки так и не произошло, нет,

вообще не произошло. Вместо этого произошло кое-что другое.

И все это было очень давно. Сейчас его ждет Бенберри-кросс — «Дыра в стене», — и нет палочки, которая домчала бы его туда, только лошадка бедных — собственные ноги. Генри поднялся, начал отряхиваться от снега, и тут... этот истошный вопль в голове.

О-о-ой! — крикнул он. Господи, словно кто-то подкрался и врубил плейер на полную мощность, словно в мозгу взорвалась граната, словно перед глазами обвалилось здание. Он отшатнулся, как от удара, беспорядочно размахивая руками, и если бы случайно не уперся в замерзшие ветки сосны, растущей по левой стороне дороги, наверняка упал бы снова.

Но все же кое-как высвободился из когтей дерева, хотя в ушах по-прежнему звенело... не только в ушах, в голове... и шагнул вперед, с трудом веря, что еще жив. Поднес руку к носу, и ладонь повлажнела от крови. Во рту что-то болталось. Он сунул туда пальцы, вытащил зуб, удивленно оглядел и отшвырнул, игнорируя порыв сунуть его в карман куртки. Насколько он знал, никто еще не делал хирургическую имплантацию сломанного зуба, и Генри сильно сомневался, что Зубная Фея придет ему на помощь из своей волшебной страны.

Он так и не определил, чей это был вопль, но почему-то подумал, что Пит Мур вляпался в крупную неприятность.

Генри прислушался к другим голосам, другим мыслям, но ничего не услышал. Превосходно. Хотя, нужно признать, даже без голосов перед глазами все равно прошла бы почти вся жизнь.

— Ну же, парень, вперед, сил у тебя еще хоть отбавляй, — сказал он и снова пустился бежать к «Дыре в стене».

Ощущение, что там что-то неладно, становилось все сильнее, и он едва удерживался, чтобы не прибавить скорости.

Иди загляни в горшок.

Почему бы просто не постучать в ванную и не спросить, как он там?

Неужели он действительно слышал эти голоса? Да, сейчас они стихли, но он их слышал, слышал так же четко, как ужасный, агонизирующий вопль. Пит? Или женщина? Пригожая Бекки Шу?

— Пит, — выдохнул он вместе с клубами пара. — Это был Пит...

Правда, он был не до конца уверен, но все же...

Сначала Генри боялся, что не сможет снова найти ритм, но беспокоился напрасно: сам не заметил, как вошел в прежний темп, прекрасную простоту единства натужного дыхания и топающих ног.

Мили три, всего три мили до Бенберри-кросс. Домой, домой,

возвращаюсь я домой. Совсем как мы отвели Даддитса домой в тот день.

(Если протреплется кому-нибудь, что я это сделал, больше с вами не возжусь.)

Генри вернулся в тот октябрьский день, как в глубокий сон. Канул в колодезь памяти так глубоко и быстро, что сначала не почувял облака, рвущегося к нему облака, состоявшего не из слов, не из мыслей, не из криков, а только из его же красно-черной сущности, «я», у которого впереди много дел и много мест, куда идти.

5

Бивер выступает вперед, чуть колеблется и опускается на колени. Дебил не видит его: он все еще ноет, зажмурившись и тяжело дыша. Узкая грудь судорожно вздымается. Исчерченная молниями мотоциклетная куртка смотрится довольно забавно рядом с веселенькими трусишками, но никто из мальчишек не смеется. Генри хочет только одного: чтобы слабоумный замолчал. Этот плач его убивает.

Бивер, не вставая с колен, подбирается ближе и обнимает плачущего мальчишку.

— Спи, дитя, Господь с тобой, ночь несет тебе покой...

Генри никогда раньше не слышал, как поет Бивер: Кларендонов никак нельзя назвать набожными, — и сейчас он поражен красотой чистого тенора. Через год-другой, после ломки, голос Бивера изменится, станет обычным и ничем не примечательным, но здесь, на заросшей сорняками пустующей площадке позади заброшенного здания, он поражает всех, пронизывает насквозь, до самого сердца. Даже слабоумный перестает плакать и пораженно таращится на Бивера.

— По небу плывет кораблик, не простой, а золотой, паруса на нем стоят, чистым серебром горят, вот дремота к нам идет, глазки милые сомкнет, спи, дитя, Господь с тобой, пусть хранит он твой покой...

Последняя нота плывет в воздухе, и на мгновение мир благоговейно замирает. У Генри на глаза наворачиваются слезы. Дебил смотрит на Бивера, покачивающего его в такт песне. На замурзанной физиономии выражение блаженного восхищения. Он уже забыл разбитую губу, ссадину на щеке, пропавшую одежду, потерянную коробку для завтрака. И говорит Биверу «ио ас», почти одними согласными, которые могут означать все что угодно, но, как ни странно, Генри превосходно понимает, как, впрочем, и Бивер.

— Больше не могу, — говорит он и, сообразив, что по-прежнему обнимает парнишку за плечи, убирает руку.

Лицо слабоумного немедленно омрачается, на этот раз не от страха или капризного нетерпения избалованного, не получившего чего-то ребенка, но от искренней неподдельной грусти. Огромные капли брызжут из поразительно зеленых глаз и прокладывают чистые дорожки на черных щеках. Он берет руку Бивера, кладет себе на плечо и требует:

— Йо ас.

Бивер в панике оглядывается на дружков.

— Так мне мать пела на ночь, — говорит он, — и после этого я всегда спал как убитый.

Генри и Джоунси переглядываются и хохочут. Не слишком умно с их стороны: еще испугают парнишку, и тот снова начнет подвывать, но с собой ничего не поделаешь. А мальчик, вместо того чтобы заплакать, вдруг улыбается им широкой солнечной улыбкой, обнажившей два ряда белых, тесно посаженных зубов, и снова смотрит на Бивера, не отпуская его руки.

— Йо ас, — командует он.

— А, блин, спой снова, — требует Пит, — давай.

Биву приходится повторять куплет еще три раза, прежде чем парнишка отпускает его и позволяет остальным впихнуть себя в штаны и порванную майку, ту самую, с номером Ричи Гренадо на спине. Генри так и не забыл этой навязчивой подробности и иногда вспоминает ее в самые неподходящие моменты: после того как потерял девственность на вечеринке университетского братства под звуки «Дыма над водой», несущиеся снизу из динамиков; после того как открыл газету на странице некрологов и увидел чарующую улыбку Барри Ньюмена над тройным подбородком, когда кормил отца, пораженного болезнью Альцгеймера в несправедливо раннем возрасте пятидесяти трех, упорно считавшего, что Генри не Генри, а кто-то по имени Сэм. «Настоящий мужчина всегда платит долги, Сэмми», — сказал отец, и когда сглотнул следующую порцию овсянки, по подбородку побежала струйка молока. И в такие минуты колыбельная Бивера вновь звучит в ушах, и ему ненадолго становится легче. *Нет костяшек, нет игры.*

Наконец им удается надеть на мальчишку почти все, если не считать красной кроссовки. Он пытается натянуть ее самостоятельно, но почему-то пяткой вперед. Бедняга совсем беспомощен, и Генри просто теряется в догадках, зачем эти трое над ним издевались. Даже если не обращать внимания на плач, подобного которому Генри никогда не слышал раньше, как можно быть такой гнусью?

— Давай помогу, парень, — говорит Бив.

— Агу? — переспрашивает слабоумный с таким комическим недоумением, что Генри, Джоунси и Пит снова хохочут.

Генри знает, что смеяться над больными нехорошо, но не может сдержаться. У парня слишком забавная физиономия, совсем мультяшная.

Но Бивер только улыбается.

— Надеть кроссовку, старик?

— Соку?

— Да, сеньор, все ваши старания бесплодны. — Бив отбирает у него кроссовку, и парнишка с живейшим интересом наблюдает, как тот сует в нее его ногу, уверенно затягивает шнурки и завязывает концы бантиком.

Когда он выпрямляется, слабоумный смотрит сначала на бантик, потом на Бивера, стискивает его за шею и громко чмокает в щеку.

— Если вы проболтаетесь хоть одной живой душе, что он это сделал... — начинает Бивер, но при этом довольно улыбается.

— Да-да, ты больше никогда не будешь с нами водиться, хрен моржовый, — ухмыляется Джоунси.

Он подбирает коробку для завтраков и протягивает мальчику:

— Это твое, парень?

Тот расплывается в восторженной улыбке человека, встретившего старого друга после долгой разлуки. И хватает коробку.

— Уби — Уби-Уби-Ду, я сейчас тее пиду, — поет он. — Поа а аоту.

— Верно, — соглашается Джоунси. — Работы по горло. Прежде всего вот что мы сделаем: доставим тебя на хрен домой. Тебя ведь Дуглас Кэвелл зовут, верно?

Мальчик грязными руками прижимает коробку к груди, любовно гладит и тоже чмокает, совсем как Бивера.

— Я Даддитс! — восклицает он.

— Прекрасно, — кивает Генри, беря мальчика за руку. Джоунси следует его примеру, и вдвоем они поднимают Даддитса с земли. Мейпллейн всего в трех кварталах отсюда, и они будут там минут через десять, если, конечно, Ричи с друзьями не шляются поблизости, задумав устроить им засаду. — Давай домой, Даддитс. Мама наверняка беспокоится.

Но сначала Генри посылает Пита выглянуть из-за угла здания. Когда тот возвращается и рапортует, что берег чист, а путь свободен, Генри решает добраться до подъездной дороги. Как только они выберутся на улицу, к людям, никто их не тронет. Но рисковать Генри не намерен. Он высылает Пита вперед еще раз, наказав ему проверить дорогу до самых ворот и свистнуть, если все в порядке.

— Ои уши, — уверяет Даддитс.

— Может, и ушли, — говорит Генри, — но все же лучше, если Пит посмотрит.

Даддитс стоит, безмятежно рассматривая картинки на коробке, пока Пит идет на разведку. Он самый подходящий для таких заданий человек. Генри не преувеличил: если Ричи с приятелями задумают наброситься на них, Пит включит свои реактивные двигатели и оставит врагов в пыли.

— Тебе нравится этот мультик, старина? — тихо спрашивает Бивер, взяв у него коробку.

Генри с интересом наблюдает, заплачет тот или нет. Но слабоумный не плачет.

— Ои Уи-У, — объявляет он.

Волосы у него выющиеся, золотистые. Генри по-прежнему не может понять, сколько ему лет.

— Знаю, что это Скуби Ду, — терпеливо кивает Бив, — но они никогда не меняют одежду. Пит прав. Ну просто «трахни меня, Фредди», верно?

— Ай! — Он протягивает руку, и Бивер отдает коробку.

Слабоумный прижимает ее к себе и улыбается им.

Чудесная улыбка, думает Генри, улыбаясь в ответ. Почему-то вспоминаешь, как мерзнешь, когда долго плаваешь в океане, но потом вылезешь на песочек, закутаешь костлявые плечи и спину, обтянутые гусиной кожей, и снова становится тепло.

Джоунси тоже улыбается.

— Даддитс, — спрашивает он, — а который из них пес?

Слабоумный озадаченно морщит лоб.

— Пес, — повторяет Генри. — Который из них собака?

Теперь Даддитс, совершенно сбитый с толку, поворачивается к нему.

— Покажи Скуби Ду, — просит Бивер, и лицо Даддитса проясняется.

Он тыкает пальцем в картинку.

— Уби! Уби — Уби-У! Эо аака!

Все хохочут. Даддитс тоже смеется, и в этот момент слышится свист Пита. Они пускаются в путь и добираются чуть не до половины дороги, но тут Джоунси осеняет:

— Подождите! Подождите!

Он бежит к облупленному окну офиса, прилипает лбом к стеклу, загораживаясь ладонями от солнечных лучей, и Генри вдруг вспоминает, зачем они пришли. «Киска»! Джин-как-ее-там. Кажется, это было тысячу лет назад.

Минут через десять Джоунси зовет:

— Генри! Бив! Сюда! Оставьте парня!

Бивер бежит к Джоунси. Генри поворачивается к слабоумному и строго говорит:

— Стой здесь, Даддитс. Прямо здесь. Никуда не уходи, ладно?

Даддитс таращится на него сияющими зелеными глазами, все еще обнимая коробку. Потом кивает, и Генри присоединяется к друзьям у окна. Приходится потесниться. Бивер ворчит, что какой-то мудака наступил ему на ногу, но все в конце концов улаживается. Вскоре появляется удивленный их исчезновением Пит и втискивает физиономию между плечами Генри и Джоунси.

Вот они, четверо мальчишек, торчат перед пыльным окном бывшего офиса, прижав ладони к вискам, чтобы лучше видеть. А пятый смиренно стоит позади, на спутанной дорожной траве, благоговейно прижимая коробку для завтраков к узкой груди и глядя в осеннее небо, где солнце пытается прорваться сквозь облачный заслон.

За грязным стеклом (на котором остаются полумесяцы их детских лбов) — большая пустая комната. На немытом полу рассыпаны белые сплюснутые личинки, в которых Генри узнает гондоны. На стене, той, что прямо напротив окна, висит доска объявлений, к которой припилены карта северной части Новой Англии и полароидная фотография женщины, поднявшей юбку. Но никакой «киски», все скромно прикрыто белыми трусиками. И она вовсе не школьница. Ей не меньше тридцати.

— Святой Боже, — охает Пит, пронзая Джоунси презрительным взглядом. — И мы тащились сюда за этим?!

Джоунси, похоже, уже готовый оправдываться, внезапно расплывается в улыбке и тычет большим пальцем через плечо.

— Нет, — качает он головой. — Мы пришли за ним.

Генри вышвырнуло из воспоминаний грубым, но действенным толчком: осознанием поразительного и совершенно неожиданного факта. Он насмерть перепуган, и довольно давно. Обезумел от страха. Нечто новое упорно маячило как раз за порогом разума, сдерживаемое необычайно яркими воспоминаниями о первой встрече с Даддитсом, и теперь рванулось вперед с угрожающим воплем, собираясь занять свое законное место.

Генри притормозил посреди дороги, суматошно размахивая руками, чтобы удержаться от очередного падения, и замер, в ужасе вытаращив

глаза. Он всего в двух с половиной милях от «Дыры в стене», почти дома. Что же, во имя Господне, на этот раз?

Облако, подумал он. Нечто вроде облака, вот что это такое. Не могу сказать, что именно, но чувствую, в жизни никогда так ясно не чувствовал. Во всяком случае, во взрослой жизни. Нужно свернуть с дороги. Я должен убраться от него подальше. Убраться от кино. В облаке какое-то кино. Из тех, что любит Джоунси. Ужастик.

— Глупо, — пробормотал он, зная, что это не глупо. И услышал приближающееся «плюх-плюх-плюх» вертолета со стороны «Дыры в стене» и нарастающий рев снегохода, почти наверняка «арктик кэт», хранившегося в сарае... но быстрее всего надвигалось красно-черное облако с фильмом внутри, какая-то ужасающе злая энергия, пытавшаяся его настичь.

Генри застыл, не в силах шевельнуться, охваченный мириадами детских страхов: чудовища под кроватью, скелеты в гробах, черви, копошившиеся под перевернутыми камнями, мохнатая слизь, останки давно спекшейся крысы, обнаруженные, когда отец отодвинул от стены плиту, чтобы проверить розетку. И страхами уже не детскими: отец, заблудившийся в собственной спальне и воющий от страха; Барри Ньюмен, сбегавший из кабинета Генри: толстая физиономия искажена безмерным ужасом, потому что его настойчиво попросили заглянуть туда, куда он заглядывать не желал, а может, и не мог; он сам, сидящий без сна в четыре утра, со стаканом скотч-виски: весь мир — мертвая пустыня, его собственный мозг — мертвая пустыня, и, о беби, до рассвета тысяча лет, целая вечность, а все колыбельные запрещены. Аннулированы. И все это заключено в красно-черном облаке, устремившемся к нему с неба, подобно коню бледному, все это, и куда, куда больше. Всякие пакости, которые только могут прийти в голову, сейчас мчатся к нему не на бледном коне, а на старом снегоходе с облупившейся краской. Не смерть, но хуже смерти. *Мистер Грей.*

Прочь с дороги! — вопит мозг. — Немедленно! Прячься!

Мгновение он не мог пошевелиться, ноги, казалось, приросли к земле. Царапина на бедре от сломанного поворотника жгла раскаленным железом. Теперь он понимал, что чувствует олень, пойманный в капкан неумолимых огней фар, или бурундук, тупо подпрыгивающий перед носом приближающейся газонокосилки. Облако лишило его инстинкта самосохранения, способности вырваться. Он замер, как беспомощный кролик перед коброй.

И как ни странно, к жизни его возвратили все эти мысли о

самоубийстве. Разве не он мучился над выбором пятисот бессонных ночей? Только затем, чтобы кто-то неведомый, охваченный охотничьим азартом, сделал это за него? Нет уж, дудки! Страдания сами по себе достаточно неприятны, но позволить своему перепуганному телу превратить эти страдания в пародию покорным ожиданием демонов, заранее потирающих руки от восторга? Ну нет, такого он не допустит!

Итак, он заставил себя сдвинуться с места, медленно, словно в ночном кошмаре, продираться сквозь внезапно загустевший, как кисель, воздух. Ноги поднимаются и опускаются, словно в подводном балете. Словно в замедленной съемке. Неужели еще несколько минут назад он бежал по дороге? Действительно бежал? Сама мысль об этом казалась невероятной, как бы ни были сильны воспоминания.

Но все же он упорно продолжал делать шаг за шагом, шаг за шагом, а вой мотора становился все ближе, превращаясь в рычание зверя. И наконец он вломился в деревья на обочине дороги, футов на пятнадцать в глубину, где почти нет снега, только легкий серебристый пух на ароматных оранжево-бурых иглах. Генри повалился на колени, всхлипывая от ужаса и затыкая рот рукой, чтобы заглушить звуки; что, если его услышат? Мистер Грей, облако — это мистер Грей, и что, если он услышит?

Он прокрался за поросший мхом еловый ствол, обнял его и осторожно выглянул из укрытия, пытаясь рассмотреть что-то сквозь потную завесу упавших на глаза волос. И увидел в хмуром сумеречном свете вспышку света. Она колеблется, дрожит, перемещается. Горящая фара.

Генри беспомощно застонал в надвигающейся тьме. Круг света проник в мозг, пожирая мысли, наполняя его пугающими образами: молоко на подбородке отца, паника в глазах Барри Ньюмена, истощенные тела и огромные глаза, пристально глядевшие в никуда из-за колючей проволоки, женщины с содранной кожей и повешенные мужчины. На какой-то момент его представление о мире вывернулось наизнанку, как карман, и он осознал, что все поражено чумой... или, вероятно, поражено. Все. Его доводы в пользу самоубийства ничтожны перед лицом надвигающегося бедствия.

Он прижался губами к дереву, чтобы сдержать крик, чувствуя, как губы впечатались поцелуем в холодный мох, до самых корней, где он сохранил влагу и вкус коры. В этот момент «арктик кэт» пронесся мимо, и Генри узнал оседлавший его силуэт. Узнал создание, породившее черно-красное облако, наполнившее его голову сухим жаром.

Он со сдавленным криком вгрызся в мох, бессознательно втягивая носом сухие, мелкие, похожие на табак частицы, и снова вскрикнул. А

потом просто продолжал стоять на коленях, схватившись за дерево и дрожа всем телом. Рев снегохода стал постепенно удаляться на запад, превратился в назойливый скулеж и затих окончательно. Там Пит. ЭТО доберется до Пита и женщины. Генри поковылял на негнущихся ногах обратно к дороге, не замечая, что плачет, не замечая, что из носа снова льется кровь. И снова направился к «Дыре в стене», но уже не той уверенной трусцой, как раньше. Теперь он едва плелся, прихрамывая и спотыкаясь. Но, может, это уже не играло роли, потому что в домике все было кончено.

Какие бы кошмары там ни происходили, он все равно опоздал. Один из друзей мертв, один умирает, а один, храни его Боже, стал кинозвездой.

Глава 7. ДЖОУНСИ И БИВ

1

Бив повторял это снова и снова. На этот раз никаких биверизмов: простое короткое ругательство, которое первым приходит на ум, когда ты привалился к стене и нет других слов, чтобы выразить ужас, представший твоим глазам.

— А, блядство, старик, блядство!

Как бы плохо ни было Маккарти, он все же нашел время щелкнуть переключателями в ванной, включив люминесцентные плафоны по обе стороны от зеркала и еще один, круглый, наверху. Неестественно белый, резкий свет придавал окружающему вид полицейского снимка с места преступления — и некий оттенок сюрреализма, потому что лампы не горели ровно, а время от времени мигали, и ты понимал, что питание идет от генератора, а не от электростанции, снабжающей электричеством Дерри и Бангор.

Кафель на полу светло-голубой, и если у двери видны лишь отдельные пятна и брызги крови, то около туалета уже стоят лужицы, от которых тянутся алые ручейки. Кроме того, кафель донельзя затоптан: ни Джоунси, ни Бив не позаботились снять сапоги. На синей виниловой душевой занавеске — четыре смазанных отпечатка пальцев, и Джоунси нахмурился еще сильнее: он, наверное, схватился за занавеску, чтобы не упасть, когда сажился на толчок.

Но все это была лишь прелюдия. Джоунси мысленно видел то страшное, что здесь творилось: Маккарти с рукой, заведенной за спину, мечется по голубому кафелю, пытаясь удержать что-то у себя в утробе.

— А, блядство, — твердил Бив, как заведенный, почти всхлипывая. — Я не хочу видеть это, Джоунси, старина, не могу.

Собственный голос донесся до Джоунси глухо, словно издалека:

— Придется, Бив. Ничего не поделаешь. Если в тот раз мы сумели выстоять против Ричи Гренадо, сможем и сейчас.

— Не знаю, старик, не знаю...

Джоунси тоже не знал, честно не знал, но все же подался вперед и взял руку Бива. Холодные пальцы Бива судорожно сомкнулись вокруг его ладони, и они вместе шагнули в глубь ванной. Джоунси старался не

наступать на кровь, но это было невозможно: повсюду краснели потеки. И не только крови.

— Джоунси, — прохрипел Бивер, — видишь эту хрень на занавеске?

— Д-да.

В ореолах смазанных отпечатков виднелись крохотные наросты красно-золотистого желе, походившего на плесень. На полу их было куда больше. Не в самой большой луже, а в полусохших пятнах.

— Что это?

— Не знаю, — пожал плечами Джоунси. — Вроде то же дерьмо, что было у него на лице. А сейчас заглохни на секунду.

И после паузы:

— Маккарти... Рик!

Маккарти, сидевший на унитазе, не отвечал. По какой-то причине он снова напялил оранжевую кепку: козырек отогнулся и торчал под косым, залихватским углом. Если не считать кепки, он был абсолютно голым. Подбородок покоился на груди, что придавало ему уродливо-пародийный вид глубокой задумчивости (а может, это вовсе и не было пародией, кто знает?). Глаза закрыты. Сложенные руки благопристойно прикрывают лобок. С одной стороны унитаза стекала широкая струя крови, но на самом Маккарти не было ни капли, по крайней мере насколько мог определить Джоунси.

Но одно он увидел ясно: кожа на животе Маккарти свисала двумя большими пустыми бурдюками. Картина была чем-то знакома Джоунси, и он, немного подумав, сообразил: так выглядел живот Карлы после рождения каждого из четверых детей. Чуть выше бедра Маккарти кожа всего лишь покраснела, но на животе была испещрена крохотными синими рубцами. Если Маккарти и забеременел, то, должно быть, какими-то паразитами, цепнем или килостомой, или чем-то в этом роде. Только вот что поделаться с этой плесенью, растущей в пролитой крови, и словами, сказанными им, перед тем как лечь в постель Джоунси?

Внемли, стою и стучусь у порога твоего...

Сейчас Джоунси невероятно жалел, что откликнулся на стук. Нет, говоря по правде, жалел он о том, что сразу не пристрелил Маккарти. Да. Теперь он это видел с невыразимой ясностью, иногда посещающей бьющийся в тисках ужаса разум, и в этом состоянии сознавал, что лучше всего было бы послать пулю в Маккарти, прежде чем в глаза бросились оранжевые жилет и кепка. Во всяком случае, это отнюдь не повредило бы, а возможно, и помогло.

— Стой у двери и помалкивай, — пробормотал Джоунси.

— Джоунси... скажи только, он еще жив?

— Не знаю.

Джоунси сделал еще один шаг и почувствовал, как пальцы Бива разжались: очевидно, тот исчерпал все запасы выносливости.

— Рик, — осторожно окликнул Джоунси голосом человека, старающегося не разбудить ребенка. Голосом человека, узревшего мертвеца. — Рик, вы...

Мужчина на толчке пронзительно громко пукнул, и комната немедленно наполнилась едким смрадом экскрементов и авиационного клея.

Чудо еще, что душевая занавеска не расплавилась, подумал Джоунси.

Из унитаза донесся всплеск. Не «плюх» шлепнувшегося в фаянсовую чашу дерьма. Скорее похоже на резвящуюся в пруду рыбу.

— Боже всемогущий, ну и вонь! — охнул Бивер, прикрывая ладонью нос и рот, отчего речь получалась невнятной. — Но если он пердит, значит, должно быть, живой. А, Джоунси? Он все еще...

— Заткнись, — очень тихо велел Джоунси, пораженный собственным спокойствием. — Только заткнись, ладно?

И Бив заткнулся.

Джоунси наклонился ближе, так что смог разглядеть небольшой кровавой мазок на правой брови Маккарти, красный нарост на щеке, кровь на синей пластиковой занавеске, табличку с шутливой надписью УГОЛОК РАЗМЫШЛЕНИЙ ЛАМАРА, висевшую еще с той поры, когда здесь был биотуалет, а воду в душ приходилось качать насосом. Он заметил слабый студенистый проблеск из-под прикрытых век Маккарти, трещины на губах, казавшихся в белесом свете фиолетовыми и воспаленными, втягивал ноздрями омерзительный запах и, казалось, видел, как к потолку поднимаются грязно-желтые столбы, как у горчичного газа.

— Маккарти! Рик! Вы меня слышите? — Он щелкнул пальцами перед полуприкрытыми глазами. Ничего. Он лизнул тыльную сторону ладони, поднес сначала к ноздрям, а потом ко рту Маккарти.

Ничего.

— Он мертв, Бив, — сказал Джоунси, отступая.

— Черта с два! — возмущенно, почти оскорбленно ответил Бив, словно своей смертью Маккарти поправил все законы гостеприимства, и несмотря на весь ужас ситуации, Джоунси едва не улыбнулся, столько абсурдной обиды звучало в тоне Бива. — Он только сейчас выдал на-гора новую порцию, я сам слышал.

— Мне кажется, это не...

Бив ринулся вперед, больно притиснув пострадавшее бедро Джоунси к раковине.

— Кончай, парень! — прошипел он и, вцепившись в круглое веснушчатое вялое плечо Маккарти, стал ожесточенно трясти. — Вставай, слышишь? Ну же, слезай с толчка!

Маккарти медленно накренился вперед, и Джоунси вдруг показалось, что Бивер все-таки прав, что малый все еще жив, жив и пытается встать. Но тут Маккарти повалился с трона в ванну, зацепив головой синее прозрачное облако занавески. Оранжевая кепка свалилась. Череп с костяным треском ударился о фарфор, и Джоунси с Бивом, цепляясь друг за друга, завопили от ужаса, внезапно сгустившегося в этой приветливой, выложенной голубым кафелем комнатке. Задница Маккарти походила на скособоченную луну с гигантским кровавым кратером в центре, местом неистового извержения. Все это Джоунси увидел мельком, прежде чем Маккарти окончательно исчез в ванне, и занавеска, взлетев в последний раз, опустилась, как театральный занавес в трагическом финале. Но и в эту долю секунды Джоунси показалось, что дыра была не меньше фута в диаметре. Может ли такое быть? ФУТ? Конечно, нет!

В унитазе что-то плеснулось снова, достаточно сильно, чтобы разбрызгать капли кровавой воды на голубое сиденье. Бивер хотел было нагнуться, посмотреть поближе, но Джоунси, сам не понимая почему, захлопнул крышку.

— Нет, — бросил он.

— Нет?

Бивер попытался вытащить из нагрудного кармана зубочистку, захватил сразу с полдюжины и уронил на пол. Зубочистки, как бирюльки, раскатились по полу. Бив растерянно посмотрел на них и поднял глаза на Джоунси. В них стояли слезы.

— Как Даддитс, старик, — сказал он.

— О чем это ты, во имя Господа?

— Неужели не помнишь? Он тоже был почти голый. Те твари стащили с него все, до трусов. Но мы спасли его.

В подтверждение Бивер энергично закивал, словно Джоунси, в самых потаенных и недоверчивых уголках души, глумится над этим утверждением.

Но Джоунси и не думал глумиться, хотя Маккарти ни в малейшей степени не походил на Даддитса. Перед глазами стоял Маккарти, грузно валившийся в ванну: оранжевая кепка отлетела, жирные отложения на груди («сиськи от легкой жизни», как называл их Генри, когда видел пару

таких под тенниской какого-нибудь типа) подрагивали, как желе. И его зад, отчетливо видный в свете, беспощадном люминесцентном свете, не умеющем хранить тайны, выбалтывающем любые секреты своим настырным монотонным жужжанием. Безупречный белый мужской зад, безволосый, чуть дряблый, только начинающий отвисать: он перевидал тысячи таких в мужских раздевалках, где переодевался и принимал душ, да и сам он постепенно обзаводился чем-то подобным (и обзавелся бы, если бы старый дурак не сбил его машиной, непоправимо изменив конфигурацию пятой точки, и возможно, навсегда). Только с таким, ему еще не приходилось сталкиваться. Словно кто-то, сидевший в утробе Маккарти, бросил гранату или выпалил из миномета, чтобы... зачем?!

Из унитаза послышался очередной глухой всплеск. Крышка подпрыгнула. Что ж, вполне правдоподобный ответ. Чтобы выбраться наружу, конечно.

— Сядь на нее, — велел Джоунси Биверу.

— А?

— Сядь на нее, — почти проорал Джоунси на этот раз, и Бивер, поеживаясь, плюхнулся на крышку.

В холодном откровенном свете ламп кожа Бивера казалась серой, как сухая земля, испещренная крошечными точками черной щетины. Губы посинели и истончились. Над головой болталась старая шутовская надпись: УГОЛОК РАЗМЫШЛЕНИЙ ЛАМАРА, в голубых, широко открытых глазах застыл страх.

— Я сижу, Джоунси, — видишь?

— Да. Прости, что сорвался, Бив. Но ты просто сиди тут и все, ладно? Что бы там ни плескалось, оно в ловушке. И никуда не денется, кроме как в сточный резервуар. Я сейчас вернусь...

— Куда ты? Не хочу, чтобы ты бросал меня в нужнике, наедине с мертвяком. Если мы оба сбежим...

— Никуда мы не сбежим, — перебил Джоунси. — Это наш дом, и мы никуда не сбежим.

Что, разумеется, звучало благородно, но не проясняло самый главный мотив столь отважного заявления. Джоунси в основном опасался, что эта штука, затаившаяся в унитазе, способна передвигаться быстрее, чем они. Или ползать. Или летать.

В его мозгу со скоростью света проносятся кадры из сотен ужастиков: «Паразит», «Пришельцы», «Они пришли изнутри».

Карла ни за что не желала смотреть подобные гадости, как она выражалась, и заставляла его спускаться вниз, в кабинет, где тоже был

телевизор. Но сейчас один из этих фильмов, вернее, то, что он видел в одном из них, может спасти их жизнь.

Джоунси глянул на красновато-золотистую плесень, пробившуюся из отпечатков пальцев Маккарти. Спасти их жизни от этой напасти в унитазе. Плесень... кому, во имя Господне, известно, что это?

Пакошь в унитазе снова подскочила, стукнувшись о крышку, но Бивер без труда удерживал позиции. Вот и хорошо. Может, ОНО просто утонет, хотя Джоунси не стал бы на это рассчитывать, ведь жила же она в Маккарти! Она жила в старом мистере «Внемли-стою-и-стучусь-у-порога-твоего» довольно долго, может, все четыре дня, которые он бродил по лесу. Похоже, это она замедлила рост щетины у Маккарти, из-за нее его зубы выпали, и он непрерывно выпускал газы, что, разумеется, не могло быть не замечено даже в вежливейшем из вежливых обществе, газы, скорее напоминавшие отравляющий газ, но само создание, очевидно, процветало... резвилось... росло.

Перед Джоунси вдруг появилось яркое изображение белого свиного цепня, выбиравшегося из горы сырого мяса. К горлу подкатила желчь. Он издал странный клокочущий звук.

— Джоунси! — Бивер привстал с сиденья. Он казался еще более встревоженным, чем раньше.

— Бивер, немедленно сядь!

Что Бивер и сделал — как раз вовремя. Пакошь в туалете подскочила и снова ударилась о крышку, сильно, гулко...

Внемли, стою и стучусь у порога твоего.

— Помнишь тот фильм, «Смертельное оружие», где партнер Мела Гибсона не смеет слезть со сральника? — спросил Бивер, улыбаясь, хотя глаза оставались серьезными и испуганными. — Похоже, правда?

— Нет, — возразил Джоунси, — потому что здесь нечему взрываться. Кроме того, я не Мел Гибсон, а ты, блин, слишком бел для Денни Гловера. Послушай, Бив, я иду в сарай...

— Не-а, ни за какие коврижки... ты меня тут не бросишь...

— Заткнись и слушай. Там где-то валяется моток изолянта? Верно?

— Да, только не валяется, а висит на гвозде, по крайней мере мне так...

— Да, я вспомнил, на гвозде. Около банок с красками. Огромный, как колесо, моток. Я сейчас найду его, вернусь и обмотаю унитаз. Потом...

Новый всплеск, словно ОНО сумело услышать и понять. Но откуда мы знаем, может, так и есть? — подумал Джоунси. Когда ОНО с силой ударило в крышку, Бивер поморщился.

— Потом мы отсюда уберемся, — закончил Джоунси.

— На «кэт»?

Джоунси кивнул, хотя на самом деле совершенно забыл о снегоходе.

— Да, на «кэт». Нужно перехватить Генри и Пита...

Бив судорожно затряс головой.

— Карантин, так сказал тот тип в вертолете. Наверное, именно поэтому они еще не вернулись, разве не понимаешь? Их скорее всего задержали эти...

Шмяк!

Бивер съежился. Джоунси передернуло.

— ...карантинная служба.

— Вероятно, — согласился Джоунси. — Но, слушай, Бив. По мне лучше сидеть в карантине с Питом и Генри, чем здесь, с... чем здесь, а тебе как?

— Давай просто спустим воду, — предложил Бивер. — Как насчет того, чтобы просто спустить воду?

Джоунси покачал головой.

— Но почему?

— Потому что я, как и ты, видел дыру, которую ОНО пробило, выбираясь наружу, — сказал Джоунси. — Не знаю, что это такое, но мы не избавимся от него, просто дернув за ручку. Слишком ОНО велико.

— Е... твою... — прошипел Бивер, с размаха хлопая себя ладонью по лбу. Джоунси кивнул. — Ладно, Джоунси, иди за лентой.

Джоунси направился было к двери, но на пороге остановился и оглянулся:

— И, Бивер...

Бивер поднял бровь.

— Сиди, как пришитый, приятель.

Бивер нервно хихикнул. Джоунси принялся ему вторить. Все еще хохоча, они встретились взглядами: один стоя в дверях, другой — восседая на унитазе.

Все еще посмеиваясь, Джоунси пересек большую комнату (сиди, как пришитый, — чем больше он об этом думал, тем забавнее казалось) и зашагал к черному ходу. Его лихорадило, попеременно обдавая то жаром, то холодом, трясло от страха и нервной веселости. Сиди, как пришитый. Член Иисусов!

Бив слышал удаляющееся хихиканье Джоунси, даже когда за ним захлопнулась дверь. И несмотря ни на что, он был рад слышать этот звук. Этот год и без того оказался худым для Джоунси, сначала они даже думали, что он отдаст концы. Бедный старина Джоунси, и тридцати восьми нет! Плохой год и для Пита, который слишком много пил, неважный для Генри, у которого иногда делался неприятно отсутствующий вид, чего Бив не понимал и не любил... пожалуй, теперь можно сказать, что и для Бивера Кларендона год выдался отвратительным. Конечно, это всего лишь один день из трехсот шестидесяти пяти, но кто же просыпается утром, твердо зная, что к полудню в ванне будет валяться голый тип, а тебе придется торчать на сиденье унитаза, чтобы удержать нечто, чего ты даже не видел...

— Ну уж нет, — решительно сказал Бивер. — Я не загляну туда. Ни за что не загляну.

Да и не придется. Джоунси вернется с изоляцией минуты через две, самое большее, через три. Вопрос в том, где он хотел бы оказаться, пока не вернется Джоунси? Где мог бы чувствовать себя легко и свободно?

К Даддитсу, вот куда. При мысли о Даддитсе ему всегда становилось хорошо. И Роберта, думать о ней тоже всегда приятно. Вне всякого сомнения.

Бив улыбнулся, представив маленькую женщину в желтом платье, стоявшую в тот день у ограды дома на Мейпл-лейн. Улыбка стала еще шире, когда он вспомнил, что она сказала, увидев их. И как окликнула сына. Она окликнула его...

3

— Даддитс! — кричит она, маленький сидящий воробышек, в цветастом ситцевом платье, и бежит по тротуару им навстречу.

Даддитс мирно шагает в компании новых друзей, треща со скоростью шесть заикающихся слов в минуту, держа в левой руке коробку со Скуби Ду. Правой он сжимает ладонь Джоунси и радостно ее раскачивает. Его бормотание почти целиком состоит из гласных, но больше всего Бивера поражает, что сам он почти все разбирает в этом бессвязном потоке звуков.

Завидев сидящую женщину-птичку, Даддитс выпускает руку Джоунси и бежит к ней, они оба бегут, и это напоминает Биверу какой-то мюзикл о компании певцов, с фон Криппсом или фон Краппсом, что-то в этом роде.

— Я здесь! Здесь! — радостно кричит Даддитс. — Маача! Маача!

— Ты где был? Где ты был, плохой мальчик, плохой старый Даддитс?

Они встречаются, и Даддитс оказывается настолько выше — на два-три дюйма, не меньше, что Бивер морщится, ожидая, что женщину-птичку сейчас расплющит, как кота Тома в старых диснеевских мультиках, но вместо этого она с неожиданной силой поднимает сына и кружит. Ноги в кроссовках безвольно болтаются, рот растянут до ушей в сияющей улыбке счастливого экстаза.

— Я уже хотела звонить в полицию, старый противный негодник, старый противный негодник Да...

Но тут она видит Бивера с друзьями и ставит сына на землю. Улыбка облегчения растаяла, она хмурится и делает шаг вперед, прямо по сетке для «классиков», начерченной мелом на асфальте, и, как это ни жестоко, Бивер думает, что даже эта простая игра не по силам Даддитсу. Слезы на ее щеках сверкают в свете солнца, наконец-то прорвавшегося сквозь тучи.

— Ой-ой, — говорит Пит. — Сейчас нам достанется на орехи.

— Не возникай, — тихо советует Генри. — Пусть выкричится, а потом я объясню.

Но они недооценили Роберту Кэвелл, вернее, судили о ней, как о большинстве взрослых, похоже, заранее считающих, что все мальчики их возраста виновны, пока не доказано обратное. Но Роберта Кэвелл совсем другая, как и ее муж, Элфи. Такими их сделал Даддитс.

— Мальчики, — спрашивает она, — он бродил по городу? Заблудился? Я так боялась позволить ему ходить в школу одному, но он ужасно хочет быть, как все мальчики...

Она крепко пожимает пальцы Бивера одной рукой и ладошку Пита — другой. Потом настает очередь Джоунси и Генри.

— Мэм, — выговаривает Генри.

Мисс Кэвелл пристально глядит на него, словно пытаясь прочесть мысли.

— Не просто заблудился, — кивает она. — И не просто бродил.

— Мэм... — снова начинает Генри, но тут же понимает, что скрыть ничего не удастся. С ее лица на него вопросительно смотрят зеленые глаза Даддитса, только умные, настороженные и проницательные. — Нет, мэм. — Генри вздыхает. — Не просто бродил.

— Потому что обычно он сразу идет домой. Утверждает, что не может потеряться, потому что видит линию. Сколько их было?

— О, немного, — заверяет Джоунси, искоса глядя на Генри. Даддитс тем временем отыскал отцветшие одуванчики, плюхнулся на живот и увлеченно дует на головки, поднимая в воздух фонтаны крошечных

парашютиков. — Трое парней дразнили его, мэм.

— Взрослых парней, — уточняет Пит.

Ее глаза снова изучают их, поочередно скользя от Джоунси к Питу, от Пита к Биверу, от Бивера снова к Генри.

— Зайдите к нам, — приглашает она. — Я хочу услышать, как все было. Днем Даддитс пьет свой ЗаРекс, его любимый напиток, но, бьюсь об заклад, вам больше по вкусу чай со льдом, верно?

Троица поворачивается к Генри, который, после недолгого раздумья, кивает:

— Да, мэм, чай со льдом — это здорово.

И она ведет их к дому, где в последующие годы они проведут столько времени, дому номер девятнадцать по Мейпл-лейн, только на самом деле их ведет Даддитс, подскакивая, выделывая ногами кренделя, иногда поднимая над головой желтую коробку для завтраков, но неизменно, как замечает Бивер, держась на одном и том же расстоянии от обочины, примерно в футе от травяного бордюра вдоль тротуара. Годы спустя, после случая с девчонкой Ринкенхауэр, Бивер вспомнит, о чем говорила миссис Кэвелл. И не только он. Все. Он видит линию.

4

— Джоунси! — позвал Бивер.

Ответа нет. Господи Иисусе, кажется, Джоунси нет уже целую вечность. Возможно, это вовсе не так, но сказать трудно: утром Бивер забыл надеть часы. Глупо. Но он всегда был глуп, следовало бы уже давно привыкнуть. Рядом с Джоунси и Генри он и Пит всегда казались дураками. Не то чтобы Джоунси или Генри давали им понять, и это всегда восхищало Бивера.

— Джоунси?!

Тишина. Может, он никак не найдет ленту? Скорее всего именно так и есть.

Какой-то злобный голосишко в мозгу твердит, что дело вовсе не в ленте, что Джоунси просто сбежал, оставил его сидеть на толчке, как Денни Гловера из того фильма, но он не станет слушать этот голос, потому что Джоунси никогда бы так не поступил. Они друзья до гроба, и всегда были друзьями.

Верно, соглашается злобный голосишко, до гроба. До конца. А это и есть конец.

— Джоунси! Ты тут, мужик?

Ни звука. Наверное, моток упал с гвоздя и куда-то завалился.

Да нет ничего под ним. И, черт возьми, в конце концов он не герой ужасика! С чего бы вдруг Маккарти высрал в толчок какое-то чудовище? Породил на свет Зверя в Унитазе? И вправду звучит, как пародия на фильм ужасов! И даже если так оно и есть, Зверь в Унитазе, вероятно, давно уже утонул, утонул и провалился вниз.

И тут на ум пришла фраза из истории, которую они по очереди читали Даддитсу. Хорошо, что их было четверо, потому что Даддитс никогда не уставал от того, что ему нравилось.

«Тай пуд, — требовал он, подбегая к ним с высоко поднятой над головой книгой; точно так же он держал коробку в тот, первый день. — Тай пуд, тай пуд!»

Что в этом случае означало «читай «Пруд». Книга доктора Сьюсса называлась «Пруд Макэллигота», и первое четверостишие он до сих пор помнил наизусть:

А фермер смеется:
Да ты, брат, в бреду!
Не водится рыба
В этом пруду.

Но рыба была, по крайней мере в воображении маленького героя той истории. Много рыбы. Большой рыбы.

Но вот под ним никаких больше всплесков. Никто не бьется о крышку, вот уже несколько минут. Может, рискнуть? Только взглянуть по-быстрому, приподнять крышку и захлопнуть снова, если...

Но...

«Сиди, как пришитый, приятель», — последнее, что сказал Джоунси, и, пожалуй, лучше его послушаться.

Джоунси скорее всего уже в миле отсюда, констатирует злобный голосишко. В миле отсюда и мчится как угорелый.

— Ну уж нет, — громко сказал Бивер. — Только не Джоунси.

И слегка заерзал на закрытом сиденье, ожидая, пока эта штука подпрыгнет, но ничего не произошло. Должно быть, давно уже в шестидесяти ярдах отсюда, плавает с дерьмом в сточном резервуаре. Джоунси сказал, она такая большая, что не пролезет в сток, но поскольку ни один из них ее не видел, трудно сказать наверняка. И так или иначе, в

любом случае мсье Бивер Кларендон обречен сидеть на месте. Потому что пообещал. Потому что время всегда течет медленнее, когда ты встревожен или испуган. И потому что он доверяет Джоунси. Джоунси и Генри никогда не обижали его, не издевались ни над ним, ни над Питом. И никто из них никогда не обижал и не смеялся над Даддитсом.

Бив смешливо фыркнул. Даддитс и его коробка для завтраков со Скуби Ду. Даддитс, лежа на животе, дует на одуванчики. Даддитс резвится на заднем дворе, счастливый, как птичка на дереве, а люди, называющие детишек вроде него не такими, как все, просто ни черта не понимают. Он действительно особый, не такой, как все, подарок их четверке от подлого поганого мира, от которого обычно не дождешься прошлогоднего снега. Даддитс — нечто поразительное, облагородившее их души, и они любили его.

5

Они сидят в углу светлой кухоньки, залитой солнцем — облака рассеялись, словно по волшебству, — пьют чай со льдом и наблюдают за Даддитсом, пьющим свой ЗаРекс (мерзкую на вид оранжевую бурду). В три-четыре огромных, захлебывающих глотка он приканчивает стакан и бежит играть.

Генри берет на себя роль рассказчика, объясняя миссис Кэвелл, что парни всего лишь «вроде как толкали Даддитса из рук в руки, немного разгорячились и порвали ему майку, ну и, мэм, испугали его и довели до слез». Ни слова о том, как Ричи Гренадо с друзьями раздели Даддитса едва не догола и какую мерзость заставляли есть, а когда миссис Кэвелл спрашивает, знаком ли Генри с этими парнями, тот слегка колеблется и говорит «нет», просто какие-то старшеклассники, имен он не знает.

Она смотрит на Джоунси, Бивера и Пита, но все старательно трясут головами. Может, это и ошибка, и в будущем опасно для Даддитса, но они не способны так разом переступить законы и правила, которым подчинена их жизнь. Бивер и так не понимает, как они вообще посмели вмешаться, а остальные позже скажут то же самое. Они поражены не только собственной отвагой, но и тем, что ухитрились не попасть на хрен в больницу.

Роберта грустно вздыхает, и до Бивера вдруг доходит, что она знает многое из того, что они не досказывают, возможно, столько, что проведет бессонную ночь. Но тут она улыбается. Улыбается Биверу, и того словно

иголочками пронизывает до самых ног.

— Сколько же молний на твоей куртке! — восклицает она.

— Да, мэм, — ухмыляется Бивер. — Это моя «Фонзи-куртка». Сначала ее старший брат носил, мои дружки над ней подсмеиваются, но я все равно ее люблю.

— «Счастливые дни», — кивает она. — Нам тоже они нравятся. И Даддитсу. Может, как-нибудь вечером зайдете, посмотрите с нами. С ним.

Улыбка становится чуть жалобной, словно она понимает что этому не бывать.

— Да, было бы неплохо, — соглашается Бив.

— И то верно, — поддакивает Пит.

Несколько минут они молчат, глядя, как прыгает во дворе Даддитс. Кто-то, видимо, отец, укрепил во дворе качели с двумя сиденьями. Даддитс пробегает мимо, толкает их, заставляя раскачиваться. Иногда он останавливается, скрещивает руки на груди, поворачивает к небу круглый циферблат физиономии со стертыми цифрами и смеется.

— Похоже, он в порядке, — говорит Джоунси, допивая чай. — Успел обо всем забыть.

Миссис Кэвелл, привставшая было, снова садится и растерянно смотрит на него.

— О нет, вовсе нет, — качает она головой. — Он помнит. Не так, как вы или я, но многое. Сегодня ночью наверняка будет видеть кошмары, а когда мы с отцом зайдём к нему, не сумеет объяснить. Это для него хуже всего: не может сказать, что видит, думает и чувствует. Слов недостает.

Она вздыхает.

— В любом случае эти парни про него не забудут. Что, если захотят отомстить ему? Или вам?

— Мы о себе позаботимся, — говорит Джоунси, и хотя голос не дрожит, взгляд куда-то убегает.

— Возможно, — кивает она. — А Даддитс? Я могу провожать его в школу, как когда-то, и, наверное, снова придется, хотя бы некоторое время. Но он так любит сам возвращаться домой!

— Должно быть, это позволяет ему чувствовать себя взрослым, — вставляет Пит.

Она протягивает руку и касается пальцев Пита, отчего тот заливается краской.

— Верно, это позволяет ему чувствовать себя взрослым.

— Знаете, — предлагает Генри, — мы могли бы провожать его. Мы все ходим в среднюю школу, и оттуда до Канзас-стрит рукой подать.

Роберта Кэвелл ничего не говорит на это: маленькая женщина-птичка в цветастом платье внимательно смотрит на Генри, как человек, ожидающий «изюминки» анекдота.

— Вы согласны, миссус Кэвелл? — спрашивает Бивер. — Потому что нам это запросто. Или не хотите?

Что-то странное творится с лицом миссис Кэвелл: под кожей пробегают крошечные волны судорог, одно веко припущено, словно она собирается подмигнуть, а второй глаз в самом деле подмигивает. Она вынимает из кармана платок и усердно сморкается. «Наверное, старается не засмеяться над нами», — думает Бивер.

Когда он говорит об этом Генри по пути домой (Джоунси и Питер уже разбрелись в разные стороны), тот изумленно таращится на него. «Не заплакать она старалась, вот что, — объясняет он и, помолчав, с насмешливой нежностью добавляет. — Дубина».

— И вы это сделали бы? — говорит она, а когда Генри кивает за себя и всех остальных, слегка изменяет вопрос: — Почему вы сделали бы это?

Генри оглядывается на друзей, словно говоря: «Может, хоть кто-то выскажется на этот раз?»

— Нам он нравится, мэм, — бормочет Пит.

— Особенно, как он носит коробку для завтраков над головой... — присоединяется Джоунси.

— Да, охренеть можно, — вторит Пит.

Генри пинает его под столом. Пит сообщает, что ляпнул (со стороны отчетливо видно, как движутся шестеренки у него в мозгу), и багровеет от смущения. Но миссис Кэвелл делает вид, что не замечает. Она занята другим: так и ест Генри напряженным взглядом.

— Он должен выходить без четверти восемь, — говорит она наконец.

— Обычно к этому времени мы уже почти рядом с вашим домом, — сообщает Генри. — Правда, парни?

И хотя семь сорок пять — немного рановато, все хором поддакивают.

— И вы это сделаете? — снова спрашивает миссис Кэвелл, и теперь Бивер без труда читает ее мысли: в ней говорит скепти-чтоб-ему-цизм, то есть, если перевести на человеческий язык, она попросту им не верит.

— Конечно, — заверяет Генри, — только вот Даддитс... ну... вы знаете...

— Не захочет, чтобы мы его провожали, — заканчивает Джоунси.

— Вы что, спятили? — охает она. Биверу кажется, что она говорит сама с собой, пытается убедить себя, что на кухне действительно сидит эта орава и предлагает немыслимое. Что все происходит на самом деле. —

Дружить с вами? Мальчиками, которые, как говорит Даддитс, ходят в настоящую школу? Да он подумает, что в рай попал!

— О'кей, — заключает Генри. — Мы придем к без четверти восемь, проводим в школу и обратно.

— Он заканчивает в...

— Мы знаем, когда в Академии Дебилов отпускают учеников, — жизнерадостно сообщает Бивер, но за мгновение до того, как видит потрясенные лица приятелей, с ужасом понимает, что выпалил кое-что куда похуже, чем «охренеть», и поспешно прикрывает рот ладонью.

Испуганные глаза над грязноватой ладошкой похожи на два блюдца. Джоунси пинает его в коленку с такой силой, что Бив едва не опрокидывается.

— Не обращайтесь на него внимания, мэм, — говорит Генри чересчур поспешно: верный признак смущения. — Он просто...

— Ничего страшного, — отмахивается она. — Я знаю, как люди называют Мэри М. Сноу. Иногда и Элфи, бывает, обмолвится.

Как ни странно, но эта тема почти не интересует ее.

— Почему? — повторяет она, и хотя при этом смотрит на Генри, Бивер храбро отвечает, несмотря на пылающие щеки и сокрушенный вид:

— Потому что он классный.

Остальные кивают.

Они будут провожать Даддитса в школу и из школы, почти пять лет, если не считать дней, когда он болен или когда они уезжают в «Дыру в стене». К концу этого срока Даддитс переходит из Мэри М. Сноу, иначе говоря, Академии Дебилов, в профессионально-техническое училище Дерри, где учится печь пирожные («петь озые» на языке Даддитса), менять аккумуляторы в автомобилях и завязывать галстук (узел всегда идеален, хотя временами и висит едва не у пупка).

История с Джози Ринкенхауэр давно уже прошедшее время: маленькое девятидневное чудо забыто всеми, кроме родителей Джози, которые, разумеется, будут помнить его до конца жизни.

Они уже успели научить Даддитса играть в парчизи и упрощенный вариант монополии, а также изобрели Игру Даддитса и бесконечно в нее играют, иногда гогоча так оглушительно, что Элфи Кэвелл (в отличие от жены высокий, но тоже чем-то напоминающий птицу) выходит на площадку лестницы, той, что ведет в комнату для игр, и громко требует объяснить, что у них творится, что там такого смешного, и они честно пытаются объяснить, что Даддитс воткнул колышек Генри в пятнадцатую лунку вместо второй или что Даддитс лишил Пита пятнадцати честно

заработанных очков, но до Элфи, похоже, такие вещи не доходят: вот он стоит на площадке с газетным блоком в руках и недоуменно улыбается, неизменно повторяя одно и то же: «Не так громко, мальчики...» И прикрывает дверь, вновь предоставляя их самим себе. Из всех развлечений Игра Даддитса — самая забавная, «отпад», — как сказал бы Пит. Иногда Бивер закатывается так, что, кажется, вот-вот лопнет, а Даддитс, сидящий на ковре в позе лотоса рядом со старой доской для криббиджа, улыбается во весь рот, как Будда. Полный улет!

Но все это впереди, а сейчас — только эта кухня, поразительно теплое солнце и Даддитс во дворе, толкающий качели. Даддитс, который — они с самого начала это понимали — не похож ни на одного из тех, кого они знают.

— Не пойму, как они могли, — внезапно восклицает Пит, — выносить его плач. Не пойму, как они могли и дальше над ним издеваться.

Роберта Кэвелл печально смотрит на него:

— Взрослые мальчики просто не слышат того, что расслышали вы. Надеюсь, вам никогда и не придется это понять.

6

— Джоунси!!! — надрывался Бивер. — Эй, Джоунси!

На этот раз до него донесся ответ — слабый, но отчетливый. Сарай для снегохода завален всяким хламом, и среди прочей дребедени там хранится и старомодный клаксон-груша, один из тех, которые разносчики в двадцатых — тридцатых годах прикрепляли на руль велосипедов. И теперь Бивер слышал протяжный гудок его: би-и-и... би-и-и...

Вой, от которого Даддитс хохотал бы до слез, — старина Дадс, вот кто любитель оглушительных, сочных звуков!

Прозрачная синяя занавеска зашуршала, и у Бивера по коже побежали мурашки. Он едва не вскочил, вообразив, что это Маккарти, но тут же понял, что сам задел занавеску локтем: ничего не поделаешь, уж очень здесь тесно. И снова уселся поудобнее.

Под ним по-прежнему не было никакого движения: эта тварь, кем бы она ни была, либо мертва, либо болтается в сточном резервуаре. Наверняка.

Ну... почти наверняка.

Бив завел руку за спину, нащупал кнопку смыва, но тут же передумал.

«Сиди, как пришитый», — велел Джоунси, и Бивер сидит, но какого хрена Джоунси все не возвращается? Если не смог найти ленту, почему не

прийти с пустыми руками? Прошло не меньше десяти минут, верно ведь? А ему кажется, черт возьми, что не меньше часа. А Бив тем временем сидит на толчке в обществе мертвеца, чей зад выглядит так, словно в него натолкали динамита и подожгли, вот тебе и просратья...

— Ну бибики еще раз, — бормочет Бив. — Нажми эту чертову клизму, дай знать, что ты все еще здесь.

Но Джоунси молчит.

7

Джоунси не мог найти ленту.

Обыскал все, но найти не мог. Куда она запропастилась?

Он был уверен, что лента есть, но ни на одном гвозде ее не нашлось. Не оказалось ни на захламленном верстаке, ни за банками с краской, ни на крючке под респираторами, болтавшимися на пожелтевшей тесьме.

Джоунси посмотрел под столом, заглянул в ящики, сложенные у дальней стены, в бардачок под пассажирским сиденьем «арктик кэт». Там лежали запасная фара, все еще в коробке, и полпачки «Лаки Страйк», но чертова лента как сквозь землю провалилась.

Он физически ощущал, как утекают минуты. В какую-то из них ему ясно послышался голос Бива, зовущий его, но Джоунси не хотел возвращаться без ленты, поэтому просто поднял старый клаксон, валявшийся на полу, и несколько раз нажал резиновую потрескавшуюся грушу, извлекая заунывный вой, который наверняка страшно понравился бы Даддитсу.

Чем яростнее он расшвыривал барахло в поисках ленты, тем настоятельнее казалась необходимость отыскать ее. Нашелся, правда, моток шпагата, но как, спрашивается, закрепить туалетное сиденье шпагатом?! Кажется, в одном из кухонных шкафчиков спрятан скотч, Джоунси был почти в этом уверен, но тварь в туалете, судя по плеску, довольно сильна, что-то вроде рыбы приличного размера. Скотч просто не выдержит.

Джоунси нерешительно переминался, оглядывая сарай, теребя волосы (он не надел перчатки и не слишком долго пробыл здесь, чтобы замерзнуть), при каждом выдохе выпуская на волю белые комочки пара.

— Где же, мать твою? — спросил он вслух, злобно треснув кулаком по верстаку.

От удара невысокий штабель ящичков, набитых гвоздями, шайбами, гайками и шурупами, перевернулся, содержимое рассыпалось, и по полу

покатился большой рулон изоленды. Подумать только, он, должно быть, десять раз смотрел на нее, не замечая!

Джоунси сгреб рулон, сунул в карман куртки (хорошо еще, не забыл одеться потеплее, хотя даже не потрудился застегнуть молнию) и повернулся к двери. И тут раздался пронзительный вопль Бивера. Леденящие кровь звуки едва доносились сюда, но Джоунси без труда их расслышал. Истошные, мучительные, полные боли.

Джоунси рванулся к двери.

8

Биверова мама недаром твердила, что зубочистки рано или поздно прикончат его, но разве в голову ей могло прийти подобное?!

Послушно сидя на закрытой крышке унитаза, Бив сунул руку в нагрудный карман комбинезона, чтобы вытащить очередную зубочистку. Но там не осталось ни одной — все рассыпались по полу. Две-три, правда, не были измазаны кровью, но для того чтобы их достать, пришлось бы приподняться и чуть наклониться вперед.

Бивер яростно спорил с собой. «Сиди, как пришитый», — велел Джоунси, но эта тварь в туалете наверняка провалилась вниз, «погружаемся, погружаемся, погружаемся» — как говорили в старых военных фильмах про подводников. Но даже если и нет, он всего лишь оторвет зад от сиденья на секунду-другую. Если тварь прыгнет, Бивер плюхнется обратно всей тяжестью, может, сломает ей тонкую чешуйчатую шею (при условии, что таковая имеется).

Бив с тоской взирал на зубочистки. Парочка достаточно близко, только руку протяни, но класть в рот окровавленные зубочистки, особенно если вспомнить, откуда взялась кровь... бр-р-р... И кроме того, эта странная мохнатая плесень, растущая в крови, в полосках цемента между кафелем, и... да, теперь он ясно видит... и на зубочистках тоже, правда, не на тех, которые не попали в кровь. Абсолютно чистые и белые, и он никогда в жизни не нуждался так отчаянно в привычных ощущениях, в кусочке дерева, успокаивающе хрустящем под зубами, как сейчас.

— Хрен с ним, — пробормотал Бив и, подавшись вперед, вытянул руку.

Пальцы чуть-чуть не доставали до ближайшей чистой зубочистки. Он напряг мышцы бедра, и зад соскользнул с сиденья. Он как раз подцепил зубочистку — ага, поймал, — в это мгновение что-то ударило в закрытую

крышку сиденья, ударило с ужасающей силой, едва не вбив крышку в его незащищенные яйца, и вытолкнуло его вперед. Бивер схватился за душевую занавеску, в отчаянном усилии удержаться на ногах, но занавеска с металлическим лязгом колец оторвалась от карниза, подошвы заскользили в крови, и Бивер растянулся на полу с головокружительной скоростью человека, выброшенного катапультой из кресла пилота. Позади взметнулось сиденье, с грохотом ударило об унитаз, и что-то мокрое и тяжелое рухнуло Биверу на спину. Что-то, показавшееся ему мускулистым хвостом, червем или оторванным от чьего-то уродливого тела пластинчатым щупальцем, свернувшимся между его ногами и стиснувшим и без того ноющую мошонку в мощном питоноподобном объятии. Бивер взвыл, приподняв голову с окровавленного кафеля (на подбородке большая ссадина, глаза вылезают из орбит). Тварь, мокрая и холодная, растянулась от затылка до поясницы, как живой свернутый ковер, издавая пронзительно-оголтелое чириканье, стрекот взбесившейся обезьяны.

Бивер снова вскрикнул, пополз на животе к двери, потом кое-как встал на четвереньки, пытаясь стряхнуть тварь. Стальная веревка между ног сжалась снова, и откуда-то из жидкого марева боли, бывшего когда-то его пахом, раздался тихий хлопок.

Иисусе, успел подумать Бив. Член Иисуса всемогущего, похоже, это мое яйцо...

Визжа, потя, с высунутым, болтающимся по-собачьи языком, Бивер сделал единственное, что пришло в голову: перевернулся на спину, в тщетной попытке раздавить гадину о кафель. Тварь снова зачирикала, едва не оглушив его, и принялась лихорадочно извиваться. Бивер сгреб хвост, свернувшийся между бедрами, гладкий, безволосый... шипастый, словно усеянный снизу крючками из жесткой щетины. И мокрый. Вода? Кровь? И то, и другое вместе?

— А-а-а-а! О Боже, отпусти! Сука гребаная, отпусти! Иисусе! Мои долбаные яйца! Иисусе-е-е!

Но прежде чем он успел запустить руку под хвост, в затылок вонзилась пригоршня игл. Бивер с ревом вскинулся, и тварь неожиданно отвалилась. Он попытался встать на ноги. Пришлось отталкиваться руками, потому что сил не осталось, а ладони все скользили, и уже не только в крови. Из разбитого унитаза сочилась вода, и пол превратился в каток.

Наконец, поднявшись, он увидел нечто льнувшее к косяку двери и походившее на хорька-уродца: без ног, но с толстым красновато-золотистым хвостом. Вместо головы — что-то вроде покрытого слизью бесформенного кома, с которого пучились налитые злобой черные глазки.

Нижняя половина нароста распадалась, обнажая частокол зубов. Внезапно тварь бросилась на Бивера, как змея: ком метнулся вперед, безволосый хвост обвился вокруг дверной ручки.

Бивер, с визгом отпрянув, поднес к глазам руку, на которой больше не было трех пальцев. Остались только большой и мизинец. Как ни странно, боли не было или все поглотила боль от раздавленной мошонки. Бивер попытался отступить, но уперся икрами в разбитый унитаз. Дальше пути не было.

И эта тварь сидела в нем? — успел подумать Бивер. Она в нем сидела?

Тварь разжала хвост или щупальце — кто знает? — и снова ринулась на него: в верхней половине рудиментарной головы поблескивают идиотски безумные глаза, нижняя утыкана костяными иглами. Откуда-то далеко, из какой-то другой вселенной, где еще сохранился разум, доносился голос Джоунси, но Джоунси опоздал, навсегда опоздал.

Тварь, сидевшая в Маккарти, с влажным чмоканьем приземлилась Биву на грудь. От нее несло газами Маккарти, тяжелым зловонием масла, эфира и метана. Мускулистый кнут обмотал талию Бивера, голова шмыгнула вперед и зубы сомкнулись на носу жертвы.

Завывая, колотя тварь кулаками, Бивер рухнул на унитаз. Сиденье и крышка подскочили, когда тварь выбралась наружу. Крышка так и осталась открытой, но сиденье упало на место. От удара оно сломалось, и Бивер плюхнулся задом в унитаз, вместе с тварью, продолжавшей вгрызаться в его нос.

— Бивер! Бив, что...

Бивер ощутил, как тварь вдруг застыла, действительно затвердела, совсем как возбужденный член. Щупальце вокруг талии напряглось, потом снова ослабло. Дебильная морда с черными глазенками повернулась на звук голоса Джоунси, и Бив, меркнувшими, застланными багровой пеленой глазами, посмотрел на друга, стоявшего в дверях: челюсть отвисла, в безвольно обвисшей руке зажат рулон изолянта (больше она ни к чему, подумал Бив, нет...), стоявшего в дверях, совершенно беззащитного, замершего в потрясенном ужасе. Очередной обед твари.

— Джоунси, беги отсюда! — вскрикнул Бивер, захлебываясь кровью и ощутив, что тварь готовится к прыжку, обвил ее руками и прижал к себе, как любовницу. — Убирайся! Захлопни дверь! Со...

Сожги дом, хотел сказать он. Запри его, запри нас обоих, сожги ее, сожги заживо, я останусь сидеть на засранном унитазе, удерживать эту тварь, и если смогу умереть, вдыхая запах жареного, значит, умру счастливым.

Но тварь вырывалась с чудовищной силой, а чертов Джоунси торчал в дверях с дурацким рулоном ленты и отвисшей челюстью, и будь он проклят, если как две капли воды не походил на Даддитса, тупой, как стенка, которой ничего не вдолбишь.

Тварь вновь повернула к Биву безухий нарост головы, чуть отведенный назад, и прежде чем этот ком рванулся вперед и мир взорвался в последний раз, в голове Бивера мелькнула прощальная детски-наивная мысль:

Зубочистка, дьявол, мама всегда говорила...

Перед закрытыми глазами взметнулся фонтан красных огней, в котором цвели черные цветы, и из дальней дали донеслись его вопли. Предсмертные.

9

Джоунси увидел сидевшего в унитазе Бивера, с чем-то, выглядевшим гигантским красно-золотым червем, на груди. Он окликнул друга, и тварь повернула к нему уродливое подобие головы, с налитыми злобой акульими глазами и зубами, способными перекусить проволоку. В зубах застряло нечто. Трудно поверить, что это измочаленные остатки носа Бивера Кларендона, но, вероятнее всего, так оно и было.

Удирай! — вопило в мозгу, но тут же прозвучал второй голос: Спаси! Спаси Бивера!

Оба обладали одинаковой силой, и поэтому Джоунси оцепенел на пороге, чувствуя, что ноги весят не меньше тысячи фунтов. Тварь в объятиях Бивера издавала звуки: обезумевшее чириканье, сверлившее мозг и заставившее подумать о чем-то очень давнем, только вот о чем?

Бивер, застрявший в унитазе, пронзительно визжал, приказывая ему бежать, закрыть дверь, и тварь повернула голову на звук его голоса, словно вспомнив о позабытом дельце, и на этот раз вцепилась Биверу в глаза — вот дерьмо, прямо в глаза!

Бивер, извиваясь, кричал не своим голосом, пытаясь удержать тварь, пока та трещала, чирикала и впивалась все глубже, а хвост или что там еще, сгибался и стискивал талию Бивера, вытаскивая рубашку из комбинезона, присасываясь к голой коже. Ноги Бивера судорожно дергались: каблук тонкими струйками разбрызгивали кровавую воду, тень гротескной куклой плясала на стене, а этот мерзкий мох распространился по всей ванной, и рос так охрененно быстро...

Джоунси видел, как Бивер забился в последних конвульсиях, как тварь отпустила его и соскочила как раз в тот момент, когда Бив скатился с унитаза, повалившись в ванну, прямо на Маккарти, старину «Внемли-стою-и-стучусь-у-порога-твоего». Тварь свалилась на пол и поползла — Иисусе, да так быстро! — поползла к нему. Джоунси отступил и захлопнул дверь за мгновение до того, как тварь ударилась об нее почти с тем же глухим стуком, как и о крышку унитаза. И с такой силой, что дверь задрожала. В мерцавшей снизу полоске света металась ее тень. Еще удар. Джоунси решил было схватить стул и просунуть его в ручку, но какой идиотизм, какая глупость: дверь открывалась внутрь, а не наружу. Вопрос только в том, поймет ли тварь назначение дверной ручки и сможет ли дотянуться до нее.

И словно она прочла его мысли — а кто сказал, что это невозможно? — с другой стороны послышался шорох, и ручка начала поворачиваться. Кем бы тварь ни была, сил у нее хватало. В один отчаянный момент, когда давление с той стороны двери продолжало нарастать, когда он уже был уверен, что тварь сможет повернуть ручку, несмотря на то что он удерживал дверь обеими руками, Джоунси, охваченный паникой, едва не бросился бежать. Остановило его лишь воспоминание о том, как она проворна.

Я и трех шагов не сделаю, как она набросится на меня, подумал он, жалея, что комната так чертовски велика. Ударит, вцепится в ногу, а потом...

Джоунси из последних сил навалился на дверь, так что едва жилы на руках не рвались, а губы растянулись на поллица, обнажая зубы. Бедро выстрелило болью. Чертово бедро, оно не даст ему бежать, спасибо престарелому профессору, старому мудиле, кто позволил ему сесть за руль, огромное наше вам, дерьму хренову, но если он не сумеет удержать дверь и бежать тоже не сможет, что тогда?

Тогда его, понятное дело, ждет участь Бивера. Потому что это нос Бивера торчал из зубов твари, как шиш-кебаб.

Джоунси со стоном налег на дверь. Давление изнутри снова усилилось и вдруг ослабло. Из-под тонких досок доносился злобный лай. Джоунси беззвучно втянул ноздрями эфирно-метановую вонь.

Каким образом тварь толкает дверь? Джоунси не видел у нее никаких ног, ничего, кроме красно-золотистого хвоста, так что как...

Он с ужасом услышал потрескивание дерева, судя по звукам, прямо над его головой, и понял, что тварь пустила в ход зубы. Нерассуждающая паника охватила его. Эта пакость каким-то образом попала в брюхо

Маккарти, сидела в нем, росла, как гигантский цепень из ужастика. Словно рак, только зубастый. И когда наконец выросла, готовая к новой жизни, просто прогрызла себе путь.

— Нет, о нет, — тонко всхлипнул Джоунси.

Ручка двери дернулась в обратную сторону. Джоунси почти видел, как тварь впивается пиявкой в сосновую филенку, намертво обмотав ручку хвостом или щупальцем, и тянет, тянет...

— Нет, нет, нет, — твердил Джоунси, изнемогая.

Силы вот-вот кончатся и ручка выскользнет из мокрых от пота рук. По лицу катились крупные прозрачные капли; выпученные от натуги глаза со страхом уставились в ненадежную преграду. В нескольких дюймах повыше его головы неустанно пилили зубы. Скоро сверху полетят щепки (если прежде он не разожмет рук), и в проломе хищно ощерится пасть, в которой исчез нос Бивера.

И только сейчас до него дошло: Бивер мертв. Его старый друг.

— Ты убила его! — крикнул Джоунси твари по ту сторону двери дрожащим от гнева и скорби голосом. — Убила Бива!

Теперь уже по горячим щекам лился не пот, а слезы. Бивер, в черной кожаной куртке («Сколько молний!» — воскликнула мама Даддитса в тот день, когда они познакомились), Бивер, напившийся до синих чертиков на балу выпускников и танцующий казачка: руки сложены на груди, ноги выделывают самые невероятные па, Бивер на свадьбе Джоунси и Карлы, обнимающий Джоунси и яростно шепчущий ему на ухо: «Ты должен быть счастлив, старик. Счастлив за всех нас». И он впервые потрясение осознал, что Бивер несчастен. С Генри и Питом вопросов не возникало, он и так все понимал, но Бив? И теперь Бив мертв, Бивер лежит, перегнувшись через бортик ванны, на трупе мистера Ричарда, Проклятого Внемли-стою-и-стучусь-у-порога-твоего, Маккарти.

— Ты убила его, блядь! — заорал он вздувающимся на двери пузырям... их становится все больше... шесть... девять, дьявол, дюжина!

И словно пораженная его яростью тварь снова ослабила давление. Джоунси с безумным видом осмотрелся, пытаясь найти какое-то оружие, случайно опустил глаза и заметил рулон изоленты. Он вполне мог нагнуться и поднять его, но что потом? Ему понадобятся обе руки, чтобы оторвать ленту, и даже если тварь даст ему время на это, разве лента способна удержать дверь там, где не помогает его сила.

Ручка снова стала поворачиваться. Джоунси начал уставать, адреналин уходит, с ладоней только что вода не течет, и смрад, эфирный смрад, становится гуще, и каким-то образом чище, верно, потому что не замутнен

запахом газов и экскрементов Маккарти, но как он может быть таким сильным, если между ними дверь. Разве что...

За полсекунды до того, как стержень, соединяющий ручки по обе стороны двери, с треском сломался, Джоунси внезапно заметил, что в комнате стало темнее. Совсем чуть-чуть. Словно кто-то прокрался за спину, стоит между ним и светом, между ним и задней дверью...

Стержень лопнул. Ручка, которую держал Джоунси, вылетела, и дверь немедленно приоткрылась под тяжестью льнувшей к ней змеевидной мерзости. Джоунси взвизгнул и уронил ручку. Она ударилась о рулон ленты и отскочила. Бежать!

Джоунси повернулся. Перед ним стоял серый человек.

Он... оно... это создание было вроде и незнакомым, но каким-то образом вовсе не чужим. Джоунси видел его в сотнях телевизионных ток-шоу о сверхъестественном, на первых страницах тысяч таблоидов (того рода, что выстреливают в тебя серийными комиксами-ужасниками, пока ты застрял в очереди к кассе супермаркетов), в фильмах, таких, как «Инопланетянин», «Небесный огонь», «Близкие контакты третьего рода». Мистер Грей^[20], основа и суть, главная тема «Секретных материалов».

Все режиссеры правильно схватили выражение его глаз, по крайней мере эти огромные черные глаза были такими же, как гляделки твари, прогрызшей дорогу из задницы Маккарти, и рот почти такой же, узкая рудиментарная щель, не более того, но серая кожа свисала пустыми складками и мешками, совсем как у подыхающего от старости слона. Из морщин сочились желто-белые струйки гнойной субстанции; та же самая жидкость текла из углов бесстрастных глаз. Небольшие лужицы и сгустки уже собрались на ковре, под Ловцом снов, капли дорожками протянулись от кухонной двери, в которую он вошел. Как долго мистер Грей здесь пробыл? Неужели был у сарая, наблюдая, как Джоунси мчится на кухню с бесполезным рулоном изолянта в руке.

Джоунси не знал. Он видел только, что мистер Грей умирает, но придется пробежать мимо, потому что тварь в ванной с тяжелым стуком рухнула на пол. Сейчас доберется до него.

Марси, произнес мистер Грей, ясно и отчетливо, несмотря на то что подобие губ не шевельнулось. Джоунси расслышал слово самым центром мозга, точно в том месте, где всегда слышал плач Даддитса.

— Что ты хочешь?

Тварь проползла по его ногам, но Джоунси едва ее заметил. Едва заметил, как она скорчилась между босых ног серого человека, на которых не было ни единого пальца.

Пожалуйста, остановись, сказал мистер Грей где-то в голове Джоунси. Щелчок! Более того, линия! Иногда ты видел линию, иногда слышал, как в тот раз расслышал покаянные мысли Дефаньяка. Не могу больше вынести, сделайте укол, где Марси?

В тот день смерть искала меня, подумал Джоунси. Промахнулась на улице, промахнулась в больнице, перепутала, должно быть, палаты — и с тех пор охотилась за мной. И наконец, нашла.

Но тут голова существа взорвалась, разлетелась, выпустив оранжево-красное облако пахнущих эфиром частиц.

Джоунси вдохнул их.

Глава 8. РОБЕРТА

1

Теперь уже совсем седая пятидесятивосьмилетняя вдова (но по-прежнему женщина-птичка, в вечном цветастом платье, такие вещи не меняются), мать Даддитса сидела перед телевизором в квартире первого этажа на Уэст-Дерри-эйкрс, где теперь жила вместе с сыном. Роберта продала дом на Мейпл-лейн после смерти Элфи. Она могла позволить себе содержать дом: Элфи оставил много денег, компания, где он застраховал жизнь, честно выплатила всю сумму, да и акции в фирме по импорту запчастей для автомобилей, основанной им в 1975 году, позволяли вести безбедное существование, но дом был слишком велик и населен мириадами воспоминаний, таившихся в каждом уголке, и не только в гостиной, где она и Даддитс проводили почти все время. Над гостиной располагалась спальня, где они с Элфи спали, разговаривали, занимались любовью и строили планы. Ниже была комната для игр, где Даддитс с друзьями просиживали целыми днями и вечерами. По мнению Роберты, друзья эти были посланными небом ангелами с добрыми сердцами и неистребимой привычкой к сквернословию, имевшими наглость утверждать, что Даддитс, повторяя за ними «хен», имеет в виду нового щенка Пита, Элмера Хена, а для краткости просто Хена. И она, разумеется, делала вид, что верит этому.

Слишком много воспоминаний, слишком много призраков счастливых времен. Ну а потом Даддитс заболел. И болел вот уже два года, но никто из прежних друзей не знал об этом, потому что больше они не появлялись, а у нее не хватало мужества поднять трубку и позвонить Биверу, который собрал бы остальных.

И теперь она сидела перед телевизором, где шел очередной выпуск местных новостей. Роберта слушала с заворуженным ужасом, потрясенная тем, что, по словам ведущих, творилось на севере штата. Самое страшное заключалось в том, что никто в точности не знал, что именно происходит, никаких подробностей, и правда ли все это. Сообщалось только о таинственных исчезновениях охотников в лесах Мэна, в ста пятидесяти милях к северу от Дерри. До сих пор человек двенадцать числились пропавшими. Эта часть казалась единственно достоверной. Роберта была почти уверена, что речь идет о Джефферсон-тракт, где обычно охотились

мальчики, возвращаясь в Дерри с кровавыми историями, увлекавшими и одновременно пугавшими Даддитса.

Может быть, охотников застал в лесу ураган Альберта Клиппер, обрушивший на Мэн неслыханный снегопад? Возможно. Никто ничего не мог сказать наверняка, но все же одна четверка, приехавшая в Кинео, похоже, действительно пропала бесследно. Их снимки показывали по телевизору, без конца перечисляя фамилии: Отис, Роупер, Маккарти, Шу. Последняя была женщиной.

Пропавшие охотники не считались бы настолько важной темой, чтобы прерывать из-за них бесконечный поток «мыльных опер», не случись одновременно в тех же местах целый ряд необъяснимых явлений. Люди клялись, что видели в небе странные, переливающиеся разными цветами огни. Двое охотников из Миллинокета, проезжавшие через Кинео двумя днями раньше, утверждали, что заметили сигарообразный предмет, нависший над высоковольтной линией электропередачи. И добавили при этом, что на объекте не было ни двигателей, ни крыльев. Он просто висел футах в двадцати над проводами, издавая тихое жужжание, мелко вибрирующее в костях. И в зубах, как оказалось, тоже. Оба охотника жаловались, что потеряли зубы, и когда широко открывали рты, чтобы показать дыры, Роберте казалось, что и остальные их зубы вот-вот вывалятся. Охотники сидели в старом «шевроле», а когда попытались подъехать ближе, мотор заглох. У одного из них были кварцевые часы на батарейках, которые шли в обратную сторону часа три после вышеописанного события, а потом остановились навсегда. (Со старомодными механическими часами второго ничего не случилось.) Если верить репортеру, кроме этих двоих, НЛО за последние две недели видели многие приезжие и местные жители: кто рассказывал о сигаре, кто о более традиционном блюде. Такие массовые появления неопознанных летающих объектов на жаргоне военных назывались «сборищем».

Пропавшие охотники, НЛО. Сочные, броские, щекочущие нервы известия, вне всякого сомнения, достойные передачи в шестичасовом прямом эфире («Местные новости! Самые свежие! Ваш город и ваш штат!»), но сегодня к обычным историям кое-что добавилось. Совсем уж страшное. Пока всего лишь слухи, разумеется, и Роберта молилась, чтобы они не подтвердились, но все же, замирая от дурных предчувствий, вот уже два часа не отходила от телевизора, пила слишком много кофе и все больше нервничала.

Самыми пугающими были сообщения о том, что какой-то объект рухнул на лес и разбился недалеко от того места, где охотники видели

сигарообразный корабль, зависший над высоковольтными проводами. Почти такими же тревожными были известия о том, что на большей части округа Эрустук, площадью примерно двести квадратных миль, принадлежавшей по большей части бумагоделательным компаниям или правительству, объявлен карантин.

Высокий бледный мужчина с глубоко посаженными глазами, стоявший перед табличкой с надписью ПРИЮТ МАНЬЯКОВ, коротко переговорил с репортерами, приехавшими в Бангор на авиабазу Национальной гвардии, и заявил, что слухи не соответствуют истине, но ряд «противоречащих друг другу заявлений» в настоящее время проверяется. Судя по пояснительной надписи, его звали Абрахам Курц. Роберта так и не поняла, в каком он звании и военный ли он вообще. Одет в простой зеленый комбинезон на молнии. Если он и замерз, в одном комбинезончике на таком холоде, то виду не подавал. В огромных глазах, окаймленных белыми ресницами, плескалось что-то неприятное. Роберте они показались глазами лжеца.

— Можете ли вы подтвердить, что разбившийся корабль не был иностранного или... скажем, внеземного происхождения? — спросил молодой репортер.

— «Инопланетный звонок»^[21], — ответил Курц и рассмеялся.

Из толпы репортеров тоже послышался смех, но никто, кроме Роберты, сидевшей перед телевизором в своей квартирке на Уэст-Дерри-эйкрс, не обратил внимания, что Курц вообще не ответил на вопрос.

— Можете ли вы подтвердить, что никакого карантина в районе Джефферсон-тракт нет? — спросил другой репортер.

— В настоящее время я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть это известие, — покачал головой Курц. — Мы относимся к происходящему со всей серьезностью. Доллары вашего правительства, дамы и господа, работают на всю катушку. — И он направился к вертолету с вращающимися лопастями и белыми буквами АНГ на боку.

Если верить ведущему, сюжет записывался в девять сорок пять. Следующий репортаж — пляшущее изображение, снятое с руки видеокамерой — велся из «Сессны», нанятой девятым каналом новостей для облета Джефферсон-тракт. Погода была не из лучших, дул ветер, но даже сквозь пелену снега проглядывали силуэты двух вертолетов, немедленно пристроившихся по обе стороны от «Сессны», как огромные коричневые стрекозы. Между ними велись радиопереговоры, но помех было столько, что пришлось читать ползущую внизу экрана строку.

«Этот район изолирован. Приказываю повернуть назад, на

свой аэродром. Повторяю, район изолирован. Возвращайтесь».

«Изолирован» — это то же, что «подвергнут карантину»? Роберте Кэвелл казалось, что так и есть, хотя типы, подобные Курцу, вполне способны увиливать от ответов. На вертолетах явно видны буквы АНГ. Один из них вполне мог быть тем, что принял на борт Абрахама Курца.

Пилот «Сессны»: «По чьему приказу производится операция?»

Радио: «Поворачивайте, «Сессна», или вас заставят повернуть».

Самолет послушно повернул обратно. Топливо так и так кончалось — как объявил ведущий, словно это все объясняло. С этой минуты он только повторял старые сообщения, упорно называя их последними. Большие телекомпании, очевидно, выслали на место событий своих корреспондентов.

Она уже хотела выключить телевизор — ожидание действовало на нервы, — когда закричал Даддитс. Сердце Роберты замерло на миг и куда-то покатилося. Она развернулась, в спешке ударившись о стол, когда-то принадлежавший Элфи, и перевернула чашку с остатками кофе. Коричневая жижка неряшливой лужицей пролилась на «Телегид».

За воплем последовали пронзительные истерические рыдания, рыдания обиженного ребенка. Именно так обстояло дело с Даддитсом — пусть сейчас ему тридцать, но он умрет младенцем, и умрет гораздо раньше, чем ему исполнится сорок.

На мгновение у нее подкосились ноги. Наконец она принудила себя направиться в спальню сына. Ну почему Элфи нет рядом... а еще лучше — хотя бы одного из мальчиков? Правда, уж они-то давно не мальчики, все, кроме Даддитса. Синдром Дауна превратил его в Питера Пэна, и скоро он отойдет навсегда... на острове Где-то-там^[22].

— Иду, Дадди, — откликнулась Роберта, и она действительно шла, только какой же дряхлой казалась при этом сама себе: артрит разъедает кости, сердце трепыхается испуганным кроликом. Для нее остров Где-то-там недостижим. — Мама идет, идет, Дадди!

И снова эти всхлипы, такие отчаянные, словно его сердце разбито. Впервые он вскрикнул, обнаружив, что после того, как почистил зубы, десны стали кровоточить. Но никогда не вопил, и прошло много лет с тех пор, как в последний раз так горько, жалобно плакал. Неистовые

безудержные рыдания рвали душу и мозг. Высокие переливы и всхлип, высокие переливы и всхлип, высокие переливы и всхлип...

— Дадди, что случилось?

Она ворвалась в комнату и уставилась на него широко раскрытыми глазами, настолько уверенная, что началось кровотечение, что в первый момент ясно увидела кровавую лужицу на простыне. Но тут же убедилась, что все это игра воображения. Никакой крови. Только Даддитс, с мокрым от слез лицом, мерно качается взад-вперед на расшатанной скрипящей больничной койке. Глаза по-прежнему были ярко-зелеными, но со щек сбежала краска. И волос уже нет, чудесных белокурых волос, напоминавших ей о молодом Арте Гарфанкле^[23]. Лучи неяркого зимнего солнца, лившиеся в окна, поблескивали на его голом черепе, отражались от аптечных флаконов (антибиотики, болеутоляющее, но ни одного лекарства, способного остановить или хотя бы замедлить то, что творилось с ним), падали на стоявшую перед столом капельницу.

Но Роберта не увидела ничего необычного. Ничего такого, что могло бы послужить причиной почти гротескного выражения невыносимой боли.

Она села рядом, обхватила бессильно болтающуюся голову сына и притянула к груди. Даже сейчас, в состоянии нервного возбуждения, его кожа казалась прохладной: умирающая кровь не могла больше согреть тело. Роберта вспомнила, как давным-давно читала «Дракулу», вздрагивая от приятного ужаса, оказавшегося куда менее приятным ночью, в полном мраке, в комнате, населенной тенями. Как она радовалась, узнав, что настоящих вампиров не бывает, но позже — гораздо позже — поняла, что успокоилась рано. В ее жизни появился беспощадный упырь, до которого трансильванскому графу было далеко. И имя ему было лейкемия, вот только не найти того кола, который можно загнать ему в сердце.

— Даддитс, Дадди, солнышко, что с тобой?

Прижавшись к ней, сын выплеснул свои страхи. И то, что она услышала, вмиг заставило забыть о происходящем в Джефферсон-тракт, проскользнуло ледяным ознобом по спине, сжало стальными тисками сердце, едва не остановило дыхание.

— Ие мев! Ие мев! А, маоа, Ие мев!

Не было смысла просить его повторить или выразиться яснее: всю жизнь она провела рядом с сыном и понимала каждое слово.

«Бивер мертв! Бивер мертв! Ах, мамочка, Бивер мертв!»

Глава 9. ПИТ И БЕККИ

1

Лежа в забитой снегом колее, Пит продолжал орать, взывать к небу, пока не сорвался голос, а потом просто обмяк, пытаясь притерпеться к боли, найти какой-то способ урезонить ее. Но не смог. Боль была бескомпромиссная, агония блицкриг. Он и не знал, что в мире бывает такая боль — а если бы знал, наверняка предпочел бы остаться с женщиной. С Марси, хотя Марси — не ее имя. Он почти вспомнил ее имя, но какая разница? Это ему приходится круто: раскаленные спазмы поднимались от колена, скручивая судорогами изнемогающее тело.

Он трясся от холода. Рядом валялся позабытый пакет с благодарностью за покупки. Пит потянулся к нему, чтобы проверить, осталась ли хоть одна целая бутылка, и когда колено шевельнулось, ногу словно прошило электрическим током такой силы, по сравнению с которым все предыдущее показалось просто цветочками. Пит снова взвыл и отключился.

2

Он не знал, сколько времени провалялся в отключке — судя по свету, не слишком долго, но ступни уже онемели и руки тоже, несмотря на теплые сапоги и перчатки.

Пит успел повернуться на бок, рядом, в лужице янтарного пива, валялся пакет. Боль в колене чуть утихла: наверное, помог холод, и Пит понял, что снова способен мыслить. Что ж, спасибо и на этом, уж больно в идиотскую передрагу он вляпался. Нужно каким-то образом добраться до хижины и огня, и на помощь рассчитывать не приходится. Если торчать тут в ожидании Генри и снегохода, к тому времени, как они появятся, Пит уже превратится в пивное эскимо, с приложением в виде пакета бутылочных осколков, благодарим за покупку в нашем магазине, алкоголик хренов, огромное спасибо!

А женщина? Она тоже может умереть, и все потому, что Питу Муру приспичило присосаться к бутылочке.

Он брезгливо глянул на пакет. Забросить его подальше нет никакой возможности: только колено зря разбередишь. Поэтому Пит постарался зарыть его в снег, поглубже, совсем как кошка, закапывающая собственное дерьмо, и пополз к костру.

Оказалось, что колено вовсе не так уж и онемело. Пит пустил в ход локти, отталкиваясь здоровой ногой, стискивая зубы, смагивая попавшие в глаза волосы. Животных нигде не видно: лавина пролетела и оставила его одного. И тишина стоит невероятная. Если не считать хриплого тяжелого дыхания и стонов, каждый раз, когда колено ударялось о землю. Пот ручьями стекал по спине и рукам, но руки и ноги по-прежнему ничего не чувствовали.

Он, наверное, сдался бы, но, промучившись еще немного, увидел в конце прямого отрезка дороги яркое пятно костра, зажженного им и Генри. Правда, пламя уже было не таким высоким, но все же не погасло. Пит снова пустился в путь, но каждый раз, когда разряды нечеловеческой боли вновь пронизывали ногу, крепче сжимал зубы, стараясь сосредоточиться на оранжевой искорке в снежной пустыне. Он хотел добраться туда любой ценой, и пусть малейшее движение отзывалось новым кинжальным ударом, но, о как же он хотел туда добраться! Только не замерзнуть здесь, посреди дороги!

— Я сумею, Бекки, — бормотал он. — Сумею, Бекки.

Он повторил это имя несколько раз, прежде чем сообразил, что именно говорит.

Уже приближаясь к костру, он посмотрел на часы и нахмурился. Одиннадцать сорок? Не может быть! Перед тем как вернуться к «скауту», он засекал время, и тогда было двадцать минут первого.

Более тщательная проверка выявила причину столь странного явления: часы шли назад. Минутная стрелка двигалась резкими спазматическими рывками. Пит не выказал особого удивления. Его способность высоко ценить все, выходявшее за рамки обыденности, казалось, умерла. Даже нога теперь уже не была главной проблемой. Он замерз, так замерз, что тело почти ему не повиновалось. Он удвоил скорость, отталкиваясь заметно уставшей здоровой ногой, и не помнил, как прополз последние пятьдесят ярдов до умирающего огня.

Оказалось, что женщина сползла с брезента и сейчас лежала на противоположной от огня стороне, словно хотела добраться до оставшихся дров, но свалилась по пути.

— Эй, милочка, я дома, — пропыхтел он. — Небольшая неприятность с коленом, но теперь я вернулся. Так или иначе, чертово колено — это твоя

вина, Бекки, так что не жалуйся, ладно? Бекки... ведь так тебя зовут?

Возможно, но она не ответила. Просто лежала и смотрела. Он по-прежнему видел только один глаз, но не смог вспомнить, тот же самый или другой. Но теперь от ее взгляда мурашки уже не шли по коже, потому что ему и без того было о чем беспокоиться. Взять хоть огонь. Пит успел как раз вовремя, тлеющих углей было еще немало. Первым делом нужно подкормить этого обжору, да так, чтобы долго не погас, а потом лечь рядом со своей девчонкой Бекки (только с наветренной стороны, чтобы не дай Бог не задохнуться). И ждать Генри. Ему не впервые таскать за Пита каштаны из огня.

Пит подобрался к женщине и к небольшой поленнице дров за ее головой достаточно близко, чтобы снова ощутить резкую химическую вонь, и понял, почему ее взгляд больше его не тревожил. Единственный глаз смотрел в никуда. Больше она не встанет. Умерла. Снежный налет на талии и бедрах стал темно-красным.

Пит приостановился, приподнялся на ноющих руках и всмотрелся в нее, но интерес к ней, мертвой или живой, был таким же мимолетным, как к бегущим назад часам. Он мечтал об одном: подбросить дров в огонь и согреться. О женщине он подумает потом. Может, через месяц, сидя в гостиной с загипсованным коленом и чашкой кофе в руке.

Наконец он схватился за полено. Осталось только четыре, но самых больших. Генри наверняка вернется, прежде чем они успеют догореть, и соберет еще дров, перед тем как ехать за помощью. Старый добрый Генри! Все еще носит смешные очки в роговой оправе, даже в век мягких контактных линз и лазерной хирургии, но положиться на него можно в любую минуту.

Мысли Пита своевольно пытались вернуться к «скауту», к запаху одеколona Генри, которым тот не душился, но Пит не позволял себе отвлекаться. «Давайте не будем», — как говорили они в детстве. Воспоминания словно превратились в его врага. Никакого призрачного одеколona, никаких сожалений о Даддитсе. Никаких больше костяшек, никакой игры. У него и без того забот по горло.

Он неуклюже бросал в огонь полено за поленом, морщась от боли, но любясь фонтанами искр, поднимавшихся под жестяной потолок навеса мириадами обезумевших светлячков, прежде чем угаснуть.

Генри скоро будет здесь. Вот за что нужно держаться. Смотреть на огонь и думать о Генри. Вот он вернется...

Нет, не вернется. Потому что в «Дыре в стене» дела плохи. Что-то, связанное с...

— Рик, — сказал он, наблюдая, как огонь жадно пожирает новую пищу. Скоро оранжевые языки вскинутся еще выше.

Он зубами стащил перчатки и протянул руки к теплу. Порез на правой ладони, куда вонзился осколок стекла, оказался длинным и глубоким. Наверняка останется шрам, но что из того. Подумаешь, что такое шрам-другой между друзьями? А ведь они были друзьями, верно? Да. Банда старой Канзас-стрит, Алые Пираты, с пластиковыми мечами и бластерами из «Звездных войн» на батарееках. Они даже совершали героические деяния: дважды, если считать девчонку Ринкенхауэр. Тогда их снимки поместили в газетах, так что подумаешь, шрамы! А то, что они однажды, вероятно... всего лишь вероятно, прикончили того типа... так ему и надо. Если кто-то и заслуживал быть убитым...

Но туда он тоже не полезет. Давайте не будем. Не выйдет, беби!

Но он уже видел линию. Хотел или нет, но видел куда отчетливее, чем за все эти годы. Но прежде всего он увидел Бивера, да и услышал тоже. Слова били прямо в центр мозга.

Джоунси? Ты здесь, старик?

— Не вставай, Бив, — предупредил Пит, не сводя глаз с вздымающегося пламени. Тепло било ему в лицо, навевало сон. — Оставайся там, где есть. Только... сам знаешь, сиди, как пришитый.

Что в конце концов все это означает? «Что за фигли-мигли?» — как говаривал Бивер в детстве, и эта, в сущности, бессмысленная фраза неизменно приводила их в восторг. Питер чувствовал, что при желании все узнает, настолько четкой была линия. Перед глазами высветились голубой кафель, прозрачная синяя занавеска для душа, ярко-оранжевая кепка, кепка Рика, кепка Маккарти, старины Стою-и-стучусь-у-порога-твоего, и он чувствовал, что получит и все остальное, если захочет. Пит не знал, будущее ли это, прошлое или то, что происходит в эту минуту, но он все поймет, если захочет, если за...

— Не хочу, — сказал он и оттолкнул от себя все.

На земле остались несколько палочек и хворостинок. Пит швырнул их в огонь и уставился на женщину. В открытом глазу больше не было злобы. Он подернулся пленкой, как глаз убитого оленя. И эти алые лужи вокруг... должно быть, она истекла кровью. Что-то лопнуло у нее внутри. Взорвалось со страшной силой. Может, она знала, чем дело кончится, и поэтому села на дорогу. Надеялась, что кто-нибудь на нее наткнется. На нее и наткнулись, но посмотрите только, что из этого вышло! Бедная сука! Бедная невезучая сука!

Пит медленно перемещался влево, пока не схватился за край брезента,

и потащил его к женщине. Этот кусок грубой ткани был чем-то вроде санок, теперь же станет чем-то вроде савана.

— Мне жаль, — прошептал он. — Бекки, или как тебя там, мне вправду жаль. Но даже останься я с тобой, толку от меня было бы немного. Я не врач. Всего лишь продавец машин. Ты...

«...с самого начала была обречена...» — хотел он сказать, но при виде ее спины слова застряли в горле. Раньше он ничего не мог заметить, потому что она лежала на боку, лицом к костру. На задку джинсов зияла огромная дыра, словно под конец вместо газов из нее рвались мины. Лохмотья джинсовой ткани трепетали на ветру вместе с обрывками нижнего белья: лоскутами белого трикотажа с начесом и розового шелка. На ногах и спине куртки что-то росло. Похожее на плесень или грибок... Красно-золотое... или это просто игра света?

Что-то вышло из нее. Что-то...

Да. Что-то. И прямо в эту минуту наблюдает за мной.

Пит всмотрелся в темнеющий лес. Ничего. Поток животных иссяк. Он совсем один.

Если не считать того, что я не один.

Это абсолютно точно. Что-то прячется неподалеку, что-то, не переносящее холода. Что-то, которое лучше всего чувствует себя в тепле и влаге. Если только...

Если только оно не выросло так, что не могло больше уместиться там, где зародилось. И осталось без пищи.

— Ты тут?

Пит подумал, что эти крики выставят его дураком в собственных глазах, но этого не случилось. Он не ощущал ничего, кроме гнетущего страха.

Он вдруг осознал, что плесень тянется тонкой прерывистой дорожкой от Бекки — да, именно Бекки, Бекки, так ее звали, Бекки — и погибает за угол жестяной стенки. Мгновение спустя он услышал противный скребущий звук, словно кто-то чешуйчатый полз по крыше. Пит вытянул шею, пытаясь разглядеть источник звука.

— Убирайся, — прошептал он. — Убирайся и оставь меня в покое. Я... я... устал.

В ответ послышался шорох, словно тварь проползла вверх еще немного. Да, он совсем разбит. Но, к несчастью, Ловец снов еще и представлял собой лакомый кусочек.

Тварь снова зашевелилась. Вряд ли она станет ждать долго, а скорее всего просто не может ждать: это все равно что засунуть геккона в

холодильник. Сейчас она свалится на него. И только теперь Пит осознал самое ужасное: он так зациклился на пиве, что совсем забыл о чертовых ружьях.

Первым порывом было забиться поглубже в хижину, но, наверное, это было бы ошибкой, все равно что бежать в глухой тупик. Вместо этого Пит схватил высунувшийся из огня конец ветки, которую только что успел туда бросить. Другой конец жарко пылал. Он пока не стал ее вынимать, только некрепко сжал.

— Попробуй подойди! — крикнул он жестяной крыше. — Любишь погорячее? У меня для тебя кое-что приготовлено. Давай попробуй! Ням-ням.

Ничего. На крыше тишина. Только мягкое «плюх» снежного сугробика, свалившегося с ближайшей сосны: это нижние ветви избавлялись от бремени. Пит стиснул импровизированный факел, наполовину вытащил из огня и снова крикнул:

— Ну же, сволочь, давай! Я вкусный, я горячий и жду тебя!

Ничего. Но тварь там и не будет медлить, он знал. Скоро она придет.

3

Время тянулось. Долго он сидел тут? Пит не знал: часы остановились совсем. Иногда его мысли вроде бы обострялись, как в те годы, когда они дружили с Даддитсом, хотя, честно сказать, по мере того как они выросли, а Даддитс оставался прежним, такое случалось реже, словно их меняющиеся тела и мозги теряли способность воспринимать странные сигналы Даддитса. Вот и сейчас, кажется, все было, как прежде, но не совсем. Возможно, появилось что-то новое. Скорее всего имевшее некое отношение к огням в небе. Пит создавал, что Бивер мертв, и, похоже, что-то ужасное случилось с Джоунси, но он не знал что.

Но что бы ни случилось, Пит считал, что Генри тоже знает все, хоть и не до конца. Генри сидел глубоко в голове у Пита, и мысли его легко читались:

Бенберри-кросс, Бен-берри-кросс, бом-бом, на палочке верхом...

Ветка догорела почти до самой руки Пита. Что он будет делать, если факел окажется слишком коротким? Ведь тварь вполне может потерпеть и дождаться своего часа.

Но тут новая мысль ударила в мозг, ясная, как день, и накаленная паникой. Заполнила все пространство черепа, и он стал выкрикивать вслух

непонятные самому фразы.

— Пожалуйста, пощадите нас! Ne vous blessez pas!^[24]

Но они не слушают, не слушают, потому... что?!

Потому что они отнюдь не беспомощные маленькие инопланетяне, надеющиеся, что кто-то подарит им телефонную карту компании «Нью-Инглендтел», чтобы они могли позвонить домой, они — смертельно опасная болезнь. Ползучий, слепой в своей злобе рак, хвала Иисусу, и, мальчики, мы все одна огромная радиоактивная инъекция химиотерапии. Слышите, мальчики?

Пит понятия не имел, слышат ли они, мальчики, к которым обращался голос, но он слышал. Они идут, мальчики идут, Алые Пираты надвигаются и никакие в мире мольбы их не остановят. И все же они молили, и Пит молил вместе с ними.

— Пожалуйста, пощадите нас! Пожалуйста! S'il vous plaît! Ne vous blessez pas! Ne nous faites pas mal, nous sommes sans défense!^[25] — Жалобные всхлипы. — Пожалуйста! Ради Бога, мы беспомощны...

Пит мысленно видел протянутую руку, собачье дерьмо, плачущего, почти голого мальчика. И все это время тварь на крыше, извиваясь, ползла, умирающая, но не бессильная, безмозглая, но не глупая, подкрадывалась к Питу сзади, пока он лежал на боку, рядом с мертвой женщиной, прислушиваясь к звукам апокалиптической бойни.

Рак, сказал человек с белыми ресницами.

— Пожалуйста! — взвизгнул Пит. — Мы беспомощны!

Но ложь ли это или правда, уже было слишком поздно.

Снегоход, не снижая скорости, пролетел мимо укрытия Генри. Шум мотора замирал вдалеке. Теперь можно было без опаски выбраться, но Генри остался на месте. Не мог двинуться. Интеллект, поселившийся в теле Джоунси, не учуял его либо потому, что отвлекся, либо потому, что Джоунси каким-то образом... все еще мог...

Нет. Мысль о том, что внутри этого ужасного облака что-то осталось от Джоунси, по меньшей мере не правдоподобна.

И сейчас, когда ОНО убралось... ну, скажем, отдалилось, на него обрушились голоса, голоса бесцеремонно лезли в голову, сводя с ума своей трескотней, как когда-то плач Даддитса, по крайней мере до того, как время

и годы положили конец почти всей этой чепухе. Один из голосов принадлежал человеку, упомянувшему о каком-то грибке (легко погибает, если только не попадет на живой организм), потом что-то о телефонной карте «Нью-Инглендтел», и... химиотерапии? Да, большая радиоактивная инъекция химиотерапии...

Генри подумал, что это голос безумца. Господь знает, он лечил таких достаточно, чтобы сразу распознать.

Остальные голоса заставили его усомниться в собственном рассудке. Некоторые он распознал. Уолтер Кронкайт^[26], Багс Банни^[27], Джон Уэйн^[28], Джимми Картер^[29]. Иногда вступала женщина, кажется, Маргарет Тэтчер. Голоса говорили то по-английски, то по-французски.

— Il n'y a pas d'infection ici^[30], — пробормотал Генри, заплакал, хотя, к своему удивлению и воодушевлению, обнаружил, что слезы на этот раз идут не от сердца, откуда, по его мнению, исходят все слезы и смех. Слезы ужаса, слезы жалости, слезы, взламывающие каменную почву себялюбивой одержимости и взрывающие скалу изнутри. — Тут нет никакой инфекции, пожалуйста, о Боже, прекратите, не надо, не надо, nous sommes sans défense, NOUS SOMMES SANS ...^[31]

Но тут с запада понесся громовой обвал голосов, и Генри стиснул руками голову, боясь, что вопли, пронизанные болью, просто взорвут ее изнутри.

Ублюдки попросту...

5

Ублюдки попросту расстреливают их, как мишени.

Пит сидел у костра, не обращая внимания на боль в чудовищно распухшем колене, не сознавая, что держит горящую ветку у самого виска. Вопли в голове не до конца заглушали сухой четкий стук пулеметных очередей... похоже, бьют из самого большого калибра...

Прежние крики — «пожалуйста, пощадите нас, мы беззащитны, тут нет никакой инфекции» — сменились паникой; *это не помогает, ничего не поможет, все уже решено.*

Уловив краем глаза какое-то движение, Пит сумел повернуться как раз в тот момент, когда сидевшая на крыше тварь набросилась на него. Он успел заметить размытый силуэт безногого, узкого, гибкого, как у хорька, тела, заканчивавшегося сильным мускулистым хвостом. Заостренные

шипы зубов вонзились в щиколотку. Взвизгнув, Пит отдернул ногу так сильно, что едва не ударил себя коленом в подбородок, но стряхнуть тварь не удалось. Она прилипла к нему, как пиявка. Неужели именно эта погань молила о милосердии? Да хрен с ними, если так. Хрен с ними. Пусть сдохнут!

Он потянулся к ней правой рукой, той самой, которую порезал об осколки пивной бутылки: в левой, здоровой, была по-прежнему зажата горящая ветка. И ощутил в ладони что-то вроде холодного, поросшего мехом желе. Тварь немедленно отпустила щиколотку, и бесстрастные черные глаза, глаза акулы, орлиные глаза, на мгновение уставились Питу в лицо, прежде чем в руку впиалась пригоршня игл, беспощадно разрывая и без того глубокую ранку.

Мир, казалось, перестал существовать, сузившись до единственной точки непередаваемой муки. Голова твари — если таковая имелась — прильнула к ладони, распарывая, врезаясь, вгрызаясь, проникая все глубже. Брызги крови чудовищными веерами летели в разные стороны, все то время, пока Пит старался стряхнуть тварь, оставляя гротескный алый узор на снегу, припорошенном инеем брезенте и куртке мертвой женщины. Попадавшие в огонь капли шипели, как жир на раскаленной сковороде. Разъяренная тварь издавала злобный стрекот. Хвост, толстый, как морской угорь, обернулся вокруг дергавшейся руки Пита, словно стараясь удержать ее на месте.

Решение применить факел отнюдь не было сознательным: Пит совершенно забыл о нем, занятый борьбой с ужасным кровожадным созданием, и в отчаянии ударил по твари горячей веткой. И сначала, когда она сразу же занялась ярким пламенем, как свернутая газета, даже не понял, что случилось. Но тут же победоносно завопил, хотя волна боли накатила вновь, вскочил на ноги, забыв о поврежденном колене и, описав правой, изуродованной рукой большой круг, схватился за одну из подпорок хижины. Раздался хруст, и чириканье сменилось приглушенным повизгиванием. На какое-то бесконечное мгновение зубы, застрявшие в его ладони, продолжали погружаться еще глубже, но хватка тут же ослабла и горящее существо свалилось на землю. Пит придавил его ногой, почувствовал, как оно извивается под каблуком, и едва не задохнулся от чистого, незамутненного, свирепого торжества, наполнившего душу. Но тут возмущенное столь непочтительным обращением колено подкосилось, послышался треск рвущихся сухожилий, и нога вывернулась в обратную сторону, как у кузнечика.

Пит тяжело рухнул набок, лицом к лицу с убийственным хичхакером

Бекки, не подозревая, что подпорка, задетая его рукой, медленно кренится. Уродливое подобие морды твари оказалось в трех дюймах от глаз Пита, горящее тело билось о его куртку. Черные глаза, казалось, варились в орбитах. На морде не замечалось ничего столь сложного, как рот, но когда едва заметная щель растянулась, открыв два ряда зубов, Пит с воплем: «Нет! Нет! Нет!» — швырнул тварь в огонь, где она, чирикающая по-обезьяньи, стала беспомощно извиваться.

Размахнувшись левой ногой, он подтолкнул тварь поглубже в огонь, но при этом снова задел покосившуюся подпорку, до сих пор честно державшую навес. Это оказалось последней каплей, и столбик треснул. Второй тоже не выдержал двойной тяжести, и крыша обвалилась, прикрыв огонь, отчего во все стороны полетели искры.

Последовало несколько минут полнейшего спокойствия. Потом лист ржавой жести заходил ходуном, словно тяжело дыша, и вскоре оттуда выбрался Пит, бледный как смерть, весь в поту, с подернутыми дымкой боли глазами. Левый обшлаг куртки тлел. Пит тупо уставился на него, забыв о том, что ноги все еще до колен придавлены упавшей крышей, потом поднес руку к лицу, набрал в легкие воздуха и стал дуть на язычки огня, пляшущие по куртке, как на гигантскую именинную свечку.

С востока донесся вой снегохода. Джоунси... или что там от него осталось. Облако. Вряд ли оно пощадит его. Сегодня в Джефферсон-тракт не место милосердию. Пожалуй, стоило бы спрятаться. Но голос, советующий ему это, звучал глухо, почти неслышно. Во всем этом есть только одно преимущество: похоже, он наконец-то бросил пить.

Пит снова поднял изуродованную руку с недостающим пальцем, должно быть, исчезнувшим в утробе твари. Два других болтались на изжеванных сухожилиях. В самых глубоких ранах — и нанесенных чудовищем, и в порезе бутылочным стеклом — уже зазолотилась мохнатая плесень. Пит ощутил легкий зуд и вдруг понял, что эта гадость пожирает его плоть и кровь.

И от всей души поторопил смерть. Скорее!

На западе постепенно затих перестук пулеметной пальбы, но о настоящем конце не могло быть и речи. Ни в коем случае!

И словно повинувшись течению его мыслей, громовой взрыв сотряс воздух, отсекая осиное жужжание мотора снегохода и все остальное. Все, кроме деловитого зуда в руке. Хищный грибок пожирал его, словно рак, поселившийся в желудке и легких отца и не успокоившийся, пока не изъел их дотла.

Пит провел языком по зубам, ощутил дыры на месте выпавших.

Потом закрыл глаза и стал ждать.

ЧАСТЬ 2. СЕРЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

*Из подсознания возникает призрак,
Цепляется за переплет окна и стонет, моля о
возрождении.*

*Дым сигары, его немой союзник, навис над
изголовьем.*

Я ощущаю руку на плече, смотрю... но это рог!

Теодор Ротке

Глава 10. КУРЦ И АНДЕРХИЛЛ

1

Единственным сколько-нибудь просторным зданием в районе боевых действий был небольшой магазинчик, называвшийся «Страна товаров Госслина». Чистильщики Курца начали прибывать туда незадолго до снегопада. К половине одиннадцатого, когда туда приехал сам Курц, стали подтягиваться вспомогательные силы. Похоже, ситуация наконец бралась под контроль.

Магазин получил условное название Блю-базы^[32]. Загон для скота, примыкающую к нему конюшню (ветхая, но все еще вполне пригодная) и коровник обозначили как Блю-изолятор и уже успели разместить там первых задержанных.

Арчи Перлмуттер, новый адъютант Курца (прежний, Калверт, умер две недели назад от сердечного приступа, чертовски не вовремя), держал планшетку с дюжиной имен на первом листе. Конечно, Перлмуттер привез с собой и лэптоп, и портативный компьютер, но оказалось, что вся электроника в Джефферсон-тракт мгновенно скисает.

В самом верху списка значились Госслины, старый владелец магазина и его жена.

— Это еще далеко не все, — сказал Перлмуттер.

Курц мельком глянул на список и отдал планшетку Перли.

За их спинами разворачивались большие трейлеры, устанавливались полуприцепы, укреплялись фонарные столбы. К ночи это место будет освещено так же ярко, как нью-йоркский стадион «Янки» во время чемпионата по бейсболу.

— Двух типов мы упустили вот на столько, — сообщил Перлмуттер, для наглядности разводя большой и указательный пальцы на четверть дюйма. — Приехали запастись едой, в основном пивом и сосисками.

Лицо Перлмуттера было белым как простыня, только на каждой щеке цвело по красной розе. К тому же ему приходилось перекрикивать все усиливающийся шум, что отнюдь не способствовало спокойствию духа. Вертолеты прилетали парами и садились на щебеночно-асфальтовой дороге, ведущей к соединявшей штаты автостраде 95, откуда, следуя на запад, можно было попасть в один захолустный городишко (Преск-Айл), а

следуя на юг — в целую россыпь захолустных городишек (вроде Бангора и Дерри). Вертолеты — это, конечно, неплохо, при условии, что пилотам не придется зависеть от навигационных приборов, которые, как всякая электроника, тоже накрылись.

— Куда эти парни направились? В лес или к шоссе? — спросил Курц.

— Назад в лес, — ответил Перлмуттер, до сих пор не нашедший в себе сил встретиться глазами с шефом. — Госслин говорит, что туда ведет еще одна дорога, Дип-кат-роуд. На стандартных картах ее нет, но я раздобыл туристическую карту «Даймонд интернейшнл пейпер», где показано...

— Прекрасно. Они либо вернутся, либо так и останутся там. И то, и другое нам на руку.

Прибыл очередной отряд вертолетов. Экипажи, оказавшись вдали от посторонних глаз, сгружали тяжелые пулеметы. Операция постепенно приобретала масштабы «Бури в пустыне», а может, и бóльшие.

— Надеюсь, вы понимаете свою миссию здесь, Перли?

Перлмуттер определенно понимал. Он был здесь новеньким, старался произвести впечатление и от нетерпения почти подпрыгивал.

Как спаниель, почуявший лакомство, подумал Курц. И при этом ухитрился ни разу не посмотреть ему в глаза.

— Сэр, характер моей работы довольно банален.

Банален, подумал Курц. Банален, как вам это нравится?

— Я должен: а) задерживать, б) отвозить задержанных к медикам, в) до дальнейших приказаний никого не выпускать из зоны карантина.

— Совершенно верно. Это...

— Но, сэр, простите, сэр, здесь еще нет ни одного врача, только несколько войсковых санитаров и...

— Заткнитесь, — коротко бросил Курц, и хотя голоса при этом не повысил, с полдюжины мужчин в неприметных зеленых комбинезонах (все, включая Курца, были в таких комбинезонах без знаков различия) замерли, прежде чем с удвоенной скоростью разбежаться по своим делам... нет, скорее с утроенной. Но перед этим все, как один, посмотрели в сторону Курца и Перлмуттера.

Розы на щеках Перлмуттера мгновенно увяли. Адъютант попятился, увеличив расстояние между собой и шефом на добрый фут.

— Если еще раз перебеешь меня, Перли, я врежу тебе по первое число. Попробуешь еще раз, и окажешься в госпитале. Ясно?

Перлмуттер, сделав нечеловеческое усилие, заставил себя уставиться в лицо Курца и отдал честь так лихо, что между рукой и фуражкой, казалось, проскочила молния.

— Сэр, да, сэр!

— И брось этот официоз, я ничего подобного не требую, — раздраженно бросил Курц и, заметив, что Перлмуттер опустил глаза, добавил: — И смотри на меня, когда с тобой говорят, парень.

Перлмуттер с крайней неохотой подчинился приказу. Лицо словно подернулось пеплом. И хотя вокруг стоял оглушительный треск вертолетов, в этом уголке, казалось, царила неестественная тишина, будто Курц существовал в некоем вакууме. Перлмуттер был убежден, что все наблюдают за ними и видят, как он перепуган. Глаза у некоторых были в точности, как у нового шефа. В этих глазах стыла вселенская пустота, словно за ними не было даже подобия мозга. Перлмуттер слышал о взглядах, в которых отражались тысячелетия, но в случае с Курцем речь, вероятно, шла о миллионах лет, вероятнее всего, световых.

И все же Перлмуттер как-то ухитрился выносить этот взгляд. Смотрел в пустоту. Похоже, начало не слишком успешное. Сейчас важнее всего, действительно необходимо, остановить обвал, пока он не превратился в лавину.

— Вот так, хорошо. Во всяком случае, лучше. — Курц говорил очень тихо, но Перлмуттер без труда расслышал его, несмотря на рев двигателей. — Я скажу это только один раз, и только потому, что ты новичок, и очевидно, не отличаешь хрен от пальца. Мне приказали провести здесь операцию «паука». Знаешь, что это такое?

— Нет, — произнес Перлмуттер, испытывая почти физическую боль от того, что не мог добавить «сэр».

— По словам ирландцев, расы, так до конца и не избавившейся от идиотских суеверий, которые каждый из них всосал с молоком матери, паука — это конь-призрак, крадущий зазевавшихся путников и увозящий их неведомо куда. Парадокс, настоящий парадокс, Перлмуттер! Хорошо еще, что мы разрабатываем перспективные стратегические планы, как раз на случай подобной хренотени, еще с сорок седьмого, когда представители военно-воздушных сил впервые представили образец предмета внеземного происхождения, известного теперь под кодовым названием «сигнальный фонарь». Беда только в том, что это, как мы считали, отдаленное будущее настигло нас, и теперь приходится расхлебывать кашу с помощью таких парней, как ты. Понимаешь, солдат?!

— Да, сэ... д-да...

— Надеюсь. Нам поручено нечто вроде блицкрига. Все нужно проделать быстро и четко, словом, настоящая паука. Придется сделать всю грязную работу и выйти из болота как можно более чистыми... чистыми,

да, Господи, и улыбающимися...

Курц коротко ощерился в улыбке, став в этот момент настолько похожим на злобного сатира, что Перлмуттер едва не завопил от ужаса.

Высокого, сутуловатого Курца можно было бы легко принять за бюрократа, не будь в нем чего-то жуткого. Даже самый бесчувственный человек замечал это что-то в его глазах, ощущал в чопорной манере держать руки перед собой... но не это пугало Перлмуттера, и не поэтому шеф заслужил прозвище Старого Страшного Курца. Перлмуттер не мог сказать точно, в чем дело, да и знать не хотел. В этот момент он хотел только одного: поскорее закончить разговор и убраться подобра-поздорову. Кому, спрашивается, тащиться тридцать миль на запад ради контакта с пришельцами? Вот он, рядом, стоит перед Перлмуттером!

Губы Курца плотно сомкнулись.

— Мы ведь в одной упряжке, так?

— Да.

— Отдаем честь одному флагу? Мочимся в один писсуар?

— Да.

— И какими мы собираемся выйти из всего этого, Перли?

— Чистыми?

— В точку! И какими еще?

На какую-то ужасную секунду он растерялся. Но тут до него дошло.

— Улыбающимися, сэр.

— Назови меня сэром еще раз и получишь в морду.

— Извините, — прошептал Перлмуттер.

По дороге, вернее, почти по обочине, медленно полз школьный автобус, опасливо сторонясь вертолетов. Большие черные буквы на желтом фоне гласили: МИЛЛИНОКЕТ СКУЛ ДЕПТ.

Командирский автобус. Внутри Оуэн Андерхилл и его люди. Команда класса А. При виде автобуса Перлмуттеру стало легче. Оба они в разное время работали с Андерхиллом.

— Медики придут к вечеру, — сообщил Курц. — Все доктора, какие только потребуются. Усек?

— Усек.

Направляясь к автобусу, остановившемуся перед единственной бензоколонкой магазина, Курц глянул на часы. Почти одиннадцать. Боже, как летит время, когда веселье в разгаре! Перлмуттер шагал рядом, но спаниелья упругость походки куда-то исчезла.

— А пока, Арчи, осматривай их, обнюхивай, выслушивай небылицы и регистрируй все случаи Рипли. Надеюсь, ты знаешь, что такое Рипли?

— Да.
— Прекрасно. Только не вздумай дотрагиваться.
— Господи, нет! — воскликнул Перлмуттер и тут же залился краской.
Курц растянул губы в улыбке, не более естественной, чем первая, акулья.
— Превосходно, Перлмуттер. Респираторы есть?
— Только что привезли. Двенадцать ящиков, и доставят е...
— Хорошо. Нам необходимы полароидные снимки Рипли. Документация должна быть самой тщательной. Образец А, образец Б, и так далее, и тому подобное. Дошло?
— Да.
— И надеюсь, ни один из наших гостей... не ускользнет?
— Ни в коем случае! — сказал Перли с видом человека, возмущенного подобной мыслью.

Губы Курца снова раздвинулись на немыслимую ширину, как нельзя более напоминая акулью пасть. Пустые глаза смотрели сквозь Перлмуттера, пронизывали, по твердому его убеждению, землю до самого центра. Он невольно задался вопросом, уйдет ли кто с Блю-базы, когда все будет кончено. Кроме Курца, разумеется.

— Продолжайте, гражданин Перлмуттер. Приказываю продолжать во имя правительства.

Арчи Перлмуттер посмотрел вслед Курцу, идущему к автобусу, откуда вывалился Андерхилл, более всего напоминавший квадратный банковский сейф. Перли в жизни не был так рад увидеть чью-то спину, как в этот момент.

2

— Привет, босс, — бросил Андерхилл, одетый, подобно остальным, в простой зеленый комбинезон. Правда, он, как и Курц, тоже носил оружие. В автобусе сидело человек двадцать, большинство из которых дожевывали завтрак.

— Так что у нас тут, старина? — осведомился возвышавшийся над Андерхиллом Курц. Правда, тот, в свою очередь, весил больше Курца фунтов на семьдесят.

— «Королевский бургер». Представляете, проехали прямо насквозь. Не думал, что автобус поместится, но Йодер клялся, что все получится, и оказался прав. Хотите бургер? Правда, он немного остыл, но даже в этой

дыре должна быть микроволновка. — Андерхилл кивком указал на магазин.

— Воздержусь. Холестерин вреден для печени.

— Как ваш пах?

Шесть лет назад, играя в ракетбол, Курц получил серьезную травму, что послужило, хоть и косвенно, причиной их единственной размолвки. По мнению Андерхилла, пустяковой, но от такого типа, как Курц, можно всего ожидать. За бесстрастной маской скрывался дьявольский ум, готовый выдавать идеи со скоростью света, строить бесчисленные планы, создавать немыслимые программы, управлять молниеносной сменой эмоций. Немало людей считали Курца сумасшедшим. Оуэн Андерхилл не знал, так это или нет, но понимал, что с таким человеком следует быть осторожным. Крайне осторожным.

— Как говорят ирландцы, мой пах — как огурчик.

Он театрально дернул себя за мошонку и удостоил Оуэна своей фирменной крокодильей улыбки.

— Рад слышать.

— А вы? В порядке?

— Как огурчик, — кивнул Оуэн, и Курц засмеялся.

Теперь по дороге так же медленно и осторожно, как автобус, катил новенький с иголки «линкольн-навигатор», с тремя одетыми в оранжевое охотниками, дюжими верзилами, потрясенно пялившимися на вертолеты и усердно трудившихся солдат в зеленых комбинезонах. Но в основном их занимали пулеметы. Хвала Господу, Вьетнам пришел в Северный Мэн. Скоро они присоединятся к остальным в карантинном блоке.

Едва «навигатор» остановился за автобусом, рядом сразу появилось с полдюжины солдат. Судя по виду, эти трое были адвокатами или банкирами, со своими холестериновыми проблемами и толстыми пакетами акций, адвокатами или банкирами, которым пришло в голову притвориться добрыми старыми парнями, поиграть в охотников в стране, которую искренне считают старой доброй мирной Америкой (от последнего убеждения их скоро избавят). Через несколько минут они окажутся в коровнике (или загоне, если так уж жаждут свежего воздуха), где никто не благоговееет перед картой «виза». Им позволят оставить сотовые. Правда, в этой глуши они не работают, но пусть себе развлекаются, тыкая в кнопку перенабора!

— Район окружен надежно? — спросил Курц.

— Думаю, да.

— По-прежнему быстро все схватываете?

Оуэн пожал плечами.

— Сколько всего народа в Блю-зоне, Оуэн?

— По нашим подсчетам, около восьмисот человек. В зонах А-прим и Б-прим — не больше сотни.

Неплохо, при условии, что никто не проскользнул сквозь кордоны. Правда, с точки зрения возможного загрязнения, несколько беглецов значения не имеют, новости, по крайней мере в этом отношении, были довольно обнадеживающими. А вот с точки зрения утечки информации это окажется катастрофой. В наши дни скакать на призрачной лошади становится все труднее. Слишком много людей с видеокамерами. Слишком много вертолетов с телеустановками. Слишком много любопытных глаз.

— Заходите в магазин, — сказал Курц. — Меня обещали поселить в отдельном трейлере, но его еще не подвезли.

— Un momenta^[33]. — Андерхилл метнулся с поразительной для его габаритов легкостью в автобус и вернулся с усыпленным жирными пятнами пакетом из «Королевского бургера» и магнитофоном на плече.

— Эта штука вас убьет, — предсказал Курц, кивнув на пакет.

— Мы начинаем «Войну Миров», а вы тревожитесь о высоком холестерине?!

Позади один из вновь прибывших верзил-охотников громко возмущался, крича, что хочет позвонить адвокату, что, возможно, означало его принадлежность к племени банкиров. Курц повел Андерхилла в магазин. Над ними в небе вновь вернувшиеся сигнальные огни пробивались сквозь серую подкладку облаков, прыгая и подскакивая, как диснеевские персонажи.

В офисе старика Госслина воняло салями, сигарами, пивом и серой: то ли газами, то ли тухлыми яйцами, предположил Курц. Возможно, и тем, и другим. Различался и еще один запах, слабый, но отчетливый. Запах этилового спирта. Их запах. Теперь он распространился повсюду. Другой человек поддался бы искушению отнести это ощущение за счет разгулявшихся нервов и чересчур богатого воображения, но Курц никогда не был обременен ни тем, ни другим. В любом случае он не считал, что сотня или около того квадратных миль лесных массивов, окружавших магазин Госслина, и впредь будет существовать в качестве жизнеспособной экосистемы. Иногда приходится сжечь предмет обстановки дотла, чтобы не

пострадала вся квартира.

Курц уселся за письменный стол и открыл один из ящичков. Внутри оказалась картонная коробка с надписью: Хим. (США) 10 ЕДИНИЦ. Вот радость для Перлмуттера!

Курц вынул коробку и открыл. Там лежали небольшие маски из прозрачного пластика, из тех, которые обычно закрывают только нос и рот. Одну он швырнул Андерхиллу, вторую надел сам, ловко закрепив эластичные тесемки.

— Это необходимо? — поинтересовался Оуэн.

— Мы не знаем. И не считайте это привилегией: через час-другой их наденут все. Кроме обитателей карантинного блока, разумеется.

Андерхилл без дальнейших замечаний натянул маску и завязал тесемки. Курц прислонился головой к висевшему на стене плакату Администрации Профессиональной Безопасности и Здоровья.

— Они работают? — К удивлению Андерхилла, маска не заглушала голоса и не запотела внутри, и хотя в ней не было ни пор, ни фильтров, дышалось все же легко.

— Они работают над лихорадкой Эбола, над сибирской язвой, над новой суперхолерой. А над Рипли? Возможно. Если нет, мы накрылись... сам знаешь чем. Впрочем, возможно, мы уже накрылись. Но часы бегут, и игра объявлена. Могу я послушать запись, которая, вне всякого сомнения, находится в той штуке, что висит у вас через плечо?

— Все подряд? Не стоит, пожалуй. Разве что попробовать на вкус, что это за блюдо?

Курц кивнул, повертел в воздухе указательным пальцем (как рефери, дающий сигнал к забегу) и поудобнее устроился в кресле Госслина.

Андерхилл снял с плеча магнитофон, поставил на стол и нажал кнопку. Раздался механический голос:

— Перехват радио Управления Национальной Безопасности. Частотный диапазон 62914А44. Материалу присвоена классификация «совершенно секретно». Время перехвата 06.27, ноябрь, четырнадцатое, два-ноль-ноль-один. Запись перехвата начинается после тонального сигнала. Если вам не присвоен допуск первый, пожалуйста, нажмите кнопку «стоп».

— Пожалуйста, — повторил Курц с ободряющим кивком. — Неплохо. Это отпугнет большую часть персонала, не облеченного высоким доверием, не думаете?

Последовала пауза, двухсекундный сигнал, и затем вступил женский голос:

— Один. Два. Три. Пожалуйста, пощадите нас! Ne nous blessez pas.

Двухсекундная пауза. Звучит голос молодого человека.

— Пять. Семь. Одиннадцать. Мы беспомощны. Nous sommes sans defense. Пожалуйста, пощадите нас, мы беспомощны. Ne nous faites...

— Клянусь, это похоже на языковой курс Берлица из Великого Далека, — усмехнулся Курц.

— Узнаете голос? — спросил Андерхилл.

Курц покачал головой и приложил палец к губам.

Следующий голос принадлежал Биллу Клинтону.

— Тринадцать. Семнадцать. Деятнадцать. — О, этот неподражаемый арканзасский выговор! — Здесь нет инфекции. Il n'y a pas d'infection ici.

Еще одна двухсекундная пауза, и из магнитофона донесся голос Тома Брокау:

— Двадцать три. Двадцать семь. Двадцать девять. Мы умираем. On se meurt, on crève^[34]. Мы умираем.

Андерхилл нажал кнопку «стоп».

— На случай, если интересуетесь, первый голос — это Джессика Паркер, актриса. Второй — Брэд Питт.

— А он кто?

— Актер.

— Угу.

— После каждой паузы раздается другой голос. Все они легко узнаваемы. Альфред Хичкок, Пол Харви^[35], Джеймс Браун^[36], Тим Сэмпл — это местный комик, очень популярный, и сотни других, хотя некоторых мы определить не смогли.

— Сотни других?! И сколько же длился этот перехват?!

— Строго говоря, это не столько перехват, сколько прямая передача, которую мы глушим с восьми ноль-ноль. А это означает, что неизвестно, сколько этого дерьма попало в эфир, хотя мы сомневаемся, что слышавшие все это что-то поймут. А если и так... — Андерхилл философски пожал плечами. — Передача продолжается. Голоса, похоже, подлинные. Мы провели сравнения «отпечатков голосов», сделали спектрограммы. Кто бы они ни были, эти парни вполне могут оставить без работы Рича Литтла^[37].

В кабинет донеслось отчетливое «плюх-плюх-плюх» вертолета. Курц не только слышал его, но и ощущал всем существом. Через доски, через плакат в серое вещество мозга шел сигнал, приказывающий начинать, начинать, начинать, спешить, спешить, спешить. Кровь кипела желанием поскорее следовать приказу, но он сидел не двигаясь, спокойно взирая на

Оуэна Андерхилла. Спешите медленно. Полезное изречение. Особенно когда имеешь дело с людьми, подобными Оуэну. Как твой пах, видите ли!

Однажды ты подложил мне свинью, думал Курц. Может, не перешел мою черту, но, клянусь Богом, все же пару шагов сделал, не так ли? Да, думаю, так и было. И думаю, тебе стоит держать ухо востро.

— Всего четыре фразы, повторяются снова и снова, — добавил Андерхилл, загибая пальцы: — «Не раньте нас», «Мы беззащитны», «Здесь нет инфекции» и последняя...

— Нет инфекции, — протянул Курц. — Ха! Ну и наглецы!

Он видел снимки красновато-золотого пуха, растущего на деревьях вокруг Блю-Боя. И на людях. В основном на трупах. Биологи называли его грибом Рипли, по имени той крутой бабы, которую играла Сигурни Уивер в космическом сериале. Большинство из них были слишком молоды, чтобы помнить другого Рипли, который вел в газетах рубрику «Хотите верьте, хотите нет». «Хотите верьте, хотите нет» давно уже канула в небытие как слишком заумная для политкорректного двадцать первого века. Но как бы она вписалась в ситуацию сейчас! О да, как винтик в резьбу! В сравнении с происходящим сиамские близнецы и двухголовые коровы старика Рипли казались положительно нормальными!

— И последняя, — добавил Андерхилл. — «Мы умираем». Это представляет интерес из-за двух вариантов французского перевода. Первый соответствует литературному языку. Второй — *on creve* — это сленг. У нас это звучало бы: «мы подыхаем».

Он взглянул на Курца, искренне жалевшего, что Перлмуттер не видит этого, впрочем, все еще можно исправить.

— Они действительно подыхают? Даже если предположить, что не мы им в этом помогли?

— Но почему французский, Оуэн?

— Вероятно, второй язык. — Андерхилл пожал плечами. — Кто знает?

— А-а-а... А цифры? Хотят показать, что мы имеем дело с разумными существами? И что любой другой вид способен прилететь сюда из другой звездной системы, или измерения, или откуда еще там?

— Наверное. А как насчет сигнальных огней, босс?

— Большинство сейчас в лесу, но быстро затухают, как только кончается заряд. Те, которые мы смогли вернуть, похожи на жестянки с консервированным супом и содранными этикетками. Учитывая их размер, шоу получается чертовски эффектным, не находите? Местные в штаны от страха наложили.

Рассеиваясь, огни оставляли колонии грибка, или спорыньи, или черт

его знает, как оно называлось. То же самое можно сказать и о самих инопланетянах. Те, которые остались, собирались вокруг корабля, как пассажиры у сломавшегося автобуса, и ныли, что они не заражены, *il n'y a pas d'infection ici*, слава тебе Господи, можно вздохнуть спокойно. Но едва эта штука попадала на тебя, ты, вероятнее всего, как это выразился Оуэн, «спекался». Конечно, точно еще ничего не известно, пока слишком рано говорить о чем-то определенном, но они вправе делать предположения.

— Сколько инопланетян осталось наверху? — осведомился Оуэн.

— Где-то порядка сотни.

— Что еще нам неизвестно? Кто-нибудь имеет представление?

Курц отмахнулся. Откуда ему знать? Право знать — не его сфера. И не парней, приглашенных на эту веселую вечеринку перед Днем благодарения.

— Как по-вашему, выжившие — это команда? — допытывался Андерхилл.

— Неизвестно. Может, и нет. Чересчур много для команды, недостаточно для колонистов и слишком мало для ударных частей.

— А что еще творится там, наверху? Ведь есть же что-то еще, так?

— Настолько уверен в этом?

— Да.

— Почему?

— Интуиция, — пожал плечами Андерхилл.

— Ошибаешься, — мягко поправил Курц. — Не интуиция. Телепатия.

— Ты это о чем?!

— Невысокого уровня, разумеется, но сомнений никаких быть не может. Человек ощущает нечто, чему первое время не может подобрать ни названия, ни объяснения. Но через несколько часов способность проявляется в полной мере. Наши серые друзья, похоже, разносят эту болезнь, как проклятый грибок.

— Мать твою, — прошептал Оуэн.

Курц ничего не ответил, спокойно наблюдая за Андерхиллом. Он любил наблюдать за погруженными в раздумья людьми, при условии, что они в самом деле умеют мыслить, но тут было кое-что другое: он слышал мысли Оуэна — слабый, но отчетливый звук, подобный шороху океана в морской раковине.

— Грибок быстро гибнет в окружающей среде, — проговорил наконец Оуэн. — На них она тоже плохо действует. Как насчет экстрасенсорного восприятия?

— Об этом пока еще слишком рано говорить. Но если эта способность

остаётся навсегда, мало того, распространится за пределы того отстойника, где мы сейчас находимся, ситуация в корне изменится. Вы, разумеется, это понимаете?

Андерхилл понимал.

— Невероятно, — сказал он.

— Я думаю о машине, — внезапно бросил Курц. — О какой машине я думаю?

Оуэн вскинул на него глаза, очевидно, пытаясь решить, не шутит ли собеседник. Но увидев, что Курц вполне серьёзен, потряс головой.

— Откуда мне... — И осекся. — «Фиат».

— На самом деле «феррари», но это не важно. Я думаю о мороженом... какой сорт?

— Фисташковое, — сказал Оуэн.

— В точку.

Помолчав немного, Оуэн нерешительно спросил Курца, может ли тот назвать имя его брата.

— Келлог, — не задумываясь, ответил Курц. — Господи, Оуэн, что за имя для мальчишки?!

— Девичья фамилия моей матери. О Боже! Телепатия!

— Представляете, в какой заднице окажутся устроители «Риска» и «Кто хочет стать миллионером», если эта штука распространится по всей стране?

За стеной раздался выстрел, потом — вопль.

— Вы не смели этого делать! — кричал кто-то голосом, полным страха и возмущения. — Не смели!

Они подождали, но все было тихо.

— Подтвержденное количество тел серых человечков — восемьдесят один, — сказал Курц. — Возможно, их больше. Как только они падают вниз, немедленно начинают разлагаться. Не остаётся ничего, кроме слизи... а после — грибка.

— По всей Зоне?

Курц покачал головой.

— Представьте клин, указывающий на восток. Тупой конец — Блю-Бой. Мы находимся примерно в середине клина. К востоку отсюда шатаются ещё несколько нелегальных иммигрантов из фракции «серых». Сигнальные огни в основном появляются в зоне клина. Инопланетный Дорожный Патруль.

— Это все нужно поджарить? — спросил Оуэн. — Не только серых человечков, корабль и сигнальные огни, но и всю чертову местность?!

— Я не готов говорить об этом сейчас, — сказал Курц.

Еще бы, подумал Оуэн, конечно, не готов. И тут же спохватился: что, если Курц прочтет его мысли? Трудно сказать, что кроется за этими тусклыми глазами.

— Могу сообщить только, что мы собираемся уничтожить остальных серых человечков. Ваши, и только ваши, люди составят команды боевых вертолетов. Ваши позывные: Блю-Бой-Лидер. Ясно?

— Да, сэр.

Курц не стал его поправлять. В данном контексте, учитывая очевидное отвращение Андерхилла к порученной миссии, обращение «сэр», возможно, не так уж и плохо.

— Я Блю-один.

Оуэн кивнул.

Курц поднялся и вынул карманные часы. Стрелки стояли на цифре «двенадцать».

— Скрыть все это не удастся, — сказал Андерхилл. — В Зоне слишком много американских граждан. Сколько этих... этих имплантантов?

Курц едва не улыбнулся. Ах да, хорьки. Довольно большое количество, с годами все увеличивающееся. Андерхилл не знал этого, но Курц знал. Гнусные твари! Но в положении босса есть одно преимущество: если не хочешь, можно не отвечать на вопросы.

— Все, что будет потом, — проблема психушников, — бросил он. — Наша работа — реагировать на то, что конкретные люди — голос одного, возможно, записан у вас на пленке — определили как явную и реальную угрозу населению Соединенных Штатов. Понятно, солдат?

Андерхилл посмотрел в эти тусклые глаза и отвел взгляд.

— И вот еще что, — добавил Курц. — Помните пауку?

— Ирландского коня-призрака?

— Что-то в этом роде. Когда дело доходит до кляч, знайте, эта — моя. И всегда была моей. Кое-кто в Боснии видел, как вы скакали на моей пауке. Верно?

Оуэн не рискнул ответить. Курц, казалось, ничуть не обиделся. Только взгляд стал пристальным.

— Я не потерплю повторения, Оуэн. Молчание — золото. Когда мы скачем на пауке, сами должны превратиться в невидимок. Вам понятно?

— Да.

— Полностью понятно?

— Да, — повторил Оуэн, снова гадая, насколько способен Курц читать его мысли. Сам он прочел название, словно написанное на лбу Курца.

Очевидно, Курц этого хотел.
Босански Нови.

Они были готовы к отправке: четыре команды боевых вертолетов, скомплектованные из людей Оуэна Андерхилла, заменивших парней из АНГ, которые посадили свои СН-47 на дорогу. Вертолеты уже поднимались в воздух, наполняя округу рокотом моторов, когда пришел приказ Курца снижаться. Оуэн передал приказ и перевел рычажок налево, оказавшись в диапазоне личного канала связи Курца.

— Прошу прощения, но какого хрена? — спросил Оуэн.

Если они собираются это сделать, можно бы по крайней мере поторопиться и поскорее покончить со всем. Оно даже хуже, чем Босански Нови, гораздо хуже! Отмахнуться и забыть, лишь потому, что, по словам Курца, серые человечки — не люди? В любом случае это не для него. Существа, способные построить Блю-Бой или по крайней мере летать на нем, — больше, чем люди.

— Я тут ни при чем, мужик, — сказал Курц. — Синоптики в Бангоре говорят, что это дерьмо передвигается слишком быстро. Какой-то ураган, называется Альберта Клиппер. Полчаса, максимум — сорок пять минут, и нас накроет. Учитывая, что навигационные приборы не работают, лучше подождать, если можем — а мы можем. Еще поблаговаришь меня за предупреждение.

Весьма сомневаюсь.

— Прием, прием. — Оуэн передвинул рычажок вправо. — Конклин.

Никаких званий: на этом задании приказано обращаться только по именам, особенно при радиопереговорах.

— Я здесь... я здесь.

— Передай всем, что мы задерживаемся минут на тридцать — сорок пять. Повторяю: тридцать — сорок пять.

— Вас понял. Тридцать — сорок пять.

— Поставил бы какую музыку.

— О'кей. Заказы?

— На твой вкус. Только не «Скуэйд Энтим»^[38].

— Вас понял, «Скуэйд Энтим» исключается.

Ни следа улыбки в голосе Конка. Единственный, кому происходящее так же неприятно, как Оуэну. Ну конечно. Конклин тоже участвовал в

операции на Босански Нови, в девяносто пятом. Да, пришлось им тогда хлебнуть! В головном телефоне орали эти поганцы — группа «Перл Джем», и пришлось стащить его и повесить на шею, как хомут. Но все это было чепухой по сравнению с той передрягой, в которую они вляпались.

Арчи Перлмуттер и его люди всполошенно метались взад и вперед, как куры с отрубленными головами, то и дело отдавая честь, но тут же поспешно опускали руки, не доведя их до виска, и украдкой бросали боязливые взгляды на маленький зеленый разведывательный вертолет, где сидел Курц: головной телефон на месте, лицо закрыто последним выпуском «Дерри ньюс». Он казался погруженным в чтение, но Оуэн почему-то чувствовал, что этот человек видит каждый жест, каждого солдата, забывшего о чрезвычайной ситуации и следовавшего воинскому уставу. Рядом с Курцем, слева, сидел Фредди Джонсон. Джонсон неизменно сопровождал Курца еще с тех времен, когда Ноев ковчег застрял на горе Арарат. Он тоже был в Босански и, вне всякого сомнения, подробно докладывал Курцу о происходящем, когда тому пришлось остаться в тылу: из-за своего паха он так и не смог оседлать любимую пауку.

В июне девяносто пятого военная авиация потеряла самолет-разведчик НАТО в запретной для полетов зоне, около хорватской границы. Сербы подняли невероятный шум из-за самолета капитана Томми Каллахена и устроили бы настоящий показательный спектакль, если бы удалось поймать самого Каллахена. Представители правительства, терзаемые кошмарами, навеянными северными вьетнамцами, взявшими в привычку регулярно и с нескрываемым злорадством выставлять несчастных пилотов с промытыми мозгами перед представителями международной прессы, день и ночь трубили о первейшей обязанности военных вернуть в ряды доблестных авиаторов Томми Каллахена.

Несмотря на все усилия, поиски результатов не давали, и командование уже собиралось отдать приказ о возвращении поисковых групп, когда Каллахен связался со своими на низкочастотном диапазоне. Его школьная подруга сообщила им его старое прозвище, и запрошенный Томми подтвердил это, добавив, что друзья прозвали его Блевуном после одной памятной пирушки в выпускном классе, на которой он несколько переоценил свои способности к выпивке.

Мальчики Курца отправились за Каллахеном на паре вертолетов, куда миниатюрнее тех, что были задействованы сегодня. Командовал операцией Оуэн Андерхилл — многие, в том числе и он сам, считали его преемником Курца. Каллахену приказали при подлете машин развести огонь и ждать. Задачей Андерхилла было поднять Каллахена на борт в обстановке полной

секретности. Увезти на ирландской лошади пауке. Особой необходимости в этом не было, но так уж задумал Курц. Его люди — невидимки, его люди — призрачные всадники на призрачных конях.

Поначалу операция проходила успешно. Правда, по вертолетам выпустили несколько ракет «земля — воздух», но, разумеется, ни одна и близко не прошла: чего и ожидать от вояк Милошевича! Только когда они забирали Каллахена, Оуэн заметил единственных боснийцев, оказавшихся поблизости, — пять или шесть детишек, старшему не больше десяти, боязливо наблюдавших за американцами. Курц приказывал не оставлять свидетелей, но Оуэну в голову не пришло считать свидетелями компанию замурзанных малышей. И Курц ни словом об этом не упомянул.

До сегодняшнего дня.

Оуэн не сомневался, что Курц — человек опасный. Но опасных людей в армии было немало: скорее дьяволы, чем святые, и многие просто помешаны на секретности. Оуэн не мог точно определить, чем отличается от них Курц, высокий и меланхоличный Курц с белесыми ресницами и неподвижными глазами. Вот только встречаться с этими глазами было трудно, потому что в них ничего не отражалось: ни любви, ни веселья и абсолютно никакого любопытства. Почему-то последнее казалось Оуэну самым ужасным.

У магазина затормозил потрепанный «субару», из которого осторожно выбрались два старика. Один сжимал в обветренной руке черную трость. На обоих были охотничьи куртки в красно-черную клетку, выцветшие кепки. У одного над козырьком белели буквы CASE, у другого DEERE. Старики удивленно уставились на бегущих к ним солдат. Солдаты в магазине Госслина? Что за дьявол?! Судя по виду, каждому было далеко за семьдесят, и все же оба сгорали от любопытства, которого так недоставало Курцу: это было легко заметить по наклону головы, позе, широко открытым глазам.

Все те вопросы, которые Курц так и не высказал. Чего они хотят? В самом деле желают нам зла? А если то, что мы делаем, повредит нам? Неужели действительно, посеяв ветер, мы пожнем бурю? И верно ли, что все предыдущие контакты — серые человечки, сигнальные огни, выпадение «ангельских волос» и красной пыли, похищения землян, начавшиеся в конце шестидесятых, — утвердили нас в необходимости бояться силы пришельцев? И делались ли какие-то попытки связаться с этими созданиями?

И последний, самый важный вопрос: эти серые человечки — такие же, как мы? И что, если они действительно люди? И было ли это убийством,

обыкновенным убийством?

Но в глазах Курца не было никаких вопросов.

Снегопад заканчивался, день разъяснился и ровно через тридцать три минуты после отмены боевой готовности Курц дал приказ отправляться. Оуэн связался с Конклином, моторы вертушек вновь заревели, поднимая тонкие снежные вуали и превращаясь в сверкающие привидения. Поднявшись чуть выше деревьев, чинни сориентировались на вертолет Андерхилла и направились на запад в сторону Кинео. Ниже и чуть правее летела «кайова-58» Курца, что вдруг напомнило Оуэну старый фильм Джона Уэйна: синие мундиры скачут по лесу за индейцем-разведчиком, восседающим боком, без седла, на лохматом пони. И хотя он не мог видеть Курца, все же предположил, что тот по-прежнему читает газету. Возможно, даже свой гороскоп. «Рыбы, сегодня день вашего бесчестия. Лучше остаться в постели».

Под ними появлялись и исчезали ряды сосен и елей, окутанных белым паром. Танцующие снежинки били в лобовое стекло вертолета. Полет проходил на редкость тяжело: люди словно попали в центрифугу стиральной машины, но сейчас Оуэн и не хотел ничего иного. Он надвинул на уши головной телефон. Какая-то другая группа, похоже, «Матчбокс твенти», но все же лучше, чем «Перл Джем». Чего он боялся, так это «Скуэйд Энтим». Но он будет слушать. Да, как бы там ни было, он будет слушать.

Вновь и вновь ныряя в облака, выскакивая из вязкой ваты, скользя над бесконечным лесом, на запад на запад на запад...

— Блю-Бой-Лидер, это Блю-два.

— Перехожу на прием, двойка.

— Визуальный контакт с Блю-Бой. Подтверждаете? Уже через мгновение Оуэн смог подтвердить. От увиденного захватило дыхание. Одно дело — снимок, изображение в четких границах, вещь, которую можно поддержать в руках. И совсем другое...

— Подтверждаю, второй. Блю-группа, это Блю-Бой-Лидер. Приказываю зависнуть на месте, повторяю, приказываю зависнуть на месте.

Команды одна за другой радировали о выполнении приказа. Все, кроме Курца, но у него и не было особого желания подлетать ближе. «Чинуки»^[39]

и «кайова» держались в воздухе на высоте примерно три четверти мили от упавшего космического корабля, к которому вела широченная просека деревьев, словно поваленных топором гигантского дровосека. В конце просеки виднелось болото. Высохшие стволы цеплялись за выцветшее небо, словно пытаясь содрать облака. Повсюду белели зигзаги тающего снега, желтеющего по краям, в тех местах, где он уже стал впитываться в мокрую почву. Между ними извивались вены и капилляры черной воды.

Корабль, гигантская серая тарелка диаметром не меньше мили, рухнул посреди болота, прямо на мертвые деревья, дробя их и разбросав во все стороны груды обломков. Один бок уже погрузился в зыбкую водянистую почву. Гладкая обшивка была усеяна комьями грязи и сучьями.

Вокруг сгрудились уцелевшие серые человечки. Большинство толпилось на покрытых снегом бугорках, под задраным к небу бортом: видимо, они не переносили прямых солнечных лучей.

Что ж, наверняка кто-то посчитал, что они представляют собой куда более опасного троянского коня, чем потерпевший крушение корабль, но эти создания, голые и безоружные, на взгляд Оуэна, особой угрозы не представляли. Курц говорил, что их около сотни, на самом деле их оказалось гораздо меньше: по мнению Оуэна, около шестидесяти. Он увидел не меньше дюжины трупов в различной стадии красноватого разложения, лежащих на снежных пригорках. Некоторые валялись лицом вниз в мелкой воде. Там и сям на снегу пугающе яркими пятнами выделялись колонии так называемого грибка Рипли. Правда, некоторые уже начинали сереть: жертвы холода или атмосферы или того и другого. Нет, они вряд ли смогут здесь процветать: ни серые человечки, ни грибок, который они несут в себе.

Неужели эта штука в самом деле способна распространяться? Трудно поверить!

— Блю-Бой-Лидер! — запросил Конк. — Ты тут, парень?

— Тут, заткнись на минуту.

Оуэн подался вперед, коснулся локтя пилота (Тони Эдварде, славный малый) и переключил радио на общий канал. В этот момент ему в голову не пришли слова Курца относительно Босански Нови, ему и в голову не пришло, что он совершает роковую ошибку, ему в голову не пришло, что он серьезно недооценивает степень безумия Курца. Да и вряд ли он вообще думал о чем-то в этот момент. Просто сделал то, что посчитал нужным.

По крайней мере так показалось ему позже, когда он вернулся мыслями назад, вновь и вновь перебирая в памяти случившееся. Всего лишь щелчок переключателя. Этого оказалось достаточно, чтобы изменить

течение всей жизни.

И вот он, голос ясный и четкий, голос, который вряд ли мог распознать кто-то из подчиненных Курца. Они попросту не слушали Уолтера Кронкайта:

— ...нет... Il n'y a pas d'infection id. Двухсекундная пауза, а затем голос, который мог бы принадлежать Барбре Стрейзанд:

— Сто тринадцать. Сто семнадцать. Сто девятнадцать. Очевидно, они начали отсчет с единицы и постепенно дошли до сотни.

— Мы умираем, — произнес голос Барбры Стрейзанд. — On se meurt, on creve.

Пауза, затем незнакомый голос:

— Сто двадцать семь. Сто...

— Отставить! — погромел голос Курца. Впервые за время их знакомства в нем прорезались какие-то эмоции. Сейчас он явно был выведен из себя. Почти потрясен. — Оуэн, зачем ты льешь эту грязь в уши моих парней? Немедленно отвечай! Слышишь, немедленно!

— Хотел посмотреть, изменилось ли что-нибудь, босс, — сказал Оуэн. Наглая ложь, и Курц, конечно, понимал это и рано или поздно заставит платить. Он опять пошел против Курца, как в тот раз, когда не перестрелял боснийских детишек, только сейчас дело обстояло хуже, куда хуже. Но Оуэну было наплевать.

Хрен с ним, с конем-призраком. Если они собираются сделать это, пусть мальчишки Курца (Скайхук в Боснии, Блю-группа на этот раз, какое-нибудь другое название в следующий, но молодые жесткие лица все те же) услышат серых человечков в последний раз. Пришельцы из другой системы, а может, и другой вселенной или временного потока, причастные к тайнам, о которых их хозяева и понятия не имеют (впрочем, Курцу наверняка все равно). Пусть услышат последние призывы серых человечков, а не вопли «Перл Джем» или «Джар оф Флайз» и прочих ублюдков, призывы серых человечков к тому, что — как они глупо надеялись — было лучшим качеством природы человеческой.

— И что же, изменилось? — протрещал голос Курца, перебиваемый разрядами статического электричества. Зеленая «кайова» по-прежнему висела под брюхами больших вертолетов: несущие винты били по расщепленной верхушке высокой старой сосны, заставляя ее мерно раскачиваться из стороны в сторону. — Так как же, Оуэн?

— Нет, — сказал он. — Никак нет, босс.

— В таком случае заткни эти вопли. И не забывай, что скоро стемнеет. Немного помедлив, Оуэн ответил с подчеркнутой почтительностью:

— Есть, сэр.

Курц сидел, неестественно вытянувшись, в правом кресле «кайовы», «прямой как палка» говорилось обычно в книгах и фильмах. Несмотря на то что день выдался пасмурный, он нацепил темные очки, но Фредди, его пилот, по-прежнему осмеливался глядеть на него только искоса и мельком. Очки — широкая изогнутая полоска, излюбленный фасон джазменов пятидесятых и киношных мафиози — закрывали пол-лица, и теперь уже невозможно было сказать, куда смотрит босс. Наклон его головы еще ни о чем не говорил.

«Дерри ньюс» лежала на коленях Курца (ТАИНСТВЕННЫЕ ОГНИ, ПРОПАВШИЕ ОХОТНИКИ, ПАНИКА НА ДЖЕФФЕРРСОН-ТРАКТ, кричали заголовки). Он поднял газету и стал аккуратно складывать. Так, чтобы получилась треуголка. Шутовской колпак, а именно этой должностью и закончится карьера Оуэна Андерхилла. Тот наверняка воображает, будто ему грозит что-то вроде дисциплинарного взыскания, наложенного Курцем, который, разумеется, не откажется дать ему еще один шанс. К сожалению, он не понимает (и это, возможно, к лучшему: кто не предупрежден, тот не вооружен), что уже использовал этот второй шанс, что было ровно одним шансом больше, чем Курц обычно давал кому бы то ни было и о чем сейчас сожалел. Горько сожалел. Подумать только, что Оуэн выкинул такое после их разговора в кабинете Госслина... после настоящего предупреждения Курца...

— Кто отдает приказ? — прорвался сквозь шум голос Оуэна.

Курц был поражен и немного встревожен силой собственной ярости, правда, по большей части вызванной удивлением — простейшей эмоцией, одной из первых, проявляющейся в маленьких детях. Оуэн нанес ему удар в спину, включив громкую связь, видите ли, хотел посмотреть, изменилось ли что-то! Пусть засунет такое объяснение себе в задницу!

Оуэн, возможно, был лучшей правой рукой за всю долгую и трудную карьеру Курца, начавшуюся в Камбодже, в первой половине семидесятых, но Курц тем не менее намеревался уничтожить его. За выходку с радио. Потому что Оуэн так ничему и не выучился. Дело не в мальчишках из Босански Нови и не в бормочущих голосах. Речь идет о неповиновении приказам, и даже не о принципах. О Черте. Его Черте. Черте Курца.

И еще — это «сэр».

Это чертово нагло-высокомерное «сэр».

— Босс? — Голос Оуэна звучал слегка напряженно, и он прав, что нервничает, Господь любит его. — Кто отдает...

— Общий канал, Фредди, — велел Курц. — Переключи меня на общий канал.

«Кайова», более легкая, чем военные вертолеты, подхваченная ветром, пьяно качнулась. Курц и Фредди не обратили на это внимания. Фредди переключил Курца на общий канал.

— Слушайте, мальчики, — начал Курц, глядя на вертолеты, висевшие строем под облаками, подобно большим стеклянным стрекозам. Впереди лежало болото с огромным жемчужно-серым, косо сидевшим блюдцем и оставшейся в живых командой или кем бы то ни было, жавшейся под задраным бортом. — Слушайте, мальчики. Папочка собирается проповедовать. Вы меня слышите? Отвечайте.

Подтверждения, сопровождаемые случайным «сэр», сыпались со всех сторон, но Курц не обращал на это внимания: все-таки есть разница между забывчивостью и нахальством.

— Я не оратор, мальчики, болтовня — дело не мое, но хочу подчеркнуть, что в этом случае не стоит, повторяю, не стоит верить собственным глазам и ушам. Перед вами около шести десятков серых, очевидно, бесполох гуманоидов, стоящих в болоте в чем мать родила, и вы вполне можете, то есть не вы, некоторые вполне могут сказать: как, да эти бедняги безоружные и голые, ни члена, ни щелки, умоляют о пощаде, переминаясь рядом с разбитым межгалактическим судном, и какой же пес, какое чудовище способно внимать этим молящим голосам и тем не менее выполнять приказы? И должен сказать вам, мальчики, что я этот пес, я это чудовище, я эта постиндустриальная, постмодернистская, тайнофашистская, политически некорректная, гнусная свинья, разжигатель войны и подлый тип, хвала Господу, но для всех, кто меня слушает, я Абрахам Питер Курц, отставник ВВС США, личный номер 241771699, и я руковожу операцией, я здесь главный.

Он перевел дыхание, не сводя взгляда с неподвижных вертолетов.

— Но, парни, я здесь, чтобы сказать вам: эти серые человечки лезли к нам с конца сороковых, а я стал следить за ними с конца семидесятых и должен объяснить, что если кто-то идет к вам навстречу с поднятыми руками и говорит, что сдается, это еще не означает, хвала Господу, что у него в заднице не запрятана пинта нитроглицерина. Так вот, старые мудрые золотые рыбки, что плавают в специальных мыслительных аквариумах, утверждают, что серые человечки стали появляться, когда мы начали

взрывать атомные и водородные бомбы, подобно тому, как мотыльки летят на свет. Я не мыслитель, я этого не знаю и предоставляю думать другим, пусть лошадь думает, у нее голова большая, но с глазами у меня все в порядке, парни, и говорю вам, эти серые человечки — настоящие сукины дети. И так же безопасны, как волк в курятнике. За эти годы мы сумели заполучить несколько таких, но ни один не выжил. После смерти их тела быстро разлагаются и превращаются в ту мерзость, какую вы видите, то, что называют грибок Рипли. Иногда они взрываются. Дошло? Они взрываются! А, грибок, который они переносят... может, они всего лишь упаковка для грибка: по крайней мере так считают некоторые золотые рыбки в мыслительном аквариуме, так вот, этот грибок быстро погибает, если не попадет на живой организм, повторяю, живой организм, а лучшим образом, похоже, лучшим, хвала Господу, является старый добрый хомо сапиенс. Даже если крошка попадет на кожу — все, кранты, можно заказывать гроб.

Все вышесказанное было не совсем правдой — вернее, не имело с правдой ничего общего, — но никто не сражается отчаяннее перепуганного солдата. Это Курц знал по опыту.

— Мальчики, наши маленькие серые приятели — телепаты, и похоже, могут передавать эту способность по воздуху. Даже если мы не заразимся грибком, телепатию наверняка подхватим, и хотя вы можете посчитать забавным чтение чужих мыслей, того рода штукой, что имеет успех на вечеринках, но я открою вам, куда ведет эта дорога: шизофрения, паранойя, уход от реальности и полное, повторяю, ПОЛНОЕ, МАТЬ ЕГО, БЕЗУМИЕ. Рыбки из мыслительных аквариумов, благослови их Господь, уверены, что именно эта телепатия краткосрочна, но не стоит и говорить, что может случиться, если серым человечкам позволят устроиться на земле со всеми удобствами. Я хочу, парни, чтобы вы очень внимательно выслушали все, что я сейчас скажу. Слушайте так, словно от этого зависит ваша жизнь. Когда они захватят нас, повторяю, когда они захватят нас, а все вы знаете о похищениях, правда, большинство из тех, кто утверждает, что стал жертвой похищения, врут, как последние сволочи, но кое-кто говорит правду. Так вот, тем, кто на деле стал жертвой похищения, частенько вживляют кое-что в мозг и под кожу. Иногда это всего лишь приборы: разного рода передатчики или мониторы. Но бывает, что внутри человека начинают расти живые существа, которые выедают изнутри хозяина, жиреют, а потом прогрызают себе путь наружу. И все это проделывают те голые невинные создания, которые толпятся там, внизу. Они твердят, что среди них нет инфекции, хотя мы знаем, что они ею набиты, заражены грибком, как

говорится, от носа до хвоста. Я видел все эти штуки в действии, в течение двадцати пяти лет или более того, и говорю: это оно и есть, это нашествие, это Суперкубок из Суперкубков, и это вам, парни, приходится защищаться. Они вовсе не беспомощные маленькие инопланетяне, малыши, ожидающие, что кто-то подарит им телефонную карту «Нью-Инглендтел», чтобы они могли позвонить домой. Они — смертельно опасная болезнь. Зараза. Ползучий, слепой в своей злобе рак, хвала Иисусу, и, мальчики, мы — одна большая радиоактивная инъекция химиотерапии. Вы меня слышите?

На этот раз подтверждений не было. Ни единого «принято, так точно, сэр», и тому подобное. Только нервные, возбужденные, горящие ненавистью одобрительные крики, только подрагивающие нетерпением голоса. Эфир, казалось, вот-вот взорвется от напряжения.

— Рак, мальчики. Они — рак. Лучше объяснить я не могу, вы знаете, я не оратор. Оуэн, вы приняли сообщение?

— Принял, босс.

Бесстрастно. Бесстрастно и спокойно, пропади он пропадом. Что ж, пусть рисуется. Пусть разыгрывает безразличие, пока может. Оуэн Андерхилл — человек конченный.

Курц поднял колпак и восхищенно посмотрел на него. Оуэн Андерхилл — меньше, чем ничто.

— Что там внизу, Оуэн? Что крутится около корабля? Что позабыло надеть штаны и ботинки, прежде чем выйти из дому утром?

— Рак, босс.

— Верно. Отдавайте приказ и начинаем. Заводите свою песню, Оуэн.

И подчеркнуто медленно, зная, что люди в вертолетах наблюдают за ним (никогда, разве что в мечтах, он не произносил такой проповеди, никогда, причем экспромтом, ни одного заранее обдуманного слова), Курц повернул кепку козырьком назад.

Оуэн видел, как Тони Эдвардс поворачивает кепку козырьком назад, слышал, как Брайсон и Бертинелли расчехляют пулеметы, и понял, что сейчас произойдет. Он мог вскочить в машину и уехать или стоять на дороге, дожидаясь, пока его собьют. Третьего не дано. Курц не дал.

Но было что-то еще, что-то недоброе, из прошлого, из детства, когда ему было... сколько? Восемь? Семь? А может, еще меньше? Он стоял на

газоне их дома, в Падуке, отец все еще на работе, мать куда-то ушла, возможно, в баптистский молельный дом, готовится к бесчисленным благотворительным распродажам пирогов (в отличие от Курца если Ренди Андерхилл возносила хвалу Богу, то делала это искренне), и к крыльцу их соседей Рейплов подкатила «скорая помощь». Никакой сирены, только тревожное мелькание синих огней. Двое мужчин в комбинезонах, очень похожих на тот, в котором был сейчас Оуэн, бегом направились в дом, на ходу разворачивая блестящие носилки. Даже шага не замедлили. Настоящий фокус!

Минут через десять они вновь показались на пороге, с миссис Рейплов на носилках. Глаза ее были закрыты. За ними следовал мистер Рейплов, даже не позаботившийся запереть дверь. Мистер Рейплов, ровесник отца Оуэна, вдруг постарел на сто лет. Еще один волшебный фокус. Пока люди в комбинезонах укладывали его жену в машину, мистер Рейплов повернул голову и заметил Оуэна в коротких штанишках, игравшего в мяч на газоне. «Они сказали, что это удар, — крикнул он. — Больница Святой Марии! Передай маме, Оуэн!» Он взобрался в машину, и «скорая» умчалась. Минут пять после этого Оуэн продолжал играть с мячом, подкидывал и ловил, по между бросками поглядывал на дверь, которую мистер Рейплов оставил открытой. Наверное, нужно бы ее запереть? Мать наверняка бы назвала такой поступок Актом Христианского Милосердия.

Наконец он пересек газон Рейплов. Они были добры к нему. Ничего такого особенного (ничего такого, из-за чего стоит вскакивать ночью и мчаться благодарить, как выражалась мать), но миссис Рейплов часто пекла разные вкусности и никогда не забывала его угостить, не говоря уже о том, что позволяла вылизывать дочиста миски с глазурью и кремом. А мистер Рейплов показал ему, как делать бумажные самолетики, которые и в самом деле летали. И не один, а три вида. Поэтому Рейплов заслуживали милосердия, христианского милосердия, но Оуэн прекрасно знал, что пришел сюда вовсе не из христианского милосердия. От одного христианского милосердия твой динг-донг не твердеет.

Минут пять — а может, и пятнадцать или полчаса, время текло, словно во сне, — Оуэн обходил дом Рейплов, ничего не делая, ни к чему не прикасаясь, но все это время его динг-донг оставался твердым как камень, таким твердым, что пульсировал, словно сердце, и если вы подумали, что это больно, значит, ошиблись — Оуэну было хорошо, и только много лет спустя он сообразил, что означало это молчаливое блуждание по чужому дому: прелюдия, любовная игра. И тот факт, что он ничего не имел против Рейплов, мало того, любил Рейплов, только усиливал остроту ощущений.

Если бы его поймали (а этого так и не случилось) и спросили, зачем он это сделал, Оуэн с чистым сердцем ответил бы, что не знает, и при этом не солгал.

Да он и не натворил ничего особенного. В ванной первого этажа нашел зубную щетку с выдавленным на ней именем «Дик». Диком звали мистера Рейплов. Оуэн попытался было помочиться на щетину, уж очень захотелось почему-то, но динг-донг оставался таким твердым, что не удалось выдавить ни единой капли. Поэтому пришлось вместо этого плюнуть на щетину, старательно втереть слюну и положить щетку обратно в стаканчик. Оказавшись на кухне, он вылил стакан воды на конфорки электроплиты. Потом взял из буфета большое фарфоровое блюдо.

— Они сказали, что это... подарок? — вспоминал Оуэн, поднимая блюдо над головой. — Должно быть, малыш родится, потому он и сказал про подарок.

И вслед за этим швырнул блюдо в угол, где оно разлетелось на тысячу осколков. А потом немедленно смылся. То, что так будоражило его, отчего динг-донг совсем не гнулся, а глаза лезли из орбит, развеялось, как сон, от звона бьющегося фарфора, лопнуло, как гнойник, и не беспокоился так родители за миссис Рейплов, непременно поняли бы, что с ним что-то неладно. А так, возможно, просто предположили, что и он волнуется за миссис Р.

Всю следующую неделю он почти не спал, а редкие тревожные сны были населены кошмарами. В одном из них миссис Рейплов вернулась домой с ребенком, которого подарил аист, только малыш был почерневшим и мертвым. Оуэн сгорал от стыда и угрызений совести (правда, признаться, ему и в голову не приходило, что, во имя Господа, он ответил, спроси его мать, благочестивая баптистка, что на него нашло), и все же на всю жизнь запомнил ощущение безрассудного удовольствия от стояния на коленях со спущенными штанишками, в бесплодной попытке надуть на зубную щетку мистера Рейплова, или неистовое возбуждение, охватившее его в тот момент, когда блюдо разбилось. Будь Оуэн старше, наверняка кончил бы прямо в шорты. Непорочность состояла в бессмысленности поступка, радость — в звоне осколков, прелесть — в возможности упиваться раскаянием за содеянное и страхом разоблачения. Мистер Рейплов сказал, что это подарок, но отец Оуэна, придя домой с работы, объяснил, что сын не так понял, и речь шла об ударе. Что кровяной сосуд в мозгу миссис Рейплов лопнул, поэтому и случился удар.

И вот теперь, похоже, все повторялось.

Может, на этот раз я все-таки кончу, подумал он. Это наверняка

классом куда повыше, чем всего-то помочиться на щетку мистера Рейплой. Забава хоть куда. И повернув собственную кепку козырьком назад, мысленно добавил:

Хотя принцип, в сущности, тот же.

— Оуэн! — Это Курц. — Ты тут, сынок? Если немедленно не ответишь мне, я подумаю, что ты либо не можешь, либо не...

— Босс, я здесь. — Голос ровный. Но перед глазами стоит вспотевший мальчишка с поднятым над головой большим фарфоровым блюдом. — Мальчишки, вы готовы хорошенько отодрать маленькую инопланетную жопу?

Одобрительный рев, в котором едва можно различить «еще бы» и «мы им покажем».

— Что хотите сначала, мальчишки?

«Скуэйд Энтим» и «Стоунзы» хреновы, и немедленно!

— Если кто-то хочет выйти из дела, скажите.

Радио молчало. А в это время на другой частоте, куда Оуэн больше не подумает забрести, серые человечки молят десятками знакомых голосов. Ниже и чуть справа висит маленькая «кайова-ОН-58». Оуэну не нужен бинокль, чтобы разглядеть Курца, кепка которого тоже повернута козырьком назад. Курц наблюдает за ним. На коленях газета, почему-то свернутая треугольником. Шесть лет подряд Оуэн Андерхилл не нуждался еще в одном шансе, и это хорошо, потому что Курц их не раздавал. В душе, наверное, Оуэн всегда понимал это. Позже он об этом подумает. Если придется, конечно. В голове мелькает последняя связная мысль: «Рак — это ты, Курц, ты...» — и умирает от ужаса. На ее месте — полная и абсолютная темнота.

— «Блю-группа», это Блю-Бой-Лидер. Слушайте меня. Открываем огонь с двухсот ярдов. Постарайтесь не попадать в Блю-Бой, но этих мудозвонов нужно вымести начисто. Конк, ставь «Энтим».

Джин Конклин щелкнул переключателем и вставил компакт-диск в плеер, стоящий на полу Блю-Бой-два. Оуэн, выбравшись из водоворота воспоминаний, подался вперед и увеличил звук.

Голос Мика Джаггера ворвался в наушники. Оуэн поднял руку, увидел, как Курц отдает ему салют — то ли в насмешку, то ли всерьез, Оуэн не знал и не хотел знать, — и резко бросил руку вниз. И пока Джаггер выпевал-проговаривал слова «Энтим», гимна, под звуки которого они всегда шли в ад, вертолеты снизились, застыли на миг и ринулись к цели.

Серые человечки — те, что еще остались в живых — жались в тени корабля, лежавшего в конце просеки, по обеим сторонам которой валялись деревья, погубленные его крушением. Человечки не пытались ни бежать, ни скрываться, наоборот, многие выступили вперед, смешно переваливаясь на босых ступнях без пальцев, наверное, мерзнувших в снежной слякоти, кое-где усеянной красновато-золотым мхом. Серые лица подняты к надвигающимся вертолетам, длиннопалые руки воздеты к небу: должно быть, показывают, что руки у них пусты. Огромные черные глаза поблескивают в сереньком свете.

Вертолеты не снизили скорости, хотя в ушах команд по-прежнему звучала последняя передача: «Пожалуйста, пощадите нас, мы беспомощны, мы умираем...» Но бессмысленные мольбы словно стилетом разрезал голос Мика Джаггера: «Позвольте объясниться: я человек богатый, со вкусом и бывалый, укравший много душ и идеалов...»

Вертолеты наступали боевым строем, как оркестр, марширующий по футбольному полю перед матчем «Розовая Чаша»^[40]. Раздались первые пулеметные очереди. Пули тонули в снегу, сбивали мертвые ветви с мертвых деревьев, высекали бледные искры из борта инопланетного корабля.

Впивались в съезжившихся серых человечков, по-прежнему стоявших с поднятыми руками, и раздирали их в клочья. Руки отрывались от подобия тел, из ран сочилась розовая слизь. Головы взрывались, как тыквы, выбрасывая красноватые фонтаны на корабль и еще живых инопланетян, не кровь, а споры проклятого грибка, которыми были забиты эти самые головы, как пластиковые корзинки — мусором. Некоторые, разорванные пополам, так и падали с поднятыми руками. Серые тела тут же белели и, казалось, вскипали.

«Я рядом был, когда Иисус Христос, в сомнении и муке...» — признавался Мик Джаггер.

Последние серые, стоявшие в тени корабля, повернулись, словно пытаясь сбежать, но бежать было некуда. Почти всех убили сразу, оставшиеся четверо забились поглубже в тень и, похоже, возились с чем-то. Ужасное предчувствие пронзило Оуэна.

— Я их достану, — протрещало радио.

Дефорест, в Блю-Бой-четыре, только что не пыхтит от усердия. Не дожидаясь приказа, пилот снизил «Чинук» почти до земли. Винты вихрили

мокрый снег, падавший грязными комками в мутную воду.

— Нет, не разрешаю, отставить, назад, на прежнюю позицию плюс пятьдесят ярдов! — завопил Оуэн, стукнув Тони по плечу.

Тони, лицо которого, даже полускрытое прозрачной маской, осталось вполне узнаваемым, отвел ручку управления, и Блю-Бой-Лидер поднялся к облакам. Даже сквозь музыку — безумные ритмы бонго, вопли припева («Сочувствие дьяволу» не успели прокрутить до конца даже один раз) — Оуэн слышал недовольное ворчание команды. А вот «кайова», как он заметил, уже успела последовать примеру Лидера. Несмотря на все странности мышления и явное умственное расстройство, дураком Курца не назовешь. И интуиция у него безошибочная.

— Ну, босс, — возмущенно начал Дефорест, явно изнемогая от злости.

— Повторяю, повторяю, вернитесь на прежнее место, Блю-группа, вернитесь...

Взрыв вбил его в кресло и швырнул «Чинук» вверх, как детскую игрушку. Рев перекрывали проклятия Тони Эдвардса, сражавшегося с рукоятью управления. Сзади раздавались крики, но хотя почти все были ранены, погиб только Пинки Брайсон, высунувшийся наружу поглядеть, что происходит внизу, — был сбит взрывной волной.

— Понял, понял, понял, — твердил Тони, но, по мнению Оуэна, прошло не менее тридцати секунд, прежде чем до Тони дошло, и каждая секунда казалась часом. В наушниках стих рев Мика Джаггера, что не сулило Конку и мальчикам в Блю-Бой-два ничего хорошего.

Тони сделал разворот, и Оуэн заметил, что лобовое стекло треснуло. Сзади все еще кричали: оказалось, что Маккавано потерял два пальца.

— Охренеть! — пробормотал Тони. — Вы спасли наши задницы, босс. Спасибо.

Но Оуэн не слушал. Он смотрел на корабль, развалившийся на три огромных ломтя. Или больше? Трудно сказать, потому что оттуда летело всякое дерьмо, и воздух сделался красновато-оранжевым. А вот остатки корабля Дефореста разглядеть было легче. Он лежал на боку, в грязи и тине, а вокруг возникали и лопались пузыри. Отломившаяся лопасть плавала в воде, как гигантское весло. Ярдах в пятидесяти валялись черные искореженные винты и метался яростный клубок желто-белого пламени. Это догорали Конклин и Блю-Бой-два.

Из радио донесся тревожный писк. Блейки в Блю-Бой-три.

— Босс, эй, босс, я вижу...

— Третий, это Лидер. Приказываю...

— Лидер, это третий. Вижу уцелевших, повторяю, вижу уцелевших с

Блю-Бой-четыре... не меньше трех, нет, четырех, спускаюсь...

— Запрещаю, Блю-Бой-три, ни в коем случае, поднимайтесь на прежнюю высоту плюс пятьдесят, отставить, сто пятьдесят... один, пять, ноль, и немедленно!

— Но, сэр... то есть босс... я вижу Фридмана, он горит заживо...

— Джо Блейки, слушай меня, — раздался характерный хрип Курца. Курца, успевшего вовремя выскользнуть из красного дерьма. Словно, думал Оуэн, он заранее знал, что случится. — Немедленно уноси отсюда свою задницу, иначе гарантирую, что к следующей неделе станешь выгребать верблюжий навоз в жарком климате, где выпивка запрещена законом. Вон!

Ответа не последовало. Оба уцелевших вертолета поднялись на прежнюю высоту плюс сто пятьдесят ярдов, Оуэн молча наблюдал за яростно вздымавшимися к небу спиралями грибка Рипли, гадая, знал ли Курц или проинтуичил. Интересно, сумели он и Блейки увернуться от заразы? Потому что серые человечки и в самом деле заразны: что бы там ни твердили, этот грибок в самом деле хуже рака. Оуэн не знал, оправдывало ли это массовые убийства, но вполне вероятно, выжившие при взрыве — все равно что ходячие мертвецы. Или, что еще хуже, мутанты, превращающиеся в бог весть что.

— Оуэн! — Это радио.

Тони, подняв брови, взглянул на него.

— Оуэн.

Оуэн, вздохнув, перевел подбородком рычажок на личный канал Курца.

— Я здесь, босс.

Курц сидел в «кайове» с газетой на коленях. На нем и Фредди были маски, как, впрочем, и на всех остальных ребятах из команды. Вероятно, даже те бедняги, что сейчас подышали на сырой земле, тоже не успели их снять. Маски, вполне возможно, были ни к чему, но Курц не имел ни малейшего желания подхватить Рипли. Да и зачем рисковать? Кроме того, босс обязан показывать пример. Что же касается Фредди Джонсона... на Фредди у него свои планы.

— Я здесь, босс, — сказал Андерхилл.

— Хорошая стрельба, прекрасный подъем и непревзойденная

мудрость. Вы спасли немало жизней. Что ж, вернемся туда, откуда начали. В Квадрат Один. Вы поняли?

— Так точно, босс. Понял и ценю.

А если ты веришь этому, значит, еще глупее, чем кажешься, подумал Курц.

10

За спиной Оуэна Кавано все еще поскуливал, но уже тише. Джо Блейки молчал — вероятно, понял опасность, исходившую от прозрачного красно-золотого водоворота, которого им удалось избежать. Или не удалось.

— Все о'кей, солдат? — спросил Курц.

— Несколько раненых, — ответил Оуэн, — но в основном обошлось. Работа для мусорщиков: иначе эту помойку внизу не убрать.

Каркающий смех Курца громом отдался в наушниках Оуэна.

11

— Фредди!

— Да, босс.

— Глаз не спускай с Оуэна Андерхилла.

— Есть, босс.

— Если придется внезапно уходить — нам и «Империзл Вэлли», — Андерхилл останется здесь.

Фредди Джонсон ничего не ответил, только кивнул и поднял вертолет. Хороший парнишка. Знает свое место, не то что другие.

Курц снова повернулся к нему:

— Фредди, возвращаемся в этот богом забытый магазинчик, и не жалея лошадей. Я хочу успеть туда минут на пятнадцать раньше Оуэна и Джо Блейки. Если возможно, двадцать.

— Да, босс.

— И мне нужна надежная спутниковая связь с Шайенном.

— Будет. Сеанс в пять.

— Лучше в три, солдат. Лучше в три.

Курц откинулся на сиденье, разглядывая проплывавшие под ним сосны. Так много деревьев, так много живности и несколько человек —

большинство из них охотники в оранжевых комбинезонах! И меньше чем через неделю — а может, и через семьдесят два часа — все будет мертвым, как горы на Луне. Жаль, но если чего в Мэне полным-полно, так это лесов.

Курц повертел колпак на кончике пальца. Если повезет, он увидит в нем Оуэна Андерхилла, после того как тот перестанет дышать.

— Он просто хотел послушать, не изменилось ли чего, — мягко проговорил Курц.

Фредди Джонсон, понимавший, с какой стороны хлеб маслом намазан, ничего не сказал.

12

На полпути к магазину Госслина, мельком отметив, что вертка «кайова» уже превратилась в крошечную точку, Оуэн случайно посмотрел на правую руку Тони Эдвардса, лежавшую на рычаге управления. Заусенец большого пальца окаймляла тонкая красновато-золотая линия. Оуэн перевел взгляд на свои руки, изучая их так же пристально, как, бывало, сама миссис Янковски на уроках личной гигиены, в те далекие дни, когда Рейплоу были его соседями. Пока еще ничего не проявилось, но на Тони уже клеймо, и, вероятнее всего, Оуэн тоже свое получит.

Андерхиллы были баптистами, и Оуэн знал историю про Каина и Авеля. Кровь брата твоего вопиет ко Мне от земли, сказал Господь, и отослал Каина в землю Нод, к востоку от Эдема. Но прежде чем отпустить его в скитания, Господь поставил на нем клеймо, так, чтобы самые ничтожные жители Нода знали, кто перед ними. И теперь, видя красно-золотую нить на пальце Тони и пытаясь отыскать такую же на собственных ладонях, Оуэн подумал, что знает, какого цвета была Каинова печать.

Глава 11. ПУТЕШЕСТВИЕ ЭГГМЕНА

1

У самоубийства, обнаружил Генри, есть голос, и этот голос пытался объясниться. Проблема состояла в том, что говорил он не по-английски, а то и дело впадал в какой-то бессвязный жаргон. Но это не имело значения: достаточно было попытки разговора. Как только Генри дал слово самоубийству, жизнь его безмерно улучшилась. Выпадали даже ночи, когда он мог уснуть (правда, не слишком часто, но все же), да и дни были не так уж плохи. До сегодняшнего.

«Арктик кэт» управляло тело Джоунси, но сейчас в теле старого друга были чуждые образы и чуждые стремления. Может, внутри еще осталось что-то от Джоунси — Генри по крайней мере на это надеялся, — но если и так, он был сейчас слишком глубоко, слишком маленький и беспомощный, чтобы оказаться полезным. Скоро Джоунси исчезнет окончательно, и, похоже, хорошо, если так.

Генри боялся, что тварь, овладевшая Джоунси, почует его, но снегоход промчался мимо, не снижая скорости. В сторону Пита. А что потом? А потом — куда? Генри не хотел думать, не хотел тревожиться.

Наконец он снова рванул к «Дыре», не потому, что там что-то осталось. Просто больше некуда было деваться. Добравшись до ворот с надписью КЛАРЕНДОН, он выплюнул в руку еще один зуб, глянул на него и отшвырнул. Снегопад закончился, но небо по-прежнему было хмурым, и, похоже, ветер снова усиливался. Кажется, по радио что-то передавали насчет урагана? Генри не мог вспомнить, но какая разница?

Где-то к западу от него прогремел страшный взрыв. Генри тупо посмотрел в ту сторону, но ничего не увидел. Что-то либо обрушилось, либо взлетело на воздух, но по крайней мере почти все терзающие его голоса смолкли. Генри понятия не имел, связаны ли между собой эти два события и стоит ли об этом беспокоиться. Он прошел через открытые ворота, прошагал по утопанному снегу, испещренному следами шин снегохода, и приблизился к дому.

Генератор мерно завывал, дверь была широко распахнута. Генри остановился перед гранитной плитой, служившей крыльцом, и присмотрелся. Сначала ему показалось, что на ней следы крови, но кровь,

высохшая или свежая, не могла иметь такого необычного красно-золотистого оттенка. Скорее выглядит, как некая органическая растительность. Мох или грибок. И что-то еще...

Генри откинул голову, раздул ноздри и осторожно втянул воздух. И тут же в памяти всплыло четкое, хотя и абсурдное воспоминание о поездке на остров Маврикий с бывшей женой, всего месяц назад. Они сидели с Рондой за столом, пили вино, налитое *sommelier*^[41], и он тогда подумал: мы нюхаем вино, собаки обнюхивают анальные отверстия друг друга, и все приходит к одному. Тогда он вдруг увидел лицо отца и струйку молока, стекающую по подбородку. Правда, оно тут же исчезло. Генри улыбнулся Ронде и подумал: какое облегчение знать, что конец все-таки настанет, и хорошо бы, если бы он настал как можно скорее.

По сейчас пахло не вином, а чем-то болотистым, серным. Немного подумав, он понял: так пахло от женщины, устроившей аварию. Вонь ее больных внутренних органов...

Генри ступил на гранитную плиту, сознавая, что последний раз входит в этот дом, чувствуя тяжесть прожитых лет: смех, разговоры, бесчисленные бутылки пива, случайный косячок, турнир обжор в девяносто шестом (а может, в девяносто седьмом), горький запах пороха и крови, означавший начало охотничьего сезона, запах смерти, дружбы и детского восторга.

Он снова принялся. Здесь вонь была сильнее. Что-то химическое — возможно, так казалось потому, что дышать было нечем. Повсюду на полу виднелись следы мохнатой плесени, хотя кое-где проглядывали доски. Однако ковер она заплела так густо, что не было видно узора. Вероятно, плесень любила тепло, но все же скорость роста казалась пугающей. Генри хотел было войти, но передумал, отступил на два шага и очутился в снегу, бессознательно трогая языком дыры, на месте которых еще утром сидели вполне здоровые зубы. Из носа снова поползла струйка крови. Конечно, в ванной есть аптечка, но стоит ли рисковать? Если этот мох выделяет что-то вроде воздушно-капельной инфекции, вроде вирусов Эбола или Ханта, он, возможно, уже спекся, и всякие предосторожности запоздали. Поздно закрывать конюшню, когда лошадь украдена. Но и зря переть на рожон смысла нет.

Генри обошел дом, стараясь ступать в колею, оставленную «арктик кэт».

Дверь в сарай тоже была открыта. И Генри увидел Джоунси, да, ясно как день, Джоунси, замершего на пороге, прежде чем выкатить снегоход, Джоунси, небрежно державшегося за косяк, Джоунси, прислушивавшегося... к чему?

Ни к чему. Ни карканья ворон, ни трескотни сорок, ни перестука дятлов, ни перебранки белок. Только шум ветра, и случайное «плюх» снежного комка, сползающего с ветки сосны или ели. Животные ушли, покинули здешние места, словно спасались от бедствия.

С минуту он стоял, не двигаясь с места, вызывая в памяти картинки всего, что было в сарае. У Пита это вышло бы лучше — закрыл бы глаза, покачал указательным пальцем и сказал бы, где что лежит до последней коробочки с гайками, — но сейчас Генри сможет обойтись и без способностей Пита. Он был здесь только вчера, искал, чем открыть заевшую дверцу кухонного шкафа. А значит, он видел то, что ему сейчас нужно.

Генри сделал несколько быстрых вдохов-выдохов, проветривая легкие, зажал рукой в перчатке нос и рот и вошел. Немного подождал, пока глаза привыкнут к полумраку. Лучше избежать неприятных сюрпризов.

Когда зрение восстановилось, Генри пересек пустое пространство, где прежде стоял снегоход. На полу ничего не было, кроме причудливого рисунка масляных пятен, но на зеленом брезенте, служившем чехлом снегохода и брошенном в угол, уже появились красновато-золотистые дорожки.

Верстак превратился в свалку — коробки с тщательно рассортированными гвоздями и гайками перевернуты, старый мундштук, принадлежавший Ламару Кларендону, валяется на полу разбитый, все ящички выдвинуты и так оставлены. Кто-то, Бивер или Джоунси, пронесся сквозь сарай ураганом, что-то выискивая.

Это был Джоунси.

Да. Генри, возможно, никогда не узнает, как все происходило, но это был Джоунси, он знал, и для него, по-видимому, было крайне важно найти что-то. Интересно, нашел ли он? Наверное, Генри и этого не узнает. Ему самому понадобится то, что висит на гвозде, в дальнем углу комнаты, над грудой банок с красками и пульверизаторов.

Все еще закрывая рукой рот и нос, задерживая дыхание, Генри пробрался к заветному гвоздю, на котором болтались три-четыре респиратора, обычно употреблявшихся при покраске. Эластичные тесемки растянулись, сами респираторы пожелтели. Он схватил сразу все и повернулся как раз вовремя, чтобы заметить какое-то движение за дверью.

Генри сдержал крик, но сердце ушло в пятки, и он вдруг почувствовал, что задыхается. Ничего не видно, наверное, просто игра воображения. Но нет... что-то все-таки там было. Свет проникал сквозь открытую дверь, сквозь грязное оконце, вроде бы все видно, но сейчас Генри в буквальном смысле слова боялся собственной тени.

Он выскочил из сарая в четыре прыжка, стискивая в кулаке респираторы, задерживая дыхание, пока не сделал несколько шагов по заснеженной тропинке, и только тогда позволил себе набрать воздуха в легкие. И тут же согнулся, упершись ладонями в бедра. Перед глазами плясали крохотные черные точки.

С востока донесся отдаленный треск выстрелов. Не ружья: слишком четко и быстро, как перестук пишущей машинки. Автоматы или пулеметы. В мозгу у Генри возникла картина, ясная, как воспоминание о струйке молока, ползущей по подбородку отца, или Барри Ньюмене, рванувшем из его офиса с такой скоростью, словно к пяткам прицепили ракеты. Он увидел оленей и енотов, куропаток и диких собак, кроликов, которых косили сотнями и тысячами в тот момент, когда они пытались покинуть то, что в их представлении было зачумленной зоной. Видение причинило неожиданно острую боль, проникая глубоко к тому месту, что еще не успело умереть и, как выяснилось, только дремало. К месту, так трагически отозвавшемуся на плач Даддитса пронзительной высокой нотой, от которой голова, казалось, вот-вот взорвется.

Генри выпрямился, заметил свежую кровь на перчатке и яростно выругался. Он прикрыл нос и рот, раздобыл респираторы и намеревался надеть не меньше чем пару, когда войдет в «Дыру в стене», но совершенно забыл о ране на бедре, полученной при аварии «скаута». Если грибок и в самом деле распространял инфекцию, значит, его песенка спета. Впрочем, и все предосторожности скорее всего бесполезны.

Генри представил табличку, с которой кричали большие красные буквы:

БИОЛОГИЧЕСКОЕ   ЗАРАЖЕНИЕ!   ПОЖАЛУЙСТА,
ЗАДЕРЖИТЕ ДЫХАНИЕ И ПРИКРОЙТЕ РУКОЙ ЦАРАПИНЫ,
ЕСЛИ ТАКОВЫЕ ИМЕЮТСЯ.

Он невесело усмехнулся и направился к дому. Что ж, так или иначе, он все равно не собирался жить вечно. С востока все доносились и доносились выстрелы.

Снова поднявшись на крыльцо, Генри без особой надежды полез в карман за платком... и не нашел. Вот вам преимущества лесной жизни: мочиться где попало и сморкаться прямо в снег, без всяких платков. Отчего-то именно в возможности вести себя по-дикарски мужчины находили особенное удовольствие. Когда задумаешься о таком, кажется просто неслыханным чудом, что женщины вообще способны любить лучших из них, не говоря уже об остальных.

Он снял пальто, рубашку, белье с подогревом и остался в выцветшей футболке с эмблемой бостонских «Ред сокс» и надписью «ГАРСИА ПАРРА 5» на спине. Генри стащил и ее, свернул лентой и обвязал вокруг вымазанной засохшей кровью дыры на джинсах, снова подумав, что запирает конюшню после того, как лошадь увели. Все же приходится затыкать щели, верно? И не рисковать попусту. Еще существуют основы, на которых держится жизнь. Даже если бег этой жизни вот-вот оборвется.

Он снова натянул одежду на покрытые гусиной кожей плечи и приладил сразу два респиратора. И решил было прикрыть еще двумя уши, но представил, как тесемки перекрещиваются на затылке, словно ремни кобуры, и расхохотался. Что еще? Упрятать под оставшуюся маску глаза?

— Если оно меня достанет, значит, достанет, — сказал он вслух, но тут же напомнил себе, что лишняя осторожность не помешает, лишняя осторожность еще никого не убила, как говаривал старый Ламар.

Даже за то короткое время, что Генри провел в сарае, грибок (или плесень, или что еще там) заполонил дом. Под ним не было видно ковра. На диване, на стойке между кухней и столовой, на табуретках у стойки виднелись красно-золотистые островки. Извилистые капилляры пуха сбегали по ножке стола, словно повторяя след чего-то пролитого, и Генри вспомнил, как собираются муравьи на крупичках рассыпанного сахара. Но самым неприятным была поросшая красно-золотым мхом паутина, свисавшая с потолка над ковром навахо. Несколько секунд Генри сосредоточенно рассматривал ее, прежде чем сообразил, что это — Ловец снов Ламара Кларендона. Генри не думал, что когда-нибудь узнает, что же здесь все-таки произошло, но в одном можно быть уверенным: на этот раз Ловец поймал в свои сети настоящий кошмар.

Надеюсь, ты не собираешься заходить сюда? Особенно теперь, когда увидел, как это быстро растет? Джоунси вроде был в порядке, когда проезжал мимо, но на самом деле это не так, и ты это понимаешь. Успел

почувствовать. Итак... ты ведь не собираешься заходить сюда, верно?

— Собираюсь, — сказал Генри. При каждом слове двойной горб респиратора вздувался и опадал. — Если меня скрутит... что ж, придется покончить с собой... раньше, чем планировалось.

И хохоча, как Стабб в «Моби Дике», Генри шагнул за порог.

4

Колонии грибка за единственным исключением напоминали тонкие ровные коврики и поросшие плесенью кочки. Исключение Генри увидел перед дверью ванной, где горбился настоящий холм, взобравшийся на дверь, опушивший косяки на высоте приблизительно четырех футов. Это неряшливое нагромождение, похоже, появилось на каком-то сероватом, губчатом веществе. Странная губка, тянувшаяся к гостинной, раздваивалась, образуя нечто вроде буквы V, что неприятно напомнило Генри о раскинутых ногах. Словно кто-то умер прямо в дверях ванной, и грибок вырос на трупe.

Генри пришли на память наспех пройденный в колледже курс судебной медицины, толстый учебник с фотографиями, мрачными, зачастую тошнотворными снимками с мест преступлений. Ему долго не давал покоя один: жертву убийства бросили в лесу, но обнаженное тело обнаружили дня через четыре. На затылке, под коленями и между ягодицами успели вырасти поганки.

Четыре дня. Все же четыре дня. Но еще утром в доме не было ни следа этой пакости, а ведь прошло всего...

Генри посмотрел на часы и увидел, что они остановились на без двадцати двенадцать. А вместе с ними и время.

Он повернулся и заглянул за дверь, отчего-то убежденный, что там что-то прячется.

Нет. Ничего, кроме «гаранда» Джоунси, прислоненного к стене.

Генри уже было отвернулся, но тут же сообразил: на ружье нет грибка. Генри схватил «гаранд». Заряжен, поставлен на предохранитель, один патрон в стволе. Генри повесил ружье на плечо и снова вернулся к противному красному вздутию, пузырившемуся у двери ванной. Здесь сильнее ощущалась эфирно-серная вонь, смешанная с чем-то совсем уж омерзительным. Генри медленно пресек комнату, направляясь к ванной, вынуждая себя продвигаться шаг за шагом, боясь (и все больше убеждаясь), что красный горб с серыми придатками в виде раздвинутых ног — это все,

что осталось от его друга Бивера. Еще минута — и он увидит спутанные пряди длинных черных волос Бива или его ботинки «Доктор Мартенс», которые Бивер называл своей «декларацией солидарности с лесбиянками». Почему-то он вбил себе в голову, что «Доктор Мартенс» — некий тайный знак, по которому лесбиянки узнают друг друга, и переубедить его оказалось невозможным. Кроме того, он пребывал в твердой уверенности, что миром правят некие личности, носящие имена Ротшильдов и Гольдфарбов, и вероятнее всего, отдают приказы из глубоко законспирированного бункера, высеченного в скалах Колорадо. Бивер, который всем удивленным восклицаниям предпочитал «трахни меня, Фредди»...

Но как можно с уверенностью сказать, что уродство в Дверях ванной когда-то было Бивом или вообще кем-нибудь? Все это одни домыслы. Силуэт? Но это еще ни о чем не говорит.

В губчатой массе что-то блеснуло, и Генри наклонился поближе, одновременно задаваясь вопросом, не дали ли микроскопические споры грибка всходы на влажных незащищенных глазных яблоках.

Блестящий предмет оказался дверной ручкой. Рядом валялся поросший красновато-золотым пушком рулон изоленты. Генри вспомнил о разгромленном сарае, опрокинутых коробках, выдвинутых ящиках. Может, именно это искал Джоунси? Проклятую изоленту? Что-то в голове — может, очередной щелчок, а может, и нет — подсказало, что так и было. Но зачем? Во имя Господа, зачем?!

За последние пять месяцев мысли о самоубийстве посещали его чаще и оставались все дольше, треща в голове на своем тарабарском наречии. Любопытство и любознательность почти покинули Генри. Зато сейчас любопытство разбушевалось на полную катушку, словно пробудилось страшно голодным и теперь требовало все новой пищи. Но накормить его было нечем. Может, Джоунси хотел наглухо залепить лентой дверь? Да, но от чего он пытался отгородиться? Он и Бив наверняка знали, что это не спасет от грибка, который попросту протянет свои ползучие пальцы под дверь.

Заглянув в дверь, Генри издал странный горловой хрип и отшатнулся. Какое бы безумное непотребство здесь ни творилось, нет никаких сомнений: все началось и закончилось в ванной. Комната превратилась в красную пещеру, голубой кафель почти исчез под мхом. Низ раковины и унитаза тоже не избежали нашествия. Крышка сиденья откинута на бачок, и хотя Генри не мог утверждать наверняка — слишком густо все поросло грибком, ему показалось, что сиденье треснуло и топорщится обломками

внутрь. Душевая занавеска превратилась в некое подобие бархатного театрального занавеса, хотя была сорвана почти со всех колец (с которых, в свою очередь, свисали мохнатые бороды) и лежала в ванной.

Через бортик ванны, тоже поросший бахромой, перекинулась одетая в тяжелый ботинок нога. «Доктор Мартенс». Генри не нужно было даже присматриваться. Похоже, он все-таки нашел Бивера.

Откуда-то нахлынули воспоминания о том дне, когда они спасли Даддитса, такие яркие и живые, словно это было вчера. Бивер в своей потертой кожаной куртке, Бивер с коробкой Даддитса в руках, Бивер с улыбкой, говорящий: «Тебе нравится мультик? Но они никогда одежду не меняют...» И тут же добавляет...

— Трахни меня, Фредди, — крикнул Генри оскверненному дому. — Это он сказал, он всегда так говорил.

Слезы хлынули из глаз, побежали по щекам. Именно та влага, в которой нуждался грибок, и судя по джунглям, выросшим в унитазе, это его любимая среда. Так что сейчас он, кажется, получил благодатную почву.

Но Генри было все равно. Теперь у него есть ружье Джоунси. И если грибку вздумается попировать на его теле, он постарается убраться задолго до того, как настанет время десерта.

Если до этого дойдет.

Возможно, и дойдет.

Он был уверен, что видел в углу сарая остатки старого ковра. Может, стоит вернуться за ними? Бросить на пол в ванной, подойти поближе и заглянуть в ванну. Но к чему? Он знал, что это Бивер, и не имел особого желания видеть старого друга, автора таких изощренных непристойностей, как «поцелуй меня в задницу», поросшего красным грибком, словно тот обескровленный труп в медицинском учебнике, украшенный колониями поганок. Если бы это могло в какой-то мере объяснить случившееся, тогда он, вероятно, решился бы. Но Генри считал такое весьма сомнительным. Пока что больше всего ему хотелось смыться отсюда. От вида грибка мороз шел по коже, но не только это было причиной его страхов. Еще неприятнее было ощущение, что он не один.

Генри отступил от двери ванной. На столе лежала книга в мягкой обложке, на которой танцевали дьяволята с вилами. Должно быть, очередное увлечение Джоунси. Но и дьяволята не отпугнули вездесущий

грибок.

Внезапно Генри сообразил, что с запада доносится мерный гул, быстро превратившийся в сплошной громовой раскат. Вертолеты, и на этот раз не один. Много. Большие. И летят, кажется, совсем низко, на уровне крыши.

Генри невольно пригнул голову. Перед глазами замелькали бесчисленные кадры из фильмов о вьетнамской войне, и в эту минуту он был почти уверен, что они расчехлят пулеметы и польют дом свинцом. Или напалмом.

Туча прошла, не разразившись дождем, но так близко, что задребезжали чашки и тарелки на кухонных полках. Как только шум стал стихать, превратившись в отдаленное жужжание, Генри выпрямился. Может, они летят, чтобы поучаствовать в массовом убийстве животных на восточном конце Джефферсон-тракт? Нужно немедленно уматывать отсюда, и...

И что? Что потом?

Пока он размышлял над этим вопросом, из спальни внизу послышался звук. Вернее, шорох. И все тут же стихло, так надолго, что Генри уже упрекнул себя за чрезмерную живость воображения. Молчание сменилось тихими щелчками, стрекотом, словно где-то завели механическую игрушку: жестяную обезьянку или попугая. Генри поежился. Во рту мгновенно пересохло. Волоски на затылке стали дыбом.

Проваливай отсюда, беги!

Но прежде чем прислушаться к этому голосу, а может, и внять, Генри уже подскочил к двери спальни, снимая на ходу «гаранд». Адреналин бушевал в крови, и мир заиграл яркими красками. Избирательное восприятие, непризнанный скромный дар благополучным и спокойным, куда-то подевалось, и он увидел каждую деталь, каждую мелочь: кровавую дорожку, ведущую из спальни в ванную, отброшенный шлепанец, алчный красный налет в форме отпечатка ладони на стене. Он рванул дверь на себя.

Оно было на кровати. Непонятная тварь, показавшаяся Генри похожей на ласку или хорька с отрезанными ногами и длинным окровавленным хвостом, тащившимся за ней, как послеродовой послед. Ничего подобного он в жизни не видел, разве что у мурены в бостонском океанариуме были такие же неестественно огромные черные глаза. И еще сходство: когда существо распахнуло тонкую щель, заменявшую рот, открылось гнездо страшных, тонких, похожих на длинные стальные иглы клыков. Сзади твари, на пропитанной кровью простыне, лежала сотня или больше оранжево-коричневых яиц размером с бильярдные шары, покрытых мутной зеленоватой слизью — соплями. Внутри каждого то ли плавало, то ли

извивалось нечто вроде волоса.

Хорькоподобная тварь поднялась на хвосте, как змея из корзины заклинателя, и застрекотала. И дернулась на постели, постели Джоунси, но похоже, была не в состоянии двигаться дальше. Блестящие черные глаза загорелись ненавистью. Хвост (правда, Генри посчитал, что это скорее всего хватательное щупальце) нервно бил по простыне, а потом лег на все яйца, до которых мог добраться, словно пытаясь защитить потомство.

Генри вдруг осознал, что монотонно твердит одно и то же слово «нет» голосом беспомощного психопата, до ушей накачанного торазином. Он прижал к плечу приклад, прищурился и поймал в прицел омерзительный клин дергающейся головы рептилии. Она знает, что это. Это она по крайней мере знает, холодно подумал он, спуская курок.

Стрелял он с близкого расстояния, и у твари не было возможности уклониться — то ли она истощила силы, откладывая яйца, то ли на нее плохо действовал холод: в открытую входную дверь задувал ветер. Отдача показалась неестественно громкой, и поднятая голова твари разлетелась брызгами красноватой жидкости, осевшей на стене бурыми потеками. Кровь была того же оттенка, что и грибок. Обезглавленное тело сползло с кровати и плюхнулось в грудку одежды, которую Генри не узнал: коричневая куртка, оранжевый жилет, подвернутые джинсы (в школе носить такие считалось позорным, а тех, кто имел несчастье бросить вызов остальным, называли «деревней»). Несколько яиц скатились с кровати вслед за телом. Некоторые, упавшие на одежду и книги Джоунси, остались целыми, но пара стукнулась об пол и разбилась. Из трещин медленно вытекала мутная, похожая на протухший белок жидкость. Совсем немного, приблизительно чайная ложка из каждого яйца. Внутри изгибались и корчились волоски, злобно пожиравшие Генри черными глазками размером с булавочную головку. При виде них Генри захотелось кричать.

Он повернулся и, пошатываясь, вышел из комнаты. Ноги, казалось, одеревенели и отказывались сгибаться. Он чувствовал себя марионеткой, за ниточки которой дергал кто-то, несомненно, исполненный добрых намерений, но только начавший изучать ремесло.

Генри понятия не имел, куда идет, пока не добрался до кухни и не открыл шкафчик под раковиной.

— Я эггмен, эггмен, я морж! Йо-хо-хо!

Он не пел, а декламировал громким театрально-торжественным тоном, которого до сих пор не числил в своем репертуаре. Голосом бездарного актера девятнадцатого века. Почему-то вдруг представился Эдвин Бут, одетый д'Артаньяном, в шляпе с плюмажем и все такое, декламирующий

лирику Джона Леннона, и Генри издал два отчетливых, коротких, невеселых восклицания:

— Ха-ха!

Что ж, сойдет за смех...

Кажется, у меня едет крыша, подумал он... но это неплохо. Лучше д'Артаньян, декламирующий «Эггмен», чем стена, забрызганная кровью этой твари, обросший грибком «Доктор Мартенс», свисавший с ванны, или, что омерзительнее всего, расколотые яйца, из которых выбираются дергающиеся волосы с глазами. О Господи, эти глаза, злобно пялившиеся на него!

Он отодвинул флакон с жидкостью для мытья посуды, мусорное ведро и нашел, что искал: желтую банку с зажигательной смесью «Спаркс» для жаровни. Неумелый кукольник, в руки которого он попал, вынудил руку Генри конвульсивно задергаться, прежде чем позволил сжать пальцы вокруг банки. Генри отнес ее в гостиную и, проходя мимо камина, схватил с полки коробочку спичек.

— Я — он как вы — он как вы — мы и вы — все до кучи, — объявил он и быстро вернулся в спальню Джоунси, прежде чем насмерть перепуганное существо у него в голове успеет схватиться за ручку управления, повернуть его назад и заставить смыться. Та личность, которая стремилась заставить его мчаться прочь, пока он не потеряет сознания. Или не умрет.

Яйца на постели лопались одно за другим. Дюжины две или больше волос ползали по пропитанной кровью простыне или извивались на подушке Джоунси. Один поднял уродливую шишку головы и рассерженно заверещал на Генри. Звук казался высоким, пронзительным, но едва слышным.

Все еще не позволяя себе помедлить (если он остановится, не найдет в себе сил начать снова, и тогда останется единственный выход в дверь), Генри сделал два шага к изножию кровати. Один волос скользнул по полу навстречу Генри, поднимаясь на хвосте, как сперматозоид под микроскопом. Генри наступил на него, одновременно отвинчивая с банки красный пластиковый колпачок. Потом щедро разбрызгал зажигательную смесь на кровать, стены и пол. Когда жидкость попадала на нитевидных тварей, они издавали жалобные, мяукающие звуки, как новорожденные котята.

— Эггмен, эггмен... морж!

Он наступил на очередной волос и заметил, что третья тварь льнет к правой штанине, удерживаясь на ноге подобием хвоста и пытаясь

прокусить толстую джинсовую ткань пока еще мягкими зубами.

— Эггмен, — пробормотал Генри и соскреб тварь левым ботинком. Когда та попыталась увернуться, он раздавил ее и неожиданно понял, что истекает потом и промок, как под дождем. Если он выйдет в таком виде на холод (а придется выйти, оставаться здесь наверняка нельзя), то схватит воспаление легких.

— Не могу остаться дома, не могу бездельничать! — провозгласил Генри в своей новой напыщенной манере и попытался открыть коробок спичек, но руки дрожали так, что половина просыпалась на пол.

Все больше волосков-червей ползло к нему. Чувствовали, что перед ним враг. Нет, знали.

Генри достал наконец спичку, поднял вверх, уперся большим пальцем в головку. Трюк, которому давным-давно научил его Пит. Для чего и друзья, как не учить тебя всяким забавным штукам, верно? Теперь его очередь устроить своему старому дружку Биверу похороны викингов и заодно избавиться от этих надоедливых гнусных змеек.

— Эггмен!

Он дернул ногтем по головке, и спичка запылала. Запах горящей серы походил на тот, что ударил в ноздри, когда он вступил в домик. Вонь газов грузной тяжеловесной женщины.

— Морж!

Он швырнул спичку к изножию кровати, где валялось скомканное одеяло, пропитанное зажигательной смесью. Несколько мгновений крошечный синий огонек слабо трепетал вокруг маленькой палочки, и Генри показалось, что он вот-вот угаснет, но тут раздался негромкий хлопок, и над одеялом поднялась небольшая корона желтого пламени.

— Йо-хо-хо!

Жадные языки лизнули простыню, окрасив кровь в черное, добрались до массы покрытых слизью яиц, попробовали, нашли их неплохими на вкус. «Бильярдные шары» лопались один за другим под мяуканье погибающих червей. Мутная жидкость вытекала на постель и, попадая в огонь, зловеще шипела.

Генри спиной вперед подался к двери, продолжая разбрызгивать смесь, и добрался до середины ковра навахо, прежде чем банка опустела. Он отбросил ее, зажег вторую спичку и бросил на пол. На этот раз хлопок последовал незамедлительно, и оранжевое пламя взметнулось к потолку. Жар ударил в блестящее от пота лицо Генри, и он ощутил внезапный порыв, сильный и радостный — отшвырнуть респираторы и шагнуть в огонь. Привет, тепло, привет, лето, привет, тьма, старая подруга!

То, что остановило его, было простым и одновременно действенным. Если сейчас отпустить тормоза, это значит неприятное пробуждение всех, до сих пор дремавших эмоций. Пусть он никогда не узнает подробностей того, что произошло здесь, но по крайней мере получит кое-какие ответы от тех, кто управлял вертолетами и стрелял животных. Если, разумеется, его тоже не прикончат.

У самой двери Генри буквально скрутило воспоминание, такое отчетливое, что сердце отозвалось мучительным криком: Бивер на коленях перед Даддитсом, который пытается натянуть кроссовку задом наперед. «Надеть кроссовку, старик?» — спрашивает Бивер, и Даддитс, глядя на него с умильным широкоглазым недоумением, переспрашивает: «Соку?»

Генри снова заплакал.

— Пока, Бив, — прошептал он. — Люблю тебя, парень, всем сердцем.

А потом он вышел на холод.

6

Он пошел к противоположному концу дома, где была сложена поленница дров. Рядом валялся еще один кусок брезента, старый, выцветший, почти белый. Он примерз к земле, и Генри пришлось долго дергать обеими руками за край, прежде чем он оторвался. Под ним оказалась груда снегоступов, коньков, лыж и даже допотопное сверло для лунок.

Глядя на эту непривлекательную кучу давно забытого зимнего хлама, Генри внезапно понял, как ужасно устал... да нет, устал — слишком мягкое определение. Он пробежал десять миль, причем по большей части в быстром темпе. А еще он попал в аварию и нашел тело школьного друга. Похоже, остальные двое тоже навсегда для него потеряны.

Не будь я так помешан на самоубийстве, сейчас наверняка превратился бы в буйнопомешанного, подумал он и рассмеялся. Смеяться — это хорошо, но усталость от этого не проходит. Он должен был выбраться отсюда. Разыскать кого-нибудь из властей и рассказать, что случилось. Правда, они могут все знать, если учитывать стрельбу — наверняка уже все знают, хотя их методы решения проблемы коробили Генри, — но может, еще никто не успел доложить о хорьках. И яйцах. Он, Генри Девлин, расскажет им, кто, кроме него, сделает это лучше? В конце концов именно он — эггмен.

Сыромятная кожа шнуровки снегоступов была так изгрызена мышами, что рвалась от малейшего прикосновения. Однако после тщательного отбора он нашел пару коротких лыж для ходьбы по пересеченной местности, выглядевших так, будто последний раз были в употреблении в году этак пятьдесят четвертом. Крепления заржавели, но когда он отщелкнул их, они легко поддались. Ему даже удалось всунуть в них сапоги.

Из домика доносился легкий треск. Генри прислонил ладонь к стене и ощутил тепло.

Рядом в снегу торчали несколько лыжных палок, заплетенных грязной сеткой паутины. Генри было неприятно касаться ее — слишком свежи были воспоминания об извивающихся тельцах тварей, — но на нем все еще были перчатки. Он смахнул паутину и наспех перебрал палки. В окне, у самой его головы, плясали искры.

Генри все-таки отобрал пару палок, слегка коротковатых для его роста, и, неуклюже орудуя ими, поехал к углу дома. Сейчас он сам себе казался нацистским десантником из фильма Алистера Маклина, с этими старыми лыжами на ногах и ружьем через плечо. Генри оглянулся как раз в тот момент, когда стекло, рядом с которым он стоял, разлетелось с оглушительным звоном, словно кто-то уронил большую фаянсовую миску со второго этажа. Генри сгорбился, чувствуя, как осколки барабанят по куртке. Несколько застряло в волосах. Только сейчас до него дошло, что, провозись он еще немного с лыжами и палками, раскаленное стекло изранило бы все лицо, а возможно, и ослепило бы.

Генри поднял глаза к небу, поднес ладони к щекам, как Эл Джонсон, и крикнул:

— Кто-то там, наверху, любит меня! Аллилуйя!..^[42]

Пламя рвалось в окно, лизало крышу, и Генри услышал, как что-то внутри лопается и звенит. Охотничий домик Ламара Кларендона, построенный еще его отцом сразу после Второй мировой войны, теперь горел радостным пламенем. Конечно же, это был сон.

Генри, держась на почтительном расстоянии, объехал дом, наблюдая, как снопы искр поднимаются из дымохода к нависшим тучам. Где-то на востоке снова трещал пулемет. Потом на западе прогремел взрыв... да что это, во имя Господа? Сплошные загадки. Если он доберется до людей целым и невредимым, возможно, они расскажут.

— Если только и меня не решат сунуть в ягдташ, — сказал он.

Голос прозвучал, как сухое карканье, и он понял, что умирает от жажды. Он нагнулся (с величайшей осторожностью, поскольку много лет

не ходил на лыжах), зачерпнул две пригоршни снега, сунул в рот и дождался, пока снег растает и стечет в горло. Божественно! Генри Девлин, психиатр и автор статьи о Выходе Хемингуэя, мужчина, когда-то бывший мальчиком-девственником, а позже превратившийся в высокого тощего парня, в очках, вечно сползавших на кончик носа, с седеющими волосами, чьи друзья либо погибли, либо сбежали, либо неузнаваемо изменились, так вот, этот мужчина стоял в открытых воротах дома, в который он никогда больше не вернется, стоял на лыжах и ел снег, как мальчишка, пожирающий сахарную вату на представлении цирка «Шрайнеров», стоял и смотрел, как горит последнее на земле место, где ему было хорошо и уютно... хотя бы временами.

Пламя пробивалось сквозь кедровую дранку. Снег на крыше таял, потоки кипящей воды, шипя, устремились в водосточные трубы. Хищные лапы огня кивали в открытую дверь, словно гостеприимные хозяева, торопившие вновь прибывающих гостей поспешить, поспешить, черт возьми, тащите сюда задницы, пока все не превратилось в пепел! Красно-золотая подстилка, устлавшая гранитную плиту, обуглилась, потускнела, стала серой.

— Вот и хорошо, — пробормотал Генри себе под нос. Сам того не сознавая, он ритмически сжимал кулаки на ручках лыжных палок. — Вот и хорошо. Хорошо.

Он постоял еще минут пятнадцать, а когда стало невозможно, повернулся спиной к пламени и отправился тем же путем, каким пришел.

У него не осталось прежнего запала. Один голый расчет. Впереди двадцать миль (22,2, если быть точным, поправил он себя), и если не взять определенный темп, он никогда не доберется. Он старался держаться колеи, проделанной снегоходом, но останавливался на отдых куда чаще, чем по дороге в «Дыру».

Ах, но тогда я был моложе, подумал он с легкой иронией.

Дважды он смотрел на часы, забывая о том, что время на Джефферсон-тракт перестало существовать. Тучи продолжали сгущаться, и определить время на глазок возможным не представлялось. Одно было ясно: день еще тянулся, но далеко ли до вечера? Он не знал. Обычно лучшей подсказкой служил аппетит, но не сегодня. Да и кто бы на его месте сохранил аппетит после того, что ему пришлось увидеть? После той твари на постели

Джоунси, яиц и червей с черными глазками навывкате? После ботинка, свисавшего с бортика ванны? Он чувствовал, что не сможет больше взять в рот ни кусочка, а если и сможет, то в жизни не взглянет без отвращения на что-либо, имеющее хоть малейший оттенок красного. А грибы? Нет, спасибо!

Он вскоре обнаружил, что ходьба на лыжах, по крайней мере таких вот обрубках для пересеченной местности, все равно что езда на велосипеде: раз приобретенные навыки никогда не забываются. Взявшись на первый холм, Генри упал: лыжи выскользнули из-под него. Пришлось пропахать носом снег. Зато он храбро скатился по другому склону, пошатываясь и подпрыгивая на выбоинах, но устоял. И вовремя вспомнил, что лыжи, должно быть, не смазывались с тех пор, как президентом был король арахиса^[43], но если оставаться в примятой ровной колее снегохода, вполне можно добраться до места. А сколько тут звериных следов! Столько он не видывал за все минувшие годы, вместе взятые. Несколько несчастных тварей, очевидно, брели по дороге, но остальные пересекали ее с запада на восток. Дип-кат-роуд лениво тянулась на северо-запад, а запад явно был той стороной света, от которой местные популяции животных старались держаться подальше.

Я отправился в странствие, сказал он себе. Может быть, кто-нибудь когда-нибудь напишет об этом эпическую поэму «Странствие Генри».

— Да, — произнес он вслух. — Время замедлилось, искривилось пространство, все вперед и вперед эггмен шагал.

Он рассмеялся, но смех обернулся надрывным кашлем. Генри съехал к обочине, снова набрал снега и с наслаждением проглотил.

— Вкусно... и полезно, — провозгласил он. — Снег — лучшая замена завтраку и обеду.

Он поднял голову к небу, и это оказалось ошибкой. Перед глазами все поплыло, а голова закружилась так, что он едва не упал. Но приступ прошел так же быстро, как начался. Тучи, казалось, еще больше потемнели. Надвигается снег? Ночь? Или и то, и другое вместе?

Коленки и щиколотки ныли от напряжения, руки, натруженные палками, болели еще больше. Но хуже всего приходилось грудным мышцам. Он уже смирился с мыслью о том, что не попадет в лавку Госслина до темноты, но сейчас, перекачивая во рту комок снега, вдруг понял, что может вообще не добраться.

Он развязал футболку, стянувшую бедро, и ужас сковал его, когда он увидел яркую алую нить на синих джинсах. Сердце заколотилось так сильно, что перед глазами снова заплясали черные точки. Дрожащей рукой

он потянулся к нити.

Что это, по-твоему, ты вытворяешь? — ощерился он. — Собираешься стряхнуть ее, как случайное волоконец?

Именно это он и сделал, потому что ЭТО в самом деле оказалось ниткой, ниткой, вылезшей из футболки с эмблемой «Ред сокс». Он уронил ее и долго смотрел, как она планирует на снег. Потом снова обвязал бедро футболкой. Для человека, который не более четырех часов назад перечислял в уме все виды последнего выбора: веревка и петля, ванна и бритва, мост повыше и неизменно популярный Выход Хемингуэя, известный в некоторых кругах как «Прощай, полицейский», он слишком уж перепугался, правда, на секунду-другую.

Потому что не желаю уйти вот так, сказал он себе. Быть сожранным заживо...

— Поганками с планеты X, — уточнил он.

И эггмен снова пустился в путь.

8

Мир сузился, как всегда бывает, когда силы истощаются, а до конца еще далеко, ой как далеко. Жизнь Генри свелась к четырем простым монотонным движениям: работе палками и лыжами. Боль исчезла, по крайней мере на время, словно он вступил в какую-то иную зону.

Нечто похожее уже происходило раньше, в высшей школе, когда он был центром основной пятерки в баскетбольной команде «Тигры Дерри». Во время решающего полуфинального матча троих из четырех лучших игроков вывели из игры ровно за три минуты до конца третьей четверти. Остаток игры Генри справлялся один, хотя не забросил ни единого мяча, и успевал лишь немного отдышаться во время коротких перерывов. Он выдержал, но к тому времени, когда продребезжал финальный свисток, возвещавший об окончании игры (которую «Тигры» с позором продули), словно плавал в счастливом тумане. На полпути в мужскую раздевалку ноги подкосились и он, по-прежнему глупо улыбаясь, рухнул под смех, одобрительные вопли, свистки и аплодисменты товарищей по команде в пропотевших красных футболках.

Но здесь некому аплодировать или свистеть, только с востока доносится мерный треск-перестук пулеметных очередей, может, немного более замедленный, но по-прежнему мощный.

Но куда более зловещим казалось эхо одиночных выстрелов где-то

вперед. Рядом с магазином Госслина? Трудно сказать.

Он вдруг обнаружил, что поет самую нелюбимую песню «Роллинг Стоунз» — «Сочувствие дьяволу» (Убедитесь, черт возьми, что Пилат, умывши руки, тем скрепил Его судьбу, большое спасибо, вы были чудесными слушателями, спокойной ночи), и заставил себя остановиться, когда понял, что слова песни мешаются с воспоминаниями о Джоунси в больнице, о том Джоунси, каким он был в прошлом марте: не осунувшийся, а какой-то усохший, словно жизненные соки улетучились, а сущность, квинтэссенция вышла наружу, чтобы образовать защитный покров вокруг его пораженного и возмущенного насилом тела. Генри казалось, что Джоунси непременно умрет, и хотя он не умер, теперь Генри понял, что именно тогда стал серьезно подумывать о самоубийстве. К полицейскому архиву его образов — бело-голубое молоко, текущее по отцовскому подбородку, гигантские подрагивающие ягодицы Барри Ньюмена, бегущего к порогу, Ричи Гренадо, сующего собачье дерьмо рыдающему, почти голому Даддиту — прибавилось исхудавшее лицо и запавшие глаза Джоунси, Джоунси, распластанного на мостовой, сбитого машиной, без всякой причины и вины. Джоунси, уже собравшегося в дальнюю дорогу. Врачи утверждали, что состояние его стабильно, но в глазах друга Генри читал близкую кончину. Сочувствие дьяволу? Пожалуйста. Нет ни Бога, ни дьявола, ни сочувствия. Но если ты понял это, значит, дело плохо. Твои дни жизнерадостного энергичного посетителя большого цирка, именуемого «Культура Американа», сочтены.

Он снова услышал собственное пение: «Видать, тебя смущает характер той игры...» — и снова заставил себя замолчать. Но что теперь? Какая-нибудь бессмыслица. Бред, идиотский, но вкусный, так и сочащийся «Культурой Американа». Как насчет хита из репертуарчика «Пойнтерз систерз»? Неплохая идея.

Глядя вниз на шаркающие лыжи и ровные горизонтальные полосы от колес снегохода, он запел, но мелодия скоро превратилась в дребезжащее монотонное нытье. Пот пропитал рубашку насквозь, сочившаяся из носа прозрачная слизь замерзала на верхней губе, но Генри упрямо повторял:

— Я знаю, мы сумеем, я знаю, мы сумеем, я знаю, мы сумеем добиться своего. Да, мы можем-можем, да-да, мы можем, можем...

Лучше. Гораздо лучше. И все эти можем-можем принадлежали к «Культуре Американа», как «форд» — пикап на парковке кегельбана, как распродажа дамского белья в «Пенни»^[44], как мертвая рок-звезда в ванне.

И вот он наконец вернулся в хижину, где оставил Пита и женщину. Пит пропал. Никаких следов.

Ржавая жестяная крыша навеса обвалилась, и Генри поднял ее, заглянул внутрь, желая убедиться, что Пита тут нет. Его действительно не было, но женщина была. Либо смогла доползти сюда, либо ее передвинули с того места, где ее оставил Генри, прежде чем отправиться в «Дыру в стене», и где-то в этом промежутке ее подкосило самое тяжелое осложнение из всех возможных — смерть. Одежду и лицо покрывала та же ржавая плесень, что задушила охотничий домик, но Генри заметил одну интересную особенность: хотя поросль на женщине (особенно в ноздрях и открытом глазу, из которого кудрявились настоящие джунгли) процветала, колонии, окружавшие неровной линией тело сзади, хирели на глазах. Тускнели, становились серыми и дальше не распространялись. Те же, что были впереди, оказались немного в лучшем состоянии: очевидно, от костра все еще исходило тепло, и почва, на которую упали споры, была очищена от снега, но самые кончики прядей уже приобретали оттенок вулканического пепла. Генри был совершенно уверен, что грибок погибает.

День тоже клонится к закату: теперь в этом не оставалось сомнений. Генри уронил проржавевший лист жести на тело Бекки Шу и тлеющие уголья, снова поглядел на колеи, оставленные снегоходом, страстно жалея, как и тогда, у «Дыры», что рядом нет какого-нибудь Натти Бампо^[45], способного читать по следам, как по книге. Или хотя бы доброго друга Джоунси, Эркюля Пуаро, с его маленькими серыми клеточками.

Следы сворачивали к разрушенной хижине, прежде чем снова протянуться на северо-запад, к Госслину. Тут же на снегу виднелся отчетливый отпечаток человеческого тела. По обе стороны темнели круглые впадины.

— Ну, что скажешь, Эркюль? — спросил Генри. — Что все это значит, mon ami?^[46]

Но Эркюль не ответил.

Генри снова замурлыкал себе под нос и нагнулся ближе к впадине, не замечая, что отрекся от «Пойнтерз систерз» и переключился на «Роллинг Стоунз». Света оказалось достаточно, чтобы разглядеть три ямочки слева от отпечатка тела, и он вспомнил заплатку на левом рукаве куртки Пита. Как-то Пит со странной гордостью похвастался, будто его подружка пришила заплатку, объявив, что не допустит, чтобы он отправился на охоту

в рванье. Тогда Генри подумал, как это смешно и грустно, что Пит построил светлые мечты о счастливом будущем на зыбком песке простого акта доброты... акта, имевшего куда больше отношения к среде, в которой воспитывалась вышеуказанная дама, чем к ее чувствам к пропитанному пивом дружку.

Правда, какое это имеет значение? Главное, что теперь Генри наконец-то смог прийти к кое-каким верным выводам. Пит выбрался из-под обрушенной крыши... Джоунси... или то, что сидело в Джоунси, то самое облако, — ехал мимо, свернул к останкам хижины и увез Пита.

Почему?

Генри не знал.

Не все пятна в снеговом силуэте его измученного друга, выбравшегося из-под обвала на локтях и здоровой ноге, были колониями грибка. Некоторые оказались засохшей кровью. Пит ранен. Порезался, когда обвалилась крыша? И только?

Но тут Генри заметил извилистый след, ведущий прочь от углубления, в котором лежало тело Пита. В самом конце виднелось то, что он сначала принял за обгорелую ветку. Но при ближайшем рассмотрении изменил свое мнение. Это оказалась еще одна тварь, мертвая и обугленная, посеревшая в тех местах, куда не добрался огонь. Генри отбросил ее носком сапога. Под ней оказалась небольшая смерзшаяся кучка. Яйца. Должно быть, даже подыхая, она продолжала откладывать яйца.

Генри, содрогаясь, засыпал снегом и яйца, и труп маленького чудовища. Потом снова развернул импровизированную повязку, чтобы взглянуть на рану, и тут сообразил, какая именно песня рвется из горла. И плотно сжал губы. Вокруг снова струился снежок, легкий и безобидный.

Почему я пою это? — спросил он себя. Почему никак не могу отделаться от этой долбаной песни?

Ответа он не ожидал: просто становилось легче от звучания собственного голоса (это обитель смерти, а может, и населенная призраками), но совершенно неожиданно ответ громом отдался в мозгу:

Круза?

Он правильно расслышал? Как Том Круз? Может, не совсем так.

Пальба на востоке стихала. Бойня завершалась. А те мужчины, что беспощадно давили на гашетки пулеметов, охотники в зеленом или черном вместо оранжевого, слушавшие эту песню все то время, пока выполняли свою работу, добавляя цифры к чудовищному счету мясника:

«Мчался я на танке, в генеральском ранге, когда блицкриг ярился и смердели трупы... Рад знакомству, господа, и надеюсь, мое имя вам

известно...»

Да что все-таки творится? Не в диком, буйном, чудесном сумасшедшем Внешнем Мире, а в его собственной голове? Подчас у него бывали вспышки понимания своей жизни, жизни со времени Даддитса, но ничего подобного еще не случилось.

Что это?

Неужели настало время поближе присмотреться к новому и мощному способу видения линии?

Нет. Нет, нет, нет.

И в голове прокатилось издевательское эхо:

...генеральском ранге... смердели трупы...

— Даддитс! — крикнул он в сереющую сырую пустоту.

Ленивые хлопья кружились, как перья из порванной подушки. Какая-то мысль пробивалась наружу, но уж слишком она была огромна. Необъятна.

— Даддитс!!! — воскликнул он театральным голосом эггмена.

И одну вещь ему разрешили понять: роскошь самоубийства отныне недоступна. И это было ужаснее всего, потому что безумные мысли — по именам я знаю тех, кто Кеннеди убирал — разрывали мозг. Он снова всхлипнул: сбитый с толку, испуганный, затерянный в лесу. Все друзья, кроме Джоунси, мертвы. А Джоунси в больнице. Кинозвезда в больнице с мистером Греем.

— Что это значит? — простонал Генри, прижимая ладони к вискам (голова, казалось, распухает на глазах, раздувается, как гигантский арбуз), и старые ржавые палки беспомощно трепыхались на петлях, словно сломанные лопасти пропеллера. — О Господи, что все это ЗНАЧИТ?!

Только песня донеслась в ответ:

Рад знакомству, господа, и надеюсь, мое имя вам известно...

Только снег, красный от крови животных, валявшихся повсюду — Дахау оленей и енотов, хорьков и кроликов, медведей и сурков, и...

Генри взвыл, сжал голову так громко и отчаянно, что, кажется, на миг потерял сознание. Но дурнота прошла и рассудок вроде бы прояснился. Остался лишь невероятно яркий образ Даддитса, каким он был, когда они впервые встретились, Даддитс не в ледяном блеске блицкрига, как в песне «Стоунз», а в неярком теплом свете облачного октябрьского дня. Даддитс, глядевшего на них раскосыми, китайскими глазами, в которых, как ни странно, светилась некая мудрость.

«Даддитс был нашим звездным часом», — сказал он Питиу.

— Соку? — вслух спросил Генри. — Какую соку? Да, соку. Переверни

ее, надень правильно, надень соку.

Слабо улыбаясь (хотя щеки все еще были мокры от слез, начинавших замерзать мутными каплями), Генри снова повернул к смятому снежному следу, оставленному снегоходом.

10

Десять минут спустя он набрел на останки перевернутого «скаута» и неожиданно осознал, что все-таки ужасно голоден и что в машине должна остаться еда. Он увидел следы, ведущие к машине и от нее. Не понадобился никакой Натти Бампо, чтобы сообразить: Пит бросил женщину и вернулся к «скауту». И не нужно было никакого Эркюля Пуаро, чтобы понять: еда, купленная в магазине, по крайней мере большая ее часть, все еще здесь. Генри знал, за чем приходил Пит.

Он объехал машину по следам Пита и, уже отстегивая крепления, вдруг застыл. Эта сторона была защищена от ветра, и все, написанное Питом, пока тот сидел в снегу с бутылкой пива, сохранилось.

ДАДДИТС, ДАДДИТС, ДАДДИТС...

Снова и снова.

Глядя на имя в снегу, Генри поежился. Все равно что прийти на могилу того, кого любил, и услышать голос, доносящийся из земли.

11

Внутри валялись осколки стекла. Повсюду следы крови, и поскольку большинство было на заднем сиденье, Генри посчитал, что Пит порезался не во время аварии, а позже, когда вернулся сюда. Что всего интереснее, здесь совсем не наблюдалось красновато-золотистой плесени. Росла она достаточно быстро, а это значит, что Пит не был заражен, когда отправился за пивом. Может, позже, но не тогда.

Генри захватил хлеб, арахисовое масло, молоко и пакет апельсинового сока. Потом выбрался наружу, сел, прислонился к кузову и, наблюдая, как сыплются сверху пригоршни снега, быстро сжевал хлеб, намазывая на него масло указательным пальцем, а после облизывая его дочиста. Масло оказалось свежим, сок — вкусным, но этого было явно недостаточно.

— То, о чем ты думаешь, — наставительно объявил он, — чудовищно. Не говоря уже о том, что оно красное. Красная еда.

Красная или нет, он все равно думал об этом, и постепенно стало чудиться, что чудовищного тут ничего и нет, в конце концов недаром он целыми ночами думал о ружьях, веревках и бритвах. Сейчас все это казалось несколько детским и мальчишеским, но таков уж он, и ничего тут не поделать. Итак...

— Итак, леди и джентльмены, уважаемые члены Американской ассоциации психиатров, позвольте закончить речь цитатой покойного Джозефа «Бивера» Кларендона: «Подними руку, опусти, скажи «хрен с ним» и брось десятицентовик в кружку Армии спасения. А если тебе это не нравится, можешь пососать мой хрен». Спасибо за внимание.

Разделавшись таким образом с Американской ассоциацией психиатров, Генри снова пробрался в «скаут», на этот раз успешно минуя осколки, и добыл пакет, завернутый в плотную бумагу (на свертке дрожащей рукой старика Госслина выведено: \$2,79. Сунул пакет в карман, вылез наружу и разорвал бечевку. Внутри лежало девять толстеньких сосисок. Красного цвета.

На секунду разум взбунтовался, напоминая о безногой рептилии, извивавшейся на кровати Джоунси и глядевшей на Генри пустыми черными бусинами, но он прогнал крамольные мысли с поспешностью и легкостью того, чьи инстинкты выживания никогда не подводили.

Сосиски были уже сварены, но он тем не менее подогрел их на пламени зажигалки, потом завернул в хлеб и мгновенно слопал. И улыбнулся, представив, каким идиотом, должно быть, выглядит со стороны. Что ж, разве не существует твердого убеждения, что психиатры рано или поздно заражаются безумием от своих пациентов и слетают с катушек?

Но главное сейчас — набитый желудок. Наконец-то наелся! Немаловажно и то, что все бессвязные мысли и разрозненные образы наконец-то убрались. Вместе с песней. Хоть бы все это дерьмо не вернулось! Пожалуйста, Господи!

Он глотнул молока, рыгнул, откинул голову на бензобак и закрыл глаза. Нет, спать он не собирался: леса, конечно, тут чудесные, темные и густые, а впереди еще двенадцать с половиной миль, прежде чем он сможет с чистой совестью задремать.

Но тут Генри вспомнил, как Пит передавал слышанные у Госслина сплетни: пропавшие охотники, огни в небе, и как Великий Американский Психиатр ничтоже сумняшеся отмахнулся, распространяясь об истерии сатанизма в штате Вашингтон и волне так называемых издевательств над детьми в Делавэре. Выставлялся гением, разыгрывал мистера Шринка-Хитрый-Зад, трепал языком, репетируя в глубинах сознания сцену

собственного самоубийства, как ребенок забавляется в ванночке пальчиками ножек. И при этом ораторствовал крайне убедительно, хоть сейчас на ток-шоу, зрители, которого желают провести шестьдесят минут на грани подсознательного и непознанного. Но через несколько часов все изменилось. Теперь одним из пропавших охотников стал он сам. Тем, кого не найти в Интернете с помощью любой, самой мощной поисковой системы.

Он сидел, запрокинув голову, закрыв глаза, с набитым желудком. «Гаранд» Джоунси прислонен к шине. Снег ласковыми кошачьими лапками касался его щек и лба.

— Это то, чего ждали все сволочи и жлобы: близкие контакты третьего рода. Прости, что посмеялся над тобой, Пит. Ты был прав. А я ошибался. Да нет, дьявол, все куда хуже. Старик Госслин был прав, а я — нет, — сказал он. — Вот тебе и гарвардское образование!

И как только он произнес это вслух, все стало на свои места. Что-то либо приземлилось, либо разбилось. И теперь правительство США отвечает на вторжение. Пулеметным огнем. Сказали ли миру правду? Объяснили, что случилось? Вероятнее всего, нет. Не в их это стиле, но Генри почему-то казалось, что сказать придется, и довольно скоро. Нельзя загнать весь Джефферсон-тракт в Ангар 57.

Знает ли он что-то еще? Возможно — и возможно, он знает чуть больше, чем пилоты вертолетов и расстрельная команда. Они явно считали, что имеют дело с инфекцией, но Генри не думал, что все так опасно, как кажется. Грибок приживался, процветал... и умирал. Даже паразит, сидевший в женщине, сдох. Инопланетяне выбрали крайне неподходящее время года и место, чтобы культивировать межзвездную растительность и утвердиться на новой планете, если все происходило именно так. И это решительно говорило в пользу крушения... да, но огни в небе? А имплантаты? Много лет подряд люди, заявлявшие, что стали жертвами похищения инопланетян, твердили в один голос, что их раздевали... осматривали... вынуждали подвергаться насильственному имплантированию... настолько фрейдистские идеи, что просто смехотворно...

Генри сообразил, что клюет носом, и вскинул голову так резко, что развернутый пакет с сосисками соскользнул с колен в снег. Нет, не клюет носом, попросту дремлет. Дневной свет почти померк, и мир приобрел уныло-асфальтовый оттенок. Джинсы были засыпаны снегом. Еще немного, и он начал бы похрапывать.

Он отряхнулся, встал, морщась от боли в протестующих мышцах, и с

чем-то вроде отвращения уставился на рассыпанные сосиски. Но все же нагнулся, завернул их понадежнее и сунул в карман куртки. Возможно, позже он изменит свое отношение к ним. Он искренне надеялся, что этого не произойдет, но кто знает?

— Джоунси в больнице, — резко бросил он. Что он под этим подразумевает, непонятно. — Джоунси в больнице с мистером Греем. И там останется. Блок интенсивной терапии.

Безумие. Полное безумие. Он снова надел лыжи, молясь, чтобы позвоночник не треснул при очередном наклоне, и в очередной раз оттолкнулся палками. Сумерки надвигались с поразительной быстротой, кругом клубился снег.

К тому времени, как Генри осенило, что, вспомнив о хот-догах, он забыл о ружье Джоунси, возвращаться было поздно: слишком далеко он успел уйти.

12

Где-то три четверти часа спустя, а может, и больше, он замер, тупо уставясь на след «арктик кэт», едва различимый в полутьме. Но даже при том жалком, все еще упрямо державшемся свете Генри смог различить, что колея, вернее, все, что от нее осталось, резко сворачивает вправо и уходит в лес. Какого хера Джоунси вдруг (и Пит, если с ним был Пит) поперся в лес? Какой в этом смысл, если Дип-кат — прямая, отчетливо различимая белая просека между темнеющими деревьями?

— Дип-кат идет на северо-запад, — сказал он, рассеянно помахивая палкой. — Дорога к Госслину, асфальтовая, проходит не больше чем в трех милях отсюда, и Джоунси об этом знает. И Пит тоже. И все же... снегоход... уходит... — Он поднял руки, мысленно определяя направление. — Уходит... почти прямо на север. Почему?

Но, может, это не лишено смысла? Небо на северо-западе светлее, словно там установлены мощные прожекторы. А над головой непрерывно трещат вертолеты. Шум нарастает и исчезает, но неизменно в одном направлении. Подойдя ближе, он наверняка услышит шум других машин: грузовиков, может быть, генераторов. К востоку все еще раздавались одиночные выстрелы, но главное действие наверняка разворачивалось в том направлении, куда он стремится.

— Они устроили базу у Госслина! — сказал Генри. — А Джоунси старается обойти ее стороной.

Похоже, он снова попал в точку! Только... ведь Джоунси больше нет! Только облако с черно-красной подкладкой.

— Не правда! — произнес он. — Джоунси все еще там. В больнице с мистером Греем. Это облако... оно и есть мистер Грей. — И сам не зная почему, добавил: — Соку? Деть соку?

Снег стал гуще: не настолько, как днем, но все же не собирался утихать. Генри уставился в небо, словно верил, что где-то там, наверху, есть Бог, изучающий его с искренним, хотя и несколько отстраненным интересом ученого, рассматривающего под микроскопом бактерию.

— Какого хрена я все это несу? Может мне кто-то сказать?

Ответа, разумеется, он не дождался, зато некое странное воспоминание заставило его вздрогнуть. С прошлого марта он, Пит, Бивер и жена Джоунси, Карла, свято хранили один секрет. Карла считала, что Джоунси лучше не знать о том, как его сердце дважды останавливалось: один раз после того, как его положили в машину «скорой», второй — сразу после того, как его привезли в больницу. Джоунси знал, что был близок к окончательному уходу, но понятия не имел (по крайней мере по мнению Генри) насколько. А если Джоунси и видел, как утверждает Моуди, свет в конце тоннеля, то либо не хотел рассказывать, либо все забыл из-за огромных доз анестетиков и обезболивающих.

С востока неся нарастающий рев, и Генри пригнулся, закрыв уши руками, словно пытаясь спастись от того, что показалось ему целой эскадрилей реактивных истребителей, пробивающих облака. Правда, он ничего не увидел, но когда рокот двигателей стих, он выпрямился и прижал руку к колотившемуся сердцу. Ну и ну! Иисусе! Должно быть, такой же грохот стоял на авиабазах, окруживших Ирак перед операцией «Буря в пустыне».

Ну и шумиха! Ну и ажиотаж! Означает ли это, что Соединенные Штаты Америки только что вступили в войну с существами с другой планеты? Может, он оказался в романе Герберта Уэллса? Генри почувствовал беспомощное трепыхание в левой стороне грудины. Если так, по-видимому, у врага имеется для Дядюшки Сэмми кое-что получше, чем несколько сотен ржавых советских жестянок, именуемых ракетами.

Да пусть их. Что тут поделаешь? Думай о себе. Что теперь делать, вот в чем вопрос. Что делать?

Вой моторов перешел в отдаленное бормотание. Но они наверняка вернутся. А может, и с друзьями.

«В лесу снега и две тропинки»^[47], кажется, так поется? Но о том, чтобы идти по следам снегохода, не может быть и речи. В темноте Генри

потеряет их ровно через полчаса, если колею раньше не заметет снегом. И будет он бродить по лесу... как, вероятно, бродит сейчас Джоунси.

Генри со вздохом отвернулся от узких, вдавленных в снег полосок, и заскользил по дороге.

13

К тому времени, как он подошел к развилке, от которой отходило двухрядное шоссе, именуемое Суонни-понд-роуд, ноги отказывались служить. Генри казалось, что больше он шагу не сможет сделать. Мышцы бедер были словно разбухшие чайные пакетики. Не утешали даже огни на северо-западе и шум моторов и вертолетов. Впереди виднелся последний, крутой, высокий холм. На другом склоне кончалась Дип-кат и начиналась Суонни-понд. Там наверняка движение оживленнее, и он может встретить людей, особенно если в район Джефферсон-тракт вводятся войска.

— Ну же, — сказал он, — ну же, ну же, ну же.

Но не тронулся места. Не хотел подниматься на этот холм.

— Лучше под горку, чем в горку, — выдохнул он.

Возможно, это означало что-то. Или очередная идиотская бессмыслица. Кроме того, идти все равно некуда.

Он нагнулся, подцепил ладонью снег: в темноте полные пригоршни казались пушистой подушкой, и набрал полный рот, не потому, что хотел пить, просто тянул время. Огни, сиявшие в направлении магазина Госслина, куда ближе и понятнее, чем те, плясавшие в небе. («Они вернулись!» — вопила Бекки, как маленькая девочка, сидящая перед телевизором, где в который раз идет старый фильм Стивена Спилберга.) Но почему-то нравились Генри куда меньше небесных. Все эти моторы и генераторы... рычали, как голодные звери.

— Это уж точно, кролик, — сказал он.

А потом, поскольку выбора действительно не было, стал карабкаться на последнее препятствие между ним и настоящей дорогой.

14

Он остановился на вершине, переводя дыхание. Здесь ветер разгулялся по-настоящему и бесцеремонно проникал сквозь одежду. Левая раненая нога болезненно пульсировала, и он снова задался вопросом, уж не успела

ли вырасти под импровизированной повязкой небольшая уютная колония красно-золотистой плесени. Слишком темно, чтобы посмотреть, что, может, и к лучшему. Отсутствие новостей — хорошие новости.

— Время замедлилось, искривилось пространство, все вперед и вперед эггмен шагал.

Проверить все равно не было возможности, поэтому он начал спуск к развилке, где кончалась Дип-кат-роуд.

Этот склон оказался круче, и скоро он только что кубарем не летел. Набирал скорость, не зная, что испытывает: ужас, подъем духа или некую нездоровую смесь столь несхожих эмоций. Правда, он мчался слишком быстро, особенно при почти нулевой видимости, а бывшие навыки слаломиста так же заржавели, как те крепления, на которых держались лыжи. По обе стороны тянулись размытые полосы деревьев, и до Генри внезапно дошло, что все его проблемы можно разрешить одним махом. И это, как оказалось, не Выход Хэмингуэя. Скорее уж Выход Боно.

Ветер сдул с головы кепку. Он машинально потянулся за ней, вытащив палку из снега, и тут же поскользнулся. Черт, не хватало еще грохнуться. Но, может, это к лучшему, если, конечно, он не сломает ногу. Падение остановит его. Он встанет и...

В глаза ударил ослепительный свет, свет фар огромного грузовика, и прежде чем на несколько минут ослепнуть, Генри успел увидеть то, что показалось ему грузовой платформой для перевозки целлюлозы, стоящей в самом конце Дип-кат-роуд. В машине, должно быть, находились объемные датчики, улавливающие каждое постороннее движение. Впереди вытянулся строй вооруженных людей.

— СТОЯТЬ! — прогремел ужасающий механический голос, принадлежавший, должно быть, самому Богу. — СТОЯТЬ ИЛИ ОТКРОЕМ ОГОНЬ!

Генри, неловко повернувшись, с размаху сел на снег. Лыжи слетели с ног. Щиколотка подвернулась так сильно, что он вскрикнул от боли. Одну палку он потерял, вторая сломалась посередине. От удара воздух вышибло из легких большим морозным облаком. Генри пропахал снег собственной задницей и замер в самой неудобной позе. Беспомощные ноги изогнулись неким подобием свастики.

Зрение постепенно стало возвращаться, и, услышав скрип снега под сапогами, Генри кое-как умудрился сесть. Еще будет время понять, отделался он легко или все-таки умудрился что-то сломать.

У подножия холма стояли шестеро. Их неправдоподобно длинные тени пролегли на сверкающем бриллиантами снегу. На всех парки, рот и нос

прикрывают прозрачные пластиковые маски, куда более надежные, чем старые респираторы Генри, но назначение, вероятно, то же самое. У всех автоматы. Все нацелены на него. Хорошо еще, что он оставил «гаранд» Джоунси и свой винчестер у «скаута». При виде вооруженного человека эти не задумались бы проделать в нем дюжину дырок.

— Не понял, — прохрипел он. — Вы зря волнуетесь, я не думаю...

— ВСТАТЬ!

Опять глас Божий. Исходит от грузовика. Люди, стоявшие перед ним, загорали свет, и Генри сумел разглядеть еще несколько человек у самой развилки. Все вооружены, за исключением одного, с мегафоном.

— Не знаю, могу ли я...

— НЕМЕДЛЕННО ВСТАТЬ! — скомандовал Бог, и один из стоящих перед ним выразительно дернул дулом автомата.

Генри, шатаясь, поднялся. Ноги тряслись, щиколотка горела огнем, но все остальное, похоже, было цело.

Вот и конец странствий эггмена, подумал он и зашелся смехом. Мужчины смущенно переглянулись, и хотя так и не опустили автоматов, Генри стало легче на душе, даже от этого более чем скромного проявления человеческих эмоций.

В сверкающих огнях прожекторов, укрепленных на грузовой платформе, Генри вдруг заметил что-то темное на снегу. Выпавшее из его кармана при падении. Медленно, зная, что в любую минуту может получить пулю, Генри нагнулся.

— НЕ СМЕТЬ ДОТРАГИВАТЬСЯ! — возопил Бог из громкоговорителя, и солдаты мгновенно взяли автоматы на изготовку: привет, темнота, старая подружка, глазающая из каждого дула.

— Сожри дерьмо и сдохни, — огрызнулся Генри — одно из лучших изречений Бивера — и, подняв пакет, с улыбкой протянул вооруженным людям в масках: — Мир вам. Кто хочет сосиску?

Глава 12. ДЖОУНСИ В БОЛЬНИЦЕ

1

Это был сон.

И хотя таковым не казался, все же должен был быть сном. Хотя бы потому, что он уже однажды прошел через пятнадцатое марта, и казалось чудовищной несправедливостью вынести все это еще раз. Кроме того, он достаточно хорошо помнил события последних восьми месяцев между серединой марта и серединой ноября: дети с их уроками, бесконечные телефонные беседы Карлы с друзьями (в основном сидящими на той же программе Анонимных Наркоманов), лекции в Гарварде и нудные сеансы физиотерапии, разумеется. Все эти чертовы приседания-наклоны, вопли боли, когда протестующие связки снова растягиваются, о, как же все это надоело. Он твердит физиотерапевту Джоанне Морин, что больше не может. Она его и слушать не желает. Слезы на его щеках, широкая улыбка на ее лице (ах эта ненавистная нестираемая улыбка королевы бала), но в конце концов она побеждает и оказывается права. Он действительно смог, этот маленький моторчик, заряженный волей, но, Господи, какую же цену пришлось за это заплатить!

Он помнил все это и больше: как впервые встал с постели, впервые самостоятельно подтер зад, ту ночь в начале мая, когда лег спать, впервые подумав: кажется, я выкарабкаюсь, ночь в конце мая, когда они с Карлой занимались любовью в первый раз после несчастного случая, и после он рассказал ей старый анекдот: «Как трахаются дикобразы?» — «Очень осторожно».

Он помнил, как смотрел фейерверк в День поминовения, и бедро с ногой болели, как последняя сволочь; как ел арбуз Четвертого июля, плюясь семечками в траву и наблюдая за Карлой и ее сестрами, игравшими в бадминтон: бедро и нога ныли, но не так отчаянно; как Генри позвонил в сентябре («Проверка связи», — сказал он) и болтал о чем угодно, включая ежегодную охоту в ноябре. «Конечно, я поеду», — заверил Джоунси, не подозревая тогда, как неприятна ему будет тяжесть «гаранда» в руках. Они поболтали о работе (последние три недели второго семестра Джоунси читал лекции, довольно ловко перемещаясь на костылях), о семьях, о прочитанных книгах и просмотренных фильмах; Генри, как и в январе,

пожаловался, что Пит слишком много пьет, Джоунси, находившийся в состоянии непрерывной войны с женой по тому же поводу, не захотел говорить на эту тему, но когда Генри упомянул о предложении Бивера на обратном пути остановиться в Дерри и повидать Даддитса Кэвелла, немедленно согласился. Слишком давно они не были вместе, а лучшего лекарства от хандры, чем инъекция Даддитса, трудно придумать. Кроме того... «Генри, — спросил он тогда, — мы ведь собирались к Даддитсу, верно? В день Святого Патрика. Сам я не помню, но в календаре записано». «Верно, — ответил Генри, — собирались». «Вот и говори об ирландской удаче, а?»

Перебрав все это в памяти, Джоунси окончательно уверился, что в его жизни пятнадцатое марта уже было. Доказательств тому предостаточно: взять хотя бы календарь в кабинете. Однако они настали снова, эти трагические иды, и теперь, теперь... как обидно... похоже, это пятнадцатое куда страшнее, чем то, прежнее.

Раньше воспоминания об этом дне меркли где-то около десяти утра. Он сидел в кабинете, пил кофе и складывал книги, собираясь спуститься в библиотеку исторического факультета, где на специальном столе оставлялась пожертвованная студентам литература. Он был расстроен, хотя даже ради спасения жизни не мог бы объяснить почему. Согласно тому же календарю, на котором он небрежно записал дату поездки к Даддитсу, у него в тот день была беседа со студентом по имени Дэвид Дефаньяк. Трудно сказать, каков был предмет этой самой беседы, но один из аспирантов сообщил о сданном Дефаньяком эссе на тему немедленных результатов норманнского завоевания: очевидно, разговор шел именно об этом. Но все же, что такого в обычной встрече преподавателя со студентом так расстроило адъюнкт-профессора Гэри Джоунса?

Но даже плохое настроение не помешало ему мурлыкать себе под нос, мурлыкать какую-то бессмыслицу: «Мы можем-можем, да-да, мы можем, можем, Господь небесный, можем...» А потом... потом какие-то обрывки: пожелание Колин, секретарю факультета, счастливого дня Святого Пэдди, покупка «Бостон феникс» в газетном ларьке у здания университета, четвертак, брошенный в футляр от саксофона какого-то «скинхеда» на мосту со стороны Кембриджа, ощущение жалости к бритоголовому парню, мерзнувшему на ветру в легоньком свитерке, но связные воспоминания обрывались стопкой книг, книг, которые он собирался подарить. Сознание вернулось к нему в больнице вместе с монотонным голосом из соседней палаты:

Пожалуйста, прекратите, я этого не вынесу, сделайте мне укол, где

Марси, хочу Марси.

А может, это было: где Джоунси, хочу Джоунси? Крадущаяся старушка-смерть... Смерть, притворившаяся пациентом. Смерть потеряла его след, да, это возможно, притом что на каждой койке огромного госпиталя стонут от боли, источая муку из всех пор, и теперь старушка-смерть подползает незаметно, пытаясь снова отыскать его. Пытаясь перехитрить. Пытаясь заставить его выдать себя.

Но хотя время вернулось вспять, благословенный мрак улетучился. На этот раз, хотя время вернулось вспять, он не только желает Колин счастливого праздника Святого Пэдди, но и рассказывает ей анекдот о ямайском проктологе. Он выходит... его будущее «я», ноябрьское «я», засело в мартовской голове, как «заяц» в паровом трюме. Его будущее «я» слышит, как мартовское «я» думает:

Что за чудесный денек выдался...

А тем временем ноги несут его в Кембридж, навстречу судьбе. Он пытается объяснить мартовскому «я», что это ужасная идея, чудовищно ужасная идея, и что можно избежать недель и месяцев невыносимых терзаний, остановив автобус или такси, но не способен донести эту мысль до сознания мартовского «я». Возможно, все фантастические рассказы о путешествиях во времени, прочитанные в детстве, верно утверждали: нельзя изменить прошлое, как бы ты ни пытался.

Он переходит мост через реку Чарлз, и хотя ветер довольно холодный, все же наслаждается весенним солнышком и ослепительными бликами на воде. Потом поет куплет из «Вот и солнце» и вновь переходит на песенку «Пойнтерз систерз»: «Да-да, мы можем-можем, Господь небесный...» И размахивает в такт портфелем. В портфеле сандвич. Яичный салат. М-м-м, сказал Генри. ДДДТ, сказал Генри.

А вот и саксофонист, и какой сюрприз: стоит не в конце Массачусетс-авеню-бридж, а дальше, у кампуса МТИ, перед одним из этих убогих индийских ресторанчиков.

Бритоголовый дрожит от холода, усеянный порезами скальп позволяет предположить, что парикмахер из него никудышный. Манера исполнения позволяет также предположить, что и саксофонист из него далеко не ахти. Уж лучше бы стал столяром, актером, террористом, кем угодно, только не музыкантом. Джоунси настолько его жаль, что он бросает в футляр, высланный потертым фиолетовым бархатом, не четвертак, как раньше, а целую пригоршню мелочи: вот уж действительно «эти глупости». Он винит в собственной сентиментальности первый теплый денек после длинной зимы и так удачно обернувшийся разговор с Дефаньяком.

Саксофонист закатывает глаза в знак благодарности, продолжая выдувать пронзительные звуки. Джоунси вспоминает очередную шутку: «Как вы назовете саксофониста с кредитной карточкой в кармане?» — «Оптимистом».

Он продолжает бодро шагать, размахивая портфелем, не слушая Джоунси, того, кто приплыл из ноября вверх по течению, как лосось, путешествующий во времени.

Эй, Джоунси, стой. Помедли всего несколько секунд, этого вполне достаточно. Завяжи шнурок, что ли... (Не выйдет: на нем мокасины. А скоро появится и гипс.)

Это случится на следующем перекрестке, там, где останавливается автобус «Ред Лайн», где сходятся Массачусетс-авеню и Проспект. Оттуда покажется старый дурак, бывший историк, в темно-синем «линкольне», и размахнет тебя по мостовой.

Не выходит. Как бы громко он ни вопил, ничего не получается. Телефон отключен. Ты не можешь вернуться назад, прикончить собственного дедушку, пристрелить Ли Харви Освальда, как раз в тот момент, когда он пристроился в окне шестого этажа склада школьных учебников в Далласе: рядом с ним остывший жареный цыпленок на бумажной тарелке, выписанная по почте винтовка наведена на цель. Ты не можешь запретить себе идти к пересечению Масс-авеню и Проспект-стрит, с портфелем в руке и газетой, газетой, которую ты никогда не прочитаешь, — под мышкой.

Сожалею, сэр, по всей Джефферсон-тракт ни одного исправного телефона, какая-то сплошная хрень, но вы не сможете дозвониться...

И тут, о Господи, это что-то новенькое — предупреждение все-таки доходит! Как раз в ту минуту, когда он стоит на обочине, уже готовясь ступить на перекресток, оно все-таки доходит!

— Что? — спрашивает он, и пешеход, остановившийся рядом — первый, кто нагнется над ним в прошлом, которое теперь, слава Богу, можно вычеркнуть, — подозрительно пялится на него и отвечает:

— Я лично ничего не сказал, — словно рядом мог быть кто-то третий.

Но Джоунси почти не слышит его, потому что третий все-таки есть, это голос в его голове, удивительно похожий, как ни странно, на его собственный, и он вопит, требует остаться на месте, ни в коем случае не выходить на мостовую...

Но тут он слышит чей-то плач. Смотрит на противоположную сторону Проспект-стрит и, о Господи, там Даддитс! Даддитс Кэвелл, голый, если не считать трусов, и губы заляпаны чем-то коричневым вроде шоколада,

только Джоунси знает, что это такое. Собачье дерьмо, ублюдок Ричи все-таки заставил его съесть эту пакость, люди идут мимо, не обращая внимания. Словно Даддитса и вовсе не существует.

— Даддитс! — зовет Джоунси. — Держись, старина, я иду!

И, не глядя, мчится через дорогу. Его пассажир не в силах ничего предпринять, только беспомощно бултыхается, сообразив наконец, как все случилось. Старик, да, старик с начальной стадией Альцгеймера, не должен был садиться за руль, все так, но дело не только в старике. Другая, самая главная причина, скрытая до сих пор темнотой, окружавшей аварию, была именно эта: он увидел Даддитса и рванул вперед, забыв осмотреться.

Но он мельком улавливает кое-что еще: гигантский узор, что-то вроде Ловца снов, который связывает все годы, прошедшие с первой встречи с Даддитсом Кэвеллом в 1978-м, индейский амулет, который таким же образом сплетет воедино и будущее.

Солнце бликует на ветровом стекле: он замечает это уголком левого глаза. На него надвигается машина... слишком быстро. Мужчина, стоявший рядом на обочине, мистер Я-Лично-Ничего-Не-Сказал, кричит:

— Берегись, парень, берегись!

И снова Джоунси почти не слышит. Потому что на тротуаре, рядом с Даддитсом, стоит олень, большой и красивый, ростом почти с человека. За мгновение до того, как «линкольн» сбивает его, Джоунси понимает, что олень и есть человек, человек в оранжевой кепке и таком же жилете. На плече уродливым талисманом прицепилась безногая, похожая на хорька тварь с огромными черными гляделками. Хвост... а может, щупальце, сжимает шею мужчины.

Как, во имя Господа, я мог принять его за оленя? — думает Джоунси, но тут «линкольн» наезжает на него и сбивает на мостовую. Он слышит негромкий зловеющий треск ломающейся кости.

На этот раз никакой темноты: к добру или к худу, но на улице Памяти установлены дуговые фонари. Однако фильм все же сумбурный, словно монтажер опрокинул за ленчем стаканчик-другой и забыл последовательность сцен. Отчасти все это потому, что время каким-то странным образом скручено и перекошено: и теперь он вроде бы живет одновременно в прошлом, настоящем и будущем.

Именно так мы путешествуем, объясняет голос, и Джоунси понимает,

что это тот, кто рыдал о Марси и умолял сделать укол. Как только ускорение достигает определенного значения, все путешествия становятся временными. Основа каждого путешествия — память.

Мужчина на углу, старина Я-Лично-Ничего-Не-Сказал, наклоняется над ним, спрашивает, все ли в порядке, видит, что дело плохо, поднимает глаза и говорит:

— У кого есть мобильник? Нужно вызвать «скорую».

И тут Джоунси видит под его подбородком небольшую царапину, старина Я-Лично-Ничего-Не-Сказал, вероятно, порезался утром во время бриться и даже не заметил.

Как трогательно, думает Джоунси, но тут пленка дергается, изображение перескакивает, и вот он, старый дурак, в пыльном черном пальто и мягкой фетровой шляпе, поименуем дряхлого мудозвона мистером Что-Я-Наделал. Он слоняется вокруг, повторяя эту фразу. Бормочет, что на секунду отвлекся и почувствовал толчок... что я наделал? Он твердит, что не помнит названия страховой компании, но сами они говорят, что их клиенты в хороших руках. Что я наделал? На ширинке растекается мокрое пятно. Лежа на мостовой, Джоунси ощущает абсурдную жалость к старому крестину, жалость и желание объяснить:

«Хочешь знать, что наделал? Взгляни на свои штаны. Ты обоссался, Q-E-D^[48]».

Изображение снова дергается. Теперь вокруг полно народа. Все кажутся неестественно высокими, и Джоунси думает, что это похоже на похороны с точки зрения лежащего в гробу. И вспоминает рассказ Рэя Брэдбери, кажется, «Толпа», где люди, собирающиеся в местах происшествий — всегда одни и те же, — определяют судьбу потерпевших своими высказываниями. Если они ободряюще бормочут, что все не так уж худо и повезло, что машина успела в последнюю минуту свернуть, значит, обойдется. Если же в толпе толкуют, что «он совсем плох» или «не думаю, что он выкарабкается», — считайте себя покойником. Неизменно одни и те же личности. Одни и те же пустые, алчные лица. Праздные зеваки, обожающие смотреть на кровь и слушать стоны раненых.

И как раз позади мистера Я-Лично-Ничего-Не-Сказал Джоунси видит Даддитса Кэвелла, одетого и вполне благополучного: то есть никаких усов из собачьего дерьма. Маккарти тоже здесь. Назовем его мистером Стою-И-Стучусь-У-Порога-Твоего, думает Джоунси. И еще кто-то. *Серый человек*. Только он вовсе не человек, не совсем, он инопланетянин, стоявший за ним, пока Джоунси сражался с дверью ванной. На лице, стертом, почти без черт, доминируют громадные черные глаза. Отвисшая вялыми мешками

слоновья кожа стала понемножку натягиваться: старый мистер Инопланетянин-Позвони-Домой еще не поддался влиянию среды. Но поддастся. В конце концов эта атмосфера разъест его, как кислотой.

Твоя голова взорвалась, пытается объяснить Джоунси серому человеку, но слова не идут с языка, даже рот не открывается. И все же мистер Инопланетянин-Позвони-Домой, похоже, слышит его, потому что чуть наклоняет серую голову.

Он теряет сознание! — кричит кто-то, и прежде чем изображение снова перескакивает, Джоунси слышит, как мистер Что-Я-Наделал, тот тип, что сбил его и раскрошил бедро, как фарфоровую тарелочку в тире, говорит кому-то:

Мне все твердят, что я похож на Лоренса Уэлка^[49].

3

В машине «скорой помощи» он так и не приходит в сознание, хотя постоянно наблюдает за собой, переживая настоящий внетелесный опыт, но есть и кое-что другое, о чем никто не позаботится сказать позже: у него останавливается сердце, когда медики срезают штанину, обнажая бедро, которое выглядит так, словно под кожу вшиты две большие и топорные дверные ручки. Остановка сердца, Джоунси точно знает, что это, потому что они с Карлой не пропустили ни одной серии «Скорой помощи», даже повторов. И тут начинается суматоха, и у одного из фельдшеров золотое распятие на шее, оно все время задевает Джоунси по носу, особенно когда старый мистер Фельдшер нагибается над предположительно трупом, и — мать твою, да он умер! Почему никто не позаботился сообщить, что он умер в «скорой»? Неужели посчитали, что это ему неинтересно, что он, узнав про такое, просто зевнет и отмахнется, подумаешь, делов-то!

— Отойти! — кричит другой фельдшер, и как раз перед тем, как к его груди приставили дефибриллятор, водитель оглядывается, и он видит, что это мать Даддитса.

Но тут они врезают по нему током, тело дергается, и все это белое мясо трясется на кости, как сказал бы Пит. И хотя у Джоунси-наблюдателя нет тела, он все равно чувствует удар током, огромное мощное «бум», зажегшее древо его нервов, как сигнальная ракета. Возблагодари Господа и давай вниз, аллилуйя!

Тело, распростертое на носилках, дергается, как рыба, вытщенная из воды, и снова застывает. Фельдшер, скорчившийся за спиной Роберты

Кэвелл, смотрит на панель и досадливо бросает: «А, черт, нет, прямая линия, давайте еще разок».

И когда дают второй разряд, пленка скачет, и Джоунси оказывается в операционной.

Нет, погодите, не совсем так. Часть его в операционной, но все остальное за стеклом и заглядывает в помещение. Рядом два врача, но они не проявляют ни малейшего интереса к усилиям бригады хирургов, старающихся собрать осколки Джоунси-Шалтая. Они играют в карты. Над головами покачивается в потоках воздуха из вентилятора Ловец снов из «Дыры в стене».

Джоунси почему-то не слишком хочется наблюдать за тем, что происходит за стеклом: крайне неприятно видеть кровавую яму на месте бедра или размытые обломки того, что когда-то было костью. И хотя желудка у него не было, так что в бестелесном состоянии он не смог бы блевать, его все равно скрутила тошнота.

За спиной один из докторов, играющих в карты, говорит: «Сами мы мерили себя по Даддитсу. Даддитс был нашим звездным часом». На что второй отвечает: «Ты так думаешь?» И Джоунси понимает, что врачи — это Генри и Пит.

Он поворачивается к ним и, похоже, оказывается не совсем бестелесным, потому что видит в окне операционной отражение призрака. Он больше не Джоунси. Вернее, больше не человек. Кожа серая, глаза — черные луковицы, выпирающие с безногого лица. Он стал одним из них, одним из...

Одним из серых человечков, думает он. Так они называют нас, серыми человечками. Некоторые именуют нас космическими ниггерами.

Он открывает рот, чтобы сказать все это или, возможно, попросить старых друзей помочь ему: они всегда помогали друг другу, если могли, но тут пленка снова дергается (будь проклят этот пьяница-монтажер), и он уже в постели, на больничной койке, и кто-то зовет: «Где Джоунси, мне нужен Джоунси...»

Ну вот, думает он с горьким удовлетворением, я всегда знал, что не Морей, а Джоунси! Это зовет смерть, а может, и сам ангел смерти, и я должен лежать очень тихо, чтобы он меня не нашел: он и так упустил меня о толпе, попытался сцапать в «скорой» и снова промахнулся, и теперь рыщет по больнице, переодевшись пациентом.

Пожалуйста, прекратите, стонет старый мистер Смерть ужасным, жалобно-монотонным, гипнотизирующим тенорком, я этого не вынесу, сделайте мне укол, где Джоунси, мне нужен Джоунси.

Я просто буду лежать и молчать, пока он не позвонит, думает Джоунси, все равно не могу встать: мне только что засадили два фунта металла в бедро, и черт его знает, сколько времени пройдет, прежде чем я сумею подняться, во всяком случае, не меньше недели.

Но тут же, к своему ужасу, соображает, что в самом деле встает, отбрасывает одеяло и поднимается с постели, и хотя чувствует, как швы на бедре и животе натягиваются и лопаются, и донорская кровь льется по ноге и пропитывает волосы на лобке, все же идет, не хромя, идет сквозь солнечный луч, который отбрасывает моментально исчезнувшую, но все же очень человеческую тень на пол (слава Богу, теперь уже не серый человек, за что ему следует быть благодарным, потому что серые человечки спеклись), и направляется к двери. Не видимый никем бредет по коридору, мимо каталки с судном, мимо парочки смеющихся, болтающих сестер, которые разглядывают снимки, передавая их друг другу, идет, притягиваемый монотонным голосом. Не может остановиться и сознает, что он в облаке. Не красном, каким ощущали его Пит и Генри: облако серое, и он плавает в нем, единственная частица, которую не сумело изменить облако, и Джоунси думает:

Я — то, чего они ищут. Не знаю, как это может быть, но я именно то, чего они ищут. Потому что... Облако не изменило меня?

Да, что-то в этом роде.

Он минует три открытые двери. Четвертая закрыта. На ней табличка:

ВХОДИТЕ, ИНФЕКЦИИ НЕТ. IL N'Y A PAS D'INFECTION
ICI.

Лжешь, думает Джоунси. Круз, или Куртис, или как его там, может, и псих, но прав в одном: здесь есть инфекция.

Кровь хлещет по ногам, подол больничной рубахи стал ярко-алым (потек кларет, как говаривал старый спортивный комментатор на боксерских матчах), но боли он не чувствует. И инфекции не боится. Он особенный, он уникален, и облако может только нести его, но не менять. Он открывает дверь и входит.

Удивлен ли он видом серого человека с большими черными глазами, лежащего на больничной койке? Ничуть. Как только Джоунси обернулся и

обнаружил малого, стоявшего позади него, голова говнюка взорвалась. Ничего себе, приступ мигрени! Кого хочешь с ног свалит! Но теперь голова парня в полном порядке: современная медицина творит чудеса.

Комната поросла красным грибом, повсюду, куда ни глянь, красно-золотистый мох: на полу, подоконнике, планках жалюзи. Узкие ручейки пробрались к плафонам и бутылке с глюкозой (по крайней мере Джоунси считает, что это глюкоза), короткие красно-золотистые плети свисают с ручки ванной и с изножья койки.

Приближаясь к серому существу, укрытому простыней до самой безволосой груди, он видит на тумбочке единственную карточку с пожеланием здоровья. ПОПРАВЛЯЙТЕСЬ СКОРЕЕ, — напечатано на изображении грустной ящерицы с пластырем на чешуйках. А внизу приписано: ОТ СТИВЕНСОНА СПИЛБЕРГА И ВСЕХ ТВОИХ ПРИЯТЕЛЕЙ В ГОЛЛИВУДЕ. Это сон, обычный сон, с обычной путаницей, прибабасами и заморочками, думает Джоунси, отлично сознавая, что это не сон. В мозгу вертятся шестеренки, перемалывая увиденное, кроша его, чтобы было легче переварить, как водится в снах: прошлое, настоящее и будущее — все смешалось, и это тоже свойство снов, но Джоунси знает, что опасно отмахиваться от этого, как от нескладной сказки-небылицы, вылезшей из подсознания. По крайней мере часть всего этого реальна.

Черные глаза навыворот наблюдают за ним. Простыня подле существа вздымается буграми. Джоунси видит, как в щель высовывается красноватая тварь, что убила Бива. Высовывается, пялится на него такими же стеклянными глазами и, помогая себе хвостом, взбирается на подушку, где и сворачивается рядом с узкой серой головой. Неудивительно, что Маккарти неважно себя чувствовал!

Кровь продолжает литься по ногам Джоунси, липкая, как мед. И горячая, как лихорадка. Образует причудливые узоры на полу, и скорее всего скоро обзаведется собственной колонией красной плесени или мха, да не просто колонией, а зарослями. Но Джоунси ничего не боится. Он особенный. Он уникален. Облако может нести его, но не способно изменить.

Нет костяшек, нет игры, думает он, а потом сразу:

Ш-ш-ш, ш-ш-ш, держи это при себе!

Серое существо поднимает руку в усталом приветствии. На ней всего три пальца с ярко-розовыми ногтями, из-под которых сочится густой желтый гной. Такой же, как поблескивает в складках кожи и уголках глаз.

И верно, тебе нужен укол, думает Джоунси. Немного карболки или

лизола, что-то в этом роде. Лишь бы выбросить тебя из...

Ужасная мысль пронзает его, такая мощная, что он не может противостоять силе, толкающей его к койке. Ноги двигаются, оставляя размазанные красные следы.

Не собираешься пить мою кровь? Как вампир?

Существо на постели улыбается, не раздвигая губ:

Мы, пользуясь вашими определениями, вегетарианцы.

Да, но как насчет этого Баусера? — осведомляется Джоунси, показывая на безногого хорька, и тот оскаливает иглы зубов в гротескной ухмылке. — Он тоже вегетарианец?

Сам знаешь, что нет, — говорит серое существо, щель рта при этом не двигается, ну чистый чревовещатель, нужно отдать ему должное, имел бы бешеный успех в Катскиллских горах. Но ты знаешь, что тебе нечего его бояться.

Почему? Чем я отличаюсь от других?

Умиряющее серое существо (оно, конечно, умирает, тело разлагается изнутри) не отвечает, и Джоунси снова думает: нет костяшек, нет игры. У него такое чувство, что серое существо дорого бы дало, чтобы прочесть именно эту мысль, но черта с два, способность защищать свои мысли — это еще одна причина его неуязвимости, уникальности, и *vive la difference*^[50], все, что может сказать Джоунси (не то чтобы он так уж рвался распускать язык).

Так чем я отличаюсь от других?

Кто такой Даддитс? — спрашивает серое существо, и когда Джоунси не отвечает, снова улыбается, не раздвигая губ. Вот видишь? У нас обоих есть вопросы, на которые каждый не желает отвечать. Давай пока забудем о них, хорошо? Как вы это называете? То, что в игре?

Криб, говорит Джоунси. Теперь в ноздри бьет запах разложения, тот самый, что принес в охотничий домик Маккарти, эфирно-сернистая вонь. Он в который раз жалеет, что не пристрелил, о Боже, о Господи, сукина сына, не пустил в него пулю, прежде чем он успел оказаться в тепле. Оставить всю эту пакость внутри него погибать от холода, рядом с настилом на старом клене.

Да, криб, говорит серое существо.

Ловец снов уже здесь, подвешен к потолку и медленно вращается над головой серого существа.

Все то, что мы не хотим открыть друг другу, можно пока отодвинуть и подсчитать позже. Положить в криб. Чего ты от меня хочешь?

Серое существо, не мигая, смотрит на Джоунси. То есть, насколько может судить Джоунси, ему нечем мигать: ни век, ни ресниц.

Ни век, ни ресниц, повторяет существо, только Джоунси слышит голос Пита.

Кто такой Даддитс?

И Джоунси так поражен, что едва не отвечает ему... чего, разумеется, и добивался серый человек — заставить его врасплох. Хитрость не изменяет ему даже на пороге смерти. Значит, Джоунси следует держать ухо востро.

Он посылает серому типу открытку с большой бурой коровой, на шее которой висит табличка:

ДАДДИТС — КОРОВА.

И серый человек снова улыбается, не раздвигая губ, улыбается в мозг Джоунси.

Даддитс — корова? Не думаю.

Откуда ты? — спрашивает Джоунси.

С планеты Х. Прибыли с погибающей планеты, поесть пиццы у «Домино»; сделать покупки в кредит и выучить итальянский методом Берлица.

Теперь это голос Генри. Но мистер Инопланетянин-Позвони-Домой немедленно переходит на собственный голос, да вот только Джоунси устало и без всякого удивления обнаруживает, что это его голос, голос Джоунси. Генри, естественно, сказал бы, что у него галлюцинации на почве гибели Бивера.

Ну уж нет, черта с два, думает Джоунси. Теперь это исключено. Отныне он эггмен, а эггмену лучше знать.

Генри? Ему конец. Скоро... — равнодушно бросает серый тип. Его рука крадется по одеялу, длинные серые пальцы захватывают ладонь Джоунси. Кожа на ощупь кажется теплой и сухой.

Ты это о чем? — спрашивает Джоунси, испугавшись за Генри, но истлевающее существо не отвечает. Еще одна карта в криб. Поэтому Джоунси выкладывает очередную из своих:

Зачем ты позвал меня сюда?

Серое существо явно удивлено, хотя ни одна складка на лице не шевельнулась.

Никому не хочется умирать в одиночестве. Нужно, чтобы кто-то был рядом. Так все считают. Я знаю, у нас ведь тоже есть телевизоры.

Я не желаю...

Я давно мечтал посмотреть один фильм. Тебе он тоже понравится. Называется «Сочувствие к серым человечкам». Баусер! Пульт!

Баусер награждает Джоунси на редкость злобным взглядом, соскальзывает с подушки. Гибкий хвост сухо шуршит по полотну, как у змеи, ползущей по камню. ТВ-пульт, тоже украшенный грибком, валяется на столе. Баусер хватает его в зубы, поворачивается и крадется к серому существу. Серое существо выпускает руку Джоунси (прикосновение отнюдь не противно, но какое облегчение вновь оказаться на свободе!), берет пульт и нажимает на кнопку «пуск». Появляется картинка, слегка размытая, но не полностью скрытая пушком, разукрасившим экран. Да это... это сарай, на задах «Дыры»! В самом центре, под грязным брезентом, что-то высится.

И прежде чем откроется дверь и войдет он сам, Джоунси уже догадался, что все это значит. Звезда «Сочувствия к серым человечкам» — он сам, Гэри Джоунс.

Что же, вещает умирающее существо со своего уютного местечка в центре мозга Джоунси. Доверия нам явно не хватает, но ведь фильм только начинается.

Этого-то Джоунси и боится.

5

Дверь сарая открывается, и входит Джоунси. Настоящий шут гороховый, одетый с бору по сосенке: собственная куртка, Биверовы перчатки и старая оранжевая кепка Ламара. На мгновение тот Джоунси, что смотрит телевизор в больнице, сидя в кресле для посетителей у постели мистера Грея, уверен, что второй Джоунси, стоящий сейчас в сарае, подхватил инфекцию и зарос грибком с головы до пят, но потом вспоминает, что мистер Грей взорвался прямо у него под носом, то есть не весь он, а голова, и Джоунси обдало ее содержимым.

Только ты не взорвался, говорит он.

Ты... ты что? Сеял семена?

Ш-ш-ш, отмахивается мистер Грей, и Баусер предостерегающе скалит грозные зубы, словно приказывая Джоунси быть повежливее.

Я люблю эту песню, а ты?

И саундтрек подобран со смыслом. «Роллинг Стоунз», «Сочувствие дьяволу». Почти совпадает с названием фильма (мой экранный дебют, погодите, вот Карла и дети увидят! — думает Джоунси), он и в самом деле

любит эту песню, становится чуточку грустно, когда ее слушаешь.

Как ты можешь слушать ее? — спрашивает Джоунси, игнорируя ощеренные зубы Баусера: Баусер ему не опасен, и они оба это знают. — Как ты можешь? Ведь они убивают вас под эту музыку!

Они всегда убивают нас, отвечает мистер Грей. А теперь помолчи, посмотри кино. Эта часть слишком затянута, но дальше пойдет динамичнее.

Джоунси складывает руки на красных коленях — похоже, кровотечение наконец остановилось — и смотрит «Сочувствие к серым человечкам», в главной роли единственный и неповторимый Гэри Джоунс.

6

Единственный и неповторимый Гэри Джоунс стягивает брезент со снегохода, оглядывается, замечает на верстаке картонную коробку с аккумулятором и вставляет его, старательно присоединяя провода к соответствующим клеммам. Пожалуй, к этим скудным навыкам и сводятся все его познания в механике: в конце концов он преподаватель истории, и все представления о воспитании сводятся к тому, чтобы заставить детей раз в неделю смотреть канал истории вместо «Зены, королевы воинов». Ключ торчит в зажигании, и индикаторы на приборной панели загораются, как только Джоунси его поворачивает: значит, правильно подсоединил аккумулятор, но двигатель не заводится. Даже не фырчит. Стартер негромко тикает, но только и всего.

— О Боже. О Господи, мать твою, — повторяет он, на одной ноте, не уверенный, стоит ли проявлять более бурные эмоции, и хочется ли ему их проявлять.

Он, поклонник и любитель ужасиков, видел «Нашествие захватчиков тел» раз двадцать (даже тот злосчастный римейк с Дональдом Сазерлендом) и знает, что произошло. Его тело украли, совершенно бессовестно и хладнокровно. Захватили полностью и целиком. Хотя в этом случае армии зомби не предвидится. Даже на маленький городок не хватит. Он один такой. Уникальный. Он чувствует, что Пит, Генри и Бив тоже уникальны (то есть Бивер был уникальным), но он самый-самый из всей четверки. Конечно, неприлично говорить о себе такое, но это тот редкий случай, когда привычные правила не действуют. Пит и Бивер были исключительными, Генри — еще исключительнее, а он, Джоунси, — самый исключительный из всех. Смотрите, он даже стал звездой в собственном

фильме! «Вот это да!» — как сказал бы его старший сын.

Серый человек на больничной койке переводит взгляд с телевизора, где Джоунси Первый оседлал «арктик кэт», на Джоунси Второго, восседающего на кресле, в окровавленной рубашке.

Что ты скрываешь? — спрашивает мистер Грей.

Ничего.

Почему ты постоянно видишь кирпичную стену? Что такое 19, помимо обычной цифры, конечно? Кто сказал «хрен с ними, с «Тиграми»?» Что это означает? Что такое «кирпичная стена»? Когда она была, эта стена? Что это означает? Почему ты все время ее видишь?

Джоунси ощущает, как мистер Грей пытается вытянуть из него правду, но пока, хотя бы на время, это зернышко истины в безопасности. Его можно унести, но невозможно изменить. И полностью открыть, кажется, тоже. По крайней мере сейчас.

Джоунси подносит палец к губам и возвращает серому типу его же слова:

Тише, смотри лучше фильм.

Существо изучает его черными шарами глаз (совсем как у насекомого, думает Джоунси, глаза богомола), но неприятное ощущение постепенно исчезает. Да и куда ему спешить, этому серому существу, раньше или позже оно сумеет растворить последнее ядрышко чистоты, еще не населенное чужой волей, и тогда узнает все, что хочет знать.

Ну а пока они смотрят фильм. И когда Баусер сворачивается у Джоунси на коленях — Баусер с его острыми зубами и эфирным запахом антифриза, — Джоунси едва замечает его.

Джоунси Первый, Король Сарая (только на самом деле это сейчас мистер Грей), протягивает щупальца. Он должен достигнуть немало мозгов, чужие мысли путаются, накладываются друг на друга, как ночные радиоволны, но он почти сразу находит то, что ищет. Это все равно что открыть файл на персональном компьютере и вместо слов найти прекрасно снятый, объемный фильм, в котором выписана каждая деталь.

«Источник» мистера Грея — Эмил «Дог» Бродски из Менло-парк, Нью-Джерси. Бродски — сержант технических войск, крохотный винтик объединенного автопарка. Только здесь, в Группе Оперативного Реагирования под командованием Курца, чинов нет ни у кого. Нет и у него. К тем, кто выше его по званию, он обращается «босс», к остальным (здесь, в этой мясорубке, таковых мало) — «эй ты». Если он не знает, кто есть кто, сойдет «приятель» или «старик».

Район облетают реактивные самолеты, но их не так много (они смогут

сделать все необходимые снимки на околоземной орбите, если облака когда-нибудь рассеются), а кроме того, Бродски они не касаются. Самолеты взлетают с авиабазы Национальной гвардии в Бангоре, а он здесь, в Джефферсон-тракт. Работа Бродски — вертушки и грузовики в быстро растущем объединенном автопарке (с полудня все дороги в этой части штата перекрыты, и единственный вид транспорта — оливково-зеленые грузовики с тщательно покрашенными номерными знаками и надписями). Ему поручено также установить не менее четырех генераторов, чтобы обеспечить электричеством лагерь, раскинутый вокруг магазина Госслина, а к ним нужны объемные датчики движения, прожекторы, фонари по всему периметру лагеря и лампы для передвижного госпиталя, срочно оборудованного в доме на колесах фирмы «Уиндстар».

Курц ясно дал понять, что от освещения зависит едва ли не все, и поэтому он желает, чтобы здесь было светло как днем. Больше всего прожекторов установили вокруг амбара, того здания, что когда-то служило загонем для лошадей и выгула, позади амбара. В поле, где когда-то мирно паслись сорок коров старого Реджи Госслина, поставили две палатки. На зеленой крыше, той, что побольше, виднелась надпись: СТОЛОВАЯ. На другой, белой палатке — никаких надписей. В ней нет керосиновых обогревателей, в белой палатке они и не нужны. Джоунси почему-то понимает, что это временный морг. Там сейчас всего три тела (один — банкир, пытавшийся сбежать, глупец), но вскоре будет гораздо больше. Если, разумеется, не произойдет несчастный случай, затрудняющий поиск и сбор трупов. Для босса, мистера Курца, такой инцидент решил бы целую кучу проблем.

Но все это так, к слову. А пока Джоунси Первому необходимо заняться Эмилем Бродски из Менло-парк.

Бродски быстро передвигается по заснеженной, слякотной, выжженной земле между посадочной площадкой для вертолетов и выгулом, где содержатся индивиды, пораженные грибком Рипли. (Их уже собралось немало, и все бродят по площадке с ошеломленным видом недавно интернированных беженцев, собранных со всего света.) Время от времени они зовут охранников, прося сигарет и информации, выкрикивая пустые угрозы. Эмил Бродски, приземистый, коротко стриженный, с бульдожьей мордой, словно созданной для дешевых сигар (Джоунси точно знает, что Бродски — добрый католик, в жизни не курил), не обращает внимания на вопли. Ему не до того: слишком много навалилось работы. И мечется он, как однорукий обойщик, стараясь поспеть в сто мест одновременно. На голове наушники, на груди микрофон. Он ведет

переговоры с колонной бензозаправщиков, которая вот-вот подъедет: это очень кстати, потому что на базу скоро начнут возвращаться с задания вертолеты, и одновременно ухитряется объясняться с идущим рядом Кембри на тему центра управления и контроля, который Курц приказал организовать к девяти вечера, самое позднее — к полуночи. По слухам, операция должна завершиться за сорок восемь часов, но хрен его знает, так ли это. Согласно тем же слухам, основная цель, Блю-Бой, уже уничтожена, но Бродски понятия не имеет, так ли это, поскольку большие боевые вертолеты еще не вернулись, Но все равно, так или иначе, их дело телячье: действуй ручкой управления и ни о чем не думай.

И, Господи Боже мой, откуда-то взялся третий Джоунси. Един в трех лицах: первый смотрит телевизор в облепленной грибком палате, второй обретается в сарае, а третий... третий каким-то образом поселился в коротко остриженной католической башке Эмила Бродски. Бродски останавливается и тупо смотрит в белесое небо.

Кембри делает три-четыре шага, прежде чем осознает, что Дог замер как вкопанный посреди грязного коровьего пастбища. Посреди всей этой лихорадочной суматохи: бегущие люди, снижающиеся вертолеты, ревущие моторы, Дог застыл, как робот со скисшей батареейкой.

— Босс, — озабоченно спрашивает Кембри, — все в порядке?

Бродски не отвечает... то есть не отвечает Кембри. Зато Джоунси, Джоунси Первого, наставляет:

Открой капот двигателя и покажи мне свечи.

Джоунси долго копается, не зная, как открыть капот, но Бродски продолжает инструктировать его. Наконец Джоунси наклоняется над небольшим двигателем, не пытаясь разобраться, что к чему. Проще посмотреть в красный глазок камеры и передать изображение Бродски.

— Босс, — встревоженно допытывается Кембри. — Босс, что стряслось? Все в порядке?

— Ничего страшного, — медленно и очень отчетливо выговаривает Бродски и стягивает наушники: непрерывная трескотня его отвлекает. — Дай мне минуту подумать.

И обращаясь к Джоунси:

Кто-то вытащил свечи. Посмотри... а, вот они. На краю верстака.

На краю верстака стоит майонезная банка с бензином. Крышка привернута неплотно, чтобы не скапливались газы. В банке, словно лабораторные экспонаты в формальдегиде, красуются две свечи «Чемпион». Бродски произносит вслух:

— Хорошенько вытри. — И когда Кембри переспрашивает, что именно

вытереть, рассеяннo советует ему заткнуться.

Джоунси выуживает свечи, старательно вытирает и вставляет в соответствии с указаниями Бродски.

Попробуй еще раз, говорит тот, на этот раз не шевеля губами, и тут же слышится рев мотора. И не забудь проверить бензин.

Джоунси так и делает, не забыв поблагодарить Бродски.

— Без проблем, босс, — отвечает тот и снова пускается в путь.

Кембри усердно семенит рядом, пытаясь догнать собеседника. И замечает несколько недоуменное лицо Дога, когда тот обнаруживает, что наушники почему-то болтаются на шее.

— Какого дьявола все это значит? — не выдерживает Кембри.

— Забудь, — отмахивается Бродски, но что-то все же было, голову на отсечение, было... что? Разговор. Беседа... Консультация?! Вот именно. Но только никак не вспомнить, о чем шла речь. Он помнит, что было на утреннем брифинге, перед началом операции. Одна из директив Курца требовала немедленно докладывать обо всем необычном. Но можно ли отнести это к необычному? И что это вообще было?

— Должно быть, временное затмение, — поясняет Бродски. — Слишком много дел, слишком мало времени. Ну же, сынок, продолжай.

Кембри продолжает. Бродски возобновляет переговоры на два фронта: там бензозаправщики, тут Кембри, но что-то засело в голове, как заноза... было еще что-то... третий разговор, уже закончившийся. Необычно или нет? Скорее всего нет, решает Бродски. Конечно, ничего такого, в чем можно бы исповедаться этому тупоголовому ублюдку Перлмуттеру, твердо уверенному в том, что если этого нет на его планшетке, значит, не существует вообще. Курцу? Никогда. Он уважает старого стервятника, но еще больше боится. Как и все они. Курц умен, Курц храбр, но Курц еще и самый психованный дикарь во всех джунглях. Бродски не хотелось бы даже ступить в тень Курца, протянувшуюся по земле.

Андерхилл? Может, потолковать с Андерхиллом?

Может быть... а может, и нет. В подобных вещах можно вляпаться так, что не поздоровится, причем ни за что ни про что. Он слышал голоса всего минуту-другую... вернее, один голос, но теперь вроде все прошло. Вроде...

«Дыра в стене». Джоунси с ревом вылетает из сарая и устремляется к Дип-кат-роуд. Он чует Генри, пролетая мимо, Генри, прячущегося за деревом, вгрызающегося в мох, чтобы сдержать крик, но скрывает это от завладевшего им облака, облака, объявшего последнее ядрышко его сущности. Джоунси почти уверен, что в последний раз был рядом со старым другом, который никогда не выберется из этих лесов живым.

Жаль только, что они так и не смогли попрощаться.

Не знаю, кто снимал это кино, говорит Джоунси, но не думаю, что им придется отглаживать смокинги к церемонии награждения «Оскаром». Собственно говоря...

Он оглядывается и видит только заснеженные деревья. Снова взгляд вперед, и снова ничего, кроме Дип-кат-роуд, разворачивающейся бесконечным полотном. И снегохода, вибрирующего между бедер. Никакой больницы, никакого мистера Грея. Все это было сном.

Но это не сон. И комната, вот она. Только это не больничная палата. Ни койки, ни телевизора, ни капельницы. И вообще почти пусто: только доска объявлений, к которой прикреплены карта Новой Англии с маршрутами грузовиков братьев Трекер и полароидный снимок девочки-подростка с поднятой юбочкой, открывающей золотистый кустик завитков. Он смотрит на Дип-кат-роуд из окна. Джоунси твердо уверен, что это окно больничной палаты. Но больничная палата таит опасность. Тут что-то неладно. Нужно немедленно выбраться отсюда, потому что...

Потому что в больничной палате небезопасно, думает Джоунси, как, впрочем, и в любом другом месте. Но может, именно здесь чуточку безопаснее. Его последнее убежище, и он украсил его фото, которое, наверное, они все надеялись увидеть, когда шли по той подъездной дороге в далеком семьдесят восьмом. Тина Джин Слоппингер, или как там ее.

Кое-что из увиденного было на самом деле... вернувшиеся полноценные воспоминания, как сказал бы Генри. И, думаю, я действительно видел Даддитса в тот день. Поэтому и шагнул на мостовую, не оглядевшись. А что до мистера Грея... сейчас я и есть мистер Грей. Не так ли? Если не считать того, что часть меня осталась в этой пыльной, пустой, унылой камерке с использованными гондонами на полу и снимком девушки на доске объявлений, в остальном я мистер Грей. Разве не так?

Нет ответа. Что само по себе уже ответ, который ему нужен.

Но как это случилось? Как я сюда попал? И почему? Зачем все это?

Ответов по-прежнему нет, а сам он ничего не может сообразить. Только рад, что есть еще место, где он может оставаться собой, и расстроен тем, как легко оказалось украсть его остальную жизнь. И снова жалеет, горько, искренне и чистосердечно, что не пристрелил Маккарти.

Оглушительный взрыв разорвал небо, и хотя эпицентр находился достаточно далеко, все же сила была такова, что с деревьев посыпался снег. Но водитель снегохода даже не поднял головы. Это корабль. Солдаты взорвали его. Байруму конец.

Через несколько минут показался навес с обвалившейся крышей. На снегу сидел Пит, так и не успевший вытащить ноги из-под листа жести. Он казался мертвым, но на самом деле мертвым не был. Разыгрывать мертвого не входило в правила игры, он мог слышать мысли Пита. Когда он свернул к навесу и заглушил мотор, Пит поднял голову и обнажил оставшиеся зубы в невеселой ухмылке. Левый рукав куртки почернел и значительно укоротился. На правой остался только один действующий палец. Вся не скрытая одеждой кожа испятнана красно-золотистым мхом.

— Ты не Джоунси, — сказал Пит. — Что ты сделал с Джоунси?

— Садись, Пит, — велел мистер Грей.

— Никуда я с тобой не поеду. — Пит поднял правую руку — болтающиеся на ниточках сухожилий пальцы, красно-золотистые кочки грибка — и вытер лоб. — Вали отсюда. Прыгай на своего пони, и вперед.

Мистер Грей опустил голову, некогда принадлежавшую Джоунси (Джоунси видит все из окна своего наблюдательного пункта в заброшенной конторе братьев Трекер, не в силах ни помочь, ни вмешаться), и пристально уставился на Пита. Пит пронзительно закричал: очевидно, грибок, растущий по всему телу, все смелее укоренялся, проникая в мышцы и нервы. Нога, застрявшая под крышей, дернулась, выскочила наконец наружу, и Пит, все еще вопя, свернулся клубочком. Из носа и рта хлынула кровь. Когда он снова открыл рот, оттуда вывалились еще два зуба.

— Садись, Пит.

Всхлипывая, прижимая к груди изуродованную руку, Пит попробовал встать на ноги. Первая попытка не удалась: он снова распластался на снегу. Мистер Грей ничего не говорил: просто сидел верхом на неподвижном «арктик кэт» и наблюдал.

Джоунси чувствовал боль, отчаяние и мучительный страх Пита. Страх был хуже всего, и он решил рискнуть.

Пит!

Едва различимый шепот, но Пит услышал. Он поднял голову — лицо осунувшееся, в красной оспе грибка, который мистер Грей называет байрумом. Когда Пит облизнул губы, Джоунси увидел, что и язык словно

заплесневел. Молочница космических пространств. Когда-то Пит Мур хотел стать астронавтом. Когда-то он смело заступился перед здоровыми парнями за того, кто был меньше и слабее. Он заслужил лучшей участи.

Нет костяшек, нет игры.

Пит почти улыбнулся, это было и трогательно, и прекрасно. На этот раз он встал и медленно побрел к снегоходу.

В заброшенной конторе, куда его заточили, задержалась дверная ручка.

Что это означает? — спросил мистер Грей. Что это такое: нет костяшек, нет игры? Что ты там делаешь? И вообще, как ты туда попал?

Настала очередь Джоунси не отвечать, что он и сделал с превеликим удовольствием.

Я войду, сказал мистер Грей. Когда буду готов, я войду. Можешь тешиться мыслью, будто запертая дверь меня остановит, но ты ошибаешься.

Джоунси хранил молчание: ни к чему дразнить создание, завладевшее его телом, — только вряд ли он ошибается. С другой стороны, он не смел выйти из опасения, что его поглотят целиком. Он был всего лишь крохотной частичкой в облаке, кусочком непереваренной пищи в желудке пришельца.

Лучше не высовываться.

Пит сел позади мистера Грея и обнял Джоунси за пояс. Десять минут спустя они пролетели мимо перевернутого «скаута», и Джоунси понял, почему Пит и Генри так долго не возвращались из магазина. Счастье еще, что они не погибли. Ему хотелось разглядеть получше, но мистер Грей не сбавил скорости, только направил лыжи «кэт» между двумя глубокими, забитыми снегом колеями.

Милях в трех от «скаута» они взобрались на пригорок, и Джоунси увидел слепящий клубок желто-белого цвета, висевший меньше чем в десяти футах от дороги. Ожидавший их. Он был похож на пламя газосварочного агрегата, но, разумеется, таковым не был: снег под ним даже не растаял. Очевидно, это был один из тех огней, что плясали в облаках, над лавиной животных, катившейся из Ущелья на глазах изумленных Бивера и Джоунси.

Верно, сказал мистер Грей. То, что твои люди называют сигнальным огнем. Это один из последних. Возможно, самый последний.

Джоунси ничего не сказал, только прижался лбом к окну камеры. Он ощущал руки Пита, сжимавшие его талию чисто механической, инстинктивной хваткой, так почти побежденный боксер вцепляется в соперника, чтобы не свалиться в нокауте. Голова, лежащая на его плече, казалась тяжелее камня. Пит окончательно превратился в питательную среду для байрума и пришелся, очевидно, ему по вкусу: окружающий мир был холодным, а Пит — теплым. Для чего-то он понадобился мистеру Грею, вот только для чего?

Сигнальный огонь провожал их еще с полмили, а потом свернул в лес, проскользнул между двумя толстыми соснами и снова остановился, вертясь над самым снегом. Джоунси слышал, как мистер Грей велел Питу держаться крепче.

«Арктик кэт» подпрыгивал и рычал, катясь по не слишком крутому спуску. Лыжи вгрызались в снег, сминали и отбрасывали комья. Под мохнатым пологом леса белый покров был не таким густым, а местами исчезал совсем. В таких проталинах лыжи снегохода сердито дребезжали по замерзшей земле, усыпанной галькой, едва прикрытой тонким ковром гниющих игл. Теперь они направлялись на север.

Чуть погодя они наткнулись на гранитный выступ, и Пит с тихим криком свалился вниз. Мистер Грей нажал на тормоз. Сигнальный огонь тоже замер. Джоунси показалось, что он стал более тусклым.

— Вставай, — приказал мистер Грей, поворачиваясь в седле и оглядываясь на Пита.

— Не могу, — сказал Пит. — Со мной все кончено, парень. Я...

А потом Пит закричал и принялся кататься по земле, взбивая снег каблуками. Руки — одна сожженная, другая изуродованная — спазматически подергивались.

Прекрати! — завопил Джоунси. Ты убиваешь его!

Но мистер Грей, проигнорировав его, с ледяным бесстрашием наблюдал, как байрум пожирает плоть Пита. Наконец Джоунси почувствовал, как мистер Грей оставил Пита в покое. Тот, пьяно мотая головой, кое-как встал. На щеке краснел свежий порез, уже кишевший спорами байрума. Усталые, подернутые пленкой глаза были мокры от слез. Он подковылял к снегоходу и снова обхватил Джоунси за талию.

Держись за куртку, прошептал Джоунси.

Мистер Грей повернулся и снова завел снегоход. Пит вцепился в пояс куртки.

Нет костяшек, нет игры, верно?

Нет игры, еле слышно согласился Пит.

На этот раз мистер Грей не обратил на них внимания. Сигнальный огонь, не слишком яркий, но все такой же быстрый, снова устремился на север... по крайней мере Джоунси казалось, что на север. Пока снегоход лавировал между деревьями, густыми кустами и валунам, он совсем запутался и утратил чувство направления. Позади слышался непрерывный треск пулеметов, словно кто-то затеял стрелковые состязания.

Еще через час Джоунси понял, зачем мистер Грей взял на себя труд тащить Пита. Именно тогда сигнальный огонь превратился в тусклую свечку, которая вскоре погасла совсем. Исчезла с мягким хлопком, словно кто-то стукнул по надутому бумажному пакету. Оставшиеся крупички легко спланировали на землю.

Они находились на поросшем деревьями гребне, посреди бог знает чего. Впереди раскинулась заснеженная лесная лощина, на дальнем конце которой виднелись изъеденные временем холмы и густые заросли неизвестного кустарника. Нигде ни огонька. И в довершение всего день явно клонился к закату.

Очередная передрыга, в которую ты нас втянул, подумал Джоунси, но не почувствовал ни малейшего раздражения со стороны мистера Грея. Он остановил снегоход, но не слез.

Север, сказал мистер Грей. Но сказал не для Джоунси.

Ответил Пит, громко, но устало и очень медленно.

— Откуда мне знать? Господи Боже, я не вижу даже, где солнце садится. Один глаз гикнулся.

Мистер Грей повернул голову Пита, и Джоунси заметил, что левого глаза больше нет. Веко было высоко поднято, придавая ему идиотски удивленный вид, а из глазницы росла целая клумба байрума. Длинные пряди свисали вниз, щекоча щетинистую щеку Пита. Несколько плетей вплелись в редеющие волосы красно-золотистыми лентами.

Ты знаешь.

— Может, и знаю, — сказал Пит. — А может, просто не хочу показывать.

Почему?

— Потому что сомневаюсь в твоих добрых намерениях по отношению к нам, простым смертным, долбоеб ты этакий, — бросил Пит, и Джоунси вдруг почувствовал абсурдную гордость за друга.

Но растительность в левой глазнице неожиданно дернулась, и Пит завопил и схватился за лицо. На миг, короткий, но невыносимо долгий, Джоунси успел ощутить, как красновато-золотые нити проникают прямо в мозг Пита, где распространяются, как неумолимые пальцы, сжимающие серое вещество.

Ну же, Пит, скажи ему! — вскричал Джоунси. — Ради Христа, скажи ему!

Байрум снова застыл. Руки Пита упали. Теперь лицо казалось смертельно бледным в тех местах, где не было красновато-золотистым.

— Где ты, Джоунси? — спросил он. — Найдется там местечко еще для одного?

Ответ был коротким. Разумеется, нет. Джоунси не понимал, что с ним случилось. Но твердо знал, что его выживание — последнее крошечное зернышко его истинного «я» — каким-то образом зависит от его пребывания в этой комнате. Если он хотя бы приоткроет дверь, с ним будет покончено.

Пит кивнул.

— Я так и думал, — сказал он и обратился к тому, второму: — Только не мучай меня, парень.

Мистер Грей молча взирал на него глазами Джоунси, не давая никаких обещаний. Пит вздохнул, поднял обугленную левую руку, вытянул палец и, закрыв глаза, стал водить им взад-вперед, взад-вперед. И тут Джоунси вроде как осенило. Теперь он, похоже, понял все. Как звали ту малышку? Ринкенхауэр, верно? Да. Имя ее он не помнил, но неблагозвучное сочетание звуков вроде «ринкенхауэр» забыть трудно. Она тоже ходила в школу Мэри М. Сноу, иначе говоря, Академию Дебилов, хотя Даддитс к тому времени перешел в профучилище. А Пит? У Пита всегда была забавная манера все запоминать, но после Даддитса...

Слова нахлынули на Джоунси, съжившегося у окна своей грязной маленькой камеры, откуда он глядел на мир, украденный у него... только это были не совсем слова, одни открытые гласные, странно прекрасные и до ужаса понятные.

Ы ииc иию, Ит? Ты видишь линию, Пит?

Пит, с лицом исполненным мечтательного благоговейного удивления, сказал, что видит. И с тех пор проделывал этот трюк с качающимся пальцем. В точности, как теперь.

Палец замер, хотя кончик все еще подрагивал, как волшебный пруттик лозоходца. Потом Пит показал на гребень, возвышавшийся чуть справа от снегохода.

— Там, — прошептал он, опустив руку. — Там север. Правь прямо на эту скалу. Ту, с сосной посредине. Видишь?

Вижу.

Мистер Грей снова включил зажигание. Джоунси рассеянно подумал, хватит ли у него бензина.

— Можно мне остаться? — спросил Пит. То есть дадут ли ему наконец умереть.

Нет.

Они снова пустились в путь. Пит обессиленно привалился к куртке Джоунси.

11

Они обогнули скалу, взобрались на самый высокий холм рядом с ней, и мистер Грей снова остановился, чтобы потребовать от своего живого суррогатного сигнального огня новых указаний. Пит снова просчитал направление, и так они продолжали путь, уходя все дальше и дальше, чуть к западу от севера. Дневной свет продолжал меркнуть.

Как-то они слышали шум вертолетов, по меньшей мере двух, а может, и четырех, летевших навстречу. Мистер Грей завел снегоход в густые кусты, не обращая внимания на ветки, бившие по лицу Джоунси, высекавшие кровь на щеках и лбу. Пит снова рухнул в снег. Мистер Грей заглушил двигатель и затащил стонавшего, почти теряющего сознание Пита под самый разлапистый куст. Там они переждали, пока рокот вертушек затих вдали. Джоунс почувствовал, как мистер Грей наспех проник в мозг одного из команды и сканировал его, вероятно, сверяя сведения с теми, что сообщил Пит. Когда вертушки прошлепали к юго-западу, очевидно, возвращаясь на базу, мистер Грей завел снегоход и продолжал держаться прежнего маршрута. Снег пошел опять.

Еще через час они остановились на очередном гребне, и Пит снова покатился со снегохода, на этот раз приземлившись на бок. Он поднял голову, но лица уже не было. Исчезло под толстым слоем растительности. Он пытался говорить, но слова давались с трудом: рот был забит вездесущим байрумом.

Не могу, парень, не могу. Пожалуйста. Отвяжись от меня.

Да, — ответил мистер Грей. Думаю, ты свое дело сделал.

Пит! — крикнул Джоунси и, уже обращаясь к мистеру Грею, умоляюще прошептал:

Нет! Не смей!

Мистер Грей, разумеется, не среагировал. Но Джоунси успел увидеть в единственном глазу Пита молчаливое понимание. И облегчение. В это мгновение Джоунси все еще был способен коснуться разума Пита, своего школьного друга, того, кто всегда ждал их у ворот школы, прикрывая одной рукой воображаемую сигарету во рту, того, кто мечтал стать астронавтом и увидеть мир из своего космического корабля, одного из четверки, спасшей Даддитса от взрослых парней.

На одно мгновение. Потом он ощутил, как из мозга мистера Грея что-то взметнулось, и пакость, облепившая Пита, не просто дернулась, а стиснула. И череп Пита со зловещим скрипом треснул сразу в десяти местах. Лицо... то, что осталось от лица, втянулось внутрь, как сдвинувшийся воздушный шар, мгновенно превратив его в дряхлого старика. Пит грузно повалился головой вперед, и снег мелкой солью присыпал его пуховик.

Ты, ублюдок.

Мистер Грей, безразличный к проклятиям и гневу Джоунси, не ответил. Он снова устремил взгляд вперед. Беснующийся ветер моментально стих, и в снежном занавесе открылась дыра. Примерно в пяти милях к северо-западу от того места, где стоял снегоход, Джоунси увидел плывущие огни, но на этот раз не сигнальные. Свет фар. Великого множества фар. Грузовики, идущие колонной по шоссе. Грузовики, и ничего больше. Теперь эта часть Мэна — арена военных действий.

И все ищут тебя, мудака, прошипел он, когда снегоход покатился дальше. Снежная пелена снова сгустилась, отсекая грузовики, но Джоунси знал, что мистер Грей без труда доберется до шоссе. Пит довел его до этого места, к той части карантинной зоны, где особых неприятностей не ожидалось. Теперь мистер Грей рассчитывал, что Джоунси поможет ему проделать остаток пути, потому что Джоунси — другой. Главное, что байрум его не берет. По какой-то причине Джоунси пришелся ему не по вкусу.

Тебе никогда не выбраться отсюда, сказал Джоунси.

Выберусь, заверил мистер Грей. Мы всегда умираем и всегда живем. Всегда проигрываем и всегда побеждаем. Нравится тебе или нет, Джоунси, но за нами будущее.

Если это правда, значит, лучшей причины жить в прошлом просто не найти, парировал Джоунси, но мистер Грей не ответил. Мистер Грей как сущность, как сознание куда-то канул, слился с облаком. Того, что от него осталось, хватало только, чтобы кое-как поддерживать способности Джоунси управлять снегоходом и прорваться к шоссе. И Джоунси,

беспомощно уносимый навстречу уготованному серым существом, сумел найти слабое утешение в двух неоспоримых фактах. Первый: мистер Грей по-прежнему не в состоянии добраться до последнего уголка его «я», той крохотной части бытия Джоунси, что еще существовала в его воспоминаниях о конторе братьев Трекер. И второе: мистер Грей не знал о Даддитсе... о «нет костяшек, нет игры».

И Джоунси намеревался сделать все, чтобы мистер Грей не докопался. По крайней мере пока.

Глава 13. В МАГАЗИНЕ ГОССЛИНА

1

По мнению Арчи Перлмуттера, отличника, удостоенного произносить прощальную речь на вечере выпускников (тема: «Преимущества и обязанности демократии»), бывшего «орла»^[51], доброго пресвитерианина, выпускника Уэст-Пойнт, «Страна товаров Госслина» не имела ничего общего с реальностью. Высвеченный фонарями и прожекторами в количестве, которого с лихвой хватило бы на небольшой город, магазин казался чем-то вроде фальшивой киношной декорации. Словно какому-то свихнувшемуся режиссеру вроде Джеймса Камерона вздумалось поставить фильм, где расходов на один лишь постановочный банкет или свадьбу хватило бы, чтобы прокормить население Гаити в течение двух лет. Даже снег, становившийся все гуще, не мог затмить беспощадно-яркого, какого-то химического зарева, разрушить иллюзию того, что вся обстановка, от жестяных покосившихся дымоходов, выраставших из крыши, до единственной ржавой бензоколонки перед зданием, — просто загородка в съемочном павильоне.

Начинается Акт Первый, думал Перли, энергично вышагивая по тропинке, с неизменной планшеткой под мышкой (Арчи Перлмуттер всегда воображал себя натурой артистической и немного, совсем немного, деловой). Мы торчим в заброшенном сельском магазинчике. Старожилы сидят у печки, не той, маленькой, в офисе Госслина, а большой, в самом магазине, пока за окном растут нежные сугробы. Они толкуют об огнях в небе... пропавших охотниках... серых человечках, поселившихся в лесу. Владелец магазина, назовем его, скажем, старик Росситер, презрительно фыркает. «О Боже, какая чушь, все вы просто шайка выживших из ума кретинов», твердит он, и тут помещение вдруг заливают ослепительное сияние (совсем как в «Ближних контактах третьего рода»), это садится НЛО. Оттуда сыплются кровожадные пришельцы и сеют смерть своими бластерами. Все равно что «День Независимости», но весь прикол в том, что действие происходит в лесу.

Рядом, изо всех сил стараясь не отстать, перебирал ногами Мелроуз, третий помощник повара (одна из немногих официальных должностей в этой маленькой авантюре). Вместо ботинок или сапог на нем были тапочки:

Перлмуттер вытащил его из «Спаго» (так солдаты называли кухонную палатку), и он все время оскальзывался. Вокруг суетились мужчины (и несколько женщин), которые в основном почему-то держались по двое. Многие что-то говорили в миниатюрные микрофоны или «уоки-токи». Ощущение присутствия в кинопавильоне усиливалось неумолчным ревом моторов, генераторов, скоплением грузовиков, трейлеров, стоящими чуть поодаль вертолетами (вынужденными вернуться из-за ухудшения погоды).

— Зачем я ему понадобился? — снова спросил Мелроуз, задыхаясь, и еще более жалобно, чем обычно.

Они уже добрались до загона и выгула рядом с коровником Госслина. Старая покосившаяся изгородь (прошло десять или больше лет, с тех пор как здесь стояли или проминались лошади) была укреплена и оплетена колючей проволокой и проводами под напряжением, не смертельным, но достаточно высоким, чтобы любого неосторожного беглеца в конвульсиях отшвырнуло на землю... а если туземцы станут чересчур беспокойными, дозу всегда можно увеличить до смертельной. Из-за ограды на них смотрели человек двадцать — тридцать. Среди них старик Госслин (в версии Джеймса Камерона Госслина играл бы какой-нибудь закаленный ветеран вроде Брюса Дерна). Еще совсем недавно люди за проволокой забеспокоились бы, стали выкрикивать угрозы и требования, сыпать ругательствами, но с тех пор, как они стали свидетелями того, что случилось с банкиром из Массачусетса, пытавшимся бежать, их задор сильно поувял. Бедняги! Видеть, как кому-то стреляют в голову, — испытание нелегкое, и почти всякий на их месте сломался бы. А тут еще и то обстоятельство, что все задействованные в операции носят прозрачные маски, прикрывающие нос и рот. Кого хочешь подкосит!

— Босс? — Нытье сменилось жалобным подвыванием. Вид американских граждан, толкущихся за колючей проволокой, очевидно, не прибавил Мелроузу храбрости. — Босс, ну скажите, зачем начальство хочет меня видеть? Крутым шишкам не к лицу даже знать о существовании такой жалкой мошки, как третий помощник повара.

— Понятия не имею, — повторил Перлмуттер, и это была правда.

Впереди, в самом начале участка, обозначенного как «Эггбитер Алли», стояли Оуэн Андерхилл и какой-то парень из объединенного автопарка. Тип из автопарка что-то орал в ухо Андерхиллу, пытаясь перекрычать грохот снижавшихся вертолетов.

Ничего, подумал Перлмуттер, скоро вертушки заткнутся; кому охота летать в таком дерьме. Слишком рано пришла зима в этом году, хотя... хотя Курц отчего-то назвал вьюгу даром Божьим. Когда он отмачивает такие

штуки, никак не поймешь, то ли он шутит, то ли вполне серьезен. Правда, тон у него при этом... испугаешься. Похоже, он вообще не умеет шутить, хотя иногда даже смеется. От этого смеха у Арчи Перлмуттера мороз по коже. В фильме Курца играл бы Джеймс Вудз. А может, Кристофер Уолкен. Ни один, правда, не похож на Курца, но разве Джордж. С. Скотт хоть чем-то напоминал Паттона?^[52] Вот так-то.

Перлмуттер резко повернул к Андерхиллу. Мелроуз попытался последовать за ним, поскользнулся и с проклятиями плюхнулся на задницу. Перлмуттер тронул Андерхилла за плечо и от души понадеялся, что маска хотя бы отчасти скроет его изумление: Андерхилл, казалось, постарел на десять лет с той минуты, когда вышел сегодня утром из школьного автобуса.

Подавшись вперед, Перли завопил, перекрывая вой ветра:

— Курц в пятнадцатой! Не забудьте!

Андерхилл нетерпеливо отмахнулся, давая понять, что не забудет, и вновь повернулся к типу из автопарка. Теперь Перлмуттер его узнал. Бродски, вот он кто. И прозвище у него — Дог.

Командный пост Курца, размещенный в громадном «виннебаго», внушительном трейлере (в фильме его наверняка отвели бы под жилище звезды или главного режиссера), находился в нескольких шагах отсюда. Перли ускорил шаг, храбро встречая порывы ветра и бьющие в лицо снежинки. Мелроуз бежал рядом, на ходу стряхивая снег с комбинезона.

— Ну же, командир, — умолял он, — неужели так-таки ничего не знаете?

— Нет, — отрезал Перлмуттер.

Он и в самом деле понятия не имел, зачем Курцу понадобился жалкий поваришка, да еще в такой суматохе. Но и он, и Мелроуз чувствовали, что это не к добру.

Оуэн повернул голову Эмила Бродски, надвинул маску ему на ухо и потребовал:

— Расскажи еще раз. Не все, только о той части, что ты назвал мозготрахом.

Бродски не возразил, хотя прошло не менее десяти секунд, пока он собрался с мыслями. Оуэн его не торопил. Впереди ждала встреча с Курцем, а после нее предстояло выслушивать отчеты команды,

переворошить гору бумаг, и Господу одному известно, сколько еще всего, но он нюхом чуял, что дело важное.

А вот скажет ли он об этом Курцу или нет, еще неизвестно. Посмотрим...

Наконец Бродски повернул голову Оуэна, прислонил к его уху свою маску и начал рассказ, на этот раз более подробный, но в основном тот же самый. Он шел по полю мимо магазина, беседуя одновременно с Кембри и с головной машиной бензозаправщиков, когда кто-то словно пробрался в его голову. Он вдруг оказался в старом захламленном сарае, с кем-то, кого так и не сумел разглядеть. Мужчина никак не мог завести снегоход и просил Дога помочь ему. Подсказать, что неладно с мотором.

— Я попросил его открыть капот, — орал Бродски в ухо Оуэна. — Он так и сделал, и мне показалось, будто я гляжу сквозь его глаза, но при помощи моего мозга... понимаете?

Оуэн кивнул.

— Я сразу понял, в чем дело — кто-то вытащил свечи. Поэтому велел парню поискать, что он и сделал. Что мы оба и сделали. И точно, они мокли в банке с бензином на верстаке. Мой па делал то же самое со свечами своего «лон-боя», когда наступали холода.

Бродски смолк, явно смущенный либо тем, что говорил, либо тем, как, по его мнению, выглядит со стороны. Оуэн знаком велел продолжать.

— Ну вот и все... почти. Я сказал ему вытащить свечи, протереть и вставить. Все как обычно. Сколько раз я помогал парням чинить машины, если не считать того, что... был не там. Здесь. Все время здесь. Ничего этого не было на самом деле.

— И что дальше? — заорал Оуэн. Оба кричали во весь голос, но при этом оставались в таком же вакууме, как священник и кающийся в исповедальне.

— Двигатель завелся с первой попытки. Я посоветовал ему проверить бензобак. Оказалось, что он полон. Парень сказал «спасибо». — Бродский ошарашенно потряс головой. — А я ответил «без проблем, босс». И тут я вроде бы плюхнулся в собственную голову, и оказалось, что все вокруг по-прежнему. Мы с Кембри идем по полю. Считаете меня психом?

— Нет. Но хочу, чтобы вы пока держали это при себе.

Плотно сжатые губы под маской растянулись в ухмылке.

— О, и тут без проблем. Я... я просто... нам приказано докладывать обо всем необычном, и я подумал...

Быстро, не давая Бродски времени на размышления, Оуэн отчеканил:

— Как его звали?

— Джоунси Три, — ответил Дог и тут же вытаращил глаза: — Мать твою! Понятия не имел, что смогу ответить.

— Как, по-вашему, это что-то вроде индейского имени? Вроде как Сонни Убийца Шестерых или Рон Девять Лун?

— Возможно, хотя... — Бродски приостановился, наморщил лоб и выпалил: — Это ужасно! Не когда все происходило, но позже... при одной мысли о таком... это все равно... все равно... — Он понизил голос. — Все равно что тебя изнасиловали, сэр.

— Оставь, — сказал Оуэн. — Постарайся забыть. У тебя много дел?

— Не очень, — улыбнулся Бродски. — Всего несколько тысяч.

— В таком случае вперед.

— О'кей.

Бродски отступил, но тут же обернулся. Оуэн смотрел на загон, где раньше содержались лошади, а теперь томились люди. Большинство задержанных заперли в сарае, но дюжину-другую согнали на выгул, словно для какой-то гротескной вечеринки. Предоставили утешаться в компании друг друга? Какой-то длинный парень стоял поодаль. Тощий, понурый, в огромных очках, словно настоящий филин. Бродски перевел взгляд с обреченного филина на Андерхилла:

— Вы не собираетесь послать меня в психушку? Или к шринку?

Разумеется, ни тот, ни другой даже не подозревали, что костлявый парень в старомодных роговых очках и есть настоящий шринк.

— Ни за... — начал Оуэн, но прежде чем успел договорить, из «виннебаго» Курца раздался выстрел, сопровождаемый отчаянным воплем.

— Босс? — прошептал Бродски.

Оуэн разобрал это слово за ревом моторов. Вернее, прочитал по губам. И еще три:

— О, мать твою...

— Иди, Дог, — сказал Оуэн. — Тебя это не касается.

Бродски продолжал смотреть на него, нервно облизывая губы. Оуэн кивнул, пытаясь казаться уверенным, властным, настоящим командиром-у-которого-все-схвачено, все-под-контролем. Может, это и сработало, потому что Бродски повернулся и отошел.

Из «виннебаго» с написанной от руки табличкой на двери (БЕЗ ВЫЗОВА НЕ ВХОДИТЬ) все еще неслись крики. Оуэн повернул было туда, но парень, стоящий в стороне от других заключенных, окликнул его:

— Эй! Эй вы! Постойте, мне нужно поговорить с вами!

Еще бы, подумал Андерхилл, не замедлив шага. Бьюсь об заклад, у тебя уже готова трогательная сказочка и тысяча причин, почему тебя нужно

немедленно выпустить отсюда.

— Оверхилл? Нет, Андерхилл. Вас ведь так зовут, верно? Конечно, так. Мне нужно поговорить с вами: это важно для нас обоих.

Оуэн вдруг перестал внимать воплям из «виннебаго», постепенно перешедшим в рыдания, и остановился. Там, конечно, далеко не все в порядке, но по крайней мере хоть не убили никого, и то хорошо. На этот раз он пристальнее пригляделся к парню в очках. Тощий как палка и трясется от холода, несмотря на пуховик.

— Это важно для Риты. — Тощий говорил громко, перекрикивая шум. — И для Катрины тоже.

Выдав эти имена, парень бессильно обмяк, словно тащил их, как тяжелые булыжники из глубокого колодца, но Оуэн, потрясенный упоминанием о жене и дочери, едва это заметил. Откуда совершенно чужому человеку знать такое?

Первым порывом было броситься к незнакомцу и спросить, откуда ему все это известно, но он и так опаздывал... на встречу с Курцем. И если до сих пор никого не убили, возможно, все еще впереди.

Оуэн в последний раз взгляделся в человека за проволокой, запоминая его лицо, и поспешил к «виннебаго» с табличкой на двери.

3

Перлмуттер читал «Сердце тьмы», смотрел «Новый Апокалипсис» и много раз думал о том, что имя «Курц» словно нарочно подобрано для подобных обстоятельств. Он готов был поставить сотню долларов (немалая сумма для нищей артистической натуры вроде него), что это не настоящее имя босса: по-настоящему его могли звать Артуром Хользэпплом, или Дагвудом Элгартом, а может, и Пэдди Мэлони. Курц? Сомнительно. Почти наверняка псевдоним, такой же театральный реквизит, как отделанный перламутром револьвер сорок пятого калибра у Джорджа Паттона. Некоторые солдаты, бывшие с Курцем еще со времен «Бури в пустыне» (самому Арчи Перлмуттеру и близко не довелось стоять), считали его спятившим сукиным сыном. Арчи придерживался того же мнения. Иными словами, крыша у него давно уже съехала. Совсем как у старика Паттона. Не исключено, что бреясь по утрам и глядя на себя в зеркало, он повторял: «О ужас, ужас, ужас» — драматическим шепотом Марлона Брандо.

Поэтому Арчи испытывал нечто вроде нервной дрожи, впрочем, вполне привычной, провожая Третьего Помощника Повара Мелроуза в

жаркую духоту командирского трейлера. Курц выглядел совсем неплохо. Восседал в плетеной качалке того пяточка, что считается гостиней. Он снял комбинезон, висящий теперь на двери, через которую вошли Перлмуттер и Мелроуз, и принимал их в кальсонах. Со спинки качалки свисала кобура с пистолетом, не отделанным перламутром сорок пятого калибра, а девятимиллиметровым автоматическим.

Всю электронику уже установили. На столе Курца бурчал факс, выплевывая нескончаемую бумажную ленту. Каждые пятнадцать секунд компьютер восклицал жизнерадостным механическим голосом: «Почта!»

Три радиоприемника — звук одного приглушен — трещали, перескакивая с одной частоты на другую. На искусственной сосне позади стола висели два снимка. Как и табличка на двери, они всегда были вместе с Курцем. На том, что слева, с подписью ИНВЕСТИЦИИ, был изображен ангелоподобный мальчик. Правая рука поднята в скаутском приветствии. На том, что справа, помеченном ДИВИДЕНДЫ, — вид Берлина с воздуха, снятый в сорок пятом. Два здания уцелели, но кругом одни развалины.

Курц помахал рукой из-за стола.

— Не берите в голову, мальчики, это просто шум. Я поручил Фредди Джонсону с этим разобраться, но сейчас отослал его в столовую перехватить чего-нибудь. Велел ему не торопиться... пусть спокойно лопают все четыре блюда, потому что... ситуация... ситуация, мальчики... ситуация здесь... почти... СТАБИЛИЗИРОВАЛАСЬ! — Он ощерился в свирепой ухмылке ФДР^[53] и стал раскачиваться на стуле. Вместе с ним, как чудовищный кулон, моталась кобура.

Мелроуз нерешительно улыбнулся в ответ. Перлмуттер улыбнулся тоже, но менее сдержанно. Похоже, он наконец сообразил, что собой представляет Курц: босс попросту экзистенциальный тип личности, одержимый честолюбием, стремлением подражать сильным личностям... и приходится надеяться, что последнее его заявление — хороший знак. Чудесный знак. Гуманитарное образование не такое уж великое преимущество в военной карьере, но все же кое-чему помогает. Например, вовремя вернуть подходящую фразу.

— Единственный мой приказ лейтенанту Джонсону... опаньки, никаких чинов, я хотел сказать, моему старому приятелю Фредди Джонсону — помолиться, перед тем как он возьмет в руки ложку. А вы молитесь, парни?

Мелроуз кивнул все так же смущенно. Перлмуттер — снисходительно, в полной уверенности, что подчеркнутая набожность Курца показная. Такой же блеф, как его имя.

Курц продолжал раскачиваться, радостно взирая на мужчин, стоящих в лужах от стаявшего с сапог снега.

— Лучше молитвы — детские молитвы, — сказал Курц. — Сами понимаете, простота. «Бог — великий, Бог — добрый, давайте скажем ему спасибо за нашу пищу». Ну разве не чистосердечно? Разве не прекрасно?

— Да, но... — начал Перли.

— Заткнись на хрен, щенок, — весело сказал Курц, по-прежнему раскачиваясь.

Пистолет все так же болтается взад и вперед на конце портупеи. Курц перевел взгляд на Мелроуза:

— А ты что думаешь, малыш-рядовой? Это прекрасная маленькая молитва или прекрасная маленькая молитва?

— Да, с...

— Или «Аллах акбар», как говорят наши друзья арабы, «Нет Бога, кроме Бога». Что может быть проще? Режет пиццу прямо до середины, если понимаете, о чем я.

Они не ответили. Курц раскачивался все быстрее, и пистолет тоже раскачивался все быстрее, и у Перлмуттера все поплыло перед глазами, совсем как утром, до того, как прибыл Андерхилл и немного охладил Курца. Возможно, все это очередной спектакль, но...

— Или Моисей перед горящим терновником! — закричал Курц. Длинное лошадиное лицо озарилось идиотской улыбкой. — «С кем говорю я?» — спрашивает Моисей, а Бог ему в ответ: «Я — то, что Я, и все, что Я, ку-ку». Что за весельчак этот Господь, а, мистер Мелроуз? Кстати, вы действительно называли посланцев из Великого Потустороннего «космическими ниггерами»?

У Мелроуза отвисла челюсть.

— Отвечай, рядовой.

— Сэр, я...

— Назови меня еще раз «сэром», когда группа на задании, Мелроуз, и следующие два дня рождения отпразднуешь в каторжной тюрьме, понятно? Усек, о чем я?

— Да, босс! — Мелроуз выпрямился по стойке «смирно». Лицо было смертельно бледным, если не считать красных от холода пятен на щеках, пятен, аккуратно разрезанных пополам тесемками маски.

— Так как же? Называл ты наших гостей космическими ниггерами или нет?

— Сэр, может, я и сболтнул чего-то...

Перлмуттер ни за что не поверил бы, что Курц способен действовать с

такой быстротой (не будь он свидетелем, наверняка решил бы, что это специальный эффект, как в фильме Джеймса Камерона). Повернувшись, он выхватил из кобуры свой девятый калибр и, даже вроде бы не целясь, молниеносно спустил курок. Верхняя часть левой тапочки Мелроуза взорвалась. Во все стороны полетели клочья парусины. Кровь и частички кожи брызнули на штанину Перлмуттера.

Я этого не видел, подумал Перли. Этого просто не было. Но Мелроуз дико взвыл, неверяще глядя на искаленную ногу, и, похоже, окончательно потерял способность соображать. Перлмуттер увидел торчащую кость, и все внутренности у него перевернулись.

Курц вскочил, хотя и не с такой быстротой, как выхватил пистолет, но все же быстро, пугающе быстро, и, схватив Мелроуза за плечо, впился взглядом в его искаженную физиономию.

— Заткни фонтан, малыш-рядовой.

Но Мелроуз уже ничего не слышал. Он истекал кровью, и Перли казалось, что верхняя часть стопы отстрелена начисто. Мир перед глазами Перли катастрофически серел и расплывался. Пришлось призвать всю силу воли, чтобы сосредоточиться. Если он сейчас отключится, один Бог знает, что Курцу взбредет в голову сотворить с ним. Перлмуттер слышал немало подобных историй, но решительно отметал девяносто процентов, считая их либо враньем, либо сплетнями, распушенными самим Курцем в назидание и устрашение.

Так все это правда? — думал Перлмуттер. Это не мифотворчество, это миф.

Курц четко, почти с хирургической точностью, прижал дуло пистолета к самому центру медово-белого лба Мелроуза.

— Прекрати этот бабий визг, рядовой, или я сам его прекращу. Есть моменты, которые, думаю, следует знать даже тому, у кого чердак слабо освещен. Такому, как ты.

Мелроузу каким-то образом удалось загнать вой обратно в глотку, превратив его в тихие жалобы всхлипы. Это, похоже, удовлетворило Курца.

— А теперь послушай меня, рядовой. Ты должен выслушать, хотя бы для того, чтобы передать другим. Думаю, твоя нога, вернее, то, что от нее осталось, послужит достаточно убедительным аргументом, но твоим священным губам придется поведать подробности. Так ты слушаешь, парень? Слушаешь эти самые подробности?

Все еще рыдая, выкатив глаза, два голубых стеклянных шара, Мелроуз кивнул.

Голова Курца быстро, словно у готовящейся ударить гадюки, метнулась вбок, и Перлмуттер разглядел лицо босса. Безумие было впечатано в каждую черту так же отчетливо, как боевая раскраска индейца. В этот момент все, что прежде Перлмуттер думал о своем командире, развеялось прахом.

— А ты, малыш? Слушаешь? Потому что ты тоже вестник. Вы оба вестники.

Перли кивнул. Дверь открылась, и он с непередаваемым облегчением увидел Оуэна Андерхилла. Взгляд Курца метнулся к нему.

— Оуэн! Дружище! Еще один свидетель! Еще один, благодарение Богу, еще один вестник! Ты слушаешь? Понесешь ли слово дальше из этого счастливого места?

Бесстрастный, как игрок в покер на высокие ставки, Андерхилл кивнул.

— Прекрасно! Прекрасно!

Курц вновь обратил внимание на Мелроуза.

— Цитирую из Военного устава, третий помощник повара. Часть 16, раздел 4, параграф 3. «Использование неуместных эпитетов, направленных на оскорбление по признаку всякого рода различий, как-то: расовых, этнических, а также по половому признаку, противоречат морали и правилам поведения военнослужащих. Если таковой проступок доказан, виновный наказывается военным трибуналом или полевым судом в лице соответствующего командного состава», конец цитаты. Соответствующий командный состав — то есть я, нарушитель устава, использующий неуместные эпитеты, — то есть ты. Все налицо. Понятно, Мелроуз? Сечешь фишку?

Мелроуз что-то забормотал, но Курц оборвал его. Оуэн Андерхилл стоял в дверях, не двигаясь с места, не замечая, как на волосах тает снег и сбегает по прозрачной маске как пот. Стоял и сверлил Курца взглядом.

— А теперь, третий помощник повара Мелроуз, должен добавить: то, что я процитировал здесь, в присутствии свидетелей, хвала Господу, называется «правила поведения», что означает: никакой трепотни о лягушатниках, фрицах, макаронниках и краснозадых. Сюда же, применительно к данной ситуации, можно отнести и космических ниггеров. Без всяких оскорблений, надеюсь, ты это понял?

Мелроуз попытался было кивнуть, но, теряя сознание, пошатнулся. Перли схватил его за плечи и выпрямил, моля Бога, чтобы Мелроуз не грохнулся навзничь, прежде чем все это кончится, и Господу одному известно, что Курцу взбредет сотворить с Мелроузом, если у того хватит

наглости отключиться, прежде чем босс дочитает проповедь.

— Мы собираемся стереть с лица земли этих вторгшихся сюда незваными мудозвонов, и если они когда-нибудь попробуют вернуться на Терра Фирма, оторвем их коллективную серую голову и отсечем коллективную серую шею, если же они станут упорствовать, применим их собственную методику, которую уже почти освоили, обрушившись на место их обитания в их же кораблях или подобных, созданных «Дженерал электрик» или «Дюпон», и хвала Господу «Майкрософту», оказавшись там, сожжем их города или ульи, или чертовы муравейники, где там они живут, польем напалмом их янтарные волны пшеницы, сровняем с землей величие их пурпурных гор, хвала Господу, Аллах акбар, мы наполним огненной мочой Америки их озера и океаны. Но мы проделаем все это самым пристойным и приличным образом, без оскорблений по признаку различий пола, религиозных, расовых или этнических. Мы сделаем это, потому что они имели дерзость явиться не к тем соседям и сунулись не в ту дверь. Это не Германия тридцать восьмого и не Оксфорд, штат Миссисипи, шестьдесят третьего. Ну как, мистер Мелроуз, сумеете передать мои слова остальным?

Глаза Мелроуза закатились так, что из глазниц устрашающе слепо смотрели белки, колени подогнулись. Перлмуттер снова вцепился ему в плечо, в надежде удержать, но на этот раз фокус не удался. Мелроуз рухнул, как подрезанный колос.

— Перли, — прошептал Курц, и когда эти прожигающие насквозь глаза обратились на него, Перлмуттер самым позорным образом струсил. Как никогда в жизни. Мочевой пузырь казался раскаленным переполненным мешком, который вот-вот лопнет и брызнет содержимым прямо в комбинезон. Он мучительно ощущал, что если Курц увидит темное пятно, расплывающееся в паху адъютанта, пристрелит без всякой пощады, особенно в нынешнем настроении... но все эти соображения мало помогали. Наоборот, только хуже становилось. Еще немного, и...

— Да, с... босс?

— Как, по-вашему, он донесет весть? Сумеет передать мои слова? Достаточно ли он впитал открытую ему мудрость или слишком озабочен своей проклятой старой ногой?!

— Я... я... — Но тут Андерхилл кивнул, едва заметно, и Перли мигом воспрял духом. — Да, босс, думаю, он слушал внимательно.

Курц, сначала несколько удивленный пылом адъютанта, все же слегка отмяк и обратился к Андерхиллу:

— Как насчет вас, Андерхилл? Считаете, он передаст весть?

— Угу, — пробурчал Андерхилл. — Если дотащить его до лазарета, прежде чем он истечет кровью на вашем ковре.

Уголки губ Курца чуть поднялись:

— Позаботься о нем, Перли, ладно?

— Немедленно, — сказал Перлмуттер, устремляясь к двери и награждая Андерхилла взглядом, исполненным бесконечной благодарности, который тот, в свою очередь, то ли проигнорировал, то ли просто не заметил.

— Бегом, мистер Перлмуттер. Оуэн, я хочу потолковать с вами голова к голове, как говорят ирландцы. — Он, не глядя, переступил через тело Мелроуза и резво направился в кухню. — Кофе? Фредди успел сварить, но не могу поручиться, что он пригоден для питья, нет, поручиться никак нельзя, но...

— Согласен на кофе, — сказал Оуэн. — Наливайте, а я попытаюсь остановить парню кровь.

Курц, уже схватившийся за кофейник, уставился на Андерхилла, обдавая его кипятком поистине великолепного сомнения:

— Вы в самом деле считаете это необходимым?

На этом месте разговора Перлмуттер как раз добрался до выхода. Никогда еще метель не казалась ему столь приветливой. Все что угодно, лишь бы поскорее бежать!

Генри стоял у изгороди (стараясь не коснуться проволоки — он уже успел увидеть, что бывает с неосторожными), ожидая, пока Андерхилл — да, именно так его звали — возвратится с командного поста, но из открывшейся двери выскочил один из тех, кто вошел туда раньше. Скатившись по ступенькам, парень куда-то помчался. Высокий, неуклюжий, с серьезным лицом, типичным, по мнению Генри, для менеджеров среднего уровня. Сейчас вид у него был насмерть перепуганный. Несколько раз он спотыкался и едва не падал. Генри проводил его взглядом.

Менеджер среднего уровня сумел удержаться на ногах, но на полпути к двум составленным вместе полутрейлерам все же поскользнулся и покатился кубарем. Планшетка выпала из рук и лихо покатилась по дорожке, как маленькие санки для гномов.

Генри громко зааплодировал, но сообразив, что его вряд ли слышно за

оглушительным грохотом, приложил ладони рупором ко рту и прокричал:

— Подстава! Фаворит сбился с круга! Фотофиниш! Требуем фотофиниш!

Менеджер поднялся, не глядя на него, подхватил планшетку и в том же темпе потрусил к трейлерам.

Ярдах в двадцати от Генри стояла компания из восьми-девяти человек. Один из них, тучный малый в оранжевом пуховике, делавшем его похожим на тестяного человечка «Пилзбери»^[54], направился к нему.

— По-моему, вам не стоило этого делать, приятель. — Он помолчал и понизил голос. — Они пристрелили моего зятя.

Да. Генри прочел его мысли. Зять толстяка, тоже не худышка, визгливо рассуждавший об адвокате, о своих правах, работе в бостонской инвестиционной компании. Солдаты кивали, объясняя ему, что это временно, ситуация нормализуется, к вечеру все выяснится, и одновременно споро подталкивали двух ожиревших охотников к амбару, где уже томилась захваченная добыча, и вдруг зять неожиданно вырвался и метнулся к автопарку. Бум-бум, и свет померк.

Дородный мужчина с бледным искаженным лицом пересказывал все это Генри, но тот перебил его:

— Как считаете, что они намереваются сделать с остальными?

Шокированный собеседник вытаращился на Генри и отпрянул, словно боясь заразиться. Подумать только, ну не забавно ли? Да ведь все они, все подцепили какую-то инфекцию, по крайней мере чистильщики, нанятые правительством, в этом уверены, и конец их ждет все тот же.

— Вы ведь это не всерьез? — спросил толстяк. И добавил, почти просительно: — Слава Богу, мы в Америке.

— Неужели? И с вами, разумеется, поступают по закону?

— Они просто... Уверен, они просто... — Генри с видимым интересом ждал продолжения, но его не последовало. То есть не в этом ключе. — Мы ведь слышали выстрел, правда? — спросил толстяк. — И какие-то крики.

Из составленных вместе трейлеров появились двое санитаров с носилками. За ними с видимой неохотой следовал менеджер среднего уровня, крепко зажав под мышкой неизменную планшетку.

— Похоже, вы все правильно поняли. — Генри вместе с толстяком наблюдал, как люди с носилками поднимаются по ступенькам «виннебаго».

Едва мистер Менеджер Среднего Уровня приблизился к изгороди, Генри громко окликнул:

— Ну как делишки, надувала? Здорово повеселился?

Толстяк съежился. Малый с планшеткой наградил Генри взглядом, от

которого скисло бы даже парное молоко, и поплелся к «виннебаго».

— Это... Это что-то вроде чрезвычайной ситуации, — сказал толстяк. — К завтрашнему утру все уладится, даю голову на отсечение.

— А вот у вашего зятя головы уже нет, — напомнил Генри.

У толстяка слегка задрожали губы. Ничего не ответив, он вернулся к прежней компании, мнение которой, очевидно, больше соответствовало его собственному. Генри вновь уставился на «виннебаго», дожидаясь появления Андерхилла. Ему почему-то казалось, что Андерхилл — его единственная надежда... но как бы ни велики были сомнения Андерхилла относительно этой операции, надежда все же оставалась крайне слабой. У Генри же на руках была единственная карта. Карта звалась Джоунси. Они не знали о Джоунси.

Вопрос был в том, следует ли говорить про Джоунси Андерхиллу. Генри смертельно боялся, что из этого не выйдет ничего хорошего.

5

Минут через пять после того, как мистер Менеджер Среднего Уровня проследовал за санитарями в «баго», все трое снова показались на ступеньках, таща на носилках четвертого. В сверкающих огнях бледное до синевы лицо раненого казалось фиолетовым. Генри с облегчением увидел, что это не Андерхилл. Все-таки Андерхилл не такой, как все эти маньяки.

Прошло десять минут. Андерхилл не появлялся. Генри терпеливо ждал, утопая в снежных сугробах. По периметру изгороди были расставлены солдаты, сторожившие заключенных. Да-да, именно так, они заключенные и не надо подслащивать пилюлю. Один из них, вероятно, от нечего делать, подошел поближе. Те, кто перехватывал беглецов на перекрестке дорог Дип-кат и Суонни-пондс, ослепили его светом фонарей, и сейчас Генри не узнавал этого человека в лицо. Но как же был обрадован и вместе с тем потрясен, поняв, что разум тоже может обладать чертами, такими же характерными, как красивый рот, сломанный нос или косой глаз. Этот оказался одним из тех парней, которые сторожили на перекрестке. Тем самым, что врезал ему прикладом в зад, посчитав, что Генри недостаточно быстро шевелит ногами. С мозгами у Генри творилось что-то неладное: он никак не мог прочесть имя парня, хотя знал, что его брата зовут Френки и что еще в школе Френки арестовали и осудили за изнасилование. Правда, удалось выудить еще какие-то сведения, несвязные и отрывочные, как содержимое мусорной корзины. Генри понимал, что доискивается до

потока сознания, до обломков и щепок, несущихся по реке. И самым унижительным было то, что все выловленное казалось таким тупо-прозаичным!

— Эй ты! — вполне дружелюбно окликнул солдат. — Да это наш хитрожопый друг! Хочешь сосиску, хитрожопый?

— Уже съел, — улыбнулся в ответ Генри. И тут Бивер, как всегда неожиданно, дернул его за язык: — Пошел на хер, Фредди.

Солдат перестал смеяться.

— Посмотрим, где будет твоя хитрая жопа через двенадцать часов, — прошипел он. Изображение, проплывшее по реке его сознания, было вполне отчетливым: грузовик, полный трупов с белыми, перепутавшимися конечностями. — Ты уже оброс Рипли, хитрожопый?

Байрум, подумал Генри. Байрум, вот как он называется. Джоунси знает.

Генри ничего не ответил, и солдат отошел с довольным видом человека, победившего в споре. Изнемогавший от любопытства, Генри сосредоточился и увидел ружье. И не просто ружье, а именно «гаранд» Джоунси. Увидел и подумал:

У меня есть ружье. И я пристрелю тебя, как только повернешься спиной, мудака.

Солдат внезапно подскочил и, снова развернувшись, шагнул к изгороди. Веселая наглость сменилась мрачным сомнением.

— Что ты сказал, хитрожопый? Ты сказал что-то?

— Только хотел спросить, обломила ли тебе та девчонка, которую вскрыл Френки? Он поделился с тобой?

Солдат с идиотским видом выпучил глаза. На мгновение все вокруг словно застыло. Потом ступор сменился неистовой яростью. Он вскинул автомат. Бездонная черная дыра на конце дула показалась Генри улыбкой. Расстегнув куртку, он подставил грудь.

— Ну же! — расхохотался он. — Давай Рэмбо, работай свой номер.

Брат Френки продержал его под прицелом еще минуты две, и тут Генри ощутил, как его отпустило. Злоба утихла. Он балансировал на грани: солдат уже пытался придумать какую-нибудь правдоподобную историю, что-то вроде попытки к бегству, но слишком промедлил, и рассудок возобладал над красным чудовищем. Все повторяется... Ричи Гренадо живет в каждом из них. Все они — драконьи зубы этого мира.

— Завтра, — бросил солдат. — До завтра осталось не так уж много, хитрожопый.

На этот раз Генри промолчал: не стоит дразнить красное чудовище, хотя, видит Бог, это совсем не сложно. Он кое-что узнал... вернее, нашел

подтверждение своим подозрениям. Солдат услышал его мысли, но недостаточно отчетливо, в противном случае повернулся бы намного быстрее. Кроме того, он не спросил Генри, откуда тот знает о его брате Френки. Потому что на каком-то уровне солдат знал то, что и Генри: все они заражены телепатией, вся эта братия, они подхватили ее, как надоедливый вялотекущий вирус.

— Только у меня форма потяжелее, — пробормотал он, застегивая куртку. — Как у Пита, Бивера и Джоунси. Но Пит и Бив мертвы, а Джоунси... Джоунси... — Джоунси пришлось хуже всех, — сказал Генри вслух.

И где сейчас Джоунси?

Юг... Джоунси отправился назад, к югу. Карантин, над которым так тряслись эти типы, прорван, но это их, по-видимому, не слишком беспокоило. Они наверняка предвидели, что так и будет. И посчитали, что один-два беглеца ничего не изменят.

Генри сомневался в их правоте.

6

Оуэн вертел в руках кружку с кофе, дожидаясь, пока санитары выволокут свою ношу. К счастью, под воздействием морфия всхлипы и рыдания Мелроуза наконец свелись к бормотанию и тихим стонам. Перли ушел вместе с санитарями, и Оуэн остался наедине с Курцем.

Курц сидел в качалке, глядя на Оуэна Андерхилла с насмешливым любопытством. Буйствующий безумец куда-то делся, убран на время, как карнавальная маска.

— Я думаю о цифре, — сказал Курц. — Сколько?

— Семнадцать, — ответил Оуэн. — Вы видите ее в красном цвете. Как на боку пожарной машины.

Курц удовлетворенно кивнул:

— Теперь вы попытайтесь передать мне сообщение.

Оуэн представил табличку с ограничением скорости:

60 миль в час.

— Шесть, — немного подумав, сказал Курц. — Черное на белом.

— Почти верно, босс.

Курц отхлебнул кофе из кружки с надписью ЛЮБЛЮ ДЕДУЛЮ. Оуэн

с удовольствием последовал его примеру. Грязная ночь... грязная работа... а кофе Фредди совсем не плох.

Курц сунул руку в карман комбинезона и извлек большую косынку. Осмотрел со всех сторон, с гримасой боли опустил на колени (ни для кого не было секретом, что у старика артрит) и принялся вытирать брызги крови Мелроуза. Оуэн, который считал, что его уже ничто на свете потрясти не может, был потрясен.

— Сэр... — Вот, блин! — Босс...

— Заткнитесь, — бросил Курц, не поднимая головы и передвигаясь от пятна к пятну с аккуратностью заправской уборщицы. — Отец всегда говаривал, что каждый сам должен убирать за собой мусор, тогда в следующий раз, прежде чем что-то сделать, поневоле остановишься и подумаешь. Кстати, как звали моего отца, парень?

Оуэн сосредоточился и уловил лишь обрывок, словно случайно заглянул под взметенную ветром женскую юбку.

— Пол?

— На самом деле — Патрик... но близко, довольно близко. Андерсон полагает, что это волна, и она сейчас отдает свою энергию. Телепатическая волна. Не находите это достаточно логичной концепцией, Оуэн?

— Да.

Курц кивнул, не глядя, весь поглощенный уборкой.

— Куда более логична в теории, чем на практике, вы со мной согласны?

Оуэн рассмеялся. Старик еще не растерял способности удивлять. «Никогда не откроет карты» — говорят иногда о людях себе на уме. Но это еще не все. У Курца всегда припасено в рукаве несколько лишних тузов. И двоек тоже, а всем известно, что двойка — карта коварная.

— Садитесь, Оуэн. Пейте кофе сидя, как всякий нормальный человек, и не обращайтесь на меня внимания. Мне нужно доделать это.

Оуэн устроился на стуле и допил кофе. Минут через пять Курц с трудом поднялся, брезгливо ухватил косынку за самый кончик, отнес на кухню и, бросив в мусорное ведро, снова вернулся к качалке. Глотнул кофе, поморщился и отставил кружку.

— Остыл.

Оуэн поднялся:

— Сейчас принесу новый...

— Нет. Садитесь. Нам нужно поговорить.

Оуэн сел.

— Мы немного повздорили, там, у корабля, не так ли...

— Я не сказал бы...

— Знаю, что не сказали бы, но оба мы понимаем, что произошло. Мало ли что случается в горячке. Каждый может закусить удила. Но теперь нужно обо всем забыть. Придется. Потому что я командир, а вы мой заместитель, и впереди еще немало работы. Сумеет ли мы объединить свои усилия?

— Да, сэр. — Черт, опять! — То есть босс.

Курц удостоил его ледяной улыбкой.

— К сожалению, я потерял над собой контроль. — Очаровательный, откровенный, искренний и открытый. Столько лет дурачил Оуэна. Но больше ему этого не удастся. — Я собирался произнести речь в обычном образе — знаете, две части Паттона, одна часть Распутина, добавить воды, смешать и подать — и вдруг... фью! Сам не знаю, что это со мной стряслось. Подумали, что я спятил, а?

Осторожно, осторожно. Не забывать о телепатии, настоящей, не киношной телепатии, а Оуэн понятия не имел, насколько глубоко Курц способен проникнуть в его мысли.

— Да, сэр. Немного, сэр.

Курц деловито кивнул.

— Да. Немного. Весьма точное определение. Я уже давно такой: люди вроде меня необходимы, но крайне редки, найти их не просто, и нужно быть немного не в себе, чтобы выполнять подобные задания с честью, а не спустя рукава. Это тонкая грань, знаменитая тонкая грань, о которой так любят толковать кабинетные психологи, а ведь в мире еще не бывало такой грандиозной чистки... если, разумеется, предположить, что история о Геракле и Авгиевых конюшнях — всего лишь миф. Я прошу не сочувствия, а понимания. Если мы поймем друг друга, значит, сумеем завершить труднейшую в нашей карьере работу. Если же нет... — Курц пожал плечами. — Если нет, мне придется пройти через это без вас. Итак, вы со мной?

Оуэн отнюдь не был в этом уверен, но он знал, чего сейчас ждет Курц, и кивнул. Где-то он читал о птичке, живущей в пасти крокодила, с молчаливого согласия последнего. Теперь он сам себе казался такой птичкой. Курц уверяет, что простил его недавнюю выходку с радио. Пытается все свалить на стрессовую ситуацию. Якобы Оуэн сделал это в запале. Совсем как сам Курц искалечил Мелроуза. В запале. Потерял самообладание. Якобы. А что случилось шесть лет назад в Боснии? Но это уже давно не фактор. Может, Курц не лжет. А может, крокодил устал от надоедливого копошения птички в его зубах и собирается захлопнуть

пасть? Как Оуэн ни копался в мозгу Курца, а до правды так и не добрался. Тем более нужно быть крайне осторожным. Осторожным и готовым каждую минуту вспорхнуть.

Курц снова полез в комбинезон и вынул карманные часы в помятом корпусе.

— Дедушкины, — сказал он. — До сих пор ходят, как новенькие. Потому что механические. Никакой электроники. Наручные скапутились.

— Мои тоже.

Губы Курца скривились в усмешке.

— Загляните к Перлмуттеру, если выпадет свободная минутка и при условии, что сможете вынести его присутствие. Обремененный кучей обязанностей и заданий, он все же нашел время доставить три сотни механических часов, как раз перед тем, как пошел снег и полеты накрылись. Перли чертовски исполнитель. Жаль только, никак не отделается от мысли, что живет на съемочной площадке.

— Возможно, сегодня он сделал первые шаги в нужном направлении, босс.

— Возможно, возможно.

Курц размышлял. Андерхилл ждал.

— Ах, дружище, нам следовало бы пить виски. Сегодня у нас, можно сказать, что-то вроде ирландского бдения у гроба.

— Разве?

— Точно. Моя возлюбленная паука вот-вот откинёт копыта.

Оуэн поднял брови.

— Да. С минуты на минуту волшебный плащ-невидимка будет сорван. И останется всего лишь очереднаядохлая лошадь на потеху черни. Особенно политикам, которые любят изощряться в подобного рода вещах.

— Не понимаю.

Курц снова посмотрел на потемневшие от времени часы, возможно, украденные в ломбарде или... снятые с трупа. Андерхилл ничуть не сомневался, что Курц способен на все.

— Сейчас семь. Примерно через сорок часов президент собирается держать речь перед Генеральной Ассамблеей ООН. Можно только представить, какое количество народу соберется у приемников и телевизоров. Это станет частью величайших событий в истории человечества и самым большим фуфлом, с тех пор как Бог Отец Всемогущий сотворил космос и запустил планеты, чтобы они все вращались и вращались вокруг кончика его пальца.

— Что есть фуфло?

— Прекрасная сказка, Оуэн, и как всякая гениальная ложь, перемежается большими вкраплениями истины. Как изюминки в черствой булке. Президент скажет замороженному миру, миру, впивающему каждое его слово, затаив дыхание, хвала Иисусу, что корабль пришельцев из другой галактики потерпел крушение в северной части штата Мэн, то ли шестого, то ли седьмого ноября этого года. Это правда. Он скажет, что мы не были сильно поражены случившимся, поскольку, как и главы других стран, входящих в Совет Безопасности ООН, уже лет десять знаем, что инопланетяне навещают Землю. Тоже правда, только немногие из нас здесь, в Америке, были осведомлены о визитах наших дружков из пустоты еще с конца тридцатых. Мы знаем также, что русские истребители сбили корабль серых человечков над Сибирью в семьдесят четвертом... хотя Россия по сей день не знает, что мы знаем. Тот корабль, вероятно, был беспилотным, что-то вроде пробного камня. С тех пор таких появлялось немало. Серые провели первые контакты с осторожностью, которая вполне логично предполагает, что мы сумели их запугать.

Оуэн слушал все это с почти болезненным напряжением, которое, как он надеялся, ничем не выражалось ни на лице, ни на верхнем уровне мыслей, куда Курц все еще мог иметь доступ.

На этот раз Курц извлек из кармана помятую пачку сигарет «Марлборо» и протянул Оуэну, который покачал было головой, но все же взял одну из оставшихся четырех. Курц тоже закурил.

— Я говорил о смеси истины и лжи, — продолжил Курц, глубоко затягиваясь и выпуская дым. — Возможно, это не самый лучший способ представить ситуацию. Будем придерживаться фуфла, договорились?

Оуэн не ответил. Последнее время он редко курил, и от первой затяжки голова закружилась. Зато вкус был великолепным.

— Президент скажет, что правительство США установило карантин на месте крушения и примыкающем к нему районе по трем причинам. Первая чисто практическая: ввиду отдаленности Джефферсон-тракт и малочисленности населения стало возможным без особого труда выставить посты. Упали корабль в Бруклине или на Лонг-Айленде, мы столкнулись бы с огромными трудностями. Причина вторая: нам не ясны намерения пришельцев. Третья и самая убедительная: инопланетяне несут заразу, которую участники операции называют грибок Рипли. Страстно заверяя нас в отсутствии всякой инфекции, они на деле являются источниками смертельной опасности. Президент также поведает ужаснувшемуся миру, что грибок вполне может оказаться доминирующим разумом, а серые человечки — всего лишь питательная среда. Он покажет видеозапись, на

которой серые взрываются фонтанами спор. Пленка слегка подправлена, чтобы улучшить четкость, но тоже не подделка... в основном.

Лжешь, подумал Оуэн. Запись — чистая фальшивка от начала и до конца, такая же, как то дерьмо, которое несут об аутопсии пришельцев. Но почему ты лжешь? Потому что способен лгать. Все очень просто: тебе куда легче врать, чем говорить правду.

— Ну да, лгу, — кивнул Курц, успевший прочесть мысли собеседника, и, коротко сверкнув глазами, сосредоточенно уставился на сигарету. — Но факты точны и проверены. Кое-кто из них действительно взрывается и тут же превращается в миллионы красных одуванчиков. И штука эта называется Рипли. Вдохни ее, и через некоторое время — трудно сказать, сколько именно, может, час, может, два дня — твои мозги и легкие — просто салат из Рипли. Выглядишь, как ходячий куст ядовитого сумаха. А потом умираешь. Итак, упоминания о нашем маленьком сегодняшнем приключении не будет. По версии президента, корабль, сильно поврежденный при крушении, был либо взорван командой, либо взорвался сам. Все серые человечки погибли. Рипли, сначала распространившийся на небольшом участке, теперь постепенно погибает, очевидно, под действием холода. Кстати, русские подтверждают это. Кроме того, пришлось уничтожить животных — разносчиков инфекции.

— А человеческое население Джефферсон-тракт?

— Президент Соединенных Штатов намеревается объявить, что приблизительно триста человек, из которых семьдесят — местные жители, а остальные — охотники, проверяются на наличие грибка Рипли. Он сообщит также, что, хотя некоторые, похоже, заражены, инфекция легко побеждается такими антибиотиками, как цефтин и огментин.

— А теперь слово спонсору, — добавил Оуэн.

Курц довольно рассмеялся.

— Впоследствии придется объявить, что Рипли оказался немного более стойким к антибиотикам, чем считалось ранее, и что несколько пациентов погибли. В печать попадут имена тех, кто действительно умер, либо от Рипли, либо из-за хреновых имплантатов. Знаете, как их называют люди?

— Да, срань-хорьки. Президент упомянет о них?

— Ни в коем случае. Те, кто наверху, считают, что срань-хорьки могут расстроить простого Джона Зрителя. Как и информация о нашем способе решения проблем здесь, в магазине Госслина, этом древнем салоне красоты.

— Окончательного решения, как вы сказали бы, — уточнил Оуэн.

Он докурил сигарету до самого фильтра и раздавил окурок о край пустой кружки. Курц, не мигая, встретил взгляд Андерхилла.

— Да, можно назвать его и окончательным. Мы собираемся ликвидировать около трехсот пятидесяти человек, в основном мужчин, но не могу не отметить, что зачистка включает также какое-то количество женщин и детей. Таким, пусть и весьма прискорбным, но единственным способом мы сумеем оградить человечество не только от пандемии, но и возможного завоевания. Согласитесь, что это печальная необходимость.

Гитлеру наверняка пришлось бы по душе подобное фуфло... Оуэн не успел задавить смертельно опасную мысль. Да и кто бы смог на его месте?! Но он, как умел, замаскировал, спрятал ее за потоком бессвязной чуши. Перехватил ли ее Курц? Невозможно сказать: уж слишком он хитер.

— Сколько всего задержанных? — осведомился Курц.

— Около семидесяти. И вдвое больше везут из Кинео: они должны прибыть часам к девяти, если погода не ухудшится.

Ухудшение погоды прогнозировалось после полуночи.

— Угу, — кивнул Курц. — Еще человек пятьдесят придут с севера, семьдесят или больше с Сент-Кэп и южных поселков, и... наши парни. Не забудьте про них. Маски, похоже, помогли, но в медицинских отчетах отмечены уже четыре случая Рипли. Люди, разумеется, не знают.

— Неужели?

— Позвольте выразиться яснее. Судя по их поведению, у меня нет причин считать, что они знают. Так яснее?

Оуэн пожал плечами.

— Итак, — продолжал Курц, — официальный доклад будет гласить, что задержанные отправлены в секретное медицинское учреждение вроде Зоны 51, где будут подвергнуты дальнейшим исследованиям, а при необходимости — долгосрочному лечению. Больше заявлений не последует, если, разумеется, все пойдет по плану, но время от времени в печати будут проскальзывать сведения о тяжелой болезни, вялотекущей инфекции... несмотря на все усилия медиков остановить... безумие... чудовищные уродства, не поддающиеся описанию... и наконец... смерть — как величайшая милость... И публика, вместо того чтобы возмущаться, вздохнет с облегчением.

— Тогда как на самом деле?..

Он хотел, чтобы Курц это сказал, но ему следовало лучше знать собеседника. «Жучков» здесь наверняка не было (если не считать тех, что, вероятно, сидели в мозгу Курца), но обычная предосторожность не изменила боссу. Он поднял руку, нацелился на Курца указательным

пальцем и трижды опустил большой, не спуская глаз с «мишени».

Акульки глаза, подумал Оуэн.

— Всех? — спросил он вслух. — И тех, у кого нет Рипли, и тех, у кого он есть? А что будет с нами? Совершенно здоровыми солдатами?

— Парни, не успевшие подхватить Рипли, вернутся на базу, — сказал Курц. — Те же, кто проявил непростительную беспечность... вроде того... кстати, тут есть одна малышка, лет четырех, не больше, забавный чертенок. Так и ждешь, что она пустится в пляс и начнет петь: «Мой кораблик «Лоллипоп»».

Курц, очевидно, упивался собственным остроумием, но Оуэн оцепенел от ужаса. Четыре года, думал он. Всего четыре года...

— Прелестная крошка — и опасная, — добавил Курц. — Явный Рипли на одном запястье, на лбу у самых волос и в уголке глаза. Классический случай. Но когда солдат дал ей конфетку, словно голодающему косоварскому оборванцу, она его поцеловала. Трогательно до слез, хоть сейчас на фото, только теперь у него на щеке нестираемый отпечаток губ, и это вовсе не помада. — Курц поморщился. — Бреясь утром, он слегка порезался, но этого оказалось достаточно. Остальные тоже подхватили Рипли по глупости либо беспечности. Правила не меняются, Оуэн, разгильдяйство — верный путь к гибели. Но рад сообщить, что большинство наших парней близко не подходят к зачумленным. Нам придется находиться под медицинским наблюдением до конца жизни, не говоря уже о внезапных проверках, но должен признаться: эти чертовски преждевременно сдохнут от вашего заднепроходного рака.

— А гражданские лица, которые вроде бы пока избежали заражения? Как насчет них?

Курц подался вперед с самым обаятельным, невероятно убедительным видом. Всякий должен был чувствовать себя польщенным, одним из немногих избранных, кому довелось видеть Курца без его излюбленной маски («две части Паттона, одна — Распутина, добавить воды, размешать и подать на стол»). Раньше это безошибочно действовало на Оуэна. Но не сейчас. Распутин — не маска. Маска — вот это.

Но даже сейчас — и в этом был весь кошмар — он не был полностью уверен.

— Оуэн, Оуэн, Оуэн! Работайте мозгами, Господь дал вам неплохие мозги! Мы можем все уладить под шумок, не возбуждая подозрений и не поднимая мировой паники, поверьте, и без того вони будет немало, особенно после того, как наш избранный с минимальным перевесом голосов президент прикончит нашу пауку. Официально мы не можем

проделать такого с тремя сотнями штатских. А если в самом деле отправим их в Нью-Мексико, поместим в образцово-показательную деревушку лет на пятьдесят — семьдесят за счет налогоплательщиков? А если двое-трое сбегут? А если — и думаю, именно этого опасаются умники в верхах — Рипли со временем мутирует? Тогда инфекция, вместо того чтобы мирно скончаться, приобретет новые формы, куда более устойчивые к окружающей среде. Если же Рипли действительно разумен, это куда опаснее. Даже пусть и нет, что, если он послужит серым человечкам чем-то вроде маяка, дорожного знака, отмечающего путь к нашему миру, ням-ням, приходи и жри, эти парни — лакомый кусочек, и их тут полно?

— Хотите сказать, лучше перестраховаться, чем потом жалеть?

Курц откинулся на спинку кресла и просиял:

— Именно. Именно. Вы все-таки просекли самую суть.

Что ж, подумал Оуэн, может, это и суть, но дело вовсе не в ней. Нам небезразличны свои. Пусть мы бываем безжалостны, если приходится, но даже Кури присматривает за подчиненными. А вот штатские... всего лишь штатские. Если понадобится сжечь их, значит, пора разводить костры.

— Если еще сомневаетесь, что Бог есть и что Он по крайней мере часть своего времени проводит в заботах о старом добром хомо сапиенс, вспомните, как нам несказанно повезло, — сказал Курц. — Сигнальные огни появились рано и были сразу замечены. Одно сообщение поступило от владельца магазина, Реджинальда Госслина. Потом прибывают серые человечки. В единственное время года, когда в этом захолустье появляются люди, и сразу двое видят, как корабль падает на землю.

— Это была удача.

— Благодарь Божия, вот что это было. Их корабль разбивается, об их присутствии известно, холод убивает и их, и ту космическую перхоть, которой они начинены. — Курц перечислял, загибая длинные пальцы. Белесые ресницы часто моргали. — Но это еще не все. Их чертовы имплантаты не сработали: вместо того чтобы вживляться в организмы хозяев, они превращаются в каннибалов и пожирают их. Отстрел животных прошел благополучно: мы сумели обезвредить около ста тысяч тварей, и сейчас у границы округа Касл устроено грандиозное барбекю. Весной и летом пришлось бы гоняться за насекомыми, которые могли бы перенести Рипли за пределы зоны, но не сейчас. Не в ноябре.

— Но какие-то животные могли прорваться.

— Вполне вероятно, как и люди. Однако Рипли распространяется медленно. С этим все в порядке, потому что мы успели задержать подавляющее количество инфицированных носителей. Кроме того, корабль

уничтожен, а то, что они привезли с собой, не пылает, а скорее тлеет. Мы вполне ясно дали понять: приходите с миром или с поднятым оружием, но не пытайтесь больше прокрасться сюда тайком со своей пакостью, потому что больше мы этого не потерпим. Не думаю, что они заявятся еще раз, по крайней мере в ближайшем будущем. Они телились чуть не полвека, прежде чем зайти так далеко. Жаль только, что мы не смогли сохранить корабль для ученых-экспертов... но он тоже мог быть заражен Рипли, так что... Знаете, чего мы опасались больше всего? Что либо серые человечки, либо сам Рипли найдет кого-то вроде «Тифозной Мэри»^[55], иначе говоря, носителя, который, не заразившись сам, сможет распространять грибок в окружающую среду.

— Вы уверены, что такого человека не нашлось?

— Почти. Если... Не важно, для этого существуют кордоны, — улыбнулся Курц. — Так что мы, можно сказать, счастливики, солдат. Избранники судьбы. Сто против одного, что «Тифозной Мэри» не существует, серые человечки мертвы и весь Рипли сосредоточен в Джефферсон-тракт. Удача или Бог, выбирайте сами.

Курц опустил голову и потер переносицу, как человек, страдающий насморком. Когда он вновь поднял голову, глаза влажно блестели. Крокодиловы слезы, подумал Оуэн, но, говоря по правде, совсем не был в этом уверен. А к мыслям Курца доступа не было. Даже телепатическая волна либо не докатилась сюда, либо Курц нашел способ ее отсечь. Но когда Курц снова заговорил, Оуэн почти уверился, что слышит настоящего Курца, человеческое существо, а не Злого Тока-Крока.

— Это последнее дело, Оуэн. Как только работа будет закончена, собираюсь откланяться. Здесь хватит работы, по моим подсчетам, дня на четыре, самое большее — на неделю, если буран действительно разыграется такой, как предсказывают, а в здешних местах погода шутить не любит, но настоящий кошмар ждет нас завтра утром. Думаю, что продержусь до конца и свою часть работы сделаю, но потом... что ж, я готов удалиться на покой, в тень, и пастись на травке. Но перед этим поставлю их перед выбором: заплатить мне или прикончить. Думаю, они предпочтут заплатить, потому что я в любой момент способен выкопать кучу зарытых скелетов: урок, который я усвоил от Дж. Эдгара Гувера. Правда, я уже почти на грани полнейшего равнодушия к собственной участи. Мне как-то вдруг стало все равно. Кроме того, мне приходилось бывать и не в таких переделках: в восемьдесят девятом, на Гаити, мы всего за час уделали восемь сотен. Мне они до сих пор снятся. Но тут... тут совсем другое. Хуже. Куда хуже. Потому что эти несчастные ублюдки, там,

в сарае, в загоне и на выгуле, — они американцы. Парни, которые водят «шевви», бегают за покупками в «Кей Март»^[56] и не пропускают ни одной серии «Скорой помощи». При мысли о расстреле американцев, хладнокровном убийстве американцев, у меня все внутри переворачивается. Я делаю это только по суровой необходимости, чтобы раз и навсегда исключить опасность для нашей страны, и еще потому, что большинство из них так или иначе умрут, и при этом куда более страшной смертью. Понимаете?

Оуэн Андерхилл молчал. Похоже, пока что ему удастся сохранять каменно-застывшее выражение лица, но стоит ему заговорить, как Курц поймет, в каком он ужасе. Безумном ужасе. Он знал, чем кончится дело. Но одно дело — знать и совсем другое — слышать. Собственными ушами.

Мысленно он уже видел солдат, пробирающихся по снегу к амбару. В ушах звучал рев громкоговорителей, приказывающих задержанным собраться в одном месте. Он никогда не участвовал в подобных операциях и не был на Гаити, но приблизительно представлял, как все будет. Как должно быть.

Курц не сводил с него настороженного взгляда.

— Не скажу, что окончательно простил вам сегодняшнюю глупую выходку, что все быльем поросло, но вы у меня в долгу, дружище. Не нужно быть телепатом, чтобы пронюхать, как вы отнеслись к сказанному мной, но не стану попусту тратить силы и время, чтобы посоветовать вам поскорее повзрослеть и спуститься с небес на землю. Все что могу сказать: вы нужны мне. И именно на этот раз вам придется мне помочь.

Полные слез глаза. Едва заметная дрожь в уголках губ. До чего легко забыть, что не прошло и десяти минут, как Курц хладнокровно отстрелил человеку ногу.

Помоги я ему сделать это, думал Оуэн, не важно, сам спускал курок или нет, все равно стану убийцей и буду так же проклят, как человек, толкавший евреев в газовые камеры.

— Начнем в одиннадцать и к одиннадцати тридцати все будет кончено, — сказал Курц. — Самое позднее, к полуночи. И все будет позади.

— Если не считать снов.

— Да. Если не считать снов. Поможете мне, Оуэн?

Оуэн кивнул. Он и так зашел достаточно далеко, и будь он проклят, если повернет назад. Все, что он может сделать, — гарантировать им быструю смерть без мучений... если массовую бойню можно назвать милосердием. Позже убийственная абсурдность этой мысли потрясет его, но когда Курц рядом, совсем близко, и эти чертовы глаза впиваются в вас,

перспективы не существует как таковой. Его безумие, возможно, куда более заразно, чем любой Рипли.

— Прекрасно. — Курц со вздохом облегчения обмяк в своей качалке.

Отдышавшись, он снова вытащил сигареты, заглянул внутрь и протянул пачку Оуэну:

— Составите компанию?

— Не сейчас, босс, — покачал головой Оуэн.

— Тогда проваливайте. Если так уж необходимо, катитесь в лазарет и попросите снотворного.

— Вряд ли. — Оуэн встал. Он с удовольствием бы последовал совету: неплохо бы забыться. Но не сделает этого. Уж лучше бессонница.

— Как хотите. Давайте-ка отсюда. — Курц проводил его до двери и неожиданно окликнул: — Да, Оуэн!

Андерхилл повернулся, продолжая тянуть язычок «молнии». На улице бушевал ветер, с каждой минутой набиравший силу. Не то что сравнительно безвредный «Альберта Клиппер», промчавшийся утром.

— Спасибо, — сказал Курц. Огромная, картинно-прозрачная слеза выкатилась из левого глаза и поползла по щеке. Курц, казалось, ничего не заметил. В этот миг Оуэн любил и жалел его. Несмотря ни на что. Несмотря на то что видел насквозь. — Спасибо, друг.

Генри стоял под густыми хлопьями снега, повернувшись спиной к ветру и время от времени поглядывая на «виннебаго», ожидая, пока появится Андерхилл. Теперь он остался один: непогода загнала остальных в амбар, где имелся обогреватель. В тепле слухи распространяются куда быстрее. Лучше слухи и гипотезы, чем правда.

Он поскреб ногу, понял, что делает, и обернулся. Никого: ни заключенных, ни охранников. Несмотря на обвальный снегопад, в лагере было светло, как днем, и видимость во всех направлениях была одинаково хорошей. Но пока, во всяком случае, он один.

Генри нагнулся, развязал узел футболки, защищавшей рану на бедре, и пошире развел дыру на джинсах. Солдаты, задержавшие его, уже делали то же самое в кузове грузовика, где, кроме него, находилось пятеро пленных (по пути к Госслину им попало еще трое). Тогда он был чист. А сейчас...

Тонкая полоска красного кружева махрилась в рваной ране. Не знай он, что это такое, наверняка принял бы за просочившуюся кровь.

Байрум, подумал он. А, хрен моржовый! Вот и все. Прощайте, милые подружки, где бы вы ни были.

В глаза ударила короткая вспышка света. Генри выпрямился и увидел, как Андерхилл закрывает дверь «виннебаго». Генри наспех обмотал ногу и шагнул к изгороди. Голос в голове спрашивал, что он сделает, если окликнет Андерхилла, а тот пройдет мимо. Голос также хотел знать, действительно ли Генри намерен выдать Джоунси.

Генри сосредоточенно наблюдал, как Андерхилл, пригнув голову в тщетной попытке защититься от ветра и снега, шагает к нему в режущем глаза сиянии прожекторов.

8

Дверь захлопнулась. Курц долго смотрел на нее, раскачиваясь и дымя сигаретой. Удалось ли ему провести Оуэна? Чему из всего, что он наплел, Андерхилл поверил? Нужно отдать должное, Оуэн умен, наделен прирожденной способностью к выживанию, хотя несколько идеалистичен по натуре... и все же Курц был почти уверен, что купил Оуэна, купил с потрохами. Потому что в конце концов каждый верит тому, чему хочет верить. Джон Диллинджер, этот самый подлый и коварный из головорезов тридцатых, и тот отправился в «Байограф тиетр» под ручку с Анной Сейдж. Спектакль назывался «Манхэттенская мелодрама», а по окончании федералы пристрелили Диллинджера в переулке возле театра, как бешеного пса, каковым он, впрочем, и был. Анна Сейдж тоже верила в то, чему хотела верить, но ее в два счета депортировали обратно в Польшу. Глазом моргнуть не успела.

Завтра никто не уйдет из магазина Госслина, кроме нескольких избранных: двенадцати мужчин и двух женщин, составляющих элитную группу «Империзл Вэлли». Оуэна Андерхилла среди них не будет, хотя все могло быть иначе. Пока Оуэн не вздумал транслировать голоса серых человечков по общему каналу, Курц был уверен, что возьмет его с собой. Но все меняется. Так сказал Будда, и на этот раз старый желтомордый язычник изрек истину.

— Ты подвел меня, дружище, — сказал Курц. Он опустил маску, когда закурил, и сейчас она при каждом слове билась о морщинистую шею. — Ты подвел меня.

Курц спустил промах Оуэна Андерхилла в первый раз. Но простить дважды?!

— Никогда, — проговорил Курц. — Никогда в жизни.

Глава 14. ПРОДВИЖЕНИЕ НА ЮГ

1

Мистер Грей загнал снегоход в овраг, на дне которого протекал маленький замерзший ручей, и проехал вдоль него последнюю милю до шоссе 1-95. В двух-трех сотнях ярдов от огней армейских грузовиков (таковых осталось совсем немного, да и те плелись еле-еле) Грей остановился, ровно настолько, чтобы обыскать ту часть разума Джоунси, до которой он сумел (оно сумело) добраться. Миллионы файлов информации просто не поместились в крохотную твердыню офиса Джоунси, и мистер Грей достаточно легко обнаружил то, что искал. У фары снегохода не было выключателя, поэтому мистер Грей спустил ноги Джоунси на землю, поискал камень, поднял его правой рукой Джоунси и расколотил стекло. Свет погас. Потом мистер Грей вновь сел в седло и продолжил путь. Бензина почти не осталось, но особого значения это не имело: машина свою службу сослужила. Проходившая вдоль шоссе труба, в которую был заключен ручеек, оказалась достаточно просторной для снегохода, но не для снегохода с водителем. Мистер Грей снова спешился, и, стоя возле снегохода, включил зажигание и подтолкнул машину вперед. Она прошла не более десяти ярдов, прежде чем заглохнуть, но и этого оказалось достаточно. Теперь ее не увидят с воздуха при рекогносцировке на малых высотах, даже если снег прекратится.

Мистер Грей заставил Джоунси подняться на насыпь. Он остановился у самых столбиков ограждения и лег на спину. Здесь он был более или менее защищен от ветра. Физические усилия привели к небольшому выбросу эндорфинов, и Джоунси чувствовал, что похититель смакует их, наслаждается так, как сам Джоунси наслаждался бы коктейлем или горячим кофе после футбольного матча в прохладный октябрьский денек.

Он осознал — без удивления, — что ненавидит мистера Грея.

Но тут мистер Грей как сущность — как нечто, что можно реально ненавидеть — опять исчез, вытесненный облаком, которое Джоунси впервые наблюдал в охотничьем домике, когда голова серого создания взорвалась. Оно куда-то отправлялось, как в тот раз, когда искало Эмила Дога. Тогда ему был нужен Бродски, потому что в файлах памяти Джоунси не имелось упоминаний о том, как завести снегоход. Теперь ему

понадобилось что-то еще. Должно быть, поджидает, кто бы его подвез. Что ж, вполне логичное предположение.

А что осталось? Что осталось охранять офис, где корчились последние клочки Джоунси — Джоунси, выброшенного из собственного тела, как мусор из кармана? Облако, разумеется; та субстанция, которую вдохнул Джоунси. Штука, которая должна была убить его, но по какой-то причине не убила.

Облако не обладало способностью думать. В отличие от мистера Грея. Хозяин дома (теперь уже не мистер Джоунс, а мистер Грей) удалился, отдав жилье на попечение термостатов, холодильника и плиты. А в случае беды включится детектор дыма и сигнализация автоматически наберет номер полицейского участка.

Все же, поскольку мистер Грей убрался, Джоунси мог выйти из офиса. Не затем, чтобы вернуть власть: если он хотя бы попытается, красное облако немедленно его заложит, и мистер Грей тут же примчится из своей разведывательной экспедиции. Тогда Джоунси почти наверняка схватят, прежде чем он успеет ретироваться под защиту офиса братьев Трекер, с его доской объявлений, пыльным полом и единственным, заросшим грязью оконцем в мир... только на нем до сих пор виднелись четыре чистых полумесяца, верно ведь? Четыре отпечатка, в тех местах, где четверка мальчишек прислонялась лбами к стеклу, пытаясь разглядеть приклепленную к доске фотографию: Тина Джин Шлоссингер с поднятой юбчонкой.

Нет, вернуть власть никак не удастся, и как это ни горько, придется смириться.

Но он может попробовать добраться до своих файлов.

Стоит ли рисковать? Что ему это даст? Может, и даст, если знать, чего хочет мистер Грей. Разумеется, если не считать того, что ему позарез нужно куда-то добраться.

Кстати, куда?

Ответ пришел неожиданно, потому что дал его Даддитс:

Ют. Исе Ей оет а ют. «Мистер Грей хочет на юг».

Джоунси отступил от грязного окна в мир. Да и смотреть было особенно не на что: снег, тьма и мрачные деревья. Утренняя метель теперь казалась цветочками. А ягодки — вот они!

Мистер Грей хочет на юг.

Насколько далеко? И зачем? В чем тут загвоздка?

На этот раз Даддитс молчал.

Джоунси повернулся и, к своему удивлению, заметил, что на доске

объявлений уже не было ни карты маршрутов, ни фото девушки. Вместо них появились четыре цветных снимка мальчишек. Все сняты на одном фоне: средняя школа Дерри, и подпись внизу одинакова: ШКОЛЬНЫЕ ДНИ, 1978. Джоунси — слева. Лицо расплылось в доверчивой улыбке от уха до уха, улыбке, разрывавшей сейчас его сердце. Рядом Бив. Его улыбка открывает дыру на месте переднего зуба — результат неудачного падения на катке. Год-другой спустя дыру заполнил протез. Пит, с его круглым смугло-оливковым лицом и постыдно короткой стрижкой, воспитательным бзиком отца, твердившего, что не для того он сражался в Корее, чтобы видеть, как сын превращается в хиппи. И наконец, Генри, Генри в толстых очках, всегда напоминавших Джоунси Денни Данна, мальчика-детектива, героя книжного сериала, которым Джоунси зачитывался в детстве.

Бивер, Пит, Генри. Как он любил их, и как несправедливо внезапно оборвалась эта долгая дружба. Как ужасно несправедливо...

И тут снимок Бивера Кларендона ожил, насмерть перепугав Джоунси. Широко распахнув глаза, он тихо сказал:

— Головы у него не было, помнишь? Она лежала в канаве, и глаза были забиты грязью. Что за хрень собачья! То есть просто член Иисусов!

О Боже, подумал Джоунси, когда вдруг нахлынуло это: единственное, что он позабыл из их первой охотничьей поездки в «Дыру в стене». Забыл... или постарался выбросить из памяти? Как и остальные... Может быть. Вероятно.

Потому что в последующие годы они толковали обо всем, что случилось в далеком детстве, делились впечатлениями... и все такое. Все, кроме этого.

Головы у него не было... Глаза забиты грязью.

Что-то случилось с ними тогда, что-то, связанное с тем, что происходит с ним сейчас.

Если бы только я знал, что это, думал Джоунси. Если бы знал...

Энди Джанас обогнал остальные три грузовика в их маленьком караване, оставил их далеко позади, потому что водители в отличие от него не привыкли ориентироваться в этом белом дерьме. Сам он вырос в Северной Миннесоте и чего только там не навидался. В том числе и таких вот метелей. Кроме того, он вел одну из лучших армейских машин — «шевроле» последней модели, полноприводный пикап, и все приводы

сегодня задействованы. В его семье дураков не водилось, что правда, то правда.

Все же на шоссе почти не было снега: пара армейских снегоочистителей прошла с час или около того назад (вскоре он их догонит, а тогда сбросит скорость и поплетется за ними, как примерный мальчик), и с тех пор на бетон навалило всего два-три дюйма. Беда в том, что сильный ветер поднимал клубы снега, и дорога превращалась в сплошной белый призрак. Приходилось полагаться на светоотражающие указатели. Держать их в поле зрения было непростым фокусом, которого все эти олухи просто не знали, а может, на их грузовиках фары стояли слишком высоко, чтобы выхватывать из клубящейся белизны светящиеся таблички. А когда ветер по-настоящему зверел, даже указатели исчезали, чертов мир становился сплошной белой пропастью, и приходилось снимать ногу с педали и пережидать, пока налетит очередной снежный заряд, а тем временем не сбиться с дороги. Но с ним все в порядке, а на непредвиденный случай есть рация. Кроме того, сзади идут еще снегоочистители, сохраняя идущий к югу отрезок шоссе открытым от Прескайл до Миллинокета.

В кузове грузовика лежали два свертка в тройной упаковке. В одном находились туши двух оленей, убитых грибком Рипли. Во втором — и это больше всего беспокоило Джанаса — лежало тело серого человечка, медленно превращавшееся в красновато-оранжевый бульон. Оба свертка везли к докторам Блю-базы, находившейся в местечке с названием...

Джанас глянул на защитный козырек, где под резинкой торчали бумажный листок и шариковая ручка. На бумаге было нацарапано: МАГ. ГОССЛИНА. СЪЕЗД 16, ПОВОРОТ L.

Он будет там через час. Может, и меньше. Докторишки наверняка заявят, что уже получили все образцы и пробы животных, которые требовались, и туши оленей сожгут, но вот серый может их заинтересовать, если к тому времени окончательно не превратится в пюре. Холод может немного замедлить процесс, но так это или нет, в принципе Энди не касается. Его забота — добраться туда, отдать образцы. А потом доложить по начальству и ответить тем, кто имеет право задавать вопросы, о ситуации на наиболее спокойном участке. Том, что к северу от секретной зоны. Коротая время, пока позовут к начальству, он успеет выпить большую кружку горячего кофе и съесть огромную тарелку яичницы. Если сильно повезет, найдется даже чем сдобрить кофе. Да, неплохо бы. Подбросить в топку дровишек, а потом прилечь...

Прижмись к обочине.

Джанас нахмурился, потрянул головой, почесал в ухе, словно туда

залезло что-то вроде блохи. Проклятый ветер разошелся так, что едва не опрокинул грузовик. Шоссе опять пропало, а вместе с ним и указатели. Белый саван вновь окутал машину Эндрю. Остальные парни наверняка в штаны наложили, но только не он, мистер Гордость Миннесоты. Главное — убрать чертову ногу с педали газа (и не забыть про тормоза, когда едешь в метель, тормоз — лучший способ испортить путешествие), а потом пристать к берегу и подождать...

Прижмись к обочине.

— А? — Он взглянул на рацию, но оттуда неслись только статические разряды и невнятная трескотня, *прижмись к обочине* — Ой! — вскрикнул Джанас, схватившись за готовую лопнуть от боли голову. Оливково-зеленый пикап рыскнул, пошел было юзом, но тут же выровнялся, едва его руки механически проделали все нужные манипуляции. Нога водителя была все еще убрана с педали, и стрелка спидометра быстро метнулась обратно.

Снегоочистители проделали узкую тропу в центре двух полос южного направления. Теперь Джанас свернул в густой снег справа от этой тропы, поднимая колесами грузовика белые фонтаны, немедленно уносимые ветром. Светоотражатели дорожных столбиков горели в темноте, как кошачьи глаза. *прижмись к обочине* здесь.

Джоунси заорал от боли, и откуда-то издалека услышал собственный крик:

— Ладно, ладно! Только прекрати это! Прекрати дергать меня! — И слезящимися глазами всмотрелся в темную фигуру, поднимающуюся над столбиками ограждения футах в пятидесяти. В свете фар стало видно, что это мужчина в пуховике.

Руки Энди Джанаса больше не принадлежали ему. Они стали перчатками, в которые были всунуты чьи-то другие руки: ощущение странное и донельзя неприятное. Руки против его воли резко повернули руль влево, и пикап остановился перед человеком в пуховике.

Это был его шанс, тем более что мистер Грей думать о нем забыл. Джоунси чувствовал, что если начнет раздумывать, сдрейфит окончательно, поэтому раздумывать не стал. Просто действовал, рывком отодвинув засов и распахнув дверь офиса.

В детстве он никогда не ходил в заброшенное здание (а братья Трекер

свернули дело после большого урагана в восемьдесят пятом), но был совершенно уверен, что оно никогда не выглядело так, каким он видел его сейчас. За убогим офисом оказалось помещение, такое просторное, что противоположный конец где-то терялся. Над головой тянулись акры и акры люминесцентных ламп. Под ними гигантскими колоннами возвышались миллионы поставленных друг на друга картонных ящиков.

Нет, подумал Джоунси. Не миллионы. Миллиарды.

Вот именно, миллиарды. Между ними разбегались тысячи узких проходов. Он стоял в самом начале хранилища самой вечности, и мысль о возможности найти здесь что-то казалась абсурдной. Если он отойдет от двери своего убежища, мгновенно заблудится. Мистеру Грею и возиться с ним не придется; Джоунси будет бродить, как в джунглях, пока не умрет, заблудившись на невообразимой свалке картонных коробок.

Это не правда. Шансов заблудиться здесь у меня не больше, чем в собственной спальне. И охотиться за тем, что я хочу, нет нужды. Это мой дом. Добро пожаловать в собственную голову, большой мальчик.

Идея была такой ошеломляющей, что Джоунси разом ослабел... только он не может позволить себе ни малейшей слабости или колебаний. Мистер Грей, всеобщий любимец-захватчик из Великого Ничто, не потратит много времени на водителя грузовика. Если Джоунси хочет спрятать некоторые из файлов в безопасное место, нужно сделать это немедленно. Вопрос в том, какие именно?

Даддитс, подсказал разум. Это как-то связано с Даддитсом. Ты и сам это знаешь. Он постоянно у тебя в мыслях. Тот, другой, тоже думал о нем. Даддитс — то, что удерживало тебя. Генри, Бива и Пита на плаву, что скрепляло вашу дружбу, и ты всегда знал это, но сейчас знаешь кое-что другое. Не так ли?

Да. Он понял, почему попал в марте под машину. Показалось, что увидел, как Ричи Гренадо и его дружки снова издеваются над Даддитсом. Только «издеваются» — весьма слабое определение для того, что происходило во дворе здания «Братьев Трекер». В тот день, не так ли? «Мучили» — это куда вернее. И когда он увидел, что мучения повторяются вновь и вновь, он должен был броситься через дорогу, не глядя, и...

У него не было головы, внезапно сообщил Бивер из висевших над потолком динамиков, так громко и неожиданно, что Джоунси вздрогнул. Она лежала в канаве, а глаза были забиты грязью. Рано или поздно любой убийца платит по счету, такая вот хрень.

Голова Ричи. Голова Ричи Гренадо. У Джоунси не было на это времени. Сейчас он был чужаком, нарушителем границ в собственной

голове, ему надо было спешить.

Когда он впервые увидел это огромное хранилище, все коробки были одинаковые и немаркированные. Теперь же оказалось, что стоявшие наверху, в ближнем ряду, были помечены черным маркером: ДАДДИТС.

Совпадение? Удача? Вовсе нет. Это его воспоминания, аккуратно сложенные в миллиарды коробок, а когда дело доходит до памяти, здравый смысл немедленно извлекает на поверхность все необходимое.

Нужно перевезти их на чем-то, подумал Джоунси и, оглянувшись, с изумлением обнаружил ярко-красную «долли», операторскую тележку. Магический мир, мир исполнения желаний, и что самое потрясающее — у каждого такой есть.

Он наспех сложил на тележку несколько коробок с пометками ДАДДИТС и рысцой помчался в офис. Там быстро опрокинул тележку. Коробки рассыпались. Ничего. Беспорядок, конечно, но он еще успеет позаботиться об аттестате за Лучшее Ведение Домашнего Хозяйства.

Он ринулся обратно, пытаясь нащупать присутствие мистера Грея, но тот все еще возился с водителем грузовика... Джанасом, его фамилия Джанас. Облако стояло на месте, но не чуяло его. Такое же тупое... как... как грибок.

Джоунси собрал остальные коробки с Даддитсом и заметил, что на следующем штабеле тоже есть пометки. На этот раз надпись гласила ДЕРРИ, но коробок было слишком много. Вопрос в том, стоит ли брать все или только некоторые.

Раздумывая над этим, он потащил вторую партию в офис. Ну конечно, воспоминания о Дерри и Даддitse неразрывно связаны, а память, как известно, ассоциативна. И по-прежнему неизвестно, так ли важны все воспоминания о Дерри. Откуда ему знать, когда непонятно, чего хочет мистер Грей?

Но он знал.

Мистер Грей хочет на юг.

Дерри — на юге.

Джоунси рванул на склад памяти, толкая перед собой тележку. Он заберет столько коробок, сколько сможет, и будет надеяться, что захватил нужные. Он также будет надеяться, что вовремя почувствует возвращение мистера Грея. Потому что если его поймают за дверями, раздавят, как муху.

Джанас в ужасе наблюдал, как левая рука протягивается и открывает дверцу со стороны водителя, впуская холод, снег и неутомимый ветер.

— Не мучайте меня, мистер, пожалуйста, можете садиться, я подвезу куда хотите, только не мучайте меня больше, моя голова...

Внезапно что-то вихрем пронеслось через разум Энди Джанаса. Похожее на смерч с глазами. Он чувствовал, как ЭТО выведывает его последние приказы, ожидаемое время прибытия на Блю-базу, все, что он знает о Дерри (последнее сводилось к нулю — он никогда в жизни не был в Дерри).

Потом смерч ослабел, и всего на один миг он испытал невероятное, лихорадочное облегчение — у меня нет того, что ему нужно, оно отпустит — и немедленно понял, что эта штука в голове не собирается отпускать его. Прежде всего ЭТОМУ нужен грузовик. Второе: он хочет заткнуть его, Джанаса.

Джанас вступил с неизвестной силой в короткую, энергичную, но бесплодную схватку. Именно это неожиданное сопротивление позволило Джоунси утащить в офис по крайней мере один штабель коробок, обозначенных ДЕРРИ. Потом мистер Грей снова завладел рулем грузовика.

Джанас увидел, как его пальцы коснулись защитного козырька, сжали шариковую ручку, словно стилет, и вонзили в его открытый глаз. Легкий хлопок, и водитель задержался, как марионетка в руках неопытного кукольника. Судорожно стиснутый кулак погружал ручку все глубже, наполовину, на три четверти... лопнувший глаз медленно стекал по лицу, как уродливо-гротескная слеза... Наконечник ударился обо что-то, похожее на тонкий хрящ, застрял, но тут же проник в мозг.

Ублюдок, подумал Энди, что же ты такое делаешь, уб...

В голове взорвался белый шар света, и настала абсолютная тьма. Джанас медленно повалился на руль. Жалобно взвыл клаксон.

Мистер Грей немногого добился от Джанаса — да еще эта внезапная борьба за власть уже в самом конце, — но все же удалось узнать, что Джанас отправился в путь не по собственной воле. Транспортная колонна, частью которой он являлся, застряла из-за метели, но пункт назначения у всех был один, тот, что Джанас называл одновременно Блю-базой и магазином Госслина.

Там был человек, которого Джанас боялся, главный... командир... но

мистеру Грею было плевать на Жуткого Курца/босса/Спятившего Эйба. Да и какое ему дело до Курца, если он не собирается близко подходить к магазину Госслина? Это место совершенно иное, а его обитатели с их недоразвитым сознанием, в основном состоящим из эмоций, тоже иные. Они сопротивлялись. Мистер Грей понятия не имел почему, но сопротивлялись.

Лучше покончить с этим как можно быстрее. И специально для такого случая он изобрел идеальную систему доставки.

Руками Джоунси мистер Грей взял Джанаса под мышки, оттащил к дорожным столбикам и скинул тело вниз, даже не потрудившись посмотреть, как оно кувыркается по склону к замерзшему ручью. Вместо этого он вернулся к грузовику, внимательно осмотрел два упакованных в пластик свертка и кивнул. Трупы животных ни на что не годятся. А вот другой... еще понадобится. В нем полно того, что ему нужно.

Он внезапно вскинул голову, уставясь растерянными глазами Джоунси на кружащийся снег. Владелец этого тела выполз из укрытия. Уязвимый. Беззащитный. Прекрасно, потому что это сознание уже начинало раздражать его: противное постоянное бормотание (иногда возвышавшееся до испуганного визга) на нижнем уровне его мыслительного процесса мешало, как заноза.

Мистер Грей помедлил еще мгновение, пытаясь очистить свой разум от могущих выдать его мыслей и одновременно не вспугнуть Джоунси... и прыгнул.

Он сам не знал, чего ожидал, но только не этого.

Не удара слепяще белого света.

Джоунси едва не попался. И наверняка попался бы, если бы не люминесцентные лампы, зажженные им же в хранилище памяти. Может, на самом деле это место и не существовало, но для него было вполне реальным, как и для мистера Грея, когда тот вздумал напасть.

Джоунси, толкавший «долли» с грудой коробок, помеченных ДЕРРИ, заметил мистера Грея, как по мановению волшебной палочки появившегося в одном из проходов между высоченными штабелями. Тот самый недоделанный гуманоид, стоявший за его спиной в «Дыре», создание, которое он посетил в больнице. Тусклые черные глаза наконец-то были ожившими и голодными. Существо кралось к нему, собираясь наконец

завладеть добычей.

Но тут уродливый ком головы дернулся, и прежде чем рука всего с тремя пальцами заслонила глаза (не защищенные ни веками, ни ресницами), Джоунси заметил на сером наброске лица нечто похожее на недоумение. А может, и боль. Создание все еще было там, в снежной тьме, избавлялось от тела водителя и явилось сюда, не готовое к режущему глаза бюрократически-офисному сверканию. Джоунси заметил еще одно: захватчик позаимствовал выражение изумления у хозяина. В эту минуту мистер Грей казался ужасающей карикатурой на самого Джоунси.

Заминка спасла Джоунси. Толкая перед собой тележку, он, чувствуя себя похищенной принцессой из дурной сказки, устремился в офис и скорее ощутил, чем увидел, как мистер Грей протянул к нему трехпалые руки (на этот раз серая кожа выглядела багрово-запекшейся, как залежавшееся сырое мясо), но успел захлопнуть дверь, прежде чем эти клешни схватят его. Потом он оттолкнул тележку бедром, развернулся (сознавая при этом, что хотя все происходило в его собственной голове, тем не менее было абсолютно реальным) и успел задвинуть засов за мгновение до того, как мистер Грей сумел силой ворваться в каморку. Для пущей безопасности Джоунси защелкнул «собачку» на дверной ручке. Была эта «собачка» раньше или он сам ее создал? Сейчас не вспомнить.

Джоунси, весь в поту, отступил и на этот раз ударился задом о тележку. Ручка дергалась и вертелась, мистер Грей, завладевший его телом и остальным разумом, пытался войти, но не мог. Не мог взломать дверь, просто силы достаточной не имел налечь как следует, а обзавестись отмычкой не догадывался.

Почему? Как это может быть?

— Даддитс, — прошептал Джоунси, — нет костяшек, нет игры.

Дверная ручка загремела.

— Впусти меня! — прорычал мистер Грей, и сейчас он казался Джоунси не посланником из другой галактики, а просто сварливым старикашкой, который не добился желаемого и теперь лезет на стенку от злости. Наверное, потому, что он мерил поведение мистера Грея земными мерками? Очеловечивал пришельца? Переводил его мотивы на язык, понятный земным обитателям?

Вну... сти МЕНЯ!

— Черта лысого! — не задумываясь, ответил Джоунси и мысленно добавил: «На что тебе следует ответить: «Тогда я дуну, плюну, и твой домик Р-Р-АЗ — и упадет!»

Но мистер Грей удвоил усилия, продолжая дергать за ручку. Очевидно,

он не привык к поражениям такого рода (и никакого рода, по мнению Джоунси) и, следовательно, рвал и метал. Мимолетная вспышка Джанаса испугала его, но это сопротивление велось на совершенно ином уровне.

— Где ты? — рассерженно окликнул мистер Грей. — Как ты ухитришься сидеть там? Выходи!

Джоунси, не отвечая, отошел к рассыпанным коробкам и вновь прислушался. Он был почти уверен, что мистеру Грею сюда не ворваться, но все же зря дразнить его не стоит.

Дверная ручка дребезжала еще несколько секунд, после чего Джоунси ощутил, что мистер Грей его оставил. Джоунси, переступая через коробки с надписями ДЕРРИ и ДАДДИТС, подошел к окну и уставился в снежную ночь.

7

Мистер Грей поднял тело Джоунси в грузовик, усадил за руль, захлопнул дверцу и нажал на педаль. Машина рванула вперед и тут же, беспомощно заскользив, со зловещим треском врезалась в столбики ограждения.

— Мать твою! — рявкнул мистер Грей, бессознательно пользуясь ругательствами Джоунси и сам того не замечая. — Член Иисусов! Поцелуй меня в задницу! Слизь подзалупная! Срань этакая!

На этом он остановился и снова взялся за руль. Джоунси имел кое-какой опыт езды в такую погоду, но, разумеется, до Джанаса ему было далеко. Однако Джанаса уже нет, все его файлы стерты. Придется обойтись знаниями Джоунси. Сейчас важнее всего было проскользнуть мимо того, что в мозгу Джанаса было обозначено как «секретная зона». И тогда он будет в безопасности. Джанас вполне определенно так считал.

Нога Джоунси опять, на этот раз куда слабее, нажала на газ. Грузовик покатился вперед, и руки Джоунси вновь направили «шевроле» в полузанесенную снегом тропу, проделанную снегоочистителем.

Рация под приборной доской затрещала и ожила:

— Табби-один, это Табби-четыре. Машину занесло и перевернуло на осевой. Сообщение принято?

Мистер Грей наспех просмотрел файлы. Знания Джоунси о переговорах подобного рода были, мягко говоря, скудными, почерпнутыми в основном из книг и чего-то, называемого «кино», но нужно обходиться тем, что имеешь. Он взял микрофон, поискал кнопку, которая, по мнению

Джоунси, должна была находиться сбоку, нашел и нажал.

— Сообщение принято, — повторил он.

А вдруг Табби-четыре сумеет различить подделку? Поймет, что с ним говорит не Энди Джанас? Судя по файлам Джоунси, вряд ли.

— Мы всем скопом попробуем его поднять и поставить на колеса. Он вез всю чертову еду, прием.

Мистер Грей нажал кнопку.

— Вез всю чертову еду, принято.

Последовала довольно долгая пауза, вполне достаточная для того, чтобы он вновь начал сомневаться, уж не сделал ли какой ошибки и не оказался при этом в ловушке, но тут рация опять ожила.

— Нам придется подождать следующей партии снегоочистителей. Ты можешь катить дальше, конец связи, повторяю, конец связи.

В тоне Табби-четыре звучало крайнее отвращение. Файлы Джоунси предполагали, будто всему причиной Джанас. Блестящий водитель, он успел настолько оторваться от основной колонны, что возвращаться на помощь просто смысла не было. И это хорошо. Он в любом случае не остановился бы, но неплохо иметь при этом официальную санкцию Табби-четыре, если это можно считать официальной санкцией.

Мистер Грей проверил файлы Джоунси (которые он теперь видел глазами Джоунси: горы коробок в гигантском помещении) и торопливо ответил:

— Принято. Табби-один кончает прием и отключается. — И словно вспомнив о чем-то, добавил: — Доброй ночи.

Белая муть казалась ужасной. Предательской. Тем не менее мистер Грей рискнул прибавить скорости. Пока он находится в районе, контролируемом вооруженными силами Жуткого Курца, опасность грозит со всех сторон. Зато, выпутавшись из сети, быстро покончит с делом.

То, что ему необходимо, каким-то образом связано с местом, называемым Дерри, и очутившись на большом складе, мистер Грей обнаружил удивительную вещь: его негостеприимный хозяин либо знал это, либо чувствовал, потому что когда мистер Грей вернулся и едва не схватил его, тот увозил файлы именно под маркой ДЕРРИ.

Мистер Грей с внезапно нахлынувшей тревогой обыскал оставшиеся коробки и немного успокоился.

Все, чего он так добивался, еще лежало здесь.

Рядом с коробкой, содержащей самую важную информацию, валялась на боку еще одна, очень маленькая и пыльная. И на ней черным маркером было небрежно написано: ДАДДИТС. Если кроме этой были и другие,

Джоунси успел их спрятать. А вот эту забыл.

Больше из любопытства (любопытство тоже было позаимствовано из склада эмоций Джоунси) мистер Грей открыл ее. Внутри лежала ярко-желтая емкость из пластика, на которой плясали диковинные фигуры, которые файлы Джоунси определили как «мультики и «Скуби Ду». На боку красовалась наклейка с буквами, складывающимися в слова:

Я ПРИНАДЛЕЖУ ДАДДИТСУ КЭВЕЛЛУ, ДЕРРИ, МЭН,
МЕЙПЛ-ЛЕЙН, 19.

ЕСЛИ МАЛЬЧИК, КОТОРОМУ Я ПРИНАДЛЕЖУ,
ПОТЕРЯЕТСЯ, ЗВОНИТЕ.

В конце виднелись цифры, полустершиеся и неразборчивые, возможно, код связи, которого Джоунси больше не помнил. Мистер Грей отбросил желтую емкость, вероятно, предназначавшуюся для еды. Все это скорее всего ничего не означает... хотя если так, то почему Джоунси рискнул потерять себя, утаскивая другие коробки под маркой ДАДДИТС. (как и некоторые, обозначенные ДЕРРИ) в безопасное место?

ДАДДИТС — ДРУГ ДЕТСТВА. Мистер Грей разведал это во время первой встречи с Джоунси в «больнице», и знай он, сколько беспокойства причинит ему Джоунси, еще тогда стер бы напрочь сознание своего хозяина. Слова «детство» и «друг» не несли никакой эмоциональной нагрузки, но мистер Грей понимал, что они означают. Не понимал он другого: каким образом связан детский друг Джоунси с происходящим сегодня.

На ум пришло единственное объяснение: может, его хозяин помешался? Изгнание из собственного тела лишило его рассудка, и он попросту утащил первые попавшиеся коробки в свою непонятную крепость, в своем безумии придавая им значение, которым те не обладали?

— Джоунси, — начал мистер Грей голосовыми связками Джоунси.

Эти создания были гениями изобретательства (еще бы, выживать в таком холодном мире), но их мыслительные процессы казались ему по меньшей мере странными и несовершенными: замшелое мышление, тонущее в разъедающем болоте эмоций. Телепатические способности равны нулю, временная способность к телепатии, полученная благодаря байруму и киму (они почему-то называют последний «сигнальными огнями»), смущала и пугала их. Трудно поверить, как особи этого вида еще не вымерли полностью. Создания, неспособные мыслить реально, просто маньяки — это аксиома, и спорить тут не о чем.

Ну а пока существо в странной непроницаемой, непробиваемой комнате не желает разговаривать.

— Джоунси.

Молчание. Но Джоунси прислушивался. В этом мистер Грей был уверен.

— Нет никакой необходимости так страдать, Джоунси. Постарайся увидеть нас в истинном свете: как спасителей, а не захватчиков.

Мистер Грей прикинул, сколько ящиков на складе. Для существа, не наделенного способностью много думать, Джоунси обладает невероятной емкостью памяти. Вопрос, который стоит отложить на завтра: почему букашки со столь ограниченными мыслительными возможностями обладают такой невероятной способностью поиска и возврата информации? Связано ли это с их непомерно раздутой эмоциональной конституцией? Все эти эмоции нарушают равновесие. Тревожат. Особенно эмоции Джоунси. Всегда тут. Всегда рядом. И в таком количестве!

— Война... голод... этнические чистки... убийства ради мира... истребление язычников во имя Иисуса... гомосексуалистов избили до смерти... бактерии в пробирках, пробирки на крылатых ракетах, нацеленных на все города мира... брось, Джоунси, подумаешь, что такое маленький байрум между друзьями по сравнению с сибирской язвой четвертого вида? Член Иисусов, да через пятьдесят лет вы все и без того будете мертвы. И это прекрасно! Лучше расслабься и наслаждайся.

— Ты заставил этого парня вонзить себе в глаз ручку.

Ворчливо и неохотно, но все же лучше, чем ничего. Ветер сорвался с цепи, пикап занесло, и мистер Грей завертелся вместе с ним, отчаянно цепляясь за руль руками Джоунси. Видимость была почти нулевой, пришлось сбросить скорость до двадцати миль в час, и, вероятно, лучше всего остановиться и переждать немного, но это — когда он выберется из капкана Курца. Ну а пока можно скоротать время за болтовней с хозяином. Сомнительно, что удастся выманить Джоунси из комнаты, но отчего бы не потолковать по душам?

— Пришлось, приятель. Мне понадобился грузовик. Я последний из всех.

— И никогда не проигрываешь.

— Верно, — согласился мистер Грей.

— Но в такую ситуацию еще не попадал, так ведь? Никогда не сталкивался с невозможностью добраться до кого-то.

Кажется, Джоунси над ним издевается? Мистер Грей ощутил вспышку гнева. И тут Джоунси сказал то, о чем мистер Грей уже думал.

— Может, тебе стоило убить меня в больнице. Или это был всего лишь сон?

Мистер Грей, не совсем понимая, что такое сон, не потрудился ответить. Он и без того медленно накалялся яростью. Еще бы! Получить на руки мятежника, забаррикадировавшегося в том, что к этому моменту должно было стать разумом мистера Грея, и только мистера Грея. Прежде всего он терпеть не мог думать о себе как о «мистере Грее», он вовсе не представлял себя подобным созданием, частью разума которого успел стать. Мало того, ему даже не нравилось определять себя словом «он», поскольку мистер Грей был двуполым и одновременно бесполом. Однако отныне «он» и «мистер Грей» неотделимы от него, и так будет, пока сердцевина сущности Джоунси останется незавоеванной. И тут ужасная мысль поразила мистера Грея: что, если его представления о себе и окружающем мире бессмысленны? Он ненавидел сложившуюся ситуацию.

— Кто такой Даддитс, Джоунси? Нет ответа.

— Кто такой Ричи? Почему он был дерьмом? Почему ты убил его?

— Мы не убивали!

Легкая дрожь в мысленном голосе. Ага, выстрел попал в цель. И еще кое-что интересное: мистер Грей сказал «ты», а Джоунси ответил «мы».

— Почему же, убил. Или думаешь, что убил.

— Это ложь.

— Как глупо все отрицать, ведь передо мной твои же воспоминания. Вот они, в одной из этих коробок. В ней снег. Снег и мокасин. Коричневая замша. Выйди и посмотри сам.

На какое-то головокружительное мгновение он и впрямь вообразил, что Джоунси поддастся на уговоры. В этом случае мистер Грей немедленно утащил бы его обратно в больницу, и Джоунси мог бы наблюдать свою смерть по телевизору. Хеппи-энд того фильма, что они смотрели вместе. А потом... потом никакого мистера Грея. Только то, что Джоунси представлял себе облаком.

Мистер Грей алчно уставился на дверную ручку, мысленно посылая ей приказ повернуться. Она осталась неподвижной.

— Выходи!

Ничего.

— Убил Ричи, трус! Ты и твои дружки. Вы... заснили его до смерти!

И хотя мистер Грей понятия не имел, что такое сны и уж тем более — «заснить», все же знал, что говорит правду. Или то, что, по убеждениям Джоунси, было правдой.

Ничего.

— Выходи! Выходи и... — Он лихорадочно перебирал воспоминания Джоунси. Многие хранились в коробках с надписью ФИЛЬМЫ, похоже, именно их Джоунси любил больше всего на свете, и мистер Грей выбрал фразу, которую посчитал наиболее действенной: — Выходи и сразись, как мужчина!

Ничего.

Ах ты, ублюдок, подумал мистер Грей, снова забросив удочку в соблазнительное озеро эмоций хозяина. Сукин сын! Упрямая задница! Поцелуй меня в тухес, упрямая задница!

Еще в те дни, когда Джоунси был Джоунси, то есть самим собой, он часто выражал гнев ударом кулака обо что-нибудь твердое. Мистер Грей так и поступил, приложив кулак Джоунси к центру рулевого колеса, достаточно сильно, чтобы нажать на клаксон.

— Расскажи! Не о Ричи, не о Даддитсе, о себе! Что-то отличает тебя от остальных! Я хочу знать, что именно!

Нет ответа.

— Это в крибе, верно?

По-прежнему нет ответа, но на этот раз мистер Грей расслышал шарканье ног и что-то похожее на громкий вздох. И улыбнулся губами Джоунси.

— Поговори со мной, Джоунси, — поиграем, время проведем. Кем был Ричи, кроме того, что считался Номером Девятнадцатым? Почему вы злились на него? Потому что он был «Тигром»? «Тигры Дерри»? Кто они? И кто такой Даддитс?

Ничего.

Грузовик медленнее, чем прежде, крался сквозь бурю. Свет фар почти не пробивал плотной белой пелены. Голос мистера Грея звучал тихо, убаюкивающе.

— Знаешь, ты не заметил одну коробку с Даддитсом, приятель. Внутри еще одна, желтая. Со Скуби Ду. Что такое Скуби Ду? Это же не настоящие люди, верно? Из кино? Телевидения? Хочешь коробку? Выходи. Выходи, Джоунси, и я отдам тебе коробку.

Мистер Грей снял ногу с педали газа и позволил грузовику покатиться влево, по высоким сугробам. Что-то происходило здесь, и он хотел полностью сосредоточиться на этом «что-то». Силой Джоунси не выманить, но сила — не единственный способ выиграть сражение или войну.

Грузовик замер у самых оградительных столбиков, посреди бушующей метели. Мистер Грей закрыл глаза и немедленно очутился в ярко

освещенном складе воспоминаний Джоунси. За спиной высились мили и мили штабелей, уходящих вдаль под люминесцентными лампами. Перед ним была закрытая дверь, грязная и обшарпанная, но по какой-то причине очень-очень крепкая. Мистер Грей уперся в нее трехпальными руками и снова заговорил — действительно, негромко, задушевно:

— Кто такой Даддитс? Почему ты звал его, после того как убил Ричи? Впусти меня, нам нужно поговорить. Почему ты забрал коробки ДЕРРИ? Это не важно, у меня и так есть все необходимое. Впусти меня, Джоунси, лучше сейчас, чем позже.

Похоже, это сработает. Он видел пустые глаза Джоунси, его руку, протянувшуюся к ручке и засову.

— Мы всегда выигрываем, — сказал мистер Грей. Он сел за руль, закрыл глаза Джоунси, и где-то в другой вселенной завыл ветер и грузовик качнулся на рессорах. — Открой дверь, Джоунси, открой сейчас.

Молчание. А потом отрезвляюще, как кувшин холодной воды, выплеснутой в лицо:

— Нажрись дерьма и сдохни.

Мистер Грей вскинулся с таким бешенством, что затылок Джоунси ударился о заднее стекло грузовика. Боль была внезапной и острой: второй неприятный сюрприз.

Он снова ударил о руль кулаком, еще раз, еще... клаксон выбивал отчаянную морзянку ярости. Бесстрастное, бесчувственное создание, часть бесстрастной, бесчувственной, равнодушной расы, он очутился под огнем эмоций своего хозяина, и не просто окунается в них, но тонет... безвозвратно тонет. И снова мистер Грей ощущал, что все это происходит лишь потому, что Джоунси все еще здесь, пульсирующая инородная опухоль в том, чему следовало быть безмятежным и сфокусированным сознанием.

Мистер Грей продолжал колотить по рулю, ненавидя собственную эмоциональную эякуляцию, то, что разум Джоунси идентифицировал как истерику, ненавидя и одновременно наслаждаясь. Наслаждаясь воплями клаксона, когда он бил по нему кулаками Джоунси, наслаждаясь биением крови в висках Джоунси, наслаждаясь учащенным пульсом Джоунси, хриплыми звуками голоса Джоунси, повторявшего:

— Мудак! Ты мудак, мудак, мудак...

Но даже в буйстве гнева какая-то оставшаяся холодно отрешенной частичка сознавала, в чем кроется истинная опасность. Они всегда приходили, они всегда создавали те миры, в которые пришли, по собственному образу. Таков был необходимый порядок вещей, так будет

всегда, так должно быть.

Но сейчас...

Что-то происходит со мной, подумал мистер Грей, сознавая, что даже эта мысль принадлежала Джоунси. Я начинаю превращаться в человека.

И то открытие, что сама идея, казалось, не лишена некоторой привлекательности, наполнило мистера Грея ужасом.

8

Джоунси очнулся от дремоты, под успокаивающий, убаюкивающий ритм голоса мистера Грея, и увидел, что руки уже лежат на запорах двери, готовые отодвинуть засов и поднять собачку. Сукин сын пытался загипнотизировать его и почти преуспел в этом.

— Мы всегда выигрываем, — сказал голос по ту сторону двери, такой мягкий, ласковый... приятно послушать после такого напряженного дня... Добрый и подло-убедительный. Захватчик не успокоится, пока не получит все... он из тех, кто берет чужое как должное. — Открой дверь, Джоунси, открой сейчас.

И он едва не сделал это, хотя успел полностью очнуться, едва не сделал это! Но вспомнил два звука: отвратительный хруст черепа Пита, стиснутого красной плесенью, и мокрое хлюпанье глаза Джанаса, пронзенного шариковой ручкой.

Джоунси осознал, что до сих пор еще не проснулся. Но сейчас — проснулся.

Сейчас проснулся.

Отдернув руки от двери, он припал губами к замочной скважине и максимально отчетливо произнес:

— Нажрись дерьма и сдохни.

И почувствовал, как взвился мистер Грей. Почувствовал даже боль, когда тот ударился затылком о заднее стекло, — а почему нет? В конце концов это его нервы! Не говоря уж о голове. Редко что доставляло ему такое удовольствие, как злобное изумление мистера Грея, и Джоунси смутно осознал то, что мистер Грей уже успел понять: чуждое присутствие в его голове понемногу очеловечивается.

Если ты вернешься к своей физической сущности, по-прежнему останешься мистером Греем? — поинтересовался Джоунси. Сам он так не думал. Возможно, мистер Пинк^[57], но не мистер Грей.

Он понятия не имел, вздумается ли малому снова сыграть месье

Месмера, но решил не рисковать. Поэтому повернулся и подошел к окну офиса, спотыкаясь об одни коробки и переступая через другие, — Иисусе, как же бедро ноет, просто безумие ощущать такую боль, когда заперт в собственных мозгах (которые, как заверил Генри, вообще лишены нервов, во всяком случае, серое вещество), — но боль не успокаивалась. Он читал, что инвалиды иногда испытывают невыносимые боли и чесотку в несуществующих конечностях. Возможно, это из той же оперы.

В окне виднелся набивший оскомину пейзаж: заросшая сорняками двухколейная подъездная дорога, тянувшаяся вдоль депо братьев Трекер в давнем семьдесят восьмом. Низко нависшее белесое небо: очевидно, время в прошлом замерло где-то на середине дня. Единственное утешение заключалось в том, что, стоя у окна, он оказывался как можно дальше от мистера Грея.

Вероятно, он сумел бы изменить пейзаж, если бы действительно хотел выглянуть и увидеть то, что мистер Грей сейчас видел глазами Гэри Джоунси. Но почему-то не испытывал особого желания это делать. На что тут глядеть, кроме бурана? Что тут чувствовать, кроме краденой ярости мистера Грея?

Думай о чем-то еще, велел он себе.

О чем?

Не знаю — о чем угодно. Почему не...

На письменном столе зазвонил телефон, и это было странным даже по меркам «Алисы в Стране Чудес», потому что несколько минут назад здесь не было не только телефона, но и стола. Россыпь использованных презервативов исчезла. Пол по-прежнему был грязным, но пыль на кафеле растворилась. Очевидно, некое подобие дворника, ярого аккуратиста, засевшего в мозгу, решило, что раз Джоунси суждено сидеть здесь, то по крайней мере в относительной чистоте и с некоторыми удобствами. Он нашел идею ужасной, а скрытый смысл — угнетающим.

Телефон на столе снова заверещал. Джоунси поднял трубку:

— Алло?

От голоса Бивера ледяная дрожь пробежала у него по спине. Звонок от мертвеца... совсем как в фильмах, которые он любит. То есть любил.

— У него не было головы, Джоунси. Она валялась в канаве, а глаза были забиты грязью.

Щелчок — и мертвая тишина. Джоунси повесил трубку и шагнул к окну. Дорога исчезла. Дерри больше не было. Он смотрел на «Дыру в стене» под бледным, ясным рассветным небом. Крыша была черной, а не зеленой, и это означало, что действие происходит до 1982 года, когда их

четверка, тогда еще здоровые озорные мальчишки-школьники (правда, Генри никогда не подходил под определение «здоровый»), помогли отцу Бива класть зеленую черепицу, которая и оставалась на крыше до самого конца.

Только Джоунси не нуждался в подобных приметах времени. Не больше, чем в сообщении о том, что зеленой черепицы больше не было. Как и «Дыры в стене». Генри сжег дом до основания. Через секунду дверь откроется и выбежит Бив. Семьдесят восьмой, год, когда все это началось по-настоящему, и через секунду выбежит Бив, в одних трусах и мотоциклетной куртке, испещренной молниями. Концы оранжевых косынок весело трепещут на ветру. Шел семьдесят восьмой, они были молоды... и изменились. Куда девалось «День другой, дерьмо все то же»? День, когда они начали понимать, насколько изменились.

Джоунси зачарованно смотрел в окно.

Дверь открылась.

И выбежал Бивер Кларендон, четырнадцатилетний Бивер Кларендон.

Глава 15. ГЕНРИ И ОУЭН

1

Генри наблюдал, как Андерхилл, пригнув голову, шагает к нему в режущем глаза зареве прожекторов. Генри уже открыл было рот, чтобы его окликнуть, но, прежде чем успел что-либо сказать, его ошеломило, почти раздавило ощущение близости Джоунси. А потом пришли воспоминания, стирая и Андерхилла, и ярко освещенный заснеженный мир. Он вдруг снова очутился в семьдесят восьмом, не в октябре, а в ноябре, и там была кровь, кровь на рогозе, и битое стекло в болотистой воде, и оглушительный стук двери.

2

Генри пробуждается от ужасного спутанного сна — кровь, битое стекло, удушливая вонь бензина и горячей резины — и слышит стук распахнувшейся двери, в которую врывается струя холодного воздуха. Он подскакивает и видит сидящего рядом Пита, безволосая грудь которого покрыта гусиной кожей. Генри и Пит спят на полу, в спальнях мешках, потому что проиграли, когда все четверо кидали монету, кому достанется кровать. Так что на кровати блаженствуют Бив и Джоунси (позже в «Дыре» сделали третью спальню, но сейчас их только две, и Ламар занял вторую по божественному праву взрослого), только теперь Джоунси один и тоже сидит, недоуменно и испуганно озираясь.

Уби-Уби-Уби-Ду, я сейчас тее пиду, неизвестно почему думает Генри, нашаривая очки на подоконнике. В носу все еще стоит смрад бензина и горящих шин. Работы по горло...

— Разбился, — хрипло произносит Джоунси, вылезая из спального мешка. Торс у него тоже обнажен, но, как Генри и Пит, он оставляет на ночь носки и кальсоны.

— Да, упал в воду, — говорит Пит, хотя, судя по выражению лица, совершенно не понимает о чем.

— Мокасин... — Генри тоже не имеет ни малейшего представления, что сам он имеет в виду. Да и не желает знать.

— Бив, — выдыхает Джоунси, неуклюже слезая с постели и наступая при этом на руку Пита.

— Ой! — кричит Пит. — Ты наступил на меня, олух хренов, смотри, куда...

— Заткнись, заткнись, — шипит Генри, тряхнув Пита за плечо. — Не разбуди мистера Кларендона!

Что вполне вероятно, поскольку дверь в спальню мальчиков открыта настежь. Как и та, что на дальнем конце большой центральной комнаты. Входная. Неудивительно, что холод зверский: чертовски сквозит. Теперь, когда Генри вновь обрел глаза (так он думает об этом теперь), видно, как Ловец снов раскачивается в потоках ледяного ноябрьского ветра.

— Где Даддитс? — сонно спрашивает Джоунси. — Вышел с Бивером?

— Он в Дерри, дурак, — отвечает Генри, вставая и надевая белье с подогревом. Кстати, он вовсе не считает Джоунси дураком, потому что сам ощущает, что Даддитс только что был рядом.

Это был сон, думает он. Даддитс мне приснился. Он сидел на берегу. Он плакал. Был чем-то расстроен. Только дело не в нем. Дело в нас.

Но теперь он проснулся, а плач слышен по-прежнему. Ветер доносит его сквозь открытую дверь. Но это не Даддитс. Это Бив.

Они строем покидают дом, натягивая на ходу одежду и оставшись босиком: не стоит тратить время.

Хорошо еще, что, судя по целому городу из жестяных банок пива на кухонном столе (плюс пригород на журнальном), таким мелочам, как распахнутые двери, сквозняк и взволнованные ребятишки, не по силам разбудить отца Бива.

Большая гранитная плита — крыльцо — холодит ноги Генри, но он едва это замечает.

И сразу видит Бивера. Он стоит на коленях, у корней клена с настилом в ветвях, словно молясь. Руки без перчаток, ноги босые. На нем мотоциклетная куртка, по плечам весело порхают концы оранжевых косынок, повязанных на руки по настоянию отца, хотя сам Бивер твердил, что настоящему охотнику не к лицу носить такие идиотские штуки. Облачение выглядит довольно забавным, но в измученном лице, поднятом к почти голым ветвям, нет ничего смешного. По щекам Бива струятся слезы.

Генри пускается бежать. Пит и Джоунси едва успевают за ним, дыхание, выходя изо рта, превращается в пар. Усыпанная иглами земля под ногами Генри почти так же тверда и холодна, как гранитная плита.

Генри падает на колени рядом с Бивером, перепуганный и

исполненный чего-то вроде благоговения. Потому что глаза Бива не просто повлажнели, как у киногероя, которому дозволено уронить скупую мужскую слезу над телом любимой девушки или трупом верного пса, нет, Бив исторгает потоки воды, словно Ниагарский водопад. Из ноздрей тянутся две вожжи прозрачных поблескивающих соплей.

— Круто, — говорит Пит.

Генри нетерпеливо оборачивается к нему, но видит, что Пит смотрит не на Бивера, а мимо, на дымящуюся лужу рвоты, в которой плавают зерна непереваренной кукурузы (Ламар Кларендон свято верит в преимущества консервированной еды на бивуаке или в походных условиях), и волокна жареного цыпленка — остатки вчерашнего ужина. Желудок Генри делает головокружительное сальто-мортале и едва начинает успокаиваться, как Джоунси давится и громко рыгает. Влажный отвратительный звук. Бурая масса блевотины.

— Круто! — На этот раз Пит почти орет. Но Бивер, похоже, ничего не слышит.

— Генри, — шепчет он. Глаза, едва видные под толстыми линзами слез, сейчас кажутся огромными и трагическими. И смотрят мимо лица Генри прямо в потайные комнаты за оградой его лба.

— Бив, все в порядке. Тебе кошмар приснился.

— Конечно, кошмар. — Голос Джоунси звучит сипло: горло все еще забито рвотными массами.

Он пытается прокашляться, издавая сдавленное, горловое рычание, еще более омерзительное, чем то, что только что изверглось из него, потом сгибается и долго отплевывается. Пальцы судорожно цепляются за кальсоны, худая спина посинела от холода.

Но Бив не замечает ни Джоунси, ни Пита, который встал на колени рядом с ним и нерешительно, неуклюже обнял за плечи. Бив не сводит глаз с Генри.

— У него не было головы, — шепчет он.

Джоунси тоже опускается на колени, и теперь все трое окружают Бива: Генри и Пит с боков, Джоунси спереди. На подбородке Джоунси следы рвоты. Он пытается вытереть их, но Бив перехватывает его руку. Мальчики стоят на коленях под кленом, внезапно став единым целым. Оно совсем короткое, это ощущение единения, но столь же яркое и живое, как их сны. В сущности, это и есть сон, но сейчас они бодрствуют, все мысли рациональны, и окружающий мир вполне реален.

Теперь испуганные глаза Бива устремлены уже на Джоунси. И это руку Джоунси он сжимает.

— Она лежала в канаве, и глаза были забиты грязью.

— Да, — произносит Джоунси дрожащим голосом. — О Господи, так оно и было.

— Сказал, что мы еще встретимся, помните? — спрашивает Пит. — Что он еще встретит нас. По одному или всех вместе. Он так сказал.

Генри слышит все это, как сквозь толстый слой ваты, потому что вернулся в сон. На место происшествия. Под захлавленной насыпью, у небольшого вонючего болотца, образованного стоками из забитой дренажной трубы. Он знает это место, на шоссе № 7, старой дороге Дерри — Ньюпорт. В затянутой ряской воде валяется горящая машина. Ветер разносит вонь бензина и тлеющих шин. Даддитс плачет. Даддитс сидит на замусоренном склоне, прижимая к себе желтую коробку со Скуби Ду, и рыдает так, что сердце разрывается.

Из окна перевернутого автомобиля свисает рука — тонкая, маленькая, с ярко-красными ногтями. Еще двоих выкинуло наружу, одного отбросило почти на тридцать футов. Он лежит лицом вниз, но Генри узнает его по гриве мокрых от крови светлых волос.

Это Дункан, тот самый, который сказал, что мы никому ничего не расскажем, потому что мертвые молчат. Только умереть пришлось самому Дункану.

Что-то проплывает мимо, слегка задев ногу Генри.

— Не поднимай! — резко кричит Пит, но Генри его не слушает.

Он подносит к глазам коричневый замшевый мокасина и едва успевает осознать, что это, как Бивер и Джоунси визжат в ужасающей ребяческой гармонии страха. Они стоят по щиколотку в вонючей грязи, оба в охотничьей одежде: Джоунси в новой пронзительно-оранжевой куртке с капюшоном, специально купленной на этот случай у «Сирса» (и миссис Джоунс по-прежнему истерически рыдает, в непоколебимой уверенности, что сына непременно убьют случайным выстрелом, сразят во цвете лет), Бивер в порядке измочаленной мотоциклетной «косухе» («Ах сколько молний», — восхитилась мама Дадди, завоевав тем самым вечные любовь и обожание Бивера), рукава которой перехвачены оранжевыми косынками. Они не смотрят на третье тело, лежащее прямо у дверцы, со стороны водителя, только Генри (все еще держащий мокасина, это крошечное полузатонувшее каноэ) успевает бросить в ту сторону быстрый взгляд. Остальные старательно отводят глаза, потому что с третьим что-то неладно, непоправимо, трагически неладно, настолько, что в первое мгновение Генри не сознает, что именно. Потом понимает, что над высоким воротником школьной куртки ничего нет. Бивер и Джоунси кричат,

поскольку первыми успели заметить то, что должно было там находиться. Они увидели голову Ричи Гренадо, лежащую лицом вверх. Открытые глаза невидяще смотрят в небо. Вокруг покачиваются залитые кровью метелки рогоза. Генри мгновенно узнает Ричи, хотя переносицу уже не украшает полоска пластыря. Но разве можно забыть малого, который пытался накормить Даддитса дерьмом, в тот день, на задах заброшенного здания?

А Дадс продолжает заливаться слезами, и жалобные звуки проникают в голову гриппозной тяжестью, сверлят виски и сводят Генри с ума. Он бросает мокасин и, шлепая по воде, идет туда, где стоят, цепляясь друг за друга, Бивер и Джоунси.

— Бивер! Бив! — орет Генри, но пока не подходит ближе и не встряхивает Бива, тот, как в трансе, продолжает пялиться на оторванную голову.

Наконец он зябко ежится.

— У него нет головы, — сообщает он, словно это и без того не очевидно. — Генри, у него нет...

— Плюнь ты на его голову, позаботься о Даддитсе! Заставь его прекратить этот чертов вой!

— Да, — кивает Пит и, бросив последний взгляд на голову, на последний смертный оскал, отворачивается. Губы его нервно вздрагивают. — Я сейчас на стенку полезу!

— И я за тобой, — говорит Джоунси. На пламенеющем оранжевом фоне его кожа отливает нездоровой желтизной прогорклого сыра. — Пусть он замолчит, Бив.

— К-к-к...

— Не будь остолопом, спой ему гребаную песню! — вопит Генри, ощущая, как болотная грязь продавливается сквозь пальцы. — Колыбельную, чертову колыбельную!

Бивер непонимающе таращится на них. Постепенно его глаза немного проясняются. Сообразив, в чем дело, он кивает и бредет к насыпи, где сидит Даддитс, прижимающий к груди желтую коробку и надрывно рыдающий, совсем как в тот день, когда они его встретили. Теперь Генри видит то, что сначала ускользнуло от его внимания: кровь, запекшуюся под носом Даддитса, повязку на левом плече, из которой торчит что-то, похожее на кусок белого пластика.

— Даддитс, — шепчет Бив, подходя ближе. — Дадди, милый, не плачь. Не плачь и не смотри на это, такое не для тебя, ты и без того...

Сначала Даддитс, не слушая, продолжает голосить.

Доревелся до того, что носом кровь пошла, уж это точно, но что это за

белая штука у него на плече? — думает Генри.

Джоунси прижал ладони к ушам. Пит держится за макушку, словно боясь, что ветер унесет и его голову. Но тут Бивер обнимает Даддитса, совсем как несколько недель назад, и начинает петь высоким чистым голосом, который так странно слышать от огольца вроде Бива.

— Спи, дитя, Господь с тобой, ночь несет тебе покой...

И, о чудо из благословеннейших чудес: Даддитс начинает успокаиваться.

— Где мы, Генри? — произносит Пит, не шевеля губами. — Где мы, на фиг?

— Во сне, — говорит Генри, и сразу все четверо оказываются на коленях под кленом рядом с «Дырой в стене», дрожащие от холода и в одном нижнем белье.

— Что? — Джоунси, вырвав руку, вытирает рот. Ощущение единства прервано, и реальность вторгается в оцепенение. — Что ты сказал, Генри?

Генри чувствует, как уходят, отдаляются их мысли, как отстраняются они друг от друга, и думает:

Зря все это. Нельзя нам сейчас быть вместе. Иногда лучше остаться одному. Без свидетелей.

Да, одному. Наедине со своими мыслями.

— Я видел дурной сон, — говорит Бивер, словно пытается объяснить что-то себе, а не друзьям. Медленно, как под гипнозом, он отстегивает карман куртки, вытаскивает леденец на палочке и, не разворачивая, сует в рот палочку и принимается грызть. — Приснилось...

— Не важно, — обрывает Генри, поправляя очки. — Мы и без того знаем, что именно тебе приснилось.

«Еще бы, мы все там были», — дрожит у него на кончике языка, но так и не срывается с губ. В четырнадцать лет он уже достаточно умен, чтобы знать: не всякая правда на пользу. «Положено — сыграно», как говорят они, когда играют в джин рамми или канасту, и кто-то, как последний кретин, очертя голову сбрасывает карты. Если он выскажется вслух, значит, придется с этим жить. Если же нет... Может, все само собой уладится.

— Не думаю, что сон твой, — качает головой Пит. — По-моему, это сон Даддитса, и мы все...

— Насрать, что ты думаешь! — взрывается Джоунси, так грубо, что остальные теряются. — Это был сон, я намереваюсь выбросить его из головы. Мы все должны выбросить его из головы, верно, Генри?

Генри поспешно кивает.

— Пойдем в дом, — предлагает Пит. — Ноги заме...

— Вот что, — говорит Генри, и все трое нервно смотрят на него. Потому что в тех случаях, когда нужен лидер, Генри берет эту роль на себя.

И если вам это не нравится, неприязненно думает он, действуйте сами, посмотрим, как справитесь. Это вам не хухры-мухры, уж можете поверить.

— Что? — Бив хочет сказать: «что еще?»

— Когда поедem к Госслину, нужно позвонить Дадсу. На случай, если он расстроился.

Ему никто не отвечает. Все потрясены идеей звонка слабоумному другу. Генри спохватывается, что Даддиту, вероятно, ни разу в жизни никто не звонил. Это будет первый.

— А что... похоже, он прав, — соглашается Пит и немедленно захлопывает ладонью рот, словно сказал что-то недозволенное.

Бивер, почти голый, если не считать идиотских трусов и совершенно непристойной куртки, трясется в ознобе. Шарик леденца торчит на конце изжеванной палочки.

— Когда-нибудь эта штука застрянет у тебя в глотке, — бурчит Генри.

— Вот и ма то же говорит. Пошли? Я совсем заледенел.

Они направляются к дому, где ровно через двадцать три года закончится их дружба.

— Как, по-вашему, Ричи Гренадо в самом деле мертв? — спрашивает Бивер.

— Не знаю и знать не хочу, — говорит Джоунси и оборачивается к Генри: — Ладно, позвоним Даддиту. У меня есть свой номер. Так что расходы — за мой счет.

— Свой телефон? — завидует Пит. — Ну и везет же некоторым! Твои предки бессовестно тебе потакают, Гэри.

Самый верный способ достать Джоунси. Обычно при упоминании своего имени он мгновенно лезет в бутылку, но не сегодня. Не до того.

— Во-первых, это на день рождения, и во-вторых, мне приходится платить за междугородные звонки из карманных денег, так что не возникай. И потом, ничего не было, ничего не было, усекли?

И они все кивают. Ничего не было. Ничего, мать твою, не...

Порыв ветра толкнул Генри вперед, едва не на проволоку. Он пришел в себя, стряхивая воспоминания, как тяжелое пальто. Тоже, нашли время лезть в голову (правда, для воспоминаний подобного рода подходящее

время вряд ли найдется). Столько прождать Андерхилла, почти отморозить яйца, чтобы не упустить единственный шанс отсюда выбраться, и теперь это! Да Андерхилл мог просто пройти мимо, пока он торчал тут, грезя наяву, и оставить его гнить в выгребной яме.

Но Андерхилл не прошел мимо. Он стоял по другую сторону изгороди, сунув руки в карманы и глядя на Генри. Снежинки садились на прозрачный панцирь его маски, тут же таяли и сбегали по пластику, как...

Как слезы Бивера в тот день, подумал Генри.

— Вам следует вернуться в коровник, к остальным, — сказал Андерхилл, — иначе в снеговика превратитесь.

Язык Генри примерз к зубам. Его жизнь без преувеличений зависела от того, что он скажет этому человеку, а он не мог придумать, с чего начать. Не мог даже слова вымолвить.

К чему трудиться? — поинтересовался ехидный внутренний голос, голос тьмы, его старой подруги. В самом деле, к чему трудиться? Почему бы просто не позволить им, сделать то, о чем ты давно мечтал?

Потому что теперь речь идет не только о нем. Потому что теперь приходится думать не только о себе. И все же говорить он не мог.

Андерхилл постоял еще немного, глядя на него. Руки в карманах. Откинутый капюшон открывает коротко стриженные русые волосы. Снег тает на маске, которую носят только солдаты, но не задержанные, потому что задержанным она не понадобится: задержанным, как и серым человечкам, уже вынесен приговор.

Генри пытался заговорить и не мог, не мог. Ах, Господи, на его месте должен был стоять Джоунси, не он, у Джоунси язык куда лучше подвешен. Сейчас Андерхилл уйдет, оставив его наедине с кучей «может быть» и «что, если бы».

Но Андерхилл задержался.

— Неудивительно, что вы знаете мою фамилию... мистер Генрейд? Вас так зовут?

— Девлин. Вы считали мое имя. Я Генри Девлин.

Генри с величайшей осторожностью просунул руку между проволокой. Но Андерхилл, не шевелясь, бесстрастно уставился на нее, и Генри втянул руку в свой новообретенный мир, чувствуя себя идиотом и ругая себя за это последними словами. Можно подумать, они на званом обеде и его только что, как говорится, осадили.

Андерхилл учтиво кивнул, словно они в самом деле были на званом обеде, а не среди снежных смерчей, в режущем глаза сиянии.

— Вы знаете мое имя, потому что присутствие пришельцев в

Джефферсон-тракт вызвало телепатический эффект низкого уровня, — улыбнулся Андерхилл. — Звучит глупо, когда выскажешь это вслух, верно? Но ничего не поделаешь. Однако воздействие преходяще, вполне безвредно и слишком слабое, чтобы годиться для чего-то, кроме карточных игр, а мы сегодня слишком заняты, чтобы тратить время на подобные глупости...

Язык Генри наконец обрел подвижность.

— Вы вряд ли явились сюда в метель только потому, что я знал ваше имя, — сказал Генри. — Скорее потому, что я знал имя вашей жены. И дочери.

Улыбка Андерхилла не изменилась.

— Может, и так. В любом случае предлагаю разойтись и отдохнуть. День выдался долгий и трудный.

Он зашагал вдоль изгороди, в направлении припаркованных трейлеров и прицепов, Генри едва поспевал за ним, хотя приходилось напрягать силы: снегу намело не меньше, чем с фут, и никто не утоптал его с этой стороны. Со стороны мертвых.

— Мистер Андерхилл! Оуэн! Остановитесь на секунду и послушайте. Мне нужно сказать вам что-то важное.

Андерхилл продолжал идти по своей стороне изгороди (которая тоже была стороной мертвецов, неужели Андерхилл не знал?), низко наклонив голову, сохраняя прежнюю вежливую ухмылочку. И самое ужасное, что Андерхилл хотел остановиться. Беда в том, что Генри до сих пор не дал ему повода это сделать.

— Курц безумец, — сказал Генри. Он по-прежнему не отставал, хотя уже начинал задыхаться. Измученные ноги молили о пощаде. — Но хитер, как лис.

Андерхилл вышагивал, как автомат: голова опущена, идиотская маска улыбки на месте. Мало того, он прибавил скорости. Того и гляди, Генри придется бежать, чтобы поспеть за ним. Если он еще в состоянии бежать.

— Вы поставите нас под пулеметы, — говорил, задыхаясь, Генри. — Тела сбросят в амбар, польют бензином, возможно, из колонки старика Госслина, зачем тратить государственные запасы... и потом... пуф!.. все уйдем с дымом, две сотни... четыре сотни... и запах... как от адского барбекю.

Улыбка Андерхилла растаяла, и он помчался вперед. Генри неведомо откуда обрел способность семенить. Жадно втягивая воздух, он прокладывал путь сквозь доходившие до колен сугробы. Ветер полосовал его исхлестанное лицо. Как кинжалом.

— Но, Оуэн... это ведь вы, правда?.. Оуэн... помните старую песенку:

«У кошек много блошек, а у блошек больших — много блошек-крошек. И все грызут друг друга»... и так далее, и тому подобное, до бесконечности... так это о нас и о вас, потому что у Курца есть свой подручный... по-моему, Джонсон, верно?

Андерхилл уколол его взглядом, но не сбавил шага. Но Генри упрямо тащился следом, хотя чувствовал, что больше не выдержит. В боку кололо. Он был залит потом и изнывал от жары.

— Это... должны были поручить вам... вторая часть зачистки... «Империзл Вэлли»... кодовое название... что-то значит для вас?

Судя по всему, ничего не значит. Курц, должно быть, не сказал Андерхиллу об операции, цель которой — уничтожить почти всю Блю-группу. Оуэн понятия не имел об «Империзл Вэлли», и теперь к колотью в боку прибавилась стальная полоса вокруг груди, сжимавшаяся все сильнее.

— Остановитесь... Иисусе... Андерхилл... не могли бы вы...

Но Андерхилл, казалось, не слушал его. Андерхилл хотел сохранить последние иллюзии, и его нельзя было за это судить.

— Джонсон... еще несколько человек... по крайней мере одна женщина... и вы могли быть тоже, если бы не сплеховали... переступили черту... это он так думает... и не в первый раз переступили... в каком-то месте... вроде Босса Новы...

Еще один пронизывающий взгляд. Прогресс? Возможно.

— В конце... думаю, даже Джонсона прикончат... останется в живых только Курц... остальные... ничего, кроме груды пепла и костей... ваша гребаная телепатия... не подсказала вам... Правда... милый салонный трюк... чтение мыслей... даже не... почесались... Проворонили...

Бок прострелило болью до самой подмышки. Земля ушла из-под ног, и Генри, взмахнув руками, ничком повалился в снег. Легкие разрывало от недостатка воздуха. Он жадно вдохнул, набрав в рот пригоршню ледяной пудры.

Отплевываясь и мотая головой, Генри встал на колени, как раз вовремя, чтобы увидеть, как спина Андерхилла исчезает за клубящейся белой стеной. Не зная, что еще сказать, но понимая, что это последний шанс, Генри завопил:

— Вы пытались помочиться на зубную щетку мистера Рейплову, а когда так и не смогли, разбили блюдо! Разбили их блюдо и смылись! Совсем как сейчас, трус стебанный! Удираете? Ну и катитесь...

Спина, уже едва видная за клубящейся белой стеной, замерла. Оуэн Андерхилл остановился.

Мгновение-другое он так и стоял спиной к Генри, который, задыхаясь, упал на колени в снег. По красному лицу текли струи талой воды. Какой-то частью сознания он отметил, что царапина, в которой рос байрум, начала чесаться.

Наконец Андерхилл повернулся и пошел назад.

— Откуда вы знаете о Рейплоу? Телепатия слабеет. Проникнуть так далеко вы не могли.

— Я знаю многое, — сказал Генри, поднимаясь, но тут же схватился за грудь в очередном приступе кашля. — Потому что во мне многое заложено. Я другой. Я и мои друзья, мы другие. Нас было четверо. Двое мертвы. Я здесь. Четвертый... Мистер Андерхилл, четвертый — ваша проблема. Не я, не люди, которых вы содержите в коровнике, не ваша Блю-группа, не подручный Курца, не «Империзл Вэлли». Только он.

Генри боролся с собой, не желая произносить имя. Джоунси, самый близкий ему из всех. Бивер и Пит были чудесными парнями, но только с Джоунси они мыслили одними и теми же категориями. В одном направлении. Только с ним он мог беседовать без слов. Только Джоунси был способен видеть линию и одновременно уноситься мечтами за любые границы и пределы. Но Джоунси больше нет, так ведь? Генри был в этом твердо уверен. В тот момент, когда красно-черное облако промчалось мимо, он еще существовал, вернее, не он, а крохотная его частица, но сейчас старый друг уже съеден заживо. Пусть сердце его бьется, а глаза видят, но истинный Джоунси так же мертв, как Пит и Бив.

— Ваша проблема — Джоунси. Гэри Джоунс из Бруклина, штат Массачусетс.

— Не только моя, но и Курца. — Андерхилл говорил слишком тихо, чтобы его можно было расслышать сквозь вой ветра, но Генри все равно услышал... услышал мозгом. Головой.

Андерхилл огляделся. Генри последовал его примеру и увидел людей, бегущих по тропе между трейлерами и прицепами, довольно далеко от изгороди. Однако весь участок вокруг магазина и коровника был беспощадно освещен, и даже сквозь ветер доносились рев моторов, заикающийся гул генераторов и крики солдат. Кто-то отдавал приказы через мегафон. Общий эффект был жутковато-ирреальным, словно они оба были захвачены штормом в обителище призраков. Бегущие люди в самом деле походили на привидения, исчезающие один за другим в колеблющихся

простынях снега.

— Здесь нельзя говорить, — бросил Андерхилл. — Слушайте меня и не заставляйте повторять ни единого слова, дружище.

И в голове Генри, где от обилия информации и обрывков чужих суждений все смешалось, как разобранный пазл, откуда-то возникла мысль Оуэна Андерхилла, ясная и четкая: «Дружище». Его слово. Поверить невозможно, что я употребил его слово!

— Слушаю, — кивнул Генри.

5

Сарай был на противоположной от коровника стороне участка, и хотя за дверями было так же светло, как и везде в этом адском концлагере, внутри стоял полумрак и сладко пахло сеном. И чем-то еще, чуть более резким.

На другом конце, прислонясь спинами к стене, сидели четверо мужчин и женщина, все в оранжевых охотничьих жилетах, передавая друг другу косячок. В сарае было всего два окна: одно — выходившее на загон, другое — на изгородь и лес. Стекло, заплывшее грязью, немного смягчало режущий глаза свет. Лица обреченных казались серыми. Уже мертвыми.

— Хочешь затынуться? — напряженно, почти жалобно спросил тот, что держал косячок, и с готовностью протянул косячок. Ничего себе, не пожалел травки! Настоящая сигарета.

— Нет. Хочу, чтобы вы отсюда убрались, — сказал Генри.

Они непонимающе уставились на него. Женщина была замужем за тем, кто держал косячок. Малый, сидевший слева, был ее деверем. Остальным просто не терпелось раскумариться даровой травкой.

— Возвращайтесь в коровник, — повторил Генри.

— Не пойдет, — ответил кто-то. — Слишком много народа. Предпочитаем некоторые удобства. И поскольку мы заняли это местечко первыми, а вам, очевидно, не до вежливости, предлагаю...

— Понятно, — перебил Генри, хватаясь за повязку на ноге. — Байрум. То, что они именуют Рипли. Кое-кто из вас, возможно, уже подхватил его. Вот вы, Чарлз... — Он показал на пятого мужчину, грузного и лысого.

— Нет! — вскрикнул Чарлз, но остальные уже отодвигались от него. Тот, что с косячком (Даррен Чайлз из Ньютона, штат Массачусетс), судорожно вдохнул дым.

— Да, — кивнул Генри. — В полном расцвете. И у вас, Мона. Нет,

Марша. Марша, вот как вас зовут.

— Ничего у меня нет, — охнула женщина и встала, прижимаясь спиной к стенке и глядя на Генри широко раскрытыми испуганными глазами. Глазами лани. Скоро все они будут мертвы, и Марша тоже. Оставалось надеяться, что она не прочтет именно эту мысль. — Я чистая, мистер. Мы все здесь чисты, кроме вас!

Она взглянула на мужа, не бог весть какого исполина, но все же поплотнее Генри. Впрочем, как и остальные. Не выше, а именно плотнее.

— Выброси его отсюда, Дейр.

— Есть два типа Рипли, — начал Генри, констатируя собственное предположение как факт... но чем больше он об этом думал, тем правдоподобнее казалась ему идея. — Назовем его Рипли первичный и Рипли вторичный. Я совершенно уверен, что если вы не получили дозу живых спор с пищей или воздухом и не имеете открытых ран, значит, повезло. Вы можете победить его.

Теперь они все пялились на него огромными оленьими глазами, и Генри ощутил мгновенное всесокрушающее отчаяние. Ну почему он не мог попросту покончить с собой, тихо и пристойно?

— У меня Рипли первичный, — объявил он, развязывая футболку.

Никто не осмелился присмотреться к ране, и Генри сделал это за всех. Длинный порез зарос байрумом. Несколько прядей длиной дюйма в три слабо колебались, как бурая водоросль в приливном течении. Он чувствовал, как корни грибка проникают все глубже, вызывая зуд, разрушая его плоть. Пытаясь думать. И это было хуже всего: оно пыталось думать.

Они медленно крались к двери, очевидно, ожидая подходящего момента, чтобы рвануть отсюда со всех ног. Но вместо этого вдруг замерли.

— Мистер, вы можете помочь нам? — дрожащим детским голоском спросила Марша. Даррен, ее муж, обнял жену.

— Не знаю, — признался Генри. — Вероятно, нет, но... все может быть... А сейчас идите. Я уберусь отсюда через полчаса. Может, меньше, но вам лучше побыть в коровнике с остальными.

— Почему? — спросил Даррен Чайлз, мистер Убойный Косячок из Ньютона.

И Генри, у которого возник призрак идеи (ничего похожего на план), честно ответил;

— Понятия не имею. Просто чувствую.

Они вышли, оставив сарай во владение Генри.

Под окном, выходящим на изгородь, лежала связка полусгнившего сена, на которой сидел Даррен, когда вошел Генри (как владелец косячка он мог рассчитывать на самое удобное место), и теперь Генри пристроился на вязанке, безвольно бросив руки на колени. Ему ужасно хотелось спать, несмотря на хор голосов, гудевших в голове, и на сильный зуд в левой ноге (грибок появился и во рту, на месте выпавшего зуба).

Он почувствовал появление Андерхилла еще до того, как Андерхилл подошел к окну и заговорил.

— Я с подветренной стороны и в тени здания, — сказал Андерхилл. — Я курю. Если кто-то подойдет, тебя здесь нет.

— О'кей.

— Попробуй соврать, и я тут же уйду, и больше ты за всю свою короткую жизнь не скажешь мне ни слова... вслух или как-то иначе.

— О'кей.

— Как ты избавился от здешних обитателей?

— Какое тебе дело? — Минуту назад Генри был готов поклясться, что слишком устал, чтобы злиться. Но сейчас... — Это было что-то вроде чертова теста?

— Не валяй дурака.

— Я сказал, что у меня Рипли первичный, то есть чистую правду. Они немедленно смылись, — сказал Генри и, помедлив, добавил: — Ты тоже заразился, верно?

— Почему ты так считаешь?

Голос Андерхилла вроде бы не изменился: все такой же спокойный, ровный, и все же Генри как психиатр сумел распознать все признаки. Каким бы ни был Андерхилл, приходилось признать, что он человек невероятно трезвый и рассудительный. Что ж, он только что сделал первый шаг в нужном направлении. Кроме того, подумал он, не повредит, если Оуэн поймет, что терять ему, в сущности, нечего.

— Красные полоски на заусенцах, верно? И немного в одном ухе.

— Тебе бы сейчас в Лас-Вегас, приятель. Конец бы всем казино... — Генри увидел тлеющий глазок сигареты, поднесенной к губам Андерхилла. Как бы ветер ее не задул.

— Ты получил первичный непосредственно из источника заражения. Я совершенно уверен, что вторичный можно подхватить, коснувшись чего-то, на чем он растет: дерево, мох, олень, собака, другой человек. Все равно что

дотронуться до ядовитого сумаха: сразу ожог. Не думай, что ваши медики этого не знают. Я получил информацию непосредственно от них. Моя голова все равно что чертова спутниковая антенна, которая ловит все передачи подряд. Понятия не имею, откуда берется половина всех сведений, но это не важно. Но кое-что медикам все же неизвестно. Серые называют красную растительность «байрум», слово, означающее «состав жизни». При определенных обстоятельствах первичный грибок может выращивать имплантаты.

— Срань-хорьков, иначе говоря.

— Срань-хорьки — это хорошо. Мне нравится. Они появляются из байрума, потом откладывают яйца, из которых появляются новые хорьки, и так далее, и тому подобное. По крайней мере мне так кажется. Правда, здесь большинство яиц погибает. Трудно сказать, в чем причина: холод ли, атмосфера или еще что-то. Но сейчас речь идет о байруме. Пока это все, чем располагают инопланетяне. То, что действительно срабатывает.

— Состав жизни.

— Угу, но послушай, серым здесь туго приходится, может, потому они и торчали здесь так долго, почти полвека, прежде чем сделать первый ход. Хорьки, например. Предполагалось, что они станут сапрофитами, знаешь, что это означает?

— Генри... тебя так зовут... верно? Генри?.. Генри, какое отношение это имеет к нашей нынешней...

— Самое прямое. И если не хочешь нести большую часть ответственности за гибель жизни на космическом корабле Земля, если, разумеется, не считать жизнью кучи межзвездных кудзу, советую заткнуться и слушать.

Пауза. А потом:

— Слушаю.

— Сапрофиты — доброкачественные бактерии-паразиты. Они живут в наших внутренностях, и мы каждый день глотаем их с молочными продуктами. Со сладким ацидофильным молоком, например, и с йогуртом. Мы даем им среду обитания, и они дают нам кое-что взамен. Лактобактерии, например, улучшают пищеварение. Хорьки — в обстоятельствах, обычных для каких-то иных миров, с совершенно иной, чем у нас, экологией — вырастают дюйма на два, не больше. Думаю, что, оказавшись в женском организме, они могут как-то влиять на воспроизведение, но не убивают. Никого. Просто живут в кишечнике. Мы даем им пищу, они пробуждают в нас телепатические способности. Честный обмен. Только они также превращают нас в телеканалы. Мы — ТВ

серых человечков.

— И ты знаешь все это, потому что в тебе живет такая же тварь? — В голосе Андерхилла не было отвращения, но Генри ясно ощутил его в мозгу собеседника: жгучее, пульсирующее, как щупальца осьминога. — Один из так называемых нормальных хорьков?

— Нет. Пока нет. Кажется.

— В таком случае, откуда ты взял все это? Или просто сочиняешь? Разыгравшееся воображение? Пытаешься выписать себе пропуск на волю?

— По-моему, совершенно не важно, откуда мне все это известно, Оуэн, но ты понимаешь, что я не лгу. Ты же читаешь мои мысли.

— Да, ты думаешь, что говоришь правду. Больше я ничего не знаю. Или воображаешь, что я херов ясновидящий? Всю жизнь читал ваши сраные мысли? Как глубоко я, по-твоему, могу проникнуть?

— Не знаю. Должно быть, немного глубже, если байрум распространится, но до меня тебе далеко.

— Потому что ты другой. — Скептицизм, не только в голосе, но и в мыслях Андерхилла.

— Приятель, до сегодняшнего дня я и понятия не имел, насколько другой. Но не обращай внимания. Я хочу, чтобы ты понял главное: серые опарафинились по самое некуда. Наверное, впервые в истории они вступили в настоящую битву за власть, прежде всего потому, что хорьки, попадая в человека, превращаются из сапрофитов в злокачественных паразитов. Не перестают есть и не перестают расти. Это рак, Андерхилл, особая форма рака. Во-вторых, байрум. Пока что он в отличие от иных планет с трудом выживает в нашем мире. Ученые и эксперты, которые правят этим родео, думают, что холод замедляет его развитие, но я так не считаю, вернее, считаю, что причина не только в этом. Не могу сказать с уверенностью, потому что они тоже ничего не понимают, но...

— Стоп, стоп... — В темноте мелькнула короткая вспышка: это Андерхилл зажег еще одну сигарету, которую тоже съест ветер. — Ты сейчас имел в виду не медиков, верно?

— Нет.

— Воображаешь, будто общаешься с серыми человечками. Телепатически.

— По-моему... с одним из них. Можно сказать, между нами налажена бесперебойная связь.

— С тем Джоунси, о котором ты говорил?

— Оуэн, я не уверен. Не до конца. Но главное, они проигрывают. Я, ты, люди, которые были с тобой у корабля, все мы, возможно, не встретим

нынешнее Рождество. Не стану врать. Мы получили высокие концентрированные дозы. Но...

— Я-то уж точно, — перебил Оуэн. — И Эдвардс тоже, проявилось мгновенно, как на полароиде.

— Но даже если байрум в самом деле скрутит тебя, не думаю, что ты можешь разнести его так уж широко. Не настолько он опасен. В амбаре есть немало людей, которые так его и не подхватят, сколько бы зараженных там ни оказалось, а если и подхватят, то свалятся с байрумом вторичным, или Рипли, как тебе угодно.

— Лучше байрум.

— О'кей. Они смогут, в свою очередь, передать его кое-кому, но в очень слабой форме, которую можно назвать байрум-три. Вполне вероятно, что и этим дело не закончится, но уж для того, чтобы разглядеть байрум-четыре, понадобится микроскоп или анализ крови. Потом он исчезнет.

— Не забывай о мгновенном воспроизведении.

— Первое: серые — возможно, не что иное, как системы доставки байрума — уже уничтожены. Те, кого не убила среда, как микробы в конце концов прикончили марсиан в «Войне миров», расстреляны из пулеметов. Все, кроме одного... возможно, того, от которого я получаю информацию. Но в физическом смысле его тоже не существует. Второе: хорьки не сработали. Как любой рак, они в конце концов пожирают сами себя. Те же, которые прогрызают себе дорогу и выходят наружу из прямой кишки, быстро погибают в неблагоприятной для них внешней среде. Третье: байрум тоже не так действенен, но если ему дать время вырасти и найти места обитания, он может мутировать. Научится приспосабливаться. Может быть, править.

— Мы собираемся стереть это место с лица земли, — сказал Андерхилл. — Превратить весь Джефферсон-тракт в выжженную зону.

Генри едва не завопил от бессильной злости, и, вероятно, что-то выплеснулось наружу. Послышался глухой стук. Андерхилла отшвырнуло к стене, ударило спиной о потемневшие доски.

— То, что вы здесь творите, не имеет смысла, — процедил Генри сквозь зубы. — Люди, которых вы заперли, не могут распространить грибок, хорьки не могут распространить грибок, и байрум тоже не может распространяться самостоятельно. Если ваши парни свернут палатки и просто уберутся отсюда, природа позаботится о себе и сотрет всю эту бессмыслицу как ошибочное уравнение. Думаю, серым пришлось показаться вам на глаза, потому что они на хрен не верят тому, что происходит. Похоже, это был просто акт самоубийства, вдохновляемый

некоей серой версией мистера Курца. Они никак не могут осмыслить собственное поражение. Их девиз: «Мы всегда выигрываем». Или «побеждаем».

— Откуда ты...

— Но тут в последнюю минуту, Андерхилл, может, и в последнюю секунду, один из них нашел человека, поразительно отличающегося от остальных. Такого, с которым способны войти в контакт не только серые, но хорьки и даже байрум. Он ваша «Тифозная Мэри». И уже выбрался из секретной зоны, сводя все, что вы здесь сделали, к нулю.

— Гэри Джоунс.

— Совершенно верно.

— Что делает его не таким, как все?

Как ни больно было Генри касаться этой темы, все же приходилось кое-что открыть Андерхиллу.

— Он, я и еще двое друзей, теперь погибших, когда-то знали человека, который был абсолютно другим. Другим в корне. Настоящий телепат, без всякого байрума. Он каким-то образом повлиял на нас. Повстречай мы его, когда стали старше, вряд ли такое было бы возможно, но в том возрасте мы были особенно... уязвимы, так сказать, к тому, что он нам дал. Потом, годы спустя, кое-что случилось с Джоунси, правда, не имеющее отношения к этому необыкновенному мальчику.

Но последнее, как подозревал Генри, не было правдой: хотя Джоунси едва не погиб под колесами машины в Кембридже, а Даддитс, насколько знал Генри, в жизни не выезжал из штата Мэн, он каким-то образом причастен к последним роковым переменам в Джоунси. И ко всему происходящему. Он знал это.

— Прикажешь мне... что? Просто поверить в это? Проглотить, как микстуру от кашля?

Он не видел, как в душистом мраке сарая губы Генри растянулись в невеселой улыбке.

— Оуэн, — вздохнул он, — ты и так этому веришь. Я телепат, не забыл? Самый страшный в джунглях. Однако вопрос... вопрос... в том...

Генри задал вопрос мысленно.

Стоя за изгородью у задней стены старого сарая, терпеливо морозя яйца, опустив маску, чтобы иметь возможность курить сигареты, которых

терпеть не мог (он раздобыл новую пачку в гарнизонной лавчонке), Оуэн растерянно озирался. Несмотря на то что ситуация весьма мало располагала к веселью, все же, когда человек в сарае в ответ на вполне резонный вопрос отрезал с нетерпеливой прямоотой: «Ты и так этому веришь. Я телепат, не забыл», — с губ Оуэна сорвался короткий горький смешок. Курц сказал, что, если телепатия станет одним из постоянных свойств человеческого мозга, общество в его нынешнем виде ждет крах. Умом Оуэн понимал правоту Курца, но сейчас осознал ее на некоем глубинном, нутряном уровне.

— Однако вопрос... вопрос... в том...

Что мы собираемся предпринять?

У измученного Оуэна нашелся только один ответ:

— Думаю, нужно снаряжать погоню за Джоунсом. Но даст ли это что-нибудь? У нас есть время?

— Да, но очень мало.

Оуэн пытался понять, что кроется за ответом Генри, но его сил явно не хватало. Однако он был уверен, что почти все, сказанное этим человеком, — правда. Либо он свято верит в то, что говорит правду. Видит Бог, я тоже хочу верить, что это правда. И под любым предлогом убраться отсюда до начала бойни.

— Нет, — сказал Генри, и Оуэн впервые заметил, что голос у него не совсем твердый. Похоже, он чем-то расстроен. — Бойни не будет. Курцу не удастся прикончить почти триста человек. Людей, которые никак не могут повлиять на происходящее. Они всего лишь... О Господи, они всего лишь невинные жертвы! Случайные свидетели катастрофы!

Оуэн не удивился, обнаружив, что искренне наслаждается смущением Генри. Видит Бог, сам Генри немало потрудился над тем, чтобы лишить его душевного равновесия.

— Что вы предлагаете? Особенно если учесть, что сейчас главное — ваш приятель Джоунси.

— Да, но... — запнулся Генри. Теперь его внутренний голос звучал чуть громче, но ненамного.

Я не думал, что мы уйдем и бросим их на съедение.

— Мы не уйдем. Сбежим, как пара крыс с горящими хвостами, — пояснил Оуэн и, затянувшись в последний раз, бросил третью сигарету. И долго смотрел, как ветер катит ее по снегу. К этому времени по обе стороны сарая возвышались гигантские сугробы. По опустевшему выгулу мела поземка, с неба продолжал валить снег. Ехать куда-то в такую погоду — чистое безумие.

Придется раздобыть хотя бы «сноу кэт», подумал Оуэн. К полуночи даже полноприводный грузовик не пробьется через такие заносы.

— Убей Курца, — тихо сказал Генри. — Это единственный выход. Будет легче ускользнуть, если некому отдавать приказы. Кроме того, биологическая... зачистка отложится на неопределенное время.

— Как все просто, — сухо рассмеялся Оуэн. — Андерхилл, агент 007 с лицензией на убийство.

Он раскурил четвертую сигарету, прикрывая зажигалку ладонями. Пальцы, даже в перчатках, успели онеметь.

Если мы немедленно не договоримся, я здесь заледенею, подумал он.

— Подумаешь, что тут такого сложного? — удивился Генри, понимая, как тяжело Оуэну принять такое решение. Сам Оуэн чувствовал (и почти слышал), как мучительно пытается он ничего не видеть и не знать, не ухудшать и без того безнадежное положение вещей. — Просто войди и прихлопни его.

— Не выйдет. — Оуэн послал Генри мысленную картину: Фредди Джонсон и другие члены так называемой «Империзл Вэлли» следят за «виннебаго» Курца. — Кроме того, фургон оборудован системой динамиков. Если что-то случится, мигом нагрянут крутые парни. Но, может, я его достану. Скорее всего нет, потому что охрана у него, как у колумбийского кокаинового барона, особенно во время активных боевых операций. Но попробовать можно. Я и сам не так уж плох. Но это чистое самоубийство. Если в его распоряжении Фредди Джонсон, значит, поблизости вертятся Кейт Галлахер... Марвел Ричардсон... Карл Фридман... Джослин Макэвой. Крутые парни и девочки. Генри, я убью Курца, они убьют меня, шишки, которые стоят у руля этого шоу, пошлют нового чистильщика — какой-нибудь клон Курца, который подхватит поводья, выпавшие из рук мертвого единомышленника. А может, просто назначат на его место Кейт. Видит Бог, для этого она достаточно безумна. Заключение дадут дополнительных двенадцать часов на то, чтобы хорошенько провариться в собственном соку, но в конце концов поджарят. Единственная разница в том, что вместо того, чтобы весело устремиться вместе со мной сквозь бурю и метель, красавчик, ты сгоришь вместе с остальными. А тем временем твой приятель Джоунси успеет добраться... куда?

— Думаю, пока благоразумнее всего держать место назначения в секрете.

Оуэн тем не менее попробовал применить все свои телепатические способности и на миг уловил размытое и странное изображение: высокое

белое здание в снегу, цилиндрическое, как силосная башня... но все тут же пропало, сменившись изображением белой лошади — чем-то похожей на единорога, — бегущей мимо таблички, на которой красовалась стрелка и надпись красными буквами:

В БЕНБЕРРИ-КРОСС.

— Ты глушишь меня! — раздраженно проговорил он.

— Можешь считать, что так. А можешь рассматривать это как обучение методике, которую тебе лучше усвоить, если хочешь сохранить наш разговор в тайне.

— Угу. — На самом деле Оуэн ничуть не расстроился. И правда, совсем не плохо уметь вот так глушить всякого, кто бесцеремонно лезет в твои мысли. Кроме того, Генри все-таки знал, куда стремится его друг, Тифозный Джоунси. Недаром Оуэн видел неясные картины в голове Генри.

— Генри, выслушай меня.

— Валяй.

— Предлагаю простейший и самый безопасный план. Первое: если время не слишком поджимает, нам нужно поспать.

— Согласен. Непонятно, как я еще держусь на ногах.

— Часа в три ночи я начну действовать. Курц отдал приказ следить за любыми передвижениями, и охрана будет начеку, но если глаз Большого Брата немного прикроется, то не раньше четырех. Люди к тому времени устанут и потеряют бдительность. Мы должны уложиться в интервал от четырех до шести. Я отвлеку часовых и закорочу ток в изгороди: это легче всего. Минут через пять после того, как начнется переполох, я подведу сюда снегоход и... — Оуэн обнаружил, что телепатия имеет немалые преимущества по сравнению со словесным общением. Не переставая говорить, он послал Генри изображение горящего вертолета МН-6 «литл берд» и солдат, бегущих к нему, — ...и в путь.

— Оставив на милость Курца беззащитных людей, которых он намеревается превратить в угольки? Не говоря уже о Блю-группе. Сколько там? Еще триста?

Оуэн, служивший в армии с девятнадцати лет и вот уже восемь как ставший одним из чистильщиков Курца, послал два жестких слова по ментальному каналу, установленному между ними:

Допустимые потери.

Тень Генри Девлина за грязным стеклом шевельнулась и поднялась.
Нет, ответил он.

Нет? То есть как «нет»?

Нет. Я их не брошу.

Можешь предложить что-нибудь получше?

И тут Оуэн, к своему невероятному ужасу, осознал: Генри уверен в том, что может. Фрагменты и обрывки этой идеи (было бы чересчур великодушно назвать ее планом) пролетали через мозг Оуэна, подобно хвосту кометы. От неожиданности он задохнулся и даже не заметил, как сигарета выпала из пальцев и унеслась, подхваченная ветром.

Ты псих.

Ничего подобного. Нам нужно отвлечь их, чтобы смыться, ты уже это понял. Считай это отвлекающим фактором.

Их все равно убьют!

Некоторых. Может, большинство. Но это шанс. Какой шанс у них будет в горящем амбаре?

— И не забывай о Курце, — добавил Генри вслух. — Если его поставят перед фактом побега двухсот заключенных, многие из которых будут счастливы поведать первому попавшемуся репортеру о том, как наложившее в штаны от страха правительство США санкционировало массовые убийства здесь, на американской земле, поверь, ему будет не до нас. Поводов для волнений у него и без того появится достаточно.

Ты не знаешь Эйба Курца, подумал Оуэн. И ничего не знаешь о Черте Курца. Как и он сам. Почти ничего. До сегодняшнего дня.

Но в предложении Генри был некий безумный смысл. И некое зерно искупления. По мере того как этот бесконечный день четырнадцатого ноября катился к полуночи и шансы прожить хотя бы до конца недели увеличивались, Оуэн без особого удивления понял, что идея искупления не лишена привлекательности.

— Генри!

— Да, Оуэн, я тут.

— Знаешь, мне всегда становилось не по себе при мысли о том, что я натворил в доме Рейплов.

— Знаю.

— И все же я бы сделал это еще раз. Что за чертовщина?

Генри, оставшийся прекрасным психиатром даже после того, как стал помышлять о самоубийстве, промолчал. Да и что скажешь? Некая извращенность всегда присутствует в человеческом характере. Нормальное поведение. Грустно, но правда.

— Ладно, — решил наконец Оуэн. — Ты покупаешь дом, я его обставляю. По рукам?

— По рукам, — мгновенно ответил Генри.

— Ты в самом деле можешь научить меня глушить непрошенных гостей? Думаю, мне это понадобится.

— Могу. Уверен.

— Ладно. Слушай.

Следующие три минуты говорил Оуэн, иногда вслух, иногда пускал в ход телепатию. Оба достигли той точки, когда различия между способами общения больше не существовало: слова и мысли стали одним.

Глава 16. ДЕРРИ

1

До чего жарко у Госслина — до чего жарко!

Джоунси мгновенно покрывается потом, и к тому времени, когда они вчетвером добираются до телефона-автомата (по несчастью, висящего у печки), крупные капли срываются со лба, ползут по щекам, а подмышки превратились в настоящие джунгли в период дождей... хотя не так уж там много волос, все-таки четырнадцать лет.

«Все впереди», — как говорит Пит.

Итак, у Госслина жарко, и он все еще отчасти пребывает в тисках сна, который вовсе не собирается померкнуть, раствориться, как все плохие сны (он все еще ощущает вонь бензина и горячей резины, видит Генри, держащего мокасин... и оторванную голову, он все еще видит ужасную оторванную голову Ричи Гренадо), а тут еще телефонистка стервозится. Когда Джоунси дает ей номер Кэвеллов, который мальчики знают наизусть, потому что звонят едва не каждый день и спрашивают, можно ли прийти (Роберта и Элфи неизменно отвечают «да», но так требуют правила вежливости, которым их научили дома), телефонистка спрашивает:

— Ваши родители знают, что вы звоните в другой город?

Ничего общего с тягучим выговором янки: слова произносятся с легким французским акцентом уроженки здешних мест, где фамилии Летурно и Биссонет куда более распространены, чем Смит или Джоунс. Скупердяи-лягушатники, как называет их отец Пита. И теперь, Боже, помоги Джоунси, он нарвался на такую.

— Они позволяют мне звонить в кредит, если я сам плачу, — говорит Джоунси. А, так он и знал, что под конец именно ему придется не только лаяться с телефонисткой, но и выкладывать собственные денежки. Он расстегивает молнию куртки. Ну и духотища! Как могут эти старперы рассиживаться у печки, просто выше его понимания! Друзья напирают на него, толпятся рядом, что вполне естественно: они хотят знать, как идут дела, но Джоунси очень хочется, чтобы они немного отступили и дали ему дышать. Еще немного, и он сварится.

— А если я позвоню им, mon fils? Твоим mère et père?^[58] Они скажут то же самое?

— Конечно, — говорит Джоунси. Пот разъедает глаза, и он вытирает его, как слезы. — Отец на работе, но мама должна быть дома. Девять-четыре-девять, шесть-шесть-пять-восемь. Только побыстрее, пожалуйста, потому что...

— Соединяю с абонентом, — разочарованно перебивает телефонистка.

Джоунси одним движением плеч сбрасывает куртку на пол. Остальные так и не разделись. Бив даже не расстегнул свою Фонзи-куртку. Просто немыслимо, как они выносят все это! Даже запахи действуют Джоунси на нервы: запахи бобов, кофе, мастики для натирки полов и рассола из бочонка с пикулями. Обычно они ему нравятся, но сегодня к горлу подкатывает тошнота.

В телефоне что-то щелкает. Как медленно! И друзья теснят его к стене, на которой висит аппарат. В дальнем проходе стоит Ламар, сосредоточенно разглядывая полки с крупами и потирая лоб, как человек, у которого раскалывается голова. Учитывая, сколько пива он влил в себя вчера вечером, это вполне естественно. У самого Джоунси тоже начинается что-то вроде мигрени, не имеющей никакого отношения к пиву, просто здесь чертовски жарко, как в а...

Он резко выпрямляется.

— Гудки, — сообщает он друзьям и тут же жалеет, что не держал язык за зубами, потому что все трое придвигаются еще ближе. У Пита изо рта несет ужасно, и Джоунси думает:

Ну ты и даешь, Пит! Что это с тобой? Чистишь зубы по большим праздникам?

Трубку поднимают на третьем звонке.

— Алло?

Это Роберта, и судя по голосу, лишенному обычных жизнерадостных ноток, она чем-то расстроена. Нетрудно понять чем: даже сюда доносится жалобный вой Даддитса. Джоунси знает, что Элфи и Роберта не воспринимают плач сына, как их четверка: в конце концов они люди взрослые. Но кроме всего, еще и его родители, и явно чувствуют что-то, поэтому Джоунси сильно сомневается, что сегодняшнее утро выдалось для миссис Кэвелл особенно радостным.

О Господи, как можно так топить? Что они подбрасывают в эту гребаную печку? Плутоний, что ли?

— Говорите, кто это, — нетерпеливо звучит в трубке, что совершенно не похоже на неизменно приветливую миссис Кэвелл. Сколько раз она твердила мальчикам, что самое главное для матери такого необыкновенного создания, как Даддитс, — это терпение. Она училась терпению на

протяжении всей жизни рядом с Даддитсом. Но сегодня утром все не так. Сегодня она цедит слова так, будто зла на кого-то, что уж совсем немыслимо. — Если вы что-то продаете, простите, у меня нет времени говорить. Я очень занята и...

И все это под неумолчный рев Даддитса.

Еще бы, не занята, думает Джоунси. Он достает тебя с самого рассвета, и к этому времени ты наверняка уже на стенку лезешь.

Генри тычет Джоунси локтем в бок и грозит кулаком, что, очевидно, означает: «Давай же!» И хотя Джоунси морщится от боли, все же локоть — штука полезная. Если она повесит трубку, ему снова придется иметь дело с этой сучкой-телефонисткой.

— Миз Кэвелл... Роберта? Это я, Джоунси.

— Джоунси?

Он кожей ощущает ее невыразимое облегчение: она так страстно хотела, чтобы друзья Даддитса позвонили, что сейчас почти уверена: воображение играет с ней дурную шутку.

— Да. Я и остальные парни. — Он протягивает трубку.

— Привет, миссис Кэвелл. — Это Генри.

— Эй, как дела? — Пит.

— Привет, красавица, — произносит Бив с идиотской улыбкой. Он, можно сказать, влюблен в Роберту с того дня, когда они встретились.

Ламар Кларендон оборачивается на голос сына, морщится и снова принимается оценивать сравнительные достоинства «Чирриоз» «и «Шреддид Уит»^[59]. «Валяйте, — бросил он Биву, когда тот сказал, что они хотят позвонить Даддитсу. — Понять не могу, с чего вам вдруг взбрело говорить с этим тыквоголовым, но если хотите бросать деньги на ветер, ради бога».

Джоунси снова подносит трубку к уху и успевает уловить обрывок фразы:

— ...вернулись в Дерри? Я думала, вы охотитесь где-то в Кинео.

— Нет, мы все еще здесь, — отвечает Джоунси и, оглянувшись на друзей, с удивлением замечает, что они почти не вспотели, разве что лоб Генри чуть влажный, на верхней губе Пита несколько крошечных капелек и все. Ну просто Психербург какой-то! — Мы просто думали... э... что, пожалуй, лучше позвонить.

— Вы знали.

Голос спокойный, бесстрастный. Не рассерженный. Не отчужденный. Но и не вопрошающий. Констатирующий.

— Э-э-э... — Он поправляет ворот рубашки. — Да.

Любой на ее месте засыпал бы его сотнями вопросов, начиная с «откуда вы узнали» и «что, во имя Господа, с ним творится», но Роберта не любой-всякий, и, кроме того, почти целый месяц наблюдала их рядом со своим сыном. Поэтому и говорит:

— Подожди, Джоунси. Сейчас я его позову.

Джоунси ждет. Издалека доносятся рыдания Даддитса и тихие уговоры Роберты. Она объясняет. Утешает. Заманивает его к телефону. Повторяет магические имена:

«Джоунси, Бивер, Пит, Генри».

Вопли приближаются, и Джоунси ощущает, как они вонзаются в голову, тупой нож, который мнет и крошит плоть, вместо того чтобы резать. У-У-У-У. По сравнению с плачем Даддитса локоть Генри кажется нежными объятиями. И тропический дождь льется по шее солеными потоками. Взгляд устремлен на две таблички над телефоном. Первая гласит: ограничьте время разговора пятью минутами, пожалуйста. На второй еще одна просьба: никаких непристойностей по телефону. Под ней кто-то нацарапал:

КАКОЙ КОЗЕЛ ЭТО СОЧИНИЛ?

Но тут трубку берет Даддитс, и в ухо Джоунси ввинчивается ужасный громовой рев. Джоунси морщится, но, несмотря на боль, сердиться на Дадса невозможно. Здесь они вместе, все четверо, а он там один. До чего же все-таки странное создание! Господь покарал и благословил его одновременно, и при мысли об этом у Джоунси голова идет кругом.

— Даддитс, — говорит он, — Даддитс, это мы. Я Джоунси.

И передает трубку Генри.

— Привет, Даддитс, это Генри.

Трубка у Пита.

— Привет, Дадс, это Пит, не плачь, все хорошо...

Пит быстро сует трубку Биву, который опасливо осматривается, забивается в угол, вытягивая шнур на всю длину, прикрывает микрофон, чтоб старики у печки (не говоря уже о собственном старике) не расслышали, и поет первые две строчки колыбельной. Потом замолкает, прислушивается и, сложив в кружок большой и указательный пальцы, гордо трясет перед носами приятелей. И отдает трубку Генри.

— Дадс? — Опять Генри. — Это просто сон, Даддитс. Ничего такого не было на самом деле. Ладно?

Ничего не было и все кончено. Только...

Генри слушает. Джоунси пользуется возможностью, чтобы сбросить фланелевую рубашку. Футболка под ней мокрая насквозь.

В мире есть еще миллиард вещей, о которых Джоунси не знает: какого рода связь существует, например, между ними и Даддитсом, но одно ему известно точно — больше он не может оставаться в магазине Госслина. Джоунси кажется, что это его бросили в проклятую печку. Должно быть, у старперов, играющих в шашки, вместо костей лед.

Генри усердно кивает:

— Точно, как в страшном кино. — Прислушивается и хмурится: — Вовсе нет. И никто из нас тоже. Мы и пальцем его не тронули. И никого из них.

И тут Джоунси осеняет. Вранье. Трогали! Не хотели, конечно, но тронули. Боялись, что Ричи исполнит свою угрозу разделаться с ними, и поэтому достали его первыми.

Пит протягивает руку, и Генри говорит:

— Пит хочет потолковать с тобой, Дадс.

Он отдает трубку Питу, и Пит советует Даддитсу забыть обо всем и наплевать, будь спокоен, милый воин, они скоро вернутся и сыграют все вместе, вот уж повеселятся, на всю катушку, ну а пока...

Джоунси поднимает глаза к табличке, той, на которой просят ограничить время звонка пятью минутами. Какая идея, какая чудесная идея! Да и к чему разводить слюни. И так ясно, что ситуация с Даддитсом под контролем.

Но прежде чем он успевает вмешаться, Пит отдает трубку ему.

— Он хочет поговорить с тобой, Джоунси.

В первое мгновение он едва не бросается к двери. Черт с ним, с Даддитсом, черт с ними со всеми!

Но это его друзья, все они заражены одним и тем же сном, в котором сделали то, чего вовсе не хотели (врун, врун гребаный, сам знаешь, что хотели!) и их глаза удерживают его на месте, несмотря на жару, которая теперь сдавливает его грудь удушливыми тисками. Их глаза твердят, что он часть всего этого и не должен уходить, пока Даддитс еще у телефона. Так не по правилам. Не по правилам той игры, которую они ведут.

Это наш сон, и он еще не кончился, кричат глаза всех троих, и особенно Генри. Он начался с того дня, как мы нашли его позади «Братьев Трекер», на коленях и почти голого. Он видит линию, и теперь мы тоже видим. Пусть по-другому, но какой-то частью внутреннего зрения мы постоянно видим линию. И будем видеть, пока живы.

В их глазах светится что-то еще, неотступное, не дающее покоя,

которое будет преследовать их до конца жизни и бросит тень даже на самые счастливые дни. Ужас того, что они сделали. Сделали в так и не запомнившейся главе их совместного сна.

Все это не дает Джоунси шагнуть к двери и заставляет взять трубку, хотя он изнемогает. Вялится, поджаривается, тает, мать твою.

— Даддитс, — говорит он, и даже голос пышет жаром. — Все хорошо, честное слово. Я сейчас отдам трубку Генри, здесь дышать нечем, хочу глотнуть свежего...

Но Даддитс прерывает его, неожиданно громко и настойчиво:

— Е ыди! Оси, е ыди! Ей! Ей! Итер Ей!

Они всегда понимали его лопотание, с самого первого дня, и Джоунси без труда разбирает: «Не выходи! Джоунси, не выходи! Грей! Грей! Мистер Грей!»

Джоунси открывает рот. Он глядит мимо раскаленной печки, мимо прохода между полками, где страдающий похмельем отец Бива тупо изучает консервированные бобы, мимо миссис Госслин, восседающей за старым обшарпанным кассовым аппаратом, в переднее окно, служащее неким подобием витрины. Стекло до невозможности грязное и обклеенное плакатами, рекламирующими все на свете — от сигарет «Уинстон» и эля «Мусхед» до церковных благотворительных ужинов и пикников в честь Четвертого июля, которые устраивались еще в те времена, когда президентом был арахисовый король... но все же осталось еще достаточно места, чтобы выглянуть наружу и увидеть существо, ожидающее его во дворе. То самое, что подкралось сзади, пока он пытался удержать дверь ванной. То самое, что через много лет украло его тело. Голая серая фигура переминается около бензоколонки на беспалых ногах, не сводя с Джоунси черных глаз. И Джоунси думает:

Это не их истинный облик. Такими мы их видим. Именно такими.

И словно желая подчеркнуть это, мистер Грей поднимает руку и резко бросает вниз. С кончиков длинных серых пальцев (их всего три) слетают и поднимаются в воздух крохотные красновато-золотистые пушинки. Как «парашютики» одуванчика.

Байрум, думает Джоунси.

И словно от волшебного слова в сказке все тут же замирает. Магазин Госслина превращается в гротескный натюрморт. Мгновение — и цвета медленно испаряются, преобразуя его в старый дагерротип в желтовато-черных тонах. Друзья становятся прозрачными и тают на глазах. Реальны только две вещи: тяжелая черная трубка телефона-автомата и жара. Удушливая жара.

— Аай! — кричит Даддитс прямо ему в ухо. Джоунси слышит долгий, хорошо знакомый прерывистый вздох: это Даддитс набирает в грудь воздух, пытаясь говорить как можно четче. — Оси, Оси, аай! Аай! А...

...вай! Вставай, Джоунси, вставай!

Джоунси поднял голову, но в первый момент ничего не увидел. Волосы, спутанные, влажные от пота, лезли в глаза. Он нетерпеливо откинул их, надеясь оказаться в своей спальне, либо в «Дыре в стене», либо, что еще лучше, в Бруклине, — но безуспешно. Он по-прежнему в офисе братьев Трекер. Заснул за письменным столом и видел во сне, как они звонили Даддитсу сто лет назад. Все так и было, если не считать умопомрачительной жары. По правде говоря, в магазине всегда было прохладно, мало того, старик Госслин строго за этим следил. Жара вкралась в его сон, потому что здесь дышать было нечем. Иисусе, тут не меньше ста градусов, а может, и все сто десять ^[60].

Отопление испортилось, подумал он, поднимаясь. А может, пожар. Так или иначе, нужно выбираться отсюда, пока я не спекся заживо.

Джоунси выбрался из-за стола, почти не заметив того, что стол изменился, едва обратив внимание на какой-то предмет, коснувшийся макушки, когда он спешил к двери. Он уже потянулся одной рукой к засову, а другой — к «собачке», как вдруг вспомнил крик Даддитса, просившего его не выходить, потому что за дверью ждет мистер Грей.

Он и правда был там. Прямо у порога. Подстерегал Джоунси на складе воспоминаний, которым тоже завладел.

Джоунси уперся растопыренными пальцами в дерево филенки. Влажные пряди снова упали на лоб, но он уже не обращал ни на что внимания.

— Мистер Грей, — прошептал он. — Вы там? Вы ведь там, верно?

Никакого ответа, но мистер Грей был там. Точно там. Безволосое подобие головы чуть наклонено вперед, стеклянно-черные глаза уставились на дверную ручку, вот-вот готовую повернуться. Он ждал, когда из душегубки вывалится Джоунси. И тогда...

Прощайте, назойливые человечьи мысли. Прощайте, раздражающие и нервирующие человечьи эмоции.

Прощай, Джоунси.

— Мистер Грей, вы пытаетесь меня выкурить?

Ответа он опять не получил, да и ни к чему. Мистер Грей упоенно орудует всеми кнопками управления, не так ли? Включая и ту, что контролировала температуру тела. Как высоко он ее поднял? Джоунси не знал, но чувствовал, что температура продолжает ползти. Удавка, стискивающая грудь, стала еще горячее и беспощаднее. Он начал задыхаться. Кровь тяжело колотилась в висках.

Окно. Как насчет окна?

В порыве безумной надежды Джоунси повернулся к окну, спиной к двери. Но в окне было темно — вот вам и вечный октябрьский полдень семьдесят восьмого, — а подъездная дорога, идущая вдоль здания, была похоронена под сыпучими снежными барханами. Никогда, даже в детстве, снег не казался Джоунси столь заманчивым. Он уже видел, как, подобно Эрролу Флинну в старом пиратском фильме, летит через стекло, зарывается в снег, охлаждая разгоряченное лицо в благословенном белом холоде...

Да, и тут же чувствует, как руки мистера Грея смыкаются на его горле. Эти руки, хоть и трехпалые, должно быть, сильны и мгновенно выдавят из него жизнь. Если он хотя бы разобьет окно, чтобы впустить немного свежего воздуха, мистер Грей тут же подстережет его и набросится, как вампир. Потому что эта часть Мира Джоунси небезопасна. Эта часть — оккупированная территория.

Выбор Хобсона. Все пути прокляты.

— Выходи, — наконец произнес мистер Грей голосом Джоунси. — Я не буду тянуть. Все сделаю быстро. Не хочешь же ты поджариться там... Или хочешь?

Но Джоунси уже разглядел письменный стол, стоявший перед окном, стол, которого и в помине не было, когда он впервые оказался в этой комнате. До того, как он уснул, тут возвышалось обыкновенное, ничем не примечательное изделие какой-то захудалой мебельной фабрички, из тех, что обычно покупают для небогатых фирм. В какой-то момент, он не мог вспомнить точно, в какой именно, на столе появился телефон, простой, без наворотов, черный аппарат, такой же утилитарный и скромный, как сам стол.

Но теперь на его месте оказалось дубовое шведское бюро с выдвижной крышкой, копия того, что красовалось дома, в его бруклинском кабинете. И телефон другой: синий «Тримлайн», похожий на тот, что стоит в его университетском офисе. Джоунси стер со лба теплый, как моча, пот и только сейчас заметил, что именно коснулось макушки, когда он вставал.

Ловец снов.

Ловец снов из «Дыры в стене».

— Обалдеть, — прошептал Джоунси. — Похоже, я устраиваюсь с удобствами.

Ну разумеется, почему бы нет? Даже заключенные в камерах смертников стараются украсить свое последнее пристанище. Но если он может перенести сюда бюро, Ловец снов и даже телефон, возможно...

Джоунси закрыл глаза, сосредоточился и попытался представить свой кабинет в Бруклине. Удалось это не сразу, потому что возник непрощеный вопрос: как это может получиться, если все воспоминания остались за дверью? Но он тут же сообразил, что все проще простого: воспоминания по-прежнему в его голове, им просто некуда деваться. Коробки на складе — это всего-навсего то, что Генри назвал бы «овеществлением», способом представить все то, к чему получил доступ мистер Грей.

Не важно. Направь все внимание на то, что надлежит сделать. Кабинет в Бруклине. Постарайся у видеть кабинет в Бруклине.

— Что ты делаешь? — всполошился мистер Грей. Куда подевалась елейная самоуверенность тона? — Какого хрена ты там вытворяешь?

Джоунси усмехнулся на это «какого хрена», просто удержаться не смог, но не подумал отвлечься. Не только обстановка, но и стены кабинета... вон там... у двери, ведущей в крохотную ванную... да, вот он! Термостат фирмы «Ханиуэлл». И что он должен сказать? Какое-то волшебное слово вроде «сезам, откройся»?

Да.

По-прежнему не открывая глаз, с легкой улыбкой на залитом потом лице, Джоунси прошептал:

— Даддитс...

И, распахнув глаза, уставился на грязную обшарпанную стену.

На которой висел термостат.

— Прекрати! — завопил мистер Грей, и Джоунси в который раз поразился до боли знакомым звукам: все равно что слушать магнитофонную запись одной из собственных, хотя и довольно редких истерик (катализатором обычно служила возмутительная свалка в чьей-нибудь детской). — Немедленно прекрати! Это должно прекратиться!

— Поцелуй меня в задницу, красавчик, — ответил Джоунси. Сколько раз его малыши мечтали сказать отцу что-то вроде этого, когда тот начинал возникать.

Но тут его посетила гнусная мыслишка. Он скорее всего никогда больше не увидит свою двухэтажную квартиру в Бруклине, но если и увидит, то глазами, принадлежащими мистеру Грею. Щека, которую чмокают ребятишки (Ой, царапает, папа! — наверняка пожалуется Миша), теперь будет щекой мистера Грея. Губы, которые целует Карла, тоже будут не его. Мистера Грея. А в постели, когда она сжимает его и вводит в...

Джоунси вздрогнул, потянулся к термостату, с удивлением отмечая, что предельная цифра шкалы — сто двадцать. Должно быть, единственный в своем роде.

Он немного повернул переключатель влево, с облегчением ощутил струю прохладного воздуха и подставил ей разгоряченное лицо. И заметил высоко на стене вентиляционную решетку. Еще один приятный сюрприз.

— Как ты это делаешь? — прокричал мистер Грей из-за двери. — Почему твоё тело отталкивает байрум? Как ты вообще оказался там?

Джоунси расхохотался. Просто не смог удержаться.

— Прекрати, — произнес мистер Грей. Ледяным голосом. Тем самым, которым Джоунси предъявлял ультиматум Карле: лечение или развод, солнышко, выбирай. — Я могу не просто повесить температуру, но и сжечь тебя. Или заставить тебя ослепнуть.

Джоунси вспомнил ручку, торчавшую из глаза Энди Джанаса, ужасный звук лопающегося глазного яблока... и зябко передернул плечами. Однако мистер Грей явно блефовал, и Джоунси не собирался попадаться на удочку.

Ты — последний, а-я-твоя система доставки. И ты не посмеешь ее уничтожить. Во всяком случае, пока не выполнишь свою миссию.

Он медленно подступил к двери, напоминая себе о необходимости держать ухо востро, потому что, как сказал Горлум о Бильбо Баггинсе, «хитрая это штука, прелесть моя, да, очень хитрая».

— Мистер Грей! — тихо окликнул он.

Нет ответа.

— Мистер Грей, какой вы сейчас? И какой — на самом деле? Не такой серый? Чуть розовее? И на руках еще пара пальцев? Немного волос на голове? Пытаетесь отращивать пальцы на ногах и гениталии?

Нет ответа.

— Начинаете вживаться в мой образ, мистер Грей? Думать, как я? И это вам не нравится, верно? Или уже нравится?

Ответа все не было, и Джоунси сообразил, что мистер Грей ушел. Повернувшись, он поспешил к окну, на ходу отмечая все новые изменения: литография Карриера и Айвза на одной стене, репродукция Ван Гога на другой: «Ноготки», рождественский подарок Генри, и магический

хрустальный шар, всегда стоявший у него на столе дома. Но Джоунси почти не обратил внимания на все эти вещи. Ему не терпелось узнать, что задумал мистер Грей и что так его отвлекло.

4

Оказалось, что внутренность грузовика разительно изменилась. Вместо обычного унылого буро-оливкового пикапа, выданного правительством Энди Джанасу (планшетка с бумагами и бланками на пассажирском сиденье, квакающая рация под приборной доской), на шоссе красовался роскошный «додж рэм» с шикарным кузовом, сиденьями, обтянутыми серым велюром, и приборной доской, усеянной кнопками и ручками управления, как у реактивного лайнера «лир». Наклейка на «бардачке» гласила: Я ЛЮБЛЮ СВОЕГО БОРДЕР-КОЛЛИ. Вышеупомянутый бордер-колли мирно спал под пассажирским сиденьем, подвернув под себя хвост. Кобеля звали Лэд. Джоунси чувствовал, что может узнать имя и судьбу хозяина Лэда, но зачем ему это? Где-то к северу от их нынешнего местонахождения остался сброшенный с дороги армейский грузовик Джанаса, а рядом валялся труп водителя этой машины. Джоунси понятия не имел, почему пощадили колли.

Но тут Лэд поднял хвост, громко пукнул, и Джоунси все понял.

5

Он обнаружил, что, глядя в окно офиса братьев Трекер и сосредоточившись, может смотреть на мир собственными глазами. Снег повалил еще гуще, но, как и армейский пикап, «додж» был полноприводным и упрямо продвигался вперед. Мимо пролетали огни фар: караван армейских машин шел в обратную сторону, на север, к Джефферсон-тракт. Джоунси успел заметить блеснувшую в снегу светоотражающую табличку: белые буквы, зеленый фон:

ДЕРРИ: СЛЕДУЮЩИЕ ПЯТЬ ПОВОРОТОВ.

Городские снегоочистители, вероятно, уже прошли, и хотя движения почти не было — в такой час шоссе обычно пустело даже при ясной погоде, — заносы успели убрать. Мистер Грей увеличил скорость до сорока

милей в час. Они миновали три поворота, которые Джоунси помнил с детства (Канзас-стрит, аэропорт, Ап-майл-Хилл, Строфорд-парк), и машина замедлила ход.

Внезапно Джоунси все понял.

Он взглянул на коробки, которые успел затащить сюда, почти все с пометкой ДАДДИТС, остальные с надписью ДЕРРИ. Эти он успел захватить в последний момент. Мистер Грей воображает, что все необходимые воспоминания — вернее, необходимая информация — остались у него, но если Джоунси правильно сообразил, куда они едут (а это вполне логично), мистера Грея ждет сюрприз. Джоунси не знал, то ли бояться, то ли радоваться, и вдруг понял, что испытывает и страх, и радость одновременно.

А вот и зеленая табличка с надписью:

ПОВОРОТ 25, УИЧЕМ-СТРИТ.

Рука Джоунси легла на поворотник.

Он спустился на Уичем-стрит, повернул влево, проехал полмили и оказался на Картер-стрит, поднимавшейся под крутым углом к Апмайл-Хилл и Канзас-стрит, на другой стороне которой когда-то возвышался лесистый холм и располагалось цветущее поселение индейцев племени микмак. Улицу, похоже, не чистили уже несколько часов, но колеса упорно мяли снег. «Рэм» яростно пробивался между заметенными снегом пригорками вдоль обочин: машинами, припаркованными на улице, назло мэрии, заранее предупредившей о необходимости убрать транспорт ввиду приближающейся метели.

На полпути мистер Грей снова свернул в узкий переулок, именуемый Картер-лукаут^[61]. «Рэм» подпрыгнул, задние колеса повело. Лэд поднял голову, тявкнул, но тут же положил голову на коврик и закрыл глаза, едва шины впились в снег, и машина грузно выползла из сугроба. Джоунси не отходил от окна, ожидая, что сделает мистер Грей, обнаружив... скажем так — обнаружив.

Сначала мистер Грей ничуть не расстроился, когда лучи фар, скользнув по гребню, не выхватили ничего, кроме все той же снежной круговерти. Он был уверен, что через несколько секунд увидит... всего несколько секунд, и откроется высокая белая башня, стоящая в самом начале спуска на Канзас-стрит, башня с окнами, восходящими к крыше по спирали. Еще несколько секунд...

Только вот секунд уже не было. «Рэм» дожевывал расстояние,

оставшееся до вершины того, что когда-то называлось Стендпайп-хилл, Холм Водонапорной Башни. Здесь сходились Картер-лукаут и еще три самые маленькие улочки. Они оказались на самом высоком, самом открытом месте Дерри. Ветер завывал, как баньши, со скоростью не менее пятидесяти миль в час, порывы до семидесяти, а может, и до восьмидесяти. В световых полосах снег, казалось, падал горизонтально, сотнями крошечных ледяных кинжалов.

Мистер Грей сидел неподвижно. Руки Джоунси сползли с руля и повисли, как подстреленные птицы. Наконец он пробормотал:

— Где она?

Его левая рука поднялась, повозилась с ручкой дверцы и нажала. Мистер Грей вышел, повалился в снег на колени Джоунси, и злобный ветер тут же вырвал у него ручку. Он снова поднялся, обошел грузовик: полы куртки хлопали по ногам, штанины раздувались, как паруса. Холод стоял жуткий (в офисе братьев Трекер температура могла упасть от умеренной до холодной за несколько мгновений), но красно-черному облаку, населявшему большую часть мозга Джоунси и укравшему его тело, было все равно.

— Где она? — завопил мистер Грей прямо в распяленное жерло урагана. — Где эта хренова Водонапорная Башня?!

А вот Джоунси кричать было ни к чему: буря не буря, но мистер Грей расслышит даже шепот.

— Ха-ха, мистер Грей, — сказал он. — Обманули дурака... похоже, вы сами вырыли себе яму! Башню снесли в восемьдесят пятом.

Джоунси подумал, что на месте мистера Грея он закатил бы сейчас истерику по полной программе и, словно наглый испорченный ребенок, уже катался бы на снегу, дрыгая ногами и заливаясь слезами: несмотря на все старания не поддаваться эмоциям Джоунси, мистер Грей был так же бессилен устоять против желания выплеснуть злость, как алкоголик перед бочонком бренди.

Но вместо того чтобы забиться в припадке или полезть в бутылку, он потащил тело Джоунси вдоль голой вершины холма к квадратному каменному пьедесталу, стоявшему на том месте, где он ожидал увидеть городское хранилище пресной воды на семьсот тысяч галлонов. И только тут упал в снег, поднялся, прихрамывая и потирая больное бедро Джоунси,

снова упал, снова поднялся, не переставая посылать в воздух поток детских проклятий Бива: хрень собачья, поцелуй меня в задницу, мутотень чертова, настри в свою хренову шляпу и надень на башку задом наперед...

В устах Бивера (или Генри, или Пита) это звучало бы забавно. Здесь же, на этом заброшенном холме, вопли шатающегося, бредущего в снегу чудовища, походившего на человеческое существо, казались ужасными.

Он, то есть мистер Грей, наконец добрался до пьедестала, ярко освещенного фарами «рэма». Высотой примерно пять футов, в рост ребенка, он был сложен из обыкновенного камня, как большинство стен в Новой Англии. Наверху стояли две бронзовые фигуры, мальчика и девочки, державшихся за руки и с опущенными головами, словно в скорби или молитве.

Пьедестал почти занесло снегом, но верхушка привинченной спереди таблички еще виднелась. Мистер Грей встал на колени Джоунси, смахнул снег и прочитал:

ПОГИБШИМ В БУРЮ 31 МАЯ 1985 ГОДА
И ДЕТЯМ
ВСЕМ ДЕТЯМ
С ЛЮБОВЬЮ ОТ БИЛЛА, БЕНА, БЕВ, ЭДДИ, РИЧИ,
СТЕЙНА, МАЙКА
КЛУБ НЕУДАЧНИКОВ

Поперек таблички тянулись напыленные спреем неровные красные буквы, броско выделявшиеся в золотистых лучах:

ПЕННИУАЙЗ ЖИВ.

Мистер Грей неподвижно простоял еще минут пять, полностью игнорируя все возрастающее онемение в конечностях Джоунси (и что ему за дело? Джоунси — всего лишь взятая напрокат машина, гони, не жалей, и туши окурки о сиденье). Ему и в самом деле было не до того. Он пытался понять написанное. Буря? Дети? Неудачники? Кто или что такое этот Пенниуайз? Но главное, куда подевалась водонапорная башня, которая, судя по воспоминаниям Джоунси, должна здесь стоять?

Наконец он поднялся, прохромал к грузовику, сел и включил

обогреватель. Под струями теплого воздуха Джоунси начало трясти. Но мистер Грей уже торчал под запертой дверью, требуя объяснений.

— Почему вы так сердитесь? — мягко осведомился Джоунси, улыбаясь. Интересно, может мистер Грей почувствовать его улыбку? — Вы что же, ожидали от меня помощи? Бросьте, приятель, подробности мне неизвестны, разумеется, но примерный план я себе представляю: еще двадцать лет, и вся планета превратится в большой раскаленный шар. Никакой озоновой дыры и никаких, естественно, людей.

— Нечего тут умничать! Он еще будет мне лекции читать!

Джоунси мужественно подавил искушение довести мистера Грея до очередного истерического припадка. Он не верил, что непрошенный гость способен взломать дверь, даже в приступе бешенства, но зачем зря рисковать? Кроме того, Джоунси был эмоционально и физически истощен: нервы натянуты, как струны, а во рту противный привкус меди.

— Каким образом она исчезла? — Мистер Грей по недавно обретенной привычке стукнул кулаком по рулевому колесу. Клаксон отозвался жалобным воплем. Лэд, бордер-колли, поднял голову и уставился на человека за рулем большими тревожными глазами. — Ты не мог солгать! У меня твои воспоминания!

— Ну... кое-что я приберег. Помнишь?

— Что именно? Скажи!

— С чего это вдруг? А что ты дашь взамен?

Мистер Грей молчал. Джоунси ощущал, как тот перебирает различные файлы. Внезапно из-под двери и в вентиляцию начали просачиваться запахи. Его любимые: поп-корн, кофе, густая рыбная похлебка, которую варила мать. Желудок немедленно взбунтовался, прося еды.

— Конечно, я не могу обещать тебе материнскую похлебку, — сказал мистер Грей, — но накормлю, пожалуй. Ты ведь голоден, так?

— Еще бы! Ты не даешь отдыха моему телу, безжалостно растрачиваешь мои эмоции и хочешь, чтобы я ко всему прочему обходился без пищи?

— К югу отсюда есть такое местечко, «Дайзерт». Если верить тебе, оно открыто двадцать четыре часа в сутки, то есть, по-вашему, постоянно. Или ты и тут соврал?

— Я вообще не лгал, — отозвался Джоунси. — Ты сам сказал, что это невозможно. У тебя в руках все кнопки, ты завладел банком памяти, получил все, кроме того, что заперто здесь.

— Где здесь? Как может существовать это самое здесь?

— Понятия не имею, — честно ответил Джоунси. — И откуда мне

знать, что накормишь?

— Придется, — сказал мистер Грей с той стороны двери, и Джоунси сообразил, что он тоже говорит правду. Если время от времени не подливать бензин в машину, она остановится. — Но если удовлетворишь мое любопытство, накормлю тебя любимыми блюдами. Если же нет...

В щель поползла вонь переваренной брокколи и брюссельской капусты.

— Так и быть, — согласился Джоунси. — Расскажу все, что смогу, а ты возьмишь в «Дайзерте» оладьи с беконом. Завтрак двадцать четыре часа в сутки, сам знаешь. Идет?

— Идет. Открой дверь, и пожмем друг другу руки.

Джоунси удивленно ухмыльнулся: черт возьми, мистер Грей впервые попытался пошутить, и не так уж неуклюже. Поглядев в зеркальце заднего обзора, он увидел точно такую же ухмылку на лице, больше ему не принадлежащем. От этого мороз шел по коже.

— Может, ту часть протокола, где говорится о рукопожатии, стоит опустить, — сказал он.

— Рассказывай.

— Да, но предупреждаю: попробуешь увильнуть — больше ничего от меня не дождешься.

— Буду иметь в виду.

Грузовик стоял на вершине холма, слегка покачиваясь на рессорах. Огни фар прорезали в темноте световые конусы, в которых плясали снежинки, и Джоунси поведал мистеру Грею то, что знал. По его мнению, это место идеально подходило для страшных историй.

Годы восемьдесят четвертый и восемьдесят пятый выдались для Дерри, мягко говоря, неудачными. Летом восемьдесят четвертого местные подростки утопили «голубого» в Канале. За десять последующих месяцев несколько ребятишек погибли от руки неизвестного маньяка, иногда рядившегося под клоуна.

— Кто этот Джон Уэйн Гейси? — спросил мистер Грей. — Тот самый, что убивал детей?

— Нет, просто кое-кто со Среднего Запада и с подобным *modus operandi*! — сказал Джоунси. — Вы совсем не понимаете, что такое «ассоциативные связи», верно? Впрочем, откуда? Бьюсь об заклад, там,

откуда вы явились, не так уж много поэтов.

Мистер Грей не ответил. Джоунси сильно сомневался, что он вообще знал значение слова «поэт». И вряд ли интересовался.

— Как бы то ни было, — продолжил Джоунси, — через Дерри пронесся страшный ураган. Он разразился тридцать первого мая восемьдесят пятого года. Погибло больше шестидесяти человек. Водонапорную башню снесло, как подрезанную. Она покатила по склону холма прямо на дома Канзас-стрит. — Он показал на уходящий в темноту обрыв справа от грузовика. — Почти три четверти миллиона галлонов воды обрушились на деловую часть города, принося ужасные разрушения. Все это случилось, когда я сдавал выпускные экзамены в колледже. Отец позвонил и передал подробности, но я и без этого все узнал из теленовостей и газет.

Джоунси помолчал, размышляя, оглядывая офис, уже не ободранный и грязный, а прекрасно обставленный (подсознание добавило диван из дома и стул Имса^[62], который он видел в каталоге Музея современного искусства, прелестный, но никак не по карману университетскому преподавателю). Мило и очень уютно: несравненно лучше того ледяного мира, в котором приходилось существовать его оккупанту.

— Генри тоже был в университете. В Гарварде. Пит вместе со своими друзьями-хиппи шатался по Западному побережью... Бивер страдал в двухгодичном колледже, упражняясь, по его словам, в курении гашиша и видеоиграх. — Только Даддитс оставался здесь, в Дерри, когда на город налетел ураган... Но Джоунси обнаружил, что не желает упоминать имя Даддитса.

Мистер Грей ничего не сказал, но Джоунси остро ощущал его нетерпение. Мистера Грея интересовала только водонапорная башня и то, каким образом Джоунси удалось его одурачить.

— Послушайте, мистер Грей, если кто кого здесь и обманул, так я тут ни при чем. Вините себя. У меня здесь несколько коробок ДЕРРИ, только и всего. Я принес их сюда, пока вы были заняты, убивая несчастного солдата.

— Эти несчастные солдаты прилетели с неба на кораблях и убили всех моих сородичей, которых смогли найти.

— Ах, бросьте! Можно подумать, вы пришли сюда пригласить нас в Галактическую воскресную школу.

— А если и так, вы что, встретили бы нас по-другому?

— Я попросил бы избавить меня от гипотез, — сказал Джоунси, — особенно после того, что вы сотворили с Питом и тем малым, водителем грузовика. И я не имею ни малейшего желания вступать с вами в

интеллектуальные дискуссии.

— Мы делаем то, что должны делать.

— Возможно, но вы полный псих, если ожидаете, что я стану вам помогать.

Пес уставился на Джоунси с еще большим смущением. Очевидно, не привык к хозяевам, которые ведут столь оживленные беседы сами с собой.

— Водонапорная башня упала в восемьдесят пятом — шестнадцать лет назад, — но ты украл это воспоминание?

— В общем, да, хотя вряд ли бы судья и присяжные были бы на вашей стороне, поскольку это все-таки мои собственные воспоминания.

— Что еще ты украл?

— Это дело мое, а ваше — гадать и догадываться.

В дверь громко, раздраженно заколотили, и Джоунси снова вспомнил сказку о трех поросятах. «Дуньте и плюньте, мистер Грей, наслаждайтесь сомнительными удовольствиями истерической ярости».

Но мистер Грей, очевидно, отошел от двери.

— Мистер Грей, — позвал Джоунси, — не стоит сердиться, хорошо?

Очевидно, мистер Грей снова отправился на поиски информации. Башня рухнула, но Дерри по-прежнему на месте, следовательно, вода должна откуда-то поступать. Знает ли Джоунси, откуда именно?

Джоунси не знал. Смутно помнил, как приходилось бутылками закупать воду, когда он приехал из колледжа на лето, но и только. Со временем из водопровода снова стала литься вода, но в двадцать один год больше думаешь о том, как залезть в трусики Мэри Шратт, чем о какой-то башне. Вода есть, ты ее пьешь и не вспоминаешь о ней, пока не затошнит или живот не заболит.

Импульсы фрустрации, исходящие от мистера Грея? Или это всего лишь воображение? Джоунси искренне надеялся, что нет.

Здорово получилось... то, что их четверка в дни растроченной юности называла «охренный бэмс».

Роберта Кэвелл пробудилась от дурного сна и огляделась, почти ожидая увидеть непроглядный мрак. Но на циферблате часов по-прежнему мигали приветливые голубые цифры, значит, электричество не выключено, что весьма удивительно, учитывая, с какой силой дребезжат от ветра оконные рамы.

Судя по часам, сейчас четыре минуты второго. Роберта включила лампу на тумбочке: хоть немного побыть при свете, прежде чем порвутся провода. Что разбудило ее? Ветер? Страшный сон? Что-то насчет пришельцев с лучами смерти... кругом паника, все бегут... нет, вряд ли это сон.

Но тут ветер на минуту стих, и она поняла, что именно подняло ее с постели. Голос Даддитса, доносящийся снизу. Даддитс поет?! Неужели это возможно? И это после ужасного вчерашнего дня и вечера, доведшего ее едва не до безумия?

— Ие мев! — кричал он несколько часов подряд: «Бивер мертв!»

Она ничем не могла его утешить, и в конце концов у Даддитса из носа хлынула кровь. Роберта ужасно этого боялась. Иногда кровь не удавалось остановить, и приходилось везти Даддитса в больницу. На этот раз Роберта сумела справиться сама. Пришлось сунуть Даддитсу в ноздри ватные тампоны, запрокинуть ему голову и сжимать переносицу. Она позвонила доктору Бриско, чтобы узнать, стоит ли дать Даддитсу таблетку валиума, но доктор Бриско уехал в Нассау, простите, но сегодня его не будет. Остальные разъехались по вызовам, один, молодой петушок, в глаза не видел Даддитса, и Роберта даже не потрудилась ему позвонить. Она на свой страх и риск дала Даддитсу валиум, провела по бледным пересохшим губам и во рту тампоном, пропитанным глицерином с лимонным запахом. Даддитса постоянно мучили стоматит и язвочки, несмотря на то что химиотерапия давно закончилась. Навсегда.

Доктора — ни Бриско, ни остальные — старались не упоминать об этом и так и не сняли пластиковый катетер, но все было кончено. Роберта не позволит еще раз провести через этот ад своего сына. Как только он проглотил таблетку, Роберта уложила его, сама легла рядом, обняла, стараясь не коснуться левой руки, где из-под повязки торчал катетер, и стала петь. Но не колыбельную Бивера. Не сегодня.

Наконец, когда он стал успокаиваться и, кажется, заснул, она осторожно вынула вату у него из ноздрей. Второй тампон присох к ноздре, и Даддитс тут же открыл глаза: поразительная зеленая вспышка, казалось, озарила комнату. Роберта иногда думала, что его настоящий дар — именно глаза, а не то, другое... способность видеть линию, и все, с этим связанное.

— Ама?

— Что, Дадди?

— Ие аю?

Сердце сжало щемящей болью при этих словах и при мысли о дурацкой кожаной куртке Бивера, которую тот любил так, что заносил до

дыр. Будь на его месте кто-то еще, любой из четверки его друзей, она усомнилась бы в предчувствиях сына. Но если Даддитс сказал, что Бивер мертв, значит, почти наверняка так и есть.

— Да, милый, я уверена, что Бивер в раю. А теперь пора спать.

Несколько бесконечных мгновений зеленые глаза смотрели, кажется, в самую ее душу. И Роберте показалось, что он вот-вот заплачет: и в самом деле одна слеза, огромная, идеальной формы, покатилась по небритой щеке. Последнее время он почти не мог бриться, даже от электробритвы появлялось множество крошечных порезов, из которых часами сочилась сукровица. Но тут его веки опустились, и она на цыпочках вышла.

Вечером, когда она варила ему овсянку (любая еда, кроме самой безвкусной и водянистой, немедленно вызывала тошноту: еще один признак близкого конца), кошмар начался снова. И без того напуганная более чем странными новостями, доходившими из Джефферсон-тракт, Роберта, задыхаясь, помчалась в спальню Даддитса. Он уже сидел в кровати, по-детски упрямо помахивая головой, словно споря с кем-то. Кровотечение возобновилось, и при каждом взмахе головы во все стороны летели красные капли, пятная подушку, фото Остина Пауэrsa с автографом («Привет, беби» — было написано внизу) и флаконы на столе: зубной эликсир, компазин, перкосет, мультивитамины, от которых не было никакого толку, высокую коробку с глицерино-лимонными тампонами.

На этот раз он оплакивал Пита, который, по его словам, тоже умер. Милый, добрый (пусть и не слишком смысленный) Питер Мур. Господи Боже, неужели это правда? Все правда? Или только часть?

Второй приступ истерических рыданий длился не так долго, вероятно, потому, что Даддитс уже измучил первый. К счастью, ей удалось остановить кровотечение, и Роберта сменила белье, предварительно усадив Даддитса в кресло у окна. Он покорно устался в темноту, где ветер со свистом гнал снежные вихри, иногда всхлипывая и глубоко, прерывисто, горестно вздыхая, отчего у Роберты все внутри переворачивалось. Ей становилось больно при одном взгляде на сына, исхудавшего, бледного и совсем лысого. Она дала ему кепку с эмблемой «Ред сокс» и автографом великого Педро Мартинеса поперек козырька («сколько прекрасных вещей получаешь, когда жить осталось совсем немного», часто удивлялась она), боясь, что его голова замерзнет, но Даддитс не захотел ее надеть. Положил на колени и продолжал вглядываться во мрак огромными несчастными глазами.

Наконец Роберте удалось отвести его в кровать, где он снова распахнул ей навстречу ужасное умирающее зеленое сияние.

— Ит озе аю?

— Так и есть, Дадди, так и есть.

Она не должна плакать, ни в коем случае не должна, иначе он снова разрыдается... но непрошенные слезы грозили перелиться через край. Голова казалась сосудом, переполненным соленой жидкостью, а в носу пахло морем каждый раз, когда она втягивала воздух.

— Аю ф Ием?

— Да, милый.

— Я уизу Иеа и Ита аю?

— Обязательно. Конечно, увидишь. Только нескоро.

Его глаза закрылись. Роберта села на край кровати, разглядывая свои руки, чувствуя невыразимую горечь. И одиночество.

Теперь она поспешила вниз, и точно, Даддитс пел. И потому что она говорила на беглом Даддитсе (а почему нет? Этот язык был для нее вторым более тридцати лет), она, не особенно задумываясь, разбирала несвязные звуки:

— Скуби-Скуби-Скуби Ду, я сейчас к тебе приду. Скуби, с самого утра на работу нам пора. Скуби, помощь нам нужна...

Она вбежала в его комнату, не зная, чего ожидать. Конечно, не того, что увидела: в комнате было светло как днем, горели все лампы, Даддитс полностью одет, впервые с его последней (и если верить доктору Бриско, окончательной) ремиссии. Он надел любимые вельветовые брюки, пуховый жилет поверх майки с изображением Гринча^[63] и бейсболку с эмблемой «Ред сокс». И по-прежнему сидел в кресле у окна, глядя в ночь. Ни мрачной гримасы, ни слез. В глазах радостное, почти нетерпеливое ожидание, совсем как в прежние времена, до болезни, давшей о себе знать незаметными, казалось бы, незначительными симптомами: странно, как быстро он утомлялся и начинал задыхаться, немного поиграв с «фрисби»^[64], какие большие синяки появлялись на коже при малейшем ударе, как медленно они проходили... Он выглядел именно так, когда...

Но додумать Роберта не могла. Слишком натянуты были нервы.

— Даддитс! Дадди, что...

— Ама! Де ая оока? — «Мама! Где моя коробка для завтраков?»

— На кухне, но, Дадди, сейчас уже ночь. И снег идет. Ты ни... — «ты никуда не пойдешь», хотелось ей сказать, но слова не шли с языка.

Глаза сына блеснули так живо. Может, ей стоило радоваться свету, исходящему из этих глаз, вновь обретенной энергии, но вместо этого Роберта испугалась еще больше.

— Е уза оока! Е узен еч! — «Мне нужна коробка! Мне нужен ленч!»

— Нет, Даддитс! — воскликнула она, пытаясь быть твердой. — Тебе нужно раздеться, лечь в постель, и больше ничего. Давай я помогу.

Но стоило ей подойти ближе, как он поднял руки, скрестил на груди и прижал левую ладонь к правой щеке, а правую — к левой. С самого раннего детства это был его единственный способ выражения протеста. Обычно этого оказывалось достаточно, как и сейчас. Роберта не хотела расстраивать его и, возможно, вызвать очередное кровотечение. Но и готовить ему ленч в четверть второго ночи тоже не собиралась. Ни в коем случае.

Она отошла к кровати и села. В комнате было тепло, но она даже в плотной фланелевой ночной рубашке дрожала от холода. Даддитс медленно опустил руки, настороженно присматриваясь к матери.

— Можешь посидеть, если хочешь, — разрешила она, — но зачем? Видел сон, Дадди? Плохой сон?

Может, и сон, но вряд ли плохой, судя по светившемуся лицу. Теперь она узнавала это выражение: так он выглядел в восьмидесятые, прекрасные годы дружбы с Генри, Питом, Бивером и Джоунси, до того как они выросли и пошли по жизни разными дорогами, отделяваясь редкими звонками и еще более редкими визитами. Что ж, теперь у них были свои заботы и хлопоты, и они постепенно забыли того, кто остался здесь, в Дерри. Навсегда.

Именно так он смотрел, когда внутреннее чувство подсказывало, что сейчас придут друзья поиграть. Иногда они все вместе шли в Строфорд-парк или Барренс (им запрещалось туда бегать, но они не слушались, и она, и Элфи знали об этом, а во время одной из таких вылазок они даже попали на первую полосу газеты). Время от времени Элфи или кто-то из их родителей брал всю пятерку в аэропорт Мини-гольф или Городок Забав в Ньюпорте, и в такие дни она всегда складывала сэндвичи, печенье и термос с молоком в коробку Даддитса.

Он думает, что сейчас придут друзья. Должно быть, Генри и Джоунси. Потому что он говорит, что Пит и Бивер...

Ужасная картина внезапно промелькнула в мозгу, и руки судорожно сжались в кулаки. Она увидела, как открывает дверь на стук, пронесшийся по дому глубокой ночью, в три часа. Не хочет, но открывает, против воли, не в силах запретить себе. Но на пороге вместо живых стоят мертвецы. Бивер и Пит, вернувшиеся в детство, как в тот день, когда она впервые встретила их, в день, когда они спасли Дадди бог знает от каких мерзких издевательств и благополучно привели домой. Бивер по-прежнему одет в

«косуху» с кучей молний, а Пит — в свитер с вырезом лодочкой и надписью НАСА на левой стороне груди, которым так гордился. Только они холодные, бледные, ни улыбки, ни приветствия, и Джо «Бивер» Кларендон деловито протягивает зеленовато-желтые руки с растопыренными наподобие морской звезды пальцами: «Мы пришли за Даддитсом, миссис Кэвелл. Забрать его с собой. Мы теперь мертвы, и он тоже умер».

Роберта мучительно передернулась в ознобе, но Даддитс ничего не видел: он смотрел в окно, нетерпеливо, выжидаяще. И снова запел, очень тихо.

— Уби, Уби, Уби-у, я ечас ее иду...

10

— Мистер Грей?

Нет ответа. Джоунси стоял у двери офиса, теперь уже определенно принадлежавшего ему (от братьев Трекер не осталось ничего, кроме грязи на окнах, даже порнографический снимок девушки с поднятой юбкой сменила репродукция вангоговских «Ноготков»), чувствуя, как ему все больше становится не по себе. Что на этот раз затеял ублюдок? Чего ищет?

— Мистер Грей, где вы?

Снова нет ответа, но на этот раз Джоунси почуял, что он возвращается... довольный и счастливый! Подумать только, сукин сын счастлив!

Вот это уж совсем не понравилось Джоунси.

— Послушайте, — начал он, прижавшись ладонями и лбом к двери своего прибежища. — У меня к вам предложение, друг мой: вы и так наполовину человек, почему бы не ассимилироваться окончательно? Мы могли бы мирно сосуществовать, и я помог бы вам прижиться на Земле, так сказать, ввел бы в курс. Мороженое — чудесная штука, а пиво еще лучше. Ну, что скажете?

Ему показалось, что мистер Грей едва не поддался соблазну, если только бесформенное, по существу, создание может соблазниться перспективой обретения формы, можно сказать, настоящий взаимовыгодный обмен, как в волшебной сказке.

Однако мистер Грей сумел выстоять: очевидно, мороженое и пиво не показались такими уж заманчивыми. Хлопнула дверца, скрежетнул стартер, и тут же взревел мотор.

— Куда мы едем, дружище? Воображаешь, что сумеем спуститься со

Стендпайп-хилл?

Нет ответа. Только тревожное ощущение того, что мистер Грей искал что-то... и сумел найти.

Джоунси поспешил к окну и выглянул как раз вовремя, чтобы увидеть, как огни фар скользнули по пьедесталу памятника погибшим. Табличку опять занесло: очевидно, они какое-то время простояли здесь.

Медленно, осторожно, пробираясь сквозь доходившие до бампера заносы, «додж рэм» начал спуск с холма.

Двадцать минут спустя они снова оказались на шоссе и направились на юг.

Глава 17. ГЕРОИ

1

Оуэн не смог разбудить Генри окриками: мужик устал и спал беспробудным сном, поэтому пришлось позвать его мысленно. Теперь, когда байрум распространился достаточно, такие вещи давались ему без труда. К сожалению, три пальца правой руки были покрыты грибком, который к тому же забил раковину левого уха красноватой, вызывающей зуд губкой. Оуэн потерял также пару зубов, хотя в дырах пока еще ничего не росло.

Курца и Фредди ничего не брало, благодаря, вероятно, звериному инстинкту самосохранения Курца. Но члены экипажа уцелевших вертолетов были безнадежно поражены байрумом. Еще во время первого разговора с Генри в сарае Оуэн слышал голоса перекликавшихся сослуживцев, звучавшие эхом у него в голове. Пока они, как и он сам, скрывали свое несчастье под тяжелой зимней одеждой. Но долго ли это может продлиться? Они были в отчаянии. Что делать? И что с ними будет?

Оуэн считал, что хотя бы в этом отношении ему повезло: ему есть чем заняться.

Стоя у стены сарая, стараясь не коснуться проводов и куря очередную ненужную сигарету, Оуэн мысленно отправился на поиски Генри и увидел, как тот спускается по крутому, поросшему травой склону. С вершины доносились голоса ребятишек, играющих в софтбол или бейсбол. Генри выглядел совсем юным и звал кого-то... Джейни? Жоли? А, какая разница? Он видел сон, а Оуэну нужно было вернуть его в реальность. Он и так уже позволил Генри поспать сколько можно (почти на час дольше, чем рассчитывал), но сейчас пора отправляться в путь.

Генри, позвал он.

Подросток растерянно оглянулся. Рядом оказались еще мальчишки... трое... нет, четверо, один смотрит в какое-то подобие трубки. Лица почти неразличимы, да и к чему это Оуэну? Ему нужен Генри, а не этот прыщавый, испуганный двойник. Оуэну требуется мужчина.

Генри, проснись.

Нет, она там. Нужно ее вытащить. Мы...

Я и крысиной задницы не дам за нее, кто бы она ни была. Вставай.

Нет, я...

Пора, Генри. Проснись. Вставай. Вставай...

2

...мать твою!

Генри с криком подскочил, сел и стал оглядываться, не понимая, кто он и где находится. Плохо, черт возьми, но хуже всего, что он не знал, в каком когда оказался. Ему восемнадцать, или почти тридцать восемь, или что-то между? В ноздрях стоит запах травы, в ушах отдается стук биты по мячу (биты для софтбола, в который играют девочки, девочки в желтых блузках) вместе с воплем Пита: «Она здесь! Парни, похоже, она здесь!»

— Пит видел это, видел линию, — пробормотал Генри, сам точно не зная, о чем говорит.

Сон уже таял, яркие образы сменялись чем-то темным. Тем, что он должен сделать или хотя бы попытаться. Он вдохнул запах сена и кисло-сладкий аромат марихуаны.

«Мистер, вы можете нам помочь?» Большие оленьи глаза. Марша, так ее звали. Все становилось на свои места. «Вероятно, нет, — ответил он, а потом: — ...может быть».

«Да просыпайся же, Генри! Без четверти четыре, дети, в школу собирайтесь, петушок пропел давно».

Этот голос был сильнее и требовательнее остальных, заглушая другие голоса, отсекая их, как ор из плеера, когда батарейки новые и громкость включена на всю катушку. Голос Оуэна Андерхилла. Он Генри Девлин. И если они хотят попытаться, сейчас самое время.

Генри поднялся, морщась от боли в затекших ногах, плечах, спине, шее. Сведенные мышцы мучительно протестовали, победоносно наступающий байрум вызывал невыносимый зуд. Он чувствовал себя столетним старцем, пока не сделал первого шага к окну, но тут же накинуд еще с десятков годков.

3

Оуэн увидел неясный силуэт за окном и облегченно кивнул. Генри передвигался, как Мафусаил в свой самый неудачный день, но Оуэн, к счастью, мог поправить дело, по крайней мере временно. Он украл это из

только что открывшегося изолятора, в котором царила такая суматоха, что никто ни на кого не обращал внимания. Все это время он защищал фронтальную часть мозга двумя блокирующими мантрами, которым научил его Генри: «В Бенберри-кросс, в Бенберри-кросс, бим-бом, на палочке верхом» и «Мы можем-можем, да-да, мы можем, можем, Господь небесный, можем...»

До сих пор «глушилки» работали, он заметил несколько странных взглядов в свою сторону, но вопросов не последовало. Даже погода была на их стороне: метель не унималась.

Теперь в окне показалось лицо Генри: бледный смутный овал, прижавшийся к стеклу.

Я ничего об этом не знаю, послал Генри. Слушай, я едва хожу.

Сейчас помогу. Отойди от окна.

Генри молча отступил.

В одном кармане куртки Оуэн носил небольшую металлическую коробку с выдавленной на крышке аббревиатурой USMC^[65], в которой держал различные удостоверения личности, когда отправлялся с очередным заданием. Коробку подарил сам Курц, в прошлом году, после операции в Санто-Доминго... что за грустная ирония!

В другом кармане лежали три камня, которые он подобрал под своим вертолетом, где снегу было поменьше.

Он вытащил один солидный осколок мэнского гранита и в ужасе замер, пораженный ярким видением: Маккавано, член команды Блю-Бой-Лидер, потерявший два пальца, сидел на полу, в полутрейлере, рядом с Френком Беллсоном, парнем из Блю-Бой-три, второго боевого вертолета, вернувшегося на базу. Кто-то из них включил мощный фонарь, поставив его на попа, как свечу. Ослепительный свет бил в потолок. И все это происходило рядом, менее чем в пятистах футах от того места, где стоял Оуэн, с камнем в одной руке и металлической коробкой в другой. Кавано и Беллсон обзавелись чем-то вроде густых красных бород. Длинные пряди, росшие из обрубков пальцев, пробивались сквозь повязки Кавано. Оба сжимали в зубах дула пистолетов, не сводя друг с друга глаз. Невидимая связь тонкой, но прочной ниткой протянулась от мозга до мозга. Беллсон считал про себя: Пять... четыре... три...

— Парни, не надо! — вскрикнул Оуэн, но не почувствовал, что его слышат: слишком сильна была эта взаимная связь, подкрепленная решимостью людей, стоявших на самом краю.

Оуэн? Это Генри. Оуэн, что...

Но тут он проник в то, что видел Оуэн, и в ужасе смолк.

...два... один.

Оба пистолетных выстрела слились в безумный дуэт, заглушенный ревом ветра и гудением четырех электрических генераторов Циммера. Над головами Кавано и Беллсона взметнулись фонтаны крови и частиц мозга. Оуэн и Генри увидели, как дернулась правая нога Беллсона в последней смертельной конвульсии, задела фонарь, покотившийся по полу и уткнувшийся в разбросанные в углу ящики. Картинка тут же погасла, как экран телевизора, когда выдернешь вилку.

— Иисусе, — прошептал Оуэн. — Иисусе милосердный.

За окном снова появился Генри. Оуэн сделал ему знак отойти подальше и метнул камень. Расстояние было невелико, но он все равно промахнулся. Камень отскочил от облезлых досок и свалился в снег. Оуэн взял второй, глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, и размахнулся. На этот раз стекло разлетелось.

Тебе письмо, Генри. Лови.

За камнем последовала стальная шкатулка.

4

Какой-то плоский предмет скользнул по полу. Генри подобрал коробку и нажал на замочек. Внутри оказались четыре завернутых в фольгу пакетика.

Что это?

Карманные ракеты, ответил Оуэн. Как у тебя с сердцем?

Насколько я знаю, в порядке.

Прекрасно, потому что по сравнению с этим кокаин покажется валиумом. В каждой пачке две штуки. Прими три, остальные спрячь на всякий случай.

У меня нет воды.

В ответ Оуэн послал красноречивую картинку: южный конец лошади, идущей на север.

Прожуй их, красавчик, у тебя еще остались кое-какие зубы, верно?

Похоже, он не на шутку разозлился, и сначала Генри не понял, в чем дело, но тут же сообразил. Он и сам потерял друзей. Совсем недавно. Не прошло и суток.

Таблетки были белые, на пакетах ни названия, ни штампа фармацевтической компании. Жуткая горечь наполнила рот. Даже горло свело судорогой, когда он попытался сглотнуть.

Зато эффект был почти мгновенным. Не успел он сунуть коробку в карман, как сердце забилося вдвое быстрее. К тому времени, как он подошел к окну, частота пульса утроилась. Глаза, казалось, вылезали из орбит при каждом ударе. Однако в этом не было ничего неприятного, скорее наоборот. Сонливость улетучилась вместе с болью и усталостью.

— Вау! — завопил он, — Попаю^[66] следовало бы сожрать несколько банок этого дерьма! — И рассмеялся, потому что изъясняться словами было почти непривычно — такой архаичный, полузабытый способ — и потому что идеально себя чувствовал.

Тише ты! Что ты сказал?

О'кей! О'КЕЙ!

Даже его мысли, казалось, приобрели новую, кристаллическую ясность, и Генри не думал, что дело только в воображении. И хотя здесь освещение было чуть более тусклым, чем в остальной части лагеря, он все же успел увидеть, как Оуэн поморщился и схватился за виски, словно кто-то крикнул прямо ему в ухо.

Извини, подумал он.

Ничего, все нормально. Просто ты час от часу становишься сильнее. Должно быть, весь покрылся этим говном.

Вовсе нет, парировал Генри и некстати вспомнил обрывок сна: их четверка на травянистом склоне. Верее, пятерка — ведь Даддитс тоже был с ними.

Генри, помнишь, где я буду?

Юго-западный угол лагеря. По диагонали от амбара. Но...

Никаких «но». Там я буду ждать. Если хочешь выбраться отсюда, лучше поторопись. Сейчас... Оуэн, помолчав, глянул на часы. Видимо, механические, если еще идут, подумал Генри... без двух четыре. Даю тебе полчаса, и если народ в амбаре не начнет шевелиться, я закорочу проволоку.

Получаса может не хватить, запротестовал Генри. Хотя он стоял неподвижно, глядя на фигуру Оуэна, тонувшую в снегу, все же дышал быстро, как на бегу. И сердце колотилось, как у загнанной лошади.

Ничего не поделать, постарайся уложиться, передал Оуэн. К изгороди подключена сигнализация. Стоит дотронуться до проволоки, и включатся сирены. И дополнительные прожектора. Общая тревога. Даю тебе пять минут до того, как начнется переполох, то есть считаю до трехсот, и если ты не покажешься, я пускаюсь в одиночное плавание.

Без меня ты не найдешь Джоунси.

Это еще не значит, что я должен оставаться здесь и погибать

вместе с тобой. Генри. Терпеливо. Словно малому ребенку. Так или иначе, если не успеешь через пять минут, у нас обоих не останется ни единого шанса.

Эти двое... что покончили с собой... они не единственные, кто ушел. Знаю.

Перед Генри возникло короткое видение: желтый школьный автобус с надписью МИЛЛИНОКЕТ СКУЛ ДЕПТ. Из окон выглядывают два десятка ухмыляющихся черепов. Товарищи Оуэна Андерхилла. Все те, кто вчера прибыл сюда. Люди, которые в этот час либо умирают, либо уже мертвы.

Забудь про них, передал Оуэн. Сейчас следует побеспокоиться о парнях Курца. Особенно о команде «Империзэл Вэлли». Если они в самом деле существуют, можешь быть уверен, последуют приказу. Они достаточно хорошо подготовлены и натасканы. А это помогает выжить при любой неразберихе, на то она и подготовка. Итак, пять минут после того, как включится сигнализация. Считаю до трехсот.

Логiku Оуэна было трудно принять, но невозможно опровергнуть.

Ладно. Пять минут, согласился Генри.

Тебе не обязательно в это впутываться, заметил Оуэн. Мысль пришла к Генри в ореоле сложной филигрании эмоций: раздражения, чувства вины, неизбежного страха; в случае Оуэна Андерхилла — страха не смерти, но провала.

Если то, что ты говоришь, правда, все зависит от того, сможем ли мы незаметно выбраться отсюда, а ты ставишь наше предприятие под угрозу из-за нескольких сотен мудаков в амбаре.

Твой босс не так бы поступил, верно?

Оуэн вскинулся, выразив, правда, свое удивление не словами, а ставшим более привычным способом: в мозгу Генри вихрем пронеслась целая серия изумленно-комических масок. Но даже сквозь неустанный вой и визг ветра он услышал смех Оуэна.

Вот тут ты меня припечатал, красавчик.

Так или иначе я их растормошу. Уж я умею расшевелить. Я мастер мотиваций.

По крайней мере попытаешься.

Генри не видел лица Оуэна, но чувствовал, что тот улыбается.

— А потом? — вслух спросил Оуэн. — Объясни еще раз. Зачем?

— Может, затем, что солдаты тоже нуждаются в мотивациях, особенно когда вдаются в подробности. И оставь свою телепатию, я хочу, чтобы ты изложил все вслух.

Генри еще раз поглядел на дрожащего от холода человека:

— После всего этого мы станем героями. Не потому, что хотели, просто выбора не было.

Оуэн молча кивнул. Кивнул, все еще улыбаясь.

— Почему нет? Почему, на хрен, нет?

И Генри увидел маленького мальчика с блюдом, поднятым над головой. Так вот чего хотел мужчина. Чтобы мальчик положил блюдо на полку — то блюдо, что преследовало его столько лет и навсегда останется разбитым.

5

Курц, с детства не видевший снов и, наверное, поэтому окончательно спятивший, проснулся, как всегда, мгновенно: вот только сейчас пребывал в пустоте, и тут же пришел в себя и вполне сознает, где находится. Живой, аллилуйя, о да, живой и бодрый.

Повернув голову, он взглянул на часы, но чертова машинка снова гикнула, несмотря на новомодный антимагнитный корпус. На циферблате, как сумасшедшие, плясали цифры: 12-12-12, словно заика, застрявший на одном слове.

Он включил лампу и поднял с тумбочки карманные часы. Четыре часа восемь минут.

Курц положил их на место, спустил на пол босые ноги и встал. И первое, что услышал, — вой ветра. Вой бродячей собаки. И осознал еще одно: неразборчивое бормотание голосов в голове окончательно стихло. Телепатическая волна прошла и улеглась, и Курц был этому рад. Подобные свойства оскорбляли его на первобытном, примитивном уровне, как некоторые сексуальные приемы. Мысль о том, что кто-то имеет право забраться в его голову без спроса, проникнуть в верхние уровни разума, возмущала до глубины души. Только за это следовало стереть с лица земли серых человечков. За этот омерзительный подарок. Слава Богу, он оказался достаточно эфемерным.

Курц сбросил серые тренировочные трусы и голым встал перед зеркалом, тщательно оглядывая себя от ступней (где уже выступали змеи фиолетовых вен) до макушки, с гребнем спутанных седеющих волос. В свои шестьдесят он не так уж плохо выглядел: возраст выдавали только эти проклятые вены. И как мужчина еще ничего, хотя эта сторона жизни его никогда не интересовала: женщины по большей части — злобные, коварные создания, неспособные на верность и преданность. Они

опустошали мужчину. В глубине своего безумного сердца, где даже сумасшествие было выхолощенным, тщательно подкрахмаленным и выглаженным, а потому не слишком интересным, он считал секс ненужным и даже запретным. Даже если все проделывалось ради продолжения рода, результатом обычно было оснащенное мозгами новообразование, не слишком отличавшееся от срань-хорьков.

От макушки взгляд Курца снова пополз вниз, медленно, выискивая малейшую полоску красного, каждое крошечное пятнышко. Ничего. Он повернулся и, вытянув шею, попытался рассмотреть спину, и снова ничего не обнаружил. Раздвинул ягодичы, пощупал кожу между ними, сунул палец в анус, но не ощутил ничего, кроме упругой плоти.

— Я чист, — произнес он тихо, моя руки в меленькой ванной «виннебаго». — Чист, как снег.

Он снова натянул трусы и, присев, надел носки. Чист, благодарение Богу, чист. Хорошее слово — «чист». Неприятное ощущение телепатии — как потная кожа, прижатая к потной коже — улетучилось. И ни единого признака Рипли: он даже проверил язык и десны.

Так что же разбудило его? Почему в голове бьет тревожный набат?

Потому что телепатия — не единственная форма экстрасенсорного восприятия. Потому что задолго до того, как серые человечки узнали о таком месте, как Земля, заткнутом в самый пыльный и отдаленный уголок великой межзвездной библиотеки, существовала маленькая штучка, называемая инстинктом, отличительная особенность такого хомо сапиенс в военном мундире, как Курц.

— Предчувствие, — сказал Курц. — Добрая старая американская интуиция.

Он влез в штаны и, все еще полуголый, схватил рацию, лежащую на тумбочке рядом с часами (уже четыре часа шестнадцать минут: время, похоже, просто мчится, как машина без тормозов, летящая по склону холма к оживленному перекрестку). Рация была снабжена специальным часовым механизмом и к тому же закодированным, что, по мнению изобретателей, делало невозможным всякую блокировку... но при взгляде на предположительно неуязвимый циферблат Курц сразу понял, что дело плохо.

Он нажал кнопку вызова. Фредди Джонсон откликнулся довольно быстро, и голос не казался слишком уж сонным... о, как сейчас, в эту критическую минуту, Курц (урожденный Роберт Кунц, имя, имя, что в имени твоём) мечтал об Андерхилле!

Оуэн, Оуэн, подумал он, почему ты, оступись именно тогда, когда

больше всего нужен мне.

— Шеф?

— Я перевожу всю команду «Империзл Вэлли» в один фургон. Шестой. Собери всех, потом вернешься и доложишь.

Ему пришлось выслушать, почему это невозможно, муть, которую Оуэн не выдал бы и в бредовом сне. Он дал Фредди приблизительно сорок секунд на оправдания, а потом сказал:

— Закрой поддувало, сукин сын.

Последовало потрясенное молчание.

— Тут назревает что-то неладное. Не знаю, что именно, но недаром я вскочил с постели посреди ночи, и в голове так и заливаются колокола тревоги. Поэтому я собираю всех вместе, и если хочешь дожить до завтрашнего ужина, заставь их поднять задницы и топать куда прикажут. Скажи Галлахер, пусть держится начеку, будет готова ко всему. Приказ понят, Фредди?

— Так точно, босс. Но, думаю, вам следует знать: у нас уже четыре самоубийства. Это из тех, о которых мне известно. Вполне может быть и больше.

Курц не удивился и не расстроился. В определенных обстоятельствах самоубийство не только приемлемо, но и благородно — последний поступок истинного джентльмена.

— Вертолетчики?

— Так точно.

— Никого из «Империзл Вэлли»?

— Никого, босс.

— Ладно. Вольно, парень. Заваруха вот-вот начнется. Понятия не имею, в чем дело, но нюхом чую беду. Большую.

Курц швырнул рацию на стол и продолжил одеваться.

Хотелось курить, но сигареты кончились.

Когда-то в хлеву старика Госслина содержалось небольшое стадо молочных коров, и хотя хлев вряд ли соответствовал стандартам министерства сельского хозяйства, был еще в довольно приличном состоянии. Солдаты провели электричество, повесили мощные лампы, бросавшие холодное сияние на стойла, на загончик для доения, на верхний и нижний сеновалы. Кроме того, они расставили по углам несколько

обогревателей, и сейчас воздух буквально раскалился лихорадочной пульсирующей жарой. Войдя, Генри немедленно расстегнул куртку, но это не помогло: волосы сразу взмокли от пота. Наверное, тут сыграли роль и таблетки Оуэна — перед тем как зайти в коровник, он проглотил еще одну.

Генри огляделся и покачал головой. До чего же коровник похож на все лагеря беженцев, которые ему приходилось видеть: боснийских сербов в Македонии, гаитянских мятежников после высадки морских пехотинцев Дядюшки Шугара в Порт-о-Пренсе, африканских эмигрантов, покинувших родину из-за болезней, голода, гражданских войн или из-за всего вместе. Такие вещи часто показывают по телевизору, и к ним постепенно привыкаешь, но сидя в уютном кресле, трудно вообразить, как все происходит на самом деле, ужас, с которым наблюдаешь насилие, кровь и боль, так или иначе отстраненный, почти клинический. Но оказалось, что для посещения подобных мест не нужны ни виза, ни паспорт. Обычный коровник в Новой Англии. Люди, оказавшиеся здесь, были одеты не в лохмотья и грязные дашики^[67], а в дорогие охотничьи куртки, брюки с большими накладными карманами (так удобно для запасных обоев) и белье с подогревом от «Фрут оф зе лум». Но впечатление оставалось тем же самым. Единственным отличием было всеобщее непроходящее изумление. Такого просто не могло быть на Земле Наших Надежд.

Интернированные вполне уютно устроились на брошенных на пол вязанках сена (предварительно подстелив куртки). Они уже успели разделиться на небольшие семейные и дружеские компании и сейчас мирно спали. Сеновалы и даже стойла тоже были заняты. Слышались храп, сопение и стоны людей, метавшихся в кошмарах. Где-то плакал ребенок. И в довершение всего сюрреалистического кошмара из динамиков тихо лилась музыка. Дремлющие, обреченные на смерть обитатели коровника старика Госслина слушали оркестр Фреда Уоринга, исполнявший «Чарминг найт» в переложении для скрипок.

Даже в его нынешнем одурманенном состоянии каждая деталь с неестественной отчетливостью врезалась в память. Все эти оранжевые куртки и кепки! — подумал он. Господи! Настоящий Хэллоуин в аду!

Здесь тоже было полно зараженных. Красно-золотой мох цвел на щеках, ушах, между пальцами и даже на балках и электропроводах. Пахло в основном сеном, но Генри без труда учуял знакомый запах этилового спирта с примесью серы. Кроме того, спящие непрерывно выпускали газы, такие громкие, словно шесть-семь бездарных музыкантов пытались аккомпанировать оркестру на тубах и саксофонах. В других обстоятельствах это было бы забавно... Возможно, и в этих тоже... для

любого человека, не видевшего извивающегося и щерившего зубы хорька на окровавленной постели Джоунси.

«Сколько их сейчас вынашивает этих тварей?» — спросил себя Генри. Впрочем, это не важно, — подумал он, — хорьки в конце концов достаточно безвредны. Они смогут просуществовать без хозяев в этом коровнике, но снаружи, где метет снег, буйствует ветер и температура ниже нулевой, не продержатся и двух часов.

Ему нужно потолковать с этими людьми...

Нет, не так. Что ему нужно — так это до смерти запугать их. Заставить подняться и выйти из тепла на мороз. Раньше тут были коровы, и сейчас здесь — тоже коровы. Он должен превратить их обратно в людей — испуганных, обозленных людей. Он мог бы сделать это, но не в одиночку. А часики тикают. Оуэн Андерхилл дал ему полчаса. По прикидкам Генри, треть этого времени уже прошла.

Мегафон. Сообразить что-то вроде мегафона. Без этого ничего не выйдет, подумал он и, оглядевшись, заметил грузного, лысеющего мужчину, спавшего на боку, слева от двери, ведущей в загон для доения. Похоже, это один из тех, кого он выпер из сарая, но сказать наверняка трудно.

Но это был Чарлз, и байрум покрыл красной черепицей то, что старина Чарли, вне всякого сомнения, гордо именовал своим «солнечным секс-пультом». Кому нужна пересадка волос, когда это дерьмо до тебя доберется? — ухмыльнулся про себя Генри.

Чарлз как раз то, что надо, и к тому же Марша спала почти рядом, держа руку Даррена, мистера Убойный-косячок-из-Ньютона. По ранее гладкой щеке Марши полз байрум. Муж пока не пострадал, зато деверь — Билл, кажется? — походил на мохнатое чудовище. Лучший в шоу. Он встал на колени перед Биллом, взял поросшую байрумом руку и вторгся в непроходимые джунгли его кошмаров.

Проснись, Билл. Труба зовет. Нужно выбираться отсюда. Несли можешь мне, мы сумеем. Проснись, Билл, Проснись и будь героем.

Все случилось с головокружительной скоростью.

Генри ощутил, как сознание Билла выныривает из глубин сна, отчаянно тянется к разуму Генри, словно утопающий — к спасателю, плывущему ему на помощь.

Не разговаривай, не пытайся разговаривать, сказал ему Генри, только слушай. Нам нужны Марша и Чарлз. Четверых будет достаточно.

Что...

Времени нет, Билли. Начали.

Билл взял за руку невестку. Глаза Марши немедленно распахнулись, будто она именно этого ждала, и Генри ощутил, как все шкалы в его голове повернулись еще на одно деление. На ней грибок был не так обилен, как на Билле, но, по-видимому, природа наделила ее большими способностями. Без единого вопроса она взяла за руку Чарлза. Генри показалось, что она уже сообразила, в чем дело и что от нее требуется. К счастью, она также прониклась необходимостью спешить. Прежде всего следует подкинуть бомбу этим людям, а потом использовать их как таран.

Чарлз подскочил, тараща глаза. И тут же, как по команде, встал. Теперь все четверо собрались в кружок и взялись за руки, подобно участникам спиритического сеанса... что, по мнению Генри, было недалеко от истины.

Дайте это мне, велел он, и они подчинились. Ощущение было такое, словно в ладонь легла волшебная палочка.

Слушайте меня! — позвал он.

В разных концах коровника стали подниматься головы, кое-кто подпрыгивал, словно наэлектризованный.

Слушайте и делайте, что говорят... делайте, что говорят. Понятно? Делайте, что говорят. Это ваш единственный шанс, так что ДЕЛАЙТЕ, КАК СКАЗАНО!

Они повиновались инстинктивно, как люди, насвистывающие мелодию или хлопающие в такт. Дай он им время на размышления, возможно, все оказалось бы куда сложнее, и вероятно, просто невозможным, но он не дал им ни минуты. Большинство спали, и он застиг зараженных, иначе говоря, телепатов, врасплох, в ту минуту, когда их сознание было незащитно-открытым. Повинуясь неосознанному импульсу, Генри послал серию образов: солдаты в масках, окружающие коровник, некоторые с пистолетами, остальные с рюкзаками, присоединенными к длинным трубкам. Придал лицам солдат выражение почти карикатурной жестокости. По приказу, исторгнутому динамиками, трубки изрыгают струи жидкого огня: напалма. Стены и крыша коровника занимаются мгновенно.

Генри проник в коровник, продолжая посылать картины с вопящими, мечущимися людьми. Огненные капли падали из дыр в горячей крыше, поджигали сено. Мужчина с горящими волосами... женщина в пылающей лыжной парке, все еще украшенной билетиками на подъемники лыжных

курортов.

Теперь все смотрели на Генри. Генри и круг его приятелей. Правда, изображения принимали только телепаты: инфицированы были всего процентов шестьдесят заключенных, но и остальные уловили ощущение нерассуждающей паники: нарастающий прилив поднимает с мелей все лодки.

Стиснув руки Билла и Марши, Генри снова переключил изображение на внешнюю перспективу. Пожар; голос, орущий из динамиков приказ никого не выпускать.

Теперь все заключенные были на ногах, несвязно выкрикивая что-то (телепаты молчали. Измученные глаза глядели на Генри с испещренных байрумом лиц). Он показал им коровник, горящий свечой в снежной ночи, ветер, превращающий огненный ад в бушующий вихрь, но струи напалма по-прежнему бьют по цели, и голос из динамиков вещает:

«ТАК, ПАРНИ, ТАК, СДЕЛАЙТЕ ИХ ВСЕХ! НЕ ПОЗВОЛЬТЕ НИКОМУ УЛИЗНУТЬ! ОНИ — РАК, А ВЫ — ЛЕКАРСТВО!»

Теперь изображение заработало в полную силу, питаемое собственными страхами людей. Генри послал образы тех, кто смог найти выход или выбраться через окна. Многие горели заживо. Одна женщина держала на руках ребенка. Солдаты перебили всех, кроме женщины с ребенком, превращенных в живые факелы.

— Нет!!! — завопили в унисон сразу несколько голосов, и Генри с каким-то болезненным удивлением осознал, что все они придали лицу горящей женщины свои черты.

Теперь они неуклюже топтались, как скот, застигнутый грозой. Нужно подогреть их, пока они не начали думать.

Собрав силу объединенного разума тех, кто держался за руки, Генри послал им изображение магазина.

ПОЙМИТЕ! — мысленно воскликнул он. ЭТО ВАШ ЕДИНСТВЕННЫЙ ШАНС! ЕСЛИ МОЖЕТЕ, ПРОРВЕМСЯ В МАГАЗИН, СОРВЕМ ПРОВОЛОКУ, ЕСЛИ ДВЕРЬ ЗАБИТА! НЕ ОСТАНАВЛИВАЙТЕСЬ! НЕ ВРЕМЯ КОЛЕБАТЬСЯ! БЕГИТЕ В ЛЕС! ПРЯЧЬТЕСЬ В ЗАРОСЛЯХ! ОНИ ИДУТ, ЧТОБЫ СЖЕЧЬ КОРОВНИК И ВСЕХ, КТО ТУТ ЕСТЬ! ЛЕС — ВАШЕ СПАСЕНИЕ! СЕЙЧАС! СЕЙЧАС!

Утонувший в колодце собственного изображения, опьяненный таблетками Оуэна и посылая изо всех своих сил картины возможного

спасения в лесу, верной смерти здесь, в этом проклятом месте, картины простые и незатейливые, как в детской книжке, он почти не сознавал, что кричит вслух:

— Сейчас, сейчас, сейчас — Сначала команду подхватила Марша Чайлз. Потом ее деверь, потом Чарлз, мужчина с заросшим грибком секс-пультом.

Невосприимчивый к байруму и, следовательно, не получивший дара телепатии Даррен тем не менее оказался достаточно чутким к витающим в воздухе флюидам и тоже стал скандировать:

— Сейчас! Сейчас! Сейчас!

Слово перепархивало от человека к человеку, от группы к группе, вирус нарастающей паники. Куда более заразный, чем грибок. Стены коровника тряслись. Кулаки вздымались в унисон, как на рок-концерте.

— СЕЙЧАС! СЕЙЧАС! СЕЙЧАС!

Генри позволил им перехватить инициативу, довести накал возбуждения до предела, и сам грозил кулаком, даже не сознавая этого, поднимал ноющую руку, одновременно напоминая себе не поддаваться общей истерии, которую сам же подогрел: в конце концов им на север, ему — на юг. Он ждал того момента, когда возврат к прежнему состоянию невозможен. Следовало как можно скорее достичь точки кипения и спонтанного взрыва.

Такой момент настал.

— Сейчас, — прошептал он, снова собирая воедино сознание Марши, Билла, Чарлза и других... тех, кто был рядом и особенно остро его воспринимал.

Он все перемешал, взболтал, сжал и метнул это единственное слово, как серебряную пулю, в головы трехсот семнадцати людей, запертых в коровнике старика Госслина:

СЕЙЧАС.

И вслед за мгновением мертвенной тишины распахнулись врата ада.

Еще до наступления сумерек вдоль изгороди на равном расстоянии друг от друга поставили дюжину двухместных караульных будок (за неимением ничего лучшего, с передвижных туалетов сняли писсуары и унитазы). В каждой будке имелся обогреватель, разливавший такое отупляющее тепло, что охранники не слишком торопились выходить

наружу. Время от времени кто-то открывал двери, впуская вихри морозного воздуха, но этим и ограничивались все приступы бдительности. Большинство стражей были солдатами мирного времени, не представлявшими, насколько высоки ставки в этой игре, поэтому сейчас они мирно травили байки о женщинах, сексе, машинах, начальстве, сексе, семьях, будущем, сексе, пьянках, наркотиках, вечеринках и сексе. Все благополучно просмотрели оба визита Оуэна Андерхилла к сараю (его легко можно было заметить с постов 9 и 10) и уж, конечно, последними доперли, что имеют дело с настоящим, полновесным мятежом на их утлом кораблике.

Семеро других, пробывших в команде Курца немного дольше и, следовательно, успевших достаточно просолиться, расселись в магазине вокруг дровяной печки, играя в карты, в том самом офисе, где Оуэн слушал записи Курца «пощадите нас», где-то около двухсот лет назад. Шестеро играющих были часовыми. Седьмой — коллегой Дога Бродски, Джинном Кембри. Кембри не смог уснуть. Причина бессонницы была скрыта эластичной хлопчатобумажной повязкой на запястье. Он не знал, сколько еще послужит повязка, потому что красная растительность продолжала распространяться. Если не принять мер, кто-то обязательно увидит, и тогда, вместо того чтобы играть в карты в офисе, он окажется в коровнике вместе с гражданскими.

Но разве он один? У Рея Парсонса из уха торчит вата. Он сказал, что в ухе стреляет, но так ли это? Тед Трезевски обмотал предплечье бинтом, жалуясь, что наткнулся днем на колючую проволоку. Может, не врет. Джордж Аделл, непосредственный начальник Дога в более спокойные времена, натянул на лысину вязаную шапочку, что придало ему необычайное сходство с престарелым белым рэппером. Вероятно, под ней нет ничего, кроме кожи, но носить вязаные шапочки в такой жаре? По меньшей мере странно.

— Сдох, — сказал Хоуи Эверетт.

— Объявляю масть, — откликнулся Дэнни О'Брайен.

Парсонс и Аделл последовали его примеру. Но Кембри едва их слышал. Перед глазами вдруг встала женщина с ребенком на руках. Пока она пыталась перебежать занесенный снегом выгул, солдаты поливали ее напалмом. Кембри в ужасе поежился, посчитав, что картина вызвана его нечистой совестью.

— Джин! — окликнул Эл Колмен. — Собираешься объявлять или...

— Что это? — нахмурился Хоуи.

— Ты о чем? — спросил Тед Трезевски.

— Прислушайся и поймешь, — сказал Хоуи.

Тупой полячишка, отдалось в голове Кембри, но тот не придал оскорблению особого значения. Скандирующие голоса с каждой минутой становились громче, заглушая ветер, быстро набирая силу и мощь.

— Сейчас! Сейчас! Сейчас! Сейчас! СЕЙЧАС!

Крики доносились из коровника, прямо за их спинами.

— Какого дьявола... — протянул Аделл, задумчиво уставясь на складной стол, заваленный разбросанными картами, пепельницами, фишками и деньгами.

Джин Кембри неожиданно понял, что под дурацкой шерстяной шапочкой и в самом деле нет ничего, кроме лысины. Номинально Аделл командовал их группой, на деле же ни черта не соображал. Не видел вздымающихся кулаков, не слышал сильного мысленного голоса, солировавшего в хоре.

Кембри заметил тревогу на лицах Парсонса, Эверетта, Колмена. Они тоже все видели. Мгновенное понимание объединило их, тогда как здоровые только недоуменно переглядывались.

— Говнюки сейчас пойдут на штурм, — сказал Кембри.

— Не дури, Джин, — отмахнулся Джордж Аделл. — Они понятия не имеют, что их ждет. Кроме того, это штафирики. Так, пар выпу...

Но конец предложения заглушило единственное слово — СЕЙЧАС, — циркулярной пилой прорезавшее мозг Кембри. Рей Парсонс и Эл Колмен поморщились. Хоуи Эверетт взвыл от боли, сжав ладонями виски. Судорожно вскинутые колени стукнулись о столешницу. Карты, фишки и деньги разлетелись во все стороны. Долларовая банкнота приземлилась на печке и начала тлеть.

— А, мать твою, взгляни, что ты... — начал Тед.

— Они идут, — сказал Кембри. — Сейчас они возьмутся за нас.

Парсонс, Эверетт и Колмен бросились к карабинам М-4, прислоненным к стене около вешалки старика Госслина. Остальные, оцепенев от неожиданности, удивленно смотрели на них... но тут раздался грохот дверей коровника, затрещавших под напором толпы. Снаружи двери были заперты на огромные стальные армейские засовы, которые пока еще держались. Но вот прогнившее дерево не выдержало, и в пролом хлынула толпа заключенных, продолжавших скандировать заветное слово «сейчас», сменяя несчастных собратьев, которым не повезло выстоять в давке.

Кембри тоже метнулся к стене, схватил карабин, каковой немедленно у него выдернули.

— Это мой, мудак, — рыкнул Тед Трезевски.

От разбитых дверей коровника до офиса было не более двадцати ярдов. Толпа быстро перекрыла ничтожное расстояние с воплями: «СЕЙЧАС, СЕЙЧАС, СЕЙЧАС».

Столик с грохотом перевернулся, засыпав картами все свободное пространство. При первых признаках бунта включилась вмонтированная в изгородь сигнализация. Первые, кто пошел на проволоку, либо поджарились, либо повисли на толстых колючках, как огромные вздутые рыбины. Мгновение спустя тревожные звонки сменились пронзительным воем сирен, Общей Тревогой, которую иногда обозначали как «Ситуация Три Шестерки», конец света. Из пластиковых туалетных будок выглядывали изумленные испуганные лица часовых.

— Коровник! — закричал кто-то. — В коровнике свалка! Это побег!

Часовые высыпали на снег, полураздетые, босые, и рассыпались вдоль изгороди, не подозревая, что более восьмидесяти камикадзе, бывших охотников на оленей, закоротили ее собственными телами, навалившись на провода, дергаясь в последних смертных судорогах и продолжая во всю глотку орать «СЕЙЧАС»!

Никто не заметил еще одного беглеца — высокого, тощего, в старомодных роговых очках на носу. Того, кто оторвался от остальных и побрел по сугробам, успевшим вырасти на выгуле. Хотя Генри не видел и не чувствовал слежки, все же, еще раз оглядевшись, пустился бежать. Он казался себе маленьким и беззащитным, унижительно уязвимым под зоркими беспощадными глазами прожекторов, а какофония сирен и гудков сводила с ума, вселяла панический страх... терзала, совсем как когда-то плач Даддитса в тот день, на задах здания братьев Трекер.

Он надеялся, что Андерхилл ждет его. Пока сказать трудно: слишком густой снег скрывал дальний конец загона, но он скоро будет там, и все станет ясно.

Курцу осталось надеть второй сапог, когда поднялась суматоха, воздух наполнился оглушительными воплями сирен и сигнализации, и включилось дополнительное освещение, заливая этот Богом забытый кусок земли еще более ослепительным сиянием. Курц не ощутил ни удивления, ни досады, только смесь сожаления и облегчения. Облегчения от того, что неизвестное чудовище, пожиравшее его нервные клетки, наконец обнаружило себя, и теперь остается только взять ситуацию под контроль. Сожаление — от того,

что эта хренотень не продержалась еще два часа. Всего два часа, и можно было бы спокойно подводить итоги операции.

Так и не выпуская сапога, он вылетел из «виннебаго». От коровника несся буйный неудержимый рев, что-то вроде боевого клича, на который невольно отозвалось его сердце. Ураганный ветер приглушал крики, но не слишком: похоже, узники все как один бросились в битву. Неизвестно откуда, из их сытых, изнеженных, здесь-такого-не-может-быть, рядов возник Спартак — кто бы мог подумать?

Все проклятая телепатия, подумал он. Интуиция, никогда не подводившая его, подсказывала: случилось непоправимое, и вся операция летит к чертям, но несмотря на это, Курц улыбался. Все-таки это чертова телепатия. Учужали, что их ждет... и кто-то решил действовать.

Перед его глазами из разлетевшейся двери коровника высыпала пестрая толпа в куртках и оранжевых кепках. Один упал на торчавшее острое сломанной доски, пронзившее его, как осиновый кол вампира. Поскользнувшиеся на снегу были затоптаны толпой. И все это под мертвенным равнодушным сиянием прожекторов. Курц, словно зритель на чемпионате по реслингу, занявший к тому же лучшее место, видел все. Все, что творилось на ринге.

Две группы бегущих, по пятьдесят — шестьдесят человек в каждой, державшиеся вместе, так же слаженно, как расчеты в учебных командах, бросились на ограду, по обе стороны от убогой лавчонки. Нападавшие то ли не знали, что через проволоку пропущен смертельный ток, то ли им было все равно. Остальная масса ринулась в обход магазина. Это было самое слабое место во всей обороне, но теперь было уже все равно. Курц понял, что ограде не устоять.

Никогда его строго выверенные планы не рушились так грубо: две-три сотни неуклюжих солдат ноября очертя голову бросаются в атаку с воплями «банзай». Он не допускал и тени сомнения в том, что они, как всякий скот, будут покорно ждать, пока пастух поведет их на бойню.

— Неплохо, мальчики, — пробормотал Курц, ощущая, как горит еще что-то, вероятно, его проклятая карьера... но конец все равно близок, недаром он выбрал такую головоломную операцию, чтобы достойно уйти со сцены, не так ли? Насколько он понимал, маленькие серые человечки из космоса — отныне явление вторичное. Доведись ему вести новости, заставка на экране гласила бы:

СЮРПРИЗ! АМЕРИКАНЦЫ НОВОЙ ЭРЫ ПРОЯВЛЯЮТ
УДИВИТЕЛЬНОЕ МУЖЕСТВО!

Можно сказать, выдающееся. Просто позор убивать таких храбрецов.

Вой сирены то нарастал, то замирал в снежной ночи. Первая волна беглецов ударилась в заднюю стену магазина. Курц почти увидел, как содрогнулась постройка.

— Проклятая телепатия, — повторил он, ухмыляясь.

Похоже, его люди наконец опомнились и высыпали из караульных будок, из автопарка, столовой и полутрейлеров, служивших импровизированными бараками. Но ухмылка тут же погасла, сменившись недоумением.

— Стреляйте! — крикнул он. — Почему вы не стреляете?

Кое-кто действительно пустил в ход оружие, но таких было слишком мало. Ничтожно мало. Курц почуял панику. Его люди не стреляли, потому что наложили в штаны от страха. Или попросту знали, что их очередь — следующая.

— Проклятая телепатия, — повторил он, и внезапно в магазине началась перестрелка.

Окна офиса, где они еще вчера совещались с Оуэном Андерхиллом, освещались ослепительными прерывистыми вспышками. Два стекла вылетели. Какой-то мужчина попытался выскочить из второго, и Курц едва успел узнать Джорджа Аделла, прежде чем того схватили за руки и втащили обратно.

Парни в офисе хотя бы сопротивлялись, но что еще им оставалось делать? Они боролись за свою жизнь. Солдаты никак не успевали добежать к месту драки. Курц уже подумывал бросить сапог и схватить свой девятый калибр. Пристрелить нескольких беглецов. Настрелять дичи. Нахватать трофеев. Так и так кругом все рушится. Почему бы нет?

Андерхилл. Вот почему. Оуэн Андерхилл играл какую-то роль в этой заварушке. Курц знал это так же точно, как то, что его зовут Курц. От всего этого пахло предательством, а предательство было у Андерхилла в крови.

Из офиса Госслина снова донеслись перестук выстрелов... вопли боли... триумфальные крики. Компьютерные мозги, пожиратели салатов, глотатели «Эвиана», ничтожные готы взяли свою крепость.

Курц захлопнул дверцу «виннебаго», чтобы не видеть всей этой мерзости, и поспешил назад в спальню, позвонить Фредди Джонсону. Сапог он так и не выпустил.

Кембри стоял на коленях, за письменным столом старика Госслина, когда в магазин ворвалась первая волна заключенных. В этот момент Кембри, не помня себя, выдергивал ящик за ящиком в поисках оружия. Он еще не знал, что останется жив лишь потому, что ничего не найдет.

— СЕЙЧАС! СЕЙЧАС! СЕЙЧАС! — скандировали обезумевшие беглецы.

В заднюю стену ударили с такой силой, словно туда врезался грузовик. Снаружи послышался противный треск: это на проволоку легли первые смертники. Свет в офисе замигал.

— Держитесь вместе, парни! — вскрикнул Денни О'Брайен. — Ради Господа Бога, держитесь вме...

Дверь черного хода слетела с петель с такой силой, что упала не вперед, а назад, прикрыв нападавших, как щитом. Кембри нырнул под стол, прикрывая руками голову, когда дверь вновь наклонилась вперед и легла на стол под углом, что дало ему возможность до поры до времени уцелеть.

Хлопки выстрелов в крохотном помещении разрывали уши, заглушая вопли раненых и умирающих, но Кембри понял, что стреляли только Трезевски, Аделл и О'Брайен.

Колмен, Эверетт и Рей Парсонс стояли с потрясенным видом, прижимая оружие к груди.

Из своего случайного убежища Джин Кембри видел, как узники сметают все на своем пути, как самые первые, сраженные пулями, валятся, заливая кровью пол, стены, рекламные плакаты. Он видел, как Джордж Аделл швырнул карабин в двух оранжевокурточных верзил и метнулся к окну. Он почти успел вывалиться, но человек, на щеке которого родимым пятном краснел Рипли, вонзил зубы в щиколотку Джорджа, как в ножку рождественской индейки, а другой заткнул вопли, резко дернув голову Джорджа влево. Комнату затянуло голубоватым пороховым дымом, но Кембри увидел Эла Колмена, отбросившего ружье и подхватившего общий вопль: «Сейчас! Сейчас! Сейчас!» Он увидел, как Рей Парсонс, самый мирный и спокойный человек на свете, прицелился в Денни О'Брайена и вышиб ему мозги.

Теперь все стало проще. Теперь было только так: больные против здоровых.

Стол отлетел к стенке от сильного удара. Дверь шлепнулась на Кембри, и, прежде чем тот успел подняться, по нему промчались люди. Он чувствовал себя ковбоем, упавшим с коня во время общей свалки. Его наверняка раздавят!

Но еще миг, и убийственное давление ослабло. Кембри быстро встал

на колени, подстегиваемый адреналином, бурлящим в крови, и дверь сползла с него, наградив на прощание злобным тычком ручки в бедро. Кто-то на бегу пнул его в ребра, чей-то сапог расцарапал ухо, и тут он умудрился встать. Комната, синяя от дыма, звенела воплями и криками. Несколько здоровенных охотников врезались в печку, которая оторвалась от трубы и покатила по полу, разбрызгивая горящие кленовые поленья. Деньги и игральные карты загорелись. По магазину поплыла едкая вонь пластиковых покерных фишек. Фишки Рея, не к месту подумал Кембри. Они были с ним в Заливе. И в Боснии тоже.

Никем не замеченный в общей суматохе, он продолжал стоять в стороне. Бегущие узники не ломались в дверь между офисом и магазином, в этом не было нужды: всю стену, а вернее, тонкую перегородку, успели снести напрочь. Обломки тоже постепенно занимались огнем от перевернутой печи.

— Сейчас, — пробормотал Джин Кембри. — Сейчас.

Он увидел Рея Парсонса, бегущего вместе с остальными к переднему крыльцу. За ним мчался Хоуи Эверетт. На ходу он схватил буханку хлеба и помчался по центральному проходу.

Тощий старикашка в шляпе с кисточкой и тяжелом пальто отлетел от толчка прямо на печку да так и остался лежать. Кембри услышал тонкий пронзительный вскрик, когда лицо влипло в раскаленный металл и стало плавиться.

Не только услышал, но и почувствовал.

— Сейчас! — завопил Кембри, сдаваясь и присоединяясь к остальным. — Сейчас!

Похоже, операция Блю-Бой завершилась.

Пробежав почти три четверти пути, Генри остановился, тяжело дыша и хватаясь за сердце. Позади стремительно разворачивался миниатюрный армагеддон, созданный его руками, впереди не было ничего, кроме тьмы. Андерхилл, сволочь, смылся, бросил его...

Полегче, красавчик, полегче...

Огоньки мигнули дважды. Генри искал не там, только и всего. Оуэн находился немного левее юго-западного угла выгула. Теперь Генри ясно видел квадратные очертания вездехода. Позади по-прежнему мешались крики, вопли, приказы, стрельба. Не такая отчаянная, как он ожидал, но

времени гадать, в чем дело, не осталось.

Скорее, окликнул Оуэн. Нужно выбираться отсюда.

Подожди! Стараюсь, как могу.

Генри снова помчался вперед. Что бы там ни было в допинге Оуэна, действие таблеток явно слабело, и ноги заметно отяжелели. Зуд в бедре сводил с ума, во рту тоже чесалось так, что впору на стенку лезть. Грибок медленно расползлся по языку, словно пузырьки углекислого газа в минералке, которые никак не хотят лопаться.

Оуэн перерезал проволоку — и колючую, и ту, что под током — и уже стоял перед «сноу кэт» (белым, под общий фон, неудивительно, что Генри его не заметил), упирая в бедро автомат и пытаясь крутить головой сразу на сто восемьдесят градусов. В свете бесчисленных огней от него тянулось несколько теней, разбегавшихся от ботинок, словно обезумевшие часовые стрелки. Оуэн схватил Генри за плечо.

Ты в порядке?

Генри кивнул. Едва Оуэн потащил его к «сноу кэт», воздух разорвал оглушительный взрыв, похожий на выстрел самого большого в мире карабина. Генри пригнулся, зацепился за что-то и едва не упал. Хорошо еще, Оуэн успел вцепиться в воротник его куртки.

Что...

Газ. А может, и бензин. Смотри.

Он развернул Генри, и тот увидел гигантский столб огня. К небу, как в мультике, взлетали остатки магазина: доски, черепица, горящие пачки «Чириоз», пылающие рулоны туалетной бумаги. Какие-то солдаты зачарованно наблюдали за фейерверком. Другие мчались к лесу, вероятно, преследовали заключенных, хотя в голове Генри бушевала их паника — Бежать! Бежать! Сейчас! Сейчас! — он отказывался верить очевидному. Позже, поразмыслив на свободе, он понял, почему солдаты были заодно со штатскими, сейчас же ничего не соображал: слишком уж быстро все происходило.

Оуэн снова повернул его, почти швырнул на пассажирское сиденье, протолкнув через свисающий парусиновый полог, сильно пахнувший моторным маслом. В кабине было тепло, рация, подвешенная к некоему подобию приборной панели, попискивала и квакала. Единственное, что смог разобрать Генри: отчетливые истерические нотки в десятках перебивающих друг друга голосов. Необузданная радость затопила его. Такого безумного счастья он не испытывал с того дня, когда они сумели вселить в Ричи Гренадо и его гоблинов-друзжков страх Божий. Именно такие, как они, руководили этой операцией, банда взрослых Ричи Гренадо,

вооруженных автоматами вместо сухого собачьего дерьма.

Между сиденьями что-то стояло: ящик, на котором посверкивали два янтарных огонька. Генри нагнулся, пытаясь понять, что это такое, Оуэн тем временем откинул брезент, висевший позади места водителя, и грузно плюхнулся на сиденье. Тяжело дыша и улыбаясь, он в последний раз взглянул на горящий магазин.

— Поосторожнее с этим, братец, — предупредил он. — Не коснись кнопок.

Генри поднял ящик размером с любимую Даддитсову коробку для завтраков со Скуби Ду. Кнопки, о которых упоминал Андерхилл, находились под мигающими индикаторами.

— Что это?

Оуэн повернул ключ зажигания, и прогретый двигатель немедленно завелся. Улыбка не сходила с лица Андерхилла, и в ярком свете, сочившемся сквозь лобовое стекло, Генри заметил красновато-оранжевые нити байрума, висевшие под его глазами чудовищной бахромой. Брови тоже обросли.

— Здесь слишком светло, — сказал он. — Нужно опустить шторы.

Он на удивление плавно развернул вездеход, как моторную лодку, и Генри блаженно вжался в спинку сиденья, не выпуская ящичек из рук и чувствуя, что после всего мог бы последующие пять лет провести в инвалидном кресле, поскольку не ощущает ни малейшей потребности ходить своими ногами.

Оуэн искоса глянул на него, направляя «сноу кэт» к обрамленной высокими снежными берегами канаве, именовавшейся когда-то Суонни-понд-роуд.

— Тебе удалось, — сказал он. — Честно говоря, я сомневался и не стесняюсь в этом признаться. Но ты сумел сдвинуть с места всю эту хренотень.

— Говорил же тебе, я мастер мотиваций, — усмехнулся Генри.

Кроме того, телепатировал он, большинству из них все равно предстоит умереть.

Не важно. Ты дал им шанс. И теперь...

Стрельба снова усилилась, но только когда пуля отскочила от металла как раз над их головами, Генри понял, что целились в них. Вторая с лязгом срикошетировала от гусеницы вездехода, и Генри втянул голову в плечи, словно это могло его спасти. Андерхилл, по-прежнему растягивая губы в улыбке, ткнул рукой куда-то вправо. Генри повернулся как раз в тот момент, когда еще две пули отлетели от квадратной коробки вездехода. Оба раза

Генри пригнулся. Оуэн, казалось, ничего не замечал. Там, куда он показывал, высилась россыпь трейлеров. Перед ними располагалась колония домиков на колесах, а рядом с самым большим, «виннебаго», показавшимся Генри настоящим особняком, сгруппировались несколько человек, паливших по «сноу кэт». Хотя расстояние было довольно велико и ветер со снегом не унимались, стрелявшие слишком часто попадали в цель. К ним бежало подкрепление (один профи выставлял напоказ голую грудь, которая выглядела бы вполне уместно в комиксе о супергерое). В центре стоял высокий седой мужчина, рядом переминался еще один, поплотнее. На глазах Генри тощий поднял винтовку и выпалил, даже не позаботившись прицелиться. Дзиннь — и прямо перед носом Генри прожужжала надоедливая муха.

Оуэн, как ни странно, рассмеялся.

— Тот, седой и тощий, — сам Курц. Он здесь главный, и снайпер что надо.

Все новые нули отскакивали от корпуса и гусениц «сноу кэт». Одна все-таки влетела в кабину, и рация смолкла. Они продолжали удаляться от «виннебаго», но на меткости стреляющих это, похоже, не отражалось. Насколько понимал Генри, все эти скоты умели управляться с оружием. Рано или поздно их все равно достанут... но Оуэн тем не менее улыбался. До Генри только сейчас дошло, что он связался с человеком, куда больше заиклившимся на самоубийстве, чем он сам.

— Малый рядом с Курцем — Фредди Джонсон. Все эти мушкетеры — мальчишки Курца, те, которые должны... эй, остерегись!

Резкий хлопок, еще одна стальная пчела, на этот раз пролетевшая между ними, и пластмассовый шарик на рукоятке переключения передач разлетелся в пыль. Оуэн расхохотался.

— Курц! — завопил он. — Готов заложить последний никель! Представляешь, по закону ему полагалось уйти в отставку еще два года назад, а он по-прежнему стреляет, как Анни Оукли!^[68] — Он восторженно хлопнул кулаком по рулевому колесу. — Но хорошего понемножку. Повеселились, и хватит. Выключай освещение, красавчик!

— А?

Все еще ухмыляясь, Оуэн ткнул пальцем в ящик с мигающими огоньками, и теперь изогнутые мазки байрума под его глазами показались Генри боевой раскраской.

— Нажми кнопки, малыш. Нажми кнопки и спусти занавес.

Внезапно — такое всегда бывает внезапно, как по волшебству — мир исчез, и Курц оказался в вакууме. Вопли озверевшего ветра, снежные заряды, вой сирен, нервный ритм гудков... все пропало. Курц уже не замечал ни Фредди Джонсона, ни остальных ребят из «Империэл Вэлли». Сейчас все его существо сосредоточилось исключительно на удалявшемся «сноу кэт». Он ясно видел Оуэна Андерхилла на левом сиденье, видел прямо сквозь стальную раковину кабины, словно он, Эйб Курц, был наделен рентгеновским зрением супермена. Расстояние было невероятно велико, но значения это не имело. Следующая пуля попадет прямо в затылок предателя, посмевшегося переступить Черту.

Он поднял винтовку, прицелился...

В ночи, один за другим, прогремели два выстрела, достаточно близко, чтобы ударная волна сбила с ног и Курца, и его парней. Трейлер с надписью «Интел Инсайд» на боку перевернулся и врезался в передвижную кухню с гордой табличкой «Спаго».

— Иисусе! — вскрикнул кто-то.

Далеко не все прожекторы погасли: у Андерхилла хватило времени только на то, чтобы подложить термитные заряды под два из четырех генераторов (при этом он не уставал бормотать себе под нос: «В Бенберри-кросс, в Бенберри-кросс, бим-бом, на палочке верхом»), но летящий по снегу вездеход неожиданно исчез в причудливых, осыпанных искрами тенях, и Курц, так и не выстрелив, уронил винтовку.

— Мать твою, — без всякого выражения выговорил он. — Не стрелять. Не стрелять, олухи вы такие. Кончайте, слава Иисусу. Поднимайтесь в фургон. Все, кроме Фредди. Беритесь за руки и молитесь Богу Отцу Всемогущему, чтобы помог благополучно унести задницы из этого осинового гнезда. Пойдем, Фредди. Шевели ногами.

Остальные, человек двенадцать, медленно поднимались по ступенькам, то и дело оглядываясь на горящие генераторы, на пылающую палатку кухни (стоявшая рядом палатка-столовая уже занималась, на очереди — изолятор и морг). Половина ламп и прожекторов вышла из строя.

Курц обнял Фредди Джонсона за плечи и отвел в сторону, в сугроб, где обретший новую силу ветер нес клубы чего-то, напоминавшего мистический туман в фильме с привидениями. Прямо перед ними огонь весело пожирал магазин. Рядом горел коровник. Разбитые двери темнели

провалами, как старческая беззубая челюсть.

— Фредди, ты любишь Господа? Говори правду.

Фредди уже проходил все это. Мантра. Обычная мантра. Босс прочищает свои мозги.

— Я люблю Его, босс.

— Клянешься, что это правда? — допытывался Курц, пронизывая его взглядом. Вернее, глядя сквозь него. Что-то планируя на пять шагов вперед, если подобное, состоящее из одних инстинктов существо способно планировать. — Зная, что за ложь будешь вечно томиться в аду?

— Клянусь, босс.

— Ты очень любишь Его, верно?

— Очень, босс.

— Больше, чем группу? Больше, чем хорошую драку и свое дело? —

Пауза. — Больше, чем меня?

На такие вопросы нужно отвечать осторожно, хорошенько подумав, если жизнь дорога. К счастью, они не так и сложны.

— Нет, босс.

— Телепатия прошла, Фредди?

— Было что-то, сам не пойму, телепатия ли это... голоса в голове...

Курц кивнул. Красно-золотые языки, точного оттенка грибка Рипли, заплясали на крыше коровника.

— ...но все кончилось.

— А остальные в группе?

— «Империзэл Вэлли»? — уточнил Фредди, кивая в сторону «виннебаго».

— А то кто же? Пожарная команда? Конечно, они.

— Все чистые, босс. Никто не заразился.

— Прекрасно, конечно, то есть не очень. Фредди, нам нужна парочка больных. И когда я говорю «нам», имею в виду тебя и меня. Мне необходимы американцы, кишащие этим дерьмом, ясно?

— Так точно.

Фредди, разумеется, ничего не понял, но пока это и не важно. Он ощущал, как Курц овладевает ситуацией прямо у него на глазах, овладевает ситуацией, и это уже счастье. Курц объяснит Фредди все, что ему положено знать.

Фредди опасливо оглянулся на пылающий магазин, пылающий коровник, пылающую кухню. Ситуация — хуже некуда.

А может, и нет. Теперь, когда Курц все берет на себя.

— Во всем виновата чертова телепатия, — размышлял вслух Курц, —

но толчок к этой истории дала не телепатия. Обычная человеческая подлость, хвала Иисусу. Кто предал Иисуса, Фредди? Кто отметил его поцелуем предателя?

Фредди читал Библию в основном потому, что это был подарок Курца.

— Иуда Искарот, босс.

Курц быстро закивал. Глаза его постоянно бегали, оценивая степень разрушений, вычисляя возможность ответных действий, сильно затрудненных ураганом.

— Верно, дружище. Иуда предал Иисуса, а Оуэн Андерхилл предал нас. Иуда получил тридцать сребреников. Не слишком большая плата, как по-твоему?

— Не слишком, босс, — согласился Фредди, полуотвернувшись от Курца, потому что в этот момент в столовой что-то взорвалось. Стальные пальцы сжали его плечо и повернули обратно. Глаза Курца, широко раскрытые и горящие, в обрамлении белых, как у привидения, ресниц, впились в него.

— Смотри на меня, когда я с тобой говорю, — сказал он. — И слушай, когда к тебе обращаются. — Рука Курца легла на девятимиллиметровик. — Иначе я вышибу тебе мозги. Ночь и без того выдалась нелегкой, и нечего злить меня, пес ты этакий! Понял?

Джонсона нельзя было упрекнуть в трусости, но сейчас в желудке что-то перевернулось и поползло к глотке.

— Да, босс, простите.

— Так и быть. Господь любит и прощает, и нам велел. Не знаю, сколько сребреников досталось Оуэну, но вот что скажу: мы должны схватить его, раздвинуть ягодицы и проделать нашему мальчику новехонькую дырку, раз в пять побольше прежней! Ты со мной?

— Да, босс. — Самым горячим желанием Фредди в эту минуту было найти типа, перевернувшего его упорядоченный мир с ног на голову, и оттрахать во все дырки. — Как, по-вашему, босс, насколько увяз во всем этом Оуэн?

— По мне, так достаточно, — безмятежно произнес Курц. — Мне кажется, Фредди, я иду ко дну...

— Нет, босс.

— ...но уйду не один.

Все еще обнимая Фредди за плечи, Курц повел нового заместителя к «виннебаго». Низкие умирающие столбы огня отмечали места горевших генераторов. Подумать только, что все это натворил Андерхилл, один из парней Курца. Немыслимо! Но Фредди, хоть и не до конца поверил

ужасной новости, все же постепенно начинал накаляться.

Сколько сребреников, Оуэн? Сколько, проклятый изменник?

Курц остановился у подножия ступенек.

— Даю задание найти и уничтожить. Кого ты поставил бы во главе группы?

— Галлахер, босс.

— Кейт?

— Верно.

— Она каннибал, Фредди? Командир такой группы должен быть каннибалом. Сам знаешь, миссия...

— Съест живьем и не поперхнется, босс.

— О'кей, — кивнул Курц. — Работенка грязная. Мне нужны два носителя Рипли, лучше парни из Блю-Бой. Остальных... как животных, Фредди. Еще раз: на «Империял Вэлли» возложена задача найти и уничтожить. Галлахер и остальным предстоит выследить и пристрелить всех, кого возможно. Как солдат, так и штатских. Срок — до двенадцати ноль-ноль завтрашнего дня. После этого каждый сам за себя. Кроме нас, Фредди.

Огонь окрасил лицо Курца байрумом, превратил глаза в глазки хорька.

— Нам придется затравить Оуэна Андерхилла и научить его любить Господа.

Курц взлетел на ступеньки «виннебаго», ловкий, как горный козел, несмотря на утоптаный скользкий снег. Фредди Джонсон поднялся следом.

13

«Сноу кэт» скатился по насыпи к Суонни-понд-роуд с такой скоростью, что Генри замутило. Вездеход развернулся и устремился на юг. Оуэн вел машину, не сводя глаз с дороги. «Кэт» упрямо пробивался вперед. Генри прикинул, что пока они идут на первой скорости, тридцать пять миль в час. Конечно, это позволит благополучно уйти от магазина Госслина, но Генри казалось, что Джоунси передвигался куда быстрее.

Шоссе впереди? — спросил Оуэн. Верно?

Да. Милях в четырех.

Нужно поменять машины, когда мы туда доберемся.

Никто не пострадает, если это будет зависеть от нас, разумеется. И никого не убьют.

Генри... не знаю, как объяснить... но это не игрушки.

— Никто не пострадает. И никого не убьют. По крайней мере не тогда, когда будем отбирать машину. Соглашайся или я немедленно открываю дверцу и выкатываюсь отсюда.

Оуэн повернул к нему голову:

— С тебя станется, верно? И пропади пропадом твой друг и все, что он готовит этому миру?

— Мой друг здесь ни при чем. Его похитили.

— Так и быть. Никто не пострадает, когда мы сменим машины. Если это будет зависеть от нас. И никто не погибнет. Кроме, возможно, нас. Куда мы едем?

Дерри.

Он там? Последний уцелевший пришелец?

Думаю, так. В любом случае у меня в Дерри друг, который нам поможет. Он видит линию.

Какую линию?

— Не важно, — сказал Генри и подумал:

Это чересчур сложно.

— Что значит «сложно»? А «нет костяшек, нет игры»?

Объясню по дороге. Если смогу.

«Сноу кэт» катился к автостраде, разделяющей штаты, стальная капсула, в желтых лучах и снежной завесе.

— Повтори еще раз, что мы должны сделать, — потребовал Оуэн.

— Спасти мир.

— И скажи, кем мы при этом станем... мне нужно слышать.

— Героями, — сказал Генри и, откинув голову на спинку, закрыл глаза. Мгновение спустя он уже спал.

ЧАСТЬ 3. КУЭБИН

*По лестнице вверх я однажды шагал
И вдруг, кого не было там, повстречал,
Назавтра опять не пришлось нам встречаться.
Когда ж перестанет он мне не являться?*

Хьюз Мирно

Глава 18. ПОГОНЯ НАЧИНАЕТСЯ

1

Джоунси так и не понял, сколько было времени, когда из снежной круговерти выплыла зеленая вывеска «Дайзерт» — часы на приборной доске «рэма» давно вышли из строя, непрерывно показывая полночь, — но снег валил по-прежнему и было по-прежнему темно. Снегоочистители на выезде из Дерри терпели поражение в неравной битве с ураганом. Украденный «рэм» был «чертовски хорошим трудягой», как выразился бы папаша Джоунси, но и он тоже стал сдавать, скользя и буксуя в глубоких заносах, с натужным ревом пробираясь сквозь мрак и пургу. Джоунси не знал, куда стремится мистер Грей, и не верил, что он туда доберется. Не в эту бурю, не в таком грузовике.

Радио работало, но не слишком хорошо, громче всего слышался треск статических разрядов. Точное время пока не объявляли, но Джоунси удалось поймать прогноз погоды. К югу от Портленда снег сменился дождем, но от Огасты до Брунсвика осадки в основном представляли гнусную смесь снежной крупы, ледяного ливня и мокрого снега. Многие города и поселки лишились электричества, и всякая езда без цепей на колесах была не только невозможна, но и смертельно опасна.

Джоунси пришел в полный восторг от таких новостей.

2

Когда мистер Грей попытался повернуть грузовик к пандусу, наверху которого маняще сияла зеленая вывеска, «рэм» беспомощно заскользил вбок, разбрызгивая гигантские снежные облака. Джоунси сознавал, что, управляй машиной он, наверняка скатился бы с дороги и засел в канаве, но этого не случилось. Хотя мистер Грей не был защищен от эмоций Джоунси, все же куда меньше поддавался панике в стрессовых ситуациях, и вместо того чтобы слепо бороться с огромной машиной, схватился за руль и позволил грузовику сползать, пока он не затормозил сам собой. А потом снова выравнивал «рэм». Пес, мирно спящий на коврике, даже не проснулся, и пульс Джоунси почти не участился. Будь за рулем он сам, сердце уже

выпрыгивало бы из груди. Но, разумеется, на своем месте он в такую бурю попросту бы поставил машину в гараж и остался дома.

Мистер Грей послушно остановил машину у знака «стоп» на самом верху пандуса, хотя шоссе № 9 в обоих направлениях представляло собой пустыню. Напротив пандуса сверкала огнями дуговых ламп огромная автостоянка, по которой, словно гигантские белые медведи, гуляли снежные смерчи. В обычную ночь здесь было бы яблоку негде упасть, ревели бы моторы, сверкали зеленые и желтые огни фар, то и дело подъезжали грузовики, трейлеры, легковые автомобили, стоял непрерывный гам. Сегодня же здесь почти никого не было, если не считать участка, обозначенного табличкой:

ПЛАТНАЯ ПАРКОВКА. ОБРАЩАЙТЕСЬ К
УПРАВЛЯЮЩЕМУ. ИМЕТЬ ПРИ СЕБЕ КВИТАНЦИЮ.

За изгородью стояло с дюжину трейлеров и рефрижераторов, заметенных снегом. Водители сейчас, должно быть, сидели в «Дайзерт», играли в пинбол, смотрели телевизор в баре или пытались уснуть в убогой общей спальне, где за десять долларов можно получить койку, чистое одеяло и живописный вид на бетонную стену. И всех терзала одна и та же мысль: Когда я уберусь отсюда? И — во сколько все это мне обойдется?

Мистер Грей осторожно нажал на газ, в соответствии с представлениями Джоунси о зимней езде, все четыре колеса пикапа завертелись, и грузовик сдвинулся с места, вгрызаясь в снег.

Давай! — подбадривал Джоунси со своей позиции у окна. Давай, застрянь по самое некуда! Потому что когда полноприводный грузовик застревает, считай, ты засел всерьез и надолго!

Но тут колеса покатались: сначала передние, там, где вес мотора придавал им немного больше трения, а потом и задние. «Рэм» пересек шоссе № 9 и чуть задержался у таблички с надписью ВХОД. За ней виднелась другая:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ЛУЧШУЮ АВТОСТОЯНКУ В
НОВОЙ АНГЛИИ.

Огни фар тут же осветили третью, полузаметенную снегом, по вполне читаемую:

ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ЛУЧШУЮ

АВТОСТОЯНКУ В МИРЕ.

Это в самом деле лучшая автостоянка в мире? — поинтересовался мистер Грей.

Разумеется, заверил Джоунси и, не в силах сдержаться, захохотал.

Почему ты это сделал? Почему издаешь такие звуки?

Тут Джоунси осознал кое-что, ужасающее и одновременно трогательное: мистер Грей улыбался его губами! Не широко, едва-едва, но это была улыбка!

Он не знает, что такое смех, подумал Джоунси. Конечно, ему и гнев неведом, но учится он на удивление быстро, во всяком случае, истерики закатывает по всем правилам.

Твои слова показались мне забавными.

Что такое «забавное»?

Джоунси замялся, не представляя, как отвечать на подобный вопрос. Он хотел, чтобы мистер Грей испытал весь спектр человеческих эмоций. Похоже, он сумеет выжить, только очеловечив своего узурпатора, похитившего и захватившего его тело и большую часть сознания. Недаром Пого сказал как-то: «Мы встретились с врагом, и враг — это мы». Но как объяснить значение слова «забавно» пригоршне спор из другого мира? И что тут смешного, если владельцы «Дайзерта» провозгласили свою стоянку лучшей на земле?

Теперь они проезжали мимо очередной таблички, со стрелками, показывающими вправо и влево. Под левой было написано БОЛЬШЕГРУЗНЫЕ, под правой — МАЛЫЕ.

Куда? — осведомился мистер Грей, останавливаясь у таблички.

Джоунси мог бы заставить его самого поискать информацию, но какой смысл?

Мы «малые», коротко бросил он, и мистер Грей повернул «рэм» направо. Колеса забуксовали, грузовик тряхнуло. Лэд поднял голову, в очередной раз громко выпустил благоухающие эфиром газы и жалобно взвыл. Брюхо пса раздулось и отвисло: всякий посторонний мог бы посчитать его сукой, готовой вот-вот оцениться.

На стоянке отдыхали десятка два машин и пикапов. Утонувшие в снегу едва не по крыши наверняка принадлежали обслуживающему персоналу: механикам (здесь всегда дежурило не меньше двух), официанткам, поварам. Джоунси с живейшим интересом отметил, что самой чистой была светло-голубая патрульная машина с небольшим сугробиком вокруг проблескового маячка. Нарваться на арест? Это, несомненно, положит конец планам мистера Грея;

с другой стороны, он уже был свидетелем трех убийств, если считать водителя пикапа. Правда, свидетелей первых двух не найдется, как, возможно, и отпечатков Гэри Джоунса, но здесь? Полным-полно. Он представил себя стоящим в зале суда. «Видите ли, судья, все убийства совершил тот инопланетянин, что пробрался в меня. Мистер Грей».

Еще одна шутка, которую мистер Грей вряд ли оценит.

Достойный мистер Грей тем временем снова обшаривал его сознание.

Пердайзерт, начал он. Почему вы называете это место «Пердайзерт», когда на табличке написано «Дайзерт»?

Это Ламар придумал, объяснил Джоунси, вспоминая долгие веселые завтраки в придорожном ресторанчике, по пути в «Дыру в стене» или оттуда. Тоже часть традиции... И мой па тоже так его называл.

Это забавно?

Не слишком. Довольно грубая шутка.

Мистер Грей остановился в самом близком к освещенному острову ресторана ряду, как можно дальше от полицейской машины. Джоунси так и не сообразил, понимает ли мистер Грей значение проблескового маячка или нет. Он выключил фары, потянулся к ключу зажигания, но замер и издал несколько резких, похожих на лай звуков:

— Ха! Ха! Ха!

Ну как вам? Нравится? — с нескрываемым любопытством спросил Джоунси. И с некоторым опасением тоже.

— Никак, — сказал мистер Грей, выключая зажигание. Но продолжая сидеть в темноте, прислушиваясь к вою ветра за стеклами кабины, он снова попробовал, на этот раз чуть увереннее: — Ха, ха, ха, ха!

В своем офисе-убежище Джоунси вздрогнул. Жуткий звук. Словно привидение пытается обернуться человеком.

Лэду смех тоже не понравился. Он снова взвизгнул, испуганно глядя на мужчину за рулем хозяйского грузовика.

Оуэн тряс Генри, пытаясь разбудить, и Генри неохотно открыл глаза, уверенный в том, что проспал не больше пяти минут. К конечностям словно гири привязали.

— Генри!

— Я здесь.

Левая нога чешется, и во рту тоже, проклятый байрум обметал губы.

Генри стер его, с удивлением отмечая, как легко отрывается грибок. Отлетает, как шелуха.

— Слушай. И смотри. Можешь?

Генри поглядел на призрачно-белую дорогу. Оуэн остановил «сноу кэт» у обочины и выключил фары. Где-то впереди, в темноте звучали голоса... что-то вроде лагеря. Генри обшарил их сознание. Четверо: молодые люди, рядовые...

Блю-группа, прошептал Оуэн. Мы наткнулись на Блю-группу.

Четверка молодых людей, рядовые Блю-группы. Старавшиеся не показать, как испуганы... пытавшиеся выглядеть крутыми... голоса во тьме... небольшой походный огонек голосов в темноте...

Генри обнаружил, что способен все рассмотреть, хотя и смутно, из-за снега, конечно: желтые вспышки освещали поворот на шоссе. На приборной панели лежала картонка из-под пиццы, превращенная в поднос, на котором валялись несколько кусков сыра, крекеры и швейцарский армейский нож. Нож принадлежал одному из парней по имени Смитти, и все по очереди нарезали им сыр. Чем дольше Генри вглядывался, тем лучше видел, но более того, он проникал в головокружительные глубины, словно физический мир отныне стал не трех-, а четырех- или пятимерным. И легко понять почему: он видел не одной, а четырьмя парами глаз одновременно. Они жались друг к другу в кабине...

— «Хамей»! — восторженно воскликнул Оуэн. — Охуительный «хамей»! Повышенной проходимости! Прoberется где угодно и когда угодно! То, что надо!

Молодые люди сидели достаточно близко друг к другу, но все же в четырех разных местах, глядя на мир с четырех разных точек, и были наделены зрением разной остроты — от почти орлиного (Дейна из Мейбрука, штат Нью-Йорк) до совсем обычного, довольно среднего. Однако мозг Генри каким-то образом подвергал их обработке, оценивал всех одновременно, словно переводил застывшие на бобине пленки множественные образы в живые картины. Но не как в кино: не какое-то ненадежное трехмерное изображение, нет, совершенно новый способ видения, того рода, что может стать толчком к совершенно новому способу мышления.

Если это дерьмо распространится еще дальше, подумал Генри, испуганный и безумно возбужденный, если оно распространится...

Локоть Оуэна вонзился ему в бедро.

— Может, оставишь лекцию до более подходящего случая? — посоветовал он. — Лучше посмотри туда, на ту сторону шоссе.

Генри автоматически перевел взгляд в указанном направлении, наслаждаясь своим уникальным счетверенным зрением, и запоздало сообразил, что не просто посмотрел, а одновременно подключил глаза всей четверки, чтобы лучше всмотреться в дальний конец дороги. Там тоже мигали огоньки.

— Контрольно-пропускной пункт, — пробормотал Оуэн. — Петля старого Курца. Одна из его страховочных штук. Оба въезда на шоссе заблокированы, проезд только по пропускам. Мне нужен «хамви», в такой ураган лучшей машины не найти, но не хочу всполошить парней на той стороне. Можем мы это сделать?

Генри снова поэкспериментировал с глазами молодых людей, подвигал глазными яблоками и обнаружил, что, если они не смотрят на один и тот же предмет, ощущение богоподобного четырех-пятимерного зрения испарялось, оставляя его с тошнотворной, распавшейся перспективой, где ментальные процессоры не действовали. Но он двигал их глазными яблоками. Только ими, но...

Думаю, сумеем, если станем действовать вместе, ответил Генри. Подбирайся ближе. И перестань разговаривать вслух. Держи мысленную связь.

Голова Генри неожиданно наполнилась новым содержимым. Зрение снова прояснилось, но перспектива на этот раз не была такой многоплановой. Только две пары глаз вместо четырех: его и Оуэна.

Оуэн включил вездеход на первую скорость и стал пробираться вперед с погашенными фарами. Низкий рокот двигателя терялся за непрерывным визгом ветра. По мере того как они сокращали расстояние, Генри усиливал контроль над сознанием сидящих в «хамви».

Мать твою, сказал Оуэн, полусмеясь, полузадыхаясь.

Ты о чем?

О тебе, старина: не поверишь, все равно что оказаться на ковресамолете. Иисусе, ну и силен ты!

Думаешь? погоди, что запоешь, когда встретишь Джоунси!

Оуэн остановил «сноу кэт» у подножия низкого холма. За ним было шоссе, а еще — Берни, Дейна, Томми и Смитти, сидевшие в «хамви» на самом верху южного пандуса и пожиравшие сыр и крекеры с импровизированного подноса. Они с Оуэном в полной безопасности. Четверка молодых людей, не зараженная байрумом, понятия не имела, что за ними наблюдают.

Готов? — спросил Генри.

Кажется.

Вторая личность в голове Генри, казавшаяся спокойной, как удав, когда Курц со своими приспешниками палили по ним, теперь нервничала.

Бери командование на себя, Генри. Я всего лишь исполнитель.

Начинаем.

Все последующее Генри проделывал инстинктивно, связав четверку в «хамви» воедино, не образами смерти и разрушения, но воплотившись в Курца. Для этого он беззастенчиво воспользовался не только энергией Оуэна Андерхилла, в этот момент куда более сильной, чем у него самого, но и его глубоким знанием устава и обязанностей командира. Само это действие доставило ему невыразимое удовлетворение. Впрочем, и облегчение тоже. Одно дело — двигать их глазами, и совсем другое — полностью завладеть разумом. А ведь они не поражены байрумом и, следовательно, должны бы обладать иммунитетом к подобным вещам. Слава Богу, что это не так!

За тем пригорком, что к востоку от вас, парни, стоит «сноу кэт», сообщил Курц. Отгоните его на базу. Немедленно — никаких вопросов, замечаний, двигайте сюда и поскорее. По сравнению с вашим теперешним транспортом вам покажется немного тесновато, но, думаю, все поместится, хвала Господу. Шевелите задницами, парни, Господь вас любит.

Генри увидел, как они, один за другим, спрыгивают в снег. Спокойные, потухшие лица, бесстрастные глаза. Он уже хотел вылезти, но заметил, что Оуэн так и не пошевелился. Только губы двигались, складывая слова: «Шевелите задницами. Господь вас любит».

Оуэн! Давай же!

Андерхилл растерянно огляделся, кивнул и выскочил наружу.

4

Генри споткнулся, упал на колени, поднялся и настороженно всмотрелся в струящуюся тьму. Осталось немного, Бог знает, совсем немного, но он не сумеет одолеть и двадцати футов этих заносов, не говоря уже о полутораста. Все вперед и вперед эггмен идет, подумал он и сделал это. Вымотался до предела и попал в ад. Эггмен в а...

Рука Оуэна подхватила его... нет, не только рука. Он питал Генри своей силой.

Спасибо те...

Позже будешь благодарить. И спать тоже. А пока не спускай глаз с

компании.

Но компании не было. Были только Берни, Дейна, Томми и Смитти, бредущие сквозь снег: цепочка молчаливых лунатиков в комбинезонах и куртках с капюшонами. Они направлялись на восток, к Суонни-понд-роуд, к «сноу кэт». Оуэну и Генри было не по пути с ними. Эти стремились на запад, к брошенному «хамви». Сыр и крекеры тоже остались на приборной доске, и осознав это, Генри плотоядно облизнулся.

«Хамви» стоял прямо по курсу. Они уведут его, не включая фар, на первой скорости, тихо-тихо, обойдя желтые вспышки на противоположной стороне, и если повезет, парни, охраняющие второй съезд, даже ухом не поведут.

Если они нас заметят, сумеешь заставить их забыть? Устроить... ну не знаю... амнезию, что ли? — спросил Оуэн.

Генри почти не сомневался, что сможет.

Оуэн?

Что?

Если мы выкрутимся, это изменит все. Все.

Пауза. Оуэн обдумывал сказанное. Генри говорил не о знании, обычной разменной монете боссов Курца в иерархии сильных мира сего. Он имел в виду способности человеческого разума, далеко превосходящие какое-то жалкое чтение мыслей.

Знаю, ответил он наконец.

5

Они уселись в «хамви» и направились на юг. На юг, в снег и буран. Генри Девлин еще жевал крекеры и сыр, когда усталость погасила огни в его перевозбужденном сознании.

Он так и заснул с крошками на губах.

И видел во сне Джози Ринкенхауэр.

6

Через полчаса после начала пожара от коровника старого Реджи Госслина осталось только круглое тлеющее пятно, этакий глаз подышающего дракона в черной глазнице талого снега. Из леса к востоку от Суонни-понд-роуд доносилось та-та-та винтовочных выстрелов, сначала

частое, потом реже и тише: это группа «Империзл Вэлли» (отныне «Империзл Вэлли» под командованием Кейт Галлахер) отстреливала беглецов. Настоящая стрельба по тарелочкам, в которой не многим «тарелочкам» удастся уцелеть. Конечно, счастливчики не преминут поведать всю печальную историю возмущенному обществу, и кто знает, что ждет нынешних храбрых охотников, но об этом еще будет время тревожиться. Завтра.

А пока разворачивалось действие, изменник Оуэн Андерхилл уходил все дальше и дальше, а Курц и Фредди Джонсон находились на командном посту (теперь, по мнению Джонсона, снова ставшем обыкновенным «виннебаго»: ощущение собственного всемогущества и значимости куда-то ушло), кидая игральные карты в кепку.

Лишившийся телепатических свойств, но по-прежнему тонко чувствующий настроения подчиненных — то, что теперь количество подчиненных свелось к одному, значения не имело, — Курц взглянул на Фредди:

— Поспешай не торопясь, дружище, эта мудрость еще никого не подводила.

— Да, босс, — ответил Фредди без особого энтузиазма.

Курц подбросил двойку пик. Она вспорхнула в воздухе и опустилась в кепку. Курц, замурлыкав от удовольствия, приготовился выщелкнуть вторую. В дверь постучали. Фредди повернулся было к выходу, но наткнулся на грозный взгляд Курца. Фредди снова направил все внимание на карту. Эта вроде летела ровно, но опустилась на козырек кепки. Курц что-то пробормотал себе под нос и кивнул на дверь. Фредди, с мысленной благодарственной молитвой, пошел открывать.

На верхней ступеньке стояла Джослин Макэвой, одна из двух женщин в «Империзл Вэлли». Мягкий деревенский выговор выдавал в ней уроженку Теннесси, зато лицо под шапкой коротко стриженных светлых волос было словно высечено из камня. Она картинно держала за ремень неуставной израильский автомат. Фредди завистливо вздохнул, гадая, где она достала такую штуку, но решил, что это не важно. За последние час-полтора многое потеряло всякое значение.

— Джос! — воскликнул Фредди. — Что ты здесь делаешь, нехорошая девочка?

— Доставила двух Рипли-положительных, как приказано.

Из леса снова донеслась стрельба, и Фредди заметил, как женщина скосила глаза в том направлении. Ей хотелось поскорее покончить с поручением и вернуться туда, в лес, настрелять полный ягдташ, прежде чем

игра закончится. Фредди прекрасно понимал ее чувства.

— Давай их сюда, девушка, — велел Курц. Он все еще возвышался над брошенной на пол кепкой (на полу кое-где виднелись еще пятна крови Мелроуза, третьего помощника повара), держа в руках колоду карт, но глаза уже хищно сверкали. — Посмотрим, кого ты отыскала.

Джослин взмахнула автоматом. Мужской голос у подножия ступенек проворчал:

— Шевелитесь, мать вашу. И не заставляйте меня повторять дважды.

Первый пленник оказался высоким и очень черным. На щеке и шее краснели порезы, забитые Рипли. Целые заросли прятались в надбровьях. Фредди лицо было знакомо, но вот имя... Старик, разумеется, знал то и другое. Фредди полагал, что он помнил имена всех, кем командовал. Живых и мертвых.

— Кембри! — воскликнул Курц, еще ярче блеснув глазами, и, бросив карты в кепку, приблизился к Кембри, протянул было руку, но передумал и вместо этого отдал честь. Джин Кембри не ответил. Он выглядел потерянным и мрачным. — Добро пожаловать в Американскую Лигу Правосудия.

— Застали его бегущим в лес вместе с задержанными, которых ему приказали охранять, — доложила Джослин Макэвой. Лицо оставалось бесстрастным, но голос звенел презрением.

— И что же? — спросил Кембри. — Вы все равно собирались меня убить. Всех нас. И не трудитесь лгать. Я читаю ваши мысли.

Но Курц, ни в малейшей степени не смутившись, потер руки и дружелюбно уставился на Кембри.

— Выполнишь работу на совесть, может, я и передумаю, дружище. Сердца предназначены для того, чтобы их разбивать, а разум — чтобы изменять поспешные решения, хвала Господу. Кого еще ты привела, Джос?

Фредди рассматривал спотыкающуюся фигуру с изумлением. И с удовольствием. По его скромному мнению Рипли не мог найти лучшего объекта. С самого начала никто терпеть не мог сукина сына.

— Сэр... босс, не понимаю, почему я здесь... я преследовал заключенных, согласно приказу, когда эта... эта... простите за грубость, эта упертая сука потащила меня сюда...

— Он бежал вместе с ними, — скучающе пояснила Макэвой, — и к тому же заражен по самое некуда.

— Ложь! — возмущился человек в дверях. — Абсолютная ложь! Я совершенно чист. На сто процентов...

Макэвой небрежно сбросила кепку с головы пленника. Редеющие

светлые волосы стали куда гуще и были словно окрашены красным.

— Я могу все объяснить, сэр, — замирающим голосом прошептал Арчи Перлмуттер. — Видите ли... я...

Похоже, способность говорить окончательно его покинула. При виде Арчи Курц просиял, но поспешно нацепил маску, и это придало отеческой улыбке несколько зловещее выражение маньяка, подманивающего малыша пирожком.

— Перли, все будет в порядке, — сказал он и обратился к Макэвой: — Принесите солдату его планшетку, Макэвой. Уверен, что он сразу почувствует себя лучше, когда получит свою планшетку. Потом можете продолжать охоту, к которой вам, похоже, не терпится приступить.

— Да, босс.

— Но сначала... посмотрите это... небольшой фокус, которому я научился в Канзасе.

Курц взял колоду, ловко растянул длинную линию карт, снова собрал, подбросил в воздух, и обезумевший ветер, ворвавшись в дверь, разнес карты в разные стороны. Только одна упала в кепку мастью вверх. Туз пик.

7

Мистер Грей взял меню, проглядел названия блюд: колбасный хлеб, тушеные овощи, жареный цыпленок, торт с шоколадной глазурью — и недоуменно поднял глаза. Джоунси понял, что мистеру Грею не только неизвестно, каковы блюда на вкус, — он вообще не знает, что такое вкус. Да и откуда? Если смотреть в корень, он не что иное, как гриб с высоким «ай кью».

Появилась официантка, гордо неся огромную копну пепельно-светлых волос. Бейдж на довольно внушительной груди гласил:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В «ДАЙЗЕРТ». Я ВАША
ОФИЦИАНТКА ДАРЛИН.

— Привет, милоч, что подать?

— Яичницу с беконом. Поджаристую.

— Тост?

— Как насчет лопадий?

Официантка подняла брови и уставилась на клиента поверх блокнота. Совсем рядом, за стойкой, сидел патрульный, уминая аппетитный сэндвич

и болтая с поваром.

— Простите... я хотел сказать «поладий».

Брови взметнулись еще выше. Естественный вопрос пропечатался на переднем крае мозга красными неоновыми буквами, как вывеска в окне салуна:

У малого каша во рту или он издевается?

Улыбающийся Джоунси, по-прежнему стоявший в окне офиса, наконец смиростивился.

— Оладьи, — с облегчением выговорил мистер Грей.

— Угу. Я вроде так и поняла. Кофе?

— Пожалуйста.

Она захлопнула блокнот и отвернулась. Мистер Грей немедленно метнулся к двери офиса, кипя бешенством. Как ты мог? — прошипел он.

Как ты сумел сотворить такое прямо отсюда?!

Последовал злобный удар в дверь. Джоунси понял, что мистер Грей не просто сердит. Напуган, до смерти напуган. Потому что, если Джоунси способен на подобное вмешательство, миссия мистера Грея под угрозой.

Не знаю, честно признался Джоунси. Но не принимай близко к сердцу. Наслаждайся едой. Я просто немного пошутил. Разыграл тебя. Не обижайся.

Зачем? — взорвался он. Все еще в ярости. Все еще черпает из колодца эмоций Джоунси и против воли упивается этим. Зачем ты это выкинул?

Считай это мстью за то, что пытался поджарить меня во сне, усмехнулся Джоунси.

Поскольку посетителей в этот час было раз-два и обчелся, Дарлин почти мгновенно вернулась с заказом. Джоунси уже хотел было проверить, не сможет ли завладеть ртом мистера Грея, чтобы выдать что-нибудь возмутительное (например, «Дарлин, не позволишь дернуть тебя за волосы?»), но счел за лучшее не экспериментировать.

Дарлин поставила на стол тарелку, окинула полным сомнения взглядом и отошла. Мистер Грей, глядя глазами Джоунси на ярко-желтые глазки яиц и темные рогульки бекона (не поджаристые, а почти сожженные в лучших традициях «Дайзерта»), испытывал такое же сомнение.

Давайте! — подбодрил Джоунси, глядя в окно с радостным любопытством. А вдруг яичница с беконом прикончит мистера Грея? Возможно, нет, но гнусный долбоеб, нагло захвативший его, по крайней мере заработает несварение желудка, а вдруг и кое-что похуже.

Ну же, мистер Грей, ешьте. Приятного аппетита, так его и разэтак.

Мистер Грей сверился с файлами Джоунси на предмет обращения со столовыми приборами, нацепил на вилку крохотный кусочек белка и поднес ко рту Джоунси.

То, что за этим последовало, оказалось и поразительным, и невероятным. Мистер Грей давился от жадности и едва успевал обмакивать оладьи в искусственный кленовый сироп. Ему понравилось все, особенно бекон.

Плоть! — слышал Джоунси его ликование, почти как голос создания в ужасниках тридцатых. Плоть! Плоть! Это вкус плоти!

Смешно... а может, и не очень. Скорее ужасно. Вопль только что родившегося вампира.

Мистер Грей огляделся, уверился, что за ним не следят (патрульный вгрызлся в кусок вишневого пирога), поднял тарелку и слизал жир быстрыми взмахами языка Джоунси. И сунул в рот липкие от сиропа пальцы.

Вернувшаяся Дарлин налила ему кофе, заметила пустые тарелки.

— Неплохое начало, — усмехнулась она. — Медаль за скорость. Что-нибудь еще?

— Бекон, — выдохнул мистер Грей, вновь справился с файлами Джоунси, чтобы не попасть впросак, и добавил: — Двойную порцию.

Чтоб тебе подавиться, без особой надежды подумал Джоунси.

— Нужно же подбросить дровишек в печку, — посочувствовала Дарлин (замечание, которого мистер Грей не понял и не потрудился проверить в файлах Джоунси).

Он высыпал в кофе два пакетика сахара, снова огляделся, опасаясь, что за ним наблюдают, наспех проглотил содержимое третьего пакетика и зажмурился от блаженства, как сытый кот.

Ты можешь получить сколько угодно и в любое время, сообщил Джоунси из-под двери. Пожалуй, теперь он знал, что испытывал сатана, когда привел Иисуса на вершину горы и искушал, обещая отдать во владение все города на свете. Ничего тут не было — ни плохого, ни хорошего. И ничего личного: дьявол всего-навсего честно выполнял работу. Пытался продать товар.

Если не считать... да нет, это действительно здорово, потому что он все-таки сумел достать мистера Грея. Пробраться в его сознание. Конечно, особых ран не нанес, но довольно чувствительно уколол. Заставил источать крохотные кровавые капельки желания. Исходить слюной.

Сдавайся, уговаривал Джоунси. Брось все это. Ассимилируйся. Можешь провести много лет, пользуясь моими чувствами. Они еще

достаточно свежи: мне и сорока нет.

Мистер Грей, не отвечая и видя, что никто не обращает на него внимания, вылил в кофе искусственный кленовый сироп, выхлебал и посмотрел в сторону кухни в ожидании второй порции бекона. Джоунси вздохнул. Безнадёжно. Все равно что оказаться в обществе правоверного мусульманина, неожиданно попавшего в Лас-Вегас.

В дальнем конце ресторана изгибалась арка с надписью:

НОЧЛЕГ ДЛЯ ВОДИТЕЛЕЙ. ДУШ.

В коротком коридоре висел ряд телефонов-автоматов, около которых стояли водители, вероятно, объясняя женам и боссам, почему не могут прибыть вовремя, их застал ураган в Мэне, они в «Дайзерте» (более известном завсегдатаям, как «Пердайзерт», подумал Джоунси), к югу от Дерри, и останутся здесь до следующего полудня, если не дольше.

Джоунси отвернулся от окна и уставился на стол, заваленный старым, почти родным хламом. Вот и его телефон, синий «тримлайн». А что, если позвонить Генри? Жив ли он? Джоунси отчего-то думал, что да, в противном случае он бы ощутил миг его умирания... в комнате скопилось бы куда больше теней...

«Элвис покинул жилище, — как говорил Бивер, замечая на странице некрологов знакомое имя. — Что за гребаная штука жизнь!» Вряд ли Генри успел покинуть свое жилище. Вполне возможно, что он еще выступит на «бис»

Мистер Грей не подавился второй порцией бекона, благополучно проглотив все до крошки, но когда низ живота сжало красноречивой коликой, испустил злобный рев:

Ты отравил меня!

Расслабьтесь, сказал Джоунси. Вам нужно просто освободить место, друг мой, только и всего.

Место? Что ты...

Он осекся, скорчившись от очередной колики.

Думаю, вам лучше поспешить в комнату для маленьких мальчиков, пояснил Джоунси. Господи, после всех этих похищений в шестидесятых вам вроде бы следовало лучше разбираться в анатомии человека! Неужели

так ничему и не научились?

Дарлин оставила чек, и мистер Грей поднес его к глазам. Оставьте пятнадцать процентов от основной суммы, велел Джоунси. На чай.

Сколько это, пятнадцать процентов?

Джоунси вздохнул. Так это и есть повелители вселенной? Те самые, Великие и Ужасные? Которых так прославляли все космические эпопеи? Беспощадные покорители звезд, не умеющие ни на унитаз сесть, ни чаевые посчитать?!

Живот опять свело, да так, что мистер Грей бесшумно пукнул. Воняет, конечно, но не эфиром. Благодарение Богу за малые милости, подумал Джоунси и велел мистеру Грею:

Покажите чек.

Мистер Грей прижал к стеклу зеленый листочек.

Оставьте ей полтора бакса.

И когда мистер Грей нерешительно нахмурился, добавил:

Я даю вам хороший совет. Дадите больше, она запомнит вас как мота. Меньше — посчитает вас скупердям.

Он почувствовал, как мистер Грей проверяет значение слова «скупердьяй» в его файлах. Сообразив что-то, он молча положил на стол доллар и два четвертака и с облегченным вздохом направился к кассе, за которой находился мужской туалет.

Коп, с несколько подозрительной, по мнению Джоунси, медлительностью все еще жевал свой пирог, и, проходя мимо, Джоунси ощутил, как сущность мистера Грея (все больше очеловечивающаяся) растворяется, проникает в голову копа, принимается ее обшаривать. И теперь различными системами жизнеобеспечения Джоунси не управляет ничего, кроме красно-черного облака.

Джоунси молниеносно схватил со стола телефон и на миг усомнился, не зная, правильно ли поступает.

Просто набери 1-800-ГЕНРИ, подумал он.

Последовала короткая пауза, и где-то в ином мире раздались звонки.

— Идея Пита, — пробормотал Генри.

Оуэн, сидевший за рулем «хамви» (огромного, шумного, но оборудованного гигантскими шинами и летевшего сквозь бурю, как на крыльях), повернул голову. Генри спал. Очки сползли на кончик носа. По

векам, опущенным байрумом, пробегала легкая рябь каждый раз, когда под ними двигались глазные яблоки. Генри видел сон. Интересно, о чем?

Наверное, Оуэн сумел бы пробраться в голову нового товарища и узнать, в чем дело, но почему-то не посмел. Не слишком это порядочно.

— Идея Пита, — повторил Генри. — Пит увидел ее первым.

Он вздохнул так печально и устало, что Оуэну стало не по себе. Нет, он не хочет принимать никакого участия в том, что творится в мыслях Генри. До Дерри еще целый час или больше, если ветер не стихнет. Пусть немного поспит.

10

Позади здания школы раскинулось футбольное поле, где некогда выкобенивался Ричи Гренадо, демонстрируя свое мастерство, но Ричи вот уже пять лет как покоится в геройской могиле, еще одно ДТП маленького городка, в духе Джеймса Дина. Его сменяли другие герои, получали свою долю лавров, выросли и исчезали. Но до футбольного сезона еще далеко, и поле усеяно чем-то вроде огромных красных птиц с черными головами. Эти вороны-мутанты, сидящие на складных стульях, смеясь, перекаркиваются о чем-то между собой, но мистер Трек, директор, возвышающийся на импровизированной трибуне, с микрофоном в руке, без труда их перекрикивает.

— Последнее сообщение, прежде чем я распушу вас! — гремит он. — Не буду твердить вам о необходимости собрать академические шапочки в конце церемонии, поскольку по многолетнему опыту знаю, что с таким же успехом мог бы обращаться к стенке...

Смех, аплодисменты, крики «ура».

— Но предупреждаю, НЕМЕДЛЕННО СЛОЖИТЕ ИХ И УБЕРИТЕ НА МЕСТО, ИНАЧЕ БУДЕТЕ ПЛАТИТЬ ЗА КАЖДУЮ ПОТЕРЯННУЮ!

Свистки и непристойные звуки, из которых самый громкий издает Бивер Кларендон.

Мистер Трек в последний раз оглядывает аудиторию.

— Юные леди и джентльмены выпуска восемьдесят второго, думаю, что имею право сказать от имени преподавательского состава, что горжусь вами. На этом репетиция окончена, так что...

Последние слова тонут в общем реве, не помогают никакие динамики; красные вороны поднимаются в жестком шорохе нейлона и разлетаются. Завтра они разлетятся навсегда, хотя три вороны, смеясь и топая к стоянке,

где Генри оставил машину, еще не осознали этого. Не поняли, что детским годам через несколько часов придет конец. До них пока не дошло... и, может, это к лучшему.

Джоунси хватает шапочку Генри, небрежно напяливает поверх своей и бежит к автостоянке.

— Эй, кретин, отдай! — вопит Генри, цапнув шапочку с головы Бивера.

Тот возмущенно кудахчет и, смеясь, мчится за Генри. Все трое резвятся, забыв обо всем. Красные мантии надуваются, хлопают по джинсам. Джоунси гордо демонстрирует две шапочки: кисточки бьются о виски, вид самый потешный. Шапочка Бивера сползла Генри на уши, закрыв лоб. Длинные черные волосы Бивера развеивает ветер, изо рта торчит неизменная зубочистка.

Джоунси еще находит время дразнить Генри: то и дело оглядываясь на бегу, он подначивает:

— Ну же, мистер Баскетбол, бегаешь, как девчонка. Шевели ходулями!

В один из таких моментов он едва не врывается в Пита, прохладящегося у северного въезда на стоянку и коротающего время за изучением доски объявлений. Пит, всего-навсего перешедший в выпускной класс, хватается за Джоунси, наклоняет, словно даму в танго, и крепко целует в губы. Шапочки слетают с головы Джоунси, и тот визжит от растерянности.

— Педик чертов! — вопит он, лихорадочно растирая рот... и... и тоже смеется.

Все Питовы выходки: иногда лишнего слова не добьешься, настоящий тихоня, а потом возьмет и выкинет какой-нибудь фортель, раздолбай этакий!

— Я так давно мечтал об этом, Гэриелла, — сентиментально вздыхает Пит. — Теперь тебе известны мои истинные чувства.

— Пидор гребаный, если наградил меня сифилисом, я тебя придушу!

Подоспевший Генри подхватывает с травы свою шапочку и лупит ею Джоунси.

— На ней травяные пятна! — возмущается он. — Если мне придется за нее платить, ты от меня дождешься не только поцелуев, Гэриелла!

— Не давай обещаний, которых не сумеешь сдержать, мудака, — огрызается Джоунси.

— Прелестная Гэриелла! — торжественно парирует Генри.

Подбегает запыхавшийся Бив, так и не выплюнувший зубочистку, подбирает шапочку Джоунси, заглядывает внутрь и кричит на всю стоянку:

— Да тут пятно от сгущенки! Кому знать, как не мне, если я каждое

утро нахожу парочку на простынях!

И набрав в грудь воздуха, громко кричит на радость всем удаляющимся с поля выпускникам в красных мантиях:

— Гэри Джоунс дрочит в свою шапочку! Эй, слушайте все! Гэри Джоунс дрочит...

Джоунси вцепляется в него, валит на землю, и оба катаются по асфальту в облаках красного нейлона. Шапочки откатываются в сторону, и Генри поспешно убирает их, чтобы спасти от неминуемой гибели.

— Слезай с меня! — пыхтит Бивер. — Сейчас раздавишь, болван! Член Иисусов! Ради Бога...

— Даддитс знал ее, — говорит Пит, давно потерявший интерес к дурачествам друзей и не разделяющий их веселья.

Настроение у него явно не то (Пит, возможно, единственный из них, кто ощущает приближение великих перемен). Он снова смотрит на доску объявлений.

— И мы тоже. Та, что всегда стояла за воротами Академии Дебилов.

— Привет, Дадди, как дела, — пищит он девчачьим голосом.

Получается довольно мило. Ничуть не издевательски. И хотя имитатор из него неважный, Генри мгновенно узнает оригинал. И вспоминает девочку с пушистыми светлыми волосами, большими карими глазами, вечно ободранными коленками, с белой пластиковой сумочкой, в которой вместе с ленчем лежат БарбиКен. Она всегда называла их так, БарбиКен, словно они были единым целым.

Джоунси и Бив тоже понимают, о ком идет речь, да и Генри кивает. Это все связь между ними, так продолжается уже несколько лет. Между ними — и Даддитсом. Вот имени они ее не помнят, помнят только, что фамилия была невозможно длинной и труднопроизносимой. Кроме того, она втюрилась в Даддитса и вечно поджидала его у Академии Дебилов.

Троица в выпускных мантиях собирается вокруг Пита и изучает доску объявлений.

На ней, как всегда, куча листочков — продажа выпечки, мойка машин, прослушивание кандидатов в местную рок-группу, летние занятия в Фенстере, написанные от руки студенческие объявления: куплю, продам, ищу того, кто подвез бы в Бостон, сниму на паях квартиру в Провиденсе.

И в самом верхнем углу фото улыбающейся девочки с копной светлых волос (теперь уже не пушистых, а мелкозавитых) и широко раскрытыми, чуть недоумевающими глазами. Ее больше нельзя назвать малышкой. Гарри (уже не впервые) потрясен тем, как быстро растут дети (включая его самого), но он узнал бы эти темные растерянные глаза повсюду.

ПРОПАЛА — гласит подпись под снимком, а чуть пониже, более мелким шрифтом, добавлено:

Жозетт Ринкенхауэр. В последний раз девочку видели на поле для игры в софтбол, в Строфорд-парке 7 июня 1982 года.

Дальше идет еще какой-то текст, но Генри не собирается его читать. Вместо этого он думает, какой переполох обычно поднимается в Дерри при одном намеке на исчезновение ребенка. Сегодня восьмое, значит, девчонки нет почти сутки, а фото уже запихнули в угол, как нечто второстепенное. Не имеющее особого значения. И в газете ничего не было, Генри знает это, потому что успел ее прочесть, вернее, просмотреть, пока заглатывал хлопья с молоком.

Может, заметка похоронена в разделе местных новостей, думает он, и тут его осеняет. Ключевое слово «похоронена». В Дерри таким вот образом много чего хоронят.

Взять хоть пропавших детей. За последние годы их немало исчезло, неизвестно куда, и все про них знают, недаром такое приходило мальчикам на ум в тот день, когда они встретили Даддитса Кэвелла, но взрослые предпочитают не говорить об этом вслух. Словно очередной пропавший ребенок — искупительная жертва за право жить в столь мирном чудесном местечке. И при этой мысли Генри охватывает возмущение, мало-помалу вытеснившее его идиотскую радость.

Она тоже была милой... и эти ее БарбиКен... Забавно... Такая же добрая, как Даддитс. Он помнит, как их четверка провожала Даддитса в школу — все эти прогулки — и как часто у ворот переминалась Джози Ринкенхауэр, со своими ободранными коленками и большой пластиковой сумкой:

«Привет, Даддитс».

До чего симпатичная девчонка была.

И есть, думает Генри. Она...

— Она жива, — уверенно подхватывает Бивер, вынимает изо рта изжеванную зубочистку, внимательно осматривает и роняет в траву. — Жива, и где-то в городе. Так ведь?

— Да, — кивает Пит, не отрывая глаз от снимка, и Генри без труда читает его мысли... почти те же, что у него самого: как она выросла. Та самая Джози, которая в иной, более справедливой жизни могла бы стать подружкой Дуга Кэвелла.

— Но думаю... Она... знаете...

— Она в глубоком дерьме, — говорит Джоунси. Он уже успел освободиться от мантии и сейчас тщательно ее складывает.

— Она застряла, — как во сне бормочет Пит, все еще глядя на фото. — В ловушке, только вот...

Его указательный палец ходит взад-вперед, как маятник: тик-так, тик-так, тик-так.

— Где? — шепчет Генри, но Пит качает головой.

Джоунси тоже качает головой вслед за ним.

— Давайте спросим Даддитса, — внезапно говорит Бивер.

И все понимают почему. Потому что Даддитс видит линию. Даддитс...

11

— ...видит линию! — внезапно закричал Генри, вскидываясь и едва не стукаясь головой о потолок кабины «хамви», чем насмерть перепугал Оуэна, который все это время пребывал в некоем надежно защищенном, закрытом со всех сторон уютном местечке, где нет никого, кроме него, бури и бесконечной линии фонарей, единственного доказательства того, что они по-прежнему находятся на шоссе. — Даддитс видит линию!

«Хамви» подпрыгнул, забуксовал, колеса заскользили, но Оуэн в последнюю минуту сумел справиться с машиной.

— О Господи, старик, — выдохнул Оуэн. — Хоть предупреждай, что ли, когда в следующий раз крыша поедет!

Генри потер лицо ладонями, вдохнул и медленно выпустил воздух из легких.

— Я знаю, куда мы направляемся и что будем делать...

— Уже лучше.

— ...но должен сначала рассказать историю, так что ты поймешь.

Оуэн искоса глянул на него.

— А ты? Ты понимаешь?

— Не все, но больше, чем раньше.

— Валяй. До Дерри еще час. Времени хватит?

По мнению Генри, времени было более чем достаточно, особенно если общаться мысленно. Он начал с самого начала... с того, каким, по его разумению, это начало было. Не с нашествия серых, не с байрума, не с хорьков, а с четырех мальчишек, мечтавших увидеть фото королевы бала выпускников с задранной юбкой, только и всего. Ни больше ни меньше.

Оуэн машинально продолжал крутить руль, хотя голова его

наполнилась множеством связанных между собой образов, скорее как во сне, чем в кино.

Даддитс, первая поездка в «Дыру в стене», Бивер, блюющий в снег. Утренние походы в школу, Даддитсова версия игры: они выкладывают карты, а Даддитс вставляет колышки. Как они повезли Даддитса смотреть Санта-Клауса... ну просто полный улет! И как обнаружили фото Джози Ринкенхауэр на доске объявлений накануне выпускного вечера.

Оуэн увидел, как они подъезжают к дому Даддитса на Мейпл-лейн в машине Генри — мантии и шапочки свалены позади, они здороваются с мистером и миссис Кэвелл, сидящими в гостиной с пепельно-бледным мужчиной в комбинезоне с эмблемой газовой компании «Дерри Газ» и плачущей женщиной: Роберта Кэвелл обнимает за плечи Эллен Ринкенхауэр, уверяя, что все будет хорошо: «Господь не допустит, чтобы с дорогой малышкой Джози что-то случилось».

Они в самом деле сильны, восхищенно думает Оуэн. Боже, ну и дают! Как такое может быть?

Кэвеллы почти не обращают внимания на пришедших: все четверо стали почти своими на Мейпл-лейн, а Ринкенхауэры слишком погружены в бездну ужаса, чтобы заметить гостей. Они не прикоснулись к кофе, поданному Робертой. «Он в своей комнате, мальчики», — сообщает Элфи Кэвелл с грустной улыбкой.

Даддитс, занятый оловянными солдатиками (у него их целая армия), вскакивает, едва заведя их на пороге. Даддитс никогда не носит ботинки дома: только шлепанцы в виде забавных кроликов, подарок Генри на день рождения, он любит эти шлепанцы настолько, что будет носить, пока они не превратятся в розовые плюшевые отрепья, подклеенные со всех сторон пластырем. Но сейчас на нем ботинки. Он ждал их, и хотя улыбается так же солнечно, как всегда, глаза его серьезны.

— Уда ем? — спрашивает Даддитс. «Куда идем?»

И...

— Так вы все были такими? — прошептал Оуэн. Правда, Генри уже говорил что-то в этом роде, но до сих пор он не представлял, о чем идет речь. — Еще до этого?

Он касается тонкой полоски байрума на щеке.

— Да. Нет. Не знаю. Помолчи, Оуэн. Лучше слушай.

И сознание Оуэна вновь наполняется образами из восьмидесяти второго.

К тому времени, как они добираются до Строфорд-парка, на часах уже половина пятого, и по софтбольному полю рассыпались девочки в желтых блузках, волосы у всех забраны в хвостики, продетые через резинки бейсболок. У многих пластинки на зубах.

— Батюшки мои, да у них руки не тем концом вставлены, — говорит Пит, и, возможно, так и есть, но веселятся они на полную катушку. В отличие от Генри, у которого в желудке свернулся комок дурного предчувствия. Он даже рад, что Джоунси выглядит точно так же: напуганным и притихшим.

Если у Пита с Бивером воображения — ноль, то на них со стариной Гэриеллой его чересчур много. Для Пита и Бива все это игра, как в киношках и книгах про детективов-вундеркиндов, но для Генри... Не найти Джози Ринкенхауэр — это само по себе ужасно. Но найти ее мертвой...

— Бив, — говорит он.

Бив, увлеченно наблюдающий за девочками, оборачивается к Генри:

— Что тебе?

— Как, по-твоему, она еще жива?

— Я... — Улыбка Бива меркнет, сменяется встревоженным взглядом. — Не знаю, старик. Пит?

Но Пит качает головой.

— Там, в школе, я думал, что жива... черт, ее фото только что не говорило, но теперь... — Он пожимает плечами.

Генри смотрит на Джоунси, но тот тоже пожимает плечами и разводит руками:

— Понятия не имею.

Тогда Генри делает шаг к Даддитсу. Тот смотрит на них сквозь то, что называет «ои оки» — узкие полусферические темные очки с зеркальными стеклами. По мнению Генри, в них он похож на Рея Уолстона в фильме «Мой любимый марсианин», но Генри никогда не высказывает этого вслух. И старается не думать о таком в присутствии Даддитса. Дадс напялил также шапочку Бивера: ему ужасно нравится дуть на кисточку.

Даддитс не обладает избирательным восприятием: для него алкаш, роющийся в мусорных ящиках в поисках пустых бутылок, девочки, играющие в софтбол, и белки, прыгающие по ветвям деревьев, одинаково увлекательны. Именно это и делает его особым. Не похожим на других.

— Даддитс, — начинает Генри, — помнишь девочку, с которой ты

ходил в Академию? Джози. Джози Ринкенхауэр.

Даддитс слушает с вежливым интересом, только потому, что к нему обращается друг, но имени, разумеется, не узнает. Еще бы, ведь он не помнит даже, что ел на завтрак, не говоря уже о какой-то малявке, с которой ходил в школу три-четыре года назад!

Генри захлестывает волна безнадежности, странным образом смешанной с горькой иронией. О чем они только думали?

— Джози, — повторяет Пит, тоже без особой надежды. — Помнишь, мы еще подшучивали над тобой? Называли ее твоей подружкой? Карие глаза... светлые волосы дыбом, целая грива... и... — Он устало вздыхает. — Мать твою...

— Ень оой емо се о зе, — отвечает Даддитс их любимой фразой, «день другой, дерьмо все то же». — Ет отяк, ет игы.

— Верно, — кивает Джоунси. — Нет костяшек, нет игры. Что ж, отведем его домой, парни, все равно...

— Нет, — вмешивается Бивер, и все смотрят в его горящие взволнованные глаза.

Он так энергично жует зубочистку, что она то и дело подпрыгивает во рту.

— Ловец снов, — говорит он.

13

— Ловец снов? — переспрашивает Оуэн, и голос звучит, словно из далекого далека даже в его собственных ушах.

Огни фар скользят по бесконечной снежной пустыне, имеющей некоторое сходство с дорогой только из-за уходящих вдаль желтых фонарей. Ловец снов, думает он, снова возвращаясь к прошлому Генри, почти захлестывающему его пейзажами, картинками, шумом и запахами того дня, на пороге лета.

Ловец снов.

14

— Ловец снов, — говорит Бив, и они понимают друг друга, как иногда бывает и, как они считают (ошибочно, и Генри позже это поймет), присущее только друзьям.

Хотя они никогда не обсуждали тот, приснившийся им одновременно, в первую охотничью поездку, кошмар, все же знали, что Бивер считает, будто его каким-то образом наваял Ловец снов Ламара. Никто не возражал — отчасти потому, что не хотели высмеивать суеверный ужас Бивера перед безвредной веревочной паутиной, но в основном потому, что вообще не желали говорить на эту тему. Но сейчас все отчего-то осознали, что Бивер наткнулся на истинную причину. Ловец снов действительно связал их, только не тот. Не принадлежащий Ламару.

Даддитс. Вот кто настоящий Ловец.

— Ну же, парни, — тихонько говорит Бив. — Вперед, и ничего не бойтесь. Хватайте его.

И они слушаются, хотя все же боятся... Пусть и немного. И Бивер тоже.

Джоунси берет Даддитса за правую руку, так ловко умеющую управляться со станками в училище. Дадди немного удивлен, но все же улыбается и сжимает пальцы Джоунси. Пит стискивает левую. Бивер и Генри заходят сзади и обнимают Даддитса за пояс.

Все пятеро стоят под толстым старым дубом, в пятнистой тени листьев, словно собираются затеять новую игру. Девочки в ярко-желтых блузках не обращают на них внимания. Белкам и трудолюбивому алкашу, тяжкими стараниями добывающему ужин из мусорных контейнеров, тоже не до мальчиков.

Генри впитывает наполняющий его свет и понимает, что тот же свет озаряет и остальных, они вместе создают прекрасный контраст света и зеленых теней, и Даддитс сияет ярче остальных. Он их главная костяшка, без него нет игры. Их Ловец снов. Он соединяет их воедино. Сердце Генри наполняется таким восторгом, как никогда потом (и последующая за этим пустота станет расти и темнеть, по мере того как идут и накапливаются никчемные годы), и он думает: Неужели все это для того, чтобы найти потерявшуюся слабоумную девочку? Не нужную никому, кроме ее родителей? Или убить безмозглого наглеца, общими усилиями столкнуть его машину с насыпи и сделать это, о Господи, во сне? И это все? Нечто, настолько поразительное, настолько чудесное — и ради таких ничтожных делишек? Не ради значительных результатов? Неужели это в самом деле все?

Потому что если это действительно все — он мучается этим даже в экстазе их единения, — тогда в чем смысл? Что это может означать?

Но все мысли сметены силой ощущений. Перед ними встает лицо Джози Ринкенхауэр, колеблющееся изображение, состоящее из четырех

восприятий и воспоминаний, к которым вскоре присоединяется пятое, едва Даддитс осознает, ради кого поднята вся эта суматоха.

Стоит вклиниться Даддитсу, как образ становится в сотни раз ярче, в сотни раз отчетливее. Генри слышит, как кто-то... Джоунси... охает, и он сам бы охнул, если хватило бы дыхания. Пусть Даддитс в каких-то отношениях и слабоумный, только не в этом, в этом все они жалкие, немощные, бессильные идиоты, а Даддитс — настоящий гений.

— О Господи! — слышит Генри крик Бивера, и в голосе смешались восхищение и досада. В равных долях.

Потому что Джози стоит здесь, рядом. Разные восприятия ее образа превратили ее в девочку лет двенадцати: старше, чем когда они впервые увидели ее у ворот Академии Дебилов, но моложе, чем она должна быть сейчас. Они нарядили ее в матроску неопределенного цвета, меняющегося от голубого к розовому и красному и снова к голубому. Она держит большую пластиковую сумку с БарбиКеном, выглядывающими в щель приоткрытой молнии, а коленки просто усыпаны ссадинами. В мочках ушей появляются и исчезают сережки в виде божьих коровок, и Генри вспоминает, что такие действительно у нее были. Она открывает рот и говорит: «Привет, Дадди. — Потом оглядывается и добавляет: — Привет, мальчики».

И все. Она тут же исчезает. Вот так. А они стоят под дубом, только теперь их не шестеро, а пятеро. Пятеро взрослых мальчиков под древним дубом, и древнее июньское солнце все так же греет их лица, и девочки в желтых блузках все так же весело перекрикиваются. Пит плачет. И Джоунси. Алкаш исчез: должно быть, успел насобирать на бутылку. Его место занял другой — мрачный человек в зимней, несмотря на жару, куртке. Левая щека покрыта красной губкой, которая вполне могла бы сойти за родимое пятно, не знай Генри, что это такое на самом деле. Байрум. Оуэн Андерхилл стоит вместе с ними в Строфорд-парке и наблюдает, но все правильно: никто не видит пришельца с дальней стороны Ловца снов. Никто, кроме Генри.

Даддитс по-прежнему улыбается, хотя и несколько сбит с толку слезами приятелей.

— Ааму ы ацес? — спрашивает он Джоунси. «Почему ты плачешь?»

— Не важно, — отмахивается Джоунси, отнимая руку.

Связь порвана. Джоунси и Пит вытирают щеки. Бивер издает нервный всхлипывающий смешок.

— Черт, чуть зубочистку не проглотил, — говорит он.

— Нет, вот она, пидор ты этакий, — фыркает Генри, показывая под

ноги, где валяется измочаленная зубочистка.

— Ати Оси? — спрашивает Даддитс. «Найти Джози?»

— А ты можешь, Дадс? — оживляется Генри.

Даддитс шагает к софтбольному полю, а остальные почтительно следуют за ним. Дадс проходит мимо Оуэна, но, разумеется, не замечает его; для Дадса Оуэн Андерхилл не существует, по крайней мере пока. Он минует дешевые места для зрителей, третью линию, маленькую закусную. И замирает. Пит тихо вскрикивает.

Даддитс оборачивается и смотрит на него, весело, с живейшим интересом, почти смеясь. Глаза блестят. Пит поднимает палец и начинает знакомую церемонию, взад-вперед, тик-так... упорно глядя в землю. Генри опускает голову, и на мгновение кажется, что он тоже видит что-то, яркую вспышку желтого на траве, как мазок краски. И все пропадает. Остался только Пит, производящий обычные действия, как всегда, когда использует свой особый вспоминающий дар.

— Иис иию Ит? — спрашивает Даддитс, по-отцовски заботливо, отчего Генри так и подмывает расхохотаться. «Видишь линию, Пит?»

— Да, — выдыхает Пит, вытаращив глаза. — Мать твою, да! — И обводит взглядом остальных. — Она была здесь, парни! Прямо здесь!

Они пересекают Строфорд-парк, шагая строго по линии, которую видят только Даддитс и Пит, а человек, которого видит только Генри, идет следом. Северный конец парка огораживают расшатанные доски с табличкой:

СОБСТВЕННОСТЬ Д. Б. & А. Р. Р. НЕ ВХОДИТЬ.

Дети, разумеется, плевать хотели на все запреты, поскольку прошло сто лет с тех пор, как Дерри, Бангор и Арустук вместе гоняли грузы по ветке, проложенной через Пустошь. Но мальчишки, пролезая сквозь дыры в заборе, натываются на ржавые рельсы: они идут вниз по склону, тускло поблескивая на солнце.

Склон довольно крутой, заросший ядовитым сумахом и болиголовом, и на полпути они видят большую пластиковую сумку Джози Ринкенхауэр, теперь совсем старую и потрепанную, склеенную во многих местах изолентой, но Генри узнал бы эту сумку повсюду.

Даддитс радостно бросается к ней, открывает и заглядывает внутрь.

— АбиЕн! — объявляет он, вытаскивая кукол.

Пит, однако, обшаривает окрестности, едва не на четвереньках, мрачный, как Шерлок Холмс, отслеживающий профессора Мориарти.

Именно Пит Мур находит ее, Пит, который с безумным видом тычет пальцем в грязную бетонную сточную трубу, выглядывающую из зарослей.

— Она тут! — пронзительно вопит он, и если не считать двух багровых пятен на щеках, лицо его блее бумаги. — Парни, по-моему, она тут!

Под всем Дерри, городом, выросшим на месте болот, вокруг которых жили индейцы племени микмак, тянется древний и невероятно запутанный лабиринт канализационных труб и коллекторов. Большая часть прокладывалась в тридцатых годах, на деньги Нового Курса^[69] — и большая же часть окажется разрушенной в восемьдесят пятом, во время страшного урагана, затопившего Дерри и уничтожившего водонапорную башню. Но пока все трубы целы. Эта идет сверху вниз, вгрызаясь в холм. Джози Ринкенхауэр споткнулась, упала и, скользя на пятидесятилетней подстилке из сухих листьев, как на санках, влетела в трубу и теперь лежит на самом дне. Она измучилась, пытаясь подняться по жирному, крошащемуся отвесу, съела пару печенюшек, лежавших в карманах джинсов, и последние часов двенадцать — четырнадцать просто лежит в вонючей тьме, прислушиваясь к слабым звукам внешнего мира и ожидая смерти.

На вопль Пита у нее только и хватает воли приподнять голову и из последних сил откликнуться:

— Помогите! Я не могу вылезти! Пожааалуйста, помогите!

Им в голову не пришло сбегать за взрослыми, хотя бы за полицейским Неллом, патрулирующим окрестности. Они одержимы потребностью поскорее вытащить ее отсюда: спасти Джози — их долг и обязанность. Они не позволяют Даддиту лезть внутрь, на это ума у них хватает, но остальные без всяких рассуждений образуют цепь: сначала Пит, потом Бив, Генри и, наконец, Джоунси. Он тяжелее остальных. Их противовес. Их якорь.

Не расцепляя рук, они ползут к смрадной дыре (воняет не только канализацией, но еще чем-то старым и невыразимо противным). Генри немедленно натывается на утонувшую в слякоти тапочку Джози и машинально сует ее в задний карман.

Еще несколько секунд, и Пит, не оборачиваясь, бросает:

— Эй, парни, стоп.

Рыдания и мольбы о помощи становятся громче, и теперь Пит видит ее, сидящую на дне полузасыпанной листьями трубы. Поднятое лицо кажется смазанным белым кружком.

Пит свешивается вниз, и, несмотря на охватившее их возбуждение,

мальчики все же пытались действовать осторожно. Джоунси уперся ногами в огромную глыбу бетона. Джози встает на цыпочки, старается, как может, и все же не дотягивается до руки Пита. Наконец, когда кажется, что все напрасно, Джози ухитряется вскарабкаться вверх, совсем чуть-чуть, но Пит успевает вцепиться в ее исцарапанное и грязное запястье.

— Есть! — торжествующе вопит он. — Поймал!

Они медленно вытаскивают ее наверх, где уже поджидает Даддитс с белой сумочкой в одной руке и куклами в другой. Возбужденно подскакивая, он кричит, чтобы Джози не волновалась, потому что БарбиКен у него.

И снова солнечный свет, чистый воздух, и когда они помогают ей выбраться наружу...

15

В «хамви» не было телефона — две рации и ни одного телефона. Тем не менее тишину расколол оглушительный звонок, разорвав сотканную Генри нить воспоминаний и до смерти испугав обоих.

Оуэн дернулся, как человек, которого грубо вырвали из крепкого сна, и «хамви» потерял неверную власть над дорогой, сначала забуксовав, а потом пойдя юзом, как танцующий динозавр.

Мать твою...

Оуэн попытался выправить ситуацию, но колеса беспомощно крутились, проворачиваясь с тошнотворной легкостью, словно корабль без руля и без ветрил. «Хамви» медленно сползал назад по предательской колее и наконец застрял боком в сугробе на осевой, бесполезно освещая снежную дорогу в той стороне, откуда они выехали.

Дзинь! Дзин-н-нь! Дзи-и-и-и-инь!

Непонятно откуда. Просто из воздуха.

Это у меня в голове, подумал Оуэн. Глюки начались, фокусы проклятой телепа...

На сиденье между ними лежал «глок». Генри поднял его, и звонки тут же прекратились. Генри поднес дуло пистолета к уху.

Ну конечно! Что тут странного? Ему звонят на «глок», только и всего. Обычная вещь, подумал Оуэн.

— Алло, — сказал Генри. Ответа Оуэн не слышал, но усталое лицо его спутника осветилось улыбкой. — Джоунси! Я знал, что это ты.

Кто же еще! Опра Уинфри?^[70] — усмехнулся Оуэн.

— Где...

Пауза.

— Ему нужен Даддитс, Джоунси? Поэтому...

Генри снова слушает.

— Водонапорная башня? Почему? Джоунси! Джоунси!

Подержав пистолет еще немного, Генри посмотрел на него, словно не понимая, что это такое, и медленно положил на место. Улыбки как не бывало.

— Повесил трубку. Наверное, тот, другой, вернулся. Он зовет его «мистер Грей».

— Твой приятель жив, а ты, кажется, не слишком счастлив.

Мысли Генри действительно были не очень радостными, но говорить об этом не требовалось. Сначала он был в восторге — и как не быть, когда кто-то, кого ты любишь, болтает с тобой по старому «глоку»? — но теперь, похоже, расстроился. Почему?

— Он... они к югу от Дерри. Остановились поесть в «Дайзерте», придорожной забегаловке для водителей, только Джоунси зовет ее «Пердайзерт», как в детстве. Не думал, что он ее помнит. Похоже, он сильно боится.

— За себя? За нас?

Генри безрадостно поглядел на Оуэна.

— Говорит, опасается, что мистер Грей хочет убить патрульного и забрать машину. Думаю, дело в этом. Дьявол! — Генри ударил кулаком по ноге.

— Но он жив.

— Да, — ответил Генри без всякого энтузиазма. — Иммуитет против грибка. Даддитс... ты понял теперь насчет Даддитса?

Нет. Сомневаюсь, что и ты до конца понял, Генри... но может, кое-что прояснилось.

Генри снова перешел на мысленное общение, так было легче.

Даддитс изменил нас, общение с ним изменило нас. Когда Джоунси сбила та машина в Кембридже, он снова изменился. Электроэнцефалограммы людей, переживших клиническую смерть, часто претерпевают невероятные метаморфозы, в прошлом году я читал статью в «Ланцете» на эту тему. Для Джоунси это, вероятно, означает, что мистер Грей, даже захватив его, тем не менее не может заразить грибком или полностью завладеть сознанием. Его нельзя поглотить, по крайней мере пока.

— Поглотить?

— Растворить в другом организме. Короче говоря, сожрать. — И он добавил вслух: — Ты не можешь вытащить машину из этого заноса?

— Вероятно, могу.

— Этого я и боялся, — мрачно бросил Генри.

Оуэн повернул к нему освещенное зеленоватым светом приборной доски лицо.

— Какого хрена с тобой творится?

О Господи, неужели не понимаешь? Сколько раз тебе объяснять? И какими словами? Он все еще существует там! Джоунси. Он ЕСТЬ!

В третий или четвертый раз с начала пути Оуэну пришлось перескочить через пропасть между эмоциями сердца и холодным рациональным знанием мозга.

— Понятно, — начал он и запнулся. — Он жив. Жив и мыслит. Даже звонит. — Он снова запнулся. — Иисусе!

Оуэн попытался выправить «хаммер», включив первую скорость, и долго мучился, прежде чем завертелись все колеса. Потом сдал назад и впелся в сугроб, но при этом кузов «хаммера» чуть приподнялся над сплывшимся снегом, чего и добивался Оуэн. Теперь, когда он снова включит первую скорость, они вылетят из заноса, как пробка из бутылки. Но теперь Оуэн не спешил и, немного подождав, нажал на тормоза. «Хаммер» нетерпеливо затрясся. Мотор рычал, ветер выл, закручивая снежные вихри, гулявшие по пустому шоссе.

— Ты ведь понимаешь, что нам придется это сделать? — спросил Оуэн. — Правда, прежде нужно его поймать. Потому что какими бы ни были детали, в генеральный план почти наверняка входит заражение всей планеты. И математика...

— Я не хуже тебя знаю расчеты, — сказал Генри. — Шесть миллиардов населения Космического корабля Земля против одного Джоунси.

— Против статистики не попрешь.

— Цифры могут лгать, — угрюмо возразил Генри, но крыть было нечем. Такие большие цифры не лгут. Шесть миллиардов — очень большая цифра.

Оуэн отпустил тормоза и налег на акселератор. «Хамви» послушно покатился вперед, на пару футов, завертелся было, потом встал и с рычанием выскочил из заноса, как дикий зверь. Оуэн повернул на юг.

Расскажи, что было после того, как вы вытащили девчонку из сточной трубы.

Но прежде чем Генри успел послать ответ, рация на приборной доске

затрещала. Зато голос звучал так громко и ясно, словно владелец сидел с ними в «хаммере».

— Оуэн! Ты здесь, дружище?

Курц.

Почти час ушел на то, чтобы одолеть первые шестнадцать миль к югу от Блю-базы (бывшей Блю-базы), но Курц не беспокоился. Господь позаботится о них, никаких сомнений.

Машину вел Фредди Джонсон. На пассажирском сиденье скорчился Арчи Перлмуттер, прикованный наручниками к ручке дверцы. Кембри приковали сзади. Курц сидел позади Фредди, Кембри — за спиной Арчи. Правда, Курц немного тревожился, боясь, что оба пленных общаются посредством телепатии и плетут заговоры. Не много им это даст! Курц и Фредди открыли окна, хотя в «хамви» было холоднее, чем в деревенском нужнике в январе. Никакой обогреватель просто не мог справиться с таким морозом. Но мера была вынужденной: при закрытых окнах атмосфера в грузовике мгновенно становилась невыносимой — серой несло, как в загазованной шахте. Вернее, не серой, а эфиром. Больше всего воняло от Перлмуттера, непрерывно ерзавшего на сиденье и тихо стонавшего. Кембри зарос Рипли, словно поле — пшеницей после весеннего дождя, и Курц, даже сквозь маску, ощущал исходящий от него смрад. Но главным оскорбителем приличий был Перли, пытавшийся пердеть бесшумно (высвобождавший то одну ягодицу, то вторую — «маленький полупук», как говорили в туманные дни Курцева детства). И разумеется, делал вид, что он тут ни при чем. Джин Кембри культивировал Рипли. Курц подозревал, что Перли, храни его Господь, культивирует кое-что другое.

Сам Курц успешно скрывал свои мысли за монотонной мантрой собственного сочинения:

Дэвис и Робертс, Дэвис и Робертс, Дэвис и Робертс...

— Не будете так добры прекратить? — раздраженно попросил Кембри. — Вы с ума меня сводите! Я сейчас рехнусь!

— Я тоже, — сказал Перлмуттер. Он снова заерзал и издал длинное «пуфффф», словно выпуская воздух из надувной игрушки.

— Господи, Перли, — взвыл Фредди, опуская стекло до конца и высовываясь наружу. «Хамви» рыскнул, и Курц приготовился к худшему, но все обошлось. — Может, это ты попридержишь свой анальный парфюм?

— Прошу прощения, — сухо возразил Перлмуттер, — если ты намекаешь на то, что я испустил газы, должен заметить...

— Ни на что я не намекаю, — рявкнул Фредди. — Просто говорю, чтобы ты перестал вонять, как скунс, иначе...

И поскольку Фредди никоим образом не мог исполнить все высказанные и невысказанные угрозы (пока они не могли обойтись без двух телепатов, главного и запасного), Курцу пришлось вмешаться.

— История Эдварда Дэвиса и Франклина Робертса весьма поучительна, — сказал он, — ибо еще раз доказывает, что нет ничего нового под солнцем. Это случилось в Канзасе, давным-давно, когда еще Канзас действительно был истинным Канзасом...

Курц, в самом деле неплохой рассказчик, увел их во времена корейской войны. Эд Дэвис и Франклин Робертс владели почти одинаковыми небольшими фермами, по соседству с фермой семьи Курца (который тогда звался вовсе не Курнем). Дэвис, у которого шариков в голове не хватало, был почему-то уверен, что сосед, наглец Робертс, так и норовит украсть у него ферму и к тому же распространяет о нем в городе самые гнусные сплетни. Робертс сыпал ядовитый порошок на его поля. Робертс сговорился с «Бэнк оф Эмпория» отобрать у Дэвиса ферму за долги.

Окончательно спятив, Эд Дэвис поймал бешеного енота и запустил в курятник, собственный курятник. Енот передушил всех кур, и когда не осталось ни одной, хвала Господу, фермер Дэвис разнес из ружья черно-серую полосатую голову зверька.

Сидевшие в «хамви» зачарованно молчали, слушая неторопливое повествование.

Эд Дэвис погрузил мертвых кур и трупик енота в свой комбайн, «Интернешнл Харвестер», подвез к ферме соседа и при свете луны вывалил в оба колодца: тот, из которого поили скот, и тот, что у дома. На следующий вечер, надравшись виски и весело гогоча, Дэвис позвонил своему врагу и сообщил обо всем. «Здорово жарко было сегодня, верно? — надрывался псих, смеясь так громко, что Франклин Робертс еле разбирал слова. — Какую воду пил ты и твои девицы, Робертс? Сдохлым енотом или дохлыми курами? Не могу сказать точно, чем какой колодец начинил. Ну, не позор ли! Склероз!»

Губы Джина Кембри слегка дрожали, как у человека, перенесшего серьезный удар. Дыхание шевелило длинные бороды Рипли, свисавшие со лба.

— Что вы хотите сказать? — прошипел он. — Что мы с Перли ничем не лучше парочки бешеных кур?

— Повежливее с боссом, Кембри, — предупредил Фредди. Маска, по-видимому — от возмущения, резво подпрыгивала вверх-вниз.

— Да хрен с ним, с твоим боссом! Миссия закончена!

Фредди вскинул было руку, чтобы размазать Кембри по спинке кресла, но тот придвинул ближе искаженное страхом, изукрашенное грибком лицо.

— Давай, малыш! А может, сначала проверишь свой кулак, убедишься, что на нем нет ран? Крохотный порез — и ты готов.

Рука Фредди нерешительно замерла в воздухе и снова легла на руль.

— Кстати, Фредди, на твоём месте я бы ходил да оглядывался. Если воображаешь, что босс способен оставить свидетелей, значит, совсем тупой. Или рехнулся.

— Рехнулся, именно, — тепло сказал Курц и хмыкнул. — Кстати, многие фермеры кончают в психушке или кончали до Уилли Нельсона^[71], благослови Господи его душу, и Программы помощи фермерам. Тяготы жизни, полагаю. Слишком велики стрессы. Бедняга Эд Дэвис кончил дни в закрытом заведении для ветеранов, он воевал на Большой-Два, а вскоре после этой истории с колодцем Франклин Робертс продал ферму, переехал в Уичито и устроился коммивояжером в «Эллис-Чалмерс». Несмотря на то, что, как оказалось, колодцы вовсе не были отравлены. Он попросил окружного санитарного инспектора взять пробы, и тот сказал, что вода пригодна для питья. Бешенство через воду не передается. Интересно, а Рипли?

— Могли бы по крайней мере хоть называть его правильно, — пробурчал Кембри. — Не Рипли, а байрум!

— Байрум или Рипли, все одно, — отмахнулся Курц. — Эти типы пытаются отравить наши колодцы. Загрязнить нашу драгоценную влагу, как сказал кто-то.

— Да плевать вам на это! — взорвался Перли с такой злобой, что Фредди даже подпрыгнул. — Вам бы только Андерхилла сцапать, а остальное хоть провались! — И помолчав, скорбно добавил: — Вы в самом деле тронулись, босс.

— Оуэн! — прочирикал Курц, как канарейка. — Едва не забыл! Где он, парни?

— Впереди, — угрюмо ответил Кембри. — Застрял на хрен в сугробе.

— Потрясающе! — завопил Курц. — Мы у цели!

— Не раскатывайте губу, босс. Он сейчас выберется. И «хаммер» у него такой же, как у нас. Если знаешь, что делаешь, и умеешь держать в руках руль, можно провести эту штуку прямо через ад. А он, похоже, умеет.

— Жаль. У нас есть шансы?

— Не слишком много, — сказал Перли, снова заерзал, поморщился и издал неприличный звук.

— Ма-а-ать, — тихо простонал Фредди.

— Дай микрофон, Фредди. Общий канал. Наш друг, Оуэн, обожает общий канал.

Фредди, не оборачиваясь, протянул микрофон, поколдовал с передатчиком, прикрепленным к приборной доске, и сказал:

— Теперь можно, босс.

Курц нажал кнопку на боку микрофона:

— Оуэн? Ты здесь, дружище?

Молчание, хаос атмосферных помех и монотонный вой ветра. Курц уже собрался еще раз нажать кнопку «передача» и попытаться снова, когда раздался голос Оуэна, спокойный, отчетливый, на фоне умеренных помех, но не искаженный.

— Здесь.

— Приятно слышать тебя, дружище! Так волнительно! Думаю, ты опережаешь нас на пятьдесят миль. Мы только что прошли поворот № 39, так что я почти не ошибся, верно? — На самом деле они миновали поворот № 36, и расстояние между ними было куда меньше. Вероятно, вполовину.

Тишина.

— Глуши мотор, дружище, — посоветовал Курц наидобрейшим, наирассудительнейшим голосом. — Еще не слишком поздно спасти кое-что и выпутаться из этого дерьма. Нашим карьерам конец, можешь не сомневаться, дохлые куры в отравленном колодце, но если у тебя есть цель, позволь мне помочь. Я уже немолод, сынок, и хочу, чтобы мы с честью...

— Не гони фуфло, Курц, — выдали все шесть динамиков «хамви», до того громко и ясно, что Кембри в самом деле имел наглость рассмеяться.

Курц полоснул его убийственным взглядом. В обычных обстоятельствах этого было бы достаточно, чтобы черная кожа Кембри посерела от ужаса, но это в других обстоятельствах, другие обстоятельства сняты с повестки, и Курц ощутил совершенно нехарактерный укол страха. Одно дело — понимать умом, что все пошло шиворот-навыворот, и совсем другое, когда правда оседает в твоих внутренностях тяжелым свинцовым слитком.

— Оуэн... приятель...

— Слушай меня, Курц. Не знаю, осталась ли хоть одна нормальная извилина в твоём чокнутом мозгу, но если все же есть, удели мне чуточку внимания. Рядом со мной человек по имени Генри Девлин. Впереди... возможно, в ста милях от нас — его друг, Гэри Джоунс. Только это уже не

он. Им завладел пришелец, инопланетный разум, которого он называет «мистер Грей».

Гэри... Гэри... — думал Курц. По анаграммам их узнаем их...

— Все, что делалось в Джефферсон-тракт, не имело смысла, — продолжал голос из динамиков. — Бойня, которую ты задумал, Курц, бессмысленна — умрут ли они сами или от пули, все равно угрозы не представляют.

— Слышали?! — истерически завопил Перлмуттер. — Не представляют! Не...

— Заткнись! — рявкнул Фредди, смазав его по физиономии.

Курц едва заметил это. Он вытянулся в струнку, сверкая глазами, наострив уши. Бессмысленна? Оуэн Андерхилл в самом деле утверждает, что самая главная в его жизни операция бессмысленна?

— ...среде, понял? Они не способны выжить в нашей экосистеме. Кроме Грея. Потому что ему посчастливилось найти совершенно иного хозяина. Того, который коренным образом отличается от остальных людей. Так вот, Курц, если тебе хоть что-то дорого в этом мире, если у тебя есть хоть какие-то принципы, ты немедленно прекратишь охоту и позволишь нам спокойно позаботиться о деле. Позаботиться о мистере Джоунсе и мистере Грее. Вероятно, тебе удастся поймать нас, но сильно сомневаюсь, что ты сумеешь захватить их. Они слишком далеко к югу. И мы думаем, что у Грея есть план. Что-то такое, что может сработать.

— Оуэн, ты переутомился и возбужден, — спокойно произнес Курц. — Остановись. Что бы там ни было, мы все можем сделать вместе. Мы...

— Если тебе не все равно, ты выйдешь из игры, — холодно перебил Оуэн. — Конец связи. Я отключаюсь.

— Не смей, дружище! — заорал Курц. — Не делай этого! Я запрещаю! Громкий щелчок, и динамики исторгли невнятное шипение.

— Он отключился, — сказал Перлмуттер. — Отсоединил микрофон. Заткнул приемник. Все.

— Но вы слышали его? — спросил Кембри. — Во всем этом нет ни малейшего смысла. Едем назад.

На лбу Курца забила жила.

— Можно подумать, я куплюсь на его уговоры, после всего, что произошло!

— Но он говорил правду, — отчеканил Кембри, впервые поворачиваясь к Курцу всем телом: широко раскрытые глаза, забитые в уголках Рипли или байрумом, или как там он его называл. Брызги слюны испятали щеки, лоб и маску Курца. — Я слышал его мысли! И Перли

тоже! ОН ГОВОРИЛ ЧИСТУЮ ПРАВДУ! ОН...

Курц, двигаясь почти со сверхъестественной быстротой, неуловимым движением выхватил из кобуры пистолет и выстрелил. Отдача в замкнутом пространстве казалась громовой. Фредди, вскрикнув от неожиданности, дернул за руль, и «хамви», потеряв управление, развернулся поперек дороги. Перлмуттер взвизгнул и зажмурился. Смерть была милостива к Кембри: мозги вылетели в окно через дыру в затылке и в одно мгновение рассеялись по ветру. Он и руки поднять не успел.

Не успел сообразить, что надвигается, верно, дружище? — подумал Курц. Вижу, твоя знаменитая телепатия тут бессильна!

— Верно, — скорбно проговорил Перли. — Как быть с человеком, который сам не знает, что сделает в следующий миг? Психи — люди управляемые.

Курц навел пистолет на Перлмуттера.

— Назови меня психом еще раз. Я хочу послушать.

— Псих! — немедленно повторил Перли. Губы его растянулись в улыбке, обнажая оставшиеся зубы, между которыми темнели дыры. — Псих-псих-псих. Не станешь ты стрелять. Прикончил моего дублера, но больше такого себе не позволишь!

Он явно взвинчивал себя, и с каждым словом голос его опасно повышался. Труп Кембри бился о дверцу, холодный ветер, врывавшийся в окно, раздувал пряди волос и байрума.

— Заткнись, Перли, — миролюбиво бросил Курц. Он явно чувствовал себя лучше и успел немного успокоиться. — Кембри получил по заслугам. — Держись за свою планшетку и молчи. Фредди!

— Да, босс.

— Ты по-прежнему со мной, Фредди?

— До конца, босс.

— Оуэн Андерхилл — изменник, Фредди, можешь ты вознести благодарение Господу за то, что помог разоблачить его?

— Благодарение Господу! — Фредди сидел прямой как палка и смотрел прямо вперед, на дорогу и световые конусы фар «хамви».

— Оуэн Андерхилл предал страну и своих товарищей. Он...

— Он предал тебя, — прошептал Перлмуттер.

— Верно, Перли, и не стоит переоценивать собственное значение, сынок, это единственное, чего не стоит делать, потому что, как ты сам сказал, псих не знает, что стукнет ему в голову в следующую минуту.

Курц уперся взглядом в широкий затылок Фредди.

— Мы затравим Оуэна Андерхилла, его и этого парня, Девлина, если

он все еще с ним. Понятно?

— Так точно, босс.

— Ну а пока сбросим балласт. — Курц вытащил из кармана ключ от наручников, потянулся к труп, пачкая руки в застывающем желе, не успевшем улететь в окно, и наконец нашел дверную ручку. Еще секунда — и усопший мистер Кембри, благодарение Господу, обрел снежный саван.

Тем временем Фредди остервенело чесал зудевший, как черт, пах. Подмышки тоже чесались, и...

Слегка повернув голову, он заметил, что Перли уставился на него. Огромные потемневшие глаза казались бездонными на бледном, усеянном красными пятнами лице.

— На что это ты пялишься? — осведомился Фредди.

Перлмуттер молча отвернулся к окну.

Глава 19. ПОГОНЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

1

Мистер Грей наслаждался новизной человеческих эмоций, мистер Грей наслаждался человеческой едой, но мистеру Грею определенно не пришелся по душе процесс опорожнения кишечника Джоунси. Он отказался даже взглянуть на то, что выдал, просто подтянул брюки и застегнул слегка дрожащими руками.

О Господи, неужели даже не подотрешься? — возмутился Джоунси. По крайней мере хоть воду спусти!

Но мистер Грей хотел одного: поскорее убраться из кабинки. Хорошо еще, что сполоснул руки, прежде чем ринуться к выходу!

Джоунси не слишком удивился, заметив в дверях патрульного.

— Забыли застегнуть ширинку, друг мой, — заметил тот.

— И правда! Спасибо.

— Едете с севера, верно? По радио передают, там такие дела творятся! Правда, тамошние станции не поймаешь. Чуть ли не инопланетяне, и все такое!

— Я из Дерри, — ответил мистер Грей. — Откуда мне знать?

— Позвольте спросить, что выгнало вас из дома в такую ночь, как эта?

Объясни, что друг заболел, подсказал Джоунси, чувствуя укол отчаяния. Он не хотел видеть это, тем более участвовать, хоть и невольно.

— Больной друг, — коротко бросил мистер Грей.

— Неужели? Что ж, сэр, хотелось бы видеть ваши водительские права и удостоверение...

Но тут глаза патрульного полезли на лоб. Повернувшись, он скованно зашагал к стене, на которой висела табличка:

ДУШ ТОЛЬКО ДЛЯ ДАЛЬНОБОЙЩИКОВ.

Постоял так немного, вздрагивая всем телом... и стал биться головой о кафель, резкими, ритмичными рывками. От первого удара слетел «стетсон». После третьего потек кларет, сначала собираясь каплями на бежевых плитках, потом растекаясь темными ручейками. Джоунси, бессильный остановить этот ужас, потянулся к телефону. Но в трубке было

тихо. Неизвестно когда: поедая ли вторую порцию бекона или впервые продриставшись в человеческом облике, мистер Грей перерезал линию. Джоунси остался один.

2

Несмотря на отвращение, а может, и вследствие его, Джоунси расхохотался, когда его руки принялись вытирать полотенцем с эмблемой «Дайзерта» кровь с кафельной стены. Мистер Грей по достоинству оценил знания Джоунси в такой деликатной области, как сокрытие (избавление) от трупа, и обнаружил, что буквально напал на золотую жилу. Как верный поклонник и тонкий ценитель ужастиков, детективов и криминального чтива Джоунси, если так можно выразиться, с годами стал настоящим экспертом. Даже сейчас, когда мистер Грей бросил окровавленное полотенце на грудь мокрого мундира патрульного (куртка пригодилась, чтобы закутать изуродованную голову), в голове Джоунси прокручивалась сцена захоронения тела Фредди Майлса в «Талантливом мистере Рипли», причем одновременно из фильма и из романа Патриции Хайсмит. И этим дело не ограничилось. Эпизоды из других фильмов появлялись и исчезали, накладывались друг на друга так, что у Джоунси кружилась голова, словно он стоял наверху обрыва и смотрел в пропасть. Но это еще не самое худшее. С помощью Джоунси талантливый мистер Грей обнаружил то, что ему понравилось куда больше, чем поджаристый бекон, куда больше, чем возможность черпать из неиссякаемого колодца ярости Джоунси.

Мистер Грей открыл для себя убийство.

3

За душем находилась раздевалка. За раздевалкой — коридор, ведущий в шоферскую ночлежку. В коридоре никого не было. В другом конце виднелась дверь, выходившая на зады здания, в занесенный снегом тупик. Из темноты возникли силуэты двух огромных зеленых мусоросборников. Единственный слабенький фонарь под металлическим абажуром отбрасывал на снег длинные тени. Мистер Грей, схватывающий все с полунамека, обыскал мертвеца, нашел ключи от машины и, сунув в карман куртки Джоунси пистолет полицейского, застегнул для верности молнию. Дверь так и норовила захлопнуться, поэтому, сделав стопор из все того же

полотенца, мистер Грей затащил тело за мусоросборник.

Все это — от страшного самоубийства патрульного до появления Джоунси в коридоре — заняло менее десяти минут. В теле Джоунси появились легкость и гибкость, усталость куда-то девалась, по крайней мере в эту минуту: они с мистером Греем упивались очередным взрывом эндорфинной эйфории. Что ж, ничего не скажешь, «мокрое дельце» на совести не только мистера Грея, но и Гэри Эмброуза Джоунса. Не просто умение отделаться от тела, но кровожадно-людоедские порывы личности под тонкой сахарной глазурью «все это не на самом деле». Да, вдохновитель — мистер Грей, сам Джоунси ничуть не мучился мыслью, что совершил убийство, но все делалось его руками.

Может, мы заслуживаем уничтожения, думал Джоунси, пока мистер Грей шел через душевую, выискивая (глазами Джоунси) случайные кровавые пятна и сжимая ключи патрульного в ладони Джоунси. Может, все, что мы заслуживаем, — сгинуть, превратиться в ничто, поросшее красной травой, сгибающейся под ветром. Наверное. Так лучше всего. Помоги нам. Боже.

4

Женщина с утомленным лицом, сидевшая за кассой, спросила, не видел ли он патрульного.

— Ну конечно, видел, — ответил Джоунси. — Показал ему права и документы.

— Сегодня полиция так и шныряет, — бросила женщина. — С самого полудня. Метель не метель, им все едино. Покоя от них нет. И все злые, как черти. Да и остальным не по себе. Если бы я так уж хотела видеть парней с другой планеты, взяла бы напрокат видео. Ничего новенького не слышали?

— По радио твердят, что все это ложная тревога, — ответил мистер Грей, застегивая куртку, и поглядел в окно, желая лишний раз удостовериться в том, что уже видел: стекла так замерзли, что вряд ли кто-то заметит, в какой машине он уехал.

— Да? Правда? — облегченно улыбнулась женщина, сразу сбросив десяток лет. И усталость куда-то девалась.

— Честное слово. Но не ждите своего приятеля так скоро, дорогая. Он сказал, что должен придавить немного. Совсем с ног сбился.

Между бровями женщины появилась вертикальная складка.

— Он так сказал?

— Спокойной ночи. Счастливого Дня благодарения. С Рождеством вас. И заодно с Новым годом.

Джоунси вдруг сообразил, что несет этот вздор для того, чтобы его заметили. И запомнили. Но прежде чем успел понять, добился ли своего и действительно ли его запомнили, вид из офисного окна повернулся на сто восемьдесят градусов — это мистер Грей увел его от кассы, и вскоре они снова мчались на юг. Цепи на патрульной машине звякали и клацали, зато позволяли держать скорость до сорока миль в час.

Джоунси ощутил, как мистер Грей протягивает мысле-щупальца назад. Пытается проникнуть в сознание Генри, но не может — как и сам Джоунси: Генри до какой-то степени был другим. К несчастью, тот человек рядом с Генри, Оверхилл или Андерхилл... за него мистер Грей сумеет зацепиться как следует. Они в семидесяти милях отсюда, а может, и больше, и... съезжают с шоссе? Да, направляются в Дерри.

Мистер Грей пробрался еще глубже и обнаружил новых преследователей. Трое... но основной их целью был не мистер Грей, а Оверхилл (Андерхилл). Такое казалось Джоунси невероятным и слишком необъяснимым, чтобы быть правдой. Но мистер Грей пришел в восторг. И даже не потрудился узнать причину, по которой Оверхилл (Андерхилл) и Генри решили заехать в Дерри.

Теперь все помыслы мистера Грея устремились на то, чтобы сменить средство передвижения, завладев на этот раз снегоочистителем, если, разумеется, Джоунси способен им управлять. Это означало очередное убийство, но продолжавшему стремительно очеловечиваться мистеру Грею было все равно.

Мистер Грей только начинал входить во вкус.

Оуэн Андерхилл стоит на склоне, совсем рядом с трубой, выпирающей из листвы, и видит, как они помогают чумазой, растерянной девочке выбраться на поверхность. Видит, как Даддитс (крепкий молодой человек с плечами футболиста и гривой невероятно густых светлых волос киношного идола) хватает ее в объятия и покрывает грязное личико смачными поцелуями. Слышит ее первые слова:

— Хочу к маме.

Все обошлось как нельзя лучше: ни полиции, ни «скорой помощи». Они просто помогают ей подняться наверх, пролезть сквозь дыру в заборе,

пересечь Строфорд-парк (девочек в желтом сменили девочки в зеленом: ни они, ни тренеры не обращают внимания на мальчиков и их измазанный растрепанный приз), пройти по Канзас-стрит и свернуть на Мейпл-лейн. Они знают, где мама Джози. И папа тоже.

И не только они. По обе стороны Мейпл-лейн, до самого угла растянулась цепочка машин. Это Роберта Кэвелл предложила обзвонить родителей друзей и одноклассников Джози. Она убеждена, что каждый согласится искать девочку и развесить по городу объявления о том, что она пропала. Не в укромных заброшенных уголках (где, по мнению граждан Дерри, им самое место), а там, где их увидят все. Энтузиазм Роберты так заразителен, что в глазах Эллен и Гектора Ринкенхауэр загорается слабая надежда.

Остальные родители тоже согласны действовать, с такой готовностью, словно только и ждали, пока их попросят. Роберта начала звонить сразу же после того, как Даддитс с друзьями выбрались из дома (Роберта в полной уверенности, что они играют где-то поблизости, потому что старый боевой конь Генри все еще пасется на подъездной аллее), и к тому времени, как мальчики возвращаются, в гостиной собрались два десятка гостей, дымящих, как паровоз, над бесчисленными чашками кофе. Какой-то мужчина держит речь. Генри уже видел его раньше. Это адвокат Дейв Боклин. Его сын, Кендалл, иногда играет с Даддитсом. Кен тоже даун, хороший парень, но до Дадса ему далеко. Впрочем, что кривить душой, а кто вообще годится Дадсу в подметки?

Мальчики стоят в дверях гостиной, поддерживая Джози. Она уже взяла у Даддитса свою сумку с благополучно вернувшимися на место БарбиКеном. Даже лицо почти чистое, потому что Бивер при виде такого количества машин пожертвовал своим носовым платком, чтобы вытереть самые возмутительные пятна. («Честно говоря, — признается Бив позже, после того как все вопли и сопли и прочая хренотень немного улеглись, — мне было немного не по себе. Подумать только, вытираю я эту девчонку с фигурой хоть сейчас на разворот «Плейбоя» и мозгами, грубо говоря, как у газонокосилки. И что, по-вашему, со мной творится?») Сначала никто не замечает их, кроме мистера Боклина, но мистер Боклин, похоже, не врубается в то, что видит, потому что слишком увлечен собственной речью.

— Итак, прежде всего нужно разделиться на группы... скажем, по три пары в каждой... каждой группе... и... мы... мы...

Мистер Боклин начинает сбавлять темп, как игрушка, в которой кончился завод, и в конце концов только открывает по-рыбьи рот, глядя неизвестно куда. По комнате проходит нервный шепоток: очевидно,

собравшиеся никак не поймут, что стряслось с этим, еще минуту назад казавшимся таким уверенным человеком.

— Джози, — глухо, без всякого выражения произносит он, так не похоже на свою обычную напористую манеру выступлений в зале суда.

— Да, — кивает Гектор Ринкенхауэр, — так ее зовут. Что случилось, Дейв? Вы в поряд...

— Джози, — повторяет Дейв, поднимая дрожащую руку.

Генри (и, следовательно, Оуэну, который видит все это глазами Генри) он кажется Призраком Грядущего Рождества, указывающим на могилу Эбинизера Скруджа.

Чье-то лицо поворачивается к двери... второе... третье... глаза Элфи Кэвелла, огромные и неверящие за толстыми стеклами очков... и наконец, миссис Ринкенхауэр.

— Привет, ма, — как ни в чем не бывало говорит Джози, протягивая ей сумочку. — Дадди нашел моих БарбиКена. Я застряла...

Остальное тонет в радостном визге. Генри в жизни не слышал таких криков, и хотя все это чудесно, его почему-то трясет в ознобе.

— Трахни меня, Фредди, — бормочет Бивер, правда, себе под нос.

Джоунси держит за руку Даддитса, напуганного суматохой.

Пит смотрит на Генри и слегка кивает. Мы молодцы.

Генри отвечает кивком. Еще бы!

Может, это не их звездный час, но что-то очень близкое. И едва рыдающая миссис Ринкенхауэр сжимает дочь в объятиях, Генри трогает Даддитса за плечо. Когда тот оборачивается, Генри целует его в щеку.

Добрый старый Даддитс, думает он. Добрый старый...

6

— Вот он, Оуэн, — тихо предупредил Генри. — Поворот 27.

Видение гостиной Кэвеллов лопнуло, как мыльный пузырь, и Оуэн взглянул на дорожный знак:

ПОВОРОТ № 27 — КАНЗАС-СТРИТ, ДЕРЖИТЕСЬ
ПРАВОЙ СТОРОНЫ.

В ушах все еще звенят счастливые, захлебывающиеся вопли.

— Ты как? — спросил Генри.

— Ничего. По крайней мере мне так кажется. — Он прижался к

пандусу, и гигантские колеса «хамви» покатали по сугробам. Часы на приборной доске сдохли, как и те, что на руке Генри, но Оуэну показалось, что небо едва заметно посветлело. — После того как спустимся вниз, направо или налево? Говори сейчас, потому что останавливаться я не рискну.

— Налево, налево.

В мигающем свете фонарей Оуэн прижался к левой стороне, справился с очередным заносом и повел машину по Канзас-стрит. Здесь недавно прошел снегоочиститель, но полотно дороги уже снова замело.

— Похоже, снег кончается, — сказал Генри.

— Да, но ветер как с цепи сорвался. Хочешь поскорее увидеть его? Даддитса?

— Немного нервничаю, но, в общем, да, — ухмыльнулся Генри, качая головой. — Даддитс, старина... Когда он рядом, у тебя на душе праздник. Он... это что-то. Сам увидишь. Жаль только, что врываемся к ним в такую рань.

Оуэн пожал плечами. Что тут поделаешь?

— Они уже четыре года живут в новой квартире, но я ни разу там не был, — сказал Генри и, сам того не сознавая, перешел на мысленное общение:

Переехали после смерти Элфи.

А ты...

И вместо слов возникает картина: люди в черном под черными зонтиками. Кладбище в дождь. Гроб на козлах с резной эпитафией: «Покойся с миром, Элфи».

Нет, пристыженно признался Генри. Никто из нас там не был.

?

Но Генри не знал, почему они не явились на похороны, хотя на ум пришла фраза: «Движущийся палец пишет; написав, движется дальше». Даддитс был важной (не то слово, жизненно важной) частью из детства. Но как только связь прервалась, всякий возврат к прежнему был слишком болезненным. Одно дело — болезненным, другое — ненужно болезненным. Но теперь Генри кое-что понимал. Образы, которые он ассоциировал с депрессией и возрастающей уверенностью в неотвратимости самоубийства: струйка молока на подбородке отца, широченный зад Барри Ньюмена, исчезающий в дверях кабинета, — скрывали другой, более сильный, более действенный: образ Ловца снов. Разве не в нем истинный источник его отчаяния? Величие теории Ловца снов в сочетании с банальностью... нет, ничтожностью целей, для которых

он использовался? Употребить способности Даддитса на то, чтобы найти Джози Ринкенхауэр, все равно что открыть квантовую физику, и с ее помощью сляпать очередную видеоигру. И при этом считать, будто это все, на что способна квантовая физика. Конечно, они совершили доброе дело: не будь их, Джози Ринкенхауэр погибла бы в трубе, как крыса в бочке с водой. Но будем честны: в конце концов не будущего же нобелевского лауреата они спасли...

Я просто не могу поспеть за тем, что творится у тебя в голове, неожиданно пожаловался Оуэн, но, похоже, ты слишком высокого мнения о себе! Нечего нос задирать. Какая улица?

Уязвленный Генри злобно уставился на него.

— Последнее время мы сюда не приезжали, понятно? И давай на этом закончим.

— Как угодно, — сказал Оуэн.

— Но мы посылали открытки к Рождеству, ясно? Каждый год, поэтому я и знаю, что они переехали на Дирборн-стрит, 14, Уэст-Сайд. Это третья улица отсюда.

— Ладно, ладно, успокойся.

— Трахни свою мать и сдохни, нашелся тоже...

— Генри...

— Мы просто потеряли связь, так бывает. Возможно, не с такими, как ваше высочество, принц Совершенство, но для остальных... для остальных... — Генри опустил глаза, увидел стиснутые кулаки и усилием воли разжал пальцы.

— Я же сказал, ладно.

— Возможно, принц Совершенство до сих пор не забыл никого из друзей, даже тех, с кем рядом на горшке сидел. Должно быть, обязательно съезжаетесь раз в год, поменяться лифчиками, похвастаться новыми записями «Мотли Крю» и поесть салата с тунцом, как в школьном кафетерии.

— Прости, если расстроил тебя.

— Можешь кусаться, я не обижаюсь. Не зря же ведешь себя так, будто мы бросили его, как последние... — Что, разумеется, недалеко от истины.

Оуэн, ничего не ответив, продолжал вглядываться в вихрящийся снег: боялся пропустить табличку с названием улицы в сереньком свете раннего утра... вот она, перед носом! Снегоочиститель, проходивший по Канзас-стрит, завалил конец Дирборн, но Оуэн надеялся, что «хамви» пройдет.

— Не то чтобы я совсем забыл о нем, — продолжал Генри, сначала мысленно, потом перейдя на слова. Думать о Даддитсе означало выдать

себя с головой. — Мы все помнили его. Мы с Джоунси собирались навестить его весной. Но Джоунси попал в аварию, и у меня все из головы вылетело. Неужели это так удивительно?

— Вовсе нет, — мягко сказал Оуэн, резко повернул руль вправо, потом влево, чтобы машина не пробуксовывала, и нажал на акселератор. «Хамви» с такой силой ударился в плотную стену снега, что их отбросило на сиденья. Но мощная машина все-таки пробила завал, и Оуэн едва успел вывести грузовик на середину мостовой, чтобы не сбить припаркованные по обочинам автомобили.

— Не желаю быть объектом праведного негодования того, кто собирался поджарить живьем несколько сотен ни в чем не повинных людей, — проворчал Генри.

Оуэн обеими ногами нажал на тормоз, отчего их вновь тряхнуло, а «хамви» пошел юзом.

— Заткнись на хрен.

Не мели дерьма, которого не понимаешь.

— Вполне возможно, что мне придется подышать из-за...

— ...тебя, так что почему бы тебе не держать свое хреново... самовлюбленное

(изображение капризного ребенка с выдвинутой нижней губкой).

— такое рациональное, логическое дерьмо, при себе.

Генри потрясение устоял на него, обалдев от неожиданности. Когда к нему в последний раз обращались в подобном тоне? Кажется, вообще никогда.

— Мне необходимо одно, — пояснил бледный от усталости Оуэн. Лицо осунулось, кожа туго обтянула скулы. — Хочу найти и остановить твоего Тифозного Джоунси. Ясно? И хрен с ними, с твоими тонкими чувствами, хрен с твоей нежной натурой и хрен с тобой. Вот так.

— Согласен, — кивнул Генри.

— Не желаю выслушивать лекции по этике и принципам морали от малого, задумавшего вышибить свои сверхобразованные, сверхчувствительные мозги.

— О'кей.

— Поэтому трахни свою мать и сдохни.

В «хамви» стало тихо. Ничего, совсем ничего, кроме визга ветряного пылесоса за окнами.

— Вот что мы сделаем, — наконец решил Генри. — Я трахну твою мать и сдохну, ты трахнешь мою мать и сдохнешь. Таким образом, удастся благополучно избежать инцеста.

Оуэн невольно улыбнулся. Генри ответил улыбкой.

Что делают Джоунси и мистер Грей? Можешь сказать? — спросил Оуэн.

Генри облизнул губы. Нога почти не чесалась, но язык оброс так, что казался обрывком старого плюшевого коврика.

— Нет. Они отключились. Вероятно, это штуки Грея. А твой бесстрашный вождь? Курц? Он все ближе и ближе, верно?

— Да. Если хотим сохранить фору, нужно шевелиться.

— Будет сделано.

Оуэн поскреб красную пленку, рассеянно сдул с пальцев волокна и чуть прибавил скорость.

Номер 41, говоришь?

Да. Оуэн!

Что тебе?

Я боюсь.

Даддитса?

Что-то в этом роде.

Почему?

Не знаю.

Генри поднял на Оуэна потухший взгляд.

Чувствую, с ним что-то неладно.

Полуночный сон неожиданно обернулся явью, и когда в дверь постучали, Роберта обнаружила, что ноги не идут. Отказываются ее держать. Ночь сменилась бледным хмурым утренним светом, нагонявшим еще большую тоску, и они тут, Пит и Бив, мертвецы явились за ее сыном.

В дверь снова ударили кулаком, раз, другой, с такой силой, что фотографии затряслись, особенно забранная в рамку первая страница местной «Ньюс» со снимком Даддитса, его друзей и Джози Ринкенхауэр. Все шестеро стоят обнявшись, с глупыми широкими улыбками до ушей (как прекрасно выглядел Даддитс на этом снимке, каким сильным и нормальным), а внизу подпись крупными буквами:

ДРУЗЬЯ-ШКОЛЬНИКИ ИГРАЮТ В ДЕТЕКТИВОВ.
ПРОПАВШАЯ ДЕВОЧКА НАЙДЕНА.

Бац! Бац! Бац!

Нет, подумала она. Буду сидеть тихо, и рано или поздно они уйдут, должны уйти, не могу же я пригласить мертвецов, главное, не подавать виду...

Но мимо стремглав промчался Даддитс — промчался, — хотя в последнее время даже ходил с трудом, и его глаза наполнились тем прежним несказанным сиянием, какими хорошими мальчишками они были, сколько счастья принесли ему, но теперь мертвы, пришли за ним сквозь бурю, мертвые!

— Дадди, нет! — вскрикнула она, но он, не слушая, пролетел мимо старой фотографии: Даддитс Кэвелл на первой странице, Даддитс Кэвелл герой, бывают же чудеса, и она услышала, как он кричит, открывая дверь:

— Ени! Ени! ЕНИ!

8

Генри открыл было рот, пытаясь что-то сказать — он сам не знал что, слова не шли с языка. Он застыл, как громом пораженный. Это не Даддитс, не может быть Даддитс, наверное, какой-то больной дядюшка или двоюродный брат, белый, как стенка, лысая макушка кое-как прикрыта съехавшей набок бейсболкой «Ред сокс», щетинистые щеки, засохшая кровь под носом, огромные темные круги под глазами. И все же...

— Ени! Ени! Ени!

Смеясь. Плача. Покрывая его звонкими чмокающими, уже немного позабытыми поцелуями... Поцелуями прежнего Даддитса. Где-то глубоко, в хранилищах памяти, Бивер Кларендон прошептал: «Если вы, парни, кому-нибудь проболтаетесь...» И ехидная реплика Джоунси: «Да-да, ты больше никогда не будешь водиться с нами, онанист гребаный...» Даддитс, это Даддитс целует щеки Генри, покрытые пятнами красной проказы... но почему у него такой вид? Ужасно худой... нет, не то слово, изможденный. А кровь в ноздрях, запах, исходящий от него, не та вонь, что от Бекки Шу, не смрад затканного байрумом дома, но все равно безошибочный запах смерти.

И Роберта была тут. Стояла в прихожей под снимком Даддитса и Элфи на карнавале «Дни Дерри». Оба счастливые, веселые, оседлавшие пластиковых карусельных коней.

Не приехал на похороны Элфи, но послал открытку, подумал Генри, презирая себя.

Роберта ломала руки, глядя на него глазами, полными слез, и хотя она немного пополнила в груди и бедрах, а волосы почти совсем поседели, все же ее сразу можно было узнать, а Даддитс... о Господи, Даддитс...

Генри смотрел на нее, обнимая старого друга, продолжающего выкрикивать его имя. И осмелился похлопать Даддитса по плечу, остро ощутив хрупкость кости, казалось, готовый рассыпаться от малейшего прикосновения, как крылышко птички.

— Роберта, — сказал он, — Роберта, Боже мой, что с ним?

— ОЛЛ, — ответил она, выдавив слабую улыбку. — Звучит, как название стирального порошка, верно? Острый лимфолейкоз. Обнаружили девять месяцев назад, и лечить, по-видимому, было уже поздно. Все, что остается, — выиграть немного времени.

— Ени! — воскликнул Даддитс. Посеревшее измученное лицо освещено прежней нелепой улыбкой. — Ень оой, емо се о зе.

— Верно, — кивнул Генри и заплакал. — День другой, дерьмо все то же.

— Я знаю, почему вы здесь, — сказала Роберта, — но не нужно. Пожалуйста, Генри. Умоляю. Не забирайте моего мальчика. Он умирает.

9

Курц уже собирался выслушать отчет Перлмуттера о последних продвижениях Андерхилла и его нового друга — Генри, вот как его зовут, Генри Девлин, — но тот испустил долгий вибрирующий крик, обернув лицо к крыше «хамви». Как-то в Никарагуа Курц помог женщине произвести на свет ребенка (и они еще называют нас извергами, сентиментально думал он), и этот вопль напомнил о том случае, на берегах прекрасной реки Ювена.

— Держись, Перли! — крикнул Курц. — Держись, дружище! Дыши глубже, ну? Вдох-выдох, вдох...

— Мать твою! — выл Перли. — Взгляни, во что ты меня втравил, старая сволочь! МАТЬ ТВОЮ!

Курц не обиделся. Роженицы иногда говорят ужасные вещи, и хотя Перли явно не принадлежал к слабому полу, Курцу почему-то казалось, что муки, которые он сейчас испытывает, мало чем отличаются от родов. Может, и следовало бы избавить Перлмуттера от мучений...

— Попробуй только, — простонал Перли. Слезы боли катились по красным щекам. — Попробуй только, старая погань, вонючая ящерица!

— Не волнуйся, парнишка, — уговаривал Курц, глядя вздрагивающее плечо Перлмуттера. Впереди слышался мерный лязг снегоочистителя: Курц уговорил водителя проложить трассу (едва хмурый рассвет высветлил небо, скорость грузовика увеличилась до головокружительных тридцати пяти миль в час). Габаритные огни снегоочистителя мерцали грязными красными звездами.

Курц подался вперед, блестящие неподдельным интересом глаза так и сверлили Перлмуттера. На заднем сиденье было очень холодно, ветер задувал в разбитое окно, но Курц ничего не замечал. Перед куртки Перли медленно раздувался, как воздушный шар, и Курц снова вытащил пистолет.

— Босс, если он снова...

Но прежде чем Фредди успел договорить, Перлмуттер оглушительно пукнул. По кабине мгновенно распространился невыносимо омерзительный запах, но Перли, похоже, ничего не заметил. Голова бессильно моталась по спинке сиденья, глаза полузакрыты, на лице выражение огромного облегчения.

— Мать твою, — вскрикнул Фредди, снова опуская боковое стекло, несмотря на страшный сквозняк.

Курц зачарованно наблюдал, как неестественно огромный живот на глазах опадает. Но не до конца. Не до конца, и это, возможно, к лучшему. Тварь, растущая в Перлмуттере, еще может пригодиться. Не обязательно, но вероятно. Все твари служат Господу, как сказано в Писании, вероятно, и срань-хорьки не исключение.

— Держись, солдат, — повторил Курц, снова глядя Перлмуттера по плечу одной рукой, а другой кладя рядом с собой пистолет. — Держись и думай о Господе нашем.

— Хрен с ним, с Господом, — угрюмо ответил Перлмуттер, и Курц удивленно поднял брови. В жизни не подумал бы, что Перлмуттер способен на подобное кощунство!

Габаритные огни снегоочистителя ярко блеснули, и неуклюжая машина прижалась к правой обочине.

— Ого, — выдохнул Курц.

— Что делать, босс?

— Становись за ним, — жизнерадостно приказал Курц, нащупывая, однако, пистолет. — Посмотрим, что нужно нашему новому другу. — Хотя, кажется, он и без того знал. — Фредди, что ты слышал от наших старых друзей? Ты их поймал?

— Только Оуэна, — крайне нерешительно признался Фредди. — Но не того парня, что с ним, и не того, за которым они гоняются. Оуэн свернул с

дороги. Они в доме. Говорят с кем-то.

— Дом в Дерри?

— Угу.

Водитель снегоочистителя вывалился наружу и сейчас пробирался к ним, с трудом вытаскивая из снега огромные резиновые сапоги. Просторная парка с капюшоном сгodiлась бы и эскимосу. Концы широкого шерстяного шарфа, из которого выглядывал только нос, развевались по ветру. Не требовалось быть телепатом, чтобы догадаться, что шарф связала жена или мать водителя.

Водитель сунул нос в окно и, вдохнув неподражаемый аромат серы и этилового спирта, брезгливо поморщился. Очевидно, компания показалась ему подозрительной, потому что он с опаской оглядел Фредди, растекавшегося по сиденью Перлмуттера и оживленно сверкавшего глазами Курца. Курц посчитал наиболее благоразумным на время сунуть пистолет под левую коленку.

— Да, кэп? — осведомился он.

— Радиограмма от какого-то парня, назвавшегося Рэндаллом, — сообщил водитель, стараясь перекрыть шум ветра. Судя по выговору, он был чистокровным янки, уроженцем Новой Англии. — Генерал Рэндалл. Утверждал, будто говорил по спутниковой связи, прямо с Шайеннской горы в Вайоминге.

— Имя ничего мне не говорит, кэп, — все так же жизнерадостно продолжал Курц, полностью игнорируя несчастного Перлмуттера, который не переставал стонать: «Все ты врешь, врешь, врешь...»

Водитель мельком взглянул на него и тут же вновь уставился на Курца.

— Парень назвал мне условную фразу: «Конец Блю». Это что-то значит для вас?

— Меня зовут Бонд, Джеймс Бонд, — рассмеялся Курц. — Кто-то дурачит вас, капитан.

— Передал, что ваша миссия окончена и что страна благодарит вас.

— Ничего не упомянул насчет золотых часов, дружище? — ухмыльнулся Курц.

Водитель нервно облизнул губы.

Интересно, подумал Курц. Он успел точно уловить тот самый миг, когда водитель решил, что имеет дело с психом. Точно уловить.

— Насчет золотых часов мне ничего не известно. Просто хотел доложить, что дальше без приказа не имею права ехать.

Вместо ответа Курц выхватил пистолет и прицелился водителю в лоб.

— Вот твой приказ, приятель, с подписью и печатью. Годится?

Водитель молча вытаращился на оружие голубыми глазами янки, но, похоже, не слишком испугался.

— Думаю, годится. Все в порядке.

Курц расхохотался.

— Молодец! Умница! А теперь в путь. И если захочешь немного прибавить скорости, Господь тебя возлюбит. Видишь ли, в Дерри находится тот, кого необходимо... — Курц поискал подходящее слово и, удовлетворенно кивнув, договорил: — ...выслушать.

Перлмуттер то ли застонал, то ли засмеялся. Водитель попятился.

— Не обращай внимания, он в положении, — доверительно сообщил Курц. — Еще немного, и начнет требовать устриц и пикулей с укропом.

— В положении, — эхом отозвался водитель на удивление невыразительным голосом.

— Да, но это не важно. И не твои проблемы. Дело в том, дружище... — Курц подался вперед и заговорщически прошептал, не опуская, однако, револьвера: — ...что я должен поймать того парня в Дерри. Думаю, скоро он выберется из города и наверняка знает, что я охочусь за его задницей...

— Он все знает, — перебил Фредди Джонсон, почесав шею, и принялся скрести в паху.

— А пока нужно сократить расстояние, — продолжал Курц. — Ну, напряжешь мозги или как?

Водитель кивнул и направился к снегоочистителю. Стало немного светлее.

Скорее всего это последний свет последнего дня моей жизни, с легким удивлением подумал Курц.

Перлмуттер опять застонал, сначала тихо, потом стон перешел в сверлящий уши вопль. Несчастный схватился за живот.

— Иисусе! — охнул Фредди. — Смотрите на его утробу, босс! Поднимается, как тесто.

— Дыши глубже, — велел Курц, благосклонно потрепав Перли по плечу. Снегоочиститель вновь пришел в движение. — Вдох-выдох, парень. Расслабься. Расслабься и думай о хорошем.

Сорок миль до Дерри. Сорок миль между мной и Оуэном, думал Курц. Неплохо, совсем неплохо. Я иду за тобой, дружище. Нужно преподать тебе

урок. Научить, что бывает с теми, кто перешел Черту Курца. Кто заступил ему дорогу.

Они проехали двадцать миль, и Андерхилл еще был в Дерри, если верить Фредди и Перлмуттеру, хотя теперь Фредди уже не был так уверен. Перли, однако, утверждал, что они говорят с матерью, то есть Оуэн и тот, другой, говорят с матерью. Мать не хочет его отпускать.

— Кого отпускать? — допытывался Курц, хотя ему, в общем, было все равно. Чья-то мать задерживает их в Дерри, позволяя преследователям сократить расстояние, так что Боже, благослови эту мать, кем бы она ни была и какими бы побуждениями ни руководствовалась.

— Не знаю, — пожал плечами Перли. Живот немного успокоился после беседы с водителем, но он ужасно устал. — Не вижу. Похоже, у него просто нет головы, куда можно заглянуть.

— Фредди?

— Оуэн для меня потерян, босс. Я едва слышу того парня в снегоочистителе. Все равно что... не знаю... все равно что упустить радиосигнал.

Курц привстал и присмотрелся к островку Рипли на щеке Фредди. Грибок в серединке наливался красно-оранжевым, но по краям выцвел до пепельно-белого.

Он погибает, подумал Курц. Либо что-то в крови Фредди убивает его, либо это среда. Оуэн прав. Будь я проклят, он прав!

Не то чтобы это что-то меняло. Черта есть Черта, и Оуэн ее переступил.

— Водитель, — устало сказал Перлмуттер.

— Что насчет водителя, дружище?

Но ответ был уже не нужен. Впереди поблескивает табличка с надписью:

ПОВОРОТ № 32 ГРЕНДВЬЮ (ГРЕНДВЬЮ-СТЕЙШН).

Снегоочиститель внезапно прибавил скорости, подняв лезвие плуга, и «хамви» снова пришлось пробираться сквозь сугробы едва не в фут высотой. Водитель не потрудился включить поворотник, просто съехал вниз на скорости пятьдесят миль, подняв за собой павлиний хвост поземки.

— За ним? — вскинулся Фредди. — Я его в лепешку раскатаю, босс!

Курца так и подмывало приказать Фредди догнать сукина сына, размазать по земле и показать, что бывает с человеком, переступившим Черту. Пусть хлебнет того лекарства, что Курц приготовил для Оуэна

Андерхилла.

— Отставить, парень. Следуй по шоссе, — велел он. — Охота продолжается.

Все же он с сожалением проводил взглядом снегоочиститель, исчезающий в морозном утреннем свете. Он даже надеяться не смел, что проклятый янки схватил дозу от Фредди и Арчи Перлмуттера, потому что грибок, как оказалось, недолговечен.

Они продолжали путь. Скорость вновь снизилась до двадцати, но, по предположениям Курца, дальше, к югу, дороги не так занесло. Ураган почти выдохся.

— Поздравляю, — шепнул он Фредди.

— А?

— Похоже, ты выздоравливаешь, — сказал он и, тронув за плечо Перлмуттера, добавил — А вот насчет тебя не знаю, парень.

11

В ста милях к северу от того места, где находился Курц, и менее чем в двух милях от развилки двух проселочных дорог, где захватили Генри, новый командир группы «Империзл Вэлли», женщина лет сорока, с сурово застывшими чертами красивого лица, стояла у толстой сосны в долине с кодовым названием Зачистка-один. Зачистка-один стала, фигурально говоря, долиной смерти. Землю устилали груды изуродованных трупов, почти все в оранжевых куртках. Всего больше сотни. На шеях висели удостоверения личности или водительские права, но были также и кредитные карточки «Виза», «Дискавер» и «Блу Кросс», и охотничьи лицензии. На груди женщины с большой черной дырой во лбу поблескивала членская карточка Клуба любителей видео.

Стоя возле самой высокой горы тел, Кейт Галлахер производила приблизительные подсчеты, прежде чем составить второй доклад. В одной руке она держала карманный компьютер, машинку, которой, несомненно, позавидовал бы Адольф Эйхман, знаменитый в свое время автор чудовищного мартиролога. Электроника, отказавшая во время визита пришельцев, сейчас, похоже, пришла в норму.

На голове Кейт красовались наушники, перед маской болтался микрофон. Время от времени она что-нибудь уточняла или отдавала очередной приказ. Курц сделал идеальный выбор: его энергичная приемница знала свое дело. Подводя итоги, Галлахер определила, что ее

группа отловила почти шестьдесят процентов сбежавших. Штафирки, как ни странно, подняли хвосты и попытались сопротивляться, но кишка оказалась тонка. Они просто не приспособлены к выживанию, только и всего.

— Эй, Кэти-Кэт! — окликнула Джослин Макэвой, появляясь из-за деревьев с противоположного конца долины: капюшон откинут, короткие волосы повязаны зеленым шелковым шарфом, ремень автомата перекинут через плечо. На куртке алеет мазок крови. — Напугала тебя? — засмеялась она.

— У меня даже давление подскочило!

— Слушай, квадрат четыре зачищен, — сверкнула глазами Макэвой. — Мы сделали около сорока. Джексон доложит точнее, он куда тверже меня в математике. Кстати, о твердом, мне сейчас не помешал бы хороший твердый...

— Извините, леди...

Женщины обернулись.

Из заметенных снегом кустов на северном конце долины показалась группа: с полдюжины мужчин и две женщины. Почти все в оранжевом, но командиром, похоже, был приземистый мужчина, этакий шкафчик, в форменном комбинезоне Блю-группы, видневшемся из-под куртки. На лице тоже сидела прозрачная маска, хотя прямо под ней краснела полоска Рипли. Все были вооружены автоматами.

Галлахер и Макэвой едва успели обменяться растерянными взглядами людей-застигнутых-врасплох-со-спущенными-штанами. Макэвой рефлекторно схватилась за автомат, а Кейт Галлахер потянулась за прислоненным к дереву «браунингом». И обе опоздали. Сухая строчка выстрелов прошила воздух. Макэвой отбросило футов на двадцать. Сапог сорвался с ноги и повис на ветке.

— Это за Ларри! — взвизгнула одна из оранжево-курточных женщин. — Это за Ларри, суки. Это за Ларри!

Когда в долине вновь стало тихо, приземистый мужчина с Рипли-эспаньолкой собрал подчиненных около лежащего ничком трупа Кейт Галлахер, которая была когда-то девятой на выпускном курсе Уэст-Пойнта, прежде чем заразиться проказой, именуемой Курц. Приземистый мужчина оценивающе оглядел ее автомат, явно лучшего качества, чем у него.

— Я твердо верю в принципы демократии, — начал он, — поэтому вы, друзья, можете делать все, что хотите, а я подамся на север. Не представляю, сколько придется учить канадский гимн, но попробую узнать.

— Я с тобой, — вызвался один из мужчин, и вскоре стало ясно, что никто не собирается откалываться от группы.

Прежде чем уйти, командир нагнулся и вытащил из снега карманный компьютер.

— Всегда мечтал о таком, — признался Эмил «Дог» Бродски. — Обожаю всякие новинки.

Они покинули долину смерти в том же направлении, откуда пришли. Время от времени в лесу раздавались одиночные выстрелы, пулеметный огонь, но было уже ясно, что операция «Зачистка» тоже закончена.

13

Мистер Грей совершил очередное убийство и украл очередное транспортное средство, на этот раз снегоочиститель Управления общественных работ. Джоунси не знал подробностей, поскольку не присутствовал при этом. Мистер Грей, очевидно, решив, что не сможет выманить Джоунси из офиса (во всяком случае, до тех пор, пока не займется этой проблемой вплотную), начисто отгородил его от внешнего мира. Теперь Джоунси знал, что чувствовал Фортунато, когда Монтрезор заложил кирпичом выход из винного погреба^[72].

Все случилось вскоре после того, как мистер Грей вновь повернул патрульную машину на юг. Сейчас на шоссе осталась всего одна более или менее свободная колея, и та успела обледенеть. Джоунси в это время претворял в жизнь идею, казавшуюся на первый взгляд просто блестящей.

Мистер Грей лишил его телефона? Черт с ним, он создаст новый вид связи, как создал термостат для охлаждения чуть ли не раскаленного офиса, когда мистер Грей пытался выманить его за дверь. Пожалуй, самым подходящим будет факс. Почему бы нет? Все, что от него требуется: сосредоточиться, представить себе аппарат и пустить в ход силу, дремавшую в нем почти двадцать лет. Недаром мистер Грей сразу почуял эту силу и, преодолев первоначальную растерянность, сделал все, чтобы помешать Джоунси ею воспользоваться. Штука в том, чтобы обойти все препоны, поставленные мистером Греем, пока тот ищет способы продвинуться на юг.

Джоунси закрыл глаза и попытался мысленно нарисовать факс, такой

же, какой был в офисе исторического факультета, только поместил его в кладовку своего нового офиса. Потом, чувствуя себя Аладдином, потирающим волшебную лампу (только количество исполняемых желаний бесконечно, если, разумеется, не слишком увлекаться), он также представил стопку бумаги и карандаш «Берол Блек Бьюти», лежащий рядом. Потом заглянул в кладовку, проверить, что он натворил.

Похоже, получилось... по крайней мере с первого взгляда так кажется... хотя карандаш несколько странный: новенький, заточенный, но конец весь изжеван. Как и должно быть, верно? Ведь это Бивер пользовался карандашами «Блек Бьюти», еще с начальной школы. Остальные предпочитали более привычные «Эберхард Фаберс».

Стоящий на полу, под вешалкой, на которой болталась единственная оранжевая куртка (та самая, которую купила мать перед первой поездкой и заставила поклясться, приложив руку к сердцу, что он станет надевать ее каждый раз, как только сделает шаг за порог), факс выглядел идеально и к тому же ободряюще гудел.

Но какое же разочарование охватило его, когда Джоунси встал перед ним на колени и прочел сообщение в освещенном оконце:

СДАВАЙСЯ, ДЖОУНСИ, ВЫХОДИ.

Он поднял телефонную трубку и услышал механический голос мистера Грея.

— Сдавайся, Джоунси, выходи, сдавайся, Джоунси, выходи, сдавайся...

Одновременно раздался такой бешеный стук, что Джоунси подпрыгнул от страха, твердо уверенный в том, что мистер Грей раздобыл спецназовскую монтировку для взлома дверей и сейчас вломится внутрь.

Оказалось все куда хуже. Мистер Грей поставил на окна промышленные стальные ставни, к тому же серого цвета. Теперь Джоунси был не просто узником. Его ослепили.

Прямо перед глазами краснели большие, выведенные на внутренней поверхности ставен буквы:

СДАВАЙСЯ, ВЫХОДИ.

Джоунси почему-то вспомнил «Волшебника страны Оз», СДАВАЙСЯ, ДОРОТИ, написанное в небе, и едва не рассмеялся. Но не смог. Какое уж тут веселье, какая ирония! Настоящий ужас!

— Нет! — крикнул он. — Сними их! Сними, черт бы тебя побрал!

Нет ответа. Джоунси размахнулся, собираясь расколотить стекла, наброситься на стальные ставни, но тут же взял себя в руки:

Снял ты, что ли? Именно этого он и добивается. Стоит тебе разбить окно, как он мигом уберет ставни и окажется здесь. И ты пропал, приятель.

Он ощутил какое-то движение: тяжелую поступь снегоочистителя, сытое урчание мотора. Где они сейчас? Уотервилл? Огаста? Еще дальше к югу? В зоне, где снег сменился дождем? Скорее всего нет. Мистер Грей вряд ли выбрал бы снегоочиститель, если бы представилась возможность передвигаться с большей скоростью. Но все еще впереди. Потому что они едут на юг.

Но куда именно?

С таким же успехом я мог бы уже отправиться на тот свет, подумал Джоунси, безутешно взирая на закрытые ставни с издевательским посланием. Уж лучше бы мне умереть.

14

В конце концов именно Оуэн взял Роберту Кэвелл за руки и, кося одним глазом на бегущие стрелки часов, слишком хорошо сознавая, что каждые полторы минуты Курц становится ближе еще на милю, объяснил, почему они должны взять Даддитса с собой, как бы плохо ему ни было. Даже в этих обстоятельствах Генри не сумел заставить себя с серьезным лицом произнести сакраментальную фразу: «от этого зависит судьба мира». Но Андерхилл, всю жизнь служивший своей стране с оружием в руках, смог — и сказал.

Даддитс по-прежнему обнимал Генри, глядя на него ослепительно сверкавшими зелеными глазами. Только эти глаза и не изменились. И чувство, которое Генри всегда испытывал рядом с Даддитсом — что все в порядке или скоро будет.

Роберта с отчаянием уставилась на Оуэна, с каждой минутой все больше старея, словно по чьей-то злой воле время помчалось с невероятной быстротой, и листки календаря слетали один за другим.

— Да, — твердила она, — да, понимаю, вы хотите найти Джоунси... поймать, но что он хочет сделать? И если приезжал сюда, почему не сделал это здесь?

— Мэм, мне трудно ответить на эти вопросы...

— Воа, — внезапно вмешался Даддитс. — Оси оцет воу.

Войну? — мысленно спросил у Генри встревоженный Оуэн. Какую войну?!

Не важно, ответил Джоунси, и его голос в голове Оуэна был опять еле слышен. Нам пора.

— Мэм, миссис Кэвелл, — начал Оуэн, очень осторожно беря ее за руку. Генри любил эту женщину, как мать, и Оуэн понимал почему. От нее исходила аура доброты, благожелательности и непередаваемого обаяния. — Мы должны ехать.

— Нет. О, пожалуйста, скажите «нет». — Она снова заплакала.

«Не надо, леди, — вертелось на языке Оуэна. — Дела и без того хуже некуда. Пожалуйста, не надо».

— За нами гонятся. Очень нехороший человек. Мы должны исчезнуть, пока он не явился.

Несчастное печальное лицо Роберты осветилось решимостью.

— Хорошо. Согласна. Но тогда я еду с вами.

— Нет, Роберта, — покачал головой Генри.

— Да-да! Я позабочусь о нем! Дам таблетки... преднизон... захвачу лимонные тампоны, и...

— Ама, айся есь.

— Нет, Даддитс, нет!

— Ама, айся есь. Аано! Аано! — возбужденно твердил Даддитс. «Мама, оставайся здесь. Безопасно...»

— У нас нет времени, — напомнил Оуэн.

— Роберта, — повторил Генри. — Пожалуйста.

— Позвольте мне ехать! — заплакала она. — Дадди — это все, что у меня есть!

— Ама, — твердо сказал Даддитс странно взрослым голосом. — Айся ЕСТЬ.

Роберта взглянула на сына и как-то сразу поникла.

— Хорошо, — сказала она. — Еще минуту. Мне нужно кое-что собрать.

Она метнулась в комнату Даддитса и вернулась с бумажным пакетом.

— Это его таблетки. В девять надо дать преднизон. Не забудьте, иначе он расчихается так, что грудь заболит. Если попросит, дайте перкосен, а он скорее всего попросит, потому что в последнее время не терпит холода.

Роберта смотрела на Генри грустно, но без упрека. А он почти хотел, чтобы его осуждали. Видит Бог, ни одного своего поступка он не стыдился больше, чем этого. Дело даже не в лейкозе. В том, что Даддитс так давно и

тяжело болен, а они даже не знали.

— И лимонные тампоны... смазывайте только губы, десны в последнее время кровоточат, и лимонный сок щиплет. Вата в нос, если пойдет кровь. Да, и катетер. Видите, на плече?

Генри кивнул. Пластиковая трубка, торчащая из марлевой повязки. При виде нее Генри мгновенно испытал deja-vю.

— Прикрывайте его, когда выходите на улицу... Доктор Бриско посмеивается надо мной, но я уверена, что холод проникает внутрь... достаточно шарфа... даже носового платка...

Она снова плакала, безуспешно стараясь сдержать всхлипы.

— Роберта... — начал Генри, тоже поглядывая на часы.

— Я позабочусь о нем, — сказал Оуэн. — Я ухаживал за па до самой смерти. И знаю насчет преднизона и перкосена все.

Все — и больше: сильнодействующие стероиды, мощные болеутоляющие. А в конце — марихуана, метадон и, наконец, чистый морфий, куда круче любого героина. Морфий — самое надежное оружие смерти.

Она немедленно коснулась его сознания: странное, щекочущее ощущение, совсем как когда ступаешь босыми пятками по пушистому ковру. Даже чуть приятно. Она пыталась понять, правду ли он сказал об отце: скромный подарок от ее необыкновенного сына. Оуэн понял, что она так давно пользовалась им, что теперь даже не понимала, что именно делает... совсем как друг Генри Бивер, вечно жующий зубочистки. Конечно, до Генри ей было далеко, но все же и она кое-что умела, и Оуэн ничему в жизни так не радовался, как тому, что сейчас не солгал.

— Не лейкоз, — сказала она.

— Рак легких. Миссис Кэвелл, нам в самом деле надо...

— Мне нужно дать ему еще кое-что.

— Роберта, мы не можем... — начал Генри.

— Я мигом, мигом! — Она бросилась на кухню.

Оуэн вскинул голову. Вид у него был испуганный.

— Курц и Фредди с Перлмуттером... Генри, я не могу сказать, где они! Я их потерял!

Генри открыл пакет с лекарствами, заглянул внутрь. И поражение застыл, словно загипнотизированный видом того, что лежало на коробке с глицерино-лимонными тампонами. Он ответил Оуэну, но голос, казалось, доносился с дальнего конца некоей никем не открытой долины, о существовании которой Генри не подозревал. Теперь он знал, что такая долина есть. И была. Не один год. Нельзя, невозможно утверждать, будто

Генри в голову не приходила мысль о чем-то подобном, но почему, во имя Господа, он все это время был настолько ленив и нелюбопытен?!

— Они только что прошли поворот № 29, — сказал Генри. — В двадцати милях от нас. А может, и ближе.

— Что это с тобой?

Генри сунул руку в пакет и вытащил непонятного назначения паутину из бечевки, висевшую над кроватью Даддитса здесь и в доме на Мейпл-лейн.

— Даддитс, где ты взял это? — спросил он, хотя ответ уже был не нужен.

Ловец снов был меньше того, что болтался под потолком «Дыры в стене», но если не считать размеров, оба ничем не отличались друг от друга.

— Ие, — пояснил Даддитс, не сводя глаз с Генри. Будто так до конца и не поверил, что Генри рядом. — Ие ал ме. А одето, а олой ее.

Хотя возможность читать чужие мысли угрожающе иссякала, по мере того как организм справлялся с байрумом, Оуэн легко понял, о чем идет речь. «Бивер прислал на Рождество. На прошлой неделе», — сказал Даддитс. Для людей, пораженных синдромом Дауна, времени фактически не существовало, и, похоже, Даддитс не исключение. Для него прошлое — это «та неделя», будущее — «следующая». Оуэн подумал, что, если бы так считали все, в мире было бы куда меньше печали и ненависти.

Генри бросил последний взгляд на маленького Ловца снов и убрал его в пакет как раз в ту минуту, когда в прихожую ворвалась Роберта. Завидев ее, Даддитс расплылся в улыбке.

— Уби-у! — воскликнул он. — Оя ока!

Он схватил коробку и расцеловал мать в обе щеки.

— Оуэн, — сказал Генри, блестя глазами. — У меня о-о-чень хорошие новости.

— Выкладывай.

— Ублюдки застряли: перевернулся трактор с прицепом, как раз рядом с поворотом № 28. Потеряют минут десять, а то и двадцать.

— Слава Богу. Хоть небольшая передышка. — Оуэн подошел к вешалке, на которой висела гигантского размера куртка с капюшоном и надписью ярко-красными буквами поперек спины: RED SOX WINTER BALL. — Это твоя, Даддитс?

— Ая, — кивнул тот, улыбаясь. — Ука. — И едва Оуэн потянулся за ней, добавил: — Ы иив ак ы али Оси.

Поняв смысл его слов, Оуэн передернулся от озноба.

«Ты видел, как мы нашли Джози».

Он и в самом деле видел... и Даддитс это знает. Заметил его вчера ночью — или в тот день, девятнадцать лет назад? Неужели, ко всему прочему, Даддитс способен путешествовать во времени?

Но на расспросы времени не осталось, и Оуэн был почти рад этому.

— Я сказала, что не буду возиться с коробкой, но, конечно, все сделала, — сказала Роберта, глядя, как Даддитс, перекладывая коробку из руки в руку, неуклюже справляется с курткой, тоже подарком от бостонской «Ред сокс». На ярко-голубом фоне куртки и еще более ярко-желтом коробки его лицо казалось неестественно бледным. — Я знала, что он поедет. А меня не возьмут. Пожалуйста, Генри, можно я с вами?

— А что, если вам придется умереть у него на глазах? — спросил Генри, ненавидя себя за жестокость. За то, что жизнь так вышколила его. Научила нажимать нужные кнопки. — Хотите, чтобы он все это видел, Роберта?

— Нет, конечно, нет, — устало ответила она и после короткой паузы добавила, ранив Генри в самое сердце: — Будьте вы прокляты!

Потом подошла к Даддитсу, оттолкнула Оуэна, быстро застегнула молнию куртки и, взяв его за плечи, всмотрелась в глаза. Маленькая, неугомонная птичка-женщина. Высокий, бледный сын, затерявшийся в огромной куртке. Слезы Роберты внезапно высохли.

— Будь хорошим мальчиком, Дадди.

— Уду, ама.

— Слушайся Генри.

— Уу, ама. Уу ууся Ени.

— Не расстегивайся. Кутайся получше.

— А, ама, — послушно вторил Даддитс, которому явно не терпелось поскорее уйти, и это вновь вернуло Генри к прошлому: походы за мороженым, игра в мини-гольф (Даддитс, как ни странно, был прекрасным игроком, только Питу удавалось иногда его побить), путешествия в кино, и всегда «слушайся Генри», или «слушайся Джоунси», или «слушайся друзей», и всегда «будь хорошим мальчиком, Дадди», и всегда «я уу ошим, ама».

Она оглядела его в последний раз.

— Я люблю тебя, Дуглас. Ты всегда был замечательным сыном, и я очень тебя люблю. Поцелуй меня.

Даддитс поцеловал мать; та нерешительно, словно украдкой, погладила его небритую щеку. Вынести это не было сил, но Генри все же смотрел, смотрел, потому что был так же бессилен, как муха, попавшая в

паутину. Всякий Ловец снов был к тому же капканом.

Даддитс еще раз чмокнул мать, но блестящие зеленые глаза перебежали с Генри на дверь. Даддитс торопился. Почему? Знал, что люди, которые охотятся на Генри и Оуэна, совсем близко? Или для него это — приключение, как в прежние времена, когда их пятерка была неразлучной? И то, и другое? Возможно.

Роберта разжала руки и отступила, с отчаянием глядя на сына.

— Роберта, — прошептал Генри, — почему вы не сказали нам, что происходит? Почему не позвонили?

— А почему вы не приезжали?

Генри мог бы спросить, почему не звонил Даддитс, но это было бы прямой ложью. Даддитс постоянно звонил, с самого марта, когда Джоунси попал в аварию. Он подумал о Пите, сидевшем в снегу рядом с перевернутым «скаутом» и писавшем Даддитс — раз, другой, третий... Даддитс, заточенный на острове «Где-то-там» и умирающий в тюрьме, Даддитс, посылающий призыв за призывом, но в ответ — молчание. Наконец, один из друзей явился только затем, чтобы увезти его, в спешке, с одним пакетом лекарств и коробкой для завтраков. В Ловце снов не было доброты. Они желали Даддитсу только хорошего, даже в тот, первый день искренне его любили. И все же дошло до такого.

— Береги его, Генри. — Роберта перевела взгляд на Оуэна: — И вы тоже. Берегите моего сына.

— Мы постараемся, — пообещал Генри.

15

Развернуться на Дирборн-стрит было негде, все подъездные дорожки замело. В разгорающемся свете утра спящий городок напоминал эскимосский поселок в тундре Аляски. Оуэн подал «хамви» назад, и так, постепенно, выбрался со двора и стал пятиться по улице. Огромный кузов неуклюже раскачивался из стороны в сторону. Бампер зацепил какую-то занесенную снегом, припаркованную на обочине машину, послышался звон разбитого стекла, и они снова вырвались через замерзшие снежные заграждения на перекресток, а затем и на Канзас-стрит. Оставалось выбраться на шоссе. Все это время Даддитс спокойно сидел на заднем сиденье, положив коробку на колени.

Генри, почему Даддитс сказал, что Джоунси хочет войны? Какая война?

Генри пытался послать мысленный ответ, но Оуэн больше его не слышал. Байрум на его лице побелел, и стоило почесать щеку, как разом отваливались целые клочья. Кожа под ними выглядела покрасневшей и раздраженной, но ничего не болело.

«Все равно что простудиться, — удивлялся Генри. — Не серьезнее насморка».

— Он не сказал «война», Оуэн.

— Воа, — согласился Даддитс с заднего сиденья и, подавшись вперед, взглянул на большой зеленый знак с надписью 95 НА ЮГ. — Оси оцет еоу.

Оуэн наморщил лоб: пряди мертвого байрума белесой перхотью спорхнули на куртку.

— Что...

— Вода, — пояснил Генри, похлопав Даддитса по костлявой коленке. — Он пытается сказать, что Джоунси нужна вода. Только это не Джоунси. Тот, кого он зовет «мистер Грей».

16

Роберта вошла в комнату Даддитса и принялась собирать разбросанную одежду. Она с ума сходила при мысли о том, как безжалостно и грубо вырвали у нее Даддитса, но, наверное, беспокоиться об этом больше не стоит.

Не прошло и пяти минут, как ноги подогнулись, и она едва доползла до стула у окна. Вид кровати, в которой он провел последний год, преследовал ее. Невозможно было смотреть на подушку, еще сохранившую отпечаток его головы.

Генри воображал, что она позволила Даддитсу уехать, потому что, как они верили, будущее всего мира зависело от того, найдут ли они Джоунси и как быстро. Но это не так. Она отпустила Даддитса потому, что ОН так захотел. Умирующие получают в подарок бейсболки с автографами; умирающие также имеют право поехать в путешествие со своими друзьями.

Но как это тяжело.

Как тяжело терять его.

Она поднесла к лицу стопку его футболок, чтобы не видеть этой смятой постели, и вдохнула его запах: шампунь «Джонсон», мыло «Дайал», и сильнее всего, хуже всего крем с арникой, которым она растирала его спину и ноги, когда они болели.

Не помня себя от отчаяния, она попыталась проникнуть в сознание сына, найти его вместе с теми двумя, которые пришли в ночи, как мертвые, и увели его, но так и не смогла.

Он заблокировался от меня, подумала она. За долгие годы они привыкли к телепатическому общению, возможно, совсем немного отличающемуся от того, каким владеют почти все матери особых детей (она столько раз слышала слово «контакт» на тех собраниях группы поддержки, которые посещала вместе с Элфи), но теперь все исчезло. Даддитс отгородился от нее, а это означало, что должно случиться что-то ужасное.

Он знал.

Все еще прижимая к лицу футболки и вдыхая его запах, Роберта снова заплакала.

Курц был в порядке (в относительном, конечно) до тех пор, пока в мрачном утреннем свете не замелькали яркие синие вспышки проблесковых маячков патрульных машин. Поперек дороги, как мертвый динозавр, валялся трактор с прицепом. Закутанный до ушей полицейский сделал им знак свернуть к съезду с шоссе.

— Блядство! — выплюнул Курц, подавив желание выхватить пистолет и открыть пальбу. Он понимал, что это самоубийство: полицейских было не меньше дюжины, но все равно испытывал жгучую, почти неконтролируемую потребность. Они были так близки к цели, клянусь ранами Христа распятого! И такая осечка. — Блядство, блядство, блядство!

— Что делать, босс? — бесстрастно осведомился Фредди, кладя тем не менее на колени автомат. — Если я прижму их, мы сможем объехать справа. Минута, не больше.

И снова Курц с трудом унял порыв приказать: «Да, Фредди, давай напролом, и если кто-то из синебрюхих попробует пасть разинуть, выпусти ему кишки».

Фредди мог прорваться... а мог и не прорваться. Курц уже понял, что как водитель он немного стоит. Подобно большинству пилотов, Фредди самоуверенно считал, что небесный транспорт ничем не отличается от наземного. Если они даже и проскочат, все равно поднимется шум. А это совсем нежелательно, после того как Генерал-Трусливая-Жопа — Рэндалл — приказал свертывать операцию. Его мандат на вседозволенность

ликвидирован вместе с индульгенцией. И теперь Курц предоставлен себе. Одинокий борец за справедливость.

Ничего, будем действовать по-умному, подумал он. Недаром мне платили большие баксы за мои мозги.

— Будь хорошим мальчиком и сворачивай, куда тебе показали, — вслух произнес он. — Помаши ему ручкой, выставь большие пальцы, сделай вид, что ты в полном восторге. Продолжай ехать к югу и возвращайся на шоссе при первой возможности. Господь любит неудачников.

Он наклонился к Фредди, достаточно близко, чтобы увидеть белеющий пух в его правом ухе, и прошептал, как пылкий любовник:

— Но если подведешь нас, паренек, я сам влеплю тебе пулю в затылок. — И коснувшись того места, где мягкая шея соединяется с твердым черепом, уточнил: — Прямо сюда.

Неподвижное, деревянно-индейское лицо Фредди не дрогнуло.

— Да, босс.

Курц, кивнув, схватил почти бесчувственного Перлмуттера за плечи и тряс, пока веки не дрогнули.

— Оставь меня в покое. Спать хочется.

Курц приставил дуло пистолета к спине бывшего адъютанта.

— Не выйдет. Проснись и улыбнись, дружище. Небольшой брифинг.

Перли застонал, но все же сел прямее и едва открыл рот, как оттуда вылетел зуб и упал на куртку. По мнению Курца, зуб был совершенно здоровым. «Смотри, ма, ни одной дырочки».

Перли подтвердил, что Оуэн и его новый приятель пока еще в Дерри. Прекрасно. Мням-мям. Ровно через четверть часа Фредди вырулил на шоссе по занесенному снегом пандусу. Поворот двадцать восемь, всего в одном перекрестке от цели, но и до него еще миля, не меньше.

— Они снова в пути, — неожиданно объявил Перлмуттер, еле ворочая языком.

— Черт бы все это побрал! — взорвался Курц вне себя от ярости, болезненной, бессильной ярости на Оуэна Андерхилла, ставшего для него символом провала всей несчастной, изначально обреченной операции.

Перли опять застонал: глухой, полный отчаяния звук. Живот снова стал расти. Он стискивал его, потя и извиваясь. Обычно невыразительное лицо, сейчас искаженное болью, стало почти прекрасным.

Он вновь разразился вонючими газами, и этот ужас длился вечность. Курц почему-то вспомнил о той ерунде, которую они мастерили в летнем лагере из консервных банок и навощенной бечевки. Стоило тронуть одну,

как раздавался оглушительный звон. Они называли их трещотками.

Запах, наполнивший «хамви», был смрадом рака, растущего во внутренностях Перли и сначала питавшегося отходами его организма, а потом и самой плотью. Зато Фредди явно выздоравливал, а Курц вообще не заразился проклятым грибком (может, у него иммунитет, в любом случае он успел снять маску и куда-то забросить). Перли же, хотя и умирает, еще пригодится: ценный кадр, человек с идеальным радаром в жопе. Рано или поздно та тварь, что сидит в нем, вырвется наружу, и это, вероятно, положит конец пригодности Перли, но Курц побеспокоится об этом, когда время придет.

— Держись, — ласково сказал он. — Прикажи своим внутренностям утихомириться и спи спокойно.

— Ты... мудак, — охнул Перлмуттер.

— Верно, — согласился Курц. — Как скажешь, дружище.

В конце концов Перли прав. Он и в самом деле мудак. Оуэн оказался трусливым койотом, и кто, как не он, запустил этого койота в чертов курятник?!

Они проезжали поворот № 27. Курц взглянул на пандус и, кажется, увидел следы шин «хамви», который вел Оуэн. Где-то там, на какой-то улице был дом, к которому стремились Оуэн и его новый приятель. Ради чего они так рисковали? Почему задержались почти на полчаса? Почему?

— Заехали, чтобы забрать Даддитса, — пояснил Перли. Его живот снова опал, и самый сильный спазм отпустил. Пока.

— Даддитс? Что за имя?

— Не знаю. Услышал от его матери. Самого Даддитса увидеть не могу. Он другой, босс. Словно не человек, а серый пришелец.

Курц насторожился.

— Мать считает этого парня, Даддитса, и мальчиком, и мужчиной, — добавил Перли.

Эти сообщения в отличие от предыдущих звучали оживленно, словно Перли заинтересовался неведомым Даддитсом. Господи, да что это с ним?

— Может, он слабоумный, — сказал Фредди.

Перли поднял брови.

— Может быть. Как бы то ни было, он болен. — И со вздохом добавил: — Я-то знаю, что он чувствует.

Курц снова похлопал его по плечу.

— Держи хвост пистолетом, парнишка. Как насчет тех типов, за которыми они гонятся? Гэри Джоунса и предполагаемого мистера Грея?

В общем, ему было все равно, но имелась возможность, что

продвижение и курс Джоунса и Грея — если Грей не плод воспаленного воображения Андерхилла — повлияют на продвижение и курс Андерхилла, Девлина и... Даддитса?

Перлмуттер покачал головой, закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья. Короткая вспышка энергии быстро истощилась.

— Ничего. Блокировка.

— Совсем ничего? — настаивал Курц.

— Есть что-то. Вроде черной дыры, — сказал Перли и сонно добавил: — Я слышу голоса. Много голосов. Они уже посылают подкрепление...

И словно по волшебству, на противоположной стороне шоссе появился самый большой караван, который Курц видел за последние двадцать лет. Во главе шли бок о бок два снегоочистителя, огромные, как слоны, разбрасывая лезвиями снег в разные стороны, расчищая завалы до бетона. Позади катились сдвоенные ряды грузовиков с песком, а уж за ними следовала двойная линия армейских трейлеров с тяжелыми платформами. Судя по очертаниям затянутых брезентом предметов, везли ракеты. На остальных находились тарелки радара, дальномеры, и бог знает что еще. Между ними затесались большие транспортеры с включенными фарами для перевозки личного состава. Световые конусы упирались в кузова идущих впереди машин. А в транспортерах... не сотни, тысячи солдат, готовых непонятно к чему... может, к третьей мировой войне, рукопашной с двухголовыми тварями, драке с разумными жуками из «Звездного десанта», чумой, смертью, безумием, Судным днем. Если «Империял Вэлли» под командованием Кейт Галлахер все еще не свернули операцию, им лучше поторопиться и дернуть прямо в Канаду, пока есть время. Не помогут им ни поднятые руки, ни вопли *Il n'y a pas d'infection ici*, этот фокус уже раз не прошел. И все это так бессмысленно и бесполезно...

В глубине души Курц признавал, что Оуэн был прав по крайней мере в одном: здесь все кончено. Можно сколько угодно закрывать дверь конюшни, хвала Господу, но лошадь уже украли.

— Они собираются перекрыть его навсегда, — сказал Перлмуттер. — Джефферсон-тракт только что стал пятьдесят первым штатом. И это полицейский штат.

— Ты все еще настроен на Оуэна.

— Пока, — рассеянно кивнул Перлмуттер. — Но долго это не продлится. Он выздоравливает. Теряет телепатию.

— Где он, дружище?

— Только что прошел поворот № 25. Милях в пятнадцати от нас. Не больше.

— Прибавить скорости, босс? — спросил Фредди.

Они потеряли шанс перехватить Оуэна из-за проклятого трактора. Не хватало еще окончательно потерпеть поражение, слетев с дороги.

— Отставить, — сказал Курц. — Подождем, посмотрим, как пойдут дела.

Скрестив руки на груди, он уставился на белоснежный мир, пролетающий мимо. Снег уже унялся, и дальше, на юг, дороги наверняка не такие скользкие.

Да, ничего не скажешь, последние двадцать четыре часа выдались более чем насыщенными. Он взорвал инопланетный корабль, пережил измену человека, которого считал своим логическим преемником, восстание и мятеж штафинок и в довершение всего получил отставку от штабного генерала, никогда не слышавшего о выстреле, сделанном в приступе гнева.

Веки Курца сомкнулись. Через несколько секунд он уже дремал.

Джоунси мрачно сидел за письменным столом, поглядывая то на неработающий телефон, то на Ловца снов, свисавшего с потолка (и медленно покачивавшегося на едва заметном ветерке), то на новые стальные ставни, которыми этот ублюдок Грей загородил окна. В ушах все время отдавалось низкое рычание, от которого подрагивали упершиеся в сиденье ягодицы. Похоже на газовую печь, которую давно не ремонтировали... но это не печь, а снегоочиститель, упорно торивший путь на юг, юг, юг... а на месте водителя мистер Грей, вероятно, в кепке с буквами DPW, украденной у последней жертвы, нажимает на педаль ногой Джоунси, вертит руль руками Джоунси, слушает приказы по рации ушами Джоунси.

Итак, Джоунси, сколько еще собираешься торчать здесь и жалеть себя?

Джоунси, успевший прикорнуть в кресле и почти задремать, подскочил. Голос Генри. Не переданный по телепатической связи — таковой больше не было, мистер Грей заблокировал все линии, кроме собственной. Нет, скорее прозвучавший в мозгу. И все равно укол оказался довольно чувствительным.

Никого я не жалею, просто меня отрезали! — начал было Джоунси и сам поморщился от капризного, почти оправдывающегося тона. Если бы он

попытался выразить свои эмоции в словах, присутствующие наверняка ничего не услышали бы, кроме жалкого скулежа побитой собаки. Не могу позвонить, не могу выглянуть, не могу выйти. Не знаю, где ты, Генри. Но я в настоящем тюремном изоляторе.

А мозги твои он тоже украл?

— Заткнись. — Джоунси устало потер висок.

И память с собой прихватил?

Нет. Конечно, нет. Даже здесь, за закрытыми дверями, отгородившими Джоунси от миллиардов помеченных маркером коробок, он все равно помнил, как в первом классе вытер соплю о косичку Бонни Дил (а потом пригласил ту же Бонни танцевать на вечере в седьмом), как Ламар Кларендон учил их игре, известной низким и непосвященным под названием крибидж, как принял Рика Маккарти за оленя. Джоунси помнил все это. Конечно, тут наверняка кроется разгадка, но будь он проклят, если знает, в чем она состоит. Может, потому что решение лежит на поверхности.

Застрять так глупо и распустить нюни после всех детективов, которые ты прочел, издевался засевающий в мозгу двойник Генри. Не говоря уже о фантастических фильмах о нашествии инопланетян — разве ты не пересмотрел их все, от «Дня, когда Земля остановилась» до «Нападения Помидоров-убийц». И после всего этого ты не способен раскусить серого типа? Не можешь раскопать его следы от неба до земли и узнать, где его логово?

Джоунси снова потер висок. Это не экстрасенсорика, это его собственный разум, и почему бы ему не заткнуться? Он, дьявол бы побрал все это, попал в западню, так что какая разница? Он мотор без передачи, телега без лошади, Мозг Донована в резервуаре с питательной жидкостью, упивающийся бесполезными снами.

Чего он хочет?

Начни отсюда.

Джоунси поднял глаза к Ловцу снов, танцующему в слабых потоках восходящего воздуха. Ощутил дрожь снегоочистителя, достаточно сильную, чтобы передаться картинам на стенах. Тина Джин Шлоссингер, вот как ее звали, и здесь, судя по сплетням, должен был висеть ее снимок, снимок с юбкой, задранной так высоко, что каждый мог увидеть «киску», и сколько подростков были одурманены этой мечтой?

Джоунси встал — почти вскочил — и принялся мерить шагами комнату, едва заметно прихрамывая. Ураган кончился, и бедро уже не так сильно ломило.

Вспомни Эркюля Пуаро, сказал он себе. Пусти в ход маленькие серые клеточки. Отрешишься от своих воспоминаний, думай только о мистере Грее. Логика, главное логика. Чего он хочет?

Джоунси остановился. Желания Грея вполне очевидны. Он приехал к водонапорной башне, вернее, к тому месту, где она когда-то стояла, потому что ему нужна вода. Не просто вода. Питьевая вода. Но водонапорная башня снесена, уничтожена страшным ураганом восемьдесят пятого — ха-ха, мистер Грей, промахнулись, — а теперешние запасы воды Дерри находятся чуть дальше, к северо-востоку, и, вероятно, совершенно недостижимы из-за метели, а кроме того, сосредоточены в разных местах. Поэтому мистер Грей, порывшись в доступном ему хранилище знаний Джоунси, вновь повернул на юг. По направлению к...

Внезапно он все понял. Ноги мгновенно сделались ватными, подкосились, и Джоунси рухнул на ковровое покрытие пола, не обращая внимания на укол боли в бедре.

Собака. Лэд. Собака все еще с ним?

— Ну конечно, — прошептал Джоунси. — Разумеется, сукин сын еще с ним. Даже сюда доносится его вонь. Пердит, как Маккарти.

Этот мир оказался враждебным байруму, а обитатели этого мира сопротивлялись с поразительной энергией, которую черпали из бездонного колодца человеческих эмоций. Но последнему уцелевшему инопланетянину поразительно везло, как игроку в кости, выбросившему шестерки десять раз подряд. Он нашел Джоунси, свою Тифозную Мэри, захватил его тело и большую часть сознания. Отыскал Пита, который довел его куда требовалось, после того, как сигнальный огонь погас. Дальше ему встретился Энди Джанас, парень из Миннесоты, везущий туши двух оленей, убитых Рипли. Олени были мистери Грея ни к чему, но Джанас вез также разлагающийся труп инопланетянина.

Плодоносящие тела, вдруг подумал Джоунси. Плодоносящие тела, откуда это?

Не важно. Потому что следующим выигрышем мистера Грея был «додж рэм» старины Я-ЛЮБЛЮ-СВОЕГО-БОРДЕР-КОЛЛИ. Что сделал Грей? Скормил псу тело серого человечка? Сунул его носом в труп и вынудил вдохнуть споры этого плодоносящего тела? Нет, скорее заставил сожрать, ну же, мальчик, жуй быстрее, пора обедать. Каким бы ни был процесс зарождения хорьков, начинался он не в легких, а в желудке. Перед глазами Джоунси вновь встал Маккарти, заблудившийся в лесу. Бивер спросил: «Какого дьявола вы ели? Кабаний помет?» И что ответил Маккарти? «Ветки, мох, всякое такое... не знаю, что именно, я был так

голоден, знаете ли...»

Точно. Голодный. Заблудившийся, перепуганный и голодный. Не замечающий красных брызг байрума на листьях, на зеленом мху, который он совал в рот, пропихивая его силком в желудок, потому что где-то там, в его прежней спокойной, о Боже, о Господи, адвокатский жизни он читал, что в экстренных случаях можно продержаться на мхе и листьях. Возможно ли, что все, проглотившие споры байрума (такие крошечные, невидимые невооруженным глазом, плавающие в воздухе), обречены вынашивать злобных чудовищ, одно из которых выжрало изнутри и разорвало Маккарти и убило Бива? Вероятно, нет, ведь далеко не все женщины, которым надоело предохраняться, беременеют с первого раза. Но Маккарти попался... и Лэд тоже.

— Он знает о коттедже, — сказал Джоунси.

Конечно. Коттедж в Уэйре, в шестидесяти милях к западу от Бостона. И ему наверняка известна история русской, как и всем в округе. Сам Джоунси не раз ее рассказывал. Ее слышали в Уэйре, в Новом Салеме, Куливилле и Белчертауне, Хардвике и Пакардсвилле и Пелхеме. Во всех окружающих городках. И что же, спрашивается, они окружают?

Как что, Куэббин, разумеется. Куэббинский резервуар. Водохранилище Бостона и пригородов. Сколько людей ежедневно получают воду из Куэббина? Два миллиона? Три? Джоунси не знал точно, но их куда больше, чем в Дерри. Мистер Грей выбрасывал шестерку за шестеркой, еще один бросок — и он сорвет банк.

Два-три миллиона. Мистер Грей жаждет познакомить их с Лэдом, бордер-колли, и новым дружкой Лэда.

И пересаженный в новую среду байрум, вероятнее всего, приживется.

Глава 20. КОНЕЦ ПОГОНИ

1

На юг, на юг, на юг.

К тому времени, когда мистер Грей миновал поворот на Гардинер, первый за Огастой, снежный покров стал значительно тоньше, а шоссе, хоть и покрытое бурым слякотным месивом, все же было свободно от заносов по всей ширине. Настала пора сменить снегоочиститель на что-то не так бросающееся в глаза, отчасти потому, что он больше не понадобится, и, кроме того, руки Джоунси, в жизни не имевшего дела с такими махинами, с непривычки болели от напряжения. Мистеру Грею было плевать на тело временного хозяина (по крайней мере он старался убедить в этом себя, хотя, честно говоря, трудно было не испытывать некоторой симпатии к чему-то, способному доставить столь неожиданные наслаждения, как «бекон» и «убийство»), но оно должно было прослужить по крайней мере еще пару сотен миль. Мистер Грей подозревал, что для мужчины своих лет Джоунси пребывает не в слишком хорошей форме. Вероятно, свою роль сыграл и несчастный случай, но в основном всему виной его работа. Он был «профессором», и следовательно, почти полностью игнорировал физические аспекты своей жизни, что просто поражало мистера Грея. Как выяснилось, подобные создания на шестьдесят процентов состояли из эмоций, на тридцать — из ощущений, а рассудку были отданы всего десять процентов (и то, по мнению Грея, эта цифра была несколько завышена). Столь беспечное пренебрежение собственным телом казалось мистеру Грею глупым и расточительным. Впрочем, это не его проблема. И теперь уже не Джоунси. Джоунси превратился в то, чем, похоже, всегда хотел стать: в чистый разум. Правда, судя по его реакции, достигнув этого состояния, он все равно остался недоволен.

Лэд, лежащий на полу среди россыпи окурков, бумажных чашек и смятых оберток от чипсов, заскулил от боли. Тело бедняги уродливо вздулось, торс походил на бочонок. Скоро пес выпустит газы, и живот снова опадет. Мистер Грей установил контакт с байрумом, росшим внутри собаки, и сможет регулировать его созревание.

Собака станет его модификацией того, о чем его хозяин думал, как о «русской». Как только он отдаст пса, его миссия будет выполнена.

Он сделал мысленный посыл назад, нащупывая остальных. Генри и его друг Оуэн внезапно исчезли, как радиостанция, прекратившая передачи. Тревожный сигнал. Еще дальше (они только что прошли повороты на Ньюпорт, примерно в шестидесяти милях от нынешнего местонахождения мистера Грея) следовала группа из трех человек с одним четким контактом: «Перли». Перли, как и собака, вынашивал байрум, поэтому мистер Грей ясно его слышал. Раньше он получал также сигналы от второго, по имени «Фредди», но сейчас и этот замолчал. Росший на нем байрум погиб. Так сказал «Перли».

На обочине промелькнул зеленый знак с надписью:

ЗОНА ОТДЫХА.

Там наверняка найдется «Королевский бургер», который файлы Джоунси определяли как «ресторан» и «закусочная фаст-фуд», где можно попросить бекон, при мысли о котором желудок громко заурчал. Да, трудно будет отказаться от этого тела. Оно имеет свои преимущества, определенно имеет, и немалые. Но времени на бекон нет, пора сменить машину. И сделать это как можно более незаметно.

Въезд в зону отдыха разделялся на две дорожки. Одна ДЛЯ ЛЕГКОВЫХ МАШИН. И вторая ТОЛЬКО ДЛЯ ГРУЗОВИКОВ И АВТОБУСОВ. Мистер Грей зарулил большой оранжевый снегоочиститель на стоянку для грузовиков (у Джоунси от усталости дрожали руки) и, с восторгом увидев еще четыре такие же машины, припаркованные вместе, поставил свою в конец ряда.

Настало время пообщаться с Джоунси, по-прежнему отсиживавшимся в своем странном убежище, куда мистеру Грею не было доступа.

— Что задумал, партнер? — пробормотал мистер Грей. Нет ответа... но он чувствовал, что Джоунси прислушивается. — Что подельываешь?

Нет ответа. И правда, что ему делать? Заперт, ослеплен, лишен общения. Все же не стоит забывать о Джоунси... Джоунси с его чем-то волнующим предложением забыть о цели, о приказе рассеять семена и просто наслаждаться жизнью на Земле. Эта мысль упорно возникала в самые неподходящие моменты: послание, подсунутое Джоунси под дверь своей добровольной тюрьмы. Согласно файлам Джоунси, мысли подобного рода назывались «слоган». Короткие, простые и доходчивые. Последний гласил:

БЕКОН — ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО.

И мистер Грей даже не усомнился, что это правда. Даже в больничной палате (Какая палата? Какая больница? Кто такая Марси? Кому нужен укол?) он осознал, что жизнь здесь прекрасна. Но приказ ясен, недвусмыслен и непререкаем: он засеет этот мир спорами байрума, а потом умрет. Но если по пути успеет поесть бекона, тем лучше.

— Кто был Ричи? Что такое «Тигры»? Он тоже был тигром? Почему вы убили его?

Нет ответа. Но Джоунси слушал. Очень внимательно. Мистеру Грею ненавистно было его присутствие. Все равно (улыбка взята из хранилища памяти Джоунси) что крохотная рыбья кость, застрявшая в горле! Недостаточно велика, чтобы подавиться, но поминутно колет и мешает.

— Ты чертовски раздражаешь меня, Джоунси. До посинения. — Он натянул перчатки, некогда принадлежавшие владельцу «доджа». Хозяину Лэда.

На этот раз узник соизволил ответить:

Взаимно, партнер. Почему бы тебе не убраться туда, где ты желанный гость? Отправиться к себе домой, и там выкидывать свои штучки?

— Не могу, — сказал мистер Грей, протягивая руку колли.

Лэд благодарно обнюхал ее, радуясь запаху прежнего хозяина на перчатке. Мистер Грей послал ему мысленный приказ сидеть смирно, спрыгнул на землю и стал огибать ресторан. На задах наверняка еще одна парковка, для служащих.

Генри и тот, другой парень, вот вот схватят тебя за хвост, жопа с ручкой. Тебе все равно не уйти. Поэтому расслабься. Проведи время с толком. Закажи тройную порцию бекона.

— Они не чувствуют меня, — сказал мистер Грей, выдыхая клубы морозного воздуха (ощущение прохлады во рту и горле было изысканным, бодрящим, даже запахи бензина и дизельного топлива казались чудесными). — Если я не чувствую их, значит, они не чувствуют меня.

Джоунси рассмеялся — в самом деле рассмеялся, — и мистер Грей от неожиданности застыл рядом с мусоросборником.

Правила изменились, друг мой. Они заезжали за Даддитсом, а Даддитс видит линию.

— Не пойму, о чем ты.

Все ты понимаешь, жопа с ручкой.

— Не смей меня так называть! — взорвался мистер Грей.

Если перестанешь оскорблять мой интеллект, может, я и послушаюсь.

Мистер Грей вновь пошел своей дорогой, и точно: за углом виднелось небольшое скопление машин, по большей части старых и потрепанных.

Даддитс видит линию.

Джоунси прав, он знал, что это означает. Тот, по имени Пит, тоже обладал этим даром, тем же даром, хотя не столь сильным, как этот странный тип... этот Даддитс.

Мистеру Грею совсем не нравилось оставлять след, по которому идет «Даддитс», но он знал кое-что, не известное Джоунси. «Перли» считал, что Генри, Оуэн и Даддитс находятся всего в пятнадцати милях к югу от его машины. Если это действительно так, значит, Генри и Оуэн отстали на сорок пять миль, и возможно, еще не успели добраться до Уотервилля. Так что вряд ли им удастся в ближайшее время схватить его за хвост.

Все же и торчать здесь смысла нет.

Задняя дверь ресторана открылась. Молодой человек в униформе, которую файлы Джоунси определяли как «поварской халат», вынес два больших мешка с мусором, явно предназначенных для мусоросборника. Имя молодого человека было Джон, но друзья прозвали его «Бач»^[73]. Мистеру Грею доставило бы огромное наслаждение убить его, но Бач выглядел куда сильнее Джоунси, не говоря о том, что был явно здоровее и, возможно, проворнее. Кроме того, убийство имело ряд неприятных побочных эффектов, и самый худший — необходимость снова и снова избавляться от украденных машин.

Привет, Бач.

Бач остановился, настороженно глядя на него.

Какая из машин твоя?

Собственно говоря, машина принадлежала не ему, а его матери, и это было даже к лучшему. Ржавая колымага Бача стояла дома: жертва скившего аккумулятора. Пришлось взять машину матери, полноприводный «субару». Мистер Грей, как сказал бы Джоунси, снова выкинул шестерку.

Бач с готовностью протянул ключи. Взгляд у него по-прежнему был подозрительным (глаза блестят и хвост дыбом, по определению Джоунси, хотя, насколько мог видеть мистер Грей, у молодого повара хвоста не было), но сознание уже погасло.

Отключился, подумал Джоунси.

Ты ничего не запомнишь, сказал мистер Грей.

— Ничего, — согласился Бач.

Возвращайся к работе.

— Куда же еще, — снова согласился Бач и, подхватив мешки, направился к мусоросборнику. К тому времени, когда кончится смена и он

сообразит, что машина матери исчезла, вероятно, все будет кончено.

Мистер Грей открыл красный «субару» и влез внутрь. На пассажирском сиденье валялся полупустой пакет с картофельными чипсами. Мистер Грей жадно жевал их, подъезжая к снегоочистителю, чтобы забрать собаку. Съев все до крошки, он облизал пальцы Джоунси. Жирные. Вкусно. Совсем как бекон.

Он посадил пса в машину и пять минут спустя уже выезжал на шоссе.
На юг, на юг, на юг.

2

Ночь ревет музыкой, смехом и возбужденными голосами, в воздухе плывут соблазнительные запахи жаренных на гриле хот-догов, шоколада, арахиса, небо взрывается цветными огнями. И соединяя это в слитную атмосферу веселья, подписываясь под всем автографом самого лета, из динамиков, установленных в Строфорд-парке, несется разухабистый рок-н-ролл:

Эй, привет, красотка-беби, оглянись, постой.
Скоро поезд в Алабаму, поезжай со мной.

И тут появляется самый высокий ковбой в мире, девятифутовый Пекос Билл, под пылающим небом, нависает над толпой, и детишки с измазанными мороженым, широко открытыми от изумления ротиками таращат глаза; смеющиеся родители поднимают их или сажают на плечи. Пекос Билл помахивает шляпой. В другой руке он держит знамя с надписью:

ДНИ ДЕРРИ — 81.

До путей пешком дойдем мы, ночку переждем.
Если нам молчать наскучит, ссору заведем.

— Ак он озет ыть иим оким? — спрашивает Даддитс, опустив руку с голубым конусом сахарной ваты и не сводя с ковбоя таких же круглых глаз, как у любого здешнего трехлетки.

Справа от него стоят Пит и Джоунси, слева — Генри и Бив. За ковбоем шествует процессия девственных весталок (наверняка среди них найдется парочка девственниц, даже в лето Господне 1981), в расшитых блестками ковбойских юбках и белых ковбойских сапожках, подбрасывая жезлы, навеки завоевавшие Запад.

— Не знаю, как он может быть таким высоким, Дадс, — ухмыляется Пит и, выдернув клочок ваты, сует в распахнутый рот Даддитса. — Должно быть, волшебство.

Все смеются над Даддитсом, который ухитряется жевать, не сводя глаз с ковбоя на ходулях. Дадс выше их всех, даже Генри, но по-прежнему остается ребенком, и это приводит остальных в восторг. Волшебник — это он, только он, и хотя он отыщет Джози Ринкенхауэр не раньше будущего года, они твердо знают: он самый натуральный волшебник. И хотя они отчаянно трусили, сцепившись с Ричи Гренадо и его друзьями, но по сию пору уверены, что тот день был самый счастливый в их жизни.

Не отказывайся, беби, поезжай со мной,
Ждет нас поезд в Алабаму, за большой горой.

— Эй, тех! — машет Бив своей крышкой (бейсболкой с эмблемой «Тигров Дерри»). — Поцелуй меня в задницу, верзила! А еще лучше, сядь на нее и покрутись!

И все надрываются от хохота (они запомнят это на всю жизнь, ночь, когда Бивер задирает ковбоя на ходулях под рассыпающимся искрами небом), все, кроме Даддитса, продолжающего взирать на происходящее с оцепенелым изумлением, и Оуэна Андерхилла (Оуэн, думает Генри, как ты попал сюда, дружище?), который встревоженно хмурится.

Оуэн трясет его, Оуэн снова требует, чтобы он проснулся.

Генри, проснись, проснись, про...

...снись, ради Бога.

Именно дрожь в голосе Оуэна окончательно разбудила Генри. В носу еще стоит запах жареного арахиса и сахарной ваты. Но тут в сонный бред вторгается реальность: белое небо, заснеженное шоссе, зеленый указатель:

ОГАСТА, СЛЕДУЮЩИЕ ДВА ПОВОРОТА.

Оуэн продолжает его трясти, а сзади доносятся хриплые, отчаянные лающие звуки. Даддитс кашляет.

— Вставай, Генри, у него кровь! Да проснись же, мать...

— Проснулся, проснулся.

Он отстегивает ремень безопасности, поворачивается, встает на коленях. Натруженные мышцы бедер отзываются острой болью, но Генри не до того.

Все оказалось лучше, чем он ожидал. Судя по паническим воплям Оуэна, он уже подумал было, что Дадс истекает кровью. На самом деле из ноздри сочилась тонкая струйка, а изо рта при каждом спазме летели мелкие брызги. Оуэн, наверное, вообразил, что бедняга Дадс выхаркивает собственные легкие, хотя тот скорее всего просто натрудил горло. Или мелкий сосуд лопнул. Разумеется, это отнюдь не пустяки. В таком тяжелом состоянии все может обернуться катастрофой, любая простуда способна убить Даддитса. Генри с первого взгляда понял, что Дадс выруливает на финишную прямую, ведущую к дому.

— Дадс! — резко окликнул он. В нем что-то переменилось. В нем что-то новое, Генри. Но что? Нет времени об этом думать. — Даддитс, дыши через нос! Через нос, Даддитс. Вот так!

Генри несколько раз глубоко вдохнул, и при каждом выдохе из ноздрей летел белый пушок, как семена молочая или одуванчика. Байрум. Он рос в носу, но уже погиб, подумал Генри. Я высмаркиваю байрум! И тут он осознал, что зуд в бедре, во рту и паху давно прекратился. Язык по-прежнему был шершавым, словно обернутым обрывком ковра, но больше не чесался.

Даддитс, подражая ему, стал дышать носом, и кашель тут же сделался не таким надрывным. Генри порылся в пакете, нашел безвредный, не содержащий спирта сироп от кашля и налил чашечку Даддитсу.

— Выпей, полегче станет, — сказал он уверенно, стараясь думать так же: с Даддитсом важны не только слова, но и мысли.

Даддитс сглотнул робитуссин, поморщился и улыбнулся Генри. Кашель прекратился, но кровь все еще стекала из носа и из уголка глаза. Плохо дело. Даддитс побледнел и еще больше осунулся. Холод... бессонница... немыслимые для такого больного волнения... плохо дело. Он заболевает, а на последней стадии ОЛЛ даже респираторная инфекция может оказаться фатальной.

— Он в порядке? — спросил Оуэн.

— Дадс? Дадс у нас железный! Верно, Даддитс?

— Езый, — согласился Даддитс, сгибая прискорбно исхудалую руку.

При виде его лица, усталого, измученного, но улыбающегося, Генри захотелось кричать. Жизнь несправедлива, он давно знал и смирился с этим. Но то, что происходило сейчас, было более чем несправедливо. Чудовищно.

— Посмотрим, что тут есть попить хорошим мальчикам, — объявил он, открывая коробку для завтраков.

— Уби-у, — кивнул Даддитс. Он по-прежнему улыбался, но голос звучал еле слышно.

— Да, пора приниматься за дело, — сказал Генри, открывая термос.

Он дал Даддитсу таблетку преднизона, хотя не было еще восьми, и спросил, хочет ли тот перкосен. Дадди, подумав, поднял два пальца. У Генри упало сердце.

— Совсем никуда, верно? — спросил он, протягивая Даддитсу лекарство.

Ответа он не ждал: такие люди, как Даддитс, не будут просить лишнюю таблетку, чтобы словить кайф.

Даддитс выразительно махнул рукой: *comme ci, comme ça*^[74]. Генри хорошо помнил этот жест, такой же типичный для Пита, как привычка Бива жевать зубочистки.

Роберта наполнила термос шоколадным молоком, его любимым. Генри налил молока в чашку, выждал, пока забуксовавший на бугристой наледи «хамви» выровняется, и протянул Даддитсу. Тот запил наркотик.

— Где болит, Дадс?

— Есь. — Рука на горле. — Есь осе. — Рука на груди. И, нерешительно, слегка краснея: — И есь. — Рука на ширинке.

Инфекция мочеполового тракта, подумал Генри. О дьявол!

— Е ует уце?

— Обязательно будет лучше, — кивнул Генри. — Таблетки помогут, только подожди немножко. Мы все еще на линии, Даддитс?

Даддитс выразительно кивнул и показал вперед. Генри (не впервые) задался вопросом, что он там видит? Как-то сам он спросил Пита, и тот объяснил, что это нечто вроде нити, иногда почти неразличимой.

«Лучше всего, когда она желтая, — говорил Пит. — Желтое легче всего проследить, не знаю почему».

Но если Пит видел тонкую желтую нить, возможно, Даддитсу представлялась широкая желтая полоса, или дорога желтого кирпича, по которой шла Дороти.

— Если линия пойдет по другой дороге, скажешь, хорошо?

— Казу.

— Не заснешь?

Даддитс покачал головой. Как ни странно, он никогда еще не выглядел более оживленным и бодрым. Глаза звездами сияли с изможденного лица. Так иногда вспыхивают лампочки, перед тем как погаснуть навсегда.

— Если захочешь спать, скажи, и мы остановимся. Добудем тебе кофе. Нам не до сна.

— Оей.

Генри уже хотел осторожно повернуться, боясь разбудить ноющие мышцы, но Даддитс добавил:

— Исе ей оцет екон.

— Неужели? — задумчиво протянул Генри.

— Что? — спросил Оуэн. — Не понял.

— Говорит, что мистер Грей хочет бекона.

— Это так важно?

— Не знаю. Слушай, тут есть обычный приемник? Хотелось бы послушать новости.

Обычный приемник висел под приборной доской, и судя по всему, его поставили совсем недавно. В начальный комплект оборудования он не входил. Оуэн потянулся было к нему, но едва успел ударить по тормозам, чтобы не столкнуться с подрезавшим его «понтиаком»: передний привод и летние шины. «Понтиак» занесло, но судьба была пока милостива к нему — машина даже не слетела с шоссе. Водитель прибавил скорости, и «понтиак» рванулся вперед. По прикидкам Генри, он шел со скоростью не менее шестидесяти миль. Оуэн укоризненно нахмурился.

— Конечно, я только пассажир, — заметил Генри, — но если малый может проделывать такое без зимних шин, почему бы и нам не пошевелиться? Неплохо бы сократить расстояние.

— «Хаммеры» лучше приспособлены для грязи, чем для снега. Можешь мне поверить.

— И все же...

— Минут через десять мы его увидим. Спорю на кварту хорошего скотча. Он либо вылетит сквозь столбики ограждения и будет валяться под насыпью, либо застрянет на осевой. Если повезет, машина будет лежать правой дверцей вверх. Плюс... это, разумеется, всего лишь техническая деталь, но не забудь, что мы — беглецы, скрывающиеся от властей, и не сможем спасти мир, сидя в окружной. О Боже!

«Форд-эксплорер», полноприводный, но летящий с непозволительной

для такой погоды скоростью около семидесяти в час, с ревом пронесся мимо, поднимая снежные хвосты. Багажник на крыше был завален небрежно связанными и едва прикрытыми брезентом сумкам и чемоданами. Неудивительно, если все это скоро разлетится по шоссе.

Позабывшись о Даддитсе, Генри свежим глазом осмотрел дорогу. Что ж, этого следовало ожидать. Противоположная сторона была почти пустынна, а вот машин, идущих в южном направлении, не прибавлялось, но Оуэн включил радио, как раз в тот момент, когда мимо промчался «мерседес», разбрызгивая комья грязи. Он нажал кнопку «ПОИСК», нашел классическую музыку, снова нажал, напал на юмористический канал, нажал в третий раз... и наткнулся на голос.

— ...огромный обалденный косячок, — объявил голос, и Генри переглянулся с Оуэном.

— Куит аану, — заметил Даддитс с заднего сиденья.

— Верно, — кивнул Генри, когда владелец голоса шумно выдохнул в микрофон. — Именно марихуану, и судя по всему, действительно не пожалел травки.

— Сомневаюсь, что Федеральная комиссия связи одобрит это, — продолжал диджей после очередного долгого и шумного выдоха, — но если хотя бы половина того, что я слышал, правда, ФКС — это самая малая из наших забот. Межзвездная чума вырвалась на свободу, братья и сестры, вот в чем беда! Назовите это Горячей Зоной, Мертвой Зоной, Сумеречной Зоной, но постарайтесь держаться подальше от севера.

Долгая и шумная затяжка.

— Марвин Марсианин на марше, братья и сестры, так передают из округов Сомерсет и Касл. Чума, лучи смерти, живые завидуют мертвым.

Треск чего-то сломанного. Судя по звуку, пластика. Генри зачарованно слушал. Вот она, совсем близко, тьма, его старая подруга, но на этот раз не в голове, а в проклятом радио!

— Братья и сестры, если сейчас вы находитесь к северу от Огасты, послушайте своего приятеля, Одинокого Дейва с WWE: перестраивайтесь в соседний ряд и направляйтесь на юг. И немедленно. А вот вам и музыка в дорогу.

Одинокий Дейв с WWE, разумеется, поставил «Доорз». Джим Моррисон принялся калечить «Зе Энд». Оуэн переключился на средние частоты и нашел выпуск новостей. Голос диктора звучал не слишком сокрушенно, что уже было шагом вперед. Он сказал, что для паники нет причин — что было еще одним шагом вперед. Он пустил в эфир отрывки речи президента и губернатора штата Мэн. Оба говорили примерно одно и

то же: спокойно, граждане, не волнуйтесь, все под контролем. Словом, обычная утешительная болтовня, робитуссин для политиков. Президент собирался выступить с обращением к американскому народу в одиннадцать утра по восточному поясному времени.

— Та речь, о которой говорил Курц, — вспомнил Оуэн. — Только ее передвинули на день.

— О какой речи...

— Ш-ш-ш-ш. — Оуэн показал на радио.

После столь утешительного вступления диктор продолжал будоражить слушателей, повторяя бесконечные сплетни, которые они уже слышали от обкуренного диджея, только в более изысканных выражениях: чума, лучи смерти, пришельцы из космоса. Далее последовал прогноз погоды: снежные заряды, в сопровождении дождя, и сильный ветер, по мере того как теплый фронт (не говоря уже о убийцах-марсианах) будет продвигаться на север. Последовали короткие гудки, и в кабине снова зазвучал только что слышанный выпуск.

— Ати! — воскликнул Даддитс. — Ои еали имо ас. — Он ткнул пальцем в грязное окно. Палец дрожал, как и сам Даддитс. Зубы выбивали крупную дробь.

Оуэн мельком глянул на «пontiак», и в самом деле застрявший на осевой, на самой середине шоссе, и хотя машина не перевернулась, растерянные пассажиры сгрудились вокруг, не зная, что делать. Пожав плечами, Оуэн обернулся к Даддитсу. Съездившийся, какой-то посередевший, из ноздри торчит окровавленная вата.

— Генри, что с ним?

— Не знаю.

— Высунь язык.

— Не лучше ли тебе следить за доро...

— Я в порядке, так что не морочь голову. Высунь язык.

Генри повиновался. Оуэн взглянул на него и поморщился.

— Выглядит ужасно, но, возможно, все не так уж плохо. Это дерьмо побелело.

— То же самое с раной на ноге. И с твоим лицом и бровями. Повезло, что эта штука не проросла в легких, мозге или желудке. Кстати, у Перлмуттера она в желудке. Бедняга стал инкубатором для гнусной твари.

— Далеко они, Генри?

— Я сказал бы, двадцать миль. Может, и меньше. Если бы ты прибавил хоть немного...

Оуэн так и сделал, зная, что Курц тоже прикажет гнать грузовик, как

только поймет, что стал частью общего исхода, и теперь вероятность того, что гражданская или военная полиция станут его искать, весьма невелика.

— Ты все еще держишь связь с Перли, — удивился Оуэн, — хотя байрум и погибает, но ты все равно...

Он ткнул пальцем на заднее сиденье, где полулежал Даддитс. Он уже на так сильно дрожал.

— Конечно, — кивнул Генри. — Перенял эту штуку от Даддитса, задолго до того, как это случилось. И не только я. Бивер, Джоунси и Пит тоже. Мы почти не замечали этого. Считали обыденностью.

— Еще бы. Совсем как те мысли, насчет бритвы и ванной, перил моста и охотничьих ружей. Всего лишь обыденность.

— Просто теперь это усилилось. Может, со временем опять ослабнет, но пока... — Он пожал плечами. — Пока я слышу голоса.

— Перли.

— И его тоже, — кивнул Генри. — Других, с байрумом в активной стадии. В основном тех, кто позади нас.

— А Джоунси? Твой друг Джоунси? Или Грей?

Генри покачал головой.

— Но Перли что-то слышит.

— Перли? Как это может быть?

— Его телепатический диапазон куда шире, чем у меня, из-за байрума.

— Что это?

— Та тварь, что сидит у него в заднице, — пояснил Генри. — Срань-хорек.

Оуэна мгновенно затошнило.

— Тот, кого он слышит, не человек. Не думаю, что это мистер Грей, но кто знает? Понимаю только, что Перли наведен на него.

Оба замолчали. Машин было довольно много, и многие, чересчур разогнавшиеся водители, заканчивали путь в кювете (они проехали лежащий под насыпью брошенный «эксплорер» с разбросанными вокруг вещами), но Оуэн считал, что пока им везет. Многие, запуганные ураганом, не посмели тронуться с места. Теперь, когда буря стихла, они, вероятно, решатся бежать на юг, но Оуэн успел обогнать первую волну. Ураган оказался к нему благосклонен. Стал почти другом.

— Я хочу кое-что сказать, — начал Оуэн.

— Можешь не говорить. Ты сидишь рядом, и я по-прежнему читаю твои мысли.

Оуэн думал, что остановил бы машину и вышел, знай он наверняка, что Курц, получив желанную добычу, прекратит погоню. Но Оуэн не

слишком этому верил. Главной целью Курца действительно был Оуэн Андерхилл, но он понимал, что Оуэн не совершил бы столь чудовищной измены, если бы его на это не толкнули. Нет, он всадит пулю в голову Андерхилла и помчится дальше. Но с Оуэном у Генри есть шанс выиграть. Без него Генри мертвец. И Даддитс тоже.

— Мы останемся вместе. Друзья до конца, как говорит пословица, — проговорил Генри.

— У ас ешо ого ел, — донеслось с заднего сиденья.

— Верно, Дадс. — Генри обернулся и сжал холодную руку Даддитса. — У нас еще много дел.

4

Десять минут спустя окончательно оживший Даддитс показал им на первую после Огасты зону отдыха. Они уже почти добрались до Льюистона.

— Есь! Есь! — закричал он и снова закашлялся.

— Спокойно, Даддитс, — велел Генри.

— Возможно, остановились выпить кофе с пирожным, — решил Оуэн. — Или съесть сандвич с беконом.

Но Даддитс знаками велел объехать ресторан. Они остановились на парковке для служащих. Даддитс слез, постоял немного, что-то бормоча и едва не шатаясь под порывами ветра, трогательно худой и обессиленный.

— Генри, — торопил Оуэн, — не знаю, что ему взбрело, но Курц идет по пятам, и...

Но тут Даддитс кивнул, забрался в машину и показал на знак выезда. Он выглядел совершенно измученным и, как ни странно, довольным.

— Что, во имя Господа, все это значит? — не выдержал Оуэн.

— Думаю, он поменял машину, — догадался Генри. — Ведь так, Даддитс? Он поменял машину?

Даддитс усердно закивал:

— Укал! Укал асину.

— Украд? Теперь он прибавит скорости, — вздохнул Генри. — Давай, Оуэн, плевать на Курца, нужно поймать мистера Грея.

Оуэн взглянул на Генри, опустил глаза, снова взглянул.

— Что с тобой? Ты белый как полотно.

— Я последний идиот! Следовало бы знать с самого начала, что задумал ублюдок! Единственным оправданием служит то, что я устал и был

напуган, но какая разница, если... Оуэн, ты обязан его догнать. Он стремится в Западный Массачусетс, но его следует перехватить раньше.

Теперь они разбрызгивали слякоть, но, хотя грязи было куда больше, Оуэн без опаски жал на акселератор. Правда, пока его смелость не простиралась дальше шестидесяти пяти в час.

— Попытаюсь, — неохотно согласился он. — Но если он не вляпается в какую-нибудь переделку или не задержится...

Оуэн сокрушенно качнул головой:

— Вряд ли, дружище. Вряд ли.

5

Этот сон часто снился ему в детстве (когда он еще носил фамилию Кунц), но только раз или два привиделся в потных кошмарах взросления. В этом сне он бежит по полю в полнолуние и боится оглянуться, потому что оно гонится за ним. ЭТО. Он мчится из последних сил, но, конечно, ничего не выходит, в снах лучше и не пытаться, все равно не выйдет. И ЭТО настигает его, оно все ближе, так близко, что он слышит его сухое дыхание и ощущает его особый сухой запах.

Он оказывается на берегу большого тихого озера (в сухом и жалком канзасском городке его детства не было и не могло быть никаких озер), и хотя озеро невыразимо прекрасно, и луна отражается в его глубинах, как зажженная лампа, его терзает страх, потому что оно преградило ему дорогу, а он не умеет плавать.

Он падает на колени прямо на берегу — до этого места сон ничем не отличался от прежних, но вместо того, чтобы увидеть отражение ЭТОГО в неподвижной воде — ужасного чучела с набитым ватой мешком вместо головы и раздутых рук в синих перчатках, — смотрит на Оуэна Андерхилла с лицом, покрытым красной сыпью. В лунном свете байрум кажется огромными черными родимыми пятнами, губчатыми и бесформенными.

Детский сон обычно прерывался на этом месте (он просыпался с гордо вставшим концом, хотя одному Богу известно, откуда может взяться у ребенка такая странная реакция), но на этот раз ОНО... Андерхилл действительно коснулся его, отраженные в воде глаза блеснули укоризненно. А может, и вопрошающе.

Потому что ты ослушался приказа, дружище. Потому что переступил Черту.

Он поднял руку, чтобы оттолкнуть Оуэна, сбросить его ладонь... и

увидел в свете луны свои пальцы. Они были серыми.

Нет, сказал он себе. Это всего лишь лунный свет.

Но почему у него только три пальца? В этом тоже виноват лунный свет?

Оуэн, касающийся его, награждающий мерзкой болезнью... и все же смеющийся обращаться к нему.

6

Босс! Проснитесь, босс!

Курц открыл глаза и с недовольным бурчанием приподнялся, одновременно откидывая руку Фредди, правда, лежащую не на плече, а на колене. Со своего места Фредди дотянулся только до колена и теребил его, но и это было невыносимо.

— Я не сплю, не сплю. — В доказательство он поднес к глазам свои ладони. Не младенчески-розовые, конечно, до этого далеко, но совсем не серые, и на каждой традиционные пять пальцев. — Который час, Фредди?

— Не знаю, босс. Пока еще утро, все, что можно сказать.

Ну конечно. Часы, похоже, гикнулись всерьез. Даже его карманные стоят. Курц, такая же жертва современности, как остальные, забыл их завести. Но обладая острым ощущением времени, он на глазок прикинул, что сейчас около девяти, значит, он успел прихватить часика два. Немного, но ему вполне достаточно. Он чувствовал себя лучше. Достаточно хорошо, чтобы услышать тревогу в голосе Фредди.

— Что стряслось, дружище?

— Перли говорит, что он потерял контакт. Со всеми. Последним был Оуэн, но и он пропал. Перли считает, что он, должно быть, победил грибок.

Курц поймал в зеркальце заднего обзора мертвенную «я вас всех надул» ухмылку.

— В чем дело, Арчи?

— Ни в чем. — Арчи, казалось, немного оживился и успокоился зато время, что проспал Курц. — Я... босс, неплохо бы глотнуть воды. Я не голоден, но...

— Мы могли бы заехать за водой, — кивнул Курц. — Будь у нас контакт. Но если мы потеряли всех, того парня Джоунси, Оуэна и Девлина... что ж, ты меня знаешь, дружище. Подыхая, я вцепляюсь намертво. И потребуются два хирурга и пистолет, чтобы оттащить меня. Можешь умирать от жажды, пока мы с Фредди будем обшаривать ведущие

на юг дороги в поисках следов. Если, разумеется, ты не согласишься нам помочь. Давай, Арчи, и я прикажу Фредди остановиться у первого же магазинчика. Лично потрушу в «Стоп-н-гоу», или «Севн-Илевн» и куплю тебе самую большую бутылку «Поленд Спринг» из холодильника. Ну как звучит?

Звучало неплохо, судя по тому, как жадно Перлмуттер причмокнул и облизал губы (Рипли на губах и щеках был в полном цвету, кое-где красноватый, но в основном темно-бордовый), но взгляд по-прежнему оставался хитро-оценивающим. Глаза, обрамленные коростами грибка, шустро бегали из стороны в сторону. Курц мгновенно поставил диагноз. Все признаки налицо: бедняга спятил, возлюбил его Господь. Возможно, рыбак рыбака видит издалека, как псих — психа, поэтому Курц был уверен, что не ошибся.

— Я признался, как на духу. Потерял с ними связь, — сказал Арчи, но при этом приставил палец к носу и лукаво взглянул в зеркало.

— Как только мы схватим их, думаю, парнишка, у нас есть все возможности подлечить тебя, — заверил Курц своим самым сухим, официально безразличным голосом. — Так с кем ты контактишь? С Джоунси? Или этим новым типом, Даддитсом? (Курц произнес это имя, как «Дад-Датс».)

— Не с ним. И ни с кем.

Но палец по-прежнему приставлен к носу, взгляд по-прежнему озорной.

— Скажи, и получишь воду, — настаивал Курц. — Продолжай испытывать мое терпение, солдат, и я всажу в тебя пулю и выкину на снег. Давай прочти мои мысли и скажи, что я лгу.

Перли угрюмо взглянул на него в зеркальце и сказал:

— Джоунси и мистер Грей все еще на шоссе. Где-то рядом с Портлендом. Джоунси велел мистеру Грею объехать город по автостраде № 295. Только не словами. Мистер Грей в его голове, и когда хочет чего-то, просто берет это, и вся недолга.

Курц с возрастающим благоговением слушал его речь, наспех производя расчеты.

— Собака, — продолжал Перли. — С ними собака. Лэд. Это я с ним на связи. Он... такой же, как я. — Их взгляды снова встретились в зеркале, только на этот раз в глазах Перли не было хитрости. Ее вытеснило жалкое подобие полунормальности. — Думаете, у меня в самом деле есть шанс стать... ну... знаете... самим собой?

Курц, понимая, что Перли в любую минуту сможет проникнуть в его

мысли, решил действовать осторожно.

— Вероятно, существует возможность освободить тебя от твоего бремени, особенно если найдется понимающий доктор. Да, такое вполне осуществимо. Побольше хлороформа, и когда проснешься... пуф, и все. — Курц поцеловал кончики пальцев и повернулся к Фредди. — Если они в Портленде, на сколько мы отстаем?

— Миль на семьдесят, босс.

— Тогда прибавь немного, благодарение Господу. Постарайся не сверзиться в кювет, но пошевелись.

Семьдесят миль. И если Оуэн, Девлин и «Дад-Датс» знают то, что и Перлмуттер, они тоже идут по следу.

— Давай уточним, Арчи. Мистер Грей сидит в Джоунси...

— Да...

— И с ними собака, умеющая читать мысли?

— Нет, она их слышит, но не понимает. В конце концов это всего лишь собака. Босс, я пить хочу.

Он слушает пса, как какое-то гребаное радио, удивился Курц.

— Фредди, следующий поворот. Воды везде полно, хоть залейся.

Ему до смерти претило останавливаться и терять время, но Перлмуттер нужнее. Перли необходим ему относительно живым и в хорошем настроении.

Впереди замаячила как раз та зона отдыха, где мистер Грен поменял свой снегоочиститель на «субару» повара. Та, куда ненадолго заехали Оуэн и Генри, потому что туда вела линия. Стоянка была забита машинами, но у них нашлось достаточно мелочи, чтобы пробиться к торговым автоматам.

Слава Богу.

Какими бы поражениями и победами ни знаменовалось так называемое флоридское президентство (полный их список до сих пор не опубликован), в активе всегда будет числиться одно: речь памятным ноябрьским утром положила конец Космическому Ужасу.

Существовало немало различных мнений по поводу того, почему речь сработала (дело не в умении повести за собой массы, просто момент выбран подходящий, — презрительно фыркнул один критик), но она сработала. Изголодавшиеся по жесткой информации люди, которым пришлось бежать с насиженных мест, съезжали с шоссе, чтобы увидеть

выступление президента. Магазины бытовой техники в торговых центрах были забиты молчаливыми, растерянными беженцами. На автозаправках вдоль 1-95 работники, вместо того чтобы обслуживать клиентов, запирались, ставили переносные телевизоры рядом с кассовыми аппаратами и смотрели. В барах было яблоку негде упасть. Зачастую местные жители пускали в свои дома любого, кто хотел увидеть лицо президента. Они могли бы послушать речь по радио (как Джоунси и мистер Грей), в своих машинах, на ходу, но так поступали немногие. По утверждениям недругов президента, речь попросту перебила инерцию паники.

— Да на его месте даже Порки-Пиг наверняка добился бы точно такого же результата, произнеси он речь в такую минуту, — высказался один из них.

Второй придерживался иного мнения.

— Речь стала поворотным моментом в кризисной ситуации, — возражал он. — Сейчас на дорогах не менее шести тысяч водителей. Сделай президент хоть одну ошибку, прозвучи в его словах тревога, и к полудню это число возросло бы раз в сто. И вся эта волна беженцев захлестнула бы Нью-Йорк, самая большая со времен «Пыльной Чаши»^[75]. Американцы, особенно жители Новой Англии, обратились к своему избранному ничтожным большинством лидеру за помощью... за утешением и ободрением. И он ответил самым проникновенным во все времена обращением к народу. Только и всего.

Так это или нет, социология или мудрость вождя тут причиной, но речь вышла почти такой, как ожидали Оуэн и Генри... что касается Курца, он предсказал почти каждое слово и оборот. Во главе угла стояли две простые идеи, представленные как абсолютные факты и рассчитанные на то, чтобы заглушить ужас, тяжело ворочавшийся в груди каждого американского обывателя. Первая заключалась в том, что пусть пришельцы не размахивали оливковыми ветвями и не раздавали бесплатных подарков, все же не проявляли никакой враждебности. Вторая разъясняла, что хотя они занесли некий вид вируса, его удалось изолировать в пределах Джефферсон-тракта (президент показал район на карте, так же умело, как синоптик — зону низкого давления). И даже там он погибает, абсолютно без всякого вмешательства ученых и военных экспертов.

— Хотя в данную минуту наверняка сказать невозможно, — сообщил президент затаившим дыхание слушателям (особенно тем, кто оказался в северо-восточном коридоре Новой Англии, — эти вообще, кажется, забыли о существовании воздуха), — мы уверены, что пришельцы привезли этот

вирус с собой, как неосторожные путешественники, иногда сами того не зная, пересекают границу с насекомыми или микробами в багаже или купленных вещах. Конечно, таможенники стараются все проверить, но, к сожалению... — широкая улыбка Великого Белого Отца, — ...наши недавние гости не проходили контрольно-пропускного пункта. Да, несколько человек заразились, в основном военнослужащие. Но подавляющее большинство (это что-то вроде обычного грибкового заболевания, известного как микоз) уже сумело победить болезнь самостоятельно. В районе объявлен карантин, но люди, оказавшиеся за пределами этой зоны, находятся вне всяческой опасности, повторяю, вне всяческой опасности.

— Если вы живете в Мэне и покинули свои дома, — заявил президент, — предлагаю вам вернуться. Как сказал Франклин Делано Рузвельт, нам нечего бояться, кроме самого страха.

Он не обмолвился о расстреле серых человечков, взорванном корабле, захваченных и интернированных охотниках, пожаре в магазине Госслина и мятеже. Ни звука о последних «Империзл Вэлли» Кейт Галлахер, которых загоняли и убивали, как бешеных псов (по мнению многих, они были куда хуже любого бешеного пса). Ни слова о Курце и о Тифозном Джоунси. Президент всего лишь погасил шквал паники, прежде чем он вырвался из-под контроля.

Большинство слушателей последовали его совету и вернулись домой.

Для некоторых, разумеется, это оказалось невозможным.

Для некоторых понятие «дом» было вычеркнуто из словаря.

Небольшая процессия продвигалась на юг под темным небом, возглавляемая ржавым красным «субару», который Мари Тержен из Личфилда никогда больше не увидит. Генри, Оуэн и Даддитс находились в пятидесяти пяти милях, или пятидесяти минутах позади. Курц и его люди, как раз выезжающие из зоны отдыха на 81 и миле (к тому времени, как они вырулили на шоссе, Перли жадно заглатывал уже вторую бутылку воды «Пайя»), отстали от Джоунси и мистера Грея приблизительно на семьдесят пять миль. Между Курцем и его добычей оставалось двадцать миль.

Если бы не плотное облачное одеяло, наблюдатель в низко летящем спортивном самолете мог бы видеть всех троих одновременно: «субару» и оба «хамви», ровно в одиннадцать сорок три по восточному времени, как

раз в тот момент, когда президент завершил речь словами:

— Благослови вас Господь, мои соотечественники. И благослови Господь Америку.

Джоунси и мистер Грей пересекали мост Киттери — Портсмут, ведущий в Нью-Хемпшир. Генри, Оуэн и Даддитс проезжали мимо поворота № 9, позволявшего добраться до Фалмута, Камберленда и Джерусалемс-Лот. Курц, Фредди и Перлмуттер (живот Перлмуттера снова набухал; он полулежал, стеная и испуская смрадные газы — возможно, своего рода критика в адрес Великого Белого Отца) проезжали развязку с шоссе № 295, к северу от Брунсвика. Все три машины было легко заметить, потому что дорога почти опустела: водители останавливались, чтобы упиться утешительной, подкрепленной цветной картой лекцией президента.

Подпитываясь неистощимыми воспоминаниями Джоунси, мистер Грей свернул с № 95 на № 495 сразу же после пересечения границы Нью-Хемпшира с Массачусетсом... и указал направление Даддитсу, которому путь Джоунси представлялся ярко-желтой линией — по ней-то и следовал «хамви». В городке Марлборо мистер Грей свернет на 1-90, одну из самых широких восточно-западных автострад Америки. В «штате у залива»^[76] эта дорога известна как Масс-Пайк, массачусетская автомагистраль. Согласно Джоунси, поворот № 8 вел в Палмер, Амхерст и Уэйр. В шести милях от Уэйра находился Куэббин.

Ему нужна опора № 12, так сказал Джоунси, а Джоунси не мог солгать, как бы ни хотел. Рядом с Уинзорской плотиной, на южном конце Куэббинского водохранилища, находился офис Управления водоснабжением. Джоунси вполне способен довести его туда, а мистер Грей позаботится об остальном.

Джоунси больше не мог сидеть за столом: стоило опуститься на стул, как он немедленно начинал плакать. Вот-вот станет заговариваться, потом биться головой о стенку, а в этом состоянии того и гляди ринется к выходу и попадет прямо в объятия мистера Грея, полностью обезумевший и готовый подставить голову под топор.

Интересно, где мы, сейчас? — гадал он. Уже Марлборо? Сворачиваем с № 495 на № 90? Похоже, так.

Наверняка все равно не скажешь, окно-то закрыто.

Джоунси посмотрел на окно и невольно ухмыльнулся.

Именно невольно.

Вместо СДАВАЙСЯ, ВЫХОДИ краснела та надпись, о которой он недавно думал:

СДАВАЙСЯ, ДОРОТИ.

Я сделал это, и бьюсь об заклад, сумел бы убрать чертовы ставни, если бы захотел, подумал он.

Но что потом? Мистер Грей поставит новые, а то и замажет стекла черной краской. Если он не желает, чтобы Джоунси выглянул в мир, значит, своего добьется. Беда в том, что мистер Грей владеет его телом. Голова мистера Грея взорвалась, он спорулировал прямо на глазах Джоунси, мистер Джекил превратился в мистера Байрума, и Джоунси вдохнул эти споры. И теперь мистер Грей...

Чирей, думал Джоунси. Чирей в моем мозгу.

Что-то слабо противилось этому мнению, и откуда-то возникла вполне связная неортодоксальная мысль — Ты все переворачиваешь с ног на голову, именно ты смылся, сбежал, удрал, — но Джоунси решительно задавил ее. Все это псевдоинтуитивное дерьмо, сбой сознания, галлюцинация, по типу миража, который видит умирающий от жажды в пустыне человек. Он заперт здесь, а мистер Грей на воле, лопает бекон и правит бал. Если Джоунси позволит себе думать иначе, он будет последним идиотом. Первоапрельским дураком в ноябре.

Нужно как-то придержать его. Если я не смогу остановить мистера Грея, нельзя ли по крайней мере бросить в мотор гаечный ключ?

Он встал и обошел офис. Всего тридцать четыре шага. Чертовски короткая прогулка. Все же помещение немного просторнее, чем обычная тюремная камера; парни в Уолполе, Денвере или Шоушенке посчитали бы ее дворцом.

Посреди потолка по-прежнему раскачивался и плясал Ловец снов. Какая-то часть сознания Джоунси подсчитывала шаги, другая соображала, насколько близко они находятся от поворота № 8 на Масс-Пайк.

Тридцать один, тридцать два, тридцать три, тридцать четыре.

И он снова у своего стула. Начинаем второй раунд.

Они вот-вот будут в Уэйре... и, разумеется, не остановятся. В отличие от русской мистер Грей прекрасно знал, чего добивается.

Тридцать два, тридцать три, тридцать четыре, тридцать пять, тридцать шесть. Обошел стул и готов к новому кругу.

К тридцати годам у них с Карлой было уже трое детей (четвертый появился менее года назад), и никто не мечтал о летнем коттедже, даже самом скромном, на Осборн-роуд, в северном Уэйре. Но тут на факультете произошел сейсмический сдвиг. Деканом стал хороший друг Джоунси, и тот немедленно оказался в должности адъюнкт-профессора по крайней мере года на три раньше самых своих радужных ожиданий. Прибавка в жалованье тоже оказалась значительной.

Тридцать пять, тридцать шесть, тридцать семь, тридцать восемь, И снова за стул. Хорошо. По крайней мере успокаивает.

В том же году скончалась бабка Карлы, оставив неплохое наследство, поделенное между Карлой и ее сестрой как самыми близкими родственниками. Вот так они и купили коттедж. И прошлым летом повезли детей к Уинзорской плотине, а оттуда отправились по одному из летних туристических маршрутов. Их гид, служащий Массачусетского управления водоснабжения, в темно-зеленой униформе, рассказал, что район вокруг Куэббинского водохранилища считается основной областью обитания орлов в Массачусетсе. (Джон и Миша, старшие дети, надеялись увидеть парочку орлов, но ничего не вышло.) Водоохранилище было создано в тридцатых годах. При этом затопили три ближайших населенных пункта, с небольшими городками в центре каждого. В то время земли, окружавшие озеро, были благоустроенными, но лет через шестьдесят природа взяла свое, и все вернулось к тому состоянию, в котором, вероятно, находилась Новая Англия семнадцатого века до промышленной революции и победного шествия прогресса. Лабиринт ухабистых немощеных дорог и тропинок хаотически расползлся по берегам озера, одного из самых чистых водохранилищ в Северной Америке, но на этом и кончалась цивилизация. Если кому-то взбрело в голову обследовать местность за опорой № 12, на Восточном отроге, приходилось надевать тяжелую обувь на толстой подошве. Так по крайней мере сказал Лоррингтон, их гид.

В группе было еще не меньше дюжины туристов, и к тому времени они почти вернулись на исходную точку и стояли в конце дороги, пересекавшей Уинзорскую плотину (Куэббин ярко сверкал голубизной в солнечном свете, рассыпаясь миллионами зеркальных осколков, Джоуи мирно спал в переноске на спине Джоунси). Лоррингтон уже заканчивал программу и хотел было пожелать всем доброго дня, когда какой-то малый в спортивной фуфайке по-ученически поднял руку и спросил:

— Опора № 12. Не та, где русская?..

Тридцать восемь, тридцать девять, сорок, сорок один, и назад к стулу.

Считать, не задумываясь о цифрах, давняя привычка. Карла полагала

это признаком маниакального синдрома. Джоунси в этом не разбирался, просто знал, что счет его успокаивает, поэтому и пошел на очередной круг.

При слове «русская» губы Лоррингтона конвульсивно сжались. Очевидно, эта часть не входила в его лекцию. И уж, разумеется, не способствовала доброму настроению туристов. Конечно, многое зависело от того, через какие муниципальные трубы она протекала последние восемь — десять миль своего путешествия, но бостонская водопроводная вода была самой лучшей, самой чистой в мире, вот доктрина, которую они хотели внушить всему свету.

— На этот счет у меня нет сведений, сэр, — сказал гид, и Джоунси подумал:

Господи Боже мой, кажется, наш гид соврал и не поморщился.

Сорок один, сорок два, сорок три, снова за стул и готов начать все сначала. Теперь он ускорил шаг. Руки сцеплены за спиной, как у капитана, обходящего палубу... или бриг, после успешного захвата судна. Скорее последнее.

Большую часть своей жизни Джоунси преподавал историю, и любопытство стало его второй натурой. На завтра он отправился в библиотеку, перелистал подшивку местной газеты и раскопал всю историю. Изложена она была сухо и кратко — описания пикников, помещенные на той же странице, подавались куда красочнее и живее, зато их почтальон знал намного больше и был счастлив поделиться. Старый мистер Бекуит. Джоунси до сих пор помнил его последние слова, сказанные перед тем, и как он завел свой голубой с белым почтовый грузовик и покатил по Осборн-роуд, к следующему коттеджу: летом всегда приходило много почты.

Джоунси поднялся на крыльцо домика, нежданно свалившегося на них дара, задумчиво покачивая головой. Недаром Лоррингтон так не хотел говорить о русской.

Ее звали то ли Илена, то ли Илайна Тимарова, никто точно не знал. Она появляется в Уэйре в начале осени 1995-го, в «форд-эскорте», со скромной желтой наклейкой «Херц»^[77] на лобовом стекле. Машина оказалась краденой, и потому по округе долго ходили не подтвержденные, но пикантные сплетни о том, как она расплатилась собой за автомобильные ключи, получив их прямо в аэропорту Логана.

Однако, как оказалось, она немного не в себе, повредила голову. Кто-то помнит синяк на пол-лица, кто-то — застегнутую не на те пуговицы блузку. По-английски говорит плохо, но запаса слов достаточно, чтобы разузнать дорогу к Куэббинскому водохранилищу. Там она пишет записку (на русском). Вечером, когда дорога через Уинзорскую плотину уже закрыта, в зоне пикников, у Гудно-Дайк найден брошенный «эскаорт». На следующее утро машина по-прежнему стоит на месте, и два парня из Управления водоснабжения (кто знает, может, одним из них был Лоррингтон) вместе с двумя лесниками начинают ее искать.

В двух милях вверх по Ист-стрит валяются ее туфли. Еще в двух милях, там, где Ист-стрит переходит в грязную тропинку (вьющуюся сквозь заросли на восточном берегу водохранилища, и это вовсе не улица, а массачусетский вариант Дип-кат-роуд), находят ее блузку — ого! Через две мили после валяющейся на земле блузки Ист-стрит обрывается, и изрытая колеями просека, Фицпатрик-роуд, уводит прочь от озера. Поисковая партия уже собирается следовать этой тропой, но кто-то замечает розовую тряпочку, свисающую с ветки, наклонившейся над водой. Тряпочка оказывается лифчиком.

Земля в этом месте влажная, но не заболоченная, и они могут идти по ее следам, пробираясь сквозь сломанные русской ветки. Страшно подумать, во что они превратили ее нежную кожу! Однако свидетельство налицо, как бы это ни ужасало мужчин: пятна крови на острых сучьях, а потом и на камнях, каждый ее след отмечен багровой каплей.

В миле от того места, где заканчивается Ист-стрит, они видят каменное здание, стоящее на чем-то вроде естественного фундамента, образованного выходом породы. Оно выходит на Восточный Отрог горы Помери. В этом здании и находится опора № 12, и машиной до нее можно добраться только с севера. Почему Илена, или Илайна, не попыталась поступить именно так, остается загадкой.

Акведук, начинающийся в Куэббине, тянется на шестьдесят миль к востоку, до Бостона, забирая по пути воду еще из водохранилищ Уачусетс и Садбери (последние два поменьше и погрязнее). Насосов нет: для трубы акведука, высотой тринадцать футов и шириной одиннадцать, их не требуется. Вода подается самотеком, как в Древнем Египте, тридцать пять веков назад. Между землей и акведуком проходят двенадцать вертикальных опор, служащих вентиляционными шахтами и регуляторами давления. Через них можно также проникнуть в акведук в случаях засора. Опора № 12 — ближайшая к водохранилищу, известна также как водозаборная. Здесь проверяется чистота воды (как и женская добродетель: каменное

здание не запирается, и сюда часто заплывают любовники в каноэ).

На нижней из восьми ступенек, ведущих к двери, валяются аккуратно сложенные женские джинсы, на верхней — белые трикотажные трусики. Дверь открыта. Мужчины переглядываются, но молчат. Все прекрасно понимают, что найдут внутри: мертвую русскую даму, и ни клочка одежды.

Но ничего этого нет. Скважину прикрывает круглая железная крышка. Сейчас она сдвинута ровно настолько, что внизу поблескивает темный полумесяц воды. Рядом брошен лом, которым женщина сдвинула крышку: обычно он вместе с другими инструментами стоит за дверью. Тут же лежит сумочка русской. На ней портмоне, из которого выглядывает удостоверение личности. На портмоне — вершина пирамиды, иначе говоря, паспорт. Из него высовывается листок бумаги, покрытый странными иероглифами, по-видимому русскими, или правильнее сказать кириллицей. Мужчины уверены, что нашли последнее послание самоубийцы, но после перевода оказывается, что это ее маршрут. В самом конце она приписала: «Когда дорога кончится, пойду вдоль берега». Так она и сделала, раздеваясь по пути, не обращая внимания на царапины и порезы.

Мужчины стоят вокруг частично закрытой опоры, почесывая затылки и прислушиваясь к журчанию воды, начинающей свой путь к фонтанам, кранам и дворовым шлангам Бостона. Звук глухой, монотонный и какой-то зловещий, что неудивительно: высота опоры № 12 сто двадцать пять футов. Мужчины не понимают, что заставило ее проделать все то, что она проделала, но ясно, слишком ясно видят, как она сидит на каменном полу, болтая ногами, и выглядит при этом обнаженной версией девушки на этикетках «Уайт рок». Она оглядывается в последний раз, возможно, желая удостовериться, что портмоне и паспорт никуда не делись. Хочет, чтобы те, кто войдет сюда, знали, кто решил свести счеты с жизнью, и есть в этом что-то ужасно, невыразимо грустное. Всего один взгляд назад, и она проскальзывает в полумесяц между крышкой и трубой. Может, зажала нос, как ребенок, ныряющий в городской плавательный бассейн. А может, и нет. Так или иначе, а уже через секунду здесь вновь воцаряется спокойствие. Привет, тьма, старая подруга.

Последние слова старого мистера Бекуита, перед тем как он взгромоздился на сиденье своего почтового грузовика, звучали именно так: «Насколько я слышал, народ в Бостоне пил ее с утренним кофе незадолго

до Валентинова дня. — И наградив Джоунси хитрой улыбкой, добавил: — Сам я не пью воды. Предпочитаю пиво, знаете ли».

Джоунси обошел офис не менее двенадцати — четырнадцать раз. Остановился за стулом, рассеянно потер бедро и снова отправился по заведенному маршруту, старый добрый маниакально-синдромный Джоунси.

Один... два... три...

История русской, конечно, была просто великолепна, идеальный пример Жутких Баек Захолустного Городишки (неплохи также дома с привидениями, где творились страшные злодеяния, и места ужасных дорожных аварий), и, разумеется, проливала как нельзя более яркий свет на злодейские планы мистера Грея относительно несчастного колли, но что хорошего это даст Джоунси? Какая разница, знает он или нет о замыслах мистера Грея. В конце концов...

Снова к стулу: сорок восемь, сорок девять, пятьдесят, и подожди минуту, всего одну чертову минуту. В первый раз он обошел комнату за тридцать четыре шага, не так ли? Откуда же взялось пятьдесят?! Он не семенил, не дробил шаг, ничего подобного, так откуда же...

Ты расширяешь пространство. С каждым новым кругом. Чем больше обходишь, тем больше расширяешь. Потому что никак не хочешь уgomониться. Но это твоя комната. Спорим, можешь сделать из нее что-то вроде бальной залы в «Уолдорф-Астории»... если пожелаешь... и мистер Грей не сумеет помешать.

— Разве такое возможно? — прошептал Джоунси.

Он стоял у стола, заложив руку за спину, словно позируя для портрета. Но свидетельство было налицо, если глаза его не обманывали. Комната увеличилась в размерах.

Генри должен прийти. Если с ним Даддитс, значит, мистер Грей нигде не скроется, сколько бы машин ни менял, потому что Даддитс видит линию. Он привел их во сне к Ричи Гренадо, позже, наяву, — к Джози Ринкенхауэр, и теперь станет направлять Генри, так же легко, как нацеленная на лисью нору гончая — своего хозяина. Беда в форе, проклятой форе, которую сумел заполучить мистер Грей. Час, не меньше, а то и больше. И как только мистер Грей сбросит собаку в шахту опоры № 12, все кончено. Теоретически, правда, еще есть время перекрыть подачу

воды в Бостон, но разве Генри убедит кого-то предпринять столь экстренные, грозящие бедой, разрушительные меры? Весьма сомнительно. А те люди, вдоль всего акведука, к которым вода попадет сразу же? Шестьдесят пять тысяч в Уэйре, одиннадцать — в Этоле и сто пятьдесят — в Уорчестере. У них останется всего несколько недель жизни. А может, и дней.

Неужели нет способа задержать сукина сына? Дать Генри шанс поймать его?

Джоунси поднял глаза к Ловцу снов, и в комнате что-то тут же изменилось... какой-то вздох, вроде того звука, что, как принято думать, издают духи на спиритических сеансах. Но это не дух, откуда тут дух?

Все же Джоунси поежился. Глаза наполнились слезами. На память пришла строчка из Томаса Вулфа: «Все потеряно: камень, лист, ненайденная дверь».

Томас Вулф, считавший, что тебе больше не суждено вернуться в дом родной.

— Даддитс? — прошептал он. Волоски на затылке встали дыбом. — Даддитс, это ты?

Никто не ответил... но, взглянув на стол, где валялся бесполезный телефон, он обнаружил, что добавилось кое-что новое. Не камень, не лист, не ненайденная дверь, а доска для криббиджа и колода карт.

Кто-то хотел сыграть с ним.

13

Болит. Теперь все болит. Везде. Сильно. Мама знает: он сказал маме. Иисус знает: он сказал Иисусу. А Генри не сказал. У Генри тоже все болит, Генри устал и очень печальный. Бивер и Пит на небесах, где восседают подле Бога Отца Всемогущего, Творца неба и земли, отныне и вовеки веков, ради Бога, о Господи! От этого ужасно грустно, они были хорошими друзьями и никогда не смеялись над ним. Однажды они нашли Джози, и как-то видели высокого такого парня, ковбоя, а еще играли в игру.

Это тоже игра, но раньше Пит все повторял: «Даддитс, не важно, выиграешь ты или проиграешь, главное, КАК играть», но теперь это важно, так сказал Джоунси, пока Джоунси трудно расслышать, но скоро будет получше, очень скоро. Если бы только боль унялась. Даже перкосен не помог. В горле скребет, тело трясется, а в животе противно ноет, вроде как хочется сделать пук-пук, вроде как, но на самом деле ему вовсе не хочется

делать пук-пук, а когда он кашляет, иногда во рту делается кровь. Неплохо бы поспать, но Генри и его новый друг Оуэн, который был с ними в тот день, когда они нашли Джози, так они все твердят: «Если бы мы могли задержать его, если бы мы могли выиграть время...» — и поэтому приходится не спать и помогать им, но нужно закрывать глаза, чтобы услышать Джоунси. А они думают, что он спит. Оуэн говорит: «Не стоит ли нам разбудить его, вдруг этот сукин сын свернет куда-нибудь?» А Генри отвечает: «Говорю же, я знаю, куда он направляется, но мы разбудим Дадса как раз перед 1-90, чтобы не гадать. А пока пусть поспит, Господи, как же он измучен». И снова Генри, но на этот раз не вслух. Мысленно:

Если бы только задержать сукина сына.

Глаза закрыты. Руки сложены на ноющей груди. Дыхание медленное. Мама велела дышать медленно, когда кашляешь. Джоунси не мертв. Не на небесах вместе с Бивером и Питом. Но мистер Грей сказал, что Джоунси заперт, и Джоунси ему поверил. Джоунси в офисе, ни телефона, ни факса, трудно связаться, потому что мистер Грей злой и мистер Грей напуган. Бойтся, что Джоунси узнает, кто на самом деле заперт.

Когда они болтали больше всего?

Когда играли в игру.

Игра.

Его снова трясет. Нужно как следует подумать, а это больно, это крадет последние остатки сил, но теперь это больше, чем игра, теперь важно, кто выиграет, а кто проиграет, поэтому он тратит силы, делает доску и карты, Джоунси плачет, Джоунси думает, все потеряно, но Даддитс Кэвелл не потерялся, Даддитс видит линию, линия идет к офису, и на этот раз он сделает куда больше, чем просто вставит колышки.

Не плачь, Джоунси, говорит он, и слова, как всегда, звучат в его мозгу отчетливо и ясно. Это глупый рот вечно коверкает их. Не плачь, я не потерялся.

Глаза закрыты. Руки сложены.

Там, в офисе Джоунси, под Ловцом снов, Даддитс играет в игру.

— Я засек собаку, — устало сообщил Генри. — Собрата Перлмуттера по несчастью. Я его засек. Мы немного ближе к ним. О Господи, если бы только нашелся способ попридержать его!

Пошел дождь, и Оуэн от души надеялся, что они успеют пересечь зону

заморозков, прежде чем снег превратится в слякоть. Ветер буйствовал с такой силой, что «хамви», казалось, вот-вот слетит с шоссе. Был уже полдень, а они все еще ехали между Сейко и Бидфордом. Оуэн глянул в зеркальце заднего обзора на Даддитса. Глаза закрыты, голова на спинке сиденья, исхудавшие руки сложены на груди. Лицо зловеще пожелтело, но из уголка рта тянется ярко-красная ниточка.

— Твой друг может помочь? — прошептал Оуэн.

— Думаю, пытается.

— Вроде ты сказал, что он спит.

Генри повернулся, взглянул на Даддитса и вздохнул:

— Я ошибся.

15

Джоунси сдал карты, сбросил две из своей взятки в криб, взял другую взятку, за Даддитса, и добавил в криб еще две.

— Не плачь, Джоунси. Не плачь. Я не потерялся.

Джоунси поднял глаза к Ловцу снов в полной уверенности, что слова исходят оттуда.

— Я не плачу, Дадс. Аллергия чертова, только и всего. Но если ты хочешь играть...

— Два, — объявил голос из Ловца снов.

Джоунси выложил двойку из взятки Даддитса — неплохое начало, — потом сыграл семеркой из своей. Всего, значит, девять. У Даддитса на руках шестерка, вопрос в том, станет он или нет...

— Шесть за пятнадцать, — прозвучал голос из Ловца снов. — Пятнадцать за два. Поцелуй меня в задницу!

Джоунси невольно засмеялся. Это, конечно, Даддитс, сомнений нет, но до чего же похоже на Бива!

— Давай ставь колышек, — хмыкнул он и, открыв рот, увидел, как один из колышков поднялся, подлетел к доске и встал во вторую лунку на Первой улице.

И тут его осенило:

— Ты с самого начала знал правила, верно, Даддитс? И ставил колышки как попало, чтобы позабавить нас! — При этой мысли слезы вновь брызнули из глаз. Подумать только, все эти годы они считали, будто играют с Даддитсом, а на самом деле это он играл с ними. И в тот день позади «Братьев Трекер»? Кто нашел кого? Кто кого спас?

— Двадцать один, — произнес он.

— Тридцать один за два. — Это Ловец снов. И опять невидимая рука подняла колышек и поставила на две лунки дальше. — Он заблокирован от меня, Джоунси.

— Знаю. — Джоунси сыграл тройкой.

Даддитс объявил тринадцать и Джоунси сделал ход из взятки Даддитса.

— А ты — нет. Ты можешь с ним говорить.

Джоунси сыграл двойкой и переставил колышек. Даддитс, в свою очередь, выложил карты, опустил колышек в лунку, и Джоунси подумал:

Обыгран слабоумным, как вам это нравится?

Только Даддитс не был слабоумным. Уставшим, умирающим, но не слабоумным.

Они продолжали играть, но Даддитс ушел далеко вперед, хотя это был криб Джоунси.

— Чего он хочет, Джоунси? Что ему нужно, кроме воды?

Очередное убийство. Он любит убивать, подумал Джоунси.

Но не нужно об этом. Ради Господа Бога, не нужно больше об этом.

— Бекон, — произнес Джоунси вслух. — Он любит бекон.

Он начал было тасовать карты... И замер, когда сознание наполнил Даддитс. Настоящий Даддитс, молодой, сильный, готовый к битве.

За спиной Генри громко застонал Даддитс. Повернувшись, Генри заметил алуую, как байрум, кровь, бегущую из ноздрей. Лицо было сморщено в неестественной судороге сосредоточенности. За опущенными веками быстро вращались глазные яблоки.

— Что это с ним? — испугался Оуэн.

— Не знаю.

Даддитс закашлялся глубоким, рвущим грудь бронхиальным кашлем. Кровь веером брызг вылетала изо рта.

— Разбуди его, Генри! Ради Христа, разбуди!

Генри ответил Оуэну перепуганным взглядом. Они были почти рядом с Кеннебанкпортом, не далее чем в двадцати милях от границы с Нью-Хемпширом, в ста десяти милях от Куэббинского водохранилища. На стене офиса Джоунси висел снимок Куэббина, Генри сам видел. И еще один, летнего коттеджа в Уэйре.

- Разбуди его! Он говорит, что ему больно! Неужели не слышишь!
- Не «больно».
- А что же?
- «Бекон». Он сказал: «бекон».

У сущности, отныне думающей об этом, как о мистере Грее, думающей о себе, как о мистере Грее, появилась серьезная проблема, но по крайней мере оно (он) об этом знал.

«Кто предупрежден, тот вооружен», — выразился бы Джоунси. В коробках его воспоминаний было полно таких изречений, не меньше нескольких тысяч. Некоторые мистер Грей считал полной несообразицей, например «после дождичка в четверг» или «все возвращается на круги своя», но «кто предупрежден, тот вооружен» — это в самую точку. Именно.

Проблема заключалась в его отношении... нет, чувствах к Джоунси. Но, честно говоря, ему было совсем не по себе... и это еще слабо сказано. Можно сколько угодно думать:

Теперь Джоунси отрезан, и я решил свою проблему. Запер его в карантине, в точности как их военные пытались изолировать нас. Меня преследуют... да что там, попросту гонятся по пятам, но если не заглохнет мотор и не спустит шина, ни той, ни другой банде охотников меня не сцапать. Я слишком далеко ушел.

Все это было чистой правдой, но облегчения не приносило. Истинным смаком было бы ворваться в дверь, за которой прятался негостеприимный хозяин, и заорать ему в физиономию: «Я достал тебя, верно? И сделал твой красный фургончик!»

Что за фургончик и почему именно красный, мистер Грей понятия не имел, но эта эмоциональная пуля способна была проделать дыру большого калибра в доспехах Джоунси, поскольку отзывалась звучным резонансом, идущим из глубин самого детства. А потом он высунет язык Джоунси (мой язык, думал мистер Грей с несомненным удовлетворением) между губами Джоунси. Станет «дразниться», а Джоунси даже ответить не сможет!

А что касается преследователей... так и подмывает сбросить штаны Джоунси и выставить зад Джоунси. Конечно, все это так же бессмысленно, как «после дождичка в четверг» или «красный фургончик», но ужасно хотелось устроить им «козью морду», как выражался Джоунси. Это называлось «показать мудакам луну», и мистер Грей умирал от желания ее

показать.

Мистер Грей понимал, что заражен байрумом этого мира. Все началось с эмоций, продолжилось пробуждением сенсорной информированности (вкус еды, неоспоримое неистовое удовлетворение при виде патрульного, бьющегося головой о кафельную стену душевой — глухое бух-бух каждого удара) и превратилось в то, что Джоунси называл мышлением высшего типа. По мнению мистера Грея, это была шутка: все равно что называть дерьмо переработанной пищей или геноцид — этнической чисткой. И все же мышление имело свою привлекательность для существа, всегда бывшего частью вегетативного разума, что-то вроде высокоинтеллектуального несознания.

До того как мистер Грей заблокировал Джоунси, тот предложил ему забыть о своей миссии и просто наслаждаться человеческим бытием. Теперь он обнаружил, что желание в нем, ранее гармоничном разуме, разуме без сознания, начало дробиться, превращаться в хор противоречивых голосов, один хотел А, другой — Б, третий — В в квадрате, поделенное на Г. Раньше он посчитал бы это бормотание кошмаром, признаком надвигающегося безумия, но теперь, как оказалось, наслаждался внутренней борьбой.

Бекон. «Секс с Карлой», который Джоунси определял как невыразимо восхитительный акт, включающий как сенсорный, так и эмоциональный факторы. Быстрая езда и бильярд в баре «О'Лири», рядом с Фенуэй-парк, и громкая, «вживую» игра оркестра, и Пэтти Лавлесс, поющая «Вини в этом свое холодное, двуличное, неверное, лживое любящее сердце» (что бы это ни означало). Земля, поднимающаяся из тумана в летнее утро. И, конечно, убийство.

Проблема была в том, что если он не выполнит миссию как можно скорее, значит, скорее всего вообще не выполнит. Он уже не байрум, а мистер Грей. Сколько еще пройдет времени, прежде чем он выползет из шкуры мистера Грея и растворится в Джоунси?

Этому не бывать, подумал он, нажимая на акселератор, и не слишком мощный мотор послушно выжал еще немного. Собака, спящая на заднем сиденье, тихонько твякнула и взвыла от боли. Мистер Грей послал мысль байруму, росшему в ней. Байрум рос быстро. Слишком быстро. И кое-что еще: не было никакого удовольствия в мысленном обмене, никакого тепла, обычного для собеседников при подобных встречах. Разум байрума казался холодным... протухшим...

— Чужак, — пробормотал он, но тем не менее успокоил байрум.

Когда собака полетит в водохранилище, байрум по-прежнему

останется внутри. Ему понадобится время, чтобы адаптироваться. Пес, конечно, утонет, но байрум проживет еще некоторое время, питаясь собачьим трупом, пока не настанет срок. Но сначала нужно добраться туда.

Осталось совсем недолго.

Мчась на запад по шоссе 1-90, мимо бесчисленных городишек (сортирчиков, как отзывался о них Джоунси, правда, не без симпатии) вроде Уэстборо, Графтон и Дороти-Понд (все ближе и ближе, осталось почти сорок миль), он искал место, куда бы мог запихнуть свое новое и раздражающее сознание, место, где бы оно не довело его до беды. Может, детишки Джоунси? Нет, чересчур эмоциональны. Даддитс? Глухо. Связи нет. Джоунси украл воспоминания. Наконец он остановился на работе Джоунси, преподавании истории, его специальности, отвратно-притягательной. Похоже, что между 1860-м и 1865-м Америка раскололась надвое, как колонии байрума в конце каждого цикла развития. Причин было несколько, и основная имела что-то общее с «рабством», но это все равно что называть блевотину или дерьмо «переработанной пищей». «Рабство» не означало ничего. «Право на выход» не означало ничего. «Сохранение Союза» не означало ничего. Они в общем-то сделали то, на что эти создания способны лучше всего: «взбесились», что в основном почти то же, что и «спятить», но социально куда более приемлемо. Да, но каков масштаб!

Мистер Грей увлеченно раскрывал коробку за коробкой с поразительным, интригующим, влекущим вооружением — крупная картечь, шрапнель, пушечные ядра, штыки, фугасы, когда в мозг вполз непрошенный голос: бекон.

Он отбросил нагло лезущую мысль, хотя в желудке Джоунси заурчало. Конечно, неплохо бы сейчас съесть ломтик бекона, такого сочного, жирного и скользкого, дающего чисто физическое удовлетворение, но не время, не время. Вероятно, когда он избавится от собаки... Тогда, если преследователи не успеют появиться, он сможет жевать, жевать, жевать, пока не лопнет. Но не теперь.

Проезжая поворот № 10 — осталось еще два, — он снова обратился разумом к гражданской войне, к мужчинам в синем и сером, бегущим сквозь дым, вопящим и сажающим друг друга на штыки, крушащим бесчисленные красные фургоны, разбивающим приклады о черепа врагов, издавая эти пленительные звуки «бум-бум», и... бекон.

В животе опять заурчало. Во рту Джоунси собралась слюна, и он вспомнил «Дайзерт», коричневые поджаристые полоски на синей тарелке, берешь их пальцами, текстура твердая, текстура мертвой и вкусной

плоти...

Не смей думать об этом.

Раздраженно взвыл клаксон, заставив мистера Грея подскочить, а Лэда заскулить. Он выехал не на ту полосу, которую Джоунси обычно считал «объездной». Пришлось остановиться, чтобы пропустить большой грузовик, идущий с куда большей скоростью, чем «субару». Грузовик забрызгал лобовое стекло грязной водой, ослепив мистера Грея, и мистер Грей подумал:

Догнать бы тебя, убить, выдавать мозги из твоей тыквы, проклятый раб-водитель, южанин подлый, бум-бум, разнести твой фургон, твой красный фур... сандвич с беконом.

В голове словно выстрел раздался. Он сопротивлялся как мог, но силы оказались неравны. Неужели это Джоунси? Наверняка не он, у него не хватит мощи.

Но он внезапно превратился в один огромный желудок, и этот желудок был пуст, ныл и пылал страстным желанием. Жаждой. Конечно, он вполне успеет остановиться, чтобы утолить ее. Если же нет, он просто свалится в кювет от голода...

САНДВИЧ С БЕКОНОМ!

И МАЙОНЕЗОМ!

Мистер Грей испустил нечленораздельный вопль, не замечая, что из уголков рта стекает слюна.

18

— Я слышу его, — неожиданно вскинулся Генри, прижимая кулаки к вискам, словно затем, чтобы успокоить боль. — О Господи, резь какая! Он зверски голоден.

— Кто? — удивился Оуэн. Они как раз пересекли границу штата Массачусетс. Перед лобовым стеклом грузовика стояла сплошная, скошенная ветром серебристая завеса дождя. — Пес? Джоунси? Да кто же?

— Он, — пояснил Генри. — Мистер Грей. И взглянув на Оуэна с внезапной безумной надеждой во взгляде, добавил: — Он жмет на тормоз. Похоже, он останавливается.

19

Босс!

Курц уже снова клевал носом, когда Перлмуттер обернулся — не без усилия — и обратился к нему. Они как раз проезжали через пункт сбора дорожной пошлины, и Фредди Джонсон постарался выбрать полосу с оплатой через автомат (боялся, что кассир унюхает вонь в кабине, увидит разбитое стекло, оружие... Или их троих).

Курц всматривался в потное, изнуренное лицо Арчи Перлмуттера с интересом. Пожалуй, даже зачарованно. Где тот сухарь-бюрократ, не расстающийся с портфелем в обычных условиях и планшеткой в полевых: форма с иголочки, волосы аккуратно зачесаны на левый пробор, прямой как линейка? Тот, который под угрозой смерти не мог заставить себя забыть обращение «сэр»? Исчез. Исчез навсегда. И хотя он страшно похудел, лицо вроде бы стало одухотвореннее. Превращается в Ма Джоуд, подумал Курц, едва не хихикнув.

— Босс, мне пить хочется. — Перли тоскливо глянул на пепси Курца и выпустил очередной омерзительно пахнущий заряд.

Ма Джоуд с трубой в аду, подумал Курц и на этот раз действительно хихикнул. Фредди выругался, но уже без прежнего отвращения, похоже, он смирился и едва не скучал из-за отсутствия новых, более острых ощущений.

— Боюсь, это моя, дружище, — покачал головой Курц. — У меня самого в глотке пересохло.

Перлмуттер хотел что-то сказать, но поморщился от очередного приступа боли. И снова пукнул, но на этот раз не так оглушительно, словно бездарный ребенок, дующий в пикколо. Глаза его хитро сощурились:

— Дайте пить, и я скажу кое-что новенькое. — Пауза. — То, что вам необходимо знать.

Курц задумался. Дождь хлестал сквозь разбитое стекло, заливая сиденье. Чертово окно просто чирей в зад, хвала Иисусу, рукав его куртки промок насквозь, но придется потерпеть. В конце концов кого винить?

— Себя, — бросил Перли, и Курц подпрыгнул. Черт возьми, до чего же неприятная вещь это чтение мыслей! Думаешь уже, что привык, ан нет, оказывается, ничего подобного. — Вы и виноваты. Так что давай-ка бутылку, босс.

— Придержи язык, гнусь! — рывкнул Фредди.

— Скажи, что знаешь, и получишь остаток. — Курц поднял бутылку и поболтал перед измученным взором Перли, не без смешливого презрения к себе.

Когда-то он командовал полками и посылал их в бой, чтобы творить

геополитику, переделывать и стирать с лица земли огромные территории. Теперь вся его команда состоит из двух человек и бутылки газировки. Как же низко он пал! Вот к чему приводит гордыня, хвала Господу! Он обладал поистине сатанинской гордыней, но если это и смертный грех, то такой, от которого трудно отказаться. Гордыня — пояс, который поддерживает твои штаны даже после того, как эти штаны с тебя содрали.

— Обещаете? — Мохнатый красный язык Перли облизнул запекшиеся губы.

— Пропади я пропадом, если совру, — торжественно поклялся Курц. — Не веришь — прочти мои мысли.

Несколько мгновений Перли изучал его, и Курц почти чувствовал, как мягкие пальцы (грибок под каждым ногтем) копаются в его голове. Ужасное ощущение, но он терпел.

Наконец Перлмуттер удовлетворенно кивнул.

— Теперь я лучше слышу, — сказал он и тут же добавил заикающимся, испуганным шепотом: — Знаете, оно пожирает меня. Мои внутренности. Я это знаю.

Курц потрепал его по руке. Они как раз проезжали табличку:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МАССАЧУСЕТС.

— Я позабочусь о тебе, парнишка, я же обещал. А пока расскажи, что узнал.

— Мистер Грей останавливается. Он голоден.

Курц с силой стиснул руку Перлмуттера, пальцы, словно когти, впились в кожу.

— Где?

— Поблизости от того места, куда едет. Это магазин, — пояснил Перлмуттер и капризным детским голоском, от которого у Курца мурашки шли по коже, стал скандировать: — Лучшая еда, заходи сюда, лучшая еда, заходи сюда. — И тут же тон стал почти нормальным. — Джоунси знает, что Генри, Оуэн и Даддитс едут за ним. Поэтому и заставил мистера Грея остановиться.

Мысль о том, что Оуэн сумеет поймать Джоунси/мистера Грея, ужаснула Курца.

— Арчи, слушай меня внимательно.

— Я пить хочу, — заныл Перли. — Пить, сукин ты сын.

Курц снова поднял бутылку, и едва Перлмуттер потянулся к ней, хлопнул его по руке.

— А Генри, Оуэн и Дад-Датс знают, что Джоунси и мистер Грей остановились?

— Даддитс, старый ты дурак! — рывкнул Перли и, застонав от боли, схватился за раздувающийся живот. — Дитс, дитс, chime, Даддитс! Конечно, знают! Даддитс помог разжечь в мистере Грее голод. Он и Джоунси сделали это вместе!

— Мне это не нравится, — сказал Фредди.

И не тебе одному, подумал Курц.

— Пожалуйста, босс, — умолял Перли. — У меня вся глотка потрескалась.

Курц протянул ему бутылку и скучаяще наблюдал, как Перлмуттер к ней присасывается.

— 495, босс, — объявил Фредди. — Что делать?

— Сначала по № 495, — сказал Перли, — потом свернешь на № 95, к западу. — Он рыгнул, громко, но, к счастью, без вони. — Оно хочет еще пепси. Оно любит сладкое. И кофеин тоже.

Курц нахмурился. Оуэн знает, что их добыча прекратила бег, по крайней мере временно. Теперь Оуэн и Генри прибавят скорости, пытаясь сократить примерно полтора часовой разрыв. Следовательно, и ему нужно поторопиться.

Любой коп, который посмеет встать на его пути, умрет, благослови его Господь. Так или иначе, настал критический момент. Гонка подходит к концу.

— Фредди!

— Босс?

— Жми до упора. Заставь суку прогнуться, да возлюбит тебя Господь. Заставь ее прогнуться.

Фредди Джонсон исполнил приказ.

Здесь не было ни коровника, ни сарая, ни загона, а вместо предвыборных плакатов в витрине красовался снимок Куэббинского водохранилища. Под ним светился заманчивый призыв: ЛУЧШАЯ ЕДА, ЗАХОДИ СЮДА, но во всем остальном это вполне могло быть магазином Гослина — такие же убогие дощатые стены, такая же грязно-бурая черепица, такая же покосившаяся труба, плюющаяся клубами дыма в дождливое небо, такая же ржавая бензоколонка у крыльца. На табличке,

прислоненной к колонке, было написано:

БЕНЗИНА НЕТ, ВИНИТЕ ЗЕЛЕННЫХ.

В этот ноябрьский день магазин был пуст, если не считать владельца, джентльмена по имени Дик Маккаскелл. Как и большинство соотечественников, он все утро не отходил от телевизора. После выпусков новостей (в основном повторяющихся) шли снимки той части Северных Лесов, что была окружена кордонами военных, неба, прорезанного истребителями и вертолетами, танков и ракет. И только потом началась речь президента. Дик прозвал президента «мистер-Ни-то-ни-се», из-за путаницы и суматохи с его выборами, неужели, черт возьми, никто не мог посчитать голоса как следует?

Правда, он сам не пользовался предоставленным ему правом голоса со времен Рейгана — вот это был президент!

Дик ненавидел президента «Ни-то-ни-се», считал его склизким, ненадежным мудаком, с лошадиными зубами (жена, правда, у него ничего), и полагал одиннадцатичасовую речь президента обычной трепотней. Сам Дик не верил ни единому слову старины «Ни-то-ни-се». По его мнению, вся эта история — просто «утка», запущенная с целью заставить американского налогоплательщика охотнее давать денежки на оборону и, конечно, платить налоги. И в космосе никого нет, наука это доказала. Единственные пришельцы (кроме самого «Ни-то-ни-се», разумеется) — это мокроспинники, переходящие мексиканскую границу и отбивающие хлеб у честных американцев. Но люди, напуганные слухами, сидели дома и смотрели телевизор. Кое-кто забежит попозже за пивом или бутылочкой вина, но сейчас торговля сдохла, как кошка, раздавленная автомобилем.

Дик выключил телевизор с полчаса назад — с него довольно, Господи спаси — и наконец дождался. Колокольчик у двери звякнул в четверть второго, как раз в ту минуту, когда он изучал журнал с самой дальней полки своего магазина, где табличка гласила:

ТОЛЬКО ПОСЛЕ ДВАДЦАТИ ОДНОГО ГОДА.

Это специфическое издание называлось «Леди в очках», что было чистой правдой — леди на каждой странице действительно носила очки. Правда, ничего кроме, но это уже детали.

Дик взглянул на потенциального клиента, хотел пробормотать что-то вроде «Как поживаете» или «На дорогах вроде бы скользко», но слова

замерли на языке. Почему-то стало не по себе, и вместе с неловкостью появилась твердая уверенность, что его ограбят, и еще очень повезет, если дело закончится только ограблением. Его никогда не грабили, за все двенадцать лет, что он владел магазином: если кто-то был готов рискнуть свободой за пригоршню банкнот, поблизости было немало местечек, где эта пригоршня получалась куда толще. Должно быть, парень...

Дик сглотнул. Скорее всего парень спятил, подумал он, и может, так и было, может, это один из тех маньяков, который только сейчас замочил всю свою семью и решил порезвиться еще немного, прикончить еще парочку человек, прежде чем пустить себе пулю в лоб.

Дик по натуре вовсе не был параноиком (скорее уж тугодумом, тупицей, как часто твердила бывшая жена), но тем не менее остро чувствовал зло, исходившее от первого за день посетителя. Он недолго любил парней, которые слонялись по магазину и пускали слюни из-за «Патриотов» или «Ред сокс» или часами трепались о «во-от таких щуках», пойманных в водохранилище, но сейчас много отдал бы за такого, а еще лучше — за целую компанию.

Мужчина постоял у двери — и действительно, было в нем что-то не то. Оранжевая охотничья куртка, когда сезон охоты в Массачусетсе еще не начался! Но это еще бы пустяки. Вот царапины на щеках мужчины беспокоили Дика гораздо больше. Вид такой, словно он несколько дней продирался сквозь заросли, а судя по осунувшемуся лицу, его преследовали. И губы двигаются, будто сам с собой говорит. И ко всему прочему — в сером неярком свете, пробивающемся сквозь витрину, его подбородок подозрительно поблескивал.

Да сукин сын истекает слюной! — охнул про себя Дик. Будь я проклят, если это не так!

Вошедший быстро, по-птичьи, вертел головой, хотя тело оставалось абсолютно неподвижным. Ну в точности филин, отслеживающий добычу! Дик решил было соскользнуть со стула и спрятаться за прилавком, но прежде чем рассмотрел все «за» и «против» такого шага (шестеренки в его голове и в самом деле ворочались не слишком быстро, это и бывшая жена говорила), голова парня снова дернулась и глаза уставились прямо на него.

Рациональная часть сознания Дика все еще питала надежду (не совсем, правда, оформившуюся), что он все это навоображал себе, просто крыша немного поехала из-за всех этих нелепых новостей и еще более нелепых слухов, долетавших с севера Мэна, каждый из которых старательно муссировался прессой. Может, малому просто потребовались сигареты или упаковка пива, а то и бутылочка бренди или порнушка, чтобы

продержаться долгую ненастную ночь в мотеле, на подъезде к Уэйру или Белчертауну.

Но и эта слабая надежда умерла, когда их глаза встретились.

Нет, это вовсе не был взгляд маньяка-убийцы, пустившегося в последнее плавание в никуда, но почему-то Дикуну показалось, что уж лучше бы к нему забрел маньяк. Глаза покупателя, отнюдь не пустые, казались даже чересчур заполненными. Миллион мыслей и идей металась в них, такое броуновское движение молекул, биржевой аппарат, с суперскоростью выдающий котировки. Глазные яблоки, казалось, даже подскакивают в глазницах от чрезмерного напряжения.

И за всю свою жизнь Дик Маккаскелл не видел более голодных глаз.

— Мы закрыты, — выдавил он голосом, более похожим на воронье карканье. — Мы с моим партнером... он в задней комнате, сегодня решили закрыться. Из-за того, что творится на севере. Я... то если мы забыли повесить табличку. Мы...

Он, как испорченная пластинка, мог бы повторять одно и то же часами, если бы мужчина в охотничьей куртке не перебил:

— Бекон, — бросил он. — Где?

Дик понял, внезапно и отчетливо, что не окажись в магазине бекона, этот тип просто прикончит его. Он и так вполне способен на убийство. Но без бекона... да, конечно, бекон имеется. Слава Богу, слава Христу, слава мистеру «Ни-то-ни-се» и всем «зеленым», у него есть бекон.

— Холодильник там, — произнес он своим новым странным голосом. — В конце зала.

Рука, лежавшая на журнале, казалась замерзшей, как кусок льда. В голове раздавался шепот, ему не принадлежащий. Красные мысли и черные мысли. Голодные мысли.

Что такое холодильник? — спросил нечеловеческий голос, и усталый, очень человеческий голос ответил:

Иди по тому проходу, красавчик. Сразу увидишь.

Голоса! Я слышу голоса, в ужасе подумал Дик. О Господи, нет! Такое бывает перед тем, как окончательно рехнуться.

Мужчина протиснулся мимо Дика и зашагал по центральному проходу. При этом он заметно хромал.

Телефон был рядом с кассовым аппаратом. Дик взглянул на него, но тут же отвел глаза. Совсем близко, только руку протяни, и к тому же установлен на скоростной набор 911, но с таким же успехом он мог находиться на луне. Даже если он наберется храбрости, чтобы потянуться к трубке...

Я все узнаю, произнес нечеловеческий голос, и Дик едва слышно застонал. В голове, прямо в голове, словно кто-то сунул в его мозг радиоприемник.

Над дверью висело выпуклое зеркало, забавная безделушка, расхोдившаяся, как холодное пиво, летом, когда в магазине было полно детей, едущих на водохранилище вместе с родителями — Куэббин был всего в восемнадцать милях отсюда — на рыбалку, пикник или экскурсию. Маленькие ублюдки вечно пытались спереть, что плохо лежит, особенно конфеты, жвачку или журнальчик с голыми девочками. Теперь Дик уставился в зеркало, с тоскливым любопытством наблюдая, как мужчина в оранжевой куртке приближается к холодильнику. Открыв дверцу, он постоял немного и схватил не один, а все четыре пакета с беконом. Потом снова похромал по проходу, обшаривая взглядом полки. Он казался опасным, голодным и невыносимо усталым, как марафонец, которому осталась всего одна, но самая трудная миля. У несчастного Дика закружилась голова, словно он смотрел вниз со страшной высоты. Все равно что не упускать из виду сразу нескольких людей, то и дело перекрывающих обзор, возникающих в поле зрения и тут же неизвестно как растворяющихся. Дик мельком подумал о когда-то виденном фильме, где орудовала спятившая шлюшка с раздвоением личности, только теперь этих личностей было не меньше сотни.

Незнакомец остановился, сунул в карман банку майонеза, сгреб с полки нарезку хлеба и прошествовал к кассе. Дик почти ощущал усталость, сочившуюся из его пор. Усталость и безумие.

Мужчина положил покупки и пробормотал:

— Сэндвичи с беконом, на белом хлебе с майонезом. Вкуснее всего.

И улыбнулся измученно, с такой душераздирающей искренностью, что Дик на мгновение позабыл о страхе и протянул руку:

— Мистер, с вами все в...

Но рука застыла, словно наткнувшись на стену, дрогнула и, взлетев, ударила Дика по лицу — шмяк! Потом медленно отстранилась и опять замерла, паря в воздухе нелепым дирижаблем.

Не убивай его!

Выходи и попробуй мне помешать!

Если разозлишь меня, смотри, как бы не пожалеть!

И все эти голоса раздавались в его голове!

Рука-дирижабль поплыла вверх, пальцы воткнулись в ноздри, надежно закупорив их, и, о Господи, начали ввинчиваться дальше. Хотя у Дика Маккаскелла было немало сомнительных привычек, ногти он не грыз,

ничего тут не скажешь. Сначала пальцы продвигались с трудом, уж очень им тесно было, но едва потекла кровь-смазка, положительно обезумели. Извивались, как черви. Грязные ногти впивались в плоть острыми клыками. Устремляясь вверх, продираясь к мозгу, он чувствовал, как ломаются хрящи, слышал...

Прекратите, мистер Грей, немедленно прекратите!

И внезапно пальцы Дика вновь стали его собственными. Он с влажным хлопком отдернул руку. Кровь плеснула на прилавок, на резиновый коврик для мелочи с эмблемой «Скоул» и на раздетых красоток в очках, чью анатомию он изучал до того, как возникло это существо.

— Сколько я вам должен, Дик?

— Возьмите так! — Снова это задушенное карканье, но на этот раз гнусавое, потому что нос был забит кровью. — Берите и уходите! Валите отсюда на хрен!

— Нет, я настаиваю. Это коммерция, при которой товар определенной цены обменивается на имеющую хождение валюту.

— Три доллара! — прохрипел оцепеневший от шока и ужаса Дик.

Сердце бухало паровым молотом, мускулы пропитались не находящим выхода адреналином. Он надеялся, что создание уберется, и от этого становилось еще хуже: знать, что жизнь грядущая — вот она, совсем рядом, и одновременно понимать, что самое твое существование может оборваться по капризу какого-то придурка.

Придурок вытащил старый потертый бумажник, открыл и принялся рыться. Дику казалось, что прошла вечность. Из рта психа по-прежнему текла слюна, падая на порыжевшую кожу бумажника. Наконец он вытащил три доллара, положил на прилавок и аккуратно убрал бумажник обратно в карман. Потом пошарил в заднем кармане омерзительно грязных джинсов (часами не вылезал из машины и недели две не сушил, подумал Дик), набрал горсть мелочи и бросил на коврик три монеты. Два четвертака и десять центов.

— Чаевые. Двадцать процентов, — с нескрываемой гордостью объявил покупатель. — Джоунси дает пятнадцать. Это лучше. Это больше.

— Конечно, — прошептал Дик, боясь высморкать кровь.

— Доброго вам дня.

— Вы... не волнуйтесь. Не принимайте близко к сердцу.

Мужчина в оранжевой куртке немного постоял, опустив голову. Дик слышал, как он перебирает возможные ответы, и ему хотелось вопить от бессилия. Наконец незнакомец выговорил:

— Приму, как сумею. — Последовала еще одна пауза. — Не хотелось

бы, чтобы вы кому-нибудь звонили, партнер.

— Не позвоню, — пообещал Дик.

— Клянётесь?

— Да. Клянусь Богом.

— Я и есть что-то вроде Бога, — сказал покупатель.

— Разумеется. Разумеется. Как скажете...

— Если вызовете кого-нибудь, я узнаю. Вернусь и разделаю ваш фургончик.

— Я... я не вызову...

— Вот и хорошо.

Дверь открылась. Колокольчик звякнул. Мужчина исчез.

Дик, не в силах пошевелиться, словно примерзший к полу, только глазами моргал. Слегка опомнившись, он ринулся к двери, сильно ушиб бедро о край прилавка, но даже не поморщился. К вечеру на ноге расплывется огромный синяк, но сейчас он ничего не чувствовал. Он повернул замок, задвинул засов и выглянул в витрину. Перед магазином стоял маленький красный занюханный «субару», весь в грязи — похоже, немало проехал и ни разу не помылся, бедняга. Мужчина перекинул покупки в другую руку, открыл дверцу и сел за руль.

Уезжай, молил про себя Дик. Пожалуйста, мистер, ради Бога, вали отсюда поскорее.

Но он не уехал, а вместо этого взял что-то — кажется, хлеб, — надорвал упаковку и вытащил несколько ломтей. Отвернул крышку с майонезной банки и прямо пальцем намазал хлеб майонезом. Закончив, слизал с рук каждую капельку, закрыв глаза, откинув голову, с выражением экстаза в каждой черте. Каждое движение губ излучало блаженство. Вылизав пальцы начисто, он схватил упаковку бекона, разорвал бумагу, зубами располосовал внутренний пластиковый пакет и вытряхнул оттуда целый фунт нарезанного бекона. Сложил, плюхнул на ломоть хлеба, сверху прикрыл еще одним и вгрызся в сэндвич жадно, по-волчьи. Выражение божественного наслаждения ни на миг не покидало его лица. Лица гурмана, вкушающего самый что ни на есть изысканный в жизни обед. По шее ходили большие желваки, каждый раз, когда в желудок отправлялась очередная порция. С первым сэндвичем было покончено в три укуса. И когда мужчина в очередной раз потянулся за хлебом, в мозгу Дика Маккаскелла яркой неоновой вывеской замигала мысль:

Так даже лучше. Почти живая. Холодная, но почти живая!

Дик отступил от двери, двигаясь медленно, как под водой. Серый свет дня, казалось, наводнил помещение, приглушая сияние люминесцентных

ламп. Ноги вдруг перестали держать его, и прежде чем грязный дощатый пол наклонился ему навстречу, серое сменилось черным.

Неизвестно, сколько Дик провалялся на полу; было уже довольно поздно, но точнее сказать он не мог, электронные часы «Будвайзер» над холодильником с пивом, весело мигая, показывали 88:88. На полу валялись три зуба, которые он, вероятно, вышиб при падении. Кровь на верхней губе и подбородке засохла губчатой коркой. Он попытался встать, не сумел и, молясь про себя, пополз к двери. Его молитва была услышана. Маленький красный сортир на колесах исчез. На его месте валялись упаковки из-под бекона, на три четверти опустевшая майонезная банка и половина нарезки белого хлеба. Любопытные вороны — а в здешних местах водились настоящие гиганты — уже обнаружили хлеб и сейчас таскали куски из порванного пакета. Подальше, почти у самого маршрута № 32, еще несколько птиц трудились над застывшей массой бекона и слипшихся кусочков мяса. Похоже, завтрак не пошел на пользу мсье гурману.

Господи! Надеюсь, тебя так выворачивало, что требуха полезла наружу, подумал Дик. Но тут его собственные внутренности взбунтовались с такой силой, словно кишки совершили отчаянное фантастическое сальто-мортале. У него едва хватило времени закрыть рот ладонью. Перед глазами встало уродливо подробное изображение человеческих зубов, впивающихся в сырое, жирное мясо, свисающее с концов хлебных ломтей, серая плоть, прошитая коричневым, как отсеченный язык дохлой лошади.

Дик непроизвольно издал булькающий, несколько приглушенный ладонью звук.

От неукротимой рвоты его спас подвернувшийся автомобиль, как раз то, что нужно, нормальный покупатель. Ну, положим, не автомобиль и не совсем грузовик. И даже не микроавтобус. Один из этих чудовищных «хамви», раскрашенный камуфляжными, зелено-коричневыми пятнами. Спереди двое — Дик почти был уверен в этом — и сзади один.

Дик поспешно повернул к витрине карточку «ОТКРЫТО» и отошел. Он сумел подняться на ноги, хоть за это спасибо, но теперь чувствовал, что опасно близок к очередному обмороку. Они видели меня тут, это как пить дать. Сейчас войдут и спросят, куда девался тот, другой, потому что они гонятся за ним. Им нужен он, мужик с беконом. И я скажу. Все равно заставят. А потом я...

Рука сама собой поднялась к глазам. Два пальца, покрытые запекшейся кровью до второго сустава, заметно подрагивали. Дику показалось, что они угрожающе тянутся к нему. Эй, глаза, что поделяваете? Наслаждайтесь тем, что видите, потому что скоро мы придем за вами.

Сидящий на заднем сиденье вроде бы подался вперед, сказал что-то водителю, и машина рванула вперед. Заднее колесо расплескало лужу блевотины, оставленной предыдущим посетителем. «Хамви» развернулся, помедлил секунду и рванул в направлении Уэйра и Куэббина.

Едва он исчез за первым холмом, Дик Маккаскелл всхлипнул и побрел к прилавку, спотыкаясь и пошатываясь (но на своих ногах?). И тут взгляд его упал на три зуба, валявшихся на полу. Три зуба. Его. Малая цена за все, что могло бы быть. О да, совсем никчемная.

У самого прилавка он остановился, ошеломленно уставясь на три долларовые банкноты, все еще лежавшие на коврике. За это время они успели покрыться красно-оранжевой мохнатой шкуркой.

— Е есь! Езай аше, Оин!

Оуэн, это я, устало подумал Андерхилл: к этому времени он понимал Даддитса достаточно хорошо (это не так сложно, главное, настроить слух и приспособиться).

«Не здесь. Поезжай дальше!»

Оуэн свернул на маршрут № 32, а Даддитс свалился на спинку сиденья и снова закашлялся.

— Смотри, — сказал Генри, показывая пальцем. — Видишь?

Оуэн видел. Кипу оберток, мокнувших под дождем. И банку майонеза. Он прибавил скорости и двинулся на север. Дождь неустанно бил о стекло с такой силой, что даже «дворники» не справлялись. Скорее всего через час-другой он превратится в крупу, а потом и в снег. Совсем измученный и странно-тоскующий по уходящей волне телепатии, Оуэн вдруг понял: больше всего он жалеет о том, что приходится умирать в такой паршивый день.

— Далеко он от нас? — спросил Оуэн, не смея задать подлинный вопрос, единственный, имеющий смысл: «Мы уже опоздали?»

Наверное, Генри сказал бы правду...

— Он там, — рассеянно бросил Генри, вытиравший лицо Даддитса влажной тряпкой.

Даддитс благодарно смотрел на него, пытаясь улыбнуться. Пепельные щеки блестели от пота, черные круги под глазами все ширились, как у енота.

— Если он там, почему мы должны были ехать сюда? — взорвался Оуэн.

Он гнал «хаммер» со скоростью семьдесят миль в час, очень, очень опасно на скользкой двухколейной асфальтово-щебеночной дороге, но выбора все равно не было.

— Боялся, что Даддитс не выдержит, — пояснил Генри. — Если это случится...

Даддитс жалобно застонал, схватился за живот и скорчился. Генри, все еще стоявший на коленях, осторожно погладил худую шею.

— Полегче, Дадс, — попросил он. — Успокойся, с тобой все в порядке.

Но с Даддитсом было худо. И Оуэн, и Генри знали это. Сгорающий от жара, сотрясаемый болью и ознобом, несмотря на вторую таблетку преднизона и еще две — перкосена, он харкал кровью при каждом приступе кашля. До полного порядка было далеко, как до небес. Некоторым утешением служило то, что симбиоз Джоунси-Грей тоже терпел немалые трудности. Порядок тоже им не снился.

Бекон. Причиной всему был бекон. Они всего лишь надеялись немного задержать мистера Грея. Никому и не снилось, к чему приведут печальные последствия обжорства. Неудивительно, что желудок Джоунси не выдержал. После первого фонтана рвоты прямо у магазина мистеру Грею пришлось останавливаться еще дважды по дороге в Уэйр. Каждый раз он, не выходя, высовывался из окна, извергая бекон почти в конвульсиях.

Потом начался понос. Он остановился на бензозаправке «Мобил» и едва успел добежать до мужской комнаты. Табличка у заправки гласила:

ДЕШЕВЫЙ БЕНЗИН, ЧИСТЫЕ ТУАЛЕТЫ.

Но к тому времени, как мистер Грей вышел, вторая часть таблички уже была недействительной. На этот раз мистер Грей никого не убил, что Генри посчитал плюсом.

Прежде чем свернуть на дорогу к Куэббину, мистер Грей еще два раза нажимал на тормоз и нырял в ближайшие кусты, где пытался разгрузить восставшие внутренности Джоунси. К этому времени ливень сменился огромными хлопьями мокрого снега.

Взбешенный мистер Грей, исходя злобой, непрерывно рычал на

Джоунси, особенно после каждой остановки. Обвинял его во всех грехах. Во всем виноват Джоунси. Джоунси подставил его. Джоунси подстроил эту пакость.

Куда легче было забыть о терзающем голоде и ненасытной жадности, подстегнувшей сожрать четыре фунта бекона одним махом, да еще и пальцы облизать.

Генри не раз видел подобных пациентов, предпочитающих из всей массы фактов выбирать те, что их оправдывали, и валить вину на кого угодно, только не на самих себя. В каком-то смысле мистер Грей был двойником Барри Ньюмена.

До чего же человеческим он стал, думал Генри. На удивление человеческим.

— Говоря о том, что он там, — спросил Оуэн, — что именно ты имел в виду?

— Сам не знаю. Он снова заблокировался. Даддитс, ты слышишь Джоунси?

Даддитс измученно улыбнулся и покачал головой.

— Исе Ей зял аси аты, — что в переводе на обычный язык означало: «Мистер Грей взял наши карты».

У Даддитса не хватало слов описать, что произошло на самом деле, но Генри читал в его мозгу, как в открытой книге. Мистер Грей, не сумев ворваться в крепость Джоунси и украсть карты, каким-то образом стер с них картинки.

— Даддитс, как ты? — спросил Оуэн, глядя в зеркальце заднего обзора.

— Я оей, — сказал Даддитс и тут же затрясся.

На коленях лежали желтая коробка и коричневый пакет с лекарствами... и странной бечевочной паутиной. Он совсем утопал в просторной синей куртке, но все равно дрожал.

Быстро он уходит, как вода в песок, подумал Оуэн, когда Генри принялся снова вытирать лицо старого друга.

«Хамви» забуксовал, съехал к самой обочине, опасно танцуя на грани катастрофы: авария при такой скорости наверняка завершилась бы гибелью всех троих, а если и нет, все равно покончила бы с последним слабым шансом на то, что мистера Грея удастся остановить. Но Оуэн сумел справиться и на этот раз.

И невольно оглянулся на бумажный пакет, вернувшись мыслями к этой штуке из шпагата. «Мне Бивер послал. На прошлое Рождество. На той неделе».

Общаться телепатически, подумал Оуэн, все равно что закупорить письмо в бутылку и швырнуть в океан. Но он все равно попробовал послать мысль, как он надеялся, в направлении Даддитса.

Как ты называешь это, сынок?

И вдруг перед глазами возникло большое помещение, комбинация гостиной, столовой и кухни. Выдержанные сосновые доски блестели лаком. На полу лежал индейский ковер, на стене висел гобелен: крошечные индейские охотники окружали серую фигуру, типичного пришельца, героя тысяч желтых таблоидов. В дальнем конце высился камин с каменным дымоходом, рядом стоял дубовый обеденный стол. Но внимание Оуэна было приковано (и неудивительно, оно казалось центром переданной Даддитсом картинки и сияло собственным особым светом) к такому же бечевочному плетению, свисавшему со средней балки — увеличенный вариант талисмана, лежавшего в пакете Даддитса, но в остальном точная его копия.

Глаза Оуэна наполнились слезами. Это была самая красивая комната в мире. Он чувствовал это, потому что так думал Даддитс. А Даддитс думал так, потому что его друзья приезжали сюда, а он любил их.

— Ловец снов, — прошептал умирающий на заднем сиденье человек, идеально четко произнося слова.

Оуэн кивнул.

Да, Ловец снов.

Это ты, послал он, зная, что Генри подслушивает, но несколько не смущаясь. Это сообщение для Даддитса. Только для Даддитса. Ты и есть Ловец снов, верно? Их ловец. И всегда им был.

Даддитс, отражавшийся в зеркале, улыбнулся.

Они миновали табличку:

КУЭББИНСКОЕ ВОДОХРАНИЛИЩЕ. 8 МИЛЬ. РЫБАЛКА
ЗАПРЕЩЕНА. ЗАПРАВКА ЗАПРЕЩЕНА. ПИКНИКИ
РАЗРЕШЕНЫ. ПЕШЕХОДНЫЕ ДОРОЖКИ ОТКРЫТЫ,
ПРОГУЛКИ ПОД ВАШУ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Были и еще какие-то надписи, но при скорости восемьдесят миль в час Генри не успел их прочесть.

— Есть шанс, что он припаркуется и пойдет пешком? — спросил Оуэн.

— И не надейся, — сказал Генри. — Он мчится как угорелый. Может, застрянет или врежется в кого-нибудь. Только на это и остается надеяться. Такое вполне возможно. Кроме того, он ослабел и не может действовать быстро.

— А ты, Генри? Ты сможешь действовать быстро?

Учитывая, что все мышцы затекли, ногу дергало, вопрос был вполне уместным.

— Если представится возможность, постараюсь изо всех сил. В любом случае нужно помнить о Даддитсе. Вряд ли он выдержит такой утомительный поход.

И любой поход вообще, не посмел добавить он.

— Курц, Фредди и Перлмуттер, Генри. Где они?

Генри сосредоточился. Он хорошо чувствовал Перлмуттера и мог общаться с ненасытным каннибалом в его животе. Чудовище чем-то напоминало мистера Грея. Существовало, как и он, в мире, состоящем из бекона. Беконом стал Арчибальд Перлмуттер, некогда капитан армии Соединенных Штатов. Генри не хотел проникать туда. Слишком много боли. Слишком зверский голод.

— Пятнадцать миль, — сказал он. — Может, только двенадцать. Но это не важно, Оуэн. Мы их обскачем. Главный вопрос в том, сумеем мы поймать мистера Грея или нет. Эх, немного бы удачи. Хоть чуточку. Или помощи.

— А если мы сцапаем его, Генри? По-прежнему будем героями?

Генри устало усмехнулся:

— Думаю, придется попробовать.

Глава 21. ОПОРА № 12

1

Мистер Грей гнал «субару» по Ист-стрит, грязной, топкой, неровной, усеянной кочками и выбоинами, а теперь и покрытой трехдюймовым слоем только что выпавшего снега. Беда ждала через три мили и явилась в облике засорившегося кульверта^[78]. «Субару» честно боролся со всеми трудностями, пробиваясь к Гудно-Дайк, и с честью вышел из схватки, если не считать оторванного глушителя и потерянной выхлопной трубы, но последней подлости судьбы не вынес: он влетел носом в трещину и сел на кульверт. Мотор, оставшийся без глушителя, обиженно ревел. Тело Джоунси швырнуло вперед, ремень врезался в диафрагму. Беспомощно согнувшись, он задохнулся и изверг потоки блевотины прямо на приборную доску: ничего твердого, только вожжи слюны с желчью. На мгновение мир померк, хрип двигателя отдалился. Мистер Грей бешено сопротивлялся, боясь, что потеряет сознание, и Джоунси снова сумеет взять власть.

Пес тьякнул. Глаза по-прежнему были закрыты, но задние ноги конвульсивно дергались, а уши подрагивали. Живот раздулся до невероятных размеров, по шерсти пробежала рябь. Его срок приближался.

Понемногу цвета и реальность стали вновь возвращаться. Мистер Грей несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь побудить к действиям свое больное и несчастное тело. Сколько еще добираться до водохранилища? Вряд ли долго, но если машина действительно застряла, придется идти... а собака не двинется с места. Кроме того, Лэд должен спать, а сейчас он опасно близок к тому, чтобы пробудиться вновь.

Мистер Грей мысленно погладил сонные центры примитивного мозга, одновременно вытирая свой слюнявый рот. Частью разума он сознавал, что Джоунси, запертый и ослепленный Джоунси, ждет своего часа, чтобы напасть на него и разрушить все, ради чего мистер Грей так трудился, но, как ни поразительно, другой частью жаждал утолить голод беконом, той самой пищей, что отравила весь его организм. Организм Джоунси.

Спи, дружок, успокаивал он собаку. И байрума тоже. Оба слушались. Лэд умолк. Лапы перестали дергаться. Волны, прокатывающиеся по животу, помаленьку утихали... утихали... замерли. Тишь да гладь долго не

продлятся, но хотя бы пока все успокоилось. Хотя бы пока.

Сдавайся, Дороти.

— Заткнись! — рявкнул мистер Грей. — Поцелуй меня в задницу!

Он дал задний ход и нажал на акселератор. Мотор взвыл, распугивая птиц с ближайших деревьев, но ничего не вышло. Передние колеса застряли намертво, задние нелепо поднялись, вертясь в воздухе.

— Срань! — взвизгнул мистер Грей, колотя по рулю кулаком Джоунси. — Член Иисусов! Трахни меня, Фредди!

Он проверил, далеко ли преследователи, но не получил ясного ответа, только ощущение близости погони. Две группы, и в одной, той, что была почти рядом, находился Даддитс. Мистер Грей боялся Даддитса, чувствовал, что именно он был главной причиной всех неудач. Сравнительно легкое задание самым абсурдным, самым непостижимым образом превратилось в нечто почти невыполнимое. Если он сумеет уйти от Даддитса, все кончится хорошо. Неплохо бы знать, насколько подобрался к нему Даддитс, но вся троица — Даддитс, Джоунси и тот, кого звали Генри — надежно отсекала его, составляя силу, с которой мистеру Грею не приходилось до сих пор сталкиваться. Поэтому он и боялся.

— Но я все еще впереди, — сообщил он Генри, выбираясь из машины. Поскользнулся. Пробормотал ругательство Бивера. Захлопнул дверцу. И снег, как назло, пошел — гигантские белые снежинки, резным конфетти засыпавшие землю и таявшие на щеках Джоунси.

Мистер Грей побрел к багажнику, то и дело спотыкаясь и утопая в грязи. Постоял немного, разглядывая жалкий смятый остаток дренажной трубы, выступающий из канавы (до какой-то степени он тоже пал жертвой в основном бесполезного, но ненасытно-патологического любопытства своего хозяина), и вернулся обратно.

— Я побью твоих мудаков-приятелей одной левой.

Джоунси не потрудился обратить внимания на подначку, но мистер Грей чувствовал Джоунси так же, как остальных, Джоунси, надоедливую кость в горле.

Плевать. Хрен с ним. Главная проблема — пес. Байрум вот-вот пробьет себе путь наружу. Как переправить собаку?

Пришлось снова нырнуть в хранилище памяти Джоунси. Ничего... ничего... пусто... потом сцена из «воскресной школы», куда Джоунси ходил в детстве, чтобы узнать о «Богe» и «Единородном сыне Божьем», ассоциировавшихся в сознании мистера Грея с байрумом, создателем культуры байрума, которую разум Джоунси идентифицировал одновременно как «христианство» и «чушь собачью». Картинка была очень

четкой, взятой из книги, называемой «Библия». На ней «Единородный сын Божий» нес ягненка, вернее, тащил на спине. Передние ноги ягненка покоились на правой стороне груди «сына Божьего», задние — на левой.

Что ж, все-таки лучше, чем ничего.

Мистер Грей вытащил спящую собаку и взвалил на плечи. Она уже сейчас казалась невероятно тяжелой — мышцы Джоунси чертовски, раздражающе, идиотски ослабели, и к тому времени, как он доберется до места, будет куда хуже, но он доберется. Дойдет.

Он двинулся по Ист-стрит сквозь густеющий снег, неся спящего колли на шее, как меховую горжетку.

2

Снег, засыпавший дорогу, быстро смерзлся, и оказавшись на шоссе № 32, Фредди был вынужден сбавить скорость до сорока. Курц едва не вылетел от злости. В довершение ко всему Перлмуттер уплывал от него во что-то вроде комы. И как раз в ту минуту, как он, черт бы его побрал, сумел проникнуть в мысли того, кого Оуэн и его новый дружок Генри называли мистером Греем.

— Он слишком занят, чтобы скрываться, — сказал Перли. Говорил он медленно, растягивая слова, как во сне. — Он боится. Не знаю насчет Андерхилла, босс, но Джоунси... Генри... Даддитс... он их боится. И правильно боится. Они убили Ричи.

— Кто такой Ричи, дружище?

Курц плевать хотел на Ричи, но нужно было растормошить Перлмуттера. Он понимал, что они едут туда, где Перлмуттер скоро не понадобится, но пока тот еще нужен.

— Не... знаю...

Последнее слово вырвалось одновременно с храпом. «Хамви» протащило боком несколько ярдов. Фредди выругался, пытаясь справиться с рулем, и сумел остановиться как раз у самой обочины. Но Курц, ничего не замечая, перегнулся через сиденье и принялся отплевывать пощечины Перлмуттеру. Они как раз проезжали мимо магазинчика с надписью в витрине:

ЛУЧШАЯ ЕДА, ЗАХОДИ СЮДА.

— О-о-ой! — взвизгнул Перли, испуганно моргая. Белки глаз

пожелтели, но Курцу и это было до лампочки. — Не-е на-а-адо, босс...

— Где они сейчас?

— Вода, — пробормотал Перли слабым голосом капризного больного. Подергивающийся живот казался настоящей горой, стянутой курткой.

МаДжоуд на девятом месяце, Господи благослови и сохрани нас, подумал Курц.

— Во-о-о...

Веки снова опустились. Курц отвел руку для удара.

— Пусть спит, — сказал Фред.

Курц взглянул на него, подняв брови.

— Должно быть, речь идет о водохранилище. А если это так, он нам ни к чему.

Он показал на следы машин, прошедших по дороге чуть раньше. Чернеющие колеи резко выделялись на свежавывавшем снегу.

— Сегодня на этом шоссе нет никого, кроме нас. Только мы, босс.

— Слава Богу. — Курц откинулся на спинку кресла, вынул пистолет, осмотрел и сунул обратно в кобуру. — Скажи-ка мне, Фредди, кое-что.

— Если смогу, босс.

— Когда все это кончится, как насчет Мексики?

— Согласен. При условии, что тамошнюю воду пить не придется.

Курц расхохотался и похлопал Фредди по плечу. Тем временем Арчи Перлмуттер все глубже погружался в кому. В самом низу толстой кишки посреди свалки отходов переработанной пищи и изношенных мертвых клеток тварь впервые открыла глаза.

Вход на огромную территорию, окружавшую Куэббинское водохранилище, был отмечен двумя каменными столбами. За ними шоссе сужалось до однополойной дороги, и Генри ощутил, что сделал полный круг и вернулся туда, откуда начал путь. Словно вновь очутился не в Массачусетсе, а в Мэне, и хотя табличка гласила: ПРОЕЗД К КУЭББИНУ, они опять ехали по Дип-кат-роуд. Сам того не сознавая, он посмотрел на небо, ожидая увидеть танцующие огни. Но вместо этого узрел лысого орла, парившего чуть не над головой. Птица приземлилась на нижней ветви сосны и проводила их зорким взглядом.

Даддитс поднял голову от прохладного стекла и сообщил:

— Исер Ей иет аком.

Сердце Генри встрепенулось.

— Оуэн, ты слышал? Грей идет пешком.

— Слышал, — кивнул Оуэн, прибавляя скорости.

Мокрый снег, такой же предательский, как лед, был опасен, но к водохранилищу вел только один след.

Мы оставим второй, думал Генри. Если Курц заберется сюда, ему и телепатия не понадобится.

Даддитс застонал, сжал живот и вздрогнул.

— Ени, мне плохо. Даддитсу плохо.

Генри дотронулся до лба Даддитса и отдернул руку, опаленный жаром. Что будет дальше? Возможно, припадки. Если приступ окажется достаточно сильным, он тут же отойдет, и неизвестно, что в таком состоянии для него лучше. Все же как больно, как это больно... Генри Девлин, потенциальный самоубийца. А вместо него тьма забрала его друзей. Одного за другим.

— Держись, Дадс. Все уже почти закончилось.

Но сам он не сомневался, что худшее еще впереди. Глаза Даддитса снова открылись.

— Исер Ей... атял...

— Что? — переспросил Оуэн. — Не понял.

— Он говорит, что мистер Грей застрял, — пояснил Генри, продолжая гладить лоб Даддитса. Вспоминая его золотистую шевелюру. Прекрасные светлые волосы Даддитса.

Его плач терзал мальчишек, врезался в мозги тупым лезвием, но сколько счастья дарил его смех: стоило услышать смех Даддитса Кэвелла, и вы, хоть ненадолго, снова начинали верить старым байкам: что жизнь хороша, что в жизни мальчиков и мужчин, девочек и женщин есть некая цель. Что существует не только тьма, но и свет.

— Почему он попросту не швырнет чертова пса в водохранилище? — спросил Оуэн дрожащим от усталости голосом. — Почему должен переться до этой самой опоры № 12? Потому что русская утопилась именно там?

— Думаю, водохранилища для него просто недостаточно, — сказал Генри. — Водонапорная башня подходит лучше, но акведук — просто идеален для таких целей. Все равно что кишки протяженностью шестьдесят пять миль, а опора № 12 — глотка, по которой яд попадает в организм. Даддитс, мы сможем его поймать?

Даддитс взглянул на него затаенными пленкой боли глазами и покачал головой. Оуэн в бессильной злобе ударил себя по бедру. Даддитс облизнул

губы и исторг два хриплых слова.

Оуэн расслышал их, но не понял.

— Что? Что он сказал?

— «Только Джоунси».

— И что это означает? При чем тут Джоунси?

— Полагаю, только Джоунси сможет его остановить.

«Хаммер» снова пробуксовал, и Генри схватился за сиденье. Холодная рука стиснула его пальцы. Даддитс впился в него отчаянным взглядом. Он пытался говорить, но вместо этого вновь разразился кашлем, ужасными, лающими, рвущими грудь звуками. На губах показалась кровь, светлая, почти розовая, и пузырящаяся. Легочная.

Но хотя судороги сотрясали тщедушное тело, хватка Даддитса не ослабла.

— Подумай это мне, — попросил Генри. — Можешь подумать мне, Даддитс?

Несколько мгновений ничего не происходило, но потом ледяная рука Даддитса сжалась с поразительной силой. Взгляды их скрестились и застыли. Потом Даддитс и защитная обшивка «хамви» куда-то исчезли вместе с застарелым запахом выкуренных украдкой сигарет. Вместо этого возник телефон-автомат, старомодный, с отверстиями различного размера, одно для четвертаков, одно для даймов, одно для никелей. Рокот мужских голосов, и почти непрерывные «клик-кляк», чем-то до боли знакомые. Он вдруг понял, что это стук шашек о доску. Он смотрит на телефон в «Госслине», тот самый, с которого они звонили Даддитсу после смерти Ричи Гренадо. Собственно, звонил Джоунси, потому что у него единственного имелся номер, на который можно было прислать счет. Остальные собрались вокруг, даже не сняв курток — в магазине холодно, как на улице, несмотря на то что тут в дровах недостатка нет. Но старик Госслин удавится, прежде чем подбросит в печку лишнее полено, скряга несчастный, жопа с ручкой. Над аппаратом две таблички. Одна с просьбой не занимать телефон больше пяти минут. Вторая...

Скрежет, глухой удар, звон. Даддитса отбросило на спинку кресла Генри, а самого Генри — носом в приборную доску. Их руки расцепились. Оуэн съехал с дороги в кювет. Впереди чернели уходящие в густеющий снег следы «субару».

— Генри! Ты в порядке?

— Да. А ты, Дадс? О'кей?

Даддитс кивнул, но ушибленная щека чернела с поразительной скоростью.

Ваша Лейкемия Трудится За Вас.

Оуэн включил первую скорость и начал потихоньку выбираться наверх. «Хамви» стоял к дороге под опасным, градусов в тридцать, углом, но довольно быстро послушался водителя и повел себя смирно, если учесть предшествующие обстоятельства.

— Пристегни ремни. Сначала его.

— Он пытался сказать мне, что...

— Плевать я хотел на все, что он пытался тебе сказать. На этот раз все обошлось, а в следующий — мы можем перевернуться вверх колесами. Пристегни сначала его ремень, потом свой.

Генри молча подчинился, пытаясь одновременно вспомнить надпись на другой табличке. Что он сказал? Что-то насчет Джоунси.

Только Джоунси способен остановить мистера Грея, и это Евангелие от Даддитса.

Что было написано на другой табличке?

4

Оуэну пришлось снизить скорость до двадцати. Он на стенку лез от того, что приходится так ползти, но снегопад расходился не на шутку и видимость упала до нуля.

Как раз перед тем как следы «субару» исчезли окончательно, они наткнулись на машину, застрявшую носом в вымытой водой канаве, пересекавшей дорогу: одна дверца открыта, задние колеса в воздухе.

Оуэн нажал на аварийный тормоз, вытащил «глок» и открыл дверь.

— Оставайся здесь, Генри.

Он спрыгнул на землю, подбежал к «субару» и низко наклонился. Генри отстегнул ремень и повернулся к Даддитсу, тяжело дышавшему, распластанному на сиденье. Только ремень и удерживал его в сидячем положении. Одна щека была восково-желтой, на другой расплылся огромный синяк. Из носа снова шла кровь, промочившая насквозь клочки ваты и капавшая на куртку.

— Дадс, мне ужасно жаль, — прошептал он. — Ну и хрень собачья.

Даддитс кивнул и поднял руки. Он смог продержать их на весу всего несколько секунд, но Генри его жест был вполне понятен. Он открыл дверцу и вылез как раз, когда подбежал Оуэн, на ходу запихивая «глок» за пояс. Снег шел так густо, отдельные хлопья были чуть не с ладонь, и, казалось, воздуха уже не осталось, и при каждом вдохе в легкие попадет

пригоршня снежинок.

— По-моему, я приказал оставаться на месте, — процедил Оуэн.

— Я хотел пересесть к нему.

— Зачем?

Генри ответил спокойно, хотя голос слегка подрагивал:

— Потому что он умирает. Он умирает, но думаю, еще успеет кое-что мне сказать.

5

Оуэн взглянул в зеркальце заднего обзора, увидел Генри, обнимавшего Даддитса за плечи, удостоверился, что ремни обоих застегнуты, и закрепил свой.

— Держи его крепче, — посоветовал он. — Сейчас начнется адская тряска.

Он подал «хамви» назад, включил первую скорость и двинулся черепашьям шагом, стараясь обогнуть брошенный «субару» с правой стороны, где трещина вроде была поуже.

Оуэн оказался прав: тряска оказалась хуже, чем адской. Он мельком увидел, как тело Даддитса беспомощно подсакивает в руках Генри, а лысая голова бьется о его грудь. Но они благополучно миновали трещину и сейчас катили по Ист-стрит. Оуэну еще удавалось разглядеть полузаметенные следы подошв на белой ленте дороги. Мистер Грей жив и функционирует. Если бы только перехватить его, прежде чем углубится в лес...

Они не успели.

6

Последним нечеловеческим усилием Даддитс приподнял голову, и Генри с ледяным, каким-то обвальным ужасом увидел, что глаза Даддитса тоже наполняются кровью.

Клац. Клац-клац. Хриплые смешки стариков: кому-то удалось сделать знаменитый тройной ход. В поле зрения снова всплыл телефон. И таблички над ним.

— Нет, Даддитс, — прошептал Генри. — Не пытайся. Береги силы.

Но для чего? Для чего, как не для этого?!

Табличка справа:

ОГРАНИЧЬТЕ ВРЕМЯ РАЗГОВОРА ПЯТЬЮ МИНУТАМИ,
ПОЖАЛУЙСТА.

Запахи табака, запахи горящего дерева, прокисшего раствора из бочонка с пикулями. Рука друга на его плече. И табличка слева:

НЕМЕДЛЕННО ПОЗВОНИ ДЖОУНСИ.

— Даддитс...

Его голос, расплывающийся в темноте. Тьма, его старая подружка.

— Даддитс, я не знаю как.

И до него в последний раз донесся голос Даддитса, невероятно измученный, но спокойный.

Скорее, Генри... я продержусь совсем немного... тебе нужно поговорить с ним.

Генри поднимает телефонную трубку, смущенный абсурдной мыслью (но разве не вся ситуация абсурдна?), что у него нет мелочи, ни одного несчастного дайма. Подносит трубку к уху.

И слышит бесстрастный деловитый голос Роберты Кэвелл.

— Массачусетская больница, с кем вас соединить?

Мистер Грей тащил тело Джоунси по тропинке, идущей вдоль восточного берега водохранилища, от того места, где кончалась Ист-стрит. Брел, оскальзываясь, падая, хватаясь за ветки и снова вставая. На коленях Джоунси краснели ссадины, джинсы порвались и намокли от крови. Легкие нестерпимо жгло, сердце бухало в самые ребра. Но хуже всего было с бедром Джоунси, поврежденным при наезде. Место перелома превратилось в раскаленный пульсирующий шар, из которого вылетали стрелы боли, пронзающие ногу до колена и спину до поясницы. И чертова собака с каждым шагом становилась тяжелее. Правда, она все еще спала, зато тварь внутри не желала уgomониться, и только сила воли мистера Грея держала ее в узде. В какой-то момент, после очередного падения, бедро отказалось сгибаться, и пришлось бить по нему затянутыми в перчатку кулаками Джоунси. Сколько еще осталось? Сколько еще пробиваться сквозь

проклятый, удушливый, слепящий, не стихающий снег? И что там затевает Джоунси? А тварь?

Мистер Грей не смел ни на миг дать волю грызущему голоду байрума, поэтому и речи быть не могло, чтобы хоть на секунду отвлечься, подойти к запертой двери и прислушаться.

Впереди показался смутный силуэт. Мистер Грей, задыхаясь, помедлил, взгляделся в белую кашу и снова двинулся вперед, придерживая лапы пса и волоча правую ногу Джоунси.

И увидел прибитую к стволу табличку:

ЛОВЛЯ РЫБЫ ВБЛИЗИ ОПОРЫ СТРОГО ЗАПРЕЩЕНА.

В пятидесяти футах от таблички начинались каменные ступеньки. Шесть... нет, восемь. Наверху возвышалось каменное здание на каменном же основании, уходившем в снежно-серое ничто, где раскинулось водохранилище: уши Джоунси слышали плеск воды о камень, перекрывающий даже натруженное, частое биение сердца.

Он добрался.

Стискивая лапы колли, мистер Грей из последних сил Джоунси стал взбираться по заснеженным ступенькам.

8

Едва они миновали каменные столбы, отмечавшие въезд на территорию водохранилища, Курц коротко велел:

— Притормози, Фредди. У обочины.

Фредди без лишних вопросов выполнил приказ.

— Где твое «авто», парень?

Фредди поднял винтовку. Добрая старая М-16, испытанная и надежная. Курц кивнул.

— А в кобуре?

— «Магнум-44», босс.

У самого Курца была «девятка», которая лучше всего была для ближнего боя. А сейчас он хотел стрелять в упор. Увидеть, какого цвета мозги Оуэна Андерхилла.

— Фредди?

— Да, босс?

— Просто, чтобы ты знал: это мое последнее задание, и я не мог

надеяться на лучшего партнера.

Перегнувшись через сиденье, он сжал плечо Фредди. Рядом храпел Перлмуттер. Минут за пять до того, как они проехали каменные столбы, он снова наполнил кабину на редкость омерзительным ароматом, после чего живот, благодарение Господу, опал. По мнению Курца, в последний раз.

Глаза Фредди благодарно заблестели. Курц тихо восхитился. Похоже, он еще не совсем потерял сноровку. Значит, рано списывать его в тираж.

— Ладно, дружище, — вздохнул Курц, — жми вперед, и плевать на торпеды. Верно?

— Так точно, сэр.

Курц решил, что в данной обстановке обращение «сэр» вполне уместно. В конце концов та операция закончена, пусть и бесславно. Отныне они сами по себе, последние партизаны времен гражданской, отчаянные джейхокеры^[79], мчащиеся по просторам Западного Массачусетса.

Фредди, брезгливо поморщившись, ткнул пальцем в Перлмуттера.

— Прикажете разбудить его, сэр? Он, похоже, совсем спятил, но...

— Зачем лишние хлопоты? — Курц пожал плечами и, не выпуская плеча Фредди, ткнул в лобовое стекло, за которым узкая дорога исчезала в снежной пелене.

Проклятый снег преследовал их, как сама смерть, сменившая черный саван на белый. Следы «субару» исчезли, зато колеи, проложенные украденным Оуэном «хамви», еще виднелись.

Если пошевелиться, хвала Господу, можно спокойно добраться до предателя. Не сложнее, чем обычная прогулка в парке.

— Думаю, нам он больше ни к чему, что лично я считаю огромным облегчением. Давай, Фредди. Давай.

«Хамви» вильнул хвостом, но тут же выправился. Курц вынул пистолет и прижал к ноге.

Иду за тобой, Оуэн. Иду за тобой, дружище. Начинай готовить обращение к Господу, потому что жить тебе осталось не больше часа.

Офис, который он так старательно обставил, роясь в мозгу и воспоминаниях, сейчас рушился на глазах.

Джоунси неустанно метался взад и вперед, оглядывая комнату, сжав губы так плотно, что они побелели. По лбу катились капли пота, несмотря на то что здесь было чертовски холодно.

Это было Падение Офиса Джоунси. Почти как Падение Дома Эшеров. Под ним завывала и клацала печь, так сильно, что пол трясся. Белый порошок — вероятно, снежные кристаллы — влетал в вентиляцию, собираясь на стене пушистым треугольником. Там, где он касался деревянных панелей, мгновенно появлялись царапины и плесень. Снимки падали на пол один за другим, как самоубийцы с крыши. Стул Имса, тот, который он всегда хотел иметь, именно тот, развалился надвое, словно разрубленный невидимым топором. Ящики стола выдвигались из гнезд и падали на ковровое покрытие. Панели красного дерева трескались и осыпались осенними листьями. Ставни, навязанные ему мистером Греем, дрожали и вибрировали с таким лязгом, что у Джоунси зубы ломило.

Звать мистера Грея, допытываться, что происходит, не имело смысла... и кроме того, Джоунси получал всю необходимую информацию. Он задержал мистера Грея, но тот смело принял вызов и, кажется, побеждает. Viva, мистер Грей, который либо достиг, либо вот-вот достигнет цели!

Панели отрывались, обнажая грязную штукатурку, стены «Братьев Трекер», какими четверка друзей видела их в семьдесят восьмом, когда они прижимались лбами к стеклу, а их новый приятель, как ведено, покорно ждал внизу, пока они удовлетворят свое любопытство и проводят его домой.

Еще одна панель брякнулась вниз со звуком рвущейся бумаги, открыв доску объявлений с единственным фото. Полароидным снимком. Не королева красоты, не Тина Джин Шлоссингер, какая-то незнакомая женщина, с глупой физиономией, задравшая юбку до самых трусиков. Дорогое ковровое покрытие вдруг съезжилось, обнаружив зашарканный кафель и белые головастики использованных презервативов, оставленных парочками, приходившими сюда потрахаться под безразличным взглядом полароидной женщины, бывшей, в сущности, никем, просто артефактом пустого прошлого.

Джоунси метался, припадая на больную ногу, впервые после несчастного случая разнывшуюся так нестерпимо, и понимал все — да, придется смириться и признать очевидное, в бедро словно напихали заноз и осколков стекла, а шея и плечи затекли и болят от непривычной тяжести. Мистер Грей в финальном рывке решил загнать его тело до смерти, принести в жертву, и Джоунси ничего не мог поделать.

Единственное, что пока осталось невредимым, — Ловец снов. Правда, он тревожно раскачивался, описывая гигантские дуги, но не думал падать. Джоунси уставился на него. Он был готов умереть, но не так, не в этом вонючем офисе. Там, за его стенами, они когда-то вершили что-то доброе,

почти благородное. Но сдохнуть здесь, под пыльным равнодушным взглядом женщины, припиленной к доске объявлений... это казалось несправедливым. Плевать на весь мир, но он, Гэри Джоунс из Бруклина, Массачусетс, а раньше из Дерри, штат Мэн, и сейчас прямо с Джефферсон-тракт, заслуживает лучшего.

— Пожалуйста, я заслуживаю лучшего, чем это!!! — крикнул он пляшущей в воздухе паутине, и на распадающемся на глазах столе зазвонил телефон.

Джоунси развернулся, скрипнув зубами от приступа свирепо-жгучей боли в бедре. Телефон, по которому он успел позвонить Генри, голубой «тримлайн», исчез. Вместо него на потрескавшейся столешнице нелепо торчал старомодный черный аппарат с наборным диском вместо кнопок и наклейкой, гласившей:

ДА ПРЕБУДУТ С ТОБОЙ СИЛЫ.

Тот самый, который родители подарили на день рождения! 949-7784. Номер, на который направили счет за разговор с Даддитсом много лет назад.

Джоунси метнулся к телефону, наплевав на бедро, молясь, чтобы линия не расползлась, не разъединилась, прежде чем он успеет подбежать.

— Алло! Алло! — твердил он, стараясь удержаться на дрожащем, прыгающем полу. Офис раскачивало, как судно в шторм.

Чего он никак не думал услышать, так это голос Роберты.

— Да, доктор, сейчас будете говорить.

Раздался щелчок, такой резкий, что Джоунси поморщился. Наступило молчание. Джоунси застонал и уже хотел было положить трубку, когда последовал еще один щелчок.

— Джоунси?

Это Генри! Едва слышно, но все равно Генри!

— Где ты? — завопил Джоунси. — Боже мой, Генри, это место рушится! И я распадаюсь вместе с ним!

— Я в «Госслине», только я не там. Где бы ты ни был, ты тоже не там. Мы в больнице, куда тебя привезли после наезда...

Треск, жужжание, шум — и снова Генри, на этот раз куда ближе и громче. Его единственная соломинка в катастрофе и хаосе... но и не там тоже!

— Что?!

— Мы в Ловце снов, Джоунси! Мы в Ловце снов, и всегда там сидели!

С самого семьдесят восьмого! Ловец — это Даддитс, но он умирает! Держится из последних сил, но не знаю, сколько еще...

Щелчок, сопровождаемый жужжанием, противным, покалывающим ухо статическими разрядами.

— Генри! Генри!!!

— ...выходи! — Опять еле слышно, но голос у Генри отчаянный: — Ты должен выйти, Джоунси! Навстречу мне. Беги по Ловцу навстречу мне! Еще есть время! Мы можем достать этого сукина сына! Слышишь? Мы можем...

Очередной щелчок, и линия отключилась. Корпус его детского телефона треснул, распался и выблевал беспорядочную путаницу проводов. Все, как один, оранжевые. Пораженные байрумом.

Джоунси уронил аппарат и поднял глаза к качающемуся Ловцу снов, этой эфемерной паутине. Он вспомнил фразу, которую они так любили повторять в детстве, подхваченную из репертуара какого-то комика: «Где бы ты ни был, там ты и есть».

Одно время она почти затмила «День другой, дерьмо все то же», а может, и вышла на первое место, когда они стали старше и воображали себя умудренными жизнью, пресыщенными всезнайками. Где бы, ты ни был, там ты и есть. Только, если верить Генри, это не правда. Где бы они, по их мнению, ни были, они были не там.

Они находились в Ловце снов.

Джоунси снова поднял голову к потолку. И заметил, что от центра Ловца отходят четыре основных луча, на которых держались поперечные нити паутины. Эти четыре луча скрещиваются в середине, ядре этой маленькой вселенной, основе всего сооружения.

Беги по Ловцу навстречу мне! Еще есть время!

Джоунси повернулся и бросился к двери.

Мистер Грей тоже стоял у двери, той, что вела в помещение опоры. Дверь была закрыта. Неудивительно, учитывая все, что произошло с русской. Как говорил Джоунси, поздно закрывать дверь конюшни после того, как лошадь украли. Будь у него лом, все обошлось бы куда проще. Но и сейчас он не слишком тревожился. Как ему удалось обнаружить, весьма интересным побочным эффектом эмоциональной стороны человеческой натуры была способность рассчитывать наперед, чтобы не спровоцировать

взрыв накопившихся эмоций, если замыслы пойдут прахом. Может, это явилось одной из причин, по которой этим созданиям удавалось выжить так долго.

Предложение Джоунси сдаться, стать своим, таким же туземцем, то, которое почти заворожило мистера Грея, показалось таинственным и экзотичным, снова и снова приходило на ум, но мистер Грей упрямо его отбрасывал. Он выполнит свою миссию здесь, пойдет до конца. А потом — кто знает? Сандвичи с беконом. И то, что разум Джоунси определял как «коктейль». Прохладный, освежающий, слегка пьянящий напиток.

Со стороны водохранилища прилетел злой ветер, залепив лицо мокрым снегом, на мгновение ослепив мистера Грея. Все равно что удар влажным полотенцем, вернувший его в настоящее, там, где у него имелась незаконченная работа.

Он попятился к краю квадратной гранитной ступеньки, поскользнулся и упал на колени, не обращая внимания на кинжальный удар боли в бедро. Не для того он прошел весь этот путь, черные световые годы и белые мили, чтобы свалиться с лестницы и сломать шею либо нырнуть в Куэббин и умереть от переохлаждения в ледяной воде.

Верхнюю ступеньку подпирала насыпь из дробленого камня. Перегнувшись через низкие перила, мистер Грей смахнул снег с насыпи и попытался вытащить разболтавшийся булыжник. Рядом с дверью тянулся ряд окон, узких, но не слишком.

Звук был приглушен и ослаблен тяжелым сплошным покрывалом снега, но мистер Грей все же слышал его, рев приближающейся машины. Где-то рыщет еще одна, но та уже остановилась, вероятно, в конце Ист-стрит. Они едут, но уже поздно. Все кончено. До опоры еще не меньше мили, по неровной, предательски скользкой дороге. К тому времени, как они доберутся сюда, собака уже будет лежать на дне шахты,дохлая, но успевшая исторгнуть из себя байрум.

Он сумел вытащить камень, стараясь действовать осторожно, чтобы не потревожить пульсирующее чужой жизнью тело спящей у него на плечах собаки. Отполз от края ступеньки и попытался встать. Но не мог. Огненный шар в бедре Джоунси снова распух. Неимоверным усилием он все-таки вскочил, хотя боль на мгновение ослепила его и, казалось, отдалась даже в зубах и висках.

Мистер Грей прикрыл глаза, постоял немного, перенося тяжесть на здоровую ногу, совсем как лошадь, которой в подкову попал камешек. Прислонясь к запертой двери. Когда боль немного утихла, он камнем выбил стекло в левом от двери окне, порезав при этом руку Джоунси в нескольких

местах. Один порез оказался довольно глубоким, и несколько больших осколков свисали с верхней фрамуги, как топор самодельной гильотины, но на такие вещи мистер Грей внимания не обращал. Как и на то, что Джоунси наконец покинул свое укрытие.

Мистер Грей протиснулся сквозь окно, приземлился на холодном цементном полу и огляделся.

Квадратное помещение длиной около тридцати футов. В дальнем конце окно, из которого, вне сомнения, открывается великолепный вид на водохранилище, особенно в ясный день. Но сейчас на него наброшено что-то вроде белой простыни. С одной стороны висит нечто, похожее на гигантское стальное ведро, с россыпью красных пятен на боках, только это не байрум, а окись, которую Джоунси идентифицирует как «ржавчину». Мистер Грей не был уверен в его предназначении, но предполагал, что в случае необходимости в этом ведре спускают людей в шахту.

Железная крышка диаметром фута четыре на месте, лежит точно в центре пола. Он видит квадратную бороздку с одной стороны и оглядывается. К стене прислонены инструменты, и среди них лом, валяющийся в брызгах стекла из разбитого окна. Возможно, именно тот, которым русская перед смертью отодвинула крышку.

Насколько я слышал, подумал мистер Грей, народ в Бостоне будет пить этого последнего байрума с утренним кофе как раз накануне Валентинова дня.

Он поднял лом, с трудом, натужно дыша, дохромал до середины комнаты и сунул в щель.

Лом вошел легко, как смазанный маслом.

11

Генри вешает трубку, набирает в легкие воздух, задерживает его... и рвется к двери с табличкой:

ОФИС. НЕ ВХОДИТЬ.

— Эй, — квакает старая Рини Госслин со своего места у кассы. — Вернись, парнишка! Туда нельзя!

Но Генри не останавливается, даже не замедляет шага, но, вломившись в дверь, вдруг понимает, да, он в самом деле парнишка, ниже своего теперешнего роста почти на фут, и хотя носит очки, но далеко не такие

сильные, как нынче. Он мальчишка, но под разлетающимися волосами (немного поредевшими к тому времени, когда он переступил порог тридцатилетия) все же скрыт взрослый мозг.

Я два, два, два в одном флаконе, думает он, вваливаясь в офис старого Госслина, и бешено кудахчет, заливаясь смехом, как в прежние деньки, когда все лучи Ловца были целы и сходились в центре, а Даддитс расставлял колышки. «Я чуть живот не надорвал, — говорили они, — чуть живот не надорвал, что за срань господня!»

Он оказывается в офисе, но это не офис старика Госслина, где человек по имени Оуэн Андерхилл когда-то ставил человеку по имени не Абрахам Курц запись серых человечков, говоривших голосами знаменитых людей. Это коридор, больничный коридор, и Генри ничуть не удивлен. Это Массачусетская больница. Он ее создал.

Здесь сыро и куда холоднее, чем в обычном коридоре, а стены заросли байрумом. Откуда-то доносятся стоны:

Мне не нужны вы, не нужен укол, я хочу Джоунси. Джоунси знал Даддитса. Джоунси умер, умер в «скорой», Джоунси единственный, кто годится. Валите отсюда, поцелуйте меня в задницу, я хочу Джоунси.

Но он не уйдет. Он старый, коварный мистер Смерть, и не собирается жаться в сторонке. У него тут дело.

Он невидимкой крадется по коридору, где так холодно, что дыхание вырывается белым паром, мальчик в оранжевой куртке, которая скоро станет тесна. Жаль, что у него нет ружья, того, которое зарядил для него отец Пита, но и ружье пропало, забыто, похоронено под грузом лет, вместе с телефоном Джоунси, украшенным наклейкой из «Звездных войн» (как они все завидовали этому телефону!), курткой Бивера, исполосованной молниями, и свитером Пита с эмблемой НАСА на груди. Похоронены под грузом лет. Некоторые мечты умирают и улетают на свободу, вот еще одна из горьких истин мира. Как их много, горьких истин...

Он проходит мимо парочки смеющихся, болтающих сестер, одна из них повзрослевшая Джози Ринкенхауэр, а другая — женщина с полароидной фотографии, которую они видели в тот день через окно офиса «Братьев Трекер». Они не видят Генри, потому что для них он не существует, он сейчас в Ловце снов, бежит назад по лучу, к самому центру.

Я эггмен, думает он. Время замедлилось, пространство искривилось, и эггмен идет вперед. Все дальше и дальше.

Генри крадется по коридору на звук голоса мистера Грея.

Сквозь разбитое окно машины Курц отчетливо слышал неровные строчки выстрелов из автоматического ружья, пробудившие давно знакомые ощущения неловкости и нетерпения: злости на то, что стрельба началась без него, и страха, что все закончится, прежде чем он успеет оказаться на месте, и не останется никого, кроме раненых, скулящих: врача-врача-врача.

— Жми, Фредди, — бросил он, перекрывая храп Перлмуттера.

— Уж очень скользко, босс.

— Все равно. У меня такое чувство, что мы почти...

Он увидел розовое пятно на чистом белом занавесе снега, размытое, как кровь, сочившаяся из пореза на лице сквозь крем для бритья, и только потом различил силуэт «субару», уткнувшегося носом в землю. И в следующий момент Курц искренне раскаялся в недобрых мыслях по поводу водительского мастерства Фредди. Его заместитель попросту крутанул «баранку» вправо и прибавил скорости, когда «хамви» едва не забуксовал. Огромная машина, покорная рулю, буквально перемахнула через трещину. Толчок был весьма ощутимым. Курц, подброшенный вверх, ударился макушкой о крышу, да так, что из глаз посыпался фонтан искр. Руки Перлмуттера повисли, как у трупа, голова откинулась сначала назад, потом вперед. «Хамви» промчался рядом с «субару» так близко, что едва не задел ручку дверцы, и мощно попер вперед, по единственным теперь рубчатым следам шин, примявших свежевыпавший снег.

Теперь я у тебя на хвосте, Оуэн. Дышу прямо тебе в затылок, Оуэн, сгнои Господь твои голубые глаза, торжествующе твердил про себя Курц.

Единственное, что беспокоило его, — недолгий взрыв пальбы. Что все это значит? Но как бы там ни было, а больше не стреляли.

Впереди замаячило еще одно пятно, на этот раз оливково-зеленое. «Хаммер». Они ушли, возможно, ушли, но...

— Готовность номер один, — сказал он Фредди. — Кое-кому пора платить долги.

К тому времени, когда Оуэн добрался до места, где Ист-стрит кончалась (вернее, растворялась в идущей на северо-восток Фицпатрик-

роуд, как хотите, в зависимости от вашего воображения), вдали раздался шум моторов второго «хамви». Вероятно, Курц, в свою очередь, слышал его, «хамви» не так громогласны, как «харли», но и воркующими голубицами их не назовешь.

Следы Джоунси окончательно исчезли, но Оуэн еще видел тропинку, отходившую от основной дороги и вьющуюся вдоль берега водохранилища.

Оуэн заглушил мотор.

— Генри, похоже, отсюда придется идти не...

И осекся. Он так усердно пялился в лобовое стекло, так боялся вновь слететь в кювет, что ни разу не обернулся назад и не взглянул в зеркальце заднего обзора. И поэтому оказался совершенно не готов к тому, что увидит. Потрясен и поражен.

Генри и Даддитс слились в том, что Оуэн посчитал последним объятием, прижавшись друг к другу щетинистыми щеками. Глаза закрыты, лица и куртки измазаны кровью. Дыхания не было слышно, и Оуэн решил, что оба умерли: Даддитс — от лейкемии, Генри — от сердечного приступа, вызванного переутомлением и невероятным, невыносимым, невыносимым тридцатичасовым стрессом. Он едва не вскрикнул, но тут веки чуть вздрогнули. У обоих.

Обнявшиеся. Забрызганные кровью. Но не мертвые. Спящие.

Спят и видят сны...

Оуэн хотел было окликнуть Генри, но раздумал. Генри отказался покинуть лагерь в Джефферсон-тракт и бросить заключенных на произвол судьбы, и хотя им это сошло с рук, но только по чистой случайности... офигительному везению или улыбке судьбы... если вы верите, что таковая бывает не только в телесериалах. Так или иначе, улизнуть незамеченным не удалось. На хвосте сидит Курц, вцепился, как бультерьер, и такого наверняка не случилось бы, не исчезни Оуэн и Генри потихоньку, под вой и свист бури.

Что ж, как ни крути, ничего не изменишь, подумал Оуэн, открывая дверцу машины и спрыгнув на землю. Откуда-то с севера, из белой пустоты снега, донесся крик орла, противно нудившего насчет погоды. Сзади, с юга, слышался приближающийся рев машины Курца, этого надоедливого психа. Из-за долбанного снега невозможно сказать точно, насколько он успел подобраться к ним. В такую погоду все звуки обманчивы, приглушены снегом. Он может находиться в двух милях отсюда, а может и гораздо ближе. И Фредди с ним, чертов Фредди, идеальный солдат, Дольф Лундгрэн из ада.

Оуэн обошел машины, то и дело спотыкаясь, проклиная все на свете, и открыл кузов, надеясь найти автоматы, а может, и миномет. Никаких минометов, никаких гранат, зато нашлись четыре автоматические винтовки МП-5 и коробка с обоймами, в каждой по сто двадцать патронов.

Там, в лагере, он вел игру по правилам Генри, им, наверное, удалось спасти несколько жизней, но на этот раз будет так, как посчитает нужным он, видит Бог, если он еще не заплатил сполна за чертово блюдо Рейплоу, значит, придется так и ходить в должниках. С этим он проживет, но недолго, если повезет не ему, а Курцу.

Генри либо спит, либо в обмороке, либо соединился с умирающим другом в каком-то безумном, недоступном Оуэну слиянии сознаний. Пусть себе. Проснувшийся Генри, Генри бодрый и соображающий, наверняка попытается помешать тому, что должно случиться, что необходимо сделать, особенно если он прав относительно того, что Джоунси жив и скрывается где-то в глубинах разума, захваченного инопланетянином. Рука Оуэна не дрогнет... и поскольку телепатии конец, он не услышит Джоунси, молящего о пощаде, даже если он все еще там. «Глок» хорошее оружие, но недостаточно надежное.

МП-5 разорвет тело Гэри Джоунса в кровавые клочья.

Оуэн схватил ружье, рассовал по карманам три дополнительные обоймы. Курц совсем близко — близко, близко, близко.

Оуэн оглянулся, почти ожидая увидеть зеленовато-коричневую тушу второго «хамви», возникающую на Ист-стрит, одетым в камуфляж привидением, но дорога оставалась пуста. Хвала Иисусу, как сказал бы Курц.

Окна «хаммера» уже заволокло снегом, но Оуэн, семена мимо громады грузовика, разглядел силуэты двух тел на заднем сиденье, по-прежнему сплетенных в объятиях.

— Прощайте, мальчики, — прошептал он. — Приятных сновидений.

Если повезет, они так и не проснутся, когда Курц и Фредди придут за ними и положат конец их существованию перед началом охоты на главную добычу.

Оуэн внезапно замер, поскользнулся и схватился за капот «хамви». Даддитс уже отработанный материал, но спасти Генри Девлина еще можно.

Нет! — вопила часть разума, когда он взялся за ручку задней дверцы. Нет, времени не осталось!

Но Оуэн решил рискнуть. Поставить на карту весь мир. Может, заплатить еще немного, в счет долга за блюдо Рейплоу, может, за то, что сделал вчера (эти голые серые фигурки, стоящие вокруг разбившегося

корабля, с поднятыми руками, словно сдаваясь), возможно, просто ради Генри, сказавшего, что они герои, и мужественно пытавшегося исполнить свое предназначение.

Не сочувствие, к дьяволу, подумал он, открывая дверь. Нет, сэр, никакого сочувствия к мудаку.

Даддитс сидел ближе. Оуэн схватил его за воротник просторной куртки и дернул. Даддитс боком рухнул на сиденье. Кепка свалилась, открывая блестящий лысый череп. Генри, так и не отнявший рук от Даддитса, упал сверху и, не открывая глаз, тихо застонал. Оуэн наклонился и свирепо прошептал ему на ухо:

— Только не вставай. Ради Господа Бога, Генри, не вставай.

После чего он захлопнул дверцу, отступил шага на три и, прижав ствол к бедру, дал залп. Стекла «хамви» пошли трещинами, побелели и рассыпались. Гильзы запрыгали у ног Оуэна. Он снова подошел поближе и заглянул в дыру. Генри и Даддитс по-прежнему лежали неподвижно, засыпанные крошками стекла, залитые кровью Даддитса, и на первый взгляд казались самыми мертвыми из всех мертвецов, которых когда-либо видел Оуэн. Оставалось надеяться, что Курц не будет долго присматриваться. Слишком спешит. В любом случае Оуэн сделал все, что мог.

Услышав резкий металлический лязг, он ухмыльнулся. Теперь-то он точно знает, где Курц: у той промоины, где закончил свой путь «субару». Хорошо бы, Курц и Фредди вlepились носом в зад гребаной развалюхи, но, к сожалению, звук был не настолько громким. Все же теперь ясно, где они. В миле от них, в целой миле. Не так плохо, как он думал.

— Полно времени, — буркнул Оуэн.

Это, конечно, верно в отношении Курца, но как насчет другой стороны? Где мистер Грей сейчас?

Держа винтовку за ремень, Оуэн пустился по тропе, ведущей к опоре № 12.

Мистер Грей открыл для себя еще одну неприятную человеческую эмоцию — панику. Он прошел весь этот путь: световые годы сквозь космос, сотни миль сквозь снег, чтобы в конце дороги его так бездарно подвели мышцы Джоунси, безнадежно ослабевшие, отказавшиеся функционировать. К тому же железная крышка оказалась тяжелее, чем он

представлял.

В отчаянии он налег на лом так, что спина Джоунси, казалось, вот-вот переломится — и наконец был вознагражден узким ломтиком тьмы по краям ржавого железа. И скрежетом этого самого железа по бетону. Сдвинулась! На дюйм-другой, не больше, но сдвинулась!

Но тут поясницу Джоунси прихватило так, что мистер Грей, шатаясь, прижимая ладони к больному месту и скрипя зубами (благодаря своему иммунитету, Джоунси сохранил все до одного), отступил. Похоже, он в самом деле разваливается.

Лэд жалобно завизжал. Посмотрев на него, мистер Грей увидел, что тварь готова вырваться на волю. Хотя пес по-прежнему спал, брюхо раздулось до такой степени, что одна лапа неподвижно торчала в воздухе. Кожа внизу брюха натянулась, и казалось, вот-вот лопнет, вены быстро-быстро пульсировали. Из-под хвоста тянулась струйка крови.

Мистер Грей наградил злобным взглядом ни в чем не повинный лом, так и торчавший в крышке. В воображении Джоунси русская представлялась стройной красоткой с черными волосами и темными трагическими глазами. На самом же деле она наверняка была широкоплечей, плотной и мускулистой, иначе как бы...

Воздух разорвали выстрелы. В опасной близости. Слишком опасной. Мистер Грей, охнув, огляделся. Благодаря Джоунси частью его маски стала чисто человеческая коррозия сомнения. Впервые он осознал, что может потерпеть неудачу, да, неудачу, даже сейчас, когда цель так близка, что он слышит плеск воды, начинающей свое шестидесятимильное подземное путешествие. И все, что стоит между байрумом и остальным миром, — жалкая ржавая крышка весом сто двадцать фунтов.

Плюясь визгливой отчаянной литанией Биверовых проклятий, мистер Грей ринулся вперед. Истерзанное тело Джоунси дергалось на ненадежной опоре больного бедра. Один из них вот-вот явится, тот, кого зовут Оуэн, и мистер Грей не смел надеяться, что сумеет заставить Оуэна прицелиться себе в грудь. Будь у него время, возможность застать Оуэна врасплох, тогда возможно. Но у него нет ни того, ни другого. Этот человек, который идет за ним, натаскан на убийство, это его ремесло.

Мистер Грей взвился в воздух. Послышался вполне различимый хруст, это бедренная кость Джоунси, не выдержав непосильной нагрузки, вывернулась из сустава. Мистер Грей навалился на лом всей тяжестью тела Джоунси. Край снова поднялся, и на этот раз крышка проехала по бетону едва не на целый фут. Снова появился черный полумесяц, в который когда-то скользнула русская. Не совсем полумесяц, скорее тонкое «С»,

выведенное пером каллиграфа... но собака пройдет.

Нога Джоунси больше не действовала (кстати, где Джоунси? До сих пор ни звука от его скандального хозяина), но это не важно. Он вполне может ползти.

Мистер Грей так и сделал. Пополз по ледяному полу к тому месту, где лежал спящий колли, схватил Лэда за ошейник и потащил к скважине.

15

Зал Воспоминаний — просторное хранилище коробок — тоже вот-вот готов развалиться. Пол трясется, как в приступе бесконечного, медленного землетрясения, люминесцентные светильники чахоточно мигают, придавая помещению неправдоподобный, словно галлюцинация больного белой горячкой, вид.

Джоунси мчится из последних сил, перебегает из коридора в коридор, чисто интуитивно находя путь в лабиринте. И непрерывно приказывает своему телу наплевать на проклятое бедро, в конце концов он теперь всего лишь чистый разум. Но с таким же успехом инвалид мог бы убеждать ампутированную конечность не болеть.

Он летит мимо коробок с метками АВСТРО-ВЕНГЕРСКАЯ ВОЙНА, и КАФЕДРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА, и ДЕТСКИЕ ИСТОРИИ, и содержимое ВЕРХНЕГО ШКАФА. Натывается на гору рассыпавшихся коробок, обозначенных КАРЛА, припадает на больную ногу, вопит от боли. Хватается за ящики (на этих надпись ГЕТТЕРСБЕРГ), чтобы удержаться от падения, и, наконец, видит дальний конец хранилища. Слава Богу, кажется, он оставил позади много миль.

На двери таблички:

БЛОК ИНТЕНСИВНОЙ ТЕРАПИИ. ПОЖАЛУЙСТА,
ТИШЕ.

и:

ПОСЕЩЕНИЕ ТОЛЬКО ПО ПРОПУСКАМ.

Точно, именно туда его и привезли. Там он проснулся и услышал зов хитрого мистера Смерти, притворявшегося, будто зовет Марси.

Джоунси влетает в двери и оказывается в другом мире, который узнает

сразу: белый с голубым коридор блока интенсивной терапии, где четыре дня спустя после несчастного случая он сделал первые нерешительные шажки. Прохромав с дюжину футов по выложенному кафелем коридору, он замечает брызги байрума, расплескавшиеся по стенам, слышит непривычную для больницы, хоть и тихую, музыку, кажется, это «Роллинг Стоунз» поют «Сочувствие дьяволу».

Он только успевает понять, что это за песня, как бедро взрывается термоядерной вспышкой. Джоунси удивленно вскрикивает и валится на черно-красный кафель блока интенсивной терапии, хватаясь за ногу. Совсем как тогда, после наезда, удушливое облако багровой агонии. Он катается по полу, глядя на мерцающие световые табло, на круглые динамики, из которых доносится музыка («Анастасия кричала напрасно»), музыка из иного мира, когда боль так ужасна, все остальное в ином мире, боль превращает суть и истинный смысл в бесплотную тень, любовь — в пародию и насмешку, это он узнал еще в марте и теперь должен узнавать снова. Он катается и катается, вцепившись в распухшее бедро, глаза вылезают из орбит, рот превратился в уродливо растянутую щель, и в глубине души он уже понимает, что случилось, знает: мистер Грей. Сукин сын мистер Грей сломал его уже однажды сломанное бедро.

И тут издалека, из того другого мира, он слышит знакомый голос. Голос ребенка:

Джоунси!

Отдающийся эхом... искаженный... но не настолько далекий. Не этот коридор, но один из соседних. Чей голос? Кого-то из его ребятишек? Может, Джона? Нет...

Джоунси, скорее! Он идет убить тебя! Оуэн идет убить тебя!

Джоунси понятия не имеет, кто такой Оуэн, но узнает голос. Генри Девлин. Не теперешний Генри, не тот, которого он в последний раз видел перед поездкой в магазин Госслина. Тот Генри, с которым он вырос, тот, который сказал Ричи Гренадо, что они всем разболтают, если он не прекратит издеваться над Даддитсом, а Ричи и его дружки никогда не поймают Пита, потому что Пит бежит быстро — хрен догонишь.

Не могу! — откликается Джоунси, продолжая кататься по полу. Он чувствует, как что-то меняется, исподволь, постепенно, но вот что? — Не могу, он снова сломал мне бедро, сукин сын сломал...

И вдруг понимает, что происходит: боль откатывается назад. Все равно что смотреть перематывающуюся кассету: молоко течет из стакана в пакет, цветок, который должен расцвести, благодаря чуду неподвластной бегу времени фотографии, наоборот, свертывает лепестки.

Причина становится очевидной, когда он опускает глаза и видит ярко-оранжевую куртку, купленную когда-то матерью в «Сирее», перед первой поездкой в «Дыру в стене», когда Генри раздобыл оленя, и все они вместе убили Ричи Гренадо и его приятелей, убили сном, возможно, не намереваясь делать этого, но тем не менее все же сделали.

Он снова стал мальчишкой, четырнадцатилетним мальчишкой, и избавился от боли. Немудрено: бедро будет сломано только через двадцать три года. И тут в мозгу все с грохотом сходится вместе, валится на свои места: нет и не было никакого мистера Грея. Мистер Грей живет в Ловце снов, и нигде больше. Он реален не более чем боль в бедре.

Я защищен, думает он, вставая. Ни пятнышка байрума. И в моей голове не просто воспоминания, а истинный призрак в машине. Он — это я. Господи боже, мистер Грей — это я.

Джоунси вскакивает и пускается бежать, так быстро, что едва не вцепился носом в угол. Но устоял: ловкие быстрые ноги четырнадцатилетнего подростка несут его вперед. И никакой боли, никакой боли!

Следующий коридор ему знаком. Здесь стоит каталка с судном. Мимо нее осторожно семенит на тонких ножках олень, которого он видел тогда в Кембридже перед наездом. Вокруг бархатистой шеи широкий ошейник, с ошейника огромным амулетом свисает его магический кристалл. Джоунси мчится мимо оленя, который смотрит на него огромными кроткими глазами.

Джоунси! Уже близко. Совсем близко. Джоунси!

Джоунси удваивает скорость, ноги летят, молодые легкие дышат свободно, никакого байрума, потому что он невосприимчив, нет никакого мистера Грея, по крайней мере в нем, мистер Грей в больничной палате, и все время там был, мистер Грей, эта фантомная боль в отрезанной конечности, которую до сих пор чувствуешь, призрак в машине, призрак, подключенный к аппаратуре жизнеобеспечения, и аппаратура жизнеобеспечения — это он.

Он сворачивает за очередной угол. Перед ним три открытые двери. У четвертой, закрытой, стоит Генри. Ему четырнадцать, как и Джоунси. На Генри тоже оранжевая куртка. Очки, как всегда, сползли на кончик носа, и он отчаянно машет рукой.

Скорее! Скорее, Джоунси! Даддитс долго не продержится! Если он умрет раньше, чем мы убьем мистера Грея...

Джоунси подлетает к Генри. Ему хочется раскинуть руки, обнять друга, но времени нет.

Это я во всем виноват, говорит он Генри высоким юношеским тенорком.

Не правда, отвечает Генри, глядя на него, со знакомым нетерпением, внушающим в детстве такой ужас Питу, Биву и Джоунси: в отличие от них Генри всегда думал наперед, всегда еле-еле удерживался, чтобы не прыгнуть в будущее, оставив их всех позади. Они, похоже, всегда были гирями на его плечах.

Но...

Ты еще скажи, что Даддитс убил Ричи Гренадо, а мы — его сообщники. Он был тем, кем был, Джоунси, и сделал нас теми, кто мы есть... но не намеренно. Единственное, что он мог сделать намеренно, — завязать шнурки на ботинках, разве не знаешь?

И Джоунси думает:

Агу? Соку?

Генри! Даддитс... держится ради нас, Джоунси. Я тебе говорил. И держит нас.

В Ловце снов.

Верно. Ну что, будем стоять здесь и спорить, пока мир летит к чертям, или...

Нужно прикончить сукина сына, говорит Джоунси и тянется к дверной ручке. Над ней висит табличка с предупреждением:

ИНФЕКЦИИ НЕ ОБНАРУЖЕНО. IL N'Y A PAS D'INFECTION,

и внезапно он видит обе стороны медали, двойной смысл, который не каждому дано распознать. Все равно что оптический обман Эшера. Взгляни под одним углом, увидишь правду. Взгляни под другим, поймешь, что это самая чудовищная ложь во всей вселенной.

Ловец снов, думает Джоунси и поворачивает ручку.

Палата — царство торжествующего байрума. Джунгли из кошмарных снов, заплетенные лианами, ползучими растениями, лозами, перевитыми, скрученными в кроваво-красные косы. Здесь несет серой и леденящим этиловым спиртом, вонью пусковой жидкости, налитой во взбрыкнувший карбюратор морозным январским утром. Хорошо еще, что не нужно бояться срань-хорьков, только не здесь, они на другом луче Ловца в другом месте и времени. Байрум пока остается проблемой Лэда, колли, незначительной фигуры во всей этой истории.

Телевизор включен, и хотя экран зарос байрумом, все же на

поверхность упорно пробиваются призрачные черно-белые фигуры. Мужчина волочит труп собаки по цементному полу, пыльному, усыпанному мертвыми осенними листьями. Странное помещение напоминает склеп из ужастиков пятидесятых, которые так любит смотреть Джоунси. Но это не склеп: слышится глухой плеск бегущей воды.

В центре пола — круглая ржавая крышка с выдавленными на поверхности буквами МУВС — Массачусетское управление водоснабжения. Буквы выпирают даже сквозь красноватую корку. Еще бы! Для мистера Грея, чья физическая сущность погибла еще там, в «Дыре в стене», они означают все.

Фигурально говоря, весь мир.

Крышка немного сдвинута, открывая полумесяц абсолютной черноты. Джоунси сознает, что мужчина, который тянет пса, — он сам, и пес еще не сдох. Его тело оставляет на цементе тонкий кровавый след, а задние лапы подергиваются. Словно загибаются.

Брось ты свое кино, рычит Генри, и Джоунси оборачивается к лежащей на постели фигуре. Серому существу, прикрытому испещренной байрумом простыней — до самой груди, плоской, безволосой, без сосков, без пор, серой плоти, обтянутой серой кожей. Джоунси, даже не глядя, знает, что пупка тоже нет, потому что эта тварь никогда не рождалась на свет. Он всего лишь детское представление о жителе иного мира, воплощенное в жизнь подсознанием тех, кто впервые столкнулся с байрумом. Они никогда не существовали как реальные особи — пришельцы, инопланетяне. Серые, как физические тела, были созданы человеческим воображением, вышли из Ловца снов, и эта мысль доставляет Джоунси некоторое облегчение. Не его одного одурачили. По крайней мере это уже что-то.

И еще кое-что его радует: взгляд этих отвратительных черных глаз. В них плещется страх.

— Я готов, — спокойно объявил Фредди, останавливая «хамви», проехавший еще три мили.

— Прекрасно, — кивнул Курц. — Осмотри «ХМВ». Я прикрою.

— Сейчас.

Фредди взглянул на Перлмуттера, живот которого достиг угрожающих размеров, потом на «хаммер» Оуэна. Причина стрельбы, слышанной

раньше, была вполне очевидна: «хаммер» буквально изрешетили. Оставался один вопрос: кто держал оружие и кому достались пули. Следы, уводившие от машины, быстро становились почти неразличимыми, но пока по ним еще можно идти. Одиночные следы. Следы тяжелых ботинок. Оуэн?!

— Ну же, Фредди!

Фредди вышел на дорогу, и Курц последовал за ним. Фредди услышал щелчок курка. Надеется на свой девятимиллиметровый. Что ж, босс прав, с этим он управляется как никто другой.

Мгновенный озноб прошел по спине, едва Курц прицелился ТУДА. Прямо ТУДА. Но что за чушь! Оуэн, да, Оуэн — дело другое, не так ли? Оуэн переступил Черту.

17

При виде двух мальчишек, молча надвигающихся на затканную байрумом кровать, мистер Грей принимается лихорадочно нажимать кнопку вызова медсестры, но никто не является.

Наверное, все системы задушены байрумом, думает Джоунси. Тем хуже, мистер Грей, тем хуже для вас.

Он оборачивается к телевизору и видит, что его экранный двойник уже успел подтащить колли к краю шахты. Может, они опоздали? А может, нет. Пока сказать невозможно. Колесо еще вертится.

Привет, мистер Грей, я так хотел познакомиться с вами, произносит Генри, вытаскивая мохнатую от байрума подушку из-под безухой узкой головы лежащего. Мистер Грей пытается уползти на другой край кровати, но Джоунси придавливает его к матрацу, хватая тоненькие ребячьи руки прищельца. Кожа ни горяча и ни холодна. И вообще на ощупь не кажется кожей. Что-то вроде...

Вроде пустоты, думает он, как во сне.

Мистер Грей? — спрашивает Генри. Так мы приветствуем гостей на планете Земля.

Под руками Джоунси мистер Грей пытается сопротивляться и слабо извивается. Откуда-то слышится истерический писк монитора, словно у этого создания действительно было сердце, которое сейчас перестало биться.

Джоунси смотрит на умирающего монстра и мечтает только о том, чтобы все это поскорее кончилось.

Мистер Грей дотянул Лэда до железной крышки, которую ухитрился отодвинуть. Со дна шахты доносились мерный рокот бегущей воды и затхлый сырой запах.

Если делать что-то, делай быстро и на совесть... это из коробки с меткой ШЕКСПИР.

Задние лапы пса судорожно подергивались, и мистер Грей слышал влажное хлюпанье раздираемой плоти: это байрум продирался одним концом и жевал другим, пробивая себе путь наружу. Под хвостом пса слышался рассерженный цокот, словно чириканье возмущенной обезьянки.

Нужно впихнуть собаку в шахту прежде, чем тварь выйдет наружу. Совсем не обязательно, чтобы она родилась в воде, но в этом случае шанс на выживание будет куда выше.

Мистер Грей попытался протолкнуть собачью голову в отверстие между крышкой и цементом, но не сумел. Шея нелепо изогнулась и бессмысленно скалившаяся морда вывернулась вверх. Все еще не просыпаясь (а может, и потеряв сознание), собака тихо сдавленно залаяла.

И не пролезала в отверстие.

— Трахни меня, Фредди! — взвыл мистер Грей, почти не замечая грызущую бедро Джоунси боль и, уж конечно, не обращая внимания на напряженное белое лицо Джоунси, зеленовато-карие глаза, мокрые от слез усталости и крушения надежд. Зато сознавал, остро, с ужасом сознавал: что-то происходит. «Происходит у меня за спиной», — как сказал бы Джоунси. И кто еще мог быть? Кто еще, как не Джоунси, его негостеприимный хозяин?

— Мать твою! — завопил он проклятому, ненавистному, упрямому, чуточку-слишком-большому псу. — Ты нырнешь вниз, слышишь! ТЫ НЫР...

Слова застряли в горле. Почему-то он больше не мог крикнуть, хотя смертельно хотел, как бы он хотел крикнуть, стукнуть кулаком по чему-нибудь первому попавшемуся (хотя бы по бедной умирающей беременной собаке). Но почему-то не мог не то что крикнуть, но даже вдохнуть. Что делает с ним Джоунси?

Он не ожидал ответа. Но получил. Незнакомым голосом, полным холодной ярости.

Так мы приветствуем гостей на планете Земля.

Беспомощно мотающиеся трехпалые руки серого существа на больничной постели внезапно поднимаются и на мгновение отталкивают подушку. Черные глаза, палившие с плоского стертого лица без черт, наливаются злобой и страхом. Серое создание задыхается. И хотя оно не существует в реальности, даже в мозгу Джоунси, по крайней мере как физический артефакт, яростно сражается за жизнь. Генри хоть и не может сочувствовать, но понимает. Мистер Грей хочет того же, что и Джоунси, Даддитс и даже сам Генри, ибо, несмотря на его черные мысли, разве сердце перестало биться? Разве печень не очищает его кровь? Разве тело не продолжает вести невидимые войны против всего, начиная от обычного зла до рака и самого байрума? Тело либо глупо, либо бесконечно мудро, но в любом случае свободно от разрушительного колдовства мысли: оно просто стоит насмерть и борется, пока не иссякают силы. Если мистер Грей и был другим когда-то, сейчас все изменилось. Он хочет жить.

Но вряд ли у тебя получится, хладнокровно, почти успокаивающе сообщает Генри. Не думаю, друг мой.

И вновь прижимает подушку к лицу мистера Грея.

Дыхательные пути мистера Грея опять открыты. Он жадно глотает холодный воздух, раз, другой... и внезапно все кончается. Они душат его. Давят. Убивают.

Нет!!! Поцелуй меня в задницу! Поцелуй меня в сраную задницу! ВЫ НЕ СМЕЕТЕ!

Он оттаскивает собаку и поворачивает боком, совсем как уже опоздавший на самолет пассажир пытается втиснуть в чемодан последнюю неподатливую вещь.

Так он пройдет, думает мистер Грей.

Да. Пройдет. Даже если придется раздавить собачье брюхо руками Джоунси, и байрум вырвется наружу. Так или иначе, но чертова скотина пройдет.

Распухающее лицо. Вылезающие из орбит глаза. Перекрытое дыхание. Единственная жирная вена, пульсирующая в середине лба Джоунси. Мистер Грей, не помня себя, пихал и пихал собаку в провал и в отчаянии

принялся долбить собаку кулаками в грудь.

Лезь же, черт бы тебя побрал, лезь!

ЛЕЗЬ!

21

Фредди Джонсон сунул карабин в окно брошенного «хаммера», а в это время Курц, крадущийся за его спиной (чем-то это напоминало атаку на корабль серых), ждал, что будет дальше.

— Два штафирки, босс. Похоже, Оуэн решил избавиться от лишнего мусора, прежде чем двинуться дальше.

— Мертвы?

— Как поленья. Скорее всего Девлин, и тот, другой. За которым они заезжали.

Курц подошел к Фредди, сунул голову в разбитое окно и кивнул. Ему они тоже показались мертвыми, пара белых личинок, скорчившихся на заднем сиденье, все в крови и стеклянной крошке. Он поднял было пистолет, собираясь поставить последнюю точку. Чтобы все было наверняка. По одному в лоб каждому... не повредит, пожалуй. Поднял... и опустил. Оуэн, вероятнее всего, не слышал их мотора. Снег был поразительно тяжелым и мокрым, настоящее акустическое одеяло, так что все возможно. Зато наверняка услышит выстрелы.

Курц резко обернулся.

— Показывай дорогу, дружище, и смотри, поосторожнее, кажется, под ногами чистый лед. Кроме того, мы еще можем застать его врасплох. Думаю, стоит помнить об этом, ясно?

Фредди кивнул.

Курц улыбнулся и сразу стал удивительно похож на скалящийся череп.

— Если повезет, дружище, Оуэн Андерхилл отправится в ад, даже не поняв, что уже сдох.

22

Телевизионный пульт, прямоугольник черного пластика, покрытый байрумом, лежит на тумбочке мистера Грея. Джоунси хватает его, голосом, странно похожим на тенор Бивера, бормочет:

— Мать твою, дерьмо чертово, — и со всех сил грохает им о край

стола, будто крутое яйцо разбивает.

Пульт лопается, выплескивая батарейки и оставляя в руках Джоунси уродливый пластмассовый обломок. Он тянется к подушке, которую Генри прижимает к лицу барахтающейся твари. И на мгновение колеблется, вспоминая первую встречу с мистером Греем, их единственную встречу. Дверная ручка ванной, точно так же оставшаяся в его ладони, после того как лопнул стержень. Ощущение полной тьмы, когда тень существа упала на него. Тогда все казалось достаточно реальным. Реальным, как розы. Реальным, как дождевые капли. Джоунси повернулся и увидел его — кем бы ни был мистер Грей, прежде чем стал мистером Греем — стоящего в большой центральной комнате. Герой сотен художественных и документальных фильмов «о необъяснимом». Только очень старый. Старый и больной. Уже тогда готовый пациент блока интенсивной терапии.

— Марси, — сказала ОНО, вылузив слово прямо из мозга Джоунси. Вытащив его, как пробку. Прodelав дыру, через которую смогло вползти. И потом, взорвавшись, как хлопушка в Новый год, засыпало все байрумом вместо конфетти, и... и я довообразил остальное. Так ведь было, верно? Очередной случай интергалактической шизофрении. Вот и все.

Джоунси! — вопит Генри. Если собираешься сделать это, давай!

Ну вот, мистер Грей, думает Джоунси, готовьтесь платить...

Мистер Грей наполовину протолкнул тело Лэда в шахту, когда голову заполнил голос Джоунси.

Ну вот, мистер Грей, готовьтесь платить по счетам. Своей шкурой.

Горло Джоунси разрывает боль. Мистер Грей поднимает руки Джоунси, из глотки вырывается ужасающее бульканье, так и не сумевшее перейти в вопль. И на этот раз рвется не заросшая щетиной шея Джоунси, а его собственная плоть. Его захлестывает волна потрясенного неверия, последняя эмоция, украденная им у Джоунси.

Этого не может быть... не может быть... поможет...

Они всегда прибывали в кораблях, эти артефакты, они всегда поднимали руки, сдаваясь, они всегда побеждали. Этого не может быть.

И все же каким-то непостижимым образом оказалось, что может.

Сознание байрума не столько меркнет, сколько распадается. Умирая, сущность, когда-то бывшая мистером Греем, возвратилась в исходное состояние. По мере того как он превращался в оно (и как раз за миг до того,

как оно стало ничем), мистер Грей дал собаке отчаянный злобный пинок. Лэд нырнул в отверстие, но умудрился застрять на полпути.

Последней, окрашенной Джоунси мыслью байрума было:

Мне следовало бы принять предложение. Стать чело...

Джоунси полосует острым обломком ТВ-пульта голую морщинистую шею мистера Грея. Рана распахивается, как огромный рот, и оттуда выплескивается облако красновато-золотистой пыли, окрашивая воздух алым, оседая на покрывале хлопьями пыли и пуха.

Тело мистера Грея дергается, словно пораженное током, под руками Джоунси и Генри и внезапно съеживается, как сон, которым всегда и было, и становится чем-то знакомым. Сначала Джоунси не может сообразить, чем именно, но тут его осеняет. Останки мистера Грея выглядят совсем как резинки, валяющиеся на полу заброшенного офиса депо братьев Трекер.

Он...

...мертв! — хочет договорить Джоунси и корчится от подлого удара рвущей боли. На этот раз не в бедре, а в голове. И горле. Шею обвилось огненное ожерелье. И вся комната становится прозрачной, будь он проклят, если это не так. Он смотрит прямо сквозь стену и заглядывает в помещение опоры, где собака, застрявшая в дыре, производит на свет омерзительное красное создание, похожее на хорька, скрещенного с огромным, пропитанным кровью червем. Джоунси знает, что это такое: очередной байрум.

Покрытая кровью, дерьмом и пленочными лохмотьями собственной плаценты, тварь смотрит на него бессмысленными черными глазами (его глазами, думает Джоунси, глазами мистера Грея), оно рождается прямо в этот момент, вытягивает свое неестественно гибкое тело, пытаясь освободиться, упасть в темноту, полететь навстречу переливам бегущей воды.

Джоунси смотрит на Генри.

Генри смотрит на Джоунси.

На мгновение юные перепуганные глаза встречаются... и сами они тоже исчезают.

Даддитс, шепчет Генри откуда-то издалека... издалека... издалека... Даддитс уходит, Джоунси...

Прощай.

Возможно, Генри хочет сказать «прощай». Но не успевает. Оба растаяли.

Отчаянное головокружение, и Джоунси оказывается нигде, в пустоте, где ему плохо, ужасно плохо, невероятно плохо. Наверное, он умирает, убил себя вместе с мистером Греем, перерезал собственное горло, как говорится.

В себя его привела боль. Не в горле, эта прошла, и можно снова дышать. Он даже слышал, как воздух входит и выходит, громкими сухими всхлипами. Нет, эта боль — старая знакомая. Бедро. Боль поймала его и швырнула обратно в мир, раскручивая вокруг распухшей, вопящей оси, как волчок.

По крайней мере эта часть реальна, подумал он. Эта часть не попала в паутину Ловца.

Этот чудовищный стрекот.

Джоунси увидел хорькоподобную тварь, свесившуюся в темноту, цеплявшуюся за край хвостом, который еще не вышел из собаки. Джоунси рванулся вперед и обхватил руками скользкое трясущееся тело как раз в тот момент, когда оно освободилось. Он подался назад, стараясь не обращать внимания на пульсирующее жаром бедро, держа извивающуюся, чирикающую тварь над головой, как укротитель с боа-констриктором. «Боа» конвульсивно дергался, клацая зубами, выгибаясь, пытаясь вцепиться в руку Джоунси. Твари удалось добраться до рукава куртки и располосовать его, выпустив почти невесомые белые пряди набивки.

Словно почувствовав чей-то взгляд, Джоунси повернулся и увидел мужчину, застывшего в разбитом окне, через которое пробрался мистер Грей. Незнакомец с вытянутым от изумления лицом был в камуфляжной куртке и держал ружье.

Джоунси отшвырнул сопротивляющегося хорька как можно дальше, что оказалось не слишком трудно. Тварь пролетела футов десять, прежде чем с мокрым хлюпаньем приземлилась на пол и немедленно поползла к шахте. Тело собаки заткнуло отверстие, но не до конца. Места оставалось достаточно.

— Стреляй! — завопил Джоунси мужчине с ружьем. — Ради Бога, стреляй, пока она не добралась до воды!

Но мужчина в окне словно оцепенел. Последняя надежда мира стояла, как пригвожденная к месту, тупо раскрыв рот.

Оуэн просто не верил собственным глазам. Какая-то красная тварь, жуткий, уродливый, безногий хорек. Одно дело — слышать о подобных вещах, и совсем другое — видеть. Оно подбиралось к дыре посреди пола, в которой застряла собака, вытянувшая неестественно застывшие лапы вверх, словно прося пощады.

Мужчина, должно быть, Тифозный Джоунси, орет, требуя, чтобы он застрелил тварь, но руки Оуэна не поднимаются, словно покрытые свинцом. Тварь вот-вот улизнет, после всего, что было, то, что он надеялся предотвратить, сейчас произойдет прямо перед его носом. Все равно что попасть в ад и жариться на сковороде.

Он зачарованно наблюдал, как тварь скользит все ближе, издавая жуткий обезьяний щебет, отдающийся, кажется, в самом центре мозга, наблюдал, как Джоунси рвется вперед в отчаянной надежде схватить ее или по крайней мере отогнать. Бесполезно. Мешала собака.

Оуэн снова командовал рукам поднять ружье и прицелиться, но ничего не вышло. МП-5 с таким же успехом могла находиться в другой галактике. Он вот-вот позволит твари удрать. Будет торчать здесь, как чучело, и позволит ей улизнуть. Боже, помоги ему.

Боже, помоги им всем.

Генри пошевелился и, как пьяный, не разлепив еще сомкнутых век, сел и прислонился к спинке сиденья. В волосах застряли какие-то крошки. Он стряхнул их, все еще захваченный сном о больнице (только это был не сон, подумал он), и тут же острый укол боли вернул его во что-то вроде реальности. Стекло? Голова забита кусочками стекла. Все сиденье и пол переливались сотнями крошечных радуг. И Даддитс.

— Дадс?

Бесполезно, разумеется. Даддитс мертв. Должно быть, мертв. Он потратил остатки угасающей энергии на то, чтобы привести Генри и Джоунси в больничную палату.

Но Даддитс застонал. Глаза его открылись, и глядя в них, Генри вновь вернулся на снежную дорогу-тупик. Дорогу в один конец. Глаза Даддитса были красно-кровавыми нолями. Глаза сивиллы.

— Уби, — вскрикнул Даддитс. Руки его поднялись, словно держа невидимое ружье. Он словно целился в невидимую мишень. — Убу-у! Поа а аоту!

Пора за работу...

В ответ откуда-то из леса донеслись два ружейных выстрела.

Пауза.

Третий выстрел.

— Дад... — прошептал Генри. — Даддитс!

Даддитс увидел его.

Даже полными крови глазами Даддитс видел его. Генри более чем чувствовал это: на миг он действительно видел себя глазами Даддитса. Все равно что смотреть в волшебное зеркало. Он видел когдатошнего Генри, парнишку, глядевшего на мир сквозь роговые очки, чересчур большие для его лица и всегда соскальзывающие на кончик носа. Он чувствовал любовь Даддитса к нему, простую, незамысловатую эмоцию, не замутненную ни сомнением, ни эгоизмом, ни даже благодарностью.

Генри обнял Даддитса и, ощутив невесомость его тела, заплакал.

— Тебе везло, приятель, — прошептал он, жалея, что нет рядом Бивера. Бивер мог сделать недоступное Генри — убаюкать Даддитса. — Ты всегда был самым счастливым из нас, вот что я думаю.

— Ени, — пробормотал Даддитс, осторожно коснувшись щеки Генри. Он улыбался и выговорил на удивление правильно: — Я люблю тебя, Ени.

Впереди раздались два выстрела — хлесткие удары карабина. Не так уж и далеко. Курц остановился. Фредди отошел уже футов на двадцать и замер у таблички, воспрецавшей рыбалку вблизи от опор.

Третий выстрел, и тишина.

— Босс, — сказал Фредди, — там какая-то заварушка.

— Ты ничего не видишь?

Фредди покачал головой.

Курц приблизился к нему, даже в этот момент немного развеселившись, когда Фредди нервно дернулся, ощутив на плече руку босса. Дернулся? И не зря. Нюх у него что надо. Если Эйбу Курцу удастся пережить следующие пятнадцать — двадцать минут, в новый сияющий мир он намерен отправиться один. Никто не будет висеть над душой, никто тяжким грузом не ляжет на плечи, никаких свидетелей его последней

партизанской войны. Фредди может питать какие угодно подозрения, но наверняка не знает правды. Ничего не поделаешь, телепатия прошла, как грипп. Печально, конечно. Печально для Фредди.

— Похоже, Оуэн нашел кого еще убить, — прошептал Курц Фредди на ухо, в котором еще оставалось несколько прядей Рипли, побелевших и сухих.

— Пожалуй, стоит его достать.

— Господи, ни за что, — вскинулся Курц. — И не думай. Похоже, пришло время — к сожалению, оно когда-нибудь, да приходит, — когда мы должны отступить. Спрячемся за деревьями. Посмотрим, кто останется и кто вернется. Если кто-то вообще вернется. Дадим им десять минут, согласен? Думаю, десяти минут более чем достаточно.

Слова, наполнившие мозг Оуэна Андерхилла, хоть и не имели смысла, различались вполне ясно: «Скуби! Скуби Ду! Пора за работу!»

Карабин поднялся. Не он его поднял, но когда сила, поднявшая ружье, покинула его, Оуэн обрел собственную. Он поставил переводчик автоматического оружия в режим одиночных выстрелов, прицелился и дважды спустил курок. Первая пуля ударила в пол перед головой хорька и срикошетила. Полетели осколки цемента. Тварь отпрянула, повернулась, увидела его и ощерила полную пасть острых иголок.

— Правильно, красавица, — кивнул Оуэн. — Улыбнись в камеру, сейчас вылетит птичка.

Вторая пуля вцепилась прямо в безрадостную ухмылку хорька. Он отлетел назад, ударился о стену и сполз на пол. Но в безголовом теле еще сохранились инстинкты. Оно снова, уже медленнее, поползло вперед. Оуэн снова поднял ружье и, щурясь в прицел, подумал о Рейплоу, Дике и Айрин. Хорошие люди. Добрые соседи. Если нужна чашка сахара или пинта молока (или плечо, на котором можно поплакать), стоило только постучаться в соседнюю дверь, и глядишь, все в порядке.

«Говорят, это удар!» — крикнул мистер Рейплоу, а Оуэну показалось «подарок». Ребенок, что с него возьмешь!

Так что этот за Рейплоу. И за малыша, понявшего все не так.

Оуэн выстрелил в третий раз. Пуля разорвала тварь надвое. Кровавые куски дернулись... дернулись... замерли.

Оуэн снова вскинул карабин. Дуло уставилось в самый центр лба Гэри

Джоунса.

Тот не мигая смотрел на него. Оуэн был измучен... почти до смерти, но даже сейчас держался достойно. Презирая боль и усталость.

Джоунси поднял руки.

— Можете мне не верить, — начал он, — но мистер Грей мертв. Я перерезал ему глотку, пока Генри душил его подушкой, ну прямо как в «Крестном отце».

— Неужели? — обронил Оуэн без всякого ехидства. — И где же, если не секрет, состоялась казнь?

— В Массачусетской больнице нашего сознания, — пояснил Джоунси, коротко засмеявшись. Более грустного смеха Оуэн в жизни не слышал. — Там, где по коридорам бродит олень и по телевизору передают единственную программу: старое кино «Сочувствие дьяволу».

Оуэн слегка дернулся.

— Стреляй, если считаешь нужным, солдат. Я спас мир — с некоторой огневой поддержкой, разумеется. Твоей, чего уж тут скрывать. Можешь отплатить мне за услугу традиционным способом. Кроме того, ублюдок снова сломал мне бедро. Небольшой прощальный подарок от человечка, которого здесь не было. Боль, — Джоунси хищно ощерился, — почти нестерпима.

Оуэн продолжал целиться еще с секунду, потом опустил ружье.

— Это можно пережить, — усмехнулся он.

Джоунси бессильно упал навзничь, застонал и кое-как перенес вес тела на здоровый бок.

— Даддитс мертв. Он стоил нас двоих, вместе взятых... И теперь он мертв. — Он на мгновение прикрыл глаза. — Господи, что за хрень собачья! Так сказал бы Бивер. Полная хрень. В противоположность термину «охренительно», что по-биверски означало «необыкновенное удовольствие, причем не обязательно сексуального характера».

До Оуэна никак не доходило, о чем толкует этот тип. Вполне вероятно, просто бредит.

— Даддитс, может, и мертв, а вот Генри — нет. За нами гонятся люди, Джоунси. Страшные люди. Вы меня слышите? Знаете, кто они?

Джоунси, по-прежнему лежавший на холодном, усеянном листьями полу, устало повел головой из стороны в сторону.

— Похоже, я вернулся к стандартным пяти чувствам. Телепатия вся вышла. Данайцы могут приносить дары, но потом, как индейцы, забирают их обратно. Черт, — усмехнулся он, — за подобные шуточки можно и работу потерять. Уверены, что не хотите пристрелить меня?

Оуэн обратил на последнюю рацею не больше внимания, чем на семантические различия между хренью собачьей и «охренительно». Сейчас главная проблема — Курц. Он не слышал шума мотора, но за этим снегом черта с два что услышишь — кроме выстрелов, конечно.

— Мне нужно вернуться на трассу, — сказал он. — Оставайтесь здесь.

— Можно подумать, у меня есть выбор, — ответил Джоунси, снова закрывая глаза. — Господи, как бы мне хотелось вернуться в свой теплый уютный офис. Никогда не думал, что скажу такое, но, видно, пришлось.

Оуэн повернулся и, скользя и спотыкаясь, стал спускаться вниз. Каким-то чудом ему удалось сохранять равновесие. Перед тем как отправиться в путь, он осмотрел темнеющий лес, но не слишком внимательно. Если Курц и Фредди залегли в лесу, где-то между ним и «хаммером», вряд ли он успеет их заметить. Конечно, можно искать следы, но к тому времени он настолько приблизится к ним, что эти самые следы окажутся последним, что он вообще увидит. Осталось надеяться, что они еще не успели его нагнать, довериться удаче, спутнице дураков, которым всегда везет. Той самой, которая всегда его вывозила. Может, и на этот раз...

Первая пуля ударила его в живот, опрокинув на землю. Куртка уродливо задралась, раскинувшись черными крыльями. Оуэн попытался встать, опираясь на ружье. Боли не было, только ощущение нокаута, полученного исподтишка от подлого противника, спрятавшего в перчатку свинцовый кастет.

Вторая пуля чиркнула по голове, и ссадину сразу зашипало, будто кто-то налил в рану спирта. Третья ударила в грудь, справа, Кэти, запри дверь, — все сразу кончилось. Ружье выпало из рук. Сил подняться не осталось.

Что сказал Джоунси? Насчет того, что тому, кто спас мир, платят традиционным способом. В общем-то это неплохо: в конце концов Иисус умирал шесть часов под прибитой наверху издевательской надписью, а когда наступил час коктейлей, ему подносили уксус с горькой водой.

Он полулежал на покрытой снегом тропе, как сквозь туман слыша истерические вопли, но это не он... не он... что-то вроде огромной разъяренной голубой сойки.

Это орел, подумал Оуэн.

Наконец ему удалось вдохнуть, и хотя в выдохе было больше крови, чем воздуха, он сумел приподняться на локтях. И увидел две фигуры, отделившиеся от деревьев. Они появились из мешанины берез и сосен и, пригибаясь, как во время боя, стали подкрадываться к нему. Один

коренастый, широкоплечий, другой — седовласый, худощавый и буквально светящийся энергией. Джонсон и Курц. Бульдог и гончая. Значит, удача перебежала к сильнейшему. Как всякая женщина.

Курц встал на колени рядом с ним, сверкая глазами. В одной руке он держал бумажный треугольник, потрепанный, с загибавшимися краями, помятый после долгого путешествия в заднем кармане, но все же вполне узнаваемый. Бумажная треуголка. Шутовской колпак.

— Не повезло, дружище, — бросил Курц.

Оуэн кивнул. Что верно, то верно. Не повезло.

— Вижу, вы нашли время сделать мне подарочек.

— Нашел. Но ты по крайней мере достиг главной цели? — Курц показал подбородком на помещение опоры.

— Достал его, — едва выговорил Оуэн. Во рту с угрожающей силой копилась кровь. Он выплюнул ее, попытался снова вдохнуть и услышал, как воздух с клекотом вышел из новой дыры.

— Что ж, — благодушно продолжал Курц, — все хорошо, что хорошо кончается, не так ли?

Он осторожно водрузил треуголку на голову Оуэна. Кровь, брызнувшая фонтаном, немедленно залила ее, пропитывая заметку о НЛО.

Где-то над водохранилищем снова раздался вопль. Возможно, с одного из островков, бывших холмов, вопреки всем затоплениям все еще упрямо выглядывающих из воды.

— Это орел, — сообщил Курц, похлопав Оуэна по плечу. — Считаю себя счастливчиком, парнишка. Господь послал тебе вестника войны, чтобы тот спел те...

Голова Курца взорвалась фонтаном крови, мозгов и костей. Оуэн успел увидеть последнее выражение в голубых, окаймленных белыми ресницами глазах мужчины: потрясенное неверие. Потом Курц повалился ничком, вниз тем, что осталось от его лица. Позади стоял Фредди Джонсон, так и не успевший опустить карабин. Из дула вился дымок.

«Фредди», — попытался сказать Оуэн, но ни звука не сорвалось с беспомощно шевелившихся губ. Однако Фредди кивнул. Должно быть, понял.

— Не хотел, парень, но ублюдок собирался сделать это со мной. Не стоило и читать его мысли, чтобы догадаться. И это после стольких лет...

«Кончай», — вновь попытался сказать Оуэн, и Фредди еще раз кивнул. Может, в нем все-таки остались следы этой чертовой телепатии. В мозгу Фредди Джонсона. Солдата Джонсона.

Оуэн уплывал. Уставший и ослабевший, он уплывал. Спокойной ночи,

милые дамы, спокойной ночи, Дэвид, спокойной ночи, Чет. Спокойной ночи, прекрасный принц.

Он лежал спиной в снегу, и это было все равно что тонуть в мягкой пуховой перине. Опять этот орел... почему он никак не уймется? Наверное, потому, что они вторглись на его территорию, потревожили снежный осенний покой, но скоро все уйдут, и он останется один. Царем водохранилища.

Мы были героями, подумал Оуэн. Будь я проклят, если это не так. Хрен с ней, с твоей шляпой, Курц, мы были ге...

Он так и не услышал последнего выстрела.

Снова пальба. Снова молчание. Генри сидел рядом с мертвым другом, пытаюсь решить, что делать. Шансов на то, что они перестреляли друг друга, почти нет. Шансы на то, что хорошие парни — поправка — хороший парень перестрелял нехороших, казались нулевыми.

Придя к такому заключению, Генри вскочил. Пожалуй, самый лучший выход — убраться отсюда и спрятаться в лесу. Но тут он взглянул на снег (хоть бы век этот снег не видеть) и немедленно отказался от этой мысли. Если Курц или кто там был с ним вернутся в ближайшие четверть часа, следы все еще будут отчетливо видны. Им останется просто идти по цепочке и пристрелить его, как бешеного пса. Или хорька.

В таком случае добудь ружье. И стреляй первым.

Это уже лучше. Он, конечно, не Уайет Эрп^[80], но стрелять умеет. Охотник и жертва — вещи неизмеримо разные, как небо и земля, даже не будучи шринком, можно это понять. Генри был уверен, что при нормальной видимости он без колебаний пристрелит этих негодяев.

Он уже потянулся к ручке, когда услышал удивленное проклятие, удар и очередной выстрел. Очень-очень близко. Генри решил, что кто-то поскользнулся и шлепнулся на задницу, случайно нажав при этом на курок. Может, сукин сын просто застрелился? Или на это слабая надежда? Вот был бы выход...

Черта с два. До Генри донеслось тихое ворчание: похоже, упавшему удалось встать. Оставался единственный выход, и Генри им воспользовался: снова лег на сиденье, пристроил, как мог, руки Даддитса у себя на плечах и притворился мертвым. Вряд ли, конечно, этот трюк сработает. Нехорошие парни проходили мимо грузовика, очевидно, ничего

не заметив, если он все еще жив, но тогда они наверняка из штанов выпрыгивали от нетерпения. Теперь же их вряд ли обманут несколько дырок от пуль, разбитое стекло и кровь, вытекшая из носа и легких бедняги Даддитса.

Послышался негромкий хруст снега под чьими-то ногами. Судя по звуку, всего один человек. Вероятно, гнусный Курц. Последний из могикан. Приближающаяся тьма. Смерть в конце дня. Больше не его старая подруга, теперь он только разыгрывает мертвого, но все равно приближающаяся.

Генри закрыл глаза... в ожидании.

Шаги протопали мимо «хамви», не задерживаясь.

Стратегические цели Фредди Джонсона были на этот момент чрезвычайно практичны и не заходили далеко: он хотел добраться до чертова «хамви» и развернуться, ни разу не застряв. Если ему к тому же удастся миновать промоину на Ист-стрит (там, где пришел конец «субару», за которым гнался Оуэн) и не опрокинуться. Если же он доберется до шоссе, горизонты несколько расширились. Как раз в тот момент, когда он открыл дверцу и скользнул за руль, в мозгу промелькнула мысль о Массачусетской автомагистрали. Вдоль шоссе тянется огромная территория. Есть где скрыться. Много найдется местечек.

Омерзительный запах газов и этилового спирта ударил в лицо, как пощечина. Перли! Чертов Перли! Во всей этой суматохе он совсем забыл об этом муذاке.

Фредди поднял карабин... но Перли так и не пошевелился. Не стоит тратить на него пулю. Просто выбросить в снег, и все тут. Если повезет, Перли замерзнет, не просыпаясь. Он и его сволочные...

Но Перли не спал. И не отключился. И даже не впал в кому. Перли был мертв. И... даже... усох. Морщинистые щеки ввали, втянулись. Глазницы казались глубокими колодцами, словно за тонкими пленками век глазные яблоки провалились глубоко внутрь. И он прислонился к дверце под каким-то странным углом: одна нога поднята, почти лежит на стекле, словно он так и умер, пытаясь испустить свой знаменитый полупук. Штанины комбинезона потемнели, как измазанные грязью, сиденье под ним было мокрым. От лужи тянулись красные ручейки.

— Какого хре...

С заднего сиденья раздался оглушительный шум, словно кто-то

включил мощную стереосистему на полную катушку. Углом глаза Фредди поймал какое-то движение. В зеркальце заднего обзора возникло чудище из страшной сказки. Прежде чем Фредди успел опомниться, чудище оторвало ему ухо, прокусило щеку, ворвалось в рот и вцепилось в нижнюю челюсть. И тут срань-хорек Арчи Перлмуттера отгрыз Фредди пол-лица с такой же легкостью, с какой голодный человек отламывает ножку цыпленка.

Фредди взвизгнул и разрядил ружье в дверь «хаммер». Он еще успел поднять руку и попытаться оторвать тварь, но пальцы скользили по мерзкой слизистой коже. Хорек отскочил, откинул голову и в мгновение ока проглотил отвоеванную плоть. Фредди нащупал ручку дверцы, но прежде чем успел повернуть, тварь снова ринулась на него, на этот раз зарывшись в бугрившуюся мышцу между шеей и плечом. Из яремной вены фонтаном рванулась кровь, ударила в крышу «хамви» и пролилась багровым дождем.

Ноги Фредди задергались, топча педали «хамви» в жутком рэп-дансе. Тварь на заднем сиденье снова отпрыгнула, помедлила и, скользнув змеей по плечу Фредди, упала ему на колени.

Когда тварь одним махом оттяпала ему весь прибор, он смолк навсегда.

Сквозь заднее стекло первого «хамви» Генри долго наблюдал, как неясная фигура за рулем второго грузовика раскачивается взад и вперед. Он тихо радовался густому снегу, крови, заляпавшей лобовое стекло «хамви» и мешавшей смотреть.

Он и без того слишком хорошо все видел.

Наконец фигура за рулем перестала шевелиться и упала. Чья-то неуклюжая тень поднялась над ней, казалось, торжествуя победу. Генри знал, что это такое. Он уже видел одну на постели Джоунси, там, в «Дыре». Но и в том «хамви», что гнался за ними, окно разбито. Сомнительно, чтобы тварь могла похвастаться интеллектом, но сколько времени у нее уйдет на то, чтобы среагировать на свежий воздух?

Они не любят холода. Он их убивает.

Это верно, но Генри не хотел оставлять ее в живых, и не только потому, что водохранилище слишком близко. Откуда-то взялся огромный долг, и остался он один, чтобы представить счет. Джоунси часто говорил, что платежи — самая сволочная штука на свете. Но пришло время платить.

Он перегнулся через сиденье. Никакого оружия. Кое-как дотянулся до

приборной доски и пошарил в «бардачке». Ничего, кроме квитанций на бензин, накладных и потрепанной книжонки в мягкой обложке, озаглавленной «Как стать своим лучшим другом».

Генри открыл дверь, ступил в снег, и ноги мгновенно куда-то уехали. Он с размаху плюхнулся на задницу, оцарапав по пути спину о высокое крыло «хаммера». Трахни меня, Фредди.

Генри кое-как поднялся. Снова поскользнулся, но на этот раз вовремя успел схватиться за дверцу. И осторожно обошел грузовик, не отрывая взгляда от его двойника, стоявшего позади. Тварь все еще дергалась и ерзала, алчно дожирая водителя.

— Оставайся на месте, красавица, — расхохотался Генри. Он сам признавал, как дьявольски безумно звучит хохот в этой пустыне, но остановиться не мог. — Снеси парочку яиц. Я эггмен в конце концов. Твой добрый сосед, эггмен. Хочешь, принесу «Как стать своим лучшим другом»? Дать почитать? У меня есть экземплярчик.

Он все бормотал и бормотал, продолжая заливаться смехом. Скользя в предательски мокром снегу, как мальчишка, бегущий после уроков покататься с горки. Цепляясь за «хаммер», хотя, кроме как за двери, особенно цепляться было не за что. Наблюдая, как прыгает и резвится тварь... и вдруг она исчезла. Ой-ой. Куда, на хрен, она девалась? В каком-то идиотском фильме Джоунси в этот момент звучит нагнетающая жуть музыка. Нападение Срань-Хорьков, Космических Убийц, подумал Генри и снова закатился смехом.

Наконец ему удалось добраться до кузова. Вот она, кнопка, которую следует нажать, чтобы защелка заднего стекла поднялась... если, конечно, защелка существует. Может, и нет. Интересно, как Оуэн сюда залез?

Генри не помнил. Хоть расстреляйте его, не помнил. Ничего не скажешь, никогда ему не быть своим лучшим другом.

Все еще истерически кудахча, он ткнул пальцем в кнопку, и заднее стекло распахнулось. Генри заглянул внутрь. Слава Богу, ружья. Армейские карабины вроде того, что Оуэн взял в свою последнюю разведку. Генри схватил его и осмотрел. Предохранитель: есть. Переводчик режимов: есть. Обойма с маркировкой «АРМИЯ США КАЛ.5.56. 120 патр.»: есть.

— Так просто, что даже байруму под силу, — объявил Генри и схватился за живот, заходясь в новом припадке, но тут же поскользнулся и едва не брякнулся опять. Ноги не сгибались, спину ломило, сердце разрывалось от боли... и все же он смеялся.

Подхватив ружье (отчаянно надеясь при этом, что сумел снять его с предохранителя), он зашагал к «хамви» Курца. В ушах звенела

нагнетающая жуть музыка, но смех по-прежнему рвался наружу. Помни о бензобаке. Театр абсурда, вернее, кино абсурда. Но где же Гамера, Космический Ужас?

И словно услышав его мысли... а Генри только сейчас сообразил, что это вполне возможно, — хорек врезался головой в заднее стекло. То, которое, к счастью, осталось целым. К окровавленной голове прилипли волосы и лохмотья плоти. Омерзительные черные виноградины глаз тарачились на Генри. Неужели тварь знала, что сзади есть запасный выход? Возможно. И, возможно, понимала, что воспользоваться им означает быструю смерть.

Оно ощерилось.

Генри Девлин, когда-то автор обзорной статьи «Конец ненависти», помещенной в «Нью-Йорк таймс» и получившей премию Ассоциации американских психиатров за «Сочувствие и сострадание», в ответ растянул губы, обнажая клыки. С огромным удовольствием. И выставил средний палец. За Бивера. И за Пита. Тоже с огромным удовольствием.

Едва он поднял карабин, как хорек, может, и безмозглый, но не настолько, нырнул вниз. Плевать, он все равно не собирался стрелять через окно. Но если тварь сейчас на полу, уже неплохо. Поближе к бензину, поближе к смерти, крошка. Он перевел карабин в автоматический режим и выдал длинную очередь в бензобак.

Грохот выстрелов оглушил его. На месте крышки бензобака появилась огромная дыра с рваными краями, и ничего больше. Ничего. Ничего не скажешь, совсем не Голливуд. Там такое дерьмо сработало бы как часы, успел подумать Генри, прежде чем услышал хриплый шепоток, сменившийся зловещим шипением. Он поспешно отступил на два шага, прежде чем земля снова ушла из-под ног. На этот раз падение спасло ему глаза и, возможно, жизнь. Кузов «хамви» Курца взорвался секундой позже. Пламя било из-под низа огромными желтыми лепестками. Шины полопались с громким треском. Во все стороны полетели обломки стекла, едва не задев Генри. Жар становился таким нестерпимым, что он быстро отполз, держа карабин за ремень и дико хохоча. Последовал второй взрыв, и на этот раз в воздухе завывала, засвистела шрапнель.

Генри поднялся, хватаясь за ветви ели, как за перила, словно полз по лестнице, постоял, смеясь и отдуваясь: ноги ноют, спина ноет, шея ноет, как свернутая.

Вся задняя часть «хамви» Курца была объята пламенем. Он слышал, как внутри бешено стрекочет горящая тварь.

Обойдя на почтительном расстоянии полыхающий «хамви», он

приблизился со стороны правой дверцы и прицелился в разбитое стекло. Нахмурился, соображая что-то, и понял, почему все это кажется полным идиотизмом. Все стекла были разбиты. Все, за исключением лобового.

Генри снова задохнулся от смеха. Что он за кретин! Полный кретин!

В адском пламени по-прежнему металась тварь, пьяно раскачиваясь взад и вперед. Сколько патронов осталось в обойме, если долбанная сука вырвется наружу? Пятьдесят? Двадцать? Пять? Но сколько бы их ни было, он должен справиться. Он не рискнет вернуться ко второму грузовику за новой обоймой.

Но тварь так и не показалась.

Генри подождал минут пять. Потом решил для верности постоять еще столько же. Падая снег, горел «хамви», выпуская в белое небо клубы черного дыма. Он смотрел на пожар и думал о карнавале «Дни Дерри». Гэри Ю. С. Бондз поет «Новый Орлеан», и гордо шествует великан на ходулях, легендарный ковбой, и Даддитс заходится от волнения, подпрыгивая на месте. Думал о Пите, стоявшем у ворот ДДХС, с руками, сложенными ковшиком — как старательно он делал вид, что курит. Пите, мечтавшем быть капитаном первой экспедиции НАСА на Марс. Думал о Бивере и его Фонзи-куртке, Биве и его зубочистках, Биве, певшем Даддитсу — по реке плывет кораблик, не простой, а золотой — Биве, обнявшем Джоунси в день свадьбы и велевшем ему быть счастливым, счастливым за всех них.

Джоунси.

Убедившись со всей возможной точностью, что хорек мертв, испепелен, Генри зашагал по тропе, посмотреть, жив ли еще Джоунси. Он не питал особых надежд, но отчего-то верил, что отчаиваться еще рано.

Одна только боль и привязывала Джоунси к этому миру, и сначала ему показалось, что измученный, истощенный, осунувшийся человек с разводами сажи на щеках, стоящий перед ним на коленях, — сон, последний всплеск его воображения. Потому что человек удивительно походил на Генри.

— Джоунси? Эй, Джоунси, ты как? — повторял Генри, щелкая пальцами перед глазами Джоунси. — Земля Джоунси. Отзовись!

— Генри, это ты? В самом деле ты?

— Я, можешь не сомневаться, — кивнул Генри, бросил взгляд на

собаку, застрявшую в отверстии, снова обернулся к Джоунси и с бесконечной нежностью откинул с его лба мокрые от пота волосы.

— Старик, где же ты... — начал Джоунси, но тут мир покачнулся. Джоунси закрыл глаза, сосредоточился, снова открыл, — ...был все это время? Неужели торчал в магазине? Хлеб не забыл купить?

— Нет, но потерял сосиски.

— Что за растяпа! — Джоунси прерывисто вздохнул. — В следующий раз поеду сам.

— Поцелуй меня в задницу, приятель, — фыркнул Генри, и Джоунси с улыбкой провалился в темноту.

ЭПИЛОГ. ДЕНЬ ТРУДА

Вселенная, она сука.

Норман Маклин

Еще одно лето в трубу, подумал Генри, но без особой грусти: лето выдалось прекрасным, да и осень наверняка будет неплохой. Правда, никакой охоты в этот год, и придется терпеть нечастые визиты новых друзей из военного ведомства (друзьям из военного ведомства превыше всего требовалось убедиться, что за это время на его коже не появился красный пушок), но все равно осень ожидается неплохой. Прохладный воздух, солнечные дни, длинные ночи.

Иногда, в долгие послеполуночные часы, все еще заявляется старая подружка Генри, но в таких случаях он просто садится в кабинете с книжкой в руках и ждет, пока она уйдет. В конце концов она все равно удаляется. В конце концов солнце все равно восходит. Недоспал в эту ночь, доберешь в следующую, но сон обязательно придет, как долгожданная возлюбленная. Это то, что Генри сумел усвоить с прошлого ноября.

Он пил пиво на крыльце коттеджа Джоунси и Карлы, того, что на берегу Пеппер-понд. Южный берег Куэббинского водохранилища, всего миль в четырех отсюда. И Ист-стрит, разумеется, тоже.

На руке, держащей банку «Курса», три пальца. Два пришлось отнять. Непонятно, когда он успел их отморозить: то ли во время лыжного пробега по Дип-Кат-роуд, то ли когда тащил Джоунси к уцелевшему «хамви» на наскоро связанных ветках. Похоже, той осенью судьба предназначила ему волочь людей по снегу, правда, с переменными результатами.

Рядом с узкой полоской берега Карла Джоунс присматривает за жаровней. Малыш Ноэл ковыляет вокруг походного столика, волоча за собой размотавшийся подгузник и жизнерадостно помахивая обуглившейся сосиской. Остальные отпрыски Джоунсов, возрастом от одиннадцати до трех, плещутся в воде и радостно орут. Генри полагал, что в библейской заповеди «плодиться и размножаться» должен быть некий смысл, но сейчас ему казалось, что Джоунси и Карла несколько вольно его толкуют. Во всяком случае, раздувают до абсурдных размеров.

Позади клацнула раздвижная дверь. На крыльцо вышел Джоунси с ведром с банками ледяного пива. Хромая, правда, но не так уж и сильно; на

этот раз доктор послал на хрен то оснащение, что сидело у него в бедре, и заменил его на сталь и тефлон. И заверил Джоунси, что до этого все равно дошло бы, «но будь вы поосторожнее, вождь, могли бы продержаться еще лет пять и на старом». Операцию сделали в феврале, вскоре после их с Джоунси шестинедельного «отдыха» в обществе приятелей из военной разведки и психиатров.

Военные предложили сделать операцию по замене сустава за счет Дяди Сэма — что-то вроде сахара, которым посыпают пилюлю, — но Джоунси с благодарностью отказался, объяснив, что не желает обездоливать своего ортопеда и лишать страховую компанию удовольствия заплатить по счетам.

К этому времени у них обоих осталась одна мечта: поскорее выбраться из Вайоминга. Конечно, квартира была очень миленькая (на вкус тех, кто привык жить под землей), кухня — как в четырехзвездочном ресторане (Джоунси набрал десять фунтов, Генри — почти двадцать), а фильмы — так вообще первый класс. Только вот атмосфера чуточку отдавала доктором Стрейнджлавом. Для Генри эти шесть недель прошли куда хуже, чем для Джоунси. Джоунси страдал в основном от болей в бедре: воспоминания о теле, которое пришлось делить с мистером Греем, удивительно быстро поблекли, перейдя в разряд снов.

Воспоминания Генри, наоборот, становились все ярче. И самыми ужасными были связанные с коровником. Военные, ведущие допросы, были вежливы, преисполнены сочувствия, вовсе не Курц в стаде овец, но Генри не мог забыть о Билле, Марше и Даррене Чайлзе, мистере Толстом-Косячке-Из-Ньютона. Они часто приходили к нему в снах.

Вместе с Оуэном Андерхиллом.

— Подкрепление, — объявил Джоунси, ставя ведро с пивом и сядя рядом с Генри в продавленную плетеную качалку.

— Еще одна — и я пас, — сказал Генри. — Через час возвращаюсь в Портленд. Не хватало мне теста на алкоголь!

— Останься на ночь, — предложил Джоунси, наблюдая за Ноэлем. Малыш плюхнулся пухлой попкой на траву под столом и увлеченно пытался запихнуть в пупок остатки сосиски.

— И слушать, как твои оглоеды воют и шарят по всему дому? — поежился Генри. — Кстати, понравился мой комплект ужастиков Марио Бейвы?

— Знаешь, я больше не по этим гайкам, — задумчиво произнес Джоунси. — Как-то на нет сошло. Сегодня у нас фестиваль Кевина Костнера. Начинаем с «Телохранителя».

— Мне показалось, что ты больше не поклонник ужастиков.

— Ну и хитрозадый же ты! — рассердился было Джоунси, но тут же пожал плечами и ухмыльнулся. — Ладно, это я так.

— За отсутствующих друзей, — проговорил Генри, поднимая банку.

— За отсутствующих друзей, — повторил Джоунси, последовав его примеру.

Они чокнулись и выпили.

— Как Роберта? — спросил Джоунси.

Генри улыбнулся:

— Прекрасно. На похоронах я боялся...

Джоунси кивнул. На похоронах Даддитса они поддерживали ее под руки, что было весьма кстати, потому что Роберта едва стояла.

— ...но сейчас она пришла в себя. Поговаривает о том, чтобы открыть магазинчик кустарных сувениров. Конечно, она скучает по нему. После смерти Элфи Даддитс был ее жизнью.

— И нашей тоже, — добавил Джоунси.

— Наверное, ты прав.

— Мне так совестно, что мы бросили его на столько лет. Подумать только, он свалился с лейкемией, а мы, мать нашу, даже не знали...

— Знали, — коротко возразил Генри.

Джоунси взглянул на него, подняв брови.

— Эй, Генри! — окликнула Карла. — Какой тебе бургер? Хорошо про...

— Только не сырой! — крикнул он в ответ.

— Есть, сэр, как прикажете, сэр! Будь лапочкой, возьми малыша, а то в этой сосиске уже больше земли, чем мяса. Забери его и отдай отцу.

Генри сбежал по ступенькам, выудил Ноэла из-под стола и отнес на крыльцо.

— Ени! — весело пискнул полуторагодовалый Ноэл.

Генри замер, ощущая, как по спине бежит ледяной холодок. Словно перед ним вдруг встал призрак.

— Ее, Ени! Ее! — визжал Ноэл, для пущего убеждения тыча Генри в нос извалянной в грязи сосиской.

— Спасибо, подожду своего бургера, — отказался он, не сбавляя шага.

— Не оцес мою асику?

— Генри будет есть свою, солнышко. Но, пожалуй, стоит взять эту пакость. Как только остальные будут готовы, получишь новую.

Он выкрутил сосиску из ручонки малыша, плюхнул его на колени Джоунси и снова устроился на ступеньке. К тому времени, как Джоунси

выковырял из пупка своего сыночка горчицу и кетчуп, тот почти спал.

— То есть как это «знали»? — подступил Джоунси к другу.

— Оставь, Джоунси! Может, мы бросили его или пытались, но думаешь, Даддитс когда-нибудь покидал нас? Ты веришь этому после всего, что случилось?

Джоунси покачал головой. Очень медленно.

— Кое-что забывалось, кое-что мы переросли, но мы навек отравлены той историей с Ричи Гренадо. Она разъедала нас, совсем как Оуэна Андерхилла — тот случай с разбитым блюдом Рейплоу.

Джоунси не нужно было спрашивать, что за случай: в Вайоминге у них было бесконечно много времени, чтобы рассказать друг другу недостающие части истории.

— Знаешь, есть старое стихотворение о человеке, пытавшемся обогнать самого Бога, — задумчиво протянул Генри. — «Небесная гончая». Даддитс, конечно, не был Богом, упаси Господь, но он был нашей гончей. Мы бежали быстро, как могли, но...

— Так и не смогли вырваться из Ловца снов, верно? — договорил Джоунси. — Никто из нас так и не сумел. А потом пришли они. Байрум. Безмозглые споры в космических кораблях, созданных другой расой. Это все, чем они были? Все, чем были?

— Думаю, мы никогда не узнаем. Прошлой осенью мы нашли ответ только на один вопрос. Веками мы смотрели на звезды и спрашивали себя, одни ли мы во вселенной. Что ж, теперь мы знаем, что не одни. Большая радость, ничего не скажешь! Джерритсен... помнишь Джерритсена?

Джоунси кивнул. Разумеется, он помнил Терри Джерритсена, флотского психолога, из той команды, что допрашивала их в Вайоминге. Он еще любил подшучивать над тем, как типично для дядюшки Сэмми засунуть его в такую глушь, где ближайшая вода — коровий пруд Ларса Килборна. Джерритсен и Генри стали близкими — если и не друзьями, то лишь потому, что не позволяла ситуация. Пусть с Джоунси и Генри хорошо обращались, все же в Вайоминге они не просто гостили. Зато Генри Девлин и Терри Джерритсен были коллегами, а подобные вещи всегда имеют значение.

— Джерритсен с самого начала предполагал, что ответы получены на два вопроса: мы не одни во вселенной и не единственные разумные существа во вселенной. Я всячески старался убедить его, что второй постулат основан на ложном послы, все равно что дом, построенный на песке. Не думаю, что до него дошло, но мне, похоже, удалось посеять в его душе зерно сомнения. Чем или кем ни были байрумы, они не

кораблестроители, а раса, построившая корабль, вполне могла исчезнуть. Или превратиться в байрумов.

— Мистера Грея глупым не назовешь.

— Нет, он удивительно поумнел с той минуты, как пробрался в твою голову, с этим нельзя не согласиться. Мистер Грей был тобой, Джоунси. Украл твои эмоции, твою память, твою любовь к бекону.

— Я теперь его в рот не беру.

— Почему-то это меня не удивляет. Он похитил твою индивидуальность, а это включало и вывихи подсознания. Все, что ты любил в ужастиках Марио Бейвы и вестернах Серджио Леоне, все, что питается страхом и насилием... старина, мистер Грей обожал это дерьмо. И почему бы нет? Все это примитивные орудия выживания. И как оставшийся последним из своего вида во враждебной среде, он хватался за любое орудие, до которого мог дотянуться.

— Дерьмо собачье, — бросил Джоунси. На лице явственно отразилось отвращение, которое он питал к этой мысли.

— Ничего подобного. В «Дыре в стене» ты видел то, что и ожидал увидеть, все, что вбил себе в голову, — пришельца из «Секретных материалов» — тире — «Ближних контактов третьего рода». Ты вдохнул байрум... Вне всяких сомнений, это и было единственным физическим контактом. Но ты оказался полностью невосприимчив к нему. Как, насколько нам теперь известно, не менее пятидесяти процентов представителей человеческой расы. Подхватил ты нечто вроде намерения — направленной вслепую директивы. Блин, для этого нет слова, потому что не существует слова для них. Но, думаю, он проник в тебя, потому что ты поверил, будто он там был.

— Хочешь сказать, — начал Джоунси, глядя поверх головки спящего сына, — что я едва не уничтожил человечество из-за типичного случая истерической беременности?

— Нет, конечно же, нет, — помотал головой Генри. — Будь это так, все прошло бы бесследно, не тяжелее, чем... чем... простуда. Но мысль о мистере Грее застряла в тебе, как муха в паутине.

— Вернее, в Ловце снов.

— Да.

Оба замолчали. Скоро Карла позовет их есть сосиски и гамбургеры, картофельный салат и арбуз, под голубым щитом бесконечно проницаемого неба.

— Скажешь, все это совпадение? — не выдержал Джоунси. — Что они случайно очутились в Джефферсон-тракт, как раз в то время, когда там был

я? И не только я! Ты и Пит с Бивом. Плюс Даддитс всего в паре сотен миль к югу, не забывай. Потому что Даддитс связывал нас. Удерживал вместе.

— Даддитс всегда был обоюдоострым мечом. С одной стороны — Джози Ринкенхауэр, Даддитс-спаситель, Даддитс-герой. С другой — Ричи Гренадо — Даддитс-убийца.

Только Даддитсу требовались мы. Чтобы помочь найти. Чтобы помочь убить. Я в этом уверен. Мы обладали более глубоким подсознанием. Питали его ненавистью и страхом, боязнью, что Ричи Гренадо действительно достанет нас, как обещал. В нас всегда было больше тьмы, чем в Даддитсе. Злости в нем было ровно настолько, чтобы поставить колышек на несколько цифр назад, и то, больше чтобы позабавиться. Все же... помнишь тот случай, когда Пит нахлобучил Даддитсу кепку на глаза, и тот вlepился в стену?

Джоунси что-то припоминал... весьма смутно. Кажется, дело было в торговом центре. В далекой молодости, когда слоняться по магазинам считалось развлечением. День другой, дерьмо все то же.

— С тех пор, когда бы мы ни играли в игру Даддитса, Пит неизменно проигрывал. Даддитс всегда уменьшал его очки, и никто ничего не заподозрил. Наверное, считали это простым совпадением, но в свете всего случившегося я склонен в этом усомниться.

— Думаешь, даже Даддитс знал, что платить по счетам — самая сволочная штука на свете?

— Он научился этому у нас, Джоунси.

— Даддитс дал мистеру Грею точку опоры. Точку умственной опоры. Не забывай этого.

Нет, подумал Джоунси, он никогда этого не забудет.

— На нашем конце все началось с Даддитса, — продолжал Генри. — Мы стали не такими, как все, с той минуты, как встретили его. Пойми, это правда. Такие истории, как с Ричи Гренадо, бросались в глаза, слишком уж выделялись в нашем сознании. Но были и другие, поменьше, и я уверен, что стоит хорошенько подумать, как ты со мной согласишься.

— Дефаньяк, — тихо сказал Джоунси.

— Это еще кто?

— Тот мальчишка, которого я поймал на вранье, перед самым несчастным случаем. Представляешь, узнал, что он шпаргалил, хотя меня даже на экзамене не было.

— Видишь? Но все-таки именно Даддитс сломал серого сукина сына. Скажу больше, похоже, именно Даддитс спас мне жизнь на Ист-стрит. Вполне возможно, что когда поделщик Курца заглянул в «хамви», чтобы

проверить, как обстоят дела с нами, в голове у него сидел маленький Даддитс, повторявший: «Не волнуйтесь, старина босс, идите по своим делам, они мертвы».

Но Джоунси не хотел расставаться с прежней мыслью.

— Хочешь сказать, то, что байрум установил связь с нами, именно нами обоими, из всего остального — просто произвольный выбор? Совпадение?

Именно так считал Джерритсен, хотя никогда не говорил вслух. Но его позиция была и без того достаточно ясна.

— Почему нет? Немало ученых, блестящих умов вроде Стивена Джея Гулда, уверены, что жизнь на земле сохранилась благодаря цепи невероятных совпадений.

— А ты? Ты тоже так думаешь?

Генри поднял руки. Трудно ответить, не воззвав к Господу, который вновь прокрался в его жизнь за последние несколько месяцев. С черного хода, как оказалось, и в тишине многих бессонных ночей. Но разве обязательно призывать этого древнего бога из машины, чтобы хоть как-то объяснить случившееся?

— Я верю в то, что Даддитс, — это мы, Джоунси. *L'enfant c'est moi... toi... tout le monde...*^[81] Раса, вид, ген; игра, сет, матч. Мы все, в сумме своей, Даддитсы, и наши благороднейшие устремления сводятся не более чем к попыткам знать, где лежит желтая коробка для завтрака, и умению завязывать шнурки на кроссовках: «ока? Уда?» Самые грешные желания, самые злые поступки в космическом масштабе выглядят не более чем подтасовка карт. Воткнуть колышки на несколько цифр назад и притвориться наивным, ничего не понимающим дурачком. И это верх всего!

Джоунси с интересом уставился на него.

— Все это либо поразительно, либо ужасно. Не могу сказать, что именно.

— Это и не важно.

Немного подумав, Джоунси снова пошел в наступление:

— Если все мы Даддитсы, кто поет нам? Кто нам поет колыбельную, помогает нам уснуть, убаюкивает, когда нам грустно и страшно?

— О, Господь все еще не оставляет нас, — ответил Генри и тут же прикусил язык, но было уже поздно! Несмотря на все свои искренние намерения, все же проговорился! Так бы и удавил себя!

— Так это Господь не дал последнему хорьку провалиться в шахту опоры? Потому что, попади эта тварь в воду...

Строго говоря, последним был хоре́к, выведенный Перлмуттером, но это хороший довод, достойный меткого ответа.

— Не спорю, неприятностей было бы хоть отбавляй, по крайней мере на следующие два года. Думаю, дело не ограничилось бы массовым бегством из центра Бостона. Но уничтожить человечество? Вряд ли. Мы для них — неосвоенная территория. Мистер Грей знал это, твои записи под гипнозом...

— Не упоминай об этом.

Джоунси прослушал парочку и решил, что сделал самую большую ошибку из тех, что натворил в Вайоминге. Слушать себя в образе мистера Грея, а под глубоким гипнозом он действительно становился мистером Греем, — было все равно что внимать злобному привидению. Временами он думал, что оказался единственным человеком на свете, по-настоящему понимавшим, что значит быть изнасилованным. Некоторые вещи лучше забыть сразу. И больше не вспоминать.

— Прости.

Джоунси отмахнулся — мол, все в порядке — но все же сильно побледнел.

— Просто я хочу сказать, что все мы в большей или меньшей степени чувственные представления, умственные образы, живущие в Ловце снов. Мне самому неприятно, как это звучит, дешевый трансцендентализм, оловянные кольца в ушах, но правильного слова и для этого явления не подберешь. Когда-нибудь, конечно, найдется нужное определение, ну а пока сойдет и Ловец снов.

Генри грузно повернулся. Джоунси сделал то же самое, уложив поудобнее Ноэла. Над дверью коттеджа висел Ловец снов, привезенный в подарок Генри. Джоунси немедленно прибил его к притолоке, как крестьянин-католик, распятие отгоняющее вампиров от жилья.

— Может, их просто тянуло к тебе, — предположил Генри. — К нам. Поворачиваются же к солнцу цветы, липнут к магниту железные опилки. Наверняка, впрочем, трудно сказать: слишком отличен от нас байрум.

— Они вернутся?

— О да, — кивнул Генри. — Они или другие. — Он поднял голову к темно-голубому небу. Небу позднего лета. Откуда-то со стороны водохранилища донесся крик орла. — Думаю, над этим стоит подумать. Но не сегодня.

— Мальчики! — крикнула Карла. — Обед готов!

Генри взял малыша у Джоунси. На секунду их руки соприкоснулись, соприкоснулись взгляды, соприкоснулись мысли. Генри улыбнулся.

Джоунси ответил улыбкой. Они дружно спустились по ступенькам и пошли по газону: Джоунси чуть прихрамывая, Генри — со спящим ребенком на руках, и в этот момент единственной тьмой, крадущейся по пятам, были их тени, ползущие за ними по траве.

Ловелл, Мэн.

29 мая 2000 года

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Я никогда не был так благодарен своей профессии, как во время работы (16 ноября 1999 — 29 мая 2000) над «Ловцом снов».

Все шесть с половиной месяцев я был очень болен. И книга помогала мне отвлечься. Читатель увидит, что эта болезнь отчасти отражена в сюжете, но лучше всего я помню высочайшую свободу, которую мы находим исключительно в снах.

Многие люди помогали мне. Одна из них — моя жена, Табита, которая просто отказывалась произносить первоначальное название этого романа: «Рак». Считала его не только уродливым, но утверждала, что назвать так книгу означает накликасть беду. Со временем я пришел к такому же выводу, и она больше не именует роман «эта книга» или «та самая, о срань-хорьках».

Я также в большом долгу перед Биллом Пулой, который отвез меня в полноприводном авто к Куэббинскому водохранилищу и его коллегами: Питеру Балдуччи, Терри Кемпбеллу и Джо Макджинну. Еще одна команда, предпочитающая остаться безымянной, вывезла меня из авиабазы Национальной гвардии в «хамви» и легкомысленно позволила мне сесть за руль, уверяя, что чудовище не застрянет в первой попавшейся рытвине. Я не застрял, но едва-едва. Вернулся, забрызганный грязью, но счастливый. Они также попросили сказать вам, что «хаммеры» лучше ведут себя в грязи, чем в снегу. Эту особенность я использовал в сюжете.

Спасибо также Сьюзен Молдоу и Нэн Грэм, из «Скрибнер», Чаку Веррилоу, редактору книги, Артуру Грину, моему агенту. И не стоит забывать Ральфа Вичинанцу, агента по правам за границей, который нашел не менее шести способов сказать по-французски: «Здесь нет инфекции».

И последнее. Эта книга написана лучшим в мире текстовым процессором: авторучкой Уотермена. Первый же вариант этой длинной книги, написанный от руки, помог мне войти в мир языка, где я не был несколько лет. Такие возможности в двадцать первом веке предоставляются редко, и их нужно ценить.

И тем, кто прошел столь длинный путь: спасибо за то, что прочли мою книгу.

Стивен Кинг

---

notes

Примечания

Бобр (англ.). Здесь и далее — примечания переводчика.

2

Марка низкокалорийного пива.

3

Психотерапевт.

Пригород Бостона, где находятся Гарвардский университет и Массачусетский технологический институт.

5

17 марта.

Здесь и далее стихи даны в переводе Е. Ф. Левиной.

Фирма, специализирующаяся на одежде для рыболовов и охотников.

Членами «Юнион лейбор парти», Союзной рабочей партии.

Не получившая статуса города единица административного деления, входящая в состав округов и имеющая границы, установленные властями штата.

«Безумие» (*англ.*).

Вот ($\phi p.$).

Названия транквилизаторов и антидепрессантов

Женский танцевально-вокальный ансамбль, славящийся кордебалетом.

Марка снегохода

Четыре сброшенные карты в криббидже.

Кольшками отмечается ход при игре в криббидж.

Фонз — основной персонаж сериала «Счастливые дни», подросток, одетый в черную кожаную куртку и неизменно держащий большой палец вверх, демонстрируя тем самым победу и удовлетворение.

Вещества, вырабатываемый мозгом и обеспечивающие весь спектр положительных эмоций

Так называемое расстройство настроения резкие переходы от эйфории к депрессии.

Серый (*англ.*).

Название и рефрен песни панк-рок-группы «Клэш».

Имеется в виду герой сказочной пьесы Дж. Барри Питер Пэн, живущий на острове Где-то-там, в стране вечного детства.

Певец и актер, исполнитель популярных песен.

Не убивайте нас! (*фр.*)

Пожалуйста! Не убивайте нас! Не делайте нам зла, мы беззащитные (фр.).

Теле- и радиокорментатор, весьма уважаемый американцами.

Хитрый кролик, герой мультфильмов.

Известный американский киноактер.

Тридцать девятый президент США.

Тут нет никакой инфекции (фр.).

Мы беззащитны, мы без... (*фр.*)

«Blue Base» и все прочие названия со словом «Blue» — скрытые аллюзии на классический «пиратский концертник» Дженнис Джоплин «Blue Zone»

Минутку (*ит.*).

Мы умираем, мы дышим (*фр.*).

Известный радиокomentатор.

Исполнитель песен в стиле «соул».

Известный пародист.

Так называемый пиратский альбом «Роллинг Стоунз», записанный на одном из концертов. Назван по одноименной песне «Гимн команды». Включает в том числе и песню «Сочувствие дьяволу».

Марка военного вертолета.

Матч двух лучших университетских команд на стадионе «Розовая Чаща» в Пасадене. Открывается парадом машин, украшенных розами.

Служащий и ресторане, подающий спиртные напитки (*фр.*).

Цитата из классического «белого блюза» Эла Джонсона.

Джимми Картер.

Сеть магазинов, имеющих отделения «товары — почтой», славится высоким качеством товара по относительно низким ценам.

Герой пенталогии Фенимора Купера, следопыт и охотник

Друг мой (фр.).

Песня Боба Дилана, известная в исполнении Джоан Балз.

Что и требовалось доказать, от лат. «quod erat demonstrandum».

Дирижер эстрадного оркестра, выступавшего по ТВ в 50-80-х гг.

Да здравствуе различие (*фр*).

Высшее отличие у скаутов.

Паттон Джордж, американский генерал, во время Второй мировой войны прославился умелым применением танков. За твердость и требовательность получил прозвище Старый вояка.

Франклин Делано Рузвельт.

Компания, производящая полуфабрикаты из теста, эмблемой которой является тестяной человечек.

Прозвище Мэри Мэллон, поварихи, жившей в США в XIX в, и оказавшейся разносчицей тифозной лихорадки.

Сеть магазинов со сравнительно невысокими ценами.

Розовый (англ.).

сынок... матери и отцу (*фр.*).

Марки овсяных и пшеничных хлопьев.

Имеется в виду — по шкале Фаренгейта.

Наблюдательный пункт (*англ.*).

Известный мебельный мастер начала прошлого века.

Персонаж детской книги.

Игрушка, летающая тарелочка.

Военная служба США.

Морячок Попай, герой серии мультфильмов, черпающий силы в шпинате.

Мужская африканская рубашка.

Женщина-ковбой, известная своей меткостью.

Политика, проводимая правительством Ф. Д. Рузвельта и направленная на ликвидацию последствий Великой депрессии.

Ведущая популярного ежедневного ток-шоу, первая негритянка на телевидении.

Известный певец в стиле «кантри».

Герои рассказа Эдгара По «Бочонок амонтильядо».

Силач, хулиган (*англ.*).

Так себе (*φρ.*).

Эрозированные районы почвы к югу от Миссисипи. *Перен.*: исход фермеров в большие города.

Официальное прозвище штата Массачусетс.

Одна из двух крупных компаний по прокату машин.

Дренажная труба.

Прозвище жителей штата Канзас, партизаны из Канзаса и Миссури, во время войны между Севером и Югом.

Судебный исполнитель в Додж-Сити, Канзас. Славился своей меткостью.

Ребенок — это я... ты... весь мир... (фр.)